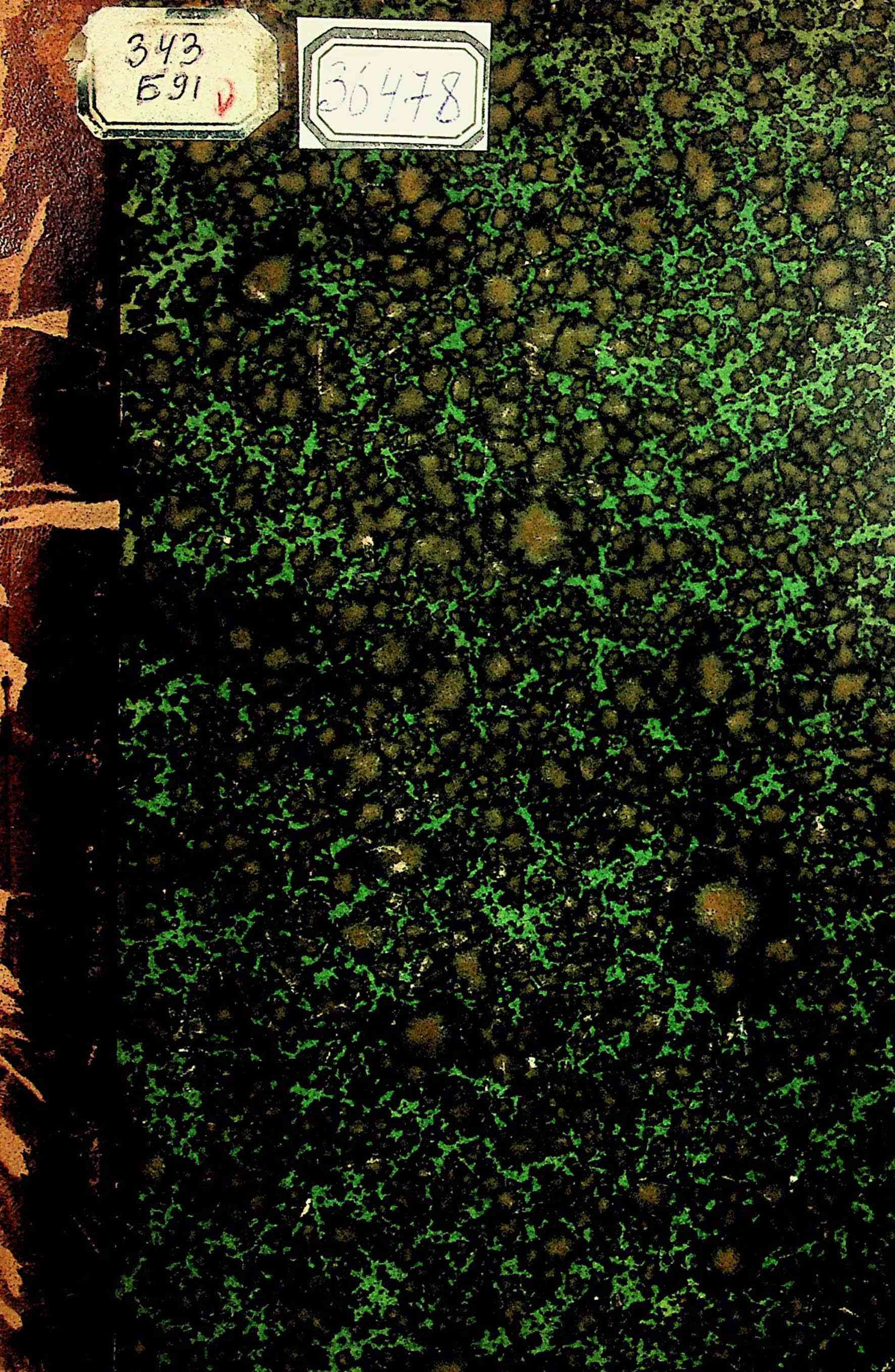

343
Б91
36478

1864

Е. Θ. Буринскій,
судебный фотографъ,
Почетный членъ Русскаго Фотографическаго Общества.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ДОКУМЕНТОВЪ,

производство ея и пользованіе ею.

Пособіе для гг. судей, судебныхъ слѣдователей, лицъ прокурорскаго надзора, повѣренныхъ, защитниковъ, судебныхъ врачей и графическихъ экспертовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.
1903.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
	Отъ автора	VI.
ГЛАВА I.	Экспертиза документовъ въ гражданскомъ и уголовномъ судахъ	1
ГЛАВА II.	О судебной фотографіи	33
ГЛАВА III.	Цвѣтодѣлительная фотографія, какъ основаніе судебнаго изслѣдованія документовъ	58
ГЛАВА IV.	Цвѣторазличеніе	113
ГЛАВА V.	О распознаваніи и сличеніи почерковъ	126
ГЛАВА VI.	Почерковѣдѣніе какъ наука	177
ГЛАВА VII.	Психографологія (этографологія)	191
ГЛАВА VIII.	Физіографологія	211
ГЛАВА IX.	Опредѣленное и неопредѣленное заданія	281
ГЛАВА X.	О присяжномъ фотографѣ и его помощникѣ	335
	Книги и статьи на русскомъ языкѣ, имѣющія отношеніе къ экспертизѣ документовъ	347

Отъ автора.

Въ 1896 году, I-й Съѣздъ русскихъ дѣятелей по фотографическому дѣлу выразилъ желаніе, чтобы было составлено и издано руководство по судебной фотографіи, которымъ могли-бы пользоваться какъ лица производящія судебно-фотографическія работы, такъ и тѣ, кому приходится такими работами пользоваться (судьи, слѣдователи, прокуроры, повѣренные, защитники, тяжущіеся, обвиняемые и др.).

Исполняя желаніе Съѣзда, я счелъ полезнымъ не ограничиться лишь рамками судебной фотографіи, но составить руководство для судебной экспертизы документовъ вообще. Поэтому, я включилъ двѣ главы о почерковѣдѣніи и одну главу о сличеніи и распознаваніи почерковъ, съ цѣлью дать понятіе о томъ, что извѣстно до настоящаго времени о нормальномъ актѣ письма и о болѣзненныхъ его измѣненіяхъ.

Трудъ этотъ могъ-бы быть выполненъ успѣшнѣе судебно-фотографическою лабораторіею при прокурорѣ Спб. Судебной Палаты, но такъ какъ въ теченіи 10-ти лѣтъ

лабораторія такой книги не издала и не заявила о своемъ намѣреніи издать ее когда либо въ будущемъ, то—лучше что нибудь, чѣмъ ничего.

Такъ какъ подобное изданіе можетъ расчитывать на распространеніе лишь въ очень небольшомъ числѣ экземпляровъ, то пришлось назначить за книгу довольно высокую цѣну; иначе не окупились-бы издержки по отпечатанію и изготовленію клише.

Евгеній Буринскій.

С.-Петербургъ,
9 Ноября 1902 года.

Посвящается

Русскому Фотографическому Обществу въ Москвѣ,

какъ дань уваженія и благодарности

составителя.

ГЛАВА I.

Экспертиза документовъ въ гражданскомъ и уголовномъ судахъ.

Извѣстно, что роль экспертизы въ ряду судебныхъ доказательствъ до сего времени не установлена: нѣкоторые ученые признаютъ экспертизу видомъ личнаго осмотра; другіе считаютъ ее ученымъ свидѣтельскимъ показаніемъ; третьи приписываютъ эксперту роль научнаго судьи; четвертые видятъ въ немъ только орудіе судьи или его помощника и пр. Въ нашей литературѣ вопросъ этотъ послужилъ поводомъ для полемики, между проф. Владиміровымъ (Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ. Личный судейскій осмотръ и заключеніе экспертовъ. 1886) и гг. Арсеньевымъ (Судебное слѣдствіе), г. Вислоцкимъ (О достоинствѣ судебно-медицинской экспертизы и уголовномъ судопроизводствѣ), г. Фуксомъ (Къ вопросу о значеніи экспертизы въ уголовномъ процессѣ. Юрид. Вѣстн. 1887 г., кн. 9) и др., не приведшей, однако, ни къ чему опредѣленному. При отсутствіи точнаго опредѣленія юридическаго понятія экспертизы, въ пользованіи ею неизбѣжно является произволъ и отсутствіе необходимаго однообразія. Причина несогласія по вопросу объ экспертизѣ заключается, между прочимъ, въ томъ, что не обращается вниманіе на существенное несходство различныхъ видовъ судебной экспертизы и всѣ виды подводятся подъ одно общее опредѣленіе. Нельзя сравнивать экспертизу медицинскую съ экспертизой документовъ, а эту послѣднюю съ экспертизой слесаря, призваннаго высказать о наличности или отсутствіи взлома! Медицинская экспертиза отвѣчаетъ на вопросы: „совершилось ли событіе преступленія?“ и „должно ли быть вмѣнено въ вину подсудимому?“ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ касается вопроса о вѣроятности совершенія преступленія обвиняемымъ. Экспертиза документовъ не касается вопроса о вмѣняемости, но за то кромѣ вопроса о событіи, она занимается еще вопросомъ о совершеніи преступленіи *даннымъ лицомъ*; экспертиза слесаря ограничивается установленіемъ факта взлома и дальше этого нейдетъ. Опи-

бочно поэтому смѣшивать въ одно столь различныя по существу, задачамъ, средствамъ и предметамъ виды судебной экспертизы.

Юридическая литература богата изслѣдованіями по всѣмъ, даже ничтожнымъ вопросамъ, и только о процессуальномъ значеніи экспертизы документовъ нѣтъ ни одной монографіи, ни одной журнальной статьи. Все, что вырабатывается для судебно-медицинской экспертизы, распространяютъ обыкновенно и на графическую, забывая, что послѣдняя отличается отъ первой и по цѣли, и по средствамъ, и по значенію въ процессѣ. Если эксперта-врача позволительно считать научнымъ судьей, то графическаго эксперта нельзя и представить себѣ въ этой роли на судѣ. Этотъ экспертъ является судьей лишь въ экспертизѣ *досудебной*; что же касается экспертизы на судѣ, то графическій экспертъ выступаетъ или „ученымъ свидѣтелемъ“ или „помощникомъ судьи“, смотря по тому, стоитъ ли онъ передъ судомъ гражданскимъ, или передъ судомъ уголовнымъ. Различіе между той и другой экспертизами, т. е. гражданской и уголовной, столь же велико, какъ и различіе между самими процессами, состязательнымъ и слѣдственнымъ. Графическій экспертъ, призванный уголовнымъ судьею, попадаетъ въ положеніе помощника судьи или слѣдователя: онъ обязанъ произвести техническій розыскъ, согласно ст. 333 уст. уг. суд. Уголовная экспертиза документа имѣетъ цѣлью обнаружить доказательства подлога, гдѣ бы они ни находились, *искать* ихъ, всесторонне изслѣдовать документъ, не стѣсняясь границами заданныхъ судьею вопросовъ. Это и понятно: судья не техникъ, и потому не можетъ угадать, какимъ именно способомъ документъ поддѣланъ. Дѣло опытности, знанія, сообразительности и находчивости эксперта раскрыть тайну подлога, разгадать заданную преступникомъ загадку. *Уголовная экспертиза документа должна идти объ руку съ слѣдствіемъ, черпать изъ слѣдственнаго производства необходимыя свѣдѣнія и, въ свою очередь, давать таковыя же слѣдователю.* Экспертъ, имѣя надобность произвести какое нибудь дополнительное изслѣдованіе, напр. химическое испытаніе, или получить разъясненіе относительно обстоятельствъ выдачи, написанія или храненія документа, не встрѣтитъ препятствій къ полученію нужнаго разрѣшенія или справки; изслѣдуемый документъ также всегда къ его услугамъ. Никакими сроками экспертъ не стѣсненъ и можетъ производить свой розыскъ въ теченіе всего предварительнаго слѣдствія, пока найдетъ настоящій путь къ разгадкѣ. Уголовный экспертъ *ищетъ* доказательства подлога, является ближайшимъ и дѣятельнымъ помощникомъ судьи.

Ничего подобнаго не увидимъ въ судѣ гражданскомъ. Этотъ судъ самъ ничего ни ищетъ и не позволяетъ искать эксперту. Ему не по характеру и не по силамъ производить розыски, собирать доказатель-

ства и идти дальше самихъ тяжущихся въ желаніи добиться истины; законъ (ст. 367 у. г. с.) категорически предписываетъ ему основывать рѣшенія исключительно на доказательствахъ, представленныхъ тяжущимися. Взоры гражданскаго судьи устремляются лишь въ тѣ пункты, на которые указываютъ стороны и онъ закрываетъ глаза на все остальное, хотя бы, по его мнѣнію, истина находилась совсѣмъ не тамъ, гдѣ ищутъ ее тяжущіеся. Обстановка гражданскаго процесса такова, что *техническій розыскъ просто невозможенъ*. Для того, чтобы дотронуться кислотой до одной буквы документа, необходимо просить судъ о новомъ опредѣленіи (если химическая экспертиза не была указана въ первомъ); сзывать тяжущихся повѣстками; вынимать торжественно, въ присутствіи всѣхъ заинтересованныхъ, спорный документъ изъ кассы суда и пр. Если, по ходу изслѣдованія, встрѣтится опять надобность въ какой нибудь новой пробѣ, въ изслѣдованіи вновь замѣченнаго подозрительнаго пятна—опять та же исторія, назначеніе засѣданія, новое опредѣленіе объ экспертизѣ, разсылка повѣстокъ, поверстные сроки и т. д. Въ гражданскомъ судѣ не можетъ быть заявленъ *общій* споръ о подлогѣ документа, но непремѣнно должно быть указано въ *чемъ именно* спорящій усматриваетъ доказательство подлога. Къ этому обязываетъ тяжущагося ст. 559 у. г. с., согласно которой доказательства подлога должны быть представлены въ семидневный срокъ. Ясно, что слово „доказательство“ здѣсь употреблено въ смыслѣ указанія признаковъ, по которымъ спорящій надѣется доказать подлогъ, а не въ смыслѣ тѣхъ доказательствъ, собраніе которыхъ едва подъ силу уголовному суду, вооруженному всѣми средствами для изслѣдованія преступленія! Нельзя же допустить мысль, что законодатель возлагаетъ на тяжущагося, частное лице, исполненіе въ семидневный срокъ того самаго труда, на который слѣдствіе тратитъ мѣсяцы и годы! Въ французскомъ кодексѣ гражд. суд. запрещеніе это выражено еще яснѣе:

Art. 233. Les moyens de faux, qui seront déclarés pertinents et admissibles, seront énoncés dans le dispositif du jugement qui permettra d'en faire la preuve; et il ne sera fait preuve d'aucun autre moyen.

Могутъ спросить, для чего же, въ такомъ случаѣ, гражданскій судъ производитъ экспертизу, если заранѣе извѣстно, что рѣшеніе вопроса о подложности документа имъ найдено не будетъ?

Гражданскій судъ не задается и не можетъ задаваться цѣлью раскрыть преступленіе, но обязанъ, если откроется противузаконное дѣйствіе, передать дѣло прокурору. Съ другой стороны, обременять уголовный судъ разслѣдованіемъ споровъ, не имѣющихъ серьезныхъ основаній, тоже неудобно, а споры противъ подлинности документовъ чаще всего бываютъ неосновательны; случается также, что споръ о подлогѣ оказывается простымъ недоразумѣніемъ чисто гражданскаго свойства,

не требующимъ вмѣшательства уголовнаго суда. По этимъ соображеніямъ, гражданскій судъ направляетъ дѣло къ уголовному разслѣдованію не прежде, чѣмъ будетъ доказано, что *есть серьезный поводъ сомнѣваться въ доброкачественности документа.*

Если допустить, что гражданскій судъ разрѣшаетъ вопросъ о подлинности или подложности документа, то весь отдѣлъ судебныхъ уставовъ, устанавливающій порядокъ производства по спорамъ о подлогахъ, окажется совсѣмъ непонятнымъ! Въ самомъ дѣлѣ, разрѣшеніе истцу *взять обратно* документъ, объявляемый подложнымъ; обязанность спорящаго *доказать подлогъ* въ семидневный срокъ; право тяжущихся *избрать экспертовъ* по соглашенію, т. е. людей, долженствующихъ обличить одного изъ нихъ въ преступленіи; отождествленіе несходства почерковъ съ подложностью документа и пр.—все это неразумно допустить тамъ, гдѣ дѣло идетъ о наличности или отсутствіи преступленія. Немыслимо также, что судъ, ищущій убѣдиться въ подлинности или подложности документа, ограниченъ въ выборѣ пріемовъ изслѣдованія. Возможно ли требованіе отъ тяжущагося указать лице, виновное въ подлогѣ?

Всѣ эти кажущіяся несообразности представляются разумными, понятными и цѣлесообразными при условіи, что гражданскій судъ не пытается рѣшать вопросъ о подлинности или подложности документа, но ограничивается требованіемъ доказательствъ того, что *поводъ* для сомнѣнія и спора дѣйствительно имѣется. Не производя самъ никакихъ самостоятельныхъ розысковъ и изслѣдованій, гражданскій судъ строго запрещаетъ ихъ и эксперту. Дѣятельность эксперта ограничена рамками судебнаго опредѣленія, за которыя онъ выходить не смѣетъ ни въ какомъ случаѣ, подъ страхомъ неразсмотрѣнія судомъ всего его заключенія.

Извѣстно, что выводъ экспертизы, произведенной въ судѣ гражданскомъ и самое исключеніе этимъ судомъ документа изъ числа доказательствъ ни къ чему не обязываютъ уголовный судъ, который производитъ новую экспертизу и можетъ признать документъ не подложнымъ; наоборотъ, признаніе документа подложнымъ въ судѣ уголовномъ обязательно для гражданскаго суда. Если задачи того и другого судовъ одинаковы, то странно было бы, что документъ, признаваемый подложнымъ во второмъ этажѣ зданія суда, объявляется подлиннымъ въ третьемъ этажѣ того же зданія, а предъявитель документа оказывается уголовнымъ преступникомъ по мнѣнію гражданскаго суда и гражданскимъ истцомъ по мнѣнію уголовнаго суда! Но въ томъ-то и дѣло, что задачи экспертизы различны, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, различны права и обязанности эксперта въ томъ и другомъ судѣ.

Статья 547 уст. гр. суд. указываетъ три способа повѣрки подлин-

ности письменныхъ актовъ: 1) сравненіе содержанія заподозрѣваемаго акта съ другими, несомнительными; 2) допросъ свидѣтелей и 3) сличеніе почерковъ.

Въ дѣйствительности первые два способа провѣрки имѣются въ распоряженіи суда чрезвычайно рѣдко. Большинство денежныхъ сдѣлокъ совершается теперь безъ свидѣтелей, съ глазу на глазъ и безъ всякаго отношенія къ какимъ нибудь другимъ письменнымъ актамъ, надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованнымъ. Въ основаніе судебнаго рѣшенія приходится, поневолѣ, класть результаты сличенія почерковъ, о которомъ сами составители судебныхъ уставовъ отозвались, какъ о доказательствѣ, „могущемъ весьма часто ввести судъ въ заблужденіе и пригоднымъ лишь какъ дополнительное, при существованіи другихъ, болѣе достовѣрныхъ“.

Судебная практика показываетъ, съ другой стороны, что поддѣлка чужихъ подписей посредствомъ простой перерисовки отъ руки уступила мѣсто другимъ, болѣе утонченнымъ способамъ (химическимъ, свѣтопечатнымъ и др.), а для обнаруженія такого рода подлоговъ сличеніе почерковъ не только не надежно, но и совсѣмъ неумѣстно, потому что нельзя же ожидать въ поддѣланной подписи какихъ-нибудь графическихъ отступленій отъ копируемаго образца, если поддѣлывателемъ являлся, напр., такой искусный копировальщикъ, какъ солнце.

Свѣтопечатный способъ поддѣлки подписей, какъ наиболѣе совершенный и удобный, въ такой степени распространенъ, что при обсужденіи бельгійскаго уголовнаго кодекса предполагалось даже упомянуть о немъ особо.

Было бы, по моему мнѣнію, правильнѣе совсѣмъ выключить изъ устава гр. судопр. статьи 547 — 565, относящіяся къ производству по спору о подлогѣ акта, тѣмъ болѣе, что цѣль, которую предполагалось достичь этими законоположеніями, а именно: „*не обременять уголовные суды изслѣдованіями подлоговъ въ актахъ старинныхъ, или же неизвѣстно кѣмъ составленныхъ, когда нѣтъ никакихъ данныхъ къ обнаруженію виновнаго въ подлогѣ*“ — на практикѣ не достигается. Напротивъ, слѣдственная практика доказываетъ, что, благодаря именно неясности и неопредѣленности названныхъ статей, уголовному суду приходится вѣдаться съ дѣлами чисто гражданскаго характера, которыя всегда, въ концѣ концовъ, прекращаются за отсутствіемъ состава преступленія. Можно думать, что въ нашъ уставъ уголовнаго судопроизводства статьи эти попали по недоразумѣнію. Дѣло въ томъ, что въ судопроизводственныхъ кодексахъ другихъ государствъ, предварительное слѣдствіе является судебнымъ изслѣдованіемъ виновности *опредѣленнаго лица*, изобличеннаго въ преступленіи предварительнымъ дознаніемъ. Такъ, по германскому уставу уголовнаго судо-

производства (§ 176 герм. уст. угол. суд.) предварительное слѣдствіе возбуждается по предложенію прокурора, въ которомъ должно быть обозначено преступленіе и *лице*, въ немъ обвиняемое (§ 177 того же устава). Затѣмъ, предварительное слѣдствіе въ Германіи, какъ это прямо выражено въ § 189 германскаго устава уголовнаго судопроизводства, производится лишь *въ отношеніи лица и дѣянія, указанныхъ въ прокурорскомъ предложеніи.* Точно также по австрійскому уставу уголовнаго судопроизводства (§ 90), если прокуроръ на основаніи произведеннаго дознанія убѣдится въ возможности возбудить преслѣдованіе *противъ извѣстнаго лица*, то онъ предлагаетъ о производствѣ предварительнаго слѣдствія. Предварительное же слѣдствіе по этому уставу (§ 91) имѣетъ своею задачею подвергнуть провѣркѣ взведенное *на извѣстное лице* обвиненіе и выяснить обстоятельства дѣла, насколько это необходимо, чтобы установить всѣ признаки, которые могутъ повести или къ прекращенію судебнаго изслѣдованія, или къ преданію *того лица* суду и приготовленію необходимыхъ для судебнаго разсмотрѣнія доказательствъ. Пока не выяснены дознаніемъ признаки преступнаго дѣянія и пока не обнаружено лице, его совершившее, до тѣхъ поръ не можетъ быть возбуждено предварительное слѣдствіе. При такомъ требованіи, гражданскій судъ не имѣетъ возможности передать дѣло по спору о подлогѣ прокурору на основаніи лишь голословнаго заявленія отвѣтчика, но вынужденъ убѣдиться, что споръ не совсѣмъ безоснователенъ и есть поводъ предположить наличность преступнаго дѣянія. У насъ, какъ извѣстно (ст. 298 и 301 уст. уг. суд.) предварительное слѣдствіе можетъ быть начато по заявленію очевидца или по простому заявленію потерпѣвшаго, которое признается жалобой, т. е. достаточнымъ поводомъ для начатія слѣдствія, включающаго въ себя и дознаніе. Такимъ образомъ, нашъ уставъ гражданскаго судопроизводства вовсе не принуждаетъ гражданскій судъ производить изслѣдованіе о подложности акта и спорящаго можно бы было просто отсылать къ прокурору, а гражданское дѣло пріостанавливать.

Французскій гражданскій кодексъ знаетъ два вида спора противъ подписей — *споръ о принадлежности подписи* и *споръ о подлогѣ.* Разрѣшеніе споровъ перваго рода производится по правиламъ, изложеннымъ въ статьѣ „Vérification des écritures“ (art. 195 et suiv.), а собственно „спорамъ о подлогахъ“ посвящена глава „Faux incident civile“. Vérification des écritures относится къ тѣмъ случаямъ, когда отвѣтчикъ, *не оспоривая подлинности документа*, заявляетъ только, что документъ подписанъ не имъ, а однофамильцемъ и что, слѣдовательно, истецъ ошибся адресомъ. Art. 195, Code de proc. civ. изложенъ такъ:

„Si le défendeur denie la signature à lui attribuée ou déclare

ne pas reconnaître celle attribuée à un tiers, la verification en pourra être ordonnée tant par titres, que par témoins et par experts.

О подлогѣ здѣсь нѣтъ и рѣчи, а потому единственно умѣстнымъ способомъ экспертизы является „сличеніе почерковъ“ или, правильнѣе, „распознаваніе почерковъ“. Слово „сличеніе“ предполагаетъ, что-то вродѣ графическаго розыска, имѣющаго цѣлью найти признаки „поддѣлки“, т. е. преступленія, тогда какъ „распознаваніе почерковъ“ должно установить только, сдѣлана ли подпись отвѣтчикомъ или другимъ лицемъ. Такимъ образомъ, распознаваніе почерковъ является доказательствомъ гражданскимъ, а „сличеніе почерковъ“—уголовнымъ.

Ст. ст. 534—565 у. гр. суд., составленныя будто бы на точномъ основаніи ст. 48 основныхъ положеній гражд. судопроизводства, на самомъ дѣлѣ прямо противорѣчатъ смыслу этого положенія.

Ст. 48 осн. пол. гражд. суд. изложена такъ:

„При повѣркѣ письменныхъ доказательствъ, простое сомнѣніе въ *дѣйствительности* акта отличается отъ положительнаго извѣта *о подлогѣ* и для каждаго изъ этихъ случаевъ установляется особый порядокъ провѣрки“.

Слова „дѣйствительность“ и „подлогъ“ напечатаны курсивомъ, т. е. на нихъ должно быть обращено вниманіе при установленіи различія въ порядкѣ повѣрки.

Совершенно ясно, что этимъ подчеркиваніемъ рекомендуется раздѣлять споры о подлинности документовъ *по существу,* а *не по формѣ заявленія,* т. е. *о чемъ* спорятъ, а не *какъ* спорятъ. Еслибы дѣло шло о формѣ заявленія спора, то подчернутыми оказались бы слова „сомнѣніе“ и „извѣтъ“, а не дѣйствительность и подлогъ.

Можно сомнѣваться въ дѣйствительности акта или, не колеблясь, утверждать его недѣйствительность; въ томъ и другомъ случаѣ имѣется споръ о дѣйствительности. Точно также, можно сомнѣваться въ подлинности или положительно утверждать о существованіи подлога и это будетъ, въ томъ и другомъ случаѣ, споръ о подлогѣ.

Недѣйствительность акта и подложность таковаго совсѣмъ не одно и то же. Актъ вполнѣ доброкачественный можетъ оказаться не дѣйствительнымъ по отношенію къ разсматриваемому дѣлу. Положимъ напр.,— что случается нерѣдко, — что къ купцу Ивану Петрову предъявленъ искъ по векселю, подписанному купцомъ Иваномъ Петровымъ, но отвѣтчикъ утверждаетъ, что такого векселя онъ не выдавалъ. Возможно, что истецъ просто ошибся адресомъ и предъявилъ искъ не къ тому Ивану Петрову, который выдалъ вексель, а къ другому, совершенно постороннему. Само собою разумѣется, что ни о какомъ подлогѣ рѣчи тутъ нѣтъ, а спорятъ только о дѣйствительности документа по отношенію къ данному лицу.

Другой случай: на документѣ, послужившемъ основаніемъ иска, на сгибѣ бумаги пришлось слово, которое одна сторона читала *съ него* (получилъ), а другая *сполна* (получилъ). Никто никого въ подлогѣ не обвинялъ, да о подлогѣ нельзя было и думать; суду предстояло произвести повѣрку не для удостовѣренія подлинности акта, а лишь его дѣйствительности въ качествѣ возраженія противъ требованій истца.

При такихъ спорахъ о дѣйствительности акта, производимая судомъ провѣрка не можетъ имѣть характера слѣдственнаго. Если Иванъ Петровъ, не произнося слово подлогъ, просто отрицаетъ принадлежность ему подписи на векселѣ, экспертизѣ нѣтъ рѣшительно никакой надобности искать слѣды поддѣлки. Вопросъ сводится къ тому, лжетъ или не лжетъ Иванъ Петровъ, увѣряя, что вексель не имъ подписанъ, а для рѣшенія вопроса вполнѣ достаточно сравнить подпись на векселѣ съ почеркомъ отвѣтчика по *внѣшнему* сходству. Если сходство есть, значитъ Петровъ лжетъ и документъ дѣйствителенъ; сходства нѣтъ— значитъ истецъ ошибся адресомъ и документъ надобно отдать ему обратно, пусть ищетъ того Петрова, для иска съ котораго документъ дѣйствителенъ.

Сличеніе почерковъ черезъ учителей чистописанія или граверовъ здѣсь совершенно умѣстно, потому что требуется только навыкъ въ опредѣленіи внѣшняго сходства почерковъ.

Совсѣмъ другое дѣло сомнѣніе въ подлинности или споръ о подлогѣ. Тамъ, гдѣ говорятъ о подлогѣ или сомнѣваются въ подлинности, гражданскій споръ вплотную придвигается къ уголовному дѣлу. Если тотъ же Петровъ не только отрицаетъ принадлежность ему подписи, но и указываетъ на намѣреніе придать подписи сходство съ его, Петрова, почеркомъ, поддѣлать его подпись, экспертиза не можетъ ограничиться сличеніемъ почерковъ по внѣшнему виду. Отвѣтчикъ знаетъ только то, что документъ подложный, а какъ именно произведенъ подлогъ—не его дѣло, а дѣло суда. Учитель чистописанія въ этомъ случаѣ не поможетъ; требуется техническій розыскъ.

Понятно, что повѣрка дѣйствительности акта должна быть совсѣмъ иная, чѣмъ повѣрка подлинности, и это-то различіе имѣлось въ виду составителями основныхъ положеній гражданскаго судопроизводства.

Для большей ясности я приведу еще въ примѣръ извѣстное дѣло о милліонномъ наслѣдствѣ орловскаго помѣщика Бырдина. Въ Орловской губерніи умеръ помѣщикъ Бырдинъ, не оставивъ прямыхъ наслѣдниковъ. Права на наслѣдство заявили потомки родной тетки покойнаго, Анны Бырдиной, въ замужествѣ Хитрово, но вмѣсто метрическаго свидѣтельства о ея рожденіи представили исповѣдныя росписи 1780 года, гдѣ дѣвица Анна значится дочерью Михаила Бырдина, дѣда недавно умершаго Петра Бырдина. Наслѣдники по боковой линіи, потомки брата

Михаила Бырдина, утверждали, что Анна незаконная дочь Михаила, пріемышъ, записана же дочерью по ошибкѣ священника или для того, чтобы можно было выдать ее замужъ какъ законную, скрыть отъ жениха, гвардейскаго офицера, ея незаконное происхожденіе. Въ доказательство они указывали на то, что слова „дѣвица Анна“ писаны по подскобленному мѣсту, очевидно, впрочемъ, тѣмъ же самымъ священникомъ.

Спора о подлогѣ не могло и быть, потому что поправка совершена еще въ прошломъ столѣтіи, неизвѣстно для какой цѣли. Боковые наслѣдники просили только возстановить, если возможно, выскобленныя слова, чтобы доказать недѣйствительность исповѣдной росписи въ качествѣ доказательства родства. Задача экспертизы была, слѣдовательно, вполнѣ опредѣленная: возстановить выскобленное, не производя никакого розыска слѣдовъ подлога.

Представимъ себѣ, что тѣ же наслѣдники по боковой линіи заподозрили бы подлинность исповѣдной росписи, заявили бы споръ о подлогѣ. Повѣрка подлинности однимъ возстановленіемъ выскобленныхъ словъ не рѣшила бы ничего, потому что и самая роспись цѣликомъ могла быть подложною. По извѣстному дѣлу Самовича (витебск. окр. суда) обнаружено было, что въ церковныхъ книгахъ цѣлыя страницы замѣнены подложными, вшитыми очень искусно; почему же и здѣсь, тоже при милліонномъ спорѣ, не предположить то же самое? Экспертамъ пришлось бы *искать* слѣды подлога, узнать способъ, которымъ онъ сдѣланъ, всесторонне изслѣдовать документъ. Такая работа можетъ быть очень сложною и продолжительною, требуетъ отъ эксперта основательнаго знакомства съ разными способами поддѣлки документовъ, сообразительности, находчивости и проч. Въ такихъ случаяхъ невозможно обойтись безъ ознакомленія со всѣми обстоятельствами дѣла, безъ истребованія разныхъ справокъ и т. п. Для возстановленія выскобленныхъ словъ надо было произвести извѣстныя, заранѣе опредѣленныя дѣйствія, которыя могли быть въ точности предусмотрѣны судомъ, постановившимъ производство провѣрки; напротивъ, при исканіи слѣдовъ подлога самъ экспертъ не въ состояніи составить заблаговременно планъ работъ, угадать путь, которымъ ему придется идти. Иногда, послѣ продолжительнаго исканія, экспертъ готовъ сдать документъ слѣдователю, съ отвѣтомъ о невозможности найти что - нибудь и, въ самую послѣднюю минуту, онъ замѣчаетъ какую-нибудь ничтожную черточку или едва замѣтное пятнышко, наводящія его на новую догадку и онъ начинаетъ всю работу съизнова!

Такимъ образомъ, повѣрка письменныхъ актовъ при спорахъ *о дѣйствительности*, существенно отличается отъ повѣрки при спорахъ *о подлогѣ*. Въ первомъ случаѣ *добываютъ* доказательства, во второмъ ихъ *ищутъ*. Повѣрка перваго рода ничуть не противорѣчитъ состя-

зательному характеру гражданскаго процесса, тогда какъ повѣрка второго рода имѣетъ видъ слѣдственнаго дѣйствія. Гражданскій судъ вправѣ добывать, по просьбѣ тяжущихся, указываемыя ими доказательства, напр., вытребовать какой-нибудь документъ изъ присутственнаго мѣста, если точно опредѣлено что и откуда желательно потребовать; тотъ же судъ не уполномоченъ закономъ искать доказательства неизвѣстно гдѣ и какъ!

Посмотримъ теперь, какъ составлены, *на точномъ основаніи* ст. 48 осн. пол. соотвѣтствующія статьи уст. гр. судопроизв.

На стр. 263 Уст. Гр. Суд., изд. Госуд. Канцел. 1866 г. читаемъ:

Въ правилахъ о повѣркѣ письменныхъ доказательствъ (ст. 534—565) на точномъ основаніи ст. 48 основныхъ положеній гражданскаго судопроизводства, простое *сомнѣніе* въ дѣйствительности акта отличено отъ положительнаго *извѣта* о подлогѣ.

Курсивъ перемѣстился со словъ дѣйствительность и подлогъ, на слова сомнѣніе и извѣтъ и, собразно съ этимъ перемѣщеніемъ, установлены два производства: одно по сомнѣнію въ подлинности (ст. 545—554) и другое по спору о подлогѣ (ст. 555—565). Далѣе слово дѣйствительность, употребленное въ основномъ положеніи, повсюду замѣнено словомъ подлинность.

Основное положеніе различаетъ производства по *существу* спора (о чемъ спорятъ? о дѣйствительности или о подлинности?), а составленныя на *точномъ основаніи* того же положенія статьи у. г. с. видятъ все различіе въ *формѣ* заявленія спора (какъ спорятъ? утверждаютъ или только сомнѣваются?).

Сомнѣніе въ подлинности и подозрѣніе въ подложности одно и то же.

Спорить о подлогѣ—значитъ подозрѣвать подложность, сомнѣваться въ подлинности. Если спорящій не только подозрѣваетъ подлогъ, но увѣренъ въ его существованіи, то гражданскому суду съ такимъ спорщикомъ дѣлать нечего: ему просто надо показать дорогу къ прокурору. Значитъ споръ о подлогѣ предполагаетъ неувѣренность, а въ такомъ случаѣ споръ о подлогѣ и сомнѣніе въ подлинности—синонимы.

Въ ст. 48 основныхъ положеній Гр. Судопр. требуется, чтобы „для каждаго изъ этихъ случаевъ“ былъ установленъ „особый порядокъ провѣрки“. Требованіе это очень понятно, когда споры различаются по существу, а не по формѣ ихъ заявленія, и французскій Code de proc. civil дѣйствительно указываетъ два совершенно различныхъ порядка провѣрки подлинности актовъ: одинъ для споровъ о дѣйствительности, другой для споровъ о подложности. Нашъ уставъ, вопреки требованію 48 ст. осн. полож. рекомендуетъ для споровъ о подлогѣ и для производства по сомнѣнію въ подлинности *одинъ и тотъ же порядокъ* (см. ст. 561 У. Гр. С.).

Все различіе между двумя производствами сводится къ тому, что при сомнѣніи въ подлинности обязанность доказывать подлинность акта возлагается на тяжущагося, предъявившаго актъ, а при спорѣ о подлогѣ эта обязанность лежитъ на заявившемъ споръ. На практикѣ оба эти производства сливаются въ одно, потому что въ разысканіи и предъявленіи доказательствъ за и противъ подложности участвуютъ обѣ стороны.

Art. 214 Code de proc. civ. говоритъ слѣдующее:
„Celui qui prétend qu'une pièce signifiée, communiquée ou produite „dans le cours de la procédure, est fausse ou falsifiée, peut, s'il y échet „être recu à s'inscrire en faux, encore que ladite pièce ait été verifiée, „soit avec le demandeur, soit avec le defendeur en faux, à d'autres „fins, que celles d'une poursuite de faux principal ou incident, et „qu'en conséquence, il soit intervenu un jugement sur le fondement „de la dite pièce comme veritable.“

Такимъ образомъ, споръ о подлогѣ документовъ можетъ быть заявленъ во французскомъ судѣ даже и въ этомъ случаѣ, когда тотъ же документъ былъ уже предметомъ изслѣдованія вслѣдствіе спора о дѣйствительности и судъ отвергъ споръ на основаніи произведенной экспертизы. Дѣло въ томъ, что порядокъ провѣрки при спорѣ о дѣйствительности, по французскому кодексу, совсѣмъ не тотъ, который предписывается соблюдать при спорѣ о подлогѣ: въ первомъ случаѣ допускается лишь распознаваніе почерковъ, а во второмъ можетъ быть разрѣшено и химическое и фотографическое и всякое другое изслѣдованіе. У насъ нельзя было бы позволить послѣ окончанія производства по сомнѣнію въ подлинности возбуждать споръ о подлогѣ, такъ какъ это значило бы повторять сдѣланное.

Сообразно съ различіемъ цѣлей той и другой экспертизы (при спорѣ о дѣйствительности и при спорѣ о подлогѣ), различны должны быть и формы заключеній экспертовъ. Распознаваніе почерковъ, производимое для разрѣшенія спора о дѣйствительности акта, должно имѣть результатомъ категорическій отвѣтъ на вопросъ: сдѣлана ли подпись даннымъ лицомъ или не имъ? Не вдаваясь въ тонкости построенія почерковъ, эксперты руководствуются простымъ впечатлѣніемъ сходства или несходства и отвѣчаютъ *да* или *нѣтъ*. Совершенно понятно, что если подпись „купецъ Иванъ Петровъ“, не признаваемая за свою отвѣтчикомъ купцомъ Иваномъ Петровымъ, не производитъ впечатлѣніе сходства съ почеркомъ этого отвѣтчика, то слѣдуетъ предположить, что истецъ обратился съ требованіемъ не къ тому лицу, къ которому слѣдовало и суду остается только возвратить истцу документъ, оказавшійся *недѣйствительнымъ*, для подтвержденія его требованія. Если, напротивъ, отрицаемая подпись производитъ впечатлѣніе сходства съ

почеркомъ отвѣтчика, то споръ долженъ быть отвергнутъ, такъ какъ трудно предположить, что два купца Иваны Петровы имѣютъ сходные почерки. Пока не возникаетъ подозрѣнія въ поддѣлкѣ подписи, ничего кромѣ *да* или *нѣтъ* отъ экспертовъ не требуется. Vérificateurs des écritures заканчиваютъ свои rapports прямымъ утвержденіемъ, напр. „le billet soumis à notre verification n'est ni écrit, ni signè par le sieur C" или „le billet est bien l'oeuvre du sieur C..." Для суда только это и надо.

Наоборотъ, сличеніе почерковъ, имѣющее цѣлью способствовать разрѣшенію спора не о дѣйствительности, а о подлогѣ, не можетъ привести къ категорическому утвержденію или отрицанію наличности подлога. Въ самомъ дѣлѣ, если сличаемая подпись сходна съ почеркомъ лица, которому приписывается, то это сходство не только не служитъ доказательствомъ подлинности документа, но скорѣе (въ виду спора) способно заставить заподозрить искусную, напр., неручную поддѣлку, при которой сходство копіи съ оригиналомъ не нарушается.

При несходствѣ сличаемыхъ подписей, одинаково, нельзя утверждать существованіе подлога, потому что возможенъ случай умышленнаго измѣненія своего почерка съ цѣлью возбудить, впослѣдствіи, на судѣ, споръ о подлогѣ.

Изъ этого слѣдуетъ, что при спорѣ о дѣйствительности акта эксперты даютъ окончательное заключеніе, тогда какъ при спорѣ о подлогѣ они дать такое заключеніе не могутъ и не должны. Призванные нашимъ гражданскимъ судомъ, для сличенія почерковъ, эксперты исполнятъ свой долгъ только тогда, когда къ сужденію своему о сходствѣ или несходствѣ почерковъ сдѣлаютъ оговорку въ томъ смыслѣ, что вопросъ о подлинности документа остается открытымъ. Ни въ какомъ случаѣ не должны эксперты удостовѣрять въ своемъ заключеніи, что изслѣдованный ими документъ подлинный; такое утвержденіе просто безсмысленно. *Никакая экспертиза не въ состояніи удостовѣрить подлинность документа.* Самое большое, что можетъ сказать экспертъ, это засвидѣтельствовать, что при современномъ состояніи искусства распознаванія поддѣлокъ; при его, эксперта, знаніи и опытности, находчивости и сообразительности; при тѣхъ техническихъ средствахъ, какія были въ его распоряженіи; при той обстановкѣ, въ которой производилось изслѣдованіе и т. п. ему, эксперту, не удалось усмотрѣть признаки поддѣлки. Успѣхъ экспертизы зависитъ отъ множества условій, да и то успѣхъ относительный, ибо мѣста для сомнѣнія останется всегда сколько угодно. Есть подлоги, неоставляющіе никакого внѣшняго слѣда, напр., пользованіе чужимъ бланкомъ; есть способы поддѣлки, еще неизвѣстные распознавателямъ; есть, наконецъ, поддѣлки, которыя нельзя обнаружить существующими аппара-

тами. Съ экспертизой документовъ такъ мало знакомы, такъ мало о ней думали, что ее принято считать чѣмъ-то въ родѣ рѣшенія уравненія первой степени съ одною неизвѣстною, гдѣ искомый X долженъ быть, такъ или иначе, найденъ. Экспертъ обязанъ заявить суду, что онъ не нашелъ поводовъ сомнѣваться въ подлинности документа, но и только; очень вѣроятно, что завтра другой экспертъ, болѣе свѣдущій и сообразительный или даже тотъ самый экспертъ, но вооруженный болѣе совершенными орудіями изслѣдованія, найдетъ въ документѣ что-нибудь подозрительное и усомнится въ подлинности. Къ сожалѣнію, эксперты по сличенію почерковъ очень склонны постановлять окончательные приговоры („подложный“, „подлинный“), а судъ не вдается въ обсужденіе права свѣдущихъ людей давать подобныя заключенія.

Мнѣ помнится только одинъ случай здраваго отношенія къ своей задачѣ со стороны эксперта по сличенію почерковъ. Петербургскій типографъ Ш., призваный судомъ въ качествѣ свѣдущаго лица, прямо заявилъ, что если его хотятъ спросить о сходствѣ или несходствѣ почерковъ, то онъ готовъ высказать свое мнѣніе, какъ опытный человѣкъ; но если отъ него ждутъ заключенія о подлинности или подложности документа, то онъ рѣшительно отказывается экспертировать на томъ основаніи, что въ фабрикаціи фальшивыхъ документовъ не свѣдущъ и никогда этимъ дѣломъ не занимался, а самое обращеніе къ нему, какъ „свѣдущему“ по этой части, лицу почитаетъ для себя оскорбительнымъ.

При спорѣ о подлогѣ, сходство почерковъ никоимъ образомъ нельзя считать доказательствомъ подлинности документа, а несходство доказательствомъ подложности; это было бы очевиднымъ и очень опаснымъ заблужденіемъ. Не говоря уже о химическихъ свѣтопечатныхъ и др. сложныхъ способахъ поддѣлки подписей, достаточно упомянуть, что простой перерисовкой по бензину легко достичь полнаго наружнаго сходства почерковъ. Можно, наконецъ, вытравить текстъ документа, оставивъ неприкосновенною подпись и вписать по вытравленному, какой угодно новый текстъ. Изъ множества примѣровъ мнѣ извѣстныхъ, я приведу одинъ, болѣе другихъ получившій огласку.

Въ 1890 г. въ Спб. окружномъ судѣ, по I-му отдѣленію, разбиралось дѣло по обвиненію купца Михаила Соловьева въ ложномъ доносѣ (940 ст. ул. о нак.), возникшее только потому, что сходство почерковъ было принято за доказательство подлинности спорной подписи. Мих. Соловьевъ выдалъ свою дочь замужъ за сына раззорившагося трактирщика Аѳанасьева и, какъ малограмотный, взялъ къ себѣ зятя на службу для письмоводства. Скоро, однако, между тестемъ и зятемъ начались несогласія, окончившіяся изгнаніемъ зятя изъ дома и,

вслѣдъ за тѣмъ, Аѳанасьевъ предъявилъ въ коммерческомъ судѣ искъ по векселю въ 1000 р., подписанному М. Соловьевымъ. Сначала Соловьевъ заявилъ споръ о подлогѣ, но эксперты-сличители нашли, что „подпись Соловьева на векселѣ вполнѣ сходна съ другими, несомнѣнными его подписями“, *а потому* вексель долженъ быть признанъ подлиннымъ, выданнымъ Соловьевымъ. Тогда Соловьевъ предъявилъ прямое обвиненіе противъ Аѳанасьева въ подлогѣ, дѣло перешло къ слѣдователю 6 уч. г. С.-Петербурга и, по обыкновенію, вексель былъ подвергнутъ вновь экспертизѣ *сличенія почерковъ*. Результатъ экспертизы получился и на этотъ разъ не въ пользу Соловьева: полное сходство подписи на векселѣ съ несомнѣнными подписями Соловьева признано было и новыми экспертами, *а потому* не оставалось сомнѣнія въ подлинности документа, который Соловьевъ пытался опорочить съ цѣлью уклониться отъ платежа. Результатъ понятный: противъ Соловьева возбуждено было обвиненіе въ ложномъ доносѣ и самъ онъ заключенъ подъ стражу, гдѣ и содержался почти годъ; само собою разумѣется, что за это время торговля Соловьева пошла прахомъ и онъ раззорился въ конецъ.

Во время судебнаго слѣдствія было обнаружено, что *текстъ векселя писанъ по вытравленному прежнему тексту*, подпись же оставлена нетронутою; не мудрено, что эксперты находили полное сходство ея съ почеркомъ Соловьева! Въ бытность письмоводителемъ у Соловьева, Аѳанасьевъ могъ получить въ свое распоряженіе какой-нибудь, погашеный уже уплатою вексель тестя и, при помощи искуснаго мастера, удалить съ бумаги текстъ, не трогая подписи; такимъ путемъ въ его рукахъ оказался подписанный Соловьевымъ вексельный бланкъ, на которомъ оставалось написать текстъ, какой былъ желателенъ!

Не болѣе основательно принимать несходство подписей за доказательство подлога, такъ какъ остаются еще десятки другихъ, весьма вѣроятныхъ предположеній. Подписывающій документъ могъ самъ измѣнить почеркъ, съ цѣлью уклониться впослѣдствіи отъ платежа; подпись могла быть сдѣлана однофамильцемъ того лица, которому приписывается; припадокъ любаго изъ видовъ аграфіи (болѣзнь почерка, см. далѣе) способенъ былъ внести значительныя измѣненія въ очертанія буквъ и сдѣлать почеркъ, по наружному виду, совсѣмъ неузнаваемымъ и т. д.

Много зла надѣлало слово „потому“, которымъ гг. эксперты имѣютъ обыкновеніе связывать произведенныя ими наблюденія съ окончательнымъ приговоромъ. Къ сожалѣнію, судъ рѣдко заставляетъ ихъ разъяснить логическую связь между тѣмъ и другимъ; не обсуждая доказательность замѣченныхъ экспертами различія или сходства въ очертаніяхъ буквъ, судъ всего чаще, беретъ только конечный выводъ, ставя, такимъ обра-

зомъ, свѣдущихъ людей въ несвойственное имъ положеніе судей-спеціалистовъ.

По поводу этого неправильнаго отношенія къ экспертизѣ необходимо сказать нѣсколько словъ.

Для какой цѣли экспертъ приглашается судомъ? По ст. 515 у. г. с. судъ можетъ потребовать отъ свѣдущихъ людей заключеніе о такомъ обстоятельствѣ, коего *разсмотрѣніе или оцѣнка* требуетъ особыхъ ученыхъ, техническихъ или хозяйственныхъ свѣдѣній. Согласно ст. 325 у. г. с. свѣдущіе люди приглашаются въ тѣхъ случаяхъ, „когда для точнаго *уразумѣнія* встрѣчающагося въ дѣлѣ обстоятельства необходимы спеціальныя свѣдѣнія или опытность въ наукѣ, искусствѣ, ремеслѣ, промыслѣ или какомъ-нибудь занятіи".

Редакція этихъ двухъ статей не даетъ возможности рѣшить, для чьего уразумѣнія требуется заключеніе свѣдущихъ людей, т. е. достаточно ли, чтобы свѣдущіе люди уразумѣли, разсмотрѣли и оцѣнили, что требуется и сообщили суду только результатъ уразумѣнія, или же на ихъ обязанности лежитъ доставить судьямъ самимъ возможность участвовать въ уразумѣніи, разсмотрѣніи или оцѣнкѣ? Есть основанія думать, что вѣрнѣе первое. Дѣйствительно, сравнивая статью 303 Code de pr. c.

„Les juges ne sont pas astreints à suivre l'avis des experts *si leur conviction s'y oppose*",

съ ст. 533 нашего у. г. с.:

„Судъ не обязанъ подчиняться мнѣнію свѣдущихъ людей, несогласному съ достовѣрными обстоятельствами дѣла",

мы замѣчаемъ очень существенную разницу: французскіе судьи вправѣ несогласиться съ мнѣніемъ экспертовъ не только потому, что оно „несогласно съ достовѣрными обстоятельствами дѣла", но вообще если сами судьи несогласны съ сдѣланными экспертами выводами. Французскій судья можетъ потребовать отъ эксперта недостающихъ ему, судьѣ, фактическихъ свѣдѣній по какой-нибудь спеціальности, нужныхъ для уразумѣнія того или другаго обстоятельства и, затѣмъ, войти въ обсужденіе правильности сдѣланнаго, на основаніи этихъ свѣдѣній, экспертомъ вывода; нашъ судья обязанъ, если хочетъ отвергнуть экспертизу, противупоставить ей не собственную оцѣнку вѣрности построеній эксперта, но *достовѣрныя по дѣлу обстоятельства*.

Иными словами, французскій экспертъ является помощникомъ судьи или спеціальнымъ свидѣтелемъ, тогда какъ нашъ получаетъ значеніе судьи-спеціалиста.

Обстоятельство это имѣетъ особенно важное значеніе въ дѣлахъ о подлогѣ документовъ, потому что все чаще рѣшеніе этихъ дѣлъ при-

ходится основывать на одной экспертизѣ, за неимѣніемъ никакихъ „достовѣрныхъ обстоятельствъ“. Усвоеніе судьями процесса, путемъ котораго экспертъ по изслѣдованію рукописей дошелъ до своего вывода, было бы дѣломъ совсѣмъ не труднымъ, еслибы они заставили этого эксперта сдѣлать ихъ самихъ участниками работы. Можно еще сомнѣваться въ возможности для эксперта-психіатра или инженера ввести судей въ область обсужденія данныхъ науки и примѣненія этихъ данныхъ къ разсматриваемому частному случаю; но что касается изслѣдованія рукописей, то такого сомнѣнія быть не можетъ. Пусть, напр., экспертъ ссылается, въ подтвержденіе своего заключенія о подложности подписи на то, что при наложеніи этихъ подписей одна на другую и разсматриваніи на просвѣтъ, части ихъ совпадаютъ. Если экспертъ есть судья-специалистъ, то судъ долженъ удовольствоваться такимъ заключеніемъ; если же экспертъ только помощникъ судьи или свидѣтель, то для суда остается неяснымъ, почему совпаденіе отдѣльныхъ слоговъ или буквъ доказываетъ подлогъ, а не наоборотъ, не есть свидѣтельство подлинности? Предполагая, что судъ самъ обязанъ „уразумѣть“ дѣло, необходимо потребовать отъ эксперта дополнительныхъ разъясненій, которыя связали бы наблюденный фактъ съ сдѣланнымъ выводомъ.

Къ сожалѣнію, наши суды очень склонны, какъ я уже говорилъ выше, принимать во вниманіе только готовые выводы графической экспертизы, не подвергая обсужденію основаній, на которыхъ эти выводы построены. Никто не хочетъ понять, что графическаго эксперта невозможно ставить въ положеніе судьи-специалиста по той простой причинѣ, что онъ никогда не имѣетъ права категорически отвѣтить на главный вопросъ—о подлинности или подложности документа. Когда такой экспертъ въ своемъ заключеніи говоритъ: „*а потому* я признаю подпись подложною (или подлинною)“, онъ говоритъ явную нелѣпость и на обязанности суда лежитъ указать ему его настоящее мѣсто.

Вопросъ о томъ, входитъ ли въ обязанность суда подвергать заключеніе графическаго эксперта критической оцѣнкѣ или же судъ долженъ довольствоваться конечными выводами, имѣетъ очень серьезное значеніе. Если бы было, положительно, признано послѣднее, то, очевидно, экспертъ оказался бы судьей спеціальнаго обстоятельства встрѣтившагося въ дѣлѣ, и тогда отношеніе этого судьи-специалиста къ спорящимъ сторонамъ вполнѣ опредѣлены: какъ судья онъ долженъ быть безпристрастенъ, незаинтересованъ въ томъ или иномъ исходѣ процесса, не обязанъ проявлять особой дѣятельности, а только исполнять точно опредѣленное, данное ему судомъ порученіе. Дать какой нибудь совѣтъ одному изъ тяжущихся для такого судьи-эксперта предосудительно, ибо онъ только судья. Исполнить, по собственной инициативѣ, ту или

другую работу, могущую послужить въ пользу одной изъ сторонъ, въ ущербъ другой—преступленіе. Французскій кассаціонный судъ всегда такъ и смотрѣлъ на эксперта и при малѣйшемъ поводѣ думать, что экспертъ можетъ быть не вполнѣ безпристрастенъ (напр., завтракалъ на счетъ одного изъ тяжущихся), находилъ заключеніе этого эксперта ничтожнымъ. Такого же взгляда крѣпко держатся всѣ юристы и, сколько мнѣ извѣстно, никогда даже не поднимался вопросъ о томъ, полезно ли правосудію безпристрастіе эксперта; послѣднее считалось и считается внѣ всякихъ сомнѣній.

Сомнѣваться, однако, есть поводы и, притомъ, немаловажные; лично я убѣжденъ, что обязательное безпристрастіе графическаго эксперта великое зло и приноситъ оно вреда неизмѣримо больше, чѣмъ пользы. О другихъ видахъ судебной экспертизы говорить не буду.

Прежде всего, этому обязательному безпристрастію мы обязаны тѣмъ, что совсѣмъ не имѣемъ свѣдущихъ въ изслѣдованіи рукописей людей. Изслѣдованіе рукописей никому, кромѣ суда, не требуется и поэтому никакъ нельзя ожидать, что свѣдущіе по этой части люди народятся сами собой, а суду останется только дѣлать выборъ между ними. Еслибы медицинскія науки, архитектурное искусство и др. находились въ томъ же положеніи, т. е. были бы пригодны лишь для судебной экспертизы, то, конечно, не существовало бы на свѣтѣ ни одного медика и ни одного архитектора: кому пришла бы охота тратить время на изученіе такихъ наукъ, которыя никогда не дадутъ средствъ къ жизни? Дѣло Дрейфуса доказало, что графическихъ экспертовъ нѣтъ, благодаря чему такъ и осталось загадкой: писалъ ли бордеро Дрейфусъ или кто нибудь другой?

Возникла судебная фотографія, безъ которой, какъ теперь всѣми признано, судебное изслѣдованіе рукописей невозможно. Когда было издано положеніе объ учрежденіи судебно-фотографической лабораторіи при прокурорѣ Спб. судебной палаты и потребовалось найти лицо для замѣщенія должности присяжнаго фотографа, судебное начальство принуждено было назначить на это мѣсто перваго человѣка, подавшаго прошеніе (кстати сказать, только одно прошеніе и было подано). Нельзя же было оставить лабораторію безъ фотографа. Если фотографъ, завѣдующій теперь судебною лабораторіей, покинетъ свой постъ, по какой-нибудь причинѣ, то замѣнить его опять будетъ некѣмъ или же придется, какъ и въ первый разъ, поручить экспертизу документовъ для всей Россіи, притомъ вполнѣ безконтрольно, первому желающему получать 125 р. въ мѣсяцъ.

А гдѣ взять графологовъ? Предполагая, что найдутся люди, не нуждающіеся въ зарабатываніи хлѣба насущнаго, которые займутся изу-

ченіемъ почерковъ такъ, какъ нѣкоторые занимаются коллекціонированіемъ почтовыхъ марокъ или дождевыхъ зонтиковъ, можно, все таки очень опасаться, что эти господа постараются укрыться отъ взоровъ суда. Судебное экспертированіе никому удовольствія не доставитъ, а безпокойства и стѣсненій много.

По недоразумѣнію, обязанность быть свѣдущимъ въ изслѣдованіи почерковъ возложена у насъ на того же присяжнаго фотографа. Если лицо это, дѣйствительно, обладаетъ свѣдѣніями по графологіи и опытностью, то это только счастливая случайность и дѣло отъ нея нисколько не измѣняется. Одинъ разъ посчастливилось, другой разъ не посчастливится; каково же сознавать, что честь, имущество, жизнь множества людей поставлена въ зависимость отъ слѣпаго случая?

Обязательное безпристрастіе графическаго эксперта не позволяетъ развиваться судебной фотографіи и графологіи; оно заставляетъ судъ обращаться къ учителямъ чистописанія и граверамъ для разрѣшенія задачъ, которыя имъ столь же знакомы, какъ астрономія, санскритологія, хирургія и т. п.

Для иллюстраціи сказаннаго, я приведу примѣръ. Къ нѣкоему X. предъявленъ искъ по векселю, яко бы выданному его покойнымъ отцомъ, наслѣдство отъ котораго отвѣтчикъ принялъ. X. не допускаетъ мысли, что отецъ его выдалъ вексель и твердо увѣренъ въ подложности документа, но сходство почерковъ поразительное, эксперты каллиграфы *признали подлинность* (по ихъ мнѣнію *сходно* и *подлинно*—одно и тоже), а судебный фотографъ никакихъ признаковъ подлога не усмотрѣлъ. Для X. вполнѣ ясно, что вексель есть прекрасная поддѣлка, исполненная способомъ, еще неизвѣстнымъ судебному фотографу (не Богъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ), и потому не поддавшаяся изслѣдованію. *Исканіе* подлога дѣло не шаблонное; надъ каждымъ случаемъ приходится очень подумать, долго съ нимъ повозиться, перепробовать много путей къ обнаруженію слѣдовъ подлога, изобрѣтать новые пріемы *). Совершенно немыслимо требовать, чтобы присяжный фотографъ, заваленный работой, отдавался сполна каждому изслѣдованію, мучился желаніемъ найти разгадку и т. п.; очень возможно, значитъ, что подлогъ не обнаруженъ фотографіей просто за недосугомъ фотографа.

X. слышалъ, что въ Петербургѣ или въ Москвѣ есть еще одинъ фотографъ, знакомый съ судебно-фотографическими изысканіями и проситъ судъ вызвать этого спеціалиста для повѣрки работы г. присяж-

---

*) Теперешній присяжный фотографъ, того же мнѣнія. Сотруднику «Петербургской Газеты» (1898 г. № 317) онъ заявилъ слѣдующее: «У насъ не существуетъ какого-нибудь рутиннаго способа, прилагающагося къ каждому отдѣльному случаю. *Каждый разъ почти намъ приходится быть изобрѣтателями и дѣйствовать по вдохновенію*».

наго фотографа. Судъ, обыкновенно, въ этомъ отказываетъ, но допустимъ, что на сей разъ ходатайство удовлетворено и спеціалисту послана повѣстка. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вызываемый въ судъ не явится по той причинѣ, что вознагражденіе по ст. 860 уст. гр. суд. слишкомъ ничтожно. Отвѣтчикъ радъ заплатить въ десять разъ больше, но какъ это сдѣлать? Тяжущіеся не имѣютъ права входить въ сдѣлки съ экспертомъ, а экспертъ не можетъ принять вознагражденіе помимо суда. Такимъ образомъ, подлогъ остается необнаруженнымъ, цѣль его достигается, судъ присуждаетъ взысканіе по подложному документу.

Кто отъ этого выигралъ? Если суду нуженъ не приговоръ эксперта, а ясныя, толковыя объясненія, необходимыя для того, чтобы онъ, т. е. судъ, *самъ* уразумѣлъ все, что въ данномъ случаѣ уразумѣть требуется, то какое значеніе можетъ имѣть заинтерессованность эксперта въ томъ или иномъ исходѣ дѣла? Я прошу не упускать изъ вида, при этомъ, что рѣчь идетъ только о графическомъ экспертѣ, который, не можетъ быть поставленъ въ одинъ рядъ съ экспертами другихъ спеціальностей. Допустите каждую изъ сторонъ призвать техника, обязаннаго защищать интересы только своего довѣрителя и пусть прокуроръ имѣетъ тоже право прислать своего, напр., присяжнаго фотографа. Дурнаго изъ этого ничего произойти не можетъ; даже представить себѣ нельзя, какой вредъ могли бы принести правосудію эти наемные техники. Разсмотримъ сначала вопросъ по отношенію къ графологамъ, а потомъ къ судебнымъ фотографамъ. Прежде, однако, небезполезно еще разъ напомнить, какъ смотрѣли на экспертизу составители судебныхъ уставовъ.

„Заключеніе свѣдущихъ людей *дополняетъ пониманіе* судьи; въ немъ нѣтъ событія или обстоятельства, которое можно было бы назвать доказательствомъ: въ немъ есть разсужденіе, логическій выводъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ обстоятельствъ, не подлежащихъ сомнѣнію, къ тому, что должно быть доказано. (Уст. гр. суд. изд. гос. канцел. стр. 253)“.

„Показаніе свидѣтеля нельзя перемѣнить: оно должно быть принято въ томъ видѣ какъ дано или просто отвергнуто; заключеніе эксперта *можно признать неосновательнымъ, негоднымъ, не согласнымъ* съ наукою; его можно перемѣнить, назначить другихъ экспертовъ и потребовать новаго заключенія (тамъ же, стр. 260)“.

Обязанности эксперта графолога слагаются изъ двухъ частей: 1) отмѣтить различія въ сравниваемыхъ почеркахъ, какія по его мнѣнію заслуживаютъ вниманія и 2) объяснить происхожденіе этихъ различій (т. е. отъ неудачной ли поддѣлки, отъ болѣзни или отъ чего другаго). Сказать суду, что хвостикъ у такой то буквы идетъ вверхъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ направляется внизъ, экспертъ не можетъ,

потому, что у судей у самихъ есть глаза, да и другіе эксперты (прокурорскій и противной стороны) не допустятъ ничего подобнаго. Въ главной части, т. е. въ указаніи различій, эксперты всегда будутъ согласны между собою, а еслибы и не согласились, то судьямъ не нужно быть спеціалистами, чтобы увидѣть на чьей сторонѣ правда. Затѣмъ, возможно, что каждый изъ экспертовъ дастъ свое объясненіе замѣченнымъ различіямъ, т. е. представитъ суду болѣе или менѣе убѣдительные доводы въ пользу своего мнѣнія. Опять таки, разобраться въ противорѣчіи экспертовъ судьямъ будетъ не трудно, такъ какъ никакихъ формулъ высшей математики въ заключеніяхъ не окажется, а только резоны, равно понятные для всѣхъ, умѣющихъ здраво разсуждать.

Наука о почеркахъ находится еще въ зачаточномъ состояніи и не получила до сего времени оффиціальнаго признанія. Представитель этой отрасли знанія лишенъ возможности ссылаться на положенія, выработанныя и установленныя наукой или опираться на мнѣнія авторитетныхъ ученыхъ, какъ дѣлаютъ это, напр., судебные медики. Единственной пособницей графологу, въ дѣлѣ убѣжденія суда, служитъ обыкновенная логика, въ обращеніи съ которой судьи не менѣе свѣдущи чѣмъ экспертъ. Еслибы наемный экспертъ вздумалъ вводить судъ въ заблужденіе лживыми увѣреніями, то тѣмъ самымъ вынудилъ бы своихъ сотоварищей отказаться отъ таинственности и опровергать „лживыя“ увѣренія „правдивыми“ увѣреніями, а судъ, разобравшись въ тѣхъ и другихъ, рѣшилъ на чьей сторонѣ здравый смыслъ и логика. Въ результатѣ, гг. графическіе эксперты перестали бы быть оракулами, изрѣкающими приговоры, и вошли бы въ роль экспертовъ, такихъ, какими представляетъ себѣ свѣдущихъ людей наука и законъ, разъясненный составителями судебныхъ уставовъ.

Состязанія графическихъ экспертовъ дали бы благодѣтельные плоды. Опасности отъ этихъ состязаній нѣтъ потому, что судъ воленъ согласиться или не согласиться съ мнѣніемъ эксперта и выбрать то мнѣніе, которое ему кажется болѣе обоснованнымъ, лучше доказанымъ.

Столь же безвреденъ и нанятый тяжущимся судебный фотографъ, который рѣшительно не въ силахъ внести въ дѣло какую нибудь ложь. По справедливому замѣчанію г. Сліозберга, сдѣланному въ засѣданіи Спб. Юрид. Общества 15 дек. 1900 г., судебная фотографія не даетъ того, что принято называть судебною экспертизой, а *лишь добываетъ вещественныя доказательства*. Нанятый судебный фотографъ только укажетъ на неполноту работы, произведенной присяжнымъ фотографомъ или на допущенную имъ погрѣшность; но развѣ это нежелательно? Правда, онъ можетъ умолчать о томъ, что могло бы повредить его довѣрителю, не обратить вниманіе другихъ экспертовъ на какое нибудь имъ однимъ замѣченное подозрительное пятно, линію или что нибудь

подобное; но, вѣдь еслибы этого нанятаго эксперта совсѣмъ не было, то, все равно, пятно или линія остались бы незамѣченными!

Еслибы даже нанятый экспертъ вздумалъ самъ фотографировать документъ и сдѣлалъ такъ, что фотографическій снимокъ не отвѣчалъ дѣйствительности, то его можно всегда провѣрить или даже заставить повторить фотографированіе при другихъ условіяхъ, гарантирующихъ вѣрность результата.

Я понимаю, что безпристрастіе эксперта желательно тамъ, гдѣ онъ произноситъ приговоръ, даетъ то или другое рѣшеніе вопроса какъ это дѣлаютъ распознаватели почерковъ—учителя чистописанія и др.; что касается графическихъ экспертовъ и судебныхъ фотографовъ, то только по недоразумѣнію и упорству можно настаивать на неудобствѣ допущенія въ судъ экспертовъ по найму.

Безпристрастный, т. е. не заинтересованный въ исходѣ дѣла, экспертъ всегда будетъ смотрѣть на данное ему порученіе, какъ на обузу, непріятную повинность, а если его станутъ часто требовать въ судъ, отрывать отъ обычныхъ занятій, то и какъ на несчастье. Не станетъ онъ, разумѣется, очень заботиться о полнотѣ и совершенствѣ изслѣдованія, выдумывать способы обнаруженія подлога, рыться въ фотографическихъ и научныхъ книгахъ, дѣлать опыты и пр. Представьте себѣ присяжнаго повѣреннаго, которому запрещено вступать въ добровольныя соглашенія съ тяжущимся, но вмѣнено въ обязанность являться, по первому требованію, въ судъ для защиты, по назначенію, за ничтожную плату; хороши были бы его хожденія по дѣламъ, и много ли выиграло бы правосудіе отъ такихъ повѣренныхъ.!

Неужели не очевидно, что полезный и безпристрастный экспертъ въ одномъ лицѣ такъ же не соединяется, какъ вода и масло въ одномъ сосудѣ?

Судьи, прокуроры, секретари суда и др. члены судебнаго вѣдомства, свободно выбираютъ себѣ родъ дѣятельности и, если находятъ для себя службу невыгодною, мало вознаграждаемою, вольны отъ нея отказаться и искать другихъ занятій. О повѣренныхъ и говорить нечего—они трудятся за деньги, иногда очень большія, нерѣдко составляютъ себѣ солидныя состоянія. Присяжные засѣдатели отбываютъ повинность въ два года разъ, причемъ никакой работы не производятъ и не должны долголѣтнимъ трудомъ подготовляться къ исполненію своихъ функцій.

Въ судѣ, на кого ни посмотришь, всѣ знаютъ изъ-за чего они хлопочутъ и работаютъ, всѣ видятъ выгоду въ успѣшности своей работы, стараются сдѣлать ее какъ можно лучше. Исключеніе составляетъ графическій экспертъ. Это несчастный человѣкъ, вся вина котораго въ томъ, что онъ имѣлъ неосторожность изучить искусство изслѣдованія

рукописей и не ухитрился остаться неизвѣстнымъ суду. Его вызываютъ чуть не ежедневно, то въ гражданскій судъ, то къ слѣдователю, то въ засѣданіе уголовнаго суда, требуютъ отъ него работы, очень трудной и головоломной и не позволяютъ пикнуть о размѣрѣ вознагражденія за трудъ! Съ нимъ никто не церемонится, время его не цѣнятъ, трудъ тоже; онъ—какая-то общественная собственность, которую всякій можетъ взять на подержаніе, когда понадобится! „Просимъ судъ вызвать, въ качествѣ эксперта такого-то“ и такой-то обязанъ идти въ судъ, вникать въ чужое дѣло, работать и руками и мозгами для совсѣмъ постороннихъ ему людей, чтобы, въ концѣ-концовъ, получить 5 или 10 рублей не въ видѣ платы, а въ видѣ вознагражденія, что, конечно, не одно и то же: о первой условливаются, вторую принимаютъ или не принимаютъ. Каждое дѣло, въ которомъ онъ участвуетъ въ качествѣ эксперта, порождаетъ ему одного или нѣсколькихъ враговъ, проигравшихъ процессъ отъ произведенной имъ экспертизы. Въ понятномъ огорченіи, эти враги заподозрѣваютъ эксперта въ томъ, что онъ подкупленъ противной стороной и, не стѣсняясь, говорятъ это гдѣ только могутъ.

Выигравшіе процессъ благодаря тому, что экспертъ душу свою вложилъ въ дѣло, доискался хорошо запрятанныхъ слѣдовъ подлога и извлекъ ихъ наружу, совсѣмъ не считаютъ себя чѣмъ либо обязанными человѣку, оказавшему имъ такую услугу: вѣдь онъ только исполнилъ свой долгъ.

Необходимость отрѣшиться отъ требованія обязательнаго безпристрастія эксперта оправдывается еще и другими соображеніями.

Законъ предоставляетъ тяжущимся право избрать экспертовъ по соглашенію, но такъ какъ соглашенія почти никогда не бываетъ, то эксперты назначаются судомъ; если требуется экспертиза фотографическая, то она всегда поручается судомъ присяжному фотографу, чиновнику судебнаго вѣдомства.

Экспертъ можетъ не только добросовѣстно ошибиться, но и допустить явную небрежность, послѣдствіемъ которой будетъ неправый приговоръ суда. Теперь за это никто не несетъ отвѣтственности, ни самъ экспертъ, ни избравшіе его судьи, а ни въ чемъ неповинный отвѣтчикъ платитъ по подложному документу торжествующему поддѣлывателю. Даже присяжный фотографъ, должностное лицо, не снабженъ никакими указаніями и имѣетъ полную свободу произвести всякое изслѣдованіе безъ соблюденія элементарнѣйшихъ правилъ судебной фотографіи. Положимъ, напр., что на его разсмотрѣніе поступаетъ документъ, объявляемый подложнымъ, а онъ, за недосугомъ, займется прямо сравненіемъ почерковъ, не произведя пробъ ни на травленіе, ни на скобленіе, ни на механическія копировки — словомъ, не сдѣлаетъ предварительный

діагнозъ *). Весьма возможно, что послѣ такого неполнаго изслѣдованія окажется — но уже поздно — какъ въ разсказанномъ мною дѣлѣ Михаила Соловьева (стр. 13), что о почеркахъ и разсуждать не было надобности, такъ какъ поддѣлка сдѣлана не отъ руки.

Матеріальной и личной отвѣтственности законъ не подвергаетъ за это ни судей, ни даже самаго безпристрастнаго, но неумѣлаго или небрежнаго эксперта; а вѣдь, несомнѣнно же, что ошибка произошла не вслѣдствіе какихъ-нибудь непреоборимыхъ силъ или непредвидимыхъ причинъ...

При допущеніи добровольнаго соглашенія стороны съ экспертомъ (котораго, пожалуй, назовите другимъ именемъ), этотъ послѣдній, а не судъ, является отвѣтственнымъ передъ довѣрителемъ за упущеніе; его обязанность смотрѣть, чтобы сдѣлано было все, что въ данномъ случаѣ можетъ или должно быть сдѣлано. „Безпристрастный“ экспертъ, довѣренное лицо отъ суда, самъ вынужденъ *искать* доказательства подлога, придумывать пріемы и пр.; такая дѣятельность его совсѣмъ не вяжется съ состязательнымъ характеромъ гражданскаго процесса и является какимъ-то диссонансомъ.

Припомнимъ опять дѣло Соловьева. Въ своихъ злоключеніяхъ онъ, конечно, винитъ несовершенство судебнаго устройства и ему кажется, что судьи сдѣлали упущеніе, не заставивъ экспертовъ произвести полное изслѣдованіе векселя, а не частичное только (т. е. не одно сличеніе почерковъ). Еслибы Соловьевъ имѣлъ возможность во-время привести своего, нанятаго эксперта, то этотъ послѣдній, разумѣется, не допустилъ бы ограниченіе экспертизы однимъ сличеніемъ почерковъ, черезъ типографовъ, но объяснилъ бы необходимость иного способа изслѣдованія. И не сидѣлъ бы Соловьевъ, ни за что, ни про что, подъ стражей, а потомъ на скамьѣ подсудимыхъ.

Чтобы покончить съ доказательствами зловредности обязательнаго безпристрастія графическаго эксперта, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о предварительной экспертизѣ. Весьма часто случайному обладателю долговаго или другого документа совершенно неизвѣстно происхожденіе этой бумаги, ея исторія; прежде чѣмъ нести документъ въ судъ было бы всего разумнѣе обратиться къ свѣдущему въ изслѣдованіи рукописей лицу для того, чтобы узнать какому риску подвергается ищущій въ судѣ по такому акту, т. е. нѣтъ ли въ немъ чего-нибудь подозрительнаго. Такое желаніе свойственно всякому добросовѣстному владѣльцу документа, нежелающему тратить даромъ деньги и втянуться въ непріятное дѣло.

---

*) Кстати замѣтить, что г. присяжный фотографъ почему-то никогда не упоминаетъ въ своихъ актахъ о томъ, испытывалъ ли онъ документъ въ отношеніи *неручныхъ* поддѣлокъ. Это очень опасно.

До 1889 года въ судахъ повѣрка подлинности документовъ производилась посредствомъ сличенія почерковъ черезъ каллиграфовъ, типографовъ и др., которое давно потеряло всякій кредитъ въ глазахъ суда, а справляться съ мнѣніемъ такихъ экспертовъ не было смысла, потому что они сами говорили наугадъ и мнѣніе ихъ, досудебное, не давало рѣшительно никакихъ гарантій противъ того, что другой экспертъ, вызванный судомъ, столь же бездоказательно выскажетъ противуположное мнѣніе. Къ нимъ рѣдко и обращались.

Въ концѣ 1889 года на судейскомъ столѣ стали появляться, вмѣсто произвольныхъ выводовъ гг. каллиграфовъ, фотографическія стекла, на которыхъ иногда весьма ясно усматривались невидимые на самомъ документѣ слѣды разныхъ подозрительныхъ манипуляцій напр. скобленія, травленія, карандашной подрисовки и т. п. При такихъ сюрпризахъ со стороны фотографическаго аппарата, экспертиза документовъ сразу получила огромное значеніе. Прежде чѣмъ нести документы въ судъ, тратить деньги на судебныя и другія издержки, естественно было любопытствовать, не заключается ли въ самомъ документѣ дефектовъ, дѣлающихъ безполезнымъ обращеніе къ суду или, *по крайней мѣрѣ, требующихъ объясненія*. Зная о существованіи такихъ дефектовъ заблаговременно, можно приготовиться къ объясненію на судѣ, изслѣдовать обстоятельства написанія и выдачи документа, указать на то, что замѣченное фотографіей скобленіе или пятно не преступнаго происхожденія. Цѣль предварительной экспертизы изъ сказаннаго понятна. Она объясняется желаніемъ не быть застигнутымъ въ расплохъ на судѣ, когда поздно уже производить какія-нибудь разслѣдованія, и желаніе это не только вполнѣ естественно и законно, но и полезно для правосудія.

Въ вопросѣ, который задаетъ заказчикъ судебному фотографу: „Идти ли мнѣ съ этимъ документомъ въ судъ?—заключаются три частные вопроса, на которые экспертъ обязанъ отвѣтить: 1) Есть ли въ документѣ что-нибудь, могущее служить, по закону, поводомъ для спора о подлогѣ? 2) Что обнаружитъ экспертиза, если споръ будетъ принятъ судомъ? 3) Насколько серьезнымъ противовѣсомъ другимъ, собраннымъ по дѣлу доказательствамъ подлинности, можетъ оказаться въ глазахъ суда результатъ экспертизы?

Для отвѣтовъ на всѣ эти, въ высшей степени важные для заказчика вопросы, недостаточно быть хорошимъ техникомъ. Первый вопросъ предполагаетъ знаніе экспертомъ порядка производства судебныхъ дѣлъ по спорамъ о подлогахъ, свѣдѣнія о томъ, какіе виды изслѣдованія допускаются, по закону, въ судѣ гражданскомъ, какіе не допускаются. На второй вопросъ отвѣчаетъ экспертъ-техникъ, а на послѣдній вопросъ экспертъ-практикъ, черезъ руки котораго прошло много судеб-

ныхъ дѣлъ. Отвѣты эксперта должны быть приблизительно слѣдующіе:

1) Произведенное мною тщательное фотографическое изслѣдованіе ничего подозрительнаго, могущаго служить поводомъ для спора, не обнаружило. Сравненіе почерковъ (это уже не фотографическая экспертиза) указало на несходство буквъ и нѣкоторое дрожаніе руки писавшаго.

2) Фотографическая экспертиза останется на судѣ безъ результатовъ. Сличеніе почерковъ вселитъ, вѣроятно, нѣкоторое сомнѣніе, а гг. каллиграфы, по своей привычкѣ, скажутъ: несходно—значитъ подложно.

3) При тѣхъ доказательствахъ подлинности, которыя вами уже собраны, несходство почерковъ, вѣроятно, не будетъ принято судомъ во вниманіе, тѣмъ болѣе, что вы имѣете возможность доказать, что несходство и дрожаніе произошли вслѣдствіе особеннаго душевнаго состоянія писавшаго. Обстоятельство это совершенно уничтожаетъ возможность экспертизы почерковъ.

Вопросъ о подлинности документа въ предварительной экспертизѣ не затрогивается, потому что ни предварительная, ни судебная экспертиза не въ состояніи его разрѣшить. Не только экспертъ, область изслѣдованія котораго весьма ограничена, но и судъ, дѣйствующій въ области несравненно болѣе обширной, присуждаетъ удовлетвореніе по документу не потому, что убѣжденъ въ подлинности этого документа, но потому лишь, что противное не доказано.

Для обладателя документа предварительная экспертиза очень важна. Она нужна ему не для того, чтобы выдать завѣдомо подложный документъ за подлинный, но чтобы подлинный документъ не былъ, по недоразумѣнію, объявленъ подложнымъ. Кто знакомъ хоть немного съ практикой графической экспертизы, тотъ знаетъ, что малѣйшій сомнительный признакъ способенъ склонить экспертовъ къ мнѣнію не въ пользу доброкачественности документа.

Допустимъ, теперь, что того же самаго эксперта, производившаго предварительную экспертизу за плату, вызываютъ въ судъ въ качествѣ свѣдущаго лица по тому же дѣлу. Какъ ему слѣдуетъ поступить: принять назначеніе или уклониться? Безпристрастнымъ онъ быть не въ состояніи, потому что связанъ, до нѣкоторой степени, даннымъ имъ заключеніемъ послѣ предварительной экспертизы. Еслибы онъ высказалъ на судѣ мнѣніе, противуположное прежнему, данному до суда, то поручившій ему предварительное изслѣдованіе вправѣ былъ бы обвинять его въ недобросовѣстномъ исполненіи заказа и вовлеченіи заказчика въ издержки и непріятности. Это всѣ хорошо понимаютъ и потому *теперь* экспертъ, исполнявшій предварительное изслѣдованіе, отклоняетъ отъ себя экспертизу того же документа на судѣ. Такимъ образомъ, обра-

тившійся къ *лучшему* эксперту за предварительной экспертизой, тѣмъ самымъ устраняетъ возможность производства судебной экспертизы этимъ экспертомъ и она будетъ произведена худшими экспертами, отъ которыхъ болѣе вѣроятія ожидать ошибочнаго или неполнаго изслѣдованія! Съ другой стороны, поддѣлывателю тоже легко устранить опаснаго эксперта на судѣ — стоитъ только обратиться къ нему съ просьбой о предварительной *экспертизѣ*.

Здѣсь наталкиваемся на такой вопросъ: что если, при предварительномъ изслѣдованіи, экспертъ усмотритъ признаки подлога—обязанъ онъ донести о томъ, кому слѣдуетъ или можетъ не доносить? Такой вопросъ былъ уже возбужденъ по поводу одного случая въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ и опредѣленнаго рѣшенія не получилъ, хотя, повидимому, двухъ отвѣтовъ на него быть не можетъ. Признаки скобленія, травленія, передѣлки, даже механическаго копированія почерковъ не составляютъ еще доказательство подложности документа, вслѣдствіе чего экспертъ не имѣетъ никакого основанія, замѣтивъ такіе признаки, доносить о существованіи подложнаго документа. Изъ рижскаго окружнаго суда доставленъ былъ въ с.-петербургскій окружной судъ для экспертизы вексель на 600 р., выданный нѣкимъ Б—мъ, который, однако, заявилъ на судѣ, что 500 р. онъ уже уплатилъ и сдѣлалъ, на оборотѣ, надпись объ уплатѣ, уничтоженую векселедателемъ путемъ скобленія или вытравленія. Фотографическимъ изслѣдованіемъ было, дѣйствительно, обнаружено, что на оборотной сторонѣ векселя существуютъ слѣды подписи „500 р. уплатилъ, 5 октября Б—й". Казалось бы, что подлогъ несомнѣненъ и гражданскій судъ такъ и посмотрѣлъ на дѣло, исключивъ вексель изъ числа доказательствъ и передавъ его прокурору. Экспертиза предварительнаго слѣдствія, несравненно болѣе свободная въ выборѣ способовъ изслѣдованія, а потому и болѣе полная, доказала, что выскобленая подпись сдѣлана до *написанія самаго текста* векселя и потому о подлогѣ не могло быть и рѣчи, а только о мошенничествѣ векселедателя. Каково было бы положеніе эксперта, если бы онъ, производя предварительное изслѣдованіе (всегда ограниченное по объему), обнаружилъ слѣды платежной подписи и счелъ себя обязаннымъ доносить о томъ? Кстати сказать, этотъ случай тоже показываетъ неудобство обязательнаго безпристрастія эксперта: наемный экспертъ, присутствуя при экспертизѣ въ гражданскомъ судѣ, не помирился бы легко съ неполнотой экспертизы и не допустилъ бы своего довѣрителя до привлеченія къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго въ подлогѣ.

Проэктъ новой редакціи устава гр. судопр. ни мало не устраняетъ всѣ тѣ недоразумѣнія, о которыхъ говорено выше. Правда, проэктъ не признаетъ возможнымъ различать производства по формѣ выраженія спора, какъ это дѣлаетъ дѣйствующій уставъ, но составители проэкта дѣлаютъ другую ошибку, не менѣе важную, соединяя въ одно споръ о *дѣйствительности* акта съ споромъ о *подлогѣ*. Основнымъ правиломъ выставлено слѣдующее: при спорѣ противъ *подлинности* (!!) акта, существеннаго для разрѣшенія дѣла, доказывать *подлинность* (!!) обязанъ тотъ, кѣмъ актъ этотъ представленъ въ доказательство (ст. 355 проэкта). Обязанность доказывать подложность акта переходитъ на тяжущагося, предъявившаго споръ о подлинности, если 1) актъ совершенъ или засвидѣтельствованъ установленнымъ порядкомъ или выданъ правительственнымъ мѣстомъ или лицомъ по предоставленной имъ власти и 2) актъ подписанъ лицомъ, отъ имени коего выданъ или составленъ и подлинность подписи не оспоривается или же она засвидѣтельствована установленнымъ порядкомъ (ст. 356). Устанавливается, слѣдовательно, опять два производства, различаемыя по роду оспориваемыхъ актовъ, т. е. смотря по тому, идетъ-ли споръ объ актѣ домашнемъ или публичномъ.

По проэкту, производство по спору о подлогѣ сводится къ слѣдующему: желающій заявить споръ противъ подлинности акта долженъ подать въ судъ о томъ объявленіе, съ представленіемъ или приведеніемъ доказательствъ въ подкрѣпленіе сего спора, если обязанность доказать споръ лежитъ по закону (ст. 356) на немъ. При несоблюденіи сего правила споръ противъ подлинности акта не принимается къ производству (ст. 359).

Споръ противъ подлинности акта, представленнаго въ засѣданіе суда, можетъ быть заявленъ и словесно, о чемъ составляется особый протоколъ, но по просьбѣ тяжущагося судъ отстрочиваетъ засѣданіе, съ назначеніемъ для представленія доказательствъ семидневнаго срока. Затѣмъ копія объявленія или протокола, а также предъявленныхъ доказательствъ, сообщаются противной сторонѣ лично, если она не имѣетъ повѣреннаго, уполномоченнаго на подачу отвѣта по спору противъ подлинности. Сторона сія въ семидневный срокъ обязана: 1) дать положительный отзывъ, намѣрена ли она воспользоваться заподозрѣннымъ актомъ, и 2) если намѣрена, то представить возраженіе противъ предъявленныхъ доказательствъ или же доказательства подлинности акта въ томъ случаѣ, когда къ сему обязана (ст. 360, 361).—Такимъ образомъ, число бумагъ, коими обмѣниваются стороны при спорѣ о подлогѣ, вдвое сокращено, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, устранено многократное назначеніе различныхъ сроковъ для представленія этихъ бумагъ. Въ случаѣ, наконецъ, непредставленія отзыва въ срокъ или когда въ отзывѣ заявлено, что тяжущійся, представившій

актъ, не намѣренъ имъ воспользоваться, а также въ случаѣ непредставленія доказательствъ подлинности акта, актъ этотъ не принимается во вниманіе и дѣло рѣшается на основаніи другихъ доказательствъ (ст. 362).

По прежнему, чисто-гражданскаго спора о *дѣйствительности* акта не будетъ, а признается лишь споръ о *подлинности*, со всѣми его несообразностями. Положеніе графическаго эксперта останется столь-же двусмысленнымъ, какимъ оно было до сихъ поръ и экспертиза опыта, умѣстная при спорѣ о *дѣйствительности* акта не отдѣлена отъ экспертизы знанія, единственно пригодной при спорахъ о *подлинности*. Эксперты въ гражданскомъ судѣ приводятся къ присягѣ (ст. 415); они подвергаются взысканіямъ не только за неявку по вызову суда, но даже за отказъ отъ изслѣдованія (ст. 420).

Въ чемъ будетъ присягать графическій экспертъ и что слѣдуетъ разумѣть подъ „отказомъ отъ изслѣдованія“—остается невыясненнымъ. Бѣглый обзоръ документа и настойчивое исканіе слѣдовъ подлога, требующее огромной работы — одинаковы могутъ быть названы „изслѣдованіемъ“; не въ средствахъ суда указать эксперту объемъ его изысканій и руководить его дѣйствіями. За тѣмъ, слѣдуетъ ли отказъ отъ дачи заключенія считать за отказъ отъ изслѣдованія и штрафовать эксперта за то, что онъ не рѣшится сказать ни „да“ ни „нѣтъ“? А присяга — для чего она нужна? Экспертъ, присягая по той самой формѣ, по которой присягаютъ свидѣтели (ст. 247 проэкта), въ сущности ровно ничего не обѣщаетъ и уличить его въ нарушеніи клятвы—нѣтъ никакой возможности! Если, напр., учитель чистописанія скажетъ, что сравниваемые имъ почерки представляются ему сходными, а черезъ полчаса заявитъ прямо противоположное мнѣніе, что никто не въ состояніи утверждать, что въ одномъ изъ этихъ показаній экспертъ покривилъ душой.

Вообще, проэктъ новыхъ уставовъ судопроизводста не даетъ ни малѣйшей надежды на упорядоченіе судебно-графической экспертизы. Все остается по старому, т. е. между судомъ, экспертомъ и тяжущимся всегда будетъ взаимное непониманіе, послѣдствіемъ котораго являются такіе печальные случаи, какъ разсказанное выше дѣло по обвиненію Михаила Соловьева въ ложномъ доносѣ.

Въ объяснительной запискѣ къ проэкту пов. ред. суд. устав. приведены слѣдующіе поводы къ измѣненію ст. 547 дѣйств. устава гр. судопроизводства:

„35 лѣтній опытъ судовъ, учрежденныхъ на основаніи уставовъ 20 ноября 1864 г. доказалъ, что заявленіе спора противъ подлинности актовъ сдѣлалось орудіемъ судебной волокиты и замедленія производства и уже неоднократно обращало на себя вниманіе законодательной власти, усугубившей штрафъ за неуваженный споръ и подлогъ. Но и это не имѣло желательныхъ послѣдствій. При установленіи пра-

вилъ для участковыхъ земскихъ начальниковъ, Государственный Совѣтъ въ видахъ предотвращенія злоупотребленій тяжущимися спорами противъ подлинности актовъ и замедленіи черезъ это производства гражданскихъ дѣлъ, призналъ цѣлесообразнымъ: а) совершенно отмѣнить заявленіе сомнѣнія въ подлинности (такъ какъ, предварительно предъявленія иска, къ отвѣтчику уже обращаются съ требованіемъ о платежѣ и ему извѣстно, по какимъ документамъ предъявляется взысканіе), и б) предоставить земскимъ начальникамъ непосредственно устранять споры о подлогахъ, если таковые, по изслѣдованіи, окажутся неосновательными; въ случаѣ же признанія актъ сомнительнымъ,—пріостановить производство, съ назначеніемъ сторонѣ, предъявившей споръ о подлогѣ, мѣсячного срока, для предъявленія въ окружномъ судѣ иска о признаніи акта подложнымъ (прав. 29 дек. 1889 г. ст. 71 и журн. Гос. Сов. № 78 стр. 17—19).

Останавливаясь на ближайшемъ разсмотрѣніи вопроса, надлежитъ, прежде всего, замѣтить, что подраздѣленіе споровъ противъ подлинности на сомнѣніе въ подлинности и споры о подлогѣ, неизвѣстное нашему дореформенному процессу, введено въ нашъ уставъ по примѣру французскаго (!!).

Но во Франціи уже давно раздавались голоса противъ различныхъ порядковъ производства по сомнѣнію въ подлинности и спору о подлогѣ и въ выработанномъ въ 1894 г. проэктѣ пересмотрѣннаго устава гр. суд., хотя и сохранено раздѣленіе на verification des écritures и faux civil, но для обоихъ видовъ споровъ установленъ одинъ порядокъ изслѣдованія (titre X, art. 3). Отъ этой двойственной системы отказался уже женевскій уставъ гр. суд. 1819 г., соединивъ правила du faux incident civil въ одну общую главу съ правилами о повѣркѣ письменныхъ доказательствъ (de la verification des écritures въ виду того, что какъ сомнѣніе въ подлинности, такъ и споръ о подлогѣ въ сущности составляютъ споръ противъ подлинности акта. Согласно съ симъ и новѣйшіе уставы, германскій и австрійскій, также не устанавливаютъ никакого дѣленія споровъ противъ подлинности акта, предписывая общія правила для изслѣдованія оспоренного документа (§ 402—408 герм. и 310—315 австр. уставовъ). При такихъ данныхъ и принимая во вниманіе, что дѣленіе нашимъ уставомъ споровъ противъ подлинности актовъ на сомнѣніе въ подлинности и споръ о подлогѣ, не находитъ себѣ оправданія ни въ принципѣ, ни въ практическихъ соображеніяхъ, ибо въ какой бы формѣ ни заподозрѣвался актъ, такое подозрѣніе должно быть разсмотрѣно судомъ, съ цѣлью устраненія или подозрѣнія, или акта изъ числа доказательствъ, казалось бы необходимымъ обѣ означенныя формы слить въ одну—*спора противъ подлинности акта.*

Необходимость объединенія указанныхъ видовъ споровъ противъ подлинности актовъ явствуетъ уже изъ того, что двойственность порядковъ производства по симъ спорамъ въ французскомъ уставѣ установлена не по различію выраженія спора — сомнѣнія въ подлинности или заявленія о подлогѣ — а на основаніи того, оспаривается ли подлинность акта публичнаго (acte authentique) или акта домашняго (acte sous seing privé). Между тѣмъ, по нашему уставу различіе производства сводится именно къ формѣ выраженія спора. Къ такому различію не представляется достаточно вѣскихъ данныхъ. (Объясн. зап. I, стр. 232).“

Ссылка на французскій уставъ не совсѣмъ правильна. Если бы вся суть различія между verification des écritures и faux incident civil заключалось въ томъ, что первый порядокъ примѣнимъ къ спорамъ о подлинности актовъ домашнихъ, а второй къ спорамъ объ актахъ публичныхъ, то, разумѣется, не могло бы быть допустимо, чтобы актъ провѣренный однажды въ порядкѣ verification des écritures, могъ подвергаться новой повѣркѣ въ порядкѣ faux incident civil, не смотря на то, что при первой повѣркѣ эксперты высказались противъ правильности спора и послѣдній отвергнутъ, поэтому, судомъ. Между тѣмъ, art. 214 это допускаетъ:

„Celui qui prétend qu' une pièce signifiée, communiquée ou produite dans le cours de la procédure, est fausse ou falsifiée, peut s'il y échet, etre reçu à s'inscrire en faux, encore que ladite pièce ait été verifiée, soit avec le demandeur, soit avec le défendeur eu faux, a d'autre fin que celle d'une poursuite de faux principal ou incident, et qu' en conséquence il soit intervenu un jugement sur le fondement de ladite pièce comme veritable“.

Что verification des écritures не примѣнимо къ повѣркѣ подлинности актовъ публичныхъ и засвидѣтельствованныхъ надлежащимъ порядкомъ—это очевидно само собою; что же касается споровъ о подлогахъ (faux incident civil), французскій уставъ не дѣлаетъ различія между актами публичными и домашними. Наоборотъ, изъ разъясненій Cour de cassation (13 іюня 1838 г., 13 мая 1840 и 24 іюня 1840) ясно, что второй порядокъ примѣнимъ къ повѣркѣ актовъ всякого рода (l'inscription de faux peut avoir lieu contre toute espèce d'acte, public, authentique *et privé*, même contre les minutes ou expeditions de jugements ou arrêts).

Иначе и быть не можетъ, потому что одно и тоже заключеніе экспертовъ имѣетъ совершенно различныя значенія смотря по тому, дано-ли оно при разрѣшеніи спора о *дѣйствительности* акта или при *спорѣ о подлогѣ*. При verific. des écritures, признаніе экспертами сходства подписей служитъ прямымъ поводомъ къ устраненію спора,

какъ это я уже объяснялъ выше: нельзя предположить, напримѣръ, что два лица, носящія одну фамилію и одно имя, обладали еще и вполнѣ сходными почерками! Если же отвѣтчикъ по акту продолжаетъ отрицать принадлежность ему подписи подъ актомъ, то есть отъ спора о *дѣйствительности* переходитъ къ спору *о подлогѣ*, судъ оказывается вынужденнымъ разъяснить происхожденіе страннаго сходства почерковъ и изслѣдовать документъ уже всесторонне черезъ графологовъ, химиковъ, фотографовъ и др.

Наиболѣе удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса было бы возвращеніе къ указаніямъ ст. 48 основныхъ положеній устава гражд. судопроизводства, т. е. различеніе спора о *дѣйствительности* акта отъ спора *о подлогѣ*. Только при этомъ условіи графическая экспертиза въ гражданскомъ процессѣ могла бы дѣйствовать правильно и съ пользой для правосудія.

Все сказанное въ этой главѣ сводится къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Судебная экспертиза документовъ не можетъ быть приравниваема къ другимъ видамъ судебной экспертизы; разсужденія, справедливыя по отношенію къ послѣднимъ, невѣрны въ примѣненіи къ первой.

2. Слѣдуетъ различать экспертизу документовъ въ гражданскомъ судѣ отъ таковой въ судѣ уголовномъ: первая *добываетъ* признаки подлога; вторая ихъ *ищетъ*.

3. Ст. ст. 554—565 у. гр. с. не только не согласованы съ точнымъ смысломъ ст. 48 основн. полож. гражд. судопр., но прямо ему противорѣчатъ.

6. Сомнѣніе въ *дѣйствительности* акта отличается отъ *извѣта о подлогѣ* не по *формѣ* заявленія спора а по *существу* спора.

7. При разсмотрѣніи споровъ о дѣйствительности акта, единственно умѣстною должна считаться экспертиза распознаванія почерковъ по *общему виду*, черезъ *опытныхъ* людей, не обязанныхъ и не имѣющихъ права обосновывать свои заключенія указаніями на различія въ деталяхъ почерковъ.

8. При разсмотрѣніи споровъ о подлогахъ допустима только экспертиза вполнѣ *опредѣленнаго заданія*, а не *исканіе* слѣдовъ подлога, которое должно быть эксперту рѣшительно запрещено.

9. Ни при какихъ условіяхъ нельзя требовать отъ эксперта заключеніе о подлинности или подложности документа; это не его дѣло, а дѣло суда, онъ же такого заключенія дать не въ состояніи.

10. Сходство сличаемыхъ почерковъ не служитъ доказательствомъ подлинности документа и несходство не доказываетъ его подложность.

11. Графическій экспертъ обязанъ дать суду нужныя послѣднему разъясненія, а не приговоръ о подлинности или подложности. Судьямъ не надо быть спеціалистами въ изслѣдованіи рукописей, чтобы оцѣнить заключенія графическаго эксперта по существу.

12. Существующее убѣжденіе, что всякій экспертъ долженъ быть безпристрастный, незаинтересованный въ исходѣ дѣла, есть, заблужденіе, и очень вредное. Пока оно не исчезнетъ, графическая экспертиза останется въ зачаточномъ состояніи.

13. Для обезпеченія полноты и правильности графической экспертизы требуется допущеніе, наравнѣ съ графическими экспертами, назначаемыми судомъ, спеціалистовъ—повѣренныхъ сторонъ.

14. Предварительная, до судебная экспертиза документовъ, правильно организованная, въ значительной мѣрѣ облегчитъ суду рѣшеніе споровъ о подлогѣ.

ГЛАВА II.

О судебной фотографіи.

(Докладъ Е. Ѳ. Буринскаго 1-му съѣзду русск. дѣятелей по фотографическому дѣлу 1896 г.).

Необходимо, прежде всего, условиться въ пониманіи этого термина. Просматривая очень скудную литературу предмета, какъ русскую, такъ и иностранную, можно убѣдиться, что судебно-фотографическими работами принято называть всякаго рода фотографическія работы, произведенныя для судебныхъ цѣлей. Снимокъ комнаты, въ которой совершилось убійство, исполненный ближайшимъ къ мѣсту фотографомъ—судебно-фотографическая работа; микро-фотограмма капли крови, сдѣланная по требованію суда—тоже судебная фотографія; простое увеличеніе сличаемыхъ рукописей, имѣющее цѣлью облегчить трудъ экспертовъ каллиграфовъ—становится судебно-фотографической работой потому только, что заказъ сдѣланъ судебной властью.

Вошло въ обычай не различать *пользованіе* фотографіей отъ *примѣненія* ея. Кто теперь не пользуется фотографіей, какъ самымъ лучшимъ и надежнѣйшимъ средствомъ получать точныя и детальныя изображенія предметовъ и явленій? Если, при раздѣленіи свѣтописи на отдѣльныя, самостоятельныя отрасли, примемъ за основаніе *цѣли* фотографированія, то такихъ отраслей наберется у насъ видимо-невидимо и мы въ конецъ запутаемъ нашу кассификацію.

Съ другой стороны, правосудіе прибѣгаетъ къ услугамъ представителей многихъ отраслей наукъ, ремеслъ и искусствъ совершенно такъ же, какъ прибѣгаетъ къ услугамъ фотографа. Нужно открыть замокъ—зовутъ слесаря; достать со дня рѣки брошенныя туда вещественныя доказательства поручаютъ водолазу; вырыть трупъ изъ могилы, для медицинскаго изслѣдованія, приказываютъ могильщику; увеличить сомнительный вексель предлагаютъ фотографу. Никому ни приходитъ въ голову говорить о существованіи судебно-слесарнаго искусства, судебнаго водолазничанья, судебнаго гробокопательства, потому что слесарь, водолазъ и могильщикъ

являются простыми исполнителями данныхъ имъ заказовъ, ничѣмъ, по существу, не отличающихся отъ заказовъ частныхъ лицъ. Отмыкая замокъ по порученію суда, слесарь употребитъ въ дѣло тѣ же самые пріемы и орудія, которыми онъ исполнитъ такую же работу для каждаго изъ насъ. Равнымъ образомъ, водолазъ и могильщикъ, не заинтересованные въ цѣляхъ судебнаго изслѣдованія, не внесутъ въ свою работу чего либо спеціально судебнаго, имѣющаго цѣлью наилучшимъ образомъ содѣйствовать обнаруженію судебной истины. Почему же для фотографа, дѣятельность котораго при исполненіи судебныхъ заказовъ тоже ничѣмъ ни отличается отъ обычной, дѣлается исключеніе, т. е., простыя фотографическія работы называются судебно-фотографическими, а самъ онъ именуется судебнымъ фотографомъ?

Признавая пользу фотографіи при разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ судебной практики, судебные дѣятели совершенно справедливо съ сомнѣніемъ относятся къ существованію какой-то особой судебной фотографіи. Понадобится сдѣлать фотографическій снимокъ чего бы то ни было— стоитъ послать за ближайшимъ фотографомъ и заказать ему этотъ снимокъ, какъ заказываютъ портретъ или дюжину кабинетныхъ картъ. Нѣтъ надобности заботиться о процвѣтаніи судебной фотографіи, потому что фотографы всегда будутъ, какъ будутъ архитекторы, землемѣры, слесаря, водолазы, могильщики. О чемъ же безпокоиться?

Въ недавно, вышедшемъ 3-мъ изданіемъ успѣвшемъ уже стать необходимой настольной книгой каждого нѣмецкаго слѣдователя *), сочиненіи Гросса, „Handbuch f. d. Untersuchungsrichter“ имѣется особый отдѣлъ, посвященный примѣненію фотографіи къ судебному дѣлу. Гроссъ добросовѣстно собралъ все, что можно найти въ литературѣ о судебной фотографіи, дополнилъ личными наблюденіями и пришелъ къ выводу, что фотографіи суждено въ будущемъ сдѣлаться необходимѣйшей помощницей слѣдователя и судьи, безъ которой онъ не въ состояніи будетъ обойтись ни одну минуту (...jeder Tag fast zeigt uns neue Seiten ihrer wichtigket und in Kurzem werden wir kaum begreifen, wie wir einst arbeiten konnten ohne jeden Augenblick die Hilfe des wissenschaftlichen Photographen anzurufen). Несмотря на то, Гроссъ даже и не возбуждаетъ вопросъ о необходимости созданія особой судебной фотографіи. Дѣло представляется ему гораздо проще. Есть, говоритъ онъ, два рода случаевъ пользованія фотографіей для судебныхъ цѣлей: одни, въ которыхъ можно обойтись услугами любого фотографа и другіе, требующіе участіе фотографа, научно-образованнаго, знакомаго съ фотографіей не только практически, но и теоритически. Въ случаѣ перваго рода, судебный слѣдователь самъ даже можетъ сдѣлать снимки, если у него есть всѣ необходимыя для того принадлежности.

---

*) Dr. Hanns Gross. Handbuch für Untersuchungsrichter. III. Aufl. Graz 1899.

Изъ этого видно, что о судебной фотографіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимается напр., судебная медицина, нѣтъ и рѣчи.

Вопросъ: „Быть или не быть судебной фотографіи?“ сводится, слѣдовательно, къ другому вопросу: возникаютъ ли передъ фотографомъ, призываемымъ судомъ, какія нибудь новыя техническія задачи, неразрѣшимыя извѣстными уже общефотографическими средствами, но требующія изысканія новыхъ путей, новыхъ пріемовъ и, можетъ быть, новыхъ орудій, или же исполненіе судебныхъ заказовъ ничѣмъ не отличается отъ обычной его работы?

Если окажется справедливымъ послѣднее, то мы должны, разъ навсегда, изъять изъ обращенія названіе „судебная фотографія“ и не обманывать себя и другихъ увѣреніемъ о ея существованіи. Если, наоборотъ, справедливымъ слѣдуетъ признать первое, то необходимо приложить заботы къ созданію такихъ условій, при которыхъ бы судебная фотографія могла существовать и развиваться. Выражаясь короче, должно рѣшить, можетъ ли судъ продолжать *пользоваться* фотографіею или долженъ *примѣнить* ее, приспособить для своихъ цѣлей?

Относительно пользованія судомъ медицинской наукой такой вопросъ давно уже сталъ невозможнымъ: въ необходимости судебной медицины, какъ самостоятельной отрасли знанія, никто не сомнѣвается. Судъ приглашаетъ, правда, мѣстныхъ практикующихъ врачей для разрѣшенія судебно-медицинскихъ вопросовъ, но дѣлаетъ это не потому, что достаточны обще-медицинскія познанія, а въ виду предположенія о невозможности получить дипломъ врача безъ испытанія въ судебной медицинѣ. Мы можемъ себѣ представить, во что обратилась бы судебно-медицинская экспертиза, еслибы наука, называемая суд. медиц. не существовала вовсе. Самый ученый медикъ, въ совершенствѣ изучившій всѣ отрасли своей науки, кромѣ судебной, не нашелся бы какъ приняться за разрѣшеніе самаго простого судебно-медицинскаго вопроса, не различилъ бы главное отъ второстепеннаго, упустилъ бы изъ виду очень важные для дѣла признаки. Результатъ экспертизы оказался бы успѣшнымъ въ томъ лишь случаѣ, если экспертъ случайно напалъ на приличный обстоятельствамъ путь изслѣдованія. При этихъ условіяхъ, судъ оправдывалъ бы свое пользованіе медицинской экспертизой тѣмъ, что она *иногда* способствуетъ добраться до истины, т. е. можно попытать и это средство на всякій случай: можетъ быть и посчастливится!

Гроссъ, котораго я не перестаю цитировать какъ наилучшаго выразителя установившагося въ судебномъ мірѣ взгляда на роль фотографіи, совѣтуетъ судебнымъ слѣдователямъ прибѣгать къ фотографированію не потому, что этимъ путемъ вопросъ долженъ получить то или другое разрѣшеніе, но просто на всякій случай: можетъ быть что нибудь изъ этого и выйдетъ! „Иногда“, говоритъ Гроссъ, „на фотографическомъ снимкѣ

выходятъ незамѣтные глазу слѣды насильственной смерти, какъ это бывало не разъ". Очевидно, нѣмецкому автору руководства для судебныхъ слѣдователей даже въ голову не приходитъ мысль, что если фотографія *иногда* открываетъ нужные слѣды, то можно такъ сообразовать выборъ объектива, матеріала, времени экспозиціи и проч., чтобы она *всегда* обнаруживала что надо и что въ дѣйствительности имѣется, или же давала убѣжденіе въ отсутствіи слѣдовъ, обнаруженіе коихъ возможно при современныхъ средствахъ фотографіи.

Не трудно замѣтить, конечно, различіе въ постановкѣ задачъ. Судебно-медицинскому эксперту задаютъ вопросъ, на который ожидается тотъ или другой опредѣленный отвѣтъ; фотографу же предлагаютъ попытаться, что называется на удалую: выйдетъ что нибудь—хорошо; не выйдетъ—дѣлать нечего.

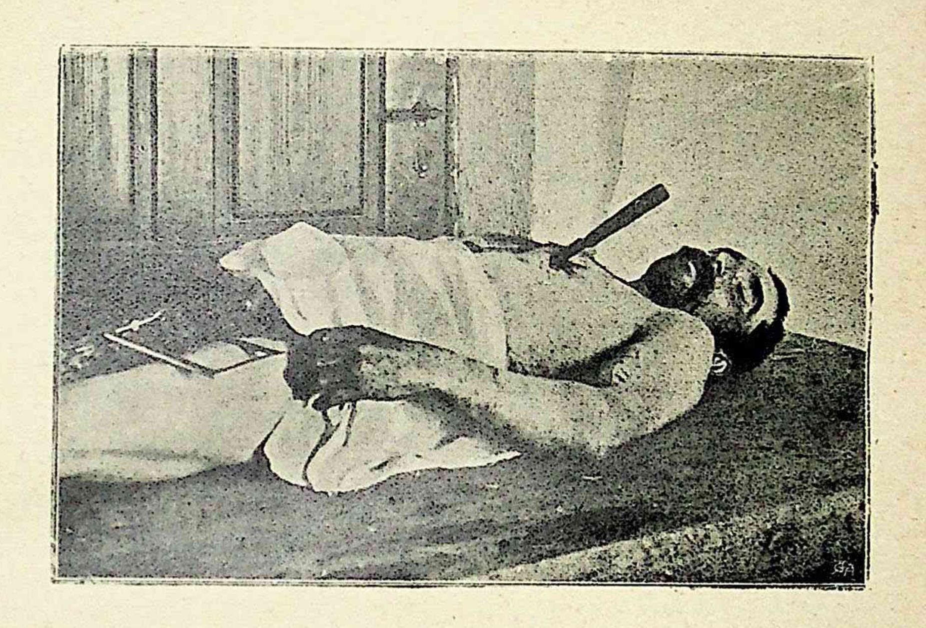
Гроссъ сознаетъ, что фотографіи пожарищъ, жертвъ убійства, желѣзнодорожныхъ крушеній и т. п., исполненныя первымъ попавшимся фотографомъ или самимъ слѣдователемъ, бываютъ неудовлетворительны въ смыслѣ судебно фотографическимъ. Мы это понимаемъ и думаемъ, что вскрытіе трупа, произведенное врачемъ, незнакомымъ съ требованіями судебной-медицины, тоже не вышло бы безукоризненнымъ. Но Гроссъ и тутъ не помышляетъ о возможности выработать правила для руководства фотографу въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, но предлагаетъ въ протоколахъ исправлять ошибки фотографіи: Macht die Photographie nicht den richtigen Eindruck, so wird es im Protokolle heissen: „Die Entfernung zwischen dem Gebäude A uud dem Gebäude B erscheint dem Auge nicht so gross, wie es auf dem Bilde aussieht", oder „Die Lage des Leichnams war nicht so steil, als es auf der Photographie scheint" u s. w. При такомъ отношеніи къ дѣлу судебныхъ властей, фотографія, какъ помощница судьи, утрачиваетъ всякій смыслъ: не она замѣняетъ и дополняетъ протоколы осмотровъ, но, наоборотъ, протоколы должны исправлять ея ошибки!

Передъ нами фотографическій снимокъ, приложенный къ книгѣ Бертильона La Photographie judiciaire *). Какъ иллюстрація къ газетному отчету объ убійствѣ, или къ разсказу, расчитанному на впечатлительныхъ читателей, снимокъ этотъ превосходенъ, но въ судебно-фотографическомъ отношеніи онъ вполнѣ ничтоженъ! Словно нарочно, трупъ изображенъ въ ракурсѣ, т. е. въ самомъ невыгодномъ для сужденія объ обстоятельствахъ убійства положеніи! Поставьте себя на мѣсто присяжныхъ засѣдателей и подумайте, что далъ бы вамъ этотъ снимокъ такого, что не могло и не должно быть въ протоколѣ осмотра? Ровно ничего. Напротивъ, въ протоколѣ пришлось бы говорить, что, „Die Lage des Leichnams war nicht so steil, als es auf der Photographie scheint!"

---

*) Снимокъ былъ демонстрированъ съѣзду при помощи волшебнаго фонаря.

Образцы судебно-фотографическихъ работъ, не отвѣчающихъ своему назначенію.

Изъ книги Paul'я: Handbuch der kriminalistischen Photographie für Beamte der Gerichte, der Staatsanwaltschaften u. der Sicherkeitsbehörden 1900. Berlin.

Поступилъ ли бы такъ фотографъ, опытный въ судебномъ фотографированіи, знакомый съ ошибками своихъ коллегъ и предшественниковъ, думавшій надъ этими ошибками, имѣвшій много случаевъ наблюдать послѣдствія, къ которымъ ведутъ на судѣ ошибки фотографа? Нѣтъ, онъ бы такъ не поступилъ. Знаніе судебныхъ требованій и навыкъ въ обращеніи съ судебно-фотографическими задачами, а также изученіе чужихъ работъ и критика ихъ, подсказали бы ему сразу, безсознательно для него самого, куда надо стать съ аппаратомъ, что должно быть выяснено и пр.

Въ дѣлахъ, гдѣ на первый планъ выдвигается вопросъ: „убійство или самоубійство?“ фотографія могла бы почти всегда являться рѣшительницей но, разумѣется, не такая фотографія. Припомните, напр., знаменитое дѣло, въ Харьковѣ, объ убійствѣ полковника Гиджеу, послужившее поводомъ къ ожесточенной полемикѣ между представителями судебно-медицинской науки, толковавшими, каждый по своему, то мѣсто въ протоколѣ осмотра, въ которомъ описывалось положеніе трупа. Фотографическій снимокъ тамъ могъ разрѣшить вопросъ сразу, но при условіи, чтобы положеніе трупа на снимкѣ не требовало оговорокъ, вродѣ предлагаемыхъ Гроссомъ; а для этого нуженъ былъ не всесторонне научно-образованный фотографъ, а только судебный фотографъ, привычный къ такимъ работамъ, изучавшій вопросы судебной фотографіи и думавшій надъ ними.

Сами судебные дѣятели признаютъ, что *иногда* фотографія способствуетъ раскрытію истины въ дѣлахъ объ убійствахъ, поджогахъ и др. Одно это обязываетъ уже прибѣгать къ фотографіи всегда, а не изрѣдка, потому что нельзя пренебрегать средствомъ, которое, можетъ быть, и дастъ ключъ къ разрѣшенію вопроса. Фотографированіе положенія труповъ, пожарищъ, крушеній и т. п. должно быть обязательнымъ, предписываемо закономъ. Возможно, что снимокъ не принесетъ суду никакой пользы, но возможно и обратное: какая нибудь ничтожная подробность, упущенная изъ вида слѣдователемъ, неожиданно получаетъ иногда на судѣ очень важное значеніе и она можетъ быть дана фотографическимъ снимкомъ.

Но этого мало. Если даже фотографированіе станетъ обязательнымъ, то нельзя ожидать пользы отъ этого для судебной фотографіи, если, попрежнему, не захотятъ изъ ошибокъ нынѣшней работы извлекать полезныя указанія для будущихъ. По окончаніи судебнаго дѣла, снимки не слѣдуетъ погребать, вмѣстѣ съ дѣломъ, въ архивахъ, но стараться вызвать печатное обсужденіе ихъ достоинствъ и недостатковъ, отмѣтить промахи, выяснившіеся на судѣ и изыскать мѣры къ ихъ устраненію на будущее время. *Надо создать почву* для *судебно-фотографической литературы.*

По собственному опыту знаю я, какъ трудно найти въ печати мѣсто для статьи о судебной фотографіи, хотя бы за нее не требовалось

никакого вознагражденія. Фотографическіе и юридическіе журналы очень неохотно удѣляютъ мѣсто даже коротенькимъ замѣткамъ о судебной фотографіи и то при условіи, чтобы содержаніе не было слишкомъ спеціальнымъ. Наше судебное вѣдомство могло бы основать „Вѣстникъ Судебной фотографіи и фотографологіи", въ которомъ собирались бы заключенія экспертовъ по изслѣдованію почерковъ, съ приложеніемъ снимковъ съ изслѣдованныхъ рукописей, а также снимки мѣстъ преступленія, вещественныхъ доказательствъ и проч. На страницахъ этого изданія слѣдовало бы допустить обсужденіе работъ фотографовъ и сличителей почерковъ. Польза отъ этого изданія была бы громадная. Прежде всего создался бы фундаментъ для будущей судебной фотографіи, богатый матеріалъ для обработки. Изъ этого источника почерпали бы указанія не только фотографы, призываемые судомъ, но и обвинители и защитники. Судебные дѣятели получили бы возможность ознакомиться съ сущностью, цѣлями, средствами и предѣлами судебнаго фотографированія и научились бы пользоваться фотографіею.

Я ни мало не сомнѣваюсь, что когда нибудь будетъ существовать отрасль свѣтописи, посвященная богинѣ Правосудія, но не ожидаю этого въ близкомъ будущемъ. Судебная фотографія не народится сама собой и не выростетъ безъ особаго ухода, какъ дикорастущее дерево. Когда создадутся особые учебно-фотографическіе институты для изученія свѣтописи во всѣхъ ея примѣненіяхъ, содержимые на счетъ государства, возникнетъ и судебная фотографія. Тогда явится возможность объединять отдѣльные случаи пользованія фотографіей для судебныхъ цѣлей, сообразить ихъ другъ съ другомъ, понять ошибки, придумывать новые способы, выработать правила и проч. Пока занятіе судебной фотографіей безвыгодно, не можетъ дать кусокъ хлѣба посвятившему себя изученію ея, нечего и мечтать о появленіи дѣятелей на этомъ полѣ, незачѣмъ обманывать себя мыслью, что такая отрасль свѣтописи существуетъ и прогрессируетъ. Есть судебное пользованіе фотографіей, но судебной фотографіи еще нѣтъ!

Лѣтъ семь или восемь назадъ заявила о себѣ одна часть судебной фотографіи—изслѣдованіе сомнительныхъ документовъ. Вамъ извѣстно, что фотографическое зрѣніе нѣсколько лучше нашего: пластинка обнаруживаетъ часто то, чего глазъ не видитъ на фотографированномъ предметѣ. Благодаря этому свойству фотографіи, удавалось иногда усматривать слѣды разныхъ подлоговъ въ документахъ, напр. травленія, скобленія, поправокъ и проч. Въ этихъ случаяхъ польза фотографіи оказывалась слишкомъ ощутительной, очевидной. Не было надобности предугадывать услуги, которыя могутъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, оказаны фотографическимъ аппаратомъ; не предстояло нужды прилагать заботы и усилія для созданія особой отрасли фотографіи; нечего было

добиваться и доискиваться. Фотографія сама давала то, что требовалось, не ожидая ни жертвъ, ни насилія. Суду оставалось пользоваться услугами фотографовъ, недостатка въ которыхъ нѣтъ и не можетъ быть. Въ этой то очевидности пользы и легкости пользованія—весь секретъ успѣха фотографическаго изслѣдованія документовъ въ судѣ.

Говорить, въ настоящее время, о судебной фотографіи — значитъ говорить только о той части ея, которая занимается изслѣдованіемъ сомнительныхъ документовъ, или, какъ вошло въ привычку называть, о фотографической экспертизѣ документовъ.

Съ судебно-фотографическими изслѣдованіями документовъ русское общество впервые ознакомилось года четыре назадъ, на фотографическихъ выставкахъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Одессѣ. Экспонаты дѣлились на три группы.

Въ первой группѣ собраны были фотографическія работы, произведенныя съ скромной цѣлью облегчить трудъ спеціалистовъ по сличенію почерковъ. Когда достовѣрно извѣстно, что подлогъ документа могъ быть совершенъ не иначе, какъ путемъ подражанія чужому почерку, т. е. перерисовки его на глазъ, отъ руки, тогда рѣшающая роль принадлежитъ спеціалистамъ по сличенію почерковъ; помощь фотографіи ограничивается изготовленіемъ снимковъ съ документа въ увеличенномъ видѣ, на которыхъ сличающіе почерки эксперты съ большею легкостью могутъ усмотрѣть мелкія составныя части почерка.

Вторую группу составляли работы фотографа, цѣль которыхъ—возстановленіе поврежденныхъ письменъ. Измѣненія документовъ бываютъ весьма различны, но цѣль измѣненія всегда одна: придать документу не то юридическое значеніе и не ту цѣну, которыя онъ въ дѣйствительности имѣетъ. Сюда относятся вытравленіе части и всего содержанія документа, за исключеніемъ подписи; выскабливаніе словъ или цифръ; умышленное загрязненіе, напр., чернильнымъ пятномъ; поправки, вставки и проч. При всѣхъ такихъ изслѣдованіяхъ трудъ фотографа ограничивается выполненіемъ извѣстныхъ фотографическихъ пріемовъ для того, чтобы сдѣлать видимыми глазу уничтоженныя или скрытыя письмена, возстановить ихъ въ первоначальномъ видѣ.

Третья группа самая важная и вмѣстѣ самая интересная. Для того, чтобы исполнить фотографическую работу первой группы, нужно только быть обладателемъ репродукціоннаго объектива и умѣть производить обыкновенныя фотографическія операціи, т. е. установить рѣзкость изображенія, проявить пластинку, сдѣлать отпечатокъ на бумагѣ. Для работъ второй группы достаточно знанія нѣкоторыхъ спеціальныхъ пріемовъ и ремесленнаго навыка; когда приказано возстановить вытравленное—сдѣлать то и то; возстановить выскобленное — поступить такъ; обнаружить залитое чернилами—третій рецептъ и т. д. Отъ фотографа

требуется лишь знаніе рецептовъ и опытность въ техникѣ фотографированія. Работаютъ память фотографа, его руки да глаза, а для умственной работы мѣста нѣтъ.

Но способъ поддѣлки или измѣненія не всегда извѣстенъ суду; гораздо чаще судъ не можетъ указать фотографу, что должно сдѣлать съ документомъ для разрѣшенія вопроса о его подлинности или подложности. Документъ объявляется подложнымъ—вотъ все, что о документѣ извѣстно. Отъ судебнаго фотографа ожидается не исполненіе опредѣленныхъ фотографическихъ дѣйствій, установленныхъ для извѣстнаго рода изслѣдованій; отъ него требуется гораздо болѣе сложная и трудная работа исканія слѣдовъ подлога, полное и всестороннее обслѣдованіе документа. Для такого исканія нельзя заранѣе указать рецептъ; здѣсь все дѣло зависитъ отъ личныхъ качествъ эксперта, его сообразительности, догадливости, находчивости, знакомства съ искусствомъ поддѣлки документовъ, запаса у него необходимыхъ вспомогательныхъ знаній и проч. Каждый новый случай—новая загадка, надъ которой приходится ломать голову. Ничтожная, едва замѣтная черточка или маленькое пятно, объявившееся на фотографическомъ снимкѣ, способно иногда дать эксперту нить, по которой удается добраться до истины; но, чтобы воспользоваться такимъ указаніемъ, необходимо умѣть оцѣнить значеніе замѣченной черточки или пятна, построить догадку и сообразовать съ нею программу изслѣдованія. Это—вѣчная борьба изобрѣтательности и ловкости поддѣлывателя съ знаніемъ, умомъ и талантомъ эксперта. Кто кого перехитритъ—вотъ къ чему сводится вопросъ объ успѣшности работъ третьей группы.

Такимъ образомъ, фотографическое изслѣдованіе документовъ бываетъ трехъ родовъ: 1) вспомогательныя, облегчающія сличеніе почерковъ, обыкновенныя фотографическія увеличенія; 2) возстановленіе поврежденныхъ письменъ и 3) фотографическій *діагнозъ* поддѣлки, исканіе слѣдовъ подлога.

Исполненіе работъ перваго рода можетъ быть поручаемо судомъ любому фотографу; никакихъ спеціальныхъ знаній для такой работы не требуется.

Работы второго рода требуютъ уже отъ фотографа знанія нѣсколькихъ рецептовъ и пріемовъ, спеціально предназначенныхъ для возстановленія письменъ, и небольшаго, легко пріобрѣтаемаго навыка въ исполненіи. Каждый фотографъ безъ труда можетъ скоро усвоить себѣ технику работъ второго рода и, не покидая своей главной профессіи, исполнять, между прочимъ, безукоризненно порученія суда.

Работы третьяго рода требуютъ... всего человѣка!

Въ моемъ докладѣ я буду держаться этого раздѣленія судебно-фотографическихъ работъ на три группы, какъ самаго правильнаго и удоб-

наго. Замѣчу кстати, что неумѣнье судебныхъ дѣятелей отличать работы одной группы отъ другой, вредитъ правильной постановкѣ судебно-фотографической экспертизы документовъ болѣе чѣмъ что-либо.

О работахъ перваго рода, ничѣмъ не отличающихся отъ привычныхъ каждому фотографу свѣтописныхъ операцій, мнѣ не пришлось бы говорить много, если бы я не былъ обязанъ указать здѣсь на одно непостижимое недоразумѣніе, возникшее на почвѣ полнаго незнакомства судебныхъ дѣятелей съ сущностью фотографическаго изслѣдованія документовъ.

По какимъ-то непонятнымъ соображеніямъ, фотографамъ поручается нынѣ не только изготовленіе нужныхъ гг. экспертамъ, по сличенію почерковъ, фотографическихъ увеличеній, но и самое сличеніе. Почему-то въ каждомъ фотографѣ подозрѣвается учитель чистописанія или спеціалистъ по вопросамъ графологіи.

Въ судебныхъ опредѣленіяхъ о производствѣ экспертизъ фраза „произвести фотографическое сличеніе почерковъ“ сдѣлалась стереотипной. Что это означаетъ—понять трудно, особенно когда столь загадочное порученіе дается находящимся въ мѣстѣ засѣданія суда фотографамъ-художникамъ, даже безъ справокъ о томъ, часто ли имъ приходится видѣть рукописныя произведенія. Одинъ изъ фотографовъ, приглашенный судомъ для „фотографическаго сличенія почерковъ“, откровенно признавался мнѣ, что получаетъ въ годъ три письма, а самъ пишетъ два и вообще не охотникъ писать, а тѣмъ меньше читать „по письменному“! Человѣкъ, все письмоводство котораго исчерпывается тремя входящими и двумя исходящими нумерами, призывается для рѣшенія вопросовъ, въ которыхъ не часто разбираются болѣе опытные въ различеніи почерковъ каллиграфы!

Возможенъ случай, что лицо, посвятившее себя изслѣдованію почерковъ, находитъ нужнымъ изучить фотографію, какъ прекрасное пособіе для его занятій. Лицо это потому фотографъ, что оно графологъ а совсѣмъ не наоборотъ. Профессоръ ботаники или минералогіи долженъ умѣть пользоваться микроскопомъ, а отсюда нельзя вывести обратное заключеніе, что всякій умѣющій владѣть микроскопомъ достоинъ занять кафедры ботаники и минералогіи! Очевидно, разсуждаютъ такъ: графологъ обязанъ умѣть фотографировать; значитъ, фотографъ обязанъ быть знакомымъ съ изслѣдованіемъ почерковъ!

Научное изслѣдованіе почерка находится въ зачаточномъ состояніи и занимаются имъ на всей землѣ не болѣе десятка лицъ. Занятіе этой отраслью знанія требуетъ очень серьезной подготовки, большой затраты времени и труда. Физіографологія, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ

психографологіей, угадывающей по почерку характеръ писавшаго—наука будущаго и ее нельзя принимать въ разсчетъ при оцѣнкѣ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи суда для распознаванія и изслѣдованія почерковъ. Свѣдущими, по этой части, людьми остаются, попрежнему, учителя чистописанія, граверы и литографы, которые во всякомъ случаѣ болѣе знакомы съ дѣломъ, чѣмъ фотографы, никакого отношенія къ сличенію почерковъ не имѣющіе!

Со времени появленія пресловутаго фотографическаго сличенія почерковъ, прежняя каллиграфическая экспертиза подвергается усердному осмѣянію. Нельзя отрицать, что экспертиза эта ненаучна, гадательна и потому ненадежна; но она имѣла за собой достоинство безпритязательности, не старалась казаться не тѣмъ, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Судъ хорошо зналъ, съ какого рода изслѣдованіями имѣетъ дѣло и потому ставилъ каллиграфическую экспертизу на самое послѣднее мѣсто въ ряду судебныхъ доказательствъ, никогда не придавая серьезнаго значенія приговорамъ гг. каллиграфовъ. Теперь та же самая экспертиза, но подъ другимъ названіемъ, исполняемая лицами, несравненно менѣе компетентными, принимается, какъ заслуживающая уваженіе, какъ результатъ научныхъ изысканій! Необходимо же, наконецъ, порѣшить съ этимъ опаснымъ недоразумѣніемъ, стоящимъ на дорогѣ правильнаго развитія судебной фотографіи, грозящимъ страшно повредить ея репутаціи! Нельзя забывать, что всѣ ошибки и промахи этой псевдо-фотографической экспертизы падаютъ на ту отрасль свѣтописи, чье имя присвоила самозванка! Фотографія могла бы оказать изслѣдованію почерковъ дѣйствительную услугу другимъ способомъ, но для этого необходимо желаніе судебныхъ властей упорядочить этотъ родъ экспертизы. Сомнѣваться въ томъ, что почеркъ человѣка не есть нѣчто случайное, не подчиненное никакимъ законамъ—нельзя; существуетъ слишкомъ много доказательствъ противнаго. Выражаясь языкомъ математики, почеркъ есть сложная функція многихъ перемѣнныхъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ анатомическія и физіологическія особенности пишущаго. Подмѣтить законы, управляющіе образованіемъ и измѣненіемъ почерковъ; отдѣлить постоянные элементы отъ случайныхъ и временныхъ—задача трудная, но не невыполнимая. Для разрѣшенія этой задачи потребны усилія многихъ дѣятелей и очень продолжительный срокъ.

Указываютъ, обыкновенно, на то, что въ теченіе многихъ сотенъ лѣтъ, во всѣхъ судахъ, ежедневно, сличаются почерки, но толку отъ работы многихъ дѣятелей, въ теченіе столь долгаго срока, не замѣтно. Совершенно справедливо; но надо принять во вниманіе условія, при которыхъ сличители почерковъ производили свою работу. Судъ приглашалъ эксперта, обыкновенно, изъ учителей чистописанія или граверовъ, и предъявлялъ ему подлежащія сравненію рукописи, при чемъ требовалось, не выходя

изъ засѣданія суда, произнести приговоръ. Сличаемыя рукописи, почти всегда, самымъ неудобнымъ для сличенія способомъ вшиты въ толстую тетрадь судебнаго дѣла. Обстановка работы отвратительнѣйшая: гдѣ нибудь, въ полутемной комнатѣ, въ присутствіи постороннихъ лицъ, отвлекающихъ разговорами; тутъ же допрашиваютъ приведеннаго подъ стражей преступника; въ сосѣдней слѣдовательской камерѣ слышатся женскія рыданія, а въ корридорѣ шумъ, производимый влекомымъ подъ стражу обвиняемымъ, умоляющимъ оставить его на свободѣ. Въ такой ужасной обстановкѣ непривычный человѣкъ не только не сообразится съ мыслями для сличенія мелкихъ подробностей почерка, но не рѣшитъ самую простую задачу первыхъ правилъ ариѳметики, забудетъ таблицу умноженія. Ко всему этому, утомленный дневной работой слѣдователь спѣшитъ домой, торопитъ эксперта, кстати и самъ экспертъ чувствуетъ себя разбитымъ, голоднымъ и усталымъ!

Заключеніе, наконецъ, дано; документъ возвращенъ слѣдователю. У эксперта не остается ни точной копіи сличенныхъ почерковъ, ни копіи даннаго заключенія. Призванный снова по другому дѣлу, экспертъ припоминаетъ, что когда то у него былъ на разсмотрѣніи почеркъ того же типа и желалъ бы свѣриться съ прежде даннымъ заключеніемъ, уловить связывающій почерки элементъ, прослѣдить его значеніе для общаго построенія того и другого почерковъ—это оказывается невозможно. Прежнее дѣло находится гдѣ нибудь въ Сенатѣ или архивѣ, да мудрено и указать названіе дѣла. Для сознательнаго изученія почерковъ, какъ видите, нѣтъ никакой возможности.

Остается безсознательный опытъ, навыкъ. Допустимъ, что лицо, экспертирующее двадцать лѣтъ, выработаетъ въ себѣ снаровку разпознавать почерки; какая польза отъ того для будущаго? Экспертъ унесетъ свой опытъ въ могилу и ничего не оставитъ преемнику, какъ не получилъ нечего отъ предшественника. Да развѣ можно при такихъ условіяхъ обвинять сличителей, что они въ теченіе вѣковъ ничего не подмѣтили, неустановили никакихъ пріемовъ изслѣдованія? Что было бы съ фотографіей, еслибы каждому фотографу пришлось начинать съ дагерротипіи, не пользуясь трудами товарищей и прежнихъ дѣятелей, не черпая ничего изъ книгъ, работая только для себя и не вѣдая объ успѣхахъ, достигнутыхъ другими?

Находились, тѣмъ не менѣе, въ разныя времена эксперты, которыхъ смущала такая безтолковая и безполезная работа; лица эти дѣлали попытки привести въ порядокъ вынесенныя ими впечатлѣнія, оставить слѣдъ своего долголѣтняго труда, въ поученіе пріемникамъ. Французскій ученый Боннье, въ своей книгѣ о судебныхъ доказательствахъ, приводитъ два примѣра. Въ 1669 г., нѣкто Равено, издалъ брошюру: Les inscriptions de faux et la reconnaissance des ècritures. Судебныя власти нашли книгу зловредною, научающею совершать подлоги и добились

королевскаго указа, отъ 10 февраля 1670 года, въ силу котораго сочиненіе Равено сожженно рукою палача, передъ зданіемъ парижскаго главнаго суда. *) Въ 40-мъ году нашего столѣтія другой экспертъ, школьный учитель Левекъ повторилъ попытку Равено: написалъ и издалъ сводъ своихъ наблюденій по сличенію почерковъ (Leveque. Verification fes ècritures. Agen 1840); книга изъята изъ обращенія по настоянію судебныхъ властей, авторъ лишенъ службы, вынужденъ былъ покинуть родной городъ и умеръ въ нищетѣ.

Такова вся исторія экспертизы сличенія почерковъ и обнаруженія подлоговъ въ документахъ, вплоть до нашихъ дней. Изъ нея можно убѣдиться, какъ неосновательны, какъ незаслуженны упреки и насмѣшки, щедро расточаемые въ юридической литературѣ по адресу гг. каллиграфовъ-сличителей.

Съ появленіемъ въ судахъ фотографическаго аппарата, представлялась легкая возможность поправить дѣло. Для этого слѣдовало установить слѣдующія правила: 1) предлагать экспертамъ, вмѣстѣ съ подлинными документами, подлежащіе фотографическіе снимки; 2) разрѣшать разсматривать эти снимки не въ зданіи суда, но дома; 3) давать болѣе продолжительный срокъ на представленіе заключенія; 4) фотографическіе снимки оставлять экспертамъ въ собственность, для коллекціонированія и справокъ; 5) издавать, отъ времени до времени, сборники заключеній экспертовъ, съ приложеніемъ снимковъ съ рукописей.

Все это не трудно и не требуетъ большихъ денежныхъ жертвъ, при современной дешевизнѣ размноженія фотографическихъ снимковъ. Расходуются деньги на изданія гораздо менѣе нужныя. Установивъ такой порядокъ, судебныя власти доставили бы возможность добросовѣстнымъ экспертамъ относиться къ дѣлу сознательнѣе и строже.

Заинтересованныя лица, потерпѣвшіе, обвиняемые, защитники, имѣя въ рукахъ снимки и сборники заключеній, въ состояніи были бы оспаривать заключеніе эксперта, тогда какъ теперь этотъ послѣдній идетъ въ засѣданіе суда съ твердымъ убѣжденіемъ въ своей безотвѣтственности. Въ самомъ дѣлѣ, защита впервые видитъ въ судебномъ засѣданіи фотографическіе снимки и, разумѣется, совсѣмъ не подготовлена къ оцѣнкѣ заключенія эксперта, тогда какъ тѣ же снимки находились въ теченіи мѣсяцевъ въ рукахъ обвинителя, и имъ изучены до тонкости. При такомъ неравенствѣ силъ борящихся сторонъ, фотографія приноситъ только вредъ, давая оружіе въ одни руки и лишая другія способа защищаться. При разсмотрѣніи въ Петербургскомъ судѣ одного

*) Любопытно, что, въ томъ же XVII вѣкѣ, знаменитый юристъ Боденъ издалъ свою „демономанію“, въ которой вычислилъ число всѣхъ чертей (7, 405, 926) и подробно указалъ случаи, когда вѣдьмамъ надлежитъ вылетать на бѣломъ баранѣ, когда на черномъ и т. п. Никто не опасался, что книга это можетъ послужить пособіемъ для недостаточно опытныхъ вѣдьмъ.

очень извѣстнаго дѣла, присяжный повѣренный, князь А. И. Урусовъ, въ первый разъ увидя снимки во время засѣданія, указалъ экспертамъ, въ теченіи пяти минутъ, цѣлый рядъ промаховъ и вынудилъ ихъ признать справедливость указаній: можно же представить себѣ, что осталось бы отъ экспертизы, если бы снимки находились въ распоряженіи князя болѣе продолжительное время? Въ другомъ дѣлѣ защитникъ подсудимаго прямо указалъ присяжнымъ на это неравенство силъ, и на отрѣзъ отказался возражать на экспертизу. Присяжные засѣдатели отвергли подлогъ.

Фотографія даетъ средство заставить экспертовъ быть серьезнѣе; она обѣщаетъ сдѣлать изъ сличенія почерковъ, этого посмѣшища, роняющаго достоинство суда, нѣчто болѣе полезное и надежное.

Въ работахъ втораго рода дѣятельность фотографа не имѣетъ уже характера вспомогательной для работы другихъ экспертовъ: здѣсь онъ самъ является непосредственнымъ исполнителемъ порученій суда. Задача эксперта въ этихъ работахъ—возстановленіе измѣненнаго или поврежденнаго документа въ его первоначальномъ видѣ. Говорятъ: что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. Фотографія доказала справедливость этой поговорки, потому что для сокрытія отъ ея глаза передѣлки или исправленія документа существуетъ только одно средство: удалить письмена вмѣстѣ съ бумагой. Пока бумага цѣла—слѣды письма въ ней существуютъ, и наше дѣло придумать способы обнаруженія ихъ.

Техника возстановленія письменъ доведена въ настоящее время до весьма высокой степени совершенства, болѣе чѣмъ достаточной для надобностей судебной фотографіи, и мы можемъ уже заявить, что нѣтъ средства свести съ бумаги, безъ порчи ея поверхности, слѣды письма такимъ образомъ, чтобы фотографія безсильна была ихъ обнаружить. Поэтому, судебно-фотографическое изслѣдованіе должно или дать суду изображеніе скрытыхъ письменъ или твердо отвѣтить, что письменъ этихъ на бумагѣ не было. Положеніе это доказано работами, произведенными въ 1894 году въ нашей Академіи Наукъ, гдѣ были возстановлены письмена такого рода, о какихъ судебная фотографія и не знаетъ и никогда съ такими не встрѣтится. Нужно имѣть въ виду, что, разрушая письмена историческихъ актовъ, время и стихіи не стараются скрыть свою работу, тогда какъ поддѣлыватель долженъ не только свести писанное съ бумаги, но еще заботиться, чтобы бумага сохранила свой дѣвственный видъ.

Изъ этого видно, что отвѣтъ фотографа суду: „слѣды не обнаружены фотографіей“ допускаетъ только два толкованія: или слѣдовъ нѣтъ потому, что письменъ не было, или же ихъ нѣтъ потому, что фотографъ плохъ.

Для слѣдователя, желающаго узнать истину, а не только направить дѣло по 277 ст. уст. уг. суд. къ прекращенію, есть возможность

одно изъ двухъ предположеній исключить. Въ самомъ дѣлѣ, почему слѣды письменъ, невидимые глазамъ, бываютъ видимы фотографіей? Потому что цвѣтъ этихъ слѣдовъ такъ незначительно отличается отъ цвѣта бумаги, что глазъ нашъ не замѣчаетъ между ними разницы и не выдѣляетъ одно изъ другаго; цвѣтодѣлительная способность фотографіи совершеннѣе такой же способности глаза. До какого предѣла можетъ идти фотографическое цвѣтодѣленіе? Оно не имѣетъ предѣла и можетъ быть ведено до желаемой степени. Каково наименьше возможное отличіе цвѣта слѣдовъ сведенныхъ письменъ отъ бумаги, при условіи сохраненія цѣлости самой бумаги? Опытъ показалъ, что фотографическое изслѣдованіе обнаруживаетъ самые слабые слѣды письменъ ранѣе, чѣмъ на негативѣ получается отмѣтка, сдѣланная на той же бумагѣ перомъ, обмокнутымъ въ очень слабый растворъ двухромокислаго кали въ водѣ, какъ бы желта ни была бумага.

Отправляя или вручая фотографу документъ для возстановленія, слѣдователю достаточно сдѣлать отмѣтку на документѣ этимъ растворомъ, ни слова не говоря о томъ фотографу. Если на снимкѣ будетъ видна эта отмѣтка и не видно слѣдовъ, значитъ травленія никакого не было; если же отмѣтка на снимкѣ не появилась, то это доказываетъ, что фотографъ не свѣдущъ въ возстановленіи рукописей или не довелъ дѣло до конца.

Подобнаго рода контроль могъ бы быть оффиціально установленъ для всѣхъ видовъ работъ втораго рода и тогда судебной фотографіи не пришлось бы отвѣчать за грѣхи неумѣлыхъ фотографовъ.

Я говорилъ уже, что усвоить технику работъ втораго рода очень нетрудно; она ничѣмъ не отличается отъ общей техники возстановленія рукописей.

Я полагаю, что если бы судебное вѣдомство нашло возможнымъ исходатайствовать для фотографовъ, исполнявшихъ въ теченіе извѣстнаго срока безплатно фотографическія работы для суда, какія либо служебныя или иныя выгоды, то многіе изъ находящихся въ провинціи фотографовъ воспользовались бы этимъ. Тогда петербургская лабораторія была бы освобождена отъ множества шаблонныхъ работъ, отвлекающихъ ее отъ болѣе серьезныхъ судебно-фотографическихъ задачъ. Я полагаю, что, исполняя безплатно работы по дѣламъ уголовнымъ, провинціальные фотографы вознаграждались бы платой за работы для суда гражданскаго. Назначеніе петербургской лабораторіи, располагающей хорошими техническими средствами—разрѣшать болѣе трудныя, болѣе сложныя работы третьяго рода, а это возможно только при освобожденіи ея отъ работъ 1 и 2 рода, отнимающихъ у нея все время.

Такъ какъ техника работъ втораго рода ничѣмъ не отличается отъ возстановленія рукописей вообще, а это послѣднее составляетъ предметъ особаго доклада, то я перехожу къ работамъ третьяго рода.

Весьма часто ни суду, ни потерпѣвшему способъ поддѣлки документа неизвѣстенъ. Лицу, которому приходится платить по подложному документу, хотя подпись на документѣ какъ двѣ капли воды похожа на его собственную, заявляетъ суду просто: этотъ документъ подложный. Вотъ все, что онъ знаетъ и можетъ сказать о документѣ; остальное—дѣло суда и экспертизы.

Но вѣдь судъ знаетъ еще меньше, потому что самая подложность документа находится еще подъ сомнѣніемъ: правду ли говоритъ спорящій или неправду, съ цѣлью уклониться отъ платежа—кто его знаетъ? Чрезвычайно рѣдко на помощь суду являются свидѣтельскія показанія или другія доказательства; въ огромномъ большинствѣ случаевъ вся надежда возлагается на экспертизу. Это и понятно: при той быстротѣ, съ которою деньги переходятъ изъ кармана въ карманъ, всѣ письменныя сдѣлки совершаются безъ приготовленій, съ глазу на глазъ, безъ всякихъ свидѣтелей. Тогда документъ вручается эксперту съ порученіемъ узнать, дѣйствительно ли есть подлогъ или его нѣтъ?

Легко задать такой вопросъ, но ахъ! какъ не легко найти на него отвѣтъ! Способовъ поддѣлки документовъ такое множество и число ихъ растетъ съ такой быстротой, что экспертъ оказывается въ положеніи человѣка, отъ котораго требуютъ найти иголку въ стогѣ сѣна, да при томъ еще не утверждаютъ за вѣрное, что иголка дѣйствительно въ стогѣ имѣется. Передъ нами чистенькій документикъ, словно сейчасъ вышедшій изъ подъ пера, и первая мысль, приходящая въ голову эксперту—подозрѣніе спорящаго во лжи. Вѣрить тому, что эта аккуратненькая, хорошенькая бумажка была плодомъ фальсификаціи, не хочется такъ же, какъ не хочется вѣрить клеветѣ на дѣвушку, смотрящую на васъ ясными, невиными глазами, имѣющую видъ такой непорочной, такой чистой!.. Отъ этого предубѣжденія отдѣлаться необходимо, а это не всегда легко, особенно если въ совершеніи подлога подозрѣваются лица, въ высокихъ качествахъ которыхъ преступно, повидимому, сомнѣваться.

Съ котораго конца начать розыскъ слѣдовъ подлога? Почерки подписей, по тщательномъ сличеніи и изслѣдованіи, ничего не оставляютъ желать, въ смыслѣ сходства во всѣхъ подробностяхъ. Дѣлаемъ отмѣтку контрольнымъ растворомъ, гдѣ нибудь на уголкѣ документа, и ведемъ цвѣтодѣленіе до тѣхъ поръ, пока отмѣтка наша не выдѣлится изъ бумаги на негативѣ; но отмѣтка показалась, а слѣдовъ сведенныхъ письменъ нѣтъ какъ нѣтъ! Значитъ подлогъ совершенъ иначе. Беремъ порошокъ аллюминія, какъ самый мелкій изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ и протираемъ документъ этимъ порошкомъ, послѣ чего снимаемъ его тщательно ватой. Если на документѣ что нибудь скоблили или стирали резиной, хотя бы очень легко, то измѣненная въ мѣстахъ тренія по-

верхность бумаги задержитъ частицы аллюминія, и тогда на негативѣ эти мѣста обнаружатся. Но на нашемъ негативѣ съ заподозрѣннаго документа ничего подобнаго не видно. Опять, значитъ, не то. Страшно напрягая зрѣніе, смотрите вы на вашъ негативъ по цѣлымъ часамъ, стараясь уловить въ немъ какой нибудь намекъ на слѣды поддѣлки. Недалеко отъ буквъ подписи, вы замѣчаете какую-то слабую, едва видную черточку, до того слабую, что вы не вполнѣ вѣрите глазу, предполагаете возможность галлюцинаціи, вслѣдствіе утомленія зрѣнія. Повторяете съемки, усиливаете въ этомъ мѣстѣ цвѣтодѣленіе и убѣждаетесь, что черточка есть! Съ этого момента забывается все, и экспертиза обращается въ спортъ, гдѣ преобладаетъ надъ всѣмъ одно желаніе—разгадать ребусъ, перехитрить хитреца-поддѣлывателя. Съ одной стороны задѣто ваше самолюбіе, и вы знаете, что если вамъ не удастся найти подлогъ, а впослѣдствіи онъ обнаружится другимъ путемъ, не экспертизой, то надъ вами будутъ смѣяться и обидно смѣяться! Съ другой стороны, вы можете ожидать, что васъ заподозрятъ въ нежеланіи найти подлогъ изъ корыстныхъ, или иныхъ видовъ, притомъ подозрѣніе возникнетъ тамъ, гдѣ ему менѣе всего слѣдовало бы появиться. Наконецъ, васъ самихъ интригуетъ загадка, какъ шахматнаго игрока мучаетъ какая нибудь шахматная задача.

Черточка есть, но что съ ней дѣлать? Человѣку, не знакомому съ разнообразными пріемами поддѣлки рукописей, не дѣлавшему самолично всевозможныхъ опытовъ по этой части, черточка эта не говоритъ ровно ничего; за то свѣдущій и опытный экспертъ, серьезно изучившій силы своихъ противниковъ и знающій всѣ находящіяся въ ихъ распоряженіи средства, по одной такой черточкѣ строитъ догадку о пріемахъ, употребленныхъ при поддѣлкѣ, а сообразно этому составляетъ программу изслѣдованія. Возможно, что въ концѣ концовъ черточка окажется совсѣмъ невинною, случайно попавшею на бумагу, и тогда всѣ труды пропали даромъ: начинай сначала!

Существуетъ общественная игра, въ которой одного изъ участвующихъ заставляютъ искать спрятанную вещь, соображаясь съ усиленіемъ или ослабленіемъ звуковъ музыки. Онъ идетъ по одному направленію, музыка играетъ все сильнѣе, но въ тотъ моментъ, когда онъ воображаетъ себя у цѣли, музыка опять затихаетъ: значитъ, не угадалъ, ищи снова! Эта игра чрезвычайно напоминаетъ экспертизу документовъ третьяго рода.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на различіе между работами втораго и третьяго рода: въ первомъ случаѣ слѣды подлога *добываютъ*, во второмъ *ищутъ*. Этимъ все сказано. Когда фотографу говорятъ, что слѣды подлога, въ видѣ скрытыхъ письменъ, находятся въ такомъ то мѣстѣ бумаги, то его отношенія къ суду ничѣмъ не отличаются отъ отношеній къ суду водолаза, которому поручаютъ извлечь изъ указаннаго

мѣста, рѣки или пруда, брошенныя туда вещественныя доказательства. Такому фотографу нѣтъ рѣшительно никакой надобности изучать виды подлоговъ, знакомиться съ различными способами письменныхъ матерьяловъ и проч. Если техника цвѣтодѣленія ему знакома, то онъ вполнѣ удовлетворительно исполнитъ порученіе суда. Наоборотъ, для исканія подлога необходимо полное и основательное знаніе всѣхъ ухищреній, употребляемыхъ поддѣлывателями, равно какъ и знаніе всѣхъ, имѣющихся въ его распоряженіи, техническихъ средствъ. Кромѣ фотографіи во всемъ ея объемѣ, такой экспертъ долженъ изучить графическія искусства, фотомеханическіе процессы, бумажное производство, приготовленіе и испытаніе чернилъ, химію и проч., потому что всѣми этими знаніями ему приходится пользоваться и искать помощи, то въ одномъ изъ нихъ, то въ другомъ. Онъ, какъ судебный медикъ, обязанъ овладѣть задачей со всѣхъ сторонъ, направлять слѣдователя въ его розыскахъ, предусмотрѣть всѣ могущіе возникнуть на судѣ вопросы и предугадать возможныя возраженія сторонъ, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ. Для всего этого мало знать пріемы фотографическаго цвѣтодѣленія, но надо душу положить въ дѣло, отдаться ему сполна и не имѣть никакихъ другихъ интересовъ въ жизни. Для этого эксперту недостаточно *пользоваться* фотографіей, но приходится *примѣнять* ее къ достиженію спеціально-судебныхъ цѣлей *).

---

*) Случаи примѣненія фотографіи къ осмотрамъ на предварительныхъ слѣдствіяхъ у насъ, вообще говоря, очень рѣдки, какъ это видно изъ свѣдѣній, собранныхъ Коммиссіей для пересмотра законоположеній по судебной части. На вопросъ «не встрѣчались-ли случаи примѣненія фотографіи къ осмотрамъ?», получился такой отвѣтъ:

«Какъ видно изъ ревизіонныхъ отчетовъ, въ которыхъ имѣются свѣдѣнія по настоящему вопросу, фотографія къ осмотрамъ по предварительномъ слѣдствіи вовсе не примѣнялась въ округахъ Рязанскаго, Костромского, Орловскаго, Курскаго, Полтавскаго, Острогожскаго, Воронежскаго, Новочеркасскаго, Херсонскаго, Кишиневскаго, Елисаветградскаго, Екатеринославскаго, Нѣжинскаго, Черниговскаго, Каменецъ-Подольскаго, Могилевскаго, Виленскаго и Минскаго окружныхъ судовъ. Въ остальныхъ округахъ фотографія примѣнялась, но сравнительно очень рѣдко или даже въ исключительныхъ, единичныхъ случаяхъ. Согласно отчетамъ, этотъ пріемъ изслѣдованія чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, встрѣчался въ Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Ковнѣ. (Труды Выс. утв. Ком. для пересм. закон. по суд. части. Т. III, стр. 168, вопросъ 45).

На другой вопросъ (49): «Примѣнялась-ли фотографія къ случаямъ предусмотрѣннымъ ст. 348 уст. угол. суд.?» отвѣтъ слѣдующій:

«Во многихъ округахъ (Рязанскомъ, Костромскомъ, Тульскомъ, Калужскомъ, Вологодскомъ, Курскомъ, Орловскомъ, Усть-Медвѣдицкомъ, Елисаветградскомъ, Пензенскомъ, Тобольскомъ, Самарскомъ, Луцкомъ, Могилевскомъ, Черниговскомъ, Виленскомъ, Минскомъ и др.) примѣненіе фотографіи къ случаямъ предусмотрѣннымъ ст. 348 уст. угол. суд. совсѣмъ не имѣло мѣста. Въ нѣкоторыхъ округахъ (Нижегородскомъ, Елецкомъ, Новочеркасскомъ, Сумскомъ, Житомірскомъ и Стародубскомъ) примѣненіе въ означенныхъ случаяхъ фотографіи имѣло значеніе единичныхъ случаевъ; въ остальныхъ практиковалось крайне рѣдко. Болѣе или менѣе частое примѣненіе фотографіи для установленія примѣтъ умершаго, трупъ котораго подвергнутъ изслѣдованію, констатировано отчетомъ по округу Одесскаго окр. суда. Согласно отчету по округу

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ дневника I съѣзда рус. дѣят. по фотогр. дѣлу.

Засѣданіе 31 марта, (вечеромъ),

происходило подъ предсѣдательствомъ кн. А. И. Урусова, при секретарѣ И. Д. Перепелкинѣ.

Были прочтены доклады:

Е. Ѳ. Буринскаго: О судебной фотографіи.
„ О цвѣтодѣленіи.
„ О примѣненіи фотографіи къ чтенію рукописей.

Въ преніяхъ по первому изъ нихъ приняли участіе: Гг. Вульфертъ [1]), кн. Урусовъ [2]), Буринскій, Баранцевичъ [3]) и Баснинъ [4]); по третьему—гг. Преображенскій [5]) Фишеръ [6]).

Съѣздомъ приняты слѣдующія положенія докладчика: 1) Изготовленіе фотографическихъ увеличеній, для облегченія экспертизы почерковъ, можетъ быть поручено любому фотографу, какъ не требующее спеціальныхъ знаній. 2) Возстановленіе сведенныхъ съ бумаги или закрытыхъ письменъ можно поручить фотографу, заявляющему о своемъ знакомствѣ съ техникою цвѣтодѣленія, но не иначе, какъ съ отмѣткой на документѣ контрольнымъ растворомъ, составъ котораго долженъ быть указанъ судебной власти фотографическими обществами и рекомендованъ оффиціально судебнымъ дѣятелямъ. 3) Желательно освободить, такимъ образомъ, петербургскую казенную лабораторію отъ исполненія шаблонныхъ работъ, безполезно отнимающихъ время у присяжнаго фотографа, и возложить на эту лабораторію исключительно работы третьяго рода, требующія не добыванія слѣдовъ подлога, но исканія ихъ. 4) Техническая дѣятельность казенной лабораторіи должна быть у всѣхъ на виду, и всякая тайна здѣсь неумѣстна. Необходимо, по окончаніи или прекращеніи судебнаго дѣла, печатать, какъ заключенія присяжнаго фотографа, такъ и описаніе процессовъ, при помощи которыхъ онъ дошелъ до своего заключенія. 5) Желательно положить начало судебно-фотографической литературы основаніемъ *Вѣстника судебной фотографіи*, издаваемаго министерствомъ юстиціи. 6) Желательно, чтобы фотографамъ, исполняющимъ порученія судовъ, были

Кіевскаго окр. суда, судебные слѣдователи рѣдко прибѣгаютъ къ фотографіи, въ виду ея дороговизны (одинъ снимокъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ стоилъ 8 р.). Затѣмъ, въ уѣздѣ, гдѣ чаще чѣмъ въ городахъ находятъ трупы неизвѣстныхъ личностей, не всегда имѣются фотографы, которыхъ можно было бы приглашать на мѣсто изслѣдованія (тамъ же, стр. 179).

[1]) Членъ Москов. Суд. Палаты. [2]) Присяжн. повѣренный. [3]) Судебный слѣдователь. [4]) Присяжный повѣренный. [5]) Приватъ-доцентъ Моск. Университета. [6]) Московскій фотографъ.

предоставлены какія-либо служебныя выгоды, способныя поощрить ихъ къ изученію дѣла. 7) Желательно, чтобы должность присяжнаго фотографа замѣщалась лицами, рекомендуемыми фотографическими Обществами. 8) Желательно, чтобы судебная власть призывала къ участію въ обсужденіи вопросовъ, касающихся упорядоченія судебно-фотографическаго изслѣдованія документовъ, спеціальныя фотографическія Общества. 9) Желательно изданіе руководства къ производству судебно-фотографическихъ работъ. Докладъ сопровождался демонстраціей діапозитивовъ на экранѣ и возбудилъ большой интересъ въ членахъ съѣзда.

ДОБАВЛЕНІЯ КЪ ГЛ. II.

1-е. Въ журналѣ Сѣверный Вѣстникъ 1892 г. № 11 была напечатана статья „Судебная Фотографія" И. Г. Щегловитова, (въ то время Тов. Прокур. Спб. Окр. Суда, нынѣ вице-директоръ Деп. Мин. Юстиціи). Въ разныхъ главахъ настоящей книги будутъ приведены нѣкоторыя извлеченія изъ статьи г. Щегловитова; здѣсь, въ главѣ о судебной фотографіи вообще, я считаю полезнымъ напомнить взглядъ извѣстнаго русскаго юриста на роль фотографіи въ дѣлѣ отправленія правосудія, высказанный имъ десять лѣтъ тому назадъ.

Прежде напечатанія въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, статья эта была прочитана авторомъ, въ видѣ публичной лекціи въ пользу голодающихъ, въ Соляномъ городкѣ, въ началѣ 1892 г. Я хорошо помню этотъ вечеръ. Первые ряды стульевъ были заняты нашими извѣстнѣйшими юристами и судебными дѣятелями, совершенно раздѣлявшими убѣжденія лектора, „что услуги, оказываемыя фотографіею правосудію, неоцѣнимы. Содѣйствуя раскрытію преступленія, облегчая обнаруженіе рецидивистовъ, свѣтопись есть кромѣ того драгоцѣнный способъ изслѣдованія документовъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи судебная фотографія имѣетъ особенно существенное значеніе въ виду полной неудовлетворительности прежнихъ пріемовъ опредѣленія подлинности или подложности заподозрѣннаго акта. Постановка судебной экспертизы въ данномъ случаѣ на подобающую ей высоту представляется вопросомъ животрепещущимъ. Въ судебныхъ мѣстахъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, ежедневно проходитъ масса дѣлъ, въ которыхъ необходимо полное и вполнѣ компетентное опредѣленіе подлинности или подложности разнаго рода документовъ, писемъ, векселей, росписокъ, обязательствъ, свидѣтельствъ, духовныхъ завѣщаній и т. под.

Дѣятельность суда, должна быть справедлива, такъ какъ стремленіе къ правдѣ составляетъ основное требованіе правосудія. Въ дѣлѣ суда, однако, какъ и во всемъ человѣческомъ, ошибки неизбѣжны. Вопли невинно-осужденныхъ будутъ поэтому всегда сопровождать судебныя рѣшенія. Воплей этихъ должна по возможности избѣгать Фемида. Количество судебныхъ ошибокъ есть лучшій показатель, которымъ опредѣляется степень удовлетворительности и пригодности данной судебной организаціи, а уменьшеніе числа этихъ ошибокъ есть наиболѣе вѣрный признакъ, свидѣтельствующій о прогрессѣ судебнаго дѣла. Не сомнѣва-

емся въ томъ, что, обратившись къ содѣйствію фотографіи, правосудіе сдѣлало въ указанномъ направленіи важный шагъ впередъ».

Однородную по содержанію и тожественную по выводамъ лекцію читалъ, въ томъ же году, въ актовомъ залѣ Императорскаго училища Правовѣдѣнія профессоръ этого училища и товарищъ оберъ-прокурора Правительст. Сената В. К. Случевскій. Я присутствовалъ и на этой лекціи.

Перехожу къ извлеченію изъ статьи г. Щегловитова:

«Совершенно вѣрно говоритъ Bonnier въ своемъ классическомъ трудѣ о судебныхъ доказательствахъ, что «мы открываемъ истину, когда между нашими идеями и фактами, которые мы желаемъ познать, существуетъ соотвѣтствіе». Къ достиженію такого соотвѣтствія нашихъ представленій съ дѣйствительностью направляется, между прочимъ, и дѣятельность суда, вѣчнымъ стремленіемъ котораго является отысканіе истины. Правда, одна голая правда—таково основное и конечное требованіе справедливости. Горячее чувство негодованія, свойственное всѣмъ временамъ, всѣмъ странамъ, всякой цивилизаціи, встрѣчаетъ уголовную кару, поражающую невиннаго.

Насколько однако указанное стремленіе къ правдѣ трудно достижимо, свидѣтельствуютъ многоразличныя формы суда, смѣнявшіеся въ исторіи пріемы изслѣдованія, которые измышлялись человѣческимъ умомъ для обнаруженія истины. Въ видѣ примѣра можно указать съ одной стороны на такъ называемыя ордаліи, суды Божіи, испытаніе стихійными силами, судебный бой, а съ другой—на пытку со всѣми ужасами святой инквизиціи. Къ счастью, мы живемъ въ такое время, когда о подобныхъ способахъ изслѣдованія приходится говорить, оглядываясь назадъ. Въ наше время провозглашенъ судъ по совѣсти, по внутреннему убѣжденію, основанному на изученіи обстоятельствъ дѣла, судъ, въ которомъ обвиняемый не служитъ предметомъ изслѣдованія, а является лицомъ, которому предоставлено право защищаться. Самое изученіе дѣла на судѣ должно быть вооружено строгими пріемами научнаго точнаго изслѣдованія данной области.

Судебная истина, составляющая конечную цѣль этого изученія, заключаетъ въ себѣ однако особенныя черты, отчасти присущія многимъ областямъ человѣческаго знанія. Взявъ любое рѣшеніе суда, можно развѣ утверждать, что рѣшеніе это безусловно вѣрно, что оно носитъ такой-же характеръ безусловной непреложности, аподиктичности, какъ ариѳметическая истина? Конечно, нѣтъ. Возьмемъ, напримѣръ, такую истину: $2 + 2 = 4$. Истина эта безусловно исключаетъ возможность противнаго, т. е. что $2 + 2 = 3$ или 5, между тѣмъ какъ формула полученная судомъ уголовнымъ, по справедливому замѣчанію Миттермайера, оставляетъ логическую возможность противнаго съ большею или меньшею вѣроятностью.

Указываемая особенность процессуальной истины присуща истинѣ исторической и, вообще, всякому изслѣдованію, которое имѣетъ своимъ предметомъ вопросы о дѣйствительности происходящихъ внѣ насъ явленій. Очевидность, приводящая къ увѣренности только приблизительной, условной, называется нравственной, юридической (moral evidence), въ противоположность очевидности математической, вызывающей безусловную увѣренность. Она, эта нравственная очевидность, представляетъ собою массу степеней, начиная отъ нравственной увѣренности, какъ высшей степени убѣжденія въ истинахъ этого рода, доходя до

простой вѣроятности, оставляющей широкій просторъ сомнѣнію. Въ этомъ ея различіе отъ очевидности математической, которая даетъ лишь одинъ выводъ, не оставляющій уже мѣста сомнѣнію.

Въ теоріи бывали попытки сводить нравственную очевидность къ математической, попытки, стремившіяся математическіе пріемы примѣнять къ изслѣдованію духовныхъ явленій человѣческой жизни (такова, напримѣръ, попытка Лапласа). Однако, свойство самаго предмета изслѣдованія исключаетъ, конечно, всякую возможность ариѳметическаго, числового выраженія неуловимыхъ, колеблющихся до безконечности, оттѣнковъ нравственныхъ убѣжденій человѣка. Бентамъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ о судебныхъ доказательствахъ, говоритъ: «неужели правосудіе требуетъ менѣе точности, чѣмъ химія?» Конечно, правосудіе требуетъ не меньше точности, чѣмъ химія, но дѣло въ томъ, что она для правосудія недостижима и искать ее вполнѣ безплодно.

Если, такимъ образомъ, судебное изслѣдованіе, подобно всякому историческому—въ широкомъ смыслѣ этого слова—изслѣдованію, можетъ достигнуть лишь высшую степень вѣроятности, то, въ то же время, это изслѣдованіе представляетъ и свои важныя, ему одному присущія, особенности. Историкъ и судья одинаково стремятся получить правильное, вѣрное представленіе объ изучаемомъ; оба они одинаково располагаютъ законами правильнаго мышленія — въ этомъ они совпадаютъ. Но достаточно взглянуть на результаты, къ которымъ они приходятъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, чтобы понять практическую разницу въ ихъ положеніи.

«Допустимъ, что одинъ изъ нихъ пришелъ къ ложному выводу. Историкъ ошибся—будущее потомство сознательнѣе посмотритъ на явленіе, въ которомъ онъ заблуждался, и ошибка его будетъ исправлена. Совсѣмъ иначе будетъ съ ошибкой суда, въ особенности суда уголовнаго. Приговори онъ ошибочно человѣка къ лишенію чести, свободы — зло уже непоправимо. При этомъ судебное изслѣдованіе не имѣетъ возможности отложить сужденіе, подобно научному изслѣдованію. Оно должно его разрѣшить въ данный моментъ, тогда какъ научный изслѣдователь не связанъ временемъ при разрѣшеніи своей задачи.

Въ виду такихъ совершенно исключительныхъ условій, въ которыя поставлена судебная дѣятельность, суду предписывается современными законодательствами, при сомнѣніи въ виновности обвиняемаго, рѣшать дѣло въ пользу подсудимаго. Затѣмъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда установленіе какого-либо факта требуетъ научнаго изслѣдованія, правосудіе, въ интересахъ обнаруженія истины, должно быть вооружено соотвѣтствующими способами изученія дѣла. Потребность въ такихъ изслѣдованіяхъ встрѣчается въ судебной практикѣ довольно часто. Таковы, напримѣръ, химическія изслѣдованія при отравленіяхъ, математическія, иногда очень сложныя, вычисленія по дѣламъ, сущность которыхъ заключается въ цифровыхъ данныхъ, медицинскія изслѣдованія поврежденій, смерти, состоянія умственныхъ способностей и т. д. Понятно, какъ дороги должны быть для суда при такихъ условіяхъ всѣ новѣйшія открытія, которыми расширяется кругъ человѣческихъ знаній. Наши внѣшнія чувства такъ ограничены въ пространствѣ и во времени, что обходиться при изученіи предметовъ, насъ окружающихъ, а также явленій, внѣ насъ происходящихъ, безъ помощи и содѣйствія всего того, что расширяетъ распознавательную область нашихъ чувствъ, невозможно.

И дѣйствительно, въ судебной дѣятельности новѣйшаго времени вспомогательныя научныя средства изслѣдованія получили широкое примѣненіе. Достаточно указать на разнообразные виды судебной экспертизы, производимой спе-

ціалистами науки и практической техники. Въ связи съ этимъ въ современномъ процессѣ заключенія свѣдующихъ людей заняли мѣсто особаго весьма важнаго рода доказательствъ. Не чуждаясь теоретическихъ и практическихъ данныхъ науки, судъ тѣмъ самымъ, по мѣрѣ постепеннаго общаго прогресса, совершенствуетъ и свою дѣятельность, развитіе которой знаменуется уменьшеніемъ случаевъ судебныхъ ошибокъ.

Новѣйшимъ весьма важнымъ вспомогательнымъ средствомъ обнаруженія истины на судѣ является *фотографія*.

Весьма скоро послѣ открытія фотографіи, къ содѣйствію ея сталъ обращаться судъ. Важное ея значеніе для правосудія и особенность пріемовъ, употребляемыхъ въ этихъ случаяхъ при свѣтописныхъ работахъ, даютъ полное основаніе къ выдѣленію судебной фотографіи въ самостоятельную отрасль фотографическаго искусства. Послѣдняя можетъ быть раздѣлена по свойству услугъ, оказываемыхъ правосудію, на фотографію *запечатлѣвающую* и на фотографію *изслѣдующую*. Первая является способомъ воспроизведенія точнаго изображенія лицъ и внѣшнихъ явленій, а также предметовъ и ихъ взаимнаго расположенія. Вторая, въ свою очередь, состоитъ изъ микрофотографической экспертизы, которая во многихъ случаяхъ замѣняетъ химическое и химико-микроскопическое изслѣдованіе и фотографической экспертизы документовъ, являющейся единственно правильнымъ и надежнымъ способомъ изслѣдованія рукописей, бумагъ и т. д.

Остановимся на судебной фотографіи запечатлѣвающей. Въ этой области особенное значеніе имѣютъ фотографическія изображенія отдѣльныхъ лицъ для установленія ихъ самоличности. Таковы встрѣчающіеся въ судебной практикѣ случаи обнаруженія, путемъ фотографіи, личности убитаго, пораженнаго параличемъ, ребенка, званіе котораго неизвѣстно, и т. д. По отношенію къ трупамъ фотографическій снимокъ удобенъ тѣмъ, что онъ можетъ быть сохраненъ для предъявленія частнымъ лицамъ, тогда какъ нерѣдко трупъ убитаго, напримѣръ, въ лѣтнее время, долженъ быть немедленно, по обнаруженіи, преданъ землѣ. Свѣтопись способствуетъ также нерѣдко и розыску виновныхъ. Въ этомъ отношеніи, въ видѣ примѣра, можно указать на случай, бывшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Бельгіи. Въ одномъ изъ городовъ ожидались уличные безпорядки. Для того, чтобы имѣть возможность установить участниковъ буйства, въ окнахъ нѣсколькихъ домовъ были поставлены аппараты моментальной фотографіи. Сдѣланными затѣмъ во время безпорядковъ снимками собравшейся толпы были обнаружены лица, бывшія въ ней. Наконецъ, извѣстно, какъ иногда, благодаря своевременно разосланнымъ снимкамъ съ заподозрѣннаго, удается задержать его ранѣе, чѣмъ онъ успѣетъ скрыться».

Посвятивъ нѣсколько страницъ идентификаціи личности рецидивистовъ при помощи фотографіи, г. Щегловитовъ продолжаетъ:

«Кромѣ воспроизведенія изображенія лицъ, свѣтопись оказываетъ услуги правосудію въ случаяхъ необходимости имѣть точный отпечатокъ внѣшняго вида предметовъ и ихъ взаимнаго расположенія. Далеко не всегда вещественныя доказательства могутъ быть представлены въ судъ или потому, что ихъ нельзя отдѣлить отъ окружающихъ предметовъ, или потому, что имѣющіеся на нихъ знаки и слѣды не могутъ быть сохранены въ полной неприкосновенности (напримѣръ: слѣды на снѣгу, раны, царапины на тѣлѣ). Кромѣ того, обстановка, при которой было совершено преступленіе, общая картина мѣста преступнаго дѣянія — все это безъ труда можетъ быть сохранено для суда при помощи фотографіи. Правда, можно воспользоваться, какъ это дѣлается теперь, протокольнымъ опи-

саніемъ указанныхъ предметовъ и мѣстъ. Тѣмъ не менѣе свѣтопись имѣетъ громадныя преимущества передъ слѣдственными протоколами въ смыслѣ объективной точности и наглядности. Къ тому же сухое, нерѣдко не вполнѣ обстоятельное, а иногда и невѣрное, описаніе протокола не можетъ представить такъ ясно слѣдовъ и обстановки преступленія, какъ фотографическіе снимки. Мы убѣждены, что наступитъ время, когда эти снимки замѣнятъ собою протоколы осмотровъ, причемъ судебнымъ слѣдователямъ придется вмѣсто чернилъ и бумаги возить съ собою фотографическіе аппараты. Во французской судебной практикѣ и теперь весьма часто прибѣгаютъ къ фотографированію внѣшней обстановки преступленія, что, по отзывамъ компетентныхъ лицъ, представляетъ большія удобства для всесторонняго разъясненія дѣла. У насъ пока господствуетъ слѣдственный протоколъ, а къ фотографическимъ изображеніямъ, въ видѣ особенной роскоши, прибѣгаютъ только въ рѣдкихъ случаяхъ.

Судебная фотографія изслѣдующая даетъ возможность не только получить внѣшнее изображеніе предмета, но и опредѣлить его составъ и условія происхожденія. Въ этой роли свѣтопись оказываетъ громадныя услуги человѣчеству. Ходячее представленіе о фотографіи, какъ объ автоматическомъ способѣ записывать внѣшнія явленія; оказывается весьма неточнымъ. Свѣтопись не только записываетъ, но во многихъ случаяхъ, какъ увидимъ ниже, изслѣдуетъ предметы.

Въ этомъ отношеніи очень серьезное значеніе для правосудія имѣетъ *микрофотографія.*

Для правосудія микрофотографія является надежною помощницею въ дѣлѣ раскрытія истины. Въ отечественной судебной практикѣ, какъ намъ извѣстно, не прибѣгаютъ еще къ этому способу изслѣдованія. Зато заграницею микрофотограммы занимаютъ видное мѣсто въ ряду судебныхъ доказательствъ. Приведемъ нѣсколько случаевъ примѣненія микрофотографіи изъ германской судебной практики. Два года тому назадъ, въ Пфальцѣ, было обнаружено убійство дѣвушки. Подозрѣніе въ совершеніи преступленія падало на одно лицо вслѣдствіе того, что на плечѣ убитой былъ найденъ волосъ, похожій на волосъ изъ бороды заподозрѣннаго. Когда-же найденный волосъ былъ увеличенъ въ 1600 разъ, то стало ясно, что онъ принадлежитъ собакѣ, и притомъ старой, желтой, короткохвостой. По этимъ указаніямъ нашли дѣйствительнаго убійцу, у котораго оказалась собака описанныхъ примѣтъ.

Въ другомъ случаѣ, во время совершенія преступленія между убійцею и жертвою была борьба, причемъ убитая женщина успѣла вырвать нѣсколько волосъ у злоумышленника. Павшее подозрѣніе на одного человѣка подтверждалось при сравненіи путемъ увеличенныхъ снимковъ волосъ заподозрѣннаго съ волосами въ рукахъ убитой. Особенно часто примѣняется микрофотографія къ изслѣдованію кровяныхъ пятенъ. Увеличеніе такихъ пятенъ на убійцѣ послужило въ одномъ дѣлѣ къ обнаруженію истины. Обвиняемый утверждалъ, что пятна на его платьѣ происходятъ отъ крови козы, которую онъ незадолго передъ тѣмъ зарѣзалъ, при чемъ фактъ этотъ былъ удостовѣренъ свидѣтелями. Однако микрофотограмма доказала, что пятна на заподозрѣнномъ происходили отъ человѣческой крови. Дѣло въ томъ что смѣшать человѣческую кровь съ кровью животныхъ при микрофотографическихъ увеличеніяхъ невозможно. При увеличеніи 10,000 разъ человѣческая кровь можетъ быть отличена отъ крови животныхъ по числу и формѣ кровяныхъ тѣлецъ. Въ первой ихъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ милліоновъ въ кубическомъ миллиметрѣ, тогда какъ въ крови животныхъ этихъ тѣлецъ гораздо меньше, причемъ они отличаются неправильной формою.

Микрофотографическія изслѣдованія могутъ быть примѣняемы для обнару-

женія сѣмянныхъ пятенъ, присутствія ядовъ, для отличія доброкачественныхъ съѣстныхъ припасовъ отъ недоброкачественныхъ, фальсифицированныхъ винъ отъ настоящихъ и т. под. По успѣшности результатовъ названныя изслѣдованія могутъ замѣнить собою вполнѣ химическую и химикомикроскопическую экспертизу, передъ которою они къ тому-же имѣютъ громадное преимущество. Вещественное доказательство, подвергшееся химическому изслѣдованію, утрачиваетъ свой первоначальный видъ и составъ, тогда какъ микрофотографическая экспертиза, не повреждая предмета, воспроизводитъ его строеніе и внутренній составъ. Поэтому химическую экспертизу трудно, а иногда и невозможно провѣрить; между тѣмъ микрофотографическое изслѣдованіе не представляетъ этого крайне существеннаго неудобства.

Какъ замѣчено выше, у насъ не пользуются микрофотографіею въ судебныхъ изслѣдованіяхъ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, тѣмъ болѣе, что существующія условія производства химической экспертизы весьма неудовлетворительны. Какъ извѣстно, экспертизы эти сосредоточены во врачебныхъ отдѣленіяхъ, которыя лишь номинально производятъ ихъ. На самомъ дѣлѣ, химическій анализъ вещественныхъ доказательствъ поручается какому-нибудь провизору безъ всякаго контроля его дѣйствій. Составленный имъ актъ подписывается затѣмъ членами врачебнаго отдѣленія и произведенная такимъ образомъ экспертиза является судебнымъ доказательствомъ. Неудивительно, что на судѣ возникаютъ сомнѣнія въ достовѣрности подобныхъ изслѣдованій, которыя затрудняютъ судей въ правильномъ разрѣшеніи дѣла.

Самымъ интереснымъ отдѣломъ судебной фотографіи изслѣдующей является примѣненіе ея къ экспертизѣ документовъ *). Ни одна отрасль судебной экспертизы не находится въ такомъ младенческомъ состояніи, какъ экспертиза подложныхъ документовъ. Она производилась до послѣдняго времени каллиграфами, отчего и называется каллиграфическою (comparatio litterarum) и сводится къ установленію сходства или тождества оспариваемаго акта съ тѣмъ или другимъ почеркомъ, съ тою или другою рукописью.

Въ настоящее время можно съ положительностью утверждать, что наиболѣе совершеннымъ способомъ изслѣдованія документовъ является *фотографія*. Оставляя изслѣдуемый предметъ безъ поврежденія, она даетъ весьма существенные результаты для опредѣленія значенія и достоинства документа. Все, что незамѣтно для простого, даже вооруженнаго увеличительнымъ стекломъ, глаза, выступаетъ въ снимкахъ. Малѣйшія внѣшнія поврежденія документа, при соотвѣтствующихъ увеличеніяхъ, получаютъ достаточную ясность и наглядность. Цвѣточувствительность, въ связи съ возможностью увеличивать въ снимкахъ изображеніе оригинала, даетъ богатѣйшій матеріалъ для изученія штриха и почерка. Путемъ такого изученія можетъ быть прямо опредѣленъ способъ подделки. Напримѣръ, разбросанный слой чернилъ въ штрихахъ свидѣтельствуетъ о томъ, что при поддѣлкѣ было употреблено сильное давленіе между вальцами или на камнѣ. Далѣе, фотографія даетъ наглядное изображеніе всего находящагося подъ текстомъ рукописи, нерѣдко незамѣтнаго при самомъ тщательномъ обозрѣніи. Она же и только она можетъ, не повреждая оригинала, возстановить рукопись, залитую чернилами. При помощи ея могутъ быть подвергнуты самому строгому анализу чернила и бумага изслѣдуемыхъ документовъ, что иногда получаетъ громадное значеніе для дѣла.

---

*) И. Щегловитовъ. О примѣненіи фотографіи къ изслѣдованію документовъ. Юридическая лѣтопись, 1891 г., кн. III; его-же. Судебная экспертиза документовъ. Журналъ гражд. и угол. права, 1891 г., кн. VI.

«Слѣдуетъ замѣтить, что у насъ начало фотографической экспертизы документовъ положилъ фотографъ Е. Ф. Буринскій цѣлымъ рядомъ блестящихъ изслѣдованій въ лабораторіи, устроенной съ 1889 года при С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ. Ранѣе того были единичные случаи фотографической экспертизы въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, къ которымъ прибѣгали однако лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Вообще же въ нашей судебной практикѣ до послѣдняго времени господствуетъ каллиграфическая экспертиза».

(*П. Щегловитовъ*, Сѣв. Вѣст. 1892 г. № 11).

ГЛАВА III.

Цвѣтодѣлительная фотографія.

Какъ основаніе судебнаго изслѣдованія документовъ *).

Семнадцать лѣтъ тому назадъ, извѣстный французскій ученый и фотографъ Даваннъ, присутствуя при открытіи памятника Ньепсу, произнесъ блестящую рѣчь, въ которой старался выяснить великое значеніе фотографіи для науки и техники. Перечисливъ разные виды примѣненія свѣтописи, Даваннъ указалъ, что она исполняетъ роль „идеальнаго рисовальщика, секретаря и протоколиста, вѣрнаго спутника изслѣдователя, безпристрастнаго историка видимыхъ явленій“ (.... l'historien veridique impartial de tous les phenomenes visibles).

Желая сказать похвальное слово изобрѣтателю свѣтописи, ораторъ придумалъ, разумѣется, самую лестную, по его мнѣнію, характеристику изобрѣтенія. Картина, нарисованная Даванномъ, такова: ученый наблюдаетъ явленіе, а фотографія зарисовываетъ; ученый поставилъ региструющій аппаратъ и пошелъ погулять или отдохнуть, а фотографія неусыпно и добросовѣстно отмѣчаетъ за него показанія прибора!

Совершеннѣйшее орудіе запечатлѣванія и регистраціи явленій — вотъ чѣмъ, по тогдашнему отзыву Даванна, вице-предсѣдателя французскаго фотографическаго общества, является фотографія по отношенію къ общему прогрессу человѣческаго знанія!

Протекло немного лѣтъ, но мы жестоко обидѣли бы теперь фотографію, повторивъ о ней отзывъ, данный 22 іюня 1885 года. Роль ея за это время значительно расширилась: оставаясь по прежнему незамѣнимымъ средствомъ запечатлѣванія и регистраціи, она оказывается, вмѣстѣ съ тѣмъ, могущественнымъ орудіемъ изслѣдованія. Прежде она *сопровождала* ученаго; теперь *ведетъ его за собою*. Ранѣе фотографическая пластинка отмѣчала и зарисовывала то, что наблюдалось и безъ ея помощи; въ настоящее время она сама откры-

---

*) Глава эта представляетъ перепечатку (съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями) моей записки, представленной въ 1895 г. Императорской Академіи Наукъ и напечатанной въ Извѣстіяхъ Академіи 1896 г. № 3. Работа эта удостоена преміи имени Ломоносова въ 1898 г. (см. въ концѣ главы).

ваетъ изслѣдователю новыя области для наблюденій, въ которыя иными путями нельзя проникнуть.

Майбриджъ, въ Санъ-Франциско, первый возымѣлъ мысль получать рядъ снимковъ съ предметовъ, находящихся въ движеніи, напр., бѣга животныхъ, полета птицъ и т. п. Остроумно построенный приборъ даетъ возможность сдѣлать въ теченіе одной секунды нѣсколько десятковъ фотографій съ движущагося предмета и, такимъ образомъ, видѣть составные моменты движенія. Когда-то, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, извѣстный ваятель Фальконетъ, которому поручено было сдѣлать проектъ памятника Петру I-му, заставлялъ берейтора, по нѣсколько часовъ въ день, въѣзжать, верхомъ на лошади, на нарочно для того насыпанный холмъ. Фальконету требовалось уловить постановку ногъ въѣзжающей лошади и это удалось ему только послѣ очень продолжительнаго и внимательнаго наблюденія; тогда какъ при помощи современнаго намъ хронофотографическаго аппарата, онъ получилъ бы множество снимковъ всѣхъ положеній въѣзжающей на холмъ лошади и могъ бы выбрать изъ нихъ болѣе красивый для проектируемаго памятника. Хронофотографія, слѣдовательно, не только зарисовываетъ то, что можно наблюдать глазомъ, но устраняетъ одно изъ несовершенствъ нашего зрѣнія, неспособность улавливать явленія краткодлящіяся и быстро измѣняющіяся. Такимъ образомъ хронофотографія принадлежитъ уже не къ *запечатлѣвающей* свѣтописи, а *изслѣдующей*.

Такъ называемая радіографія или фотографированіе открытыми, въ 1895 г. Рентгеномъ, X-лучами, сквозь непроницаемыя преграды, тоже составляетъ часть не запечатлѣвающей, но изслѣдующей фотографіи. При помощи X-лучей зрѣніе наше проникаетъ туда, куда ему, непосредственно, доступа нѣтъ и глазъ видитъ предметы, напр., костякъ руки, закрытые отъ него свѣтонепропускающими покровами.

Можно ли сказать, напримѣръ, что рисуя въ одну секунду десятки изображеній: летящей птицы, бѣгущаго животнаго, падающей воды и т. п., фотографія исполняетъ обязанность историка *видимыхъ* явленій, не болѣе? Развѣ мы видимъ нашими глазами отдѣльные, раздѣленные кратчайшими промежутками времени, моменты полета, бѣга, паденія? Для того, чтобы глазъ нашъ воспринялъ и передалъ далѣе впечатлѣніе, явленіе должно обладать извѣстной продолжительностью; въ противномъ случаѣ мы не способны получить о немъ точное представленіе. Рядъ послѣдовательныхъ, быстро смѣняющихся явленій даетъ сумму впечатлѣній, при чемъ слагаемыя остаются неизвѣстными. Нѣтъ, мы обязаны признать, что *фотографія позволила намъ переступить одинъ изъ предѣловъ непосредственныхъ ощущеній, разрушила одну изъ преградъ, поставленныхъ природою на пути на-*

шей зрительной способности! Мы, такъ сказать, слишкомъ медленно смотримъ, тогда какъ фотографія смотритъ несравненно быстрѣе.

Съ момента, въ который фотографія переводитъ насъ за предѣлъ непосредственнаго ощущенія, она перестаетъ быть *запечатлѣвающей* и становится *изслѣдующей*.

Съ каждымъ днемъ опредѣленнѣе выясняется пограничная черта, раздѣляющая интересы художественной фотографіи отъ фотографіи научной. Назначеніе художественной фотографіи угождать зрѣнію, тогда какъ научная фотографія обязана исправлять его ошибки и дополнять недостатки.

То время, когда научная фотографія могла слѣдовать по пятамъ за художественной, довольствуясь заимствованіемъ у послѣдней ея пріемовъ, орудій и матеріаловъ—прошло. Обѣ сестры могли идти рука объ руку, пока дѣло шло о запечатлѣваніи; но тамъ, гдѣ кончается запечатлѣваніе и начинается изслѣдованіе, интересы ихъ перестаютъ быть общими, сразу расходятся въ противоположныхъ направленіяхъ. То, къ чему стремится одна, старательно избѣгается другой; гдѣ удача первой, тамъ неуспѣхъ второй: когда эта радуется, та приходитъ въ отчаяніе.

Въ 1885 году можно было не заводить рѣчь о необходимости выдѣленія фотографіи *изслѣдующей* отъ фотографіи *запечатлѣвающей*, потому что различіе не было тогда достаточно рѣзкимъ. Теперь мы обязаны различіе это хорошо отмѣтить и подчеркнуть. Одинъ изъ отдѣловъ фотографіи изслѣдующей, менѣе другихъ извѣстный, имѣетъ для судебной фотографіи особо важное значеніе: я говорю о *цвѣтодѣлительной фотографіи*.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, задача судебно-фотографическаго изслѣдованія сводится къ усиленію различія между такими цвѣтовыми оттѣнками, которые не раздѣляются глазомъ безъ этого усиленія. Желая, напримѣръ, удалить съ поверхности бумаги какія либо письмена, поддѣлыватель вытравливаетъ или выскабливаетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока слѣды письменъ не изчезнутъ для его зрѣнія, а слѣдовательно и для зрѣнія другихъ людей. Тѣмъ не менѣе, слѣды останутся, но такіе слабые, что цвѣтъ ихъ не отличить простымъ глазомъ отъ цвѣта бумаги. Обязанность судебнаго фотографа произвести цвѣтодѣленіе, т. е. раздѣлить цвѣтъ слѣдовъ отъ цвѣта бумаги.

Всякій разъ, когда мы желаемъ пользоваться для научныхъ изысканій какимъ нибудь орудіемъ измѣренія или наблюденія, мы стараемся, прежде всего, опредѣлить степень его чувствительности и точности, т. е. узнать предѣлы возможныхъ ошибокъ. Собственныя, непосредственныя наши ощущенія, доставляемыя намъ органами внѣшнихъ чувствъ, чрезвычайно несовершенны и ограничены весьма тѣсными предѣлами; всѣ раздраженія, стоящія ниже такъ называемаго „порога ощущеній“, не доходятъ до нашего сознанія, раздраженія же, стоящія

выше верхняго предѣла или „высшей точки раздраженій“, сказываются лишь въ видѣ неопредѣленнаго чувства, напр. боли, не давая понятія объ ихъ относительной величинѣ.

Но и въ тѣсныхъ предѣлахъ, между порогомъ ощущеній и высшей точкой раздраженія, ощущенія наши не непрерывны, т. е. измѣняются скачками въ то время, когда раздраженіе увеличивается путемъ очень малыхъ приращеній. Если мы держимъ въ рукѣ пудовую гирю или ощущаемъ холодъ при температурѣ 10 градусовъ ниже нуля, то отъ прибавки къ пудовой тяжести одного фунта или отъ пониженія температуры на одинъ градусъ, напряженность нашего вѣсоощущенія или теплоощущенія не измѣнится. Поэтому, если бы о явленіяхъ внѣшняго міра мы судили только по нашимъ непосредственнымъ ощущеніямъ, не пользуясь такими орудіями, какъ вѣсы, термометръ и др., то не только область доступныхъ изученію явленій была бы очень ограничена, но и въ этой области мы получили бы лишь ошибочныя сужденія, благодаря отсутствію непрерывности ощущеній. Успѣхи естествознанія находятся, такимъ образомъ, въ полнѣйшей зависимости отъ пріобрѣтенія человѣкомъ новыхъ органовъ чувствъ, т. е. средствъ выйти за предѣлы непосредственныхъ ощущеній.

Непрерывно совершенствуя показанія нашихъ органовъ чувствъ по отношенію къ вѣсу, температурѣ, размѣрамъ и т. п., мы оставляемъ, почему то, безъ всякаго вниманія одну категорію ощущеній—цвѣтоощущеніе, не смотря на то, что ежедневный опытъ указываетъ намъ на недостаточность нашей цвѣтоощутительной или цвѣтодѣлительной способности.

Два оттѣнка одного и того же цвѣта различаются нами съ большимъ или меньшимъ усиліемъ, смотря потому, какъ велика между ними разница въ густотѣ цвѣта. Печатную книгу читать легко, потому что черная типографская краска рѣзко выдѣляется изъ бѣлаго фона бумаги. Рукопись на сѣрой бумагѣ жидкими, разведенными чернилами читать непріятно, потому что надобно напрягать зрѣніе для выдѣленія буквъ. Чѣмъ сѣрѣе бумага и слабѣе чернила, тѣмъ затруднительнѣе чтеніе и, дойдя до извѣстной величины, цвѣтовое различіе между бумагой и буквами окажется внѣ предѣловъ нашей цвѣтодѣлительной способности, т. е. мы потеряемъ возможность читать рукопись.

Чрезвычайно простой опытъ можетъ убѣдить насъ въ несовершенствѣ нашей цвѣтодѣлительной способности. Въ два стакана одинаковаго діаметра нальемъ чай изъ одного чайника; въ обоихъ стаканахъ жидкость будетъ одинаково окрашена. Отнимемъ теперь отъ одного стакана ложку чая и, замѣстивъ ее такою же ложкой воды, хорошо размѣшаемъ жидкость. Понятно, что вслѣдствіе сдѣланной нами замѣны, жидкости въ стаканахъ перестали быть равноокрашенными, но мы

не замѣтимъ различіе въ окраскѣ, потому что это различіе не доходитъ до порога нашихъ цвѣтодѣлительныхъ ощущеній. Много разъ придется намъ повторить операцію замѣны чая водой прежде, чѣмъ глазъ окажется въ состояніи различить разбавленный чай отъ неразбавленнаго.

Изъ этого опыта видно, что отъ нашего наблюденія вполнѣ ускользаютъ начальные періоды всѣхъ тѣхъ длящихся явленій, въ которыхъ цвѣтоизмѣненіе играетъ какую либо роль, потому что мы въ состояніи замѣтить измѣненіе въ цвѣтѣ тогда лишь, когда оно достигаетъ весьма значительной величины.

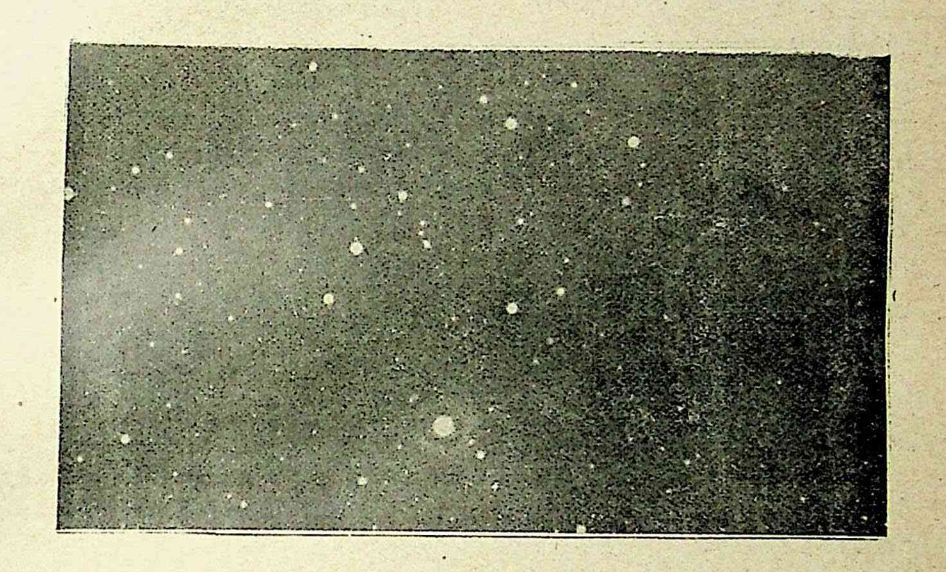
Разсматривая спектръ какого нибудь вещества, мы видимъ, прежде всего, рѣзкія черныя линіи, затѣмъ другія линіи, менѣе черныя, далѣе замѣчаемъ слабыя линіи, и, наконецъ, очень слабыя, едва выдѣляющіяся изъ фона какой нибудь части спектра. Чтобы усмотрѣть эти послѣднія линіи, мы вынуждены были сильно напрягать зрѣніе и намъ кажется, что, произведя такую работу, мы исчерпали всѣ абсорбціонныя линіи изслѣдуемаго спектра. Вправѣ ли мы такъ думать послѣ произведеннаго нами опыта съ окрашенной жидкостью?

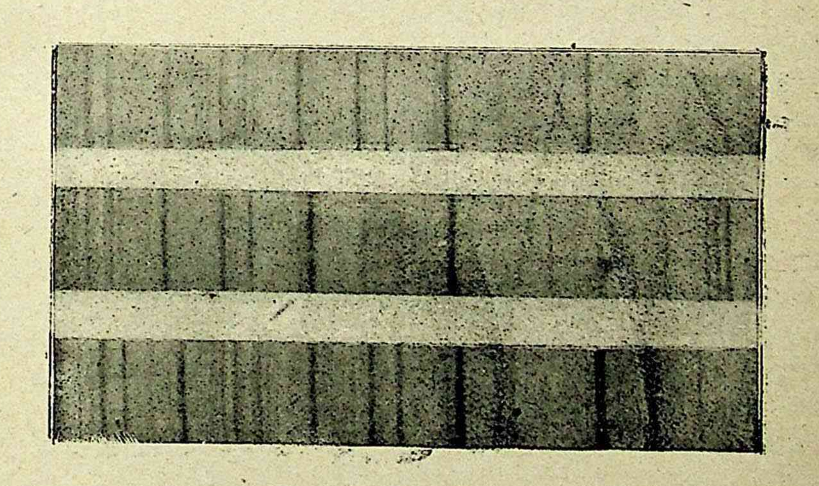
Астрономъ, получивъ фотографическій снимокъ части неба, отмѣчаетъ слѣды небесныхъ тѣлъ, представляющихся на снимкѣ въ видѣ бѣлыхъ точекъ на темномъ фонѣ неба. Нѣкоторые слѣды видны ясно, другіе съ трудомъ, третьи едва замѣтны, смотря по степени ихъ цвѣтового отличія отъ фона. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на томъ же негативѣ имѣется еще множество слѣдовъ, не замѣчаемыхъ глазомъ, ибо допустить противное—значило бы предположить, что звѣзды сообразовались съ цвѣторазличительной способностью человѣческихъ глазъ, т. е. дали отпечатокъ только тѣ, которыхъ слѣды могутъ быть нами замѣчены, а остальныя совсѣмъ не дали, расчитавъ, что человѣкъ, все равно, не разглядитъ!

Сказанное относительно спектроскопическихъ и астрономическихъ наблюденій приложимо, въ одинаковой мѣрѣ и къ наблюденіямъ микроскопическимъ, которыя, понятно, тоже останавливаются у границъ нашей цвѣтодѣлительной способности, оставляя насъ въ полномъ невѣденіи относительно всего, что существуетъ за этими предѣлами.

Цвѣторазличительная способность, т. е. спообность различать оттѣнки одного цвѣта, у всѣхъ людей различна; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что цвѣторазличительная или, правильнѣе, цвѣтодѣлительная способность не находится ни въ какой зависимости отъ остроты зрѣнія, т. е. дальнозоркости или близорукости. Въ этомъ отношеніи цвѣтодѣлительная способность имѣетъ сходство съ музыкальнымъ слухомъ: извѣстно, что люди превосходно улавливающіе малѣйшій шорохъ на далекомъ разстояніи, могутъ оказаться музыкально-глухими и на-

Къ стр. 62.

оборотъ. Какъ и музыкальный слухъ, цвѣтодѣлительная способность можетъ претерпѣвать патологическія измѣненія; иными словами, человѣкъ можетъ, вслѣдствіе какихъ-то болѣзненныхъ процессовъ въ мозгу, утратить, въ большей или меньшей степени, способность раздѣлять цвѣтовые оттѣнки разной силы, вполнѣ сохранивъ какъ остроту зрѣнія, такъ и всѣ другія способности.

Фотографы, имѣютъ полную возможность наблюдать неодинаковость цвѣтодѣлительной способности у разныхъ субъектовъ. Когда имъ приходится проявлять экспонированную пластинку въ присутствіи многихъ зрителей, они замѣчаютъ, что появленіе изображенія усматривается не всѣми одновременно: сначала увидитъ одинъ, потомъ другой, затѣмъ третій и т. д. Для нѣкоторыхъ моментъ начала проявленія наступаетъ тогда, когда остальные отчетливо видятъ общее очертаніе изображенія. Я знаю одно лицо, стараго опытнаго фотографа, который утратилъ цвѣтодѣлительную способность въ такой мѣрѣ, послѣ перенесенной болѣзни, что долженъ былъ отказаться отъ удовольствія самолично проявлять пластинки. По моей просьбѣ, этотъ фотографъ позволилъ изслѣдовать свое зрѣніе черезъ врача и оказалось, что рефракція глаза нимало не измѣнилась, т. е. онъ остался такимъ же дальнозоркимъ, какимъ былъ до болѣзни.

Какъ я уже сказалъ въ началѣ этой главы, девять десятыхъ судебно-фотографическихъ изслѣдованій сводится къ раздѣленію смежныхъ цвѣтовыхъ оттѣнковъ.

Судебную фотографію можно разсматривать какъ частное примѣненіе искусства возстановленій рукописей или, правильнѣе, письменъ, такъ какъ тѣ же пріемы практикуются и для возстановленія стершихся надписей на монетахъ, каменныхъ плитахъ и т. п. Въ древлехранилищахъ всѣхъ европейскихъ странъ можно найти не мало историческихъ актовъ, содержаніе которыхъ извѣстно только частью, благодаря тому, что мѣстами письмена на нихъ выцвѣли, стерлись или смылись. Еще больше имѣется такъ называемыхъ палимпсестовъ, т. е. такихъ рукописей, которыя написаны на пергаментѣ или бумагѣ, носившихъ ранѣе другія письмена, сведенныя для того, чтобы на ихъ мѣстѣ написать новыя. Прежде, какъ извѣстно, письменнымъ матеріаломъ дорожили, а потому зачастую одинъ и тотъ же пергаментъ шелъ въ дѣло нѣсколько разъ, т. е. одни письмена выскабливались, писались другія, которыя въ свою очередь, уступали мѣсто третьимъ и т. д. Такимъ образомъ, цѣнные историческіе акты, хотя и находящіеся въ нашихъ рукахъ, остаются непрочитанными.

Фотографированіе плохо читаемыхъ мѣстъ рукописей способствуетъ возстановленію содержанія нѣкоторыхъ древнихъ актовъ, но, къ сожалѣнію, фотографированіе обычными способами помогаетъ прочтенію

письменъ только до извѣстныхъ предѣловъ: *оно не дѣлаетъ видимыми невидимыя письмена, но лишь незамѣтныя замѣтными.* Послѣ того, какъ на фотографическомъ отпечаткѣ покажутся буквы, неусмотрѣнныя ранѣе на самой рукописи, глазъ нашъ, при нѣкоторомъ напряженіи, дѣйствительно начинаетъ видѣть эти буквы на оригиналѣ.

Такимъ образомъ, обычный способъ фотографированія оказывается безсильнымъ сдѣлать удобочитаемыми рукописи, на которыхъ письмена совсѣмъ нельзя усмотрѣть глазомъ, даже и при очень большомъ напряженіи зрѣнія. Во всѣхъ случаяхъ наслоенія письменъ (палимпсесты), раннія письмена оставили слѣдъ чрезвычайно слабый, потому что писавшій новую рукопись прилагалъ всѣ старанія для полнаго уничтоженія старой, т. е. добивался превратить бумагу или пергаментъ въ возможно болѣе похожіе на небывшіе въ употребленіи. Существуетъ множество рукописей писанныхъ на пергаментѣ, которыя невозможно заподозрить, по внѣшнему виду, палимпсестами и, однако, онѣ оказываются таковыми по надлежащемъ изслѣдованіи.

Нѣтъ надобности объяснять, какую огромную услугу оказала бы фотографія исторической наукѣ прочтеніемъ всѣхъ рукописей этого рода.

По весьма правоподобнымъ догадкамъ свѣдущихъ людей, многія рукописи, изъ числа разыскиваемыхъ нами и извѣстныхъ только по названіямъ, давно находятся въ нашихъ рукахъ, передъ нашими глазами и только буквы ихъ заслонены другими буквами, позднѣйшаго написанія и несравненно менѣе для насъ важными и интересными.

Во всѣхъ музеяхъ и мюнцъ-кабинетахъ есть всегда много предметовъ каменныхъ и металлическихъ съ стершимися надписями, бывшими прежде рельефными или углубленными; таковы старинныя надгробныя плиты, монеты, медали и т. под. Просматривая, напр., каталогъ Московскаго Историческаго музея, на каждой почти страницѣ читаешь: надпись неясна, рисунокъ стерся, слова разобрать нельзя и проч. Конечно, если плоскость буквъ совершенно сравнялась съ плоскостью поля, то ничего нельзя сдѣлать, но такого полнаго стиранія надписей, вообще говоря, не встрѣчается. Совершенно понятно, что при полномъ исчезновеніи рельефа или углубленія не осталось бы никакихъ признаковъ существованія когда-то надписи и мы совсѣмъ не знали бы, что она была на этомъ мѣстѣ. Если говорятъ, что надпись неясна, не поддается прочтенію, то, очевидно, остатки ея есть, то-есть рельефъ, хотя ничтожный, не замѣтный глазу, имѣется.

Судебная фотографія есть, по преимуществу, *фотографія невидимаго,* по крайней мѣрѣ въ той ея части, которая касается графическихъ изслѣдованій. При возстановленіи вытравленыхъ или инымъ способомъ сведенныхъ съ поверхности бумаги письменъ, судебная фото-

графія старается усмотрѣть *невидимые глазу* слѣды неорганическихъ примѣсей чернилъ, оставшихся въ массѣ бумаги. При всякаго рода поправкахъ въ рукописяхъ, *незамѣтныхъ для глаза*, она должна усилить различіе между исправленіемъ и исправленнымъ, всегда ничтожное въ цвѣтовомъ отношеніи. Вызывая слова, закрытыя умышленно чернильнымъ пятномъ, судебная фотографія можетъ разчитывать только на разницу густоты чернильнаго слоя въ общемъ полѣ пятна и тѣми мѣстами, гдѣ густота слоя пятна складывается съ слоемъ чернилъ скрытыхъ буквъ, т. е. опять таки увеличить *неуловимое для глаза* различіе двухъ смежныхъ оттѣнковъ одного цвѣта. Для опредѣленія давности происхожденія (выдѣлки) писчей бумаги необходимо опредѣлить степень пожелтѣнія ея поверхности отъ времени, а для этого есть только одно средство: сравнить желтизну поверхности съ желтизной бумаги въ косомъ разрывѣ, иначе произвести работу *недоступную глазу*. Однимъ словомъ, рѣшеніе почти всѣхъ задачъ, даваемыхъ судебной фотографіи экспертизою рукописей, сводится на цвѣторазделеніе, когда зрѣніе наше оказывается безсильнымъ его произвести.

Средствомъ переступить предѣлы цвѣтодѣлительной способности глаза является цвѣтодѣлительная фотографія.

Есть основаніе надѣяться, что когда нибудь будетъ изобрѣтенъ цвѣтодѣлительный приборъ, при помощи котораго можно будетъ такъ же легко раздѣлять очень мало разнящіеся между собою оттѣнки, какъ легко при помощи микроскопа усматривать какихъ нибудь бактерій, тоже недоступныхъ прямому наблюденію. Тогда, разумѣется, помощь фотографіи будетъ излишня; теперь же раздѣленіе слабо разнящихся между собою оттѣнковъ возможно только фотографическимъ путемъ.

Въ 1839 году извѣстный французскій астрономъ Араго, пробуя получить на дагерротипной пластинкѣ изображеніе поверхности луны, замѣтилъ, что многія подробности луннаго рельефа, незамѣчаемыя глазомъ при помощи самыхъ сильныхъ астрономическихъ приборовъ, довольно отчетливо проявились на дагерротипномъ снимкѣ. Черезъ 10 лѣтъ, другой французскій ученый, баронъ Гро, археологъ, довелъ до свѣдѣнія академіи, что ему случилось наблюдать чрезвычайно интересное явленіе въ области фотографіи въ то время, когда онъ, будучи въ Афинахъ, дѣлалъ фотографическіе снимки съ древнихъ документовъ. Однажды, проявляя пластинку, баронъ Гро замѣтилъ, что на ней совершенно ясно вырисовались цѣлыя строки, которыхъ на самомъ фотографированомъ документѣ нельзя усмотрѣть. Желая узнать причины явленія, Гро повторилъ нѣсколько разъ фотографированіе того же самаго документа, но безъ прежняго результата: невидимыя на документѣ строки не появлялись болѣе на снимкахъ. Сообщеніе барона Гро прошло незамѣченнымъ и никто не оцѣнилъ важное его значеніе.

Въ 60-хъ годахъ д-ръ Фогель, извѣстный своими работами по фотографіи, обнародовалъ слѣдующій случай. Къ одному берлинскому фотографу въ мастерскую пришла дама—заказчица, желавшая снять свой портретъ; фотографъ, проявивъ пластинку послѣ экспонированія (тогда еще былъ въ ходу мокрый коллодіонный способъ), съ удивленіемъ замѣтилъ, что все лицо на негативѣ покрыто множествомъ прозрачныхъ точекъ, но не такими, какія получаются отъ веснушекъ, а совершенно особеннаго вида. Фотографъ попросилъ заказчицу позировать еще разъ и новый негативъ оказался уже безъ точекъ, вполнѣ удовлетворительный. Такъ какъ заказчица долго не являлась за своимъ портретомъ, фотографъ послалъ свою работу по оставленному ею адресу, но получилъ извѣстіе, что дама эта заболѣла натуральной оспой черезъ нѣсколько дней послѣ посѣщенія мастерской фотографа и отъ этой болѣзни скончалась. Д-ръ Фогель тщательно провѣрилъ разсказъ фотографа, изслѣдовалъ негативъ и убѣдился, что дѣйствительно фотографія предсказала появленіе оспенной сыпи за нѣсколько дней до того, какъ она стала видна простымъ глазомъ.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ мокрый коллодіонный способъ уступилъ мѣсто несравненно болѣе удобному сухому, бромо-желатинному способу, изобрѣтенному англичаниномъ Мэддоксомъ и усовершенствованному Стассомъ, Беннетомъ и Ванъ-Монкговеномъ. Съ упраздненіемъ мокраго способа прекратились и случаи, подобные описаннымъ барономъ Гро и Фогелемъ; сухія пластинки, приготовленныя фабричнымъ способомъ, отличаются однородностью, тогда какъ при мокромъ способѣ фотографъ, самъ приготовляя пластинки передъ каждой съемкой, по необходимости измѣнялъ условія приготовленія, чѣмъ и вызывались всевозможныя неожиданности, столь обыкновенныя при мокромъ фотографированіи. О цвѣтодѣлительной способности фотографіи скоро и совсѣмъ позабыли.

Около этого времени произошло событіе, заставившее припомнить сообщеніе барона Гро. На лейпцигской книжной ярмаркѣ, привлекающей изъ всѣхъ странъ коллекціонеровъ рѣдкихъ старинныхъ рукописей, стали появляться въ большомъ числѣ поддѣльные раритеты, такъ искусно исполненные, что очень многіе знатоки вдались въ обманъ и пріобрѣли такія поддѣлки за большія деньги. Особенно пострадалъ французскій академикъ Шаль, исторія котораго послужила темой для извѣстнаго романа Альфонса Доде „Безсмертный“ (L'immortel). Изыскивая надежныя средства распознаванія поддѣльныхъ рукописей, вспомнили, между прочимъ, о докладѣ Гро французской академіи, но такъ какъ, по словамъ самого Гро, фотографія *не всегда* обнаруживаетъ скрытыя письмена, а лишь *иногда*, случайно, то надежда на помощь фотографіи была оставлена.

Издатель издававшаго тогда въ Петербургѣ журнала „Россійская Библіографія", г. Эмиль Гартье, самъ большой любитель книжныхъ и рукописныхъ рѣдкостей, предложилъ мнѣ, какъ редактору названнаго журнала, собрать свѣдѣнія о работахъ, какія были когда либо произведены по вопросу о полученіи на фотографическихъ снимкахъ невидимыхъ письменъ; свѣдѣнія эти предполагалось сообщить въ журналѣ. Вскорѣ, послѣ того, дѣла г. Гартье пошатнулись, и онъ вынужденъ былъ прекратить изданіе Россійской Библіографіи; я успѣлъ, однако, настолько заинтересоваться задачей, что рѣшился довести ее до конца.

Пересмотрѣвъ всю фотографическую литературу на четырехъ языкахъ за 50 лѣтъ, я не нашелъ ничего, что давало-бы поводъ думать о существованіи какихъ-либо работъ по предмету моей задачи.

Что фотографическіе снимки обнаруживаютъ болѣе подробностей снимаемаго предмета, чѣмъ въ состояніи замѣтить глазъ безъ помощи фотографіи—это было всѣмъ извѣстно. Фотографическія Энциклопедіи, напр. Фабра, даютъ много указаній на случаи особенно сильнаго проявленія фотографіей цвѣтодѣлительной способности, но это именно *случаи*, происхожденіе которыхъ не зависѣло отъ воли фотографовъ: повторить такіе случаи никогда не удавалось. Далѣе мною будутъ произведены нѣкоторыя документальныя доказательства того, что даже выдающіеся ученые, наталкиваясь на факты замѣчательнаго фотографическаго цвѣтодѣленія, ограничивались лишь засвидѣтельствованіемъ ихъ и сожалѣніемъ, что столь драгоцѣнное свойство фотографическихъ слоевъ недоступно управленію.

Главнымъ недостаткомъ фотографическихъ изображеній считалось и считается до сихъ поръ несоотвѣтствіе ихъ съ тѣмъ, что мы видимъ глазами, т. е. то, что фотографія видитъ предметы иначе, чѣмъ нашъ органъ зрѣнія. Особенно досадна для фотографа-художника неправильность (съ его точки зрѣнія) передачи цвѣтовыхъ соотношеній фотографическими пластинками; такъ напр., яркій желтый цвѣтъ выходитъ, какъ черный, а совсѣмъ темный фіолетовый получается какъ бѣлый! Къ изысканію средствъ устранить невѣрную передачу фотографіей снимаемыхъ предметовъ были направлены всѣ изысканія ученыхъ, занимавшихся свѣтописью и ея примѣненіями.

Не трудно понять, что стремленія фотографіи художественной прямо противоположны стремленіямъ фотографіи научной. Первая желаетъ имѣть изображеніе предмета такимъ, какимъ самый предметъ человѣку *кажется*, тогда какъ научная фотографія болѣе интересуется получить изображеніе предмета такимъ, *каковъ онъ есть* въ дѣйствительности, независимо отъ погрѣшностей нашего зрѣнія. Научной фотографіи, преслѣдующей эту послѣднюю цѣль, совсѣмъ не существуетъ; изслѣдователи въ разныхъ областяхъ знанія, пользующіеся

фотографіею, довольствуются тѣми приборами, матерьялами и пріемами, которые выработаны для цѣлей фотографіи артистической; требуемые же для научной фотографіи приспособленія и матерьялы давно даже вышли изъ продажи и фотографическіе склады ихъ не держатъ. *) Ученому, который захотѣлъ-бы разработывать нѣкоторыя отрицательныя, въ смыслѣ художественномъ, но полезныя для науки свойства фотографіи, пришлось бы самолично приготовлять всѣ составы, заказывать оптическіе приборы и т. п.; понятно, что это отвлекло-бы его отъ занятій его спеціальностью, увлекая въ изученіе теоріи свѣтописи.

Самый тяжелый ударъ научной фотографіи нанесенъ былъ изобрѣтеніемъ сухого, бромо-желатиннаго способа. Въ мокромъ способѣ чувствительный слой содержалъ преимущественно іодистое серебро, обладающее наибольшей способностью „извращать“ цвѣтовыя соотношенія; въ сухихъ пластинкахъ іодистое серебро замѣнено бромистымъ, несравненно менѣе склоннымъ къ цвѣтовому „извращенію“. Чистота прозрачныхъ мѣстъ и свѣтонепроницаемость непрозрачныхъ, достигаемая при мокромъ способѣ, не могутъ даже идти въ сравненіе съ тѣмъ, что даетъ сухая желатинная пластинка. Сухія пластинки, вообще говоря, крупнозернисты; поэтому, если имѣющееся на такой пластинкѣ изображеніе станемъ увеличивать, то, одновременно, увеличимъ и зерна бромистаго серебра, вслѣдствіе чего картина получится напоминающая рисунокъ на крупнозернистомъ литографскомъ камнѣ. Напротивъ, іодистое серебро коллодіоннаго слоя очень мелкозернисто и негативъ допускаетъ весьма большія увеличенія. Вообще, въ смыслѣ требованій научной фотографіи, сухой способъ имѣетъ гораздо меньше достоинствъ, чѣмъ мокрый, но, такъ какъ первый предпочтительнѣе для фотографіи художественной, то разработкой мокраго процесса никто не занимается уже двадцать лѣтъ, и онъ остается до сихъ поръ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ застало его изобрѣтеніе сухихъ желатинныхъ пластинокъ.

Фотографическіе негативы, какъ и люди, неодинаково способны къ цвѣтодѣленію: два негатива, снятые, повидимому, при всѣхъ равныхъ условіяхъ, даютъ неодинаковое количество тѣневыхъ подробностей. Мы говоримъ обыкновенно про одинъ негативъ, что онъ „выработанный“, про другой—„невыработанный“ смотря по ихъ детальности. Съ 80-хъ годовъ, т. е. послѣ введенія въ общее употребленіе сухихъ бромо-желатинныхъ пластинокъ, изготовляемыхъ фабричнымъ способомъ, различіе цвѣтодѣлительности негативовъ стало несравненно менѣе замѣтнымъ, чѣмъ было ранѣе, во времена господства мокраго коллодіоннаго способа. Теперь можно, испытавъ одну пластинку изъ дюжины, держать

*) Мокрый способъ примѣняется теперь для фотомеханическихъ процессовъ (цинкографіи, автотипіи и др.), но лишь при воспроизведеніи линейныхъ изображеній (или черезъ сѣтку) и совсѣмъ не прогрессируетъ: выработанный уже процессъ вполнѣ удовлетворяетъ фотомеханистовъ.

какое угодно пари, что всѣ остальныя дадутъ негативы одного достоинства; можно ручаться не только за дюжину, но за всѣ коробки одного № приготовленія.

Прежде было не то: фотографы самолично приготовляли пластинки, притомъ ex tempore, передъ самою экспозиціею; при большихъ работахъ фотографы сами же іодировали коллодіумъ и не знали коробокъ съ надписями „гидрохинонъ, эйконогенъ, амидолъ“ и др. Результаты ихъ работъ зависѣли отъ множества случайностей, такъ что, строго говоря, они никогда не были хозяевами своего дѣла.

Фотографія относилась къ своимъ поклонникамъ несравненно строже, чѣмъ нынѣ; раньше, чѣмъ подарить благосклонностью, она заставляла долго и пристально за собою ухаживать, изучать тысячу ея капризовъ и требованій. Но и отдавшись, она не переставала мучить сюрпризами, иногда такими, что въ голову не шутя приходила мысль окурить лабораторію ладономъ и покропить святою водою.

Одинъ извѣстный Петербургскій фотографъ имѣлъ въ 1879 г., стекло, на которомъ что бы ни снимали, непремѣнно оказывалась на одномъ и томъ же мѣстѣ голова кошки. У меня тоже было стекло, на которомъ всякая головка кабинетнаго формата выходила окруженной, какъ ореоломъ, линіей бастіоннаго фронта. По неизвѣстнымъ причинамъ, изображеніе иногда такъ укрѣплялось на стеклѣ, что никакая чистка и вымачиваніе въ кислотѣ и щелочахъ не уничтожало его, и оно проявлялось всякій разъ, когда на стеклѣ пытались получить какой-нибудь негативъ.

Иной день портреты выходили мягкими, безъ очень замѣтныхъ веснушекъ и прыщей на лицѣ; другой разъ веснушки, пятна, малѣйшіе прыщи самымъ досаднымъ образомъ испещряли все лицо на негативѣ.

При тогдашнихъ условіяхъ работы, пластинки и не могли быть всегда одного качества; соразмѣрять экспозицію было гораздо труднѣе; проявители работали то такъ, то иначе, смотря по качеству матеріаловъ, а добиться однородности матеріаловъ въ то время было невозможно. Не мудрено, что, благодаря неровности работы, различіе цвѣтодѣлительности негативовъ было гораздо замѣтнѣе, чѣмъ теперь. При случайномъ стеченіи условій, благопріятныхъ цвѣтодѣленію, фотографія неожиданно давала изображенія предметовъ, ставившія въ тупикъ операторовъ. Это были, если такъ можно выразиться, взрывы цвѣтодѣлительной способности фотографической пластинки, которые, отъ времени до времени, приводили въ недоумѣніе ученыхъ изслѣдователей, пользовавшихся фотографіей какъ средствомъ запечатлѣванія.

Такимъ необыкновеннымъ негативамъ просто не вѣрили, объясняя излишнюю детальность ихъ разными причинами.

Если изъ нѣсколькихъ негативовъ одинъ оказывался особенно сильно проявившимъ свое цвѣтодѣлительное свойство, то довѣряли большинству, а этотъ, какъ неблагонадежный, уничтожали. Нѣтъ нужды долго рыться въ исторіи свѣтописи для того, чтобы найти десятки такихъ примѣровъ.

Для цвѣтодѣленія сухой способъ совсѣмъ непригоденъ. Въ послѣднее время фабриканты пластинокъ стали приготовлять мелкозернистыя, тонкослойныя пластинки для фотомеханическихъ процессовъ (Ильфордъ, Смитъ), но и тѣ обладаютъ лишь очень незначительной способностью цвѣтодѣленія. По этой причинѣ, указанія, полезныя для цвѣтодѣлительнаго процесса, слѣдовало искать только въ практикѣ мокраго способа, т. е. въ фотографической литературѣ до 80-хъ годовъ.

Что значитъ раздѣлить фотографически два слабо разнящіеся между собою оттѣнка? Это значитъ произвести фотографированіе такъ, чтобы одинъ изъ нихъ продолжалъ дѣйствовать на слой послѣ того, какъ дѣйствіе другого уже прекратилось. Еще Беккерель замѣтилъ, что если передъ копировальной рамой, въ которой печатается подъ негативомъ изображеніе на хлористосеребряной бумагѣ, помѣстимъ желтое стекло, то будутъ печататься лишь тѣ мѣста, которыя уже измѣнились отъ дѣйствія свѣта, а остальныя печататься не будутъ. Такое же вліяніе на іодистое серебро оказываетъ красный свѣтъ, извѣстнымъ образомъ выбранный.

Это открытіе Беккереля, очевидно, даетъ прекрасное орудіе для цвѣтодѣленія: мы можемъ всегда раздѣлить, до извѣстной степени, два оттѣнка, нарушить соотношеніе между ними, а въ этомъ все, что намъ нужно на первый случай. Положимъ, что у насъ есть негативъ, сдѣланный сухимъ способомъ, и мы желаемъ раздѣлить слабо разнящіеся между собою оттѣнки. Начинаемъ печатать, какъ обыкновенно, на хлоросеребряной бумагѣ (аристотипной, альбуминной, целлоидиновой) въ копировальной рамѣ и какъ только бумага чуть-чуть потемнѣетъ въ совсѣмъ прозрачныхъ мѣстахъ, прикроемъ негативъ желтымъ стекломъ и станемъ продолжать печатаніе. Этотъ простой пріемъ уже достаточенъ для того, чтобы соотношеніе между оттѣнками было нарушено, т. е. чтобы одинъ изъ оттѣнковъ опередилъ другой.

Для художественной фотографіи открытіе Беккереля ничего не могло дать полезнаго и потому оставалось безъ примѣненій. Подобныхъ наблюденій въ практикѣ мокраго способа было сдѣлано не мало; соединяя ихъ въ одномъ фотографическомъ процессѣ, можно довести цвѣтодѣленіе до весьма значительной степени, какъ это будетъ объяснено далѣе, при описаніи подробностей моего способа.

Мнѣ казалось, однако, что есть возможность достичь еще большаго раздѣленія оттѣнковъ, суммируя фотографическія изображенія. Если мы

остановимъ печатаніе, при помощи желтыхъ стеколъ, въ тотъ моментъ, когда сильнѣйшій оттѣнокъ негатива началъ проявляться на хлоро-серебряномъ слоѣ, а слабѣйшій еще не успѣлъ дать слѣдъ, то въ отпечаткѣ силу перваго оттѣнка можно довести до нѣкоторой величины Р и тогда различіе между оттѣнками выразится черезъ Р — О = Р. Складывая два такихъ отпечатка, удвоимъ силу одного изъ оттѣнковъ, не увеличивая силу другого и т. д. Такимъ образомъ мы въ состояніи сдѣлать различіе оттѣнковъ доступнымъ нашему зрѣнію.

Расчетъ этотъ вполнѣ справедливъ при предположеніи, что мы остановили свободное печатаніе (безъ желтаго стекла) какъ разъ въ тотъ моментъ, когда это нужно. Если же оба оттѣнка дали слѣдъ на бумагѣ, то прикрываніе желтымъ стекломъ не поможетъ, на томъ основаніи, что оно задерживаетъ печатаніе только въ нетронутыхъ мѣстахъ. Когда требуется раздѣлить только два оттѣнка, работа оказывается не затруднительной, хотя и требуетъ большого вниманія, чтобы не пропустить время, когда слѣдуетъ прикрыть желтымъ стекломъ; несравненно труднѣе цвѣтодѣленіе полутоновыхъ изображеній. Для судебно-фотографическихъ изслѣдованій нѣтъ и надобности въ обработкѣ послѣдняго рода; всегда приходится дѣлать два оттѣнка, а для этой цѣли существующій цвѣтодѣлительный способъ болѣе, чѣмъ достаточенъ.

Въ сентябрѣ 1889 года я имѣлъ случай примѣнить, по порученію СПБ. Окружного Суда, мой способъ къ обнаруженію подписи, умышленно залитой чернилами съ цѣлью скрыть доказательство подлога. Успѣхъ этой первой судебно-фотографической работы побудилъ судебныя власти устроить при СПБ. Окружномъ судѣ, неоффиціально, судебно-фотографическую лабораторію, а въ 1892 г. послѣдовало Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ учрежденіи правительственной судебно-фотографической лабораторіи при прокурорѣ СПБ. Судебной Палаты.

15 января 1892 г. мною было сдѣлано первое сообщеніе о фотографическомъ цвѣтодѣленіи въ V отдѣлѣ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

Важнѣйшую часть цвѣтодѣлительнаго способа составляетъ суммированіе негативныхъ и позитивныхъ изображеній. Если различіе между оттѣнками назовемъ черезъ d, то при складываніи двухъ снимковъ увеличимъ это d въ два раза; при трехъ снимкахъ оно увеличится въ въ 3 раза и т. д. Положимъ, что мы сложили 5 снимковъ, вслѣдствіе чего различіе между оттѣнками стало равнымъ 5 d; если съ этого суммированнаго негатива сдѣлаемъ 5 позитивовъ равной величины и снова сложимъ ихъ, то различіе между оттѣнками будетъ уже $5 \times 5\ d = 25\ d$. Поступая опять такимъ же образомъ получимъ $5 .\ 25\ d = 125\ d$ и т. д. Ясно, что мы можемъ увеличить различіе

между оттѣнками до какого угодно предѣла. Этотъ расчетъ былъ приведенъ мною въ моей первой запискѣ, поданной Императорской Академіи Наукъ. (Изв. И. А. Наукъ 1895 г. № 4).

Мнѣ возражали, что мои соображенія противорѣчатъ извѣстному основному психофизическому закону Веберъ-Фехнера, согласно которому ощущеніе возрастаетъ въ ариѳметической прогрессіи въ то время, какъ вызывающее его раздраженіе растетъ въ геометрической прогрессіи (т. е. ощущеніе равно логариѳму раздраженія).

Но, во-первыхъ, самый простой опытъ способенъ доказать, что въ раздѣленіи цвѣтовыхъ оттѣнковъ законъ Веберъ-Фехнера не оправдывается. Достаточно сдѣлать съ одного негатива три отпечатка на альбуминной бумагѣ, промаслить ихъ для прозрачности и, совмѣстивъ, разсматривать на просвѣтъ: тѣни, невидимыя на каждомъ отдѣльномъ отпечаткѣ, ясно будутъ видны на суммированомъ.

Усиленіе негативовъ, напр. сулемой, есть не что иное, какъ суммированіе изображеній до извѣстнаго предѣла, за которымъ уже раздѣленіе оттѣнковъ прекращается (соляризація). Астрофотограмма неба, получаемая при помощи очень продолжительной экспозиціи, развѣ не должна быть разсматриваема, какъ накладываніе одного изображенія на другое, благодаря чему на негативѣ даютъ, наконецъ, ясный слѣдъ звѣзды очень слабаго блеска? *)

---

*) Кстати, приведу еще выписку изъ статьи проф. Московскаго Университета В. К. Церасскаго, появившейся одновременно съ опубликованіемъ цвѣтодѣлительнаго способа въ Извѣстіяхъ Импер. Академ. Наукъ; статья эта напечатана въ журналѣ Фотограф. Обозрѣніе 1896 г. Мартъ. „Новый фотографическій аппаратъ Московской Астрономической Обсерваторіи"

Описавъ детали конструкціи аппарата, проф. Церасскій говоритъ:

„Сколько-бы ни продолжалась экспозиція, контрольная звѣзда должна оставаться все время точно на перекресткѣ паутинныхъ нитей; всякое малѣйшее ея сдвиженіе или, точнѣе, лишь стремленіе сойти съ нитей немедленно исправляется ключемъ. Вотъ для этого постояннаго наблюденія за снарядомъ астрономъ и находится у окуляра трубы все время.

Обычная продолжительность экспозиціи при нашихъ снимкахъ есть пять часовъ. Такое значительное время объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мы впервые получаемъ возможность перенести изысканіе въ міръ очень малыхъ звѣздъ, не записанныхъ и не сосчитанныхъ до сихъ поръ, представляющихъ безграничное поле для новыхъ изслѣдованій.

Послѣ пяти часовой экспозиціи звѣздочки десятой величины являются на нашихъ пластинкахъ рѣзкими и ясными, какъ уколы иглы; снарядъ значитъ функціонируетъ безукоризненно и наблюдатель владѣетъ имъ вполнѣ.

Пятичасовая экспозиція! Пять часовъ напряженнаго вниманія, часто на сильномъ холодѣ, пять часовъ труда, нерѣдко обращеннаго въ ничто набѣжавшими облаками, — это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Но за то, если все обошлось благополучно, если проявленіе доведено до конца совершенно удачно, и изъ маленькой черной комнатки въ подвалѣ Обсерваторіи выходитъ безукоризненный негативъ, то имущество Обсерваторіи получило несомнѣнное приращеніе. Это вѣдь не рисуночекъ, не забавная картинка, а портретъ уголка вселенной, портретъ вѣрный, полный интереса и содержанія.

Я не разъ указывалъ на то, что *необыкновенная плодотворность примѣненія фотографіи къ изученію звѣзднаго неба обусловливается, главнымъ образомъ, однимъ свойствомъ фотографической пластинки, свойствомъ суммировать дѣйствіе свѣто-*

Съ другой стороны, законъ Веберъ-Фехнера непозволительно выражать математической функціей $y=\log x$ (гдѣ y—ощущеніе, x—раздраженіе), потому что эта функція непрерывна, какъ и соотвѣтствующая ей кривая линія (логариѳмика), тогда какъ между ощущеніемъ и раздраженіемъ нѣтъ непрерывной зависимости. Графикъ функціи, въ которой перемѣнной независимой будетъ раздраженіе, а перемѣнной зависимой ощущеніе, дастъ не кривую линію, а лѣстницу. Попробую это объяснить.

Если мы взвѣсимъ рукою тяжесть въ 1 фунтъ, а затѣмъ тяжесть въ 1 фунтъ и 1 золотникъ, то различія въ ощущеніяхъ тяжести не получится: оба груза покажутся намъ равнотяжелыми. Для того, чтобы мы замѣтили различіе въ вѣсѣ сравнимаемыхъ грузовъ, необходимо чтобы одинъ былъ по крайней мѣрѣ на $^1/_3$ вѣса тяжелѣе другого. На этомъ наблюденіи и построенъ законъ Веберъ-Фехнера: знаменатель отношенія геометрической прогрессіи, въ которой растетъ раздраженіе (тяжесть) равняется $^4/_3=1^1/_3$, т. е. прогрессія будетъ такая:

$$1,\ 1^1/_3,\ \left(1^1/_3+\frac{1^1/_3}{3}\right)\ldots\ldots=1,\ ^4/_3,\ ^{16}/_9\ldots\ldots$$

ощущеніе же увеличивается, соотвѣтственно, на единицу

$$0,\ 1,\ 2,\ 3,\ 4\ldots\ldots$$

Члены второй прогрессіи суть, очевидно, логариѳмы членовъ первой прогрессіи при основаніи 1,33....; слѣдовательно *при условіи непрерывности* измѣненія зависимой перемѣнной O (ощущеніе) отъ измѣненія независимой P (раздраженіе), получилась-бы сплошная функція $y=\log x$, которая и выражала-бы метаматическую зависимость ощущенія отъ раздраженія. Графически эта функція выразилась-бы кривой, называемой *логариѳмикой*.

Но, дѣло въ томъ, что съ увеличеніемъ раздраженія съ 1 до $1^1/_3$, ощущеніе не измѣнялось совсѣмъ—мы *не замѣчали* приращенія вѣса; слѣдовательно, зависимость между раздраженіемъ и ощущеніемъ не можетъ быть выражена *непрерывной* математической функціей, ибо не-

---

выхъ лучей и, слѣдовательно, давать всѣ меньшія звѣзды, невидимыя даже въ сильныя трубы, по мѣрѣ большей и большей продолжительности экспозиціи. И дѣйствительно, напр., проф. Вольфъ въ Гейдельбергѣ, составившій себѣ въ послѣднее время громкую извѣстность открытіемъ многихъ новыхъ планетъ, изъ числа астероидовъ, обращающихся между Марсомъ и Юпитеромъ, самъ не видалъ никогда въ трубу ни одного изъ открытыхъ имъ фотографически новыхъ свѣтилъ, по причинѣ ихъ чрезвычайной малости.

обходимое условіе непрерывности въ томъ и заключается, что всякое измѣненіе перемѣнной независимой влечетъ за собою измѣненіе перемѣнной зависимой.

Наконецъ, законъ Веберъ-Фехнера, даже не въ видѣ логариѳмической функціи, не доказанъ относительно зрѣнія; зависимость между свѣтовымъ раздраженіемъ и зрительнымъ ощущеніемъ должна быть, по необходимости, гораздо сложнѣе. Достаточно вспомнить, что мы не во всѣхъ цвѣтахъ различаемъ оттѣнки съ одинаковой легкостью, но въ нѣкоторыхъ наша цвѣтодѣлительная способность выше, въ другихъ ниже. Оттѣнки синяго цвѣта, напр., можно различать при слабомъ свѣтѣ, тогда какъ столь же близкіе другъ къ другу оттѣнки желтаго при слабомъ освѣщеніи сливаются въ одинъ.

Мы знаемъ, что цѣль фотографическаго цвѣтодѣленія — увеличивать различіе между цвѣтовыми величинами до того предѣла, далѣе котораго глазъ нашъ не способенъ непосредственно отдѣлять одинъ цвѣтъ или оттѣнокъ цвѣта отъ другого. Разсматривая напр. какой нибудь выцвѣтшій отъ времени документъ, мы не видимъ на немъ буквъ, и намъ кажется, что ихъ тамъ вовсе нѣтъ. Однако буквы не совсѣмъ исчезли: онѣ есть, но цвѣтъ ихъ такъ мало отличается отъ цвѣта самой бумаги, что оба цвѣта сливаются для глазъ въ одинъ, и потому буквы не выдѣляются изъ поля документа.

Такимъ образомъ, фактъ возстановленія хотя-бы одного документова служитъ доказательствомъ, притомъ безспорнымъ, значительнаго несовершенства нашего зрѣнія въ отношеніи различія цвѣтовъ и цвѣтовыхъ оттѣнковъ. Изъ этого слѣдуетъ, что *наблюденіе и изученіе явленій, въ которыхъ имѣетъ какое-нибудь значеніе цвѣтоизмѣненіе, ограничено для насъ предѣлами нашей цвѣтодѣлительной способности*, а такъ какъ способность эта оказывается весьма ограниченною, то и *наблюденія должны быть грубы*. Не смотря на то, цвѣтодѣлительная способность глазъ никогда не была предметомъ изслѣдованія, тогда какъ другая способность, звукодѣлительная (музыкальный слухъ), вполнѣ съ нею сходная, но несравненно менѣе важная для природопознанія, изучается какъ въ отношеніи происхожденія, такъ и въ отношеніи предѣловъ, и по этому предмету существуетъ обширная литература.

Превосходство фотографіи передъ зрѣніемъ въ отношеніи способности различать цвѣтовые оттѣнки извѣстно давно, и имъ даже пользовались многіе ученые изслѣдователи, но почему-то не задавались мыслью о возможности увеличить это превосходство. Я уже говорилъ, что цвѣтодѣлительное свойство фотографическихъ чувствительныхъ слоевъ замѣчено было еще Араго въ 1839 году, когда онъ, совмѣстно съ изобрѣтателемъ свѣтописи Дагерромъ, занимался селенофотографіею на дагерротипныхъ пластинкахъ. Съ того времени очень многіе ученые экс-

периментаторы, пользовавшіеся фотографіею, отмѣчали свойство фотографическихъ снимковъ обнаруживать болѣе подробностей на фотографируемомъ предметѣ, чѣмъ можетъ усмотрѣть глазъ, но также не пытались изслѣдовать и разработать это свойство, извлечь изъ него пользу. Бельгійскій ученый Ванъ-Гоеркъ видѣлъ на фотограммѣ какого-то препарата подробности, незамѣтныя глазу при разсматриваніи того же препарата въ микроскопъ (Report. Britich Assoc. 1859 г. 130); въ докладѣ его объ этомъ наблюденіи нѣтъ и намека на то, что ему приходила мысль изслѣдовать явленіе. Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ Гёггинсъ, построившій на фотографическомъ цвѣтодѣленіи способъ получать изображеніе солнечной короны не во время затмѣнія.

(W. Huggins. A. Metod of Photographing the Solar Corona without an Elcipse, Royal Soc. Proc. № 233, 13 dec. 1882). „Я убѣдился", говорилъ онъ, — „что при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ экспозиціи и проявленія, фотографическая пластинка воспроизводитъ такія различія въ освѣщеніи предмета, которыя ускользаютъ отъ глаза самаго опытнаго наблюдателя или превосходятъ чувствительность его зрѣнія. На этомъ свойствѣ фотографіи я и основалъ мой способъ". Опытъ ему удался, но не въ той мѣрѣ, въ какой онъ желалъ, и потому Гёггинсъ выражаетъ сожалѣніе, что это свойство фотографіи ограничено и не идетъ далѣе нѣкотораго предѣла. Мысль о томъ, что этотъ предѣлъ можно перейти, найдя еще болѣе благопріятныя условія экспозиціи и проявленія, повидимому, Гёггинсу не приходила въ голову; по крайней мѣрѣ, онъ какъ бы мирится съ ограниченностью столь полезнаго для науки свойства фотографіи.

Я позволяю себѣ привести еще въ томъ же родѣ примѣръ, въ которомъ превосходство фотографической цвѣтодѣлительной способности надъ таковою же способностью глаза выражено въ цифрахъ. Вотъ что докладывали Парижской Академіи наукъ астрономы братья Анри въ 1886 г.:

„Disons encore, et qu'il nous soit permis d'insister sur ce fait, que là où l'observation directe n'a donné que 625 étoiles, la photographie, sur un espace un peu moindre, en a enrégistré 1421, les instruments étant dans les deux cas sensiblement de même ouverture. De plus, dans la partie du groupe complétée par M. Rayet, à l'aide d'un instrument beaucoup plus considérable que celui qui nous a servi, et sous le beau ciel de Bordeaux, cet astronome ajoute 151 étoiles, tandis que la photographie, dans le même espace, en ajoute 338 (Comptes rendus, 1886. 1, p. 848). *).

*) Добавимъ еще, и позволимъ себѣ обратить особое вниманіе на тотъ фактъ, что тамъ, гдѣ прямое наблюденіе дало лишь 625 звѣздъ, фотографія, на меньшемъ пространствѣ, зарегистровала 1421, при одинаковыхъ отверстіяхъ инструментовъ. Болѣе этого, въ той самой группѣ, въ которой г. Rayet, работая при ясномъ небѣ, въ Бордо, инструментами значительно большими нашихъ, добавилъ 151 звѣзду, фотографія, на томъ же участкѣ неба, добавила 338.

Надо имѣть въ виду, что фотографія подарила гг. Анри въ одномъ случаѣ 796, а въ другомъ 187 звѣздъ не потому, что они приложили старанія создать особо благопріятныя условія проявленія и экспозиціи для повышенія цвѣтодѣлительной способности пластинки, но просто даромъ, по доброй волѣ. Эти ученые астрономы, также какъ и Гёггинсъ, съ восторгомъ отзываются о фотографическомъ зрѣніи, признаютъ его благодѣтельнымъ для науки, но точно также не помышляютъ о средствахъ получить отъ фотографіи больше, чѣмъ она сама дастъ добровольно, безъ принужденія.

По словамъ тѣхъ же братьевъ Анри, фотографія не только открываетъ небесныя тѣла, недоступныя прямому наблюденію, но исправляетъ погрѣшности этого прямого наблюденія:

„Dans chaque cas l'ancienne carte donne l'étoile éloignée comme plus brillante que l'autre, tandis que la photographie indique le contraire et, en effet, si l'on établit la comparaison sur le ciel, soit en réduisant l'ouverture de l'objectif, soit en éclairant fortement le champ, ou simplement en employant un oculaire un peu plus fort, on reconnait, que c'est la photographie qui donne à l'éclat des étoiles sa valeur exacte“ (l. c.) *).

Казалось бы, послѣ такого признанія заслугъ фотографическаго цвѣтодѣленія естественно было ближе ознакомиться съ столь полезнымъ свойствомъ фотографіи, изучить его происхожденіе и узнать, какія именно „благопріятныя условія экспозиціи и проявленія“ (говоря словами Гёггинса) повышаютъ цвѣтодѣлительную способность пластинки. Естественно было бы, также, попробовать создавать эти условія искусственно, по желанію экспериментатора, а не довольствоваться случайными капризами фотографической пластинки.

Ничего подобнаго сдѣлано не было. Со времени доклада братьевъ Анри прошло 16 лѣтъ и мы убѣждаемся, что и въ 1895 году ученые, пользующіеся фотографіей, продолжаютъ расчитывать на случайность, не стараясь овладѣть тѣмъ свойствомъ фотографіи, которому признаютъ себя обязанными успѣхомъ изслѣдованія. Такъ въ іюльской книжкѣ Comptes rendus 1895 г. (II. 6) напечатано сообщеніе гг. Loewy et Puiseaux „Sur les photographies de la Lune et sur les objets nouveaux qu'elles ont permis de découvrir“. Тамъ говорится:

„. . . . Examinées de près, les épreuves successives d'un même objet montrent des caractères individuels et des différences appréciables, quelque soin que l'on ait mis à opérer toujours dans les condi-

*) На прежнихъ картахъ неба болѣе удаленныя звѣзды показывались какъ болѣе блестящія, тогда какъ фотографія доказываетъ противное и дѣйствительно, если сдѣлаемъ сравненіе, уменьшая отверстіе объектива, или сильнѣе освѣщая поле зрѣнія или, просто, взявъ болѣе сильный окуляръ, то убѣдимся, что фотографія точнымъ образомъ опредѣляетъ блескъ звѣздъ.

tions identiques. La photographie comporte, comme on le voit, un élément subjectif, de même que tous les procédés artistiques, oú l'éducation, le goût, le jugement du dessinateur exercent une influence si marquée" *).

Этимъ уподобленіемъ докладчики указываютъ на различіе въ числѣ подробностей снимаемаго предмета, даваемыхъ фотографіей; иначе говоря, на различіе степеней цвѣтодѣлительности въ разныхъ негативахъ. Нельзя, конечно, сомнѣваться, что докладчики не думаютъ приписывать серьезно фотографическимъ пластинкамъ качества, свойственныя художнику; но приведенныя слова свидѣтельствуютъ о нѣкоторой безнадежности относительно изысканія сопособовъ заставить пластинки работать *всегда* такъ, какъ онѣ работаютъ *иногда*.

Желая извлечь какъ можно больше пользы изъ цвѣтодѣлительнаго свойства фотографическихъ пластинокъ, названные астрономы прибѣгли къ способу, который, строго говоря, нельзя признать приличнымъ для ученыхъ: они рѣшили снимать и снимать до тѣхъ поръ, пока фотографія заблагоразсудитъ наградить ихъ терпѣніе подробнымъ негативомъ:

„... Il est même préférable pour tirer tout le parti possible d'une soirée propice à la photographie de la Lune, de faire varier à dessein la durée de la pose et du développement, de manière à obtenir des épreuves d'intensités différentes. Les plus claires auront l'avantage de conserver des détails dans les lumières vives et conviendront mieux pour analyser les objets d'une structure délicate. Les clichés intenses compléteront utilement les premiers dans les parties faiblement éclairées". **).

По этому способу мнѣ пришлось бы снимать въ теченіе недѣль, мѣсяцевъ и, можетъ быть, лѣтъ негативы съ однаго кожанаго документа въ ожиданіи того, что соединятся же когда нибудь благопріятныя условія экспозиціи и проявленія такимъ образомъ, что буквы выдѣлятся изъ поля кожи!

Я привелъ примѣры изъ области астрономической фотографіи, потому что это старѣйшая и наиболѣе самостоятельная изъ отраслей примѣненія свѣтописи къ научнымъ изслѣдованіямъ, отъ которой ранѣе

---

*) Разсматривая внимательно отпечатки съ одного и того же предмета, можно убѣдиться, что въ каждомъ изъ нихъ есть свои особенности и отличія, какъ бы ни старались мы работать при всѣхъ равныхъ условіяхъ. Фотографія обладаетъ нѣкоторой субъективностью, какъ и художество, въ которомъ воспитаніе, вкусъ и сужденіе рисующаго имѣютъ столь важное значеніе.

**) Чтобы наилучшимъ образомъ использовать вечеръ, посвященный фотографированію луны, лучше всего измѣнять на разные лады проявленіе, время экспозиціи и пр., чтобы получить негативы неодинаковой плотности. Болѣе слабые негативы позволятъ усмотрѣть подробности въ свѣтлыхъ мѣстахъ, а болѣе плотные дадутъ детали въ мѣстахъ слабо освѣщенныхъ.

другихъ слѣдовало ожидать почина разработки фотографіи изслѣдующей. Изъ исторіи другихъ отраслей прикладной фотографіи можно бы извлечь множество такихъ же примѣровъ.

Все это показываетъ, что отношенія наши къ цвѣтодѣлительному свойству фотографіи оставались въ 1895 году совершенно такими же, какими были въ 1839, въ первый годъ существованія свѣтописи. Какъ Араго видѣлъ преимущество фотографическаго зрѣнія передъ нашимъ и восторгался имъ, такъ точно восторгался Гёггинсъ въ 1882 году, братья Анри въ 1886 году и гг. Леви и Пюизо въ 1895 году, но дальше похвалъ дѣло не шло.

Существуетъ особая отрасль свѣтописи, основанная вся цѣликомъ съ начала до конца, на цвѣтодѣлительномъ свойствѣ фотографіи, и если бы не было послѣдняго, то и сама эта отрасль не могла бы существовать. Я говорю о судебной фотографіи, занимающейся обнаруженіемъ вытравленныхъ, выскобленныхъ и иными способами сведенныхъ съ бумаги письменъ. До недавняго времени всѣ работы этого рода производились по способу гг. Леви и Пюизо, то-есть, съ изслѣдуемаго документа снимались на разные лады негативы до тѣхъ поръ, пока не надоѣстъ фотографу или пока случайно не обнаружится то, что требуется обнаружить. Вообще, существующій способъ полученія цвѣтодѣлительныхъ негативовъ представляетъ въ исторіи человѣческаго знанія едва ли не единственный примѣръ рабской покорности человѣка слѣпому случаю и довольства малымъ, получаемымъ безъ борьбы и усилій.

Рядъ убѣдительнѣйшихъ фактовъ доказываетъ, что, разсматривая предметъ даже при помощи сильно увеличивающихъ оптическихъ приборовъ, мы видимъ далеко не все, что̀ въ дѣйствительности есть. На кожаныхъ документахъ мы не видимъ буквъ, а ихъ тамъ сотни; на небѣ усматриваемъ въ извѣстномъ пространствѣ 625 звѣздъ, а простая фотографія даетъ ихъ 1421; поверхность луны кажется намъ совсѣмъ не такою, какою изображаетъ ее терпѣливо выжданный французскими учеными негативъ. На чемъ же основано убѣжденіе, что мы, неспособные хорошо разсмотрѣть кожу и небо, видимъ на негативѣ все, что на немъ отпечаталось? Передъ нами негативъ на сухой пластинкѣ, снятый обыкновеннымъ способомъ съ кожанаго документа. На этомъ негативѣ, какъ и на самой кожѣ, никакихъ буквъ не видно или видно очень мало; но вѣдь и на кожѣ ихъ не видно,—однако, доказано, что онѣ тамъ есть? *Если негативъ въ точности передалъ соотношенія цвѣтовыхъ оттѣнковъ, то цвѣтъ буквъ ровно на столько же слабѣе или сильнѣе цвѣта негатива, на сколько самыя буквы сильнѣе или слабѣе цвѣта кожи.* Въ такомъ случаѣ все, что есть на кожѣ, должно быть и на негативѣ и все, что мы не замѣчаемъ на первой, должно оставаться незамѣтнымъ и на послѣднемъ.

Если это разсужденіе правильно и согласно съ дѣйствительностью, то вопросъ о сокращеніи времени экспозиціи при фотографіи для цвѣтодѣленія разрѣшается легко и просто. Сухія, бромосеребрянныя желатинныя пластинки во много разъ чувствительнѣе мокрыхъ, іодосеребряно-колодіонныхъ и потому требуютъ несравненно кратчайшей экспозиціи. Снявъ на такой пластинкѣ негативъ съ изслѣдуемаго предмета, получимъ какъ бы второй его экземпляръ *со всѣми невидимыми слѣдами подробностей,* имѣющимися на немъ, но экземпляръ вполнѣ удобный для цвѣтодѣлительныхъ операцій, такъ какъ онъ не измѣняется во время работы.

Равнымъ образомъ, если на такомъ негативѣ дѣйствительно сохранены въ точности соотношенія цвѣтовыхъ оттѣнковъ оригинала, то всѣ неудобства моего способа въ примѣненіи къ разнаго рода научнымъ изслѣдованіямъ устраняются: негативъ съ изслѣдуемаго предмета можетъ быть сдѣланъ кѣмъ, гдѣ и какъ угодно и впослѣдствіи обработанъ въ спеціальной лабораторіи для полученія невидимыхъ на негативѣ подробностей.

До 1894 года я не обработывалъ цвѣтодѣлительнымъ способомъ негативы, снятые на сухихъ пластинкахъ, а прямо дѣлалъ мокрый коллодіонный негативъ съ даннаго оригинала. Такъ какъ мнѣ приходилось имѣть дѣло только съ рукописями, то это не представляло никакихъ неудобствъ. Впервые я обработалъ сухой, броможелатинный негативъ въ 1894 году, когда, по порученію Императорской Академіи Наукъ, занимался возстановленіемъ текста документовъ XIV вѣка, писанныхъ на сыромяти.

Документы эти были найдены еще въ 1845 году, въ Московскомъ Кремлѣ, при рытьѣ земли для ледниковъ Константино-Еленинской церкви. Рабочіе вынули изъ земли мѣдный сосудъ, въ которомъ оказались кусокъ желѣзной руды, пузырекъ съ ртутью и около 40 кусковъ кожи, неправильной формы, свернутыхъ въ трубки; къ нѣкоторымъ кускамъ были привѣшены свинцовыя и восковыя печати.

По надписямъ на печатяхъ, ученые археологи опредѣлили, что находка относится къ временамъ княженія великаго князя Дмитрія Ивановича (Донскаго), т. е. къ XIV вѣку, и что кожанные обрѣзки представляли когда-то документы, вѣроятно очень важные, судя по великокняжескимъ печатямъ. Однако, отъ долгаго пребыванія въ землѣ, кожи почти истлѣли и на нихъ нельзя было усмотрѣть ни малѣйшихъ слѣдовъ письма. Императоръ Николай Павловичъ, которому доложено было объ интересной находкѣ, собственноручно написалъ на докладѣ барона Боде (директора московской оружейной палаты): „Академіи Наукъ; разобрать".

Долго бились химики академіи того времени надъ изысканіемъ

способовъ исполнить повелѣніе государя, но безуспѣшно: ни одна буква не обнаружилась. Въ 1846 г. кожанные документы сданы были въ московскій государственный архивъ, какъ безнадежные для прочтенія, и оставались тамъ въ теченіе полстолѣтія *).

Въ началѣ 90-хъ годовъ возникло предположеніе, что въ подвалахъ московскаго кремля должна сохраняться библіотека русскихъ князей, привезенная изъ Византіи великою княжною Софіею Палеологъ. По нѣкоторымъ даннымъ, найденнымъ страсбургскимъ профессоромъ Тремеромъ, въ этой библіотекѣ должны быть драгоцѣннѣйшія рукописи, напр., исчезнувшія пѣсни Гомера и др. Предприняты были раскопки подъ Кремлемъ, не увѣнчавшіяся ни малѣйшимъ успѣхомъ; возникла цѣлая полемика по вопросу о правильности догадокъ профессора Тремера и, между прочимъ, вспомнили о находкѣ 1845 года. Академія Наукъ, имѣя въ виду, что въ теченіе 50 лѣтъ химія сдѣлала огромные успѣхи, рѣшила вытребовать изъ архива кожанные документы и поручить академикамъ Бекетову и Бельштейну заняться возстановленіемъ текста.

Названные академики оказались не счастливѣе своихъ предшественниковъ. Донося Академіи Наукъ о своей неудачѣ, гг. Бекетовъ и Бельштейнъ объяснили, что на „поверхности кожи не осталось ни малѣйшаго, химически ощутимаго слѣда пишущаго вещества и потому нельзя не только возстановить текстъ, но и опредѣлить, какое именно вещество послужило для письма“. Академія поручила тогда академику Кунику (археологу) списаться съ заграничными музеями и книгохранилищами, съ цѣлью окончательно рѣшить вопросъ о существованіи способовъ для возстановленія текста подобнаго рода актовъ. Отвѣтъ отовсюду получился неудовлетворительный: по общему мнѣнію европейскихъ археологовъ, необходимо совсѣмъ оставить надежду на прочтеніе документовъ когда-либо въ будущемъ, ибо, если чернила не оставили никакого слѣда, то, очевидно, буквъ уже нѣтъ и нечего читать.

Послѣ того, какъ академикомъ Куникомъ было получено сообщеніе заграничныхъ ученыхъ о невозможности возстановить текстъ означенныхъ документовъ, рѣшено было обратиться съ запросомъ къ редактору-издателю журнала „Фотографъ-Любитель“ А. М. Лаврову, который, въ свою очередь, указалъ на меня, какъ на спеціалиста по возстановленію письменъ.

Въ концѣ 1894 года я былъ приглашенъ въ химическую лабораторію Императорской Академіи Наукъ для возстановленія текста этихъ писанныхъ на сыромяти документовъ XIV вѣка, сильно поврежденныхъ вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія въ землѣ.

---

*) См. записки Ак. Наукъ 1845 г. статью академика Бередникова: „Кремлевскія древности“.

Возстановленіе письменъ, само по себѣ, не представлялось затруднительнымъ, хотя слѣды буквъ замѣтны глазу только въ очень немногихъ мѣстахъ кожи. Какъ бы мало ни было цвѣтовое различіе между буквами и полемъ рукописи, оно всегда можетъ быть, какъ это выше объяснено, усилено фотографически до того предѣла, при которомъ наше зрѣніе оказывается способнымъ различать цвѣтовые оттѣнки. На возстановленіе текста перваго документа потрачено было болѣе трехъ недѣль непрерывной работы; но изъ нихъ около двухъ недѣль пошло на приведеніе кожанаго документа въ такое состояніе, при которомъ онъ былъ бы доступенъ фотографированію мокрымъ-коллодіоннымъ способомъ. Дѣло въ томъ, что кожи въ сильной степени покороблены, и лишь размачиваніемъ въ водѣ съ глицериномъ возможно придать имъ, на время, видъ плоской поверхности для фотографированія. При непродолжительной экспозиціи, время, въ теченіе котораго кожа не просыхаетъ и представляетъ плоскость, было бы достаточнымъ; но условія работы при фотографическомъ цвѣтодѣленіи таковы, что экспонировать приходится очень долго и, притомъ, для того, чтобы послѣдовательно снятые негативы совмѣстились, снимаемый оригиналъ долженъ въ теченіе *нѣсколькихъ дней не измѣнять своего положенія* относительно фотографическаго аппарата и, конечно, не измѣняться въ размѣрахъ.

Достигнуть соблюденія этихъ послѣднихъ условій при цвѣтодѣлительномъ фотографированіи кожаныхъ документовъ оказалось въ высшей степени трудно. Не смотря на различныя мѣры, принимавшіяся мною по собственному почину и по предложеніямъ работавшаго со мною вмѣстѣ лаборанта химической лабораторіи Академіи Наукъ А. А. Щербачева *), потратившаго очень много времени и труда изъ желанія помочь мнѣ въ этой бѣдѣ, кожи коробились и сокращались даже во время экспозиціи, чему способствовало въ большой мѣрѣ тепло, развиваемое лентами магнія во время горѣнія. Случайность, очень рѣдко повторяющаяся, позволила мнѣ окончить возстановленіе перваго документа въ три недѣли; иначе на эту работу потребовалось бы гораздо болѣе времени.

Первый возстановленный мною документъ оказался худшимъ въ отношеніи сохранившихся слѣдовъ письменъ, но лучшимъ изъ всѣхъ по своему плоскому виду. Слѣдующіе документы были покороблены несравненно болѣе и, къ тому же, къ нѣкоторымъ изъ нихъ привѣшены печати, чрезвычайно затрудняющія распрямленіе кожи, ибо такіе документы невозможно ни прессовать, ни зажимать между стеклами и пр. Въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ: января, февраля и марта 1895 года, А. А. Щербачевъ и я не могли распрямить надолго второй документъ (съ свинцовою и восковою печатями). Къ прежнимъ затрудненіямъ при-

*) А. А. Щербачевъ скончался въ 1898 г.

бавилось еще одно: второй документъ до такой степени прогнилъ, что укрѣплять его гвоздями на щитѣ нечего было и думать, потому что при малѣйшемъ ссыханіи кожи она прорывалась въ мѣстахъ проколовъ гвоздями.

Въ такомъ положеніи оставалось одно изъ двухъ: или отказаться отъ продолженія работъ по возстановленію текста кожаныхъ документовъ, или найти способъ сократить экспозицію такъ, чтобы кожа не успѣвала высыхать во время фотографированія.

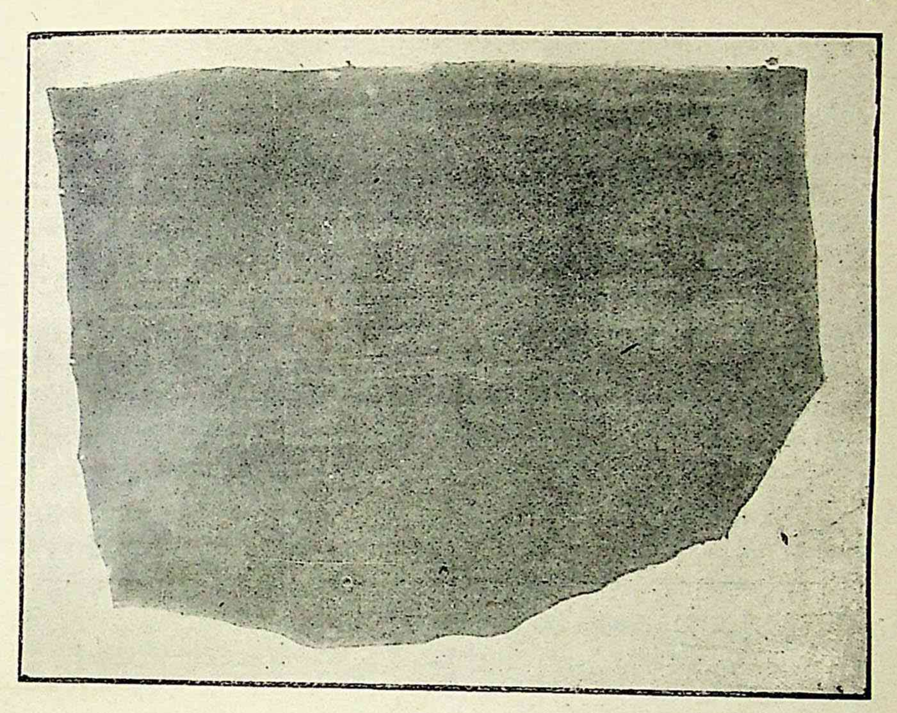
Цѣлый рядъ причинъ заставилъ меня второе предпочесть первому, то есть, заняться изысканіемъ способа сократить экспозицію.

Успѣхъ, достигнутый въ началѣ дѣла, при возстановленіи перваго документа, получилъ широкую огласку въ средѣ интересующихся фотографіею лицъ; о немъ печатались статьи въ русскихъ и иностранныхъ фотографическихъ журналахъ, дѣлались сообщенія въ засѣданіяхъ фотографическихъ обществъ и пр. Прекративъ работы, трудно было бы убѣдить всѣхъ, что *причина неудачи не въ безсиліи цвѣтодѣлительнаго фотографическаго процесса, а въ самой природѣ письменнаго матеріала—кожи*, то-есть, въ обстоятельствѣ, ничего общаго съ цвѣтодѣленіемъ не имѣющемъ.

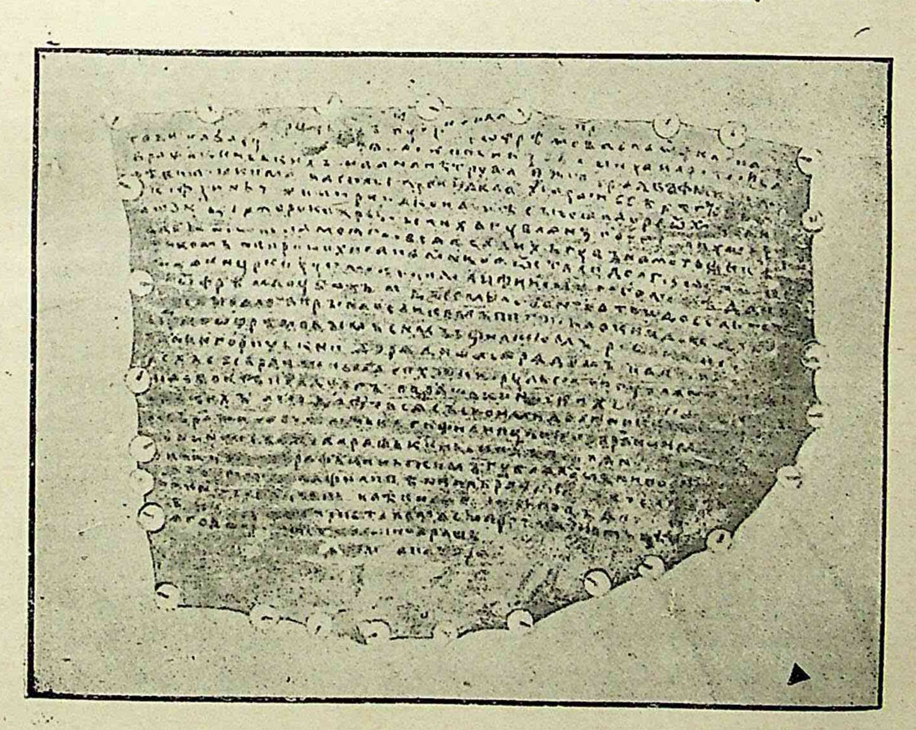
Продолжительность экспозиціи, не дозволяющая возстановлять текстъ кожаныхъ документовъ, должна составлять еще менѣе преодолимое препятствіе при другихъ примѣненіяхъ цвѣтодѣлительнаго способа, напримѣръ, при фотографированіи явленій кратко длящихся и измѣняющихся. Поэтому пришлось бы совсѣмъ отказаться отъ примѣненія процесса къ изслѣдованіямъ естественно-историческимъ, астрономическимъ и др. и ограничиться возстановленіемъ рукописей, писанныхъ на бумагѣ.

Потерявъ надежду получить цвѣтодѣлительный негативъ непосредственно съ кожанаго документа, А. А. Щербачевъ и я рѣшили попробовать снять съ кожи негативъ на обыкновенной сухой пластинкѣ и дѣйствовать, затѣмъ, съ этой пластинкой какъ-бы съ самымъ кожанымъ документомъ. Сухой негативъ былъ сдѣланъ г. Щербачевымъ (онъ былъ опытный фотографъ, извѣстный въ фотографической литературѣ), но ни одна буква не обнаружилась. Хотя въ фотографическомъ отношеніи негативъ былъ неудовлетворителенъ (съ небольшой вуалью), но сдѣланный съ него, на прозрачность, діапозитивъ мокрымъ способомъ уже доказалъ, что и въ немъ есть скрытые слѣды буквъ. Тогда мы рѣшили добиться получить прежде всего вполнѣ хорошій снимокъ и потомъ уже приступить къ работѣ мокрымъ способомъ.

Опытъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ: текстъ документа былъ возстановленъ и 3 декабря 1894 года академики Куникъ и Бекетовъ представили, при особой запискѣ, общему собранію Академіи Наукъ какъ оригиналъ, подвергавшійся возстановленію, такъ и полученные мною послѣ цвѣтодѣленія снимки.

Снимокъ съ кожи, сдѣланный лаборантомъ Академіи Наукъ А. А. Щербачевымъ, на броможелатинной пластинкѣ.

Отпечатокъ съ того-же негатива г. Щербачева, но послѣ цвѣтодѣлительной обработки.

(Изъ журнала „**Фотографъ-Любитель**" изд. А. М. Лаврова).

Въ запискѣ Академика Н. П. Бекетова сказано, что „документъ до того былъ пропитанъ ржавчиной и, вообще, затемненъ, что едва можно было кое-гдѣ замѣтить какую то подпись. Г. Буринскій, употребляя фотографическіе пріемы, имъ выработанные, примѣняясь къ условіямъ даннаго случая, достигъ поразительныхъ результатовъ, получивъ снимки, по которымъ г.г. спеціалисты могли прочесть означенный документъ" (проток. Общ. Собр. Имп. Ак. Наукъ 3 декабря 1894 г.).

Естественно, что академики не могли не заинтересоваться вопросомъ, какими путями мнѣ удалось получить на снимкѣ изображеніе буквъ, которыя, по утвержденію компетентныхъ химиковъ, давно уже перестали существовать и сошли съ кожи, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда? Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, фотографируя пустой стулъ, получить портретъ человѣка, сидѣвшаго на немъ 500 лѣтъ назадъ!

Отвѣтъ на этотъ вопросъ я далъ въ первой своей запискѣ, представленной Академіи Наукъ въ январѣ 1895 г. (Изв. Имп. Академіи Наукъ 1895 г., № 4). Кожи представляются намъ совершенно черными, но, конечно, онѣ не всегда были такого цвѣта. Первоначально, когда на нихъ писали, онѣ были гораздо свѣтлѣе. Измѣненіе цвѣта кожи происходило, подъ вліяніемъ грунтовой воды, постепенно и, разумѣется, прежде всего на мѣстахъ, не покрытыхъ чернилами, слой которыхъ защищалъ поверхность кожи до тѣхъ поръ, пока самъ не растворился и сошелъ прочь. Вслѣдствіе того, что мѣста подъ буквами стали темнѣть позднѣе, чѣмъ все поле документа, между цвѣтами того и другого получилось различіе, хотя и незамѣтное глазу, но, тѣмъ не менѣе, дѣйствительное, существующее. Значитъ, хотя слѣдовъ пишущаго вещества и нѣтъ, но слѣды буквъ сохранились и, если бы нашъ глазъ былъ способенъ раздѣлять очень близкіе между собою оттѣнки, то мы могли бы читать текстъ документа совершенно такъ, какъ читаемъ книгу, печатанную черными буквами на бѣлой бумагѣ!

Съ того момента, когда подтвердилось предположеніе о возможности замѣнить непосредственное цвѣтодѣленіе обработкой негативовъ, снятыхъ сухимъ способомъ, нельзя было сомнѣваться, что цвѣтодѣлительный фотографическій процессъ принесетъ пользу не только при возстановленіи рукописей, но и при всевозможныхъ изслѣдованіяхъ въ области естествознанія.

Первымъ естествоиспытателемъ, воспользовавшимся этой возможностью „видѣть невидимое" былъ проф. геологіи и минералогіи Императорской Военно-Медицинской Академіи К. Д. Хрущовъ. Въ то время этотъ ученый работалъ въ лабораторіи академика Н. Н. Бекетова надъ химическимъ анализомъ рѣдкихъ минераловъ; спектральный анализъ рѣшилъ бы задачу быстро и точно, но бѣда въ томъ, что минералъ непрозраченъ, а тонкія пластинки его, такъ называемые шлифы, содержатъ

слишкомъ ничтожное количество входящихъ въ составъ минерала металловъ, и, потому, шлифъ не дастъ спектра поглощенія, а лишь сплошной спектръ.

При помощи цвѣтодѣлительнаго способа, проф. Хрущову удалось вызвать изъ этого сплошного спектра фраунгоферовы линіи, соотвѣтствующія *дидиму* и другимъ минераламъ, опредѣленнымъ уже ранѣе химически и, кромѣ того, въ спектрѣ оказались линіи *эрбія*, присутствіе котораго не подозрѣвалось и только позднѣйшій химическій анализъ его обнаружилъ. Проф. Хрущовъ тогда же предъявилъ полученные снимки Академіи Наукъ, Физико-Химическому и Минералогическому Обществамъ.

Вслѣдъ за проф. Хрущовымъ, прибѣгнулъ къ цвѣтодѣленію врачъ И. Я. Юстовъ, производившій въ лабораторіи проф. Имп. Военно-медиц. Академіи Н. И. Ивановскаго изслѣдованія надъ измѣненіемъ крови подъ вліяніемъ отравленія фенацетиномъ *).

Вотъ что говоритъ г. Юстовъ: До какой степени не одинаковы бываютъ показанія спектроскоповъ, мы имѣли случай убѣдиться въ одномъ изъ нашихъ опытовъ: въ то время, какъ два спектроскопа Бунзенъ-Кирхгофа, въ одной порціи растворенной сухой крови (отравленной фенацетиномъ) не показывали полосы метгемоглобина (вещества, служащаго показателемъ, что красящее вещество крови измѣнилось подъ вліяніемъ отравленія), спектроскопъ Рота отчетливо ее обнаруживалъ, а фотографическіе снимки по цвѣтодѣлительному способу Буринскаго ясно открывали эту полосу во всѣхъ случаяхъ отравленной фенацетиномъ крови и, притомъ, въ такихъ степеняхъ разведенія, что по внѣшнему виду нельзя было заподозрить въ этихъ растворахъ присутствія какой нибудь доли крови".

Работы г.г. Хрущова и Юстова дали академику А. С. Фаминцыну надежду, что при посредствѣ цвѣтодѣлительнаго способа окажется возможнымъ прослѣдить процессъ дѣленія живыхъ растительныхъ клѣточекъ.

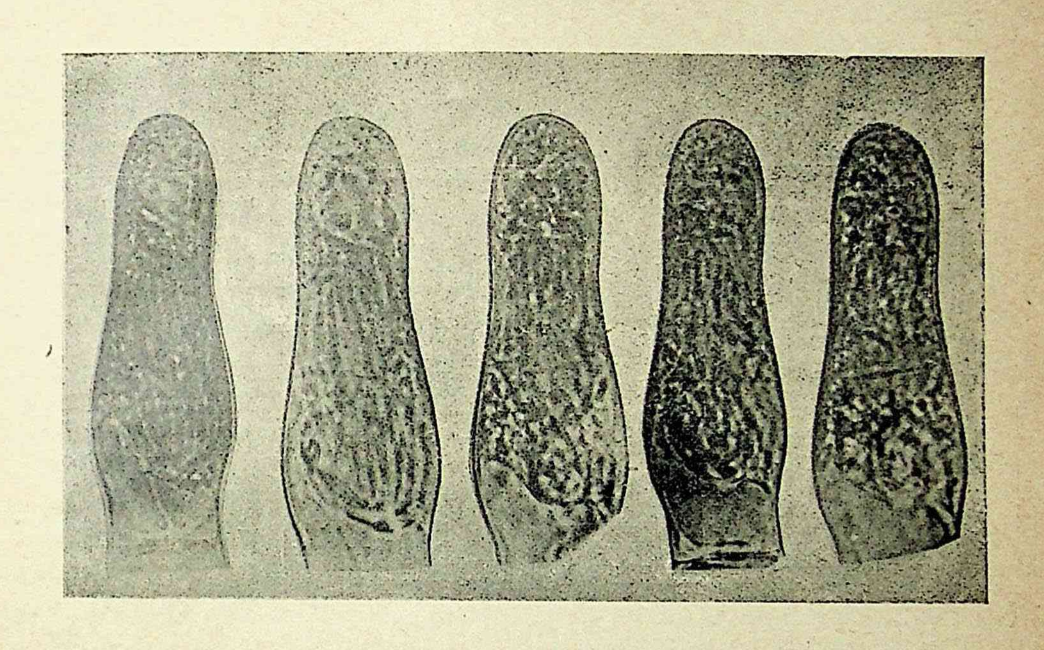
Извѣстно, что о процессѣ дѣленія растительной клѣтки до сихъ поръ судили только по фиксированнымъ (т.-е. окрашеннымъ) препаратамъ, такъ какъ неокрашенный препаратъ представляетъ стекловидную массу, въ которой очень трудно, чтобы не сказать невозможно, видѣть отдѣльныя части строенія. Но фиксированный, окрашенный, препаратъ представляетъ собою лишь „трупъ" клѣтки и стало-быть о процессѣ дѣленія ядра живой клѣтки (каріокинезѣ) приходилось заключать, „изучая кладбище клѣточекъ", т.-е. деформированные препараты.

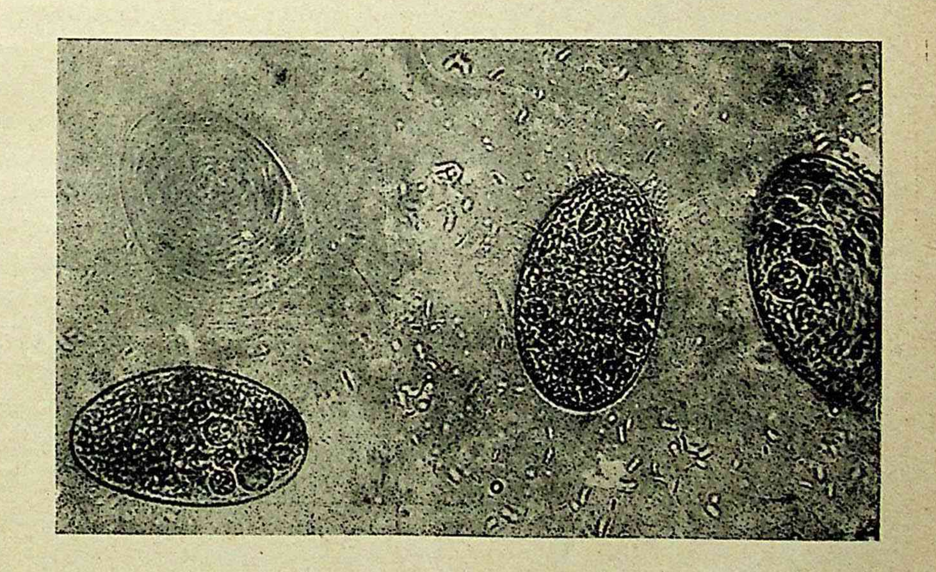
Академикъ А. С. Фаминцынъ рѣшилъ: попробовать фотографиро-

---

*) *И. Я. Юстовъ.* Диссертація 1895 г. № 82; „Паталого-анатомическія измѣненія крови и нѣкоторыхъ паренхиматозныхъ органовъ при остромъ отравленіи фенацетиномъ (пара-ацетъ-фенетидиномъ)" СПБургъ, 1895 г.

Къ стр. 85.

вать живую клѣточку во время процесса дѣленія ядра. Такое фотографированіе обычнымъ способомъ было рѣшительно невозможно, во-первыхъ, потому, что стекловидная масса клѣточки даетъ безформенное изображеніе, лишенное деталей; во-вторыхъ, микрофотографированіе требуетъ продолжительной экспозиціи пластинки (нѣсколько минутъ), а самый процессъ дѣленія протекаетъ также въ нѣсколько минутъ. Стало-быть, если бы даже клѣточка отличалась въ своей массѣ не стекловиднымъ, а вполнѣ отчетливымъ строеніемъ, то и тогда на фотографическомъ снимкѣ получилась бы одна каша.

Процессъ дѣленія ядра выражается цѣлымъ рядомъ самыхъ сложныхъ движеній; но фотографировать предметъ въ движенія возможно только при моментальныхъ снимкахъ. О моментальныхъ же снимкахъ темнаго изображенія микрофотографическаго препарата никто, конечно, и помышлять не могъ, пока не явился на помощь цвѣтодѣлительный способъ.

Микрофотографированіе производилось въ Институтѣ Экспериментальной Медицины. Надо было, что называется, ловить моментъ, такъ какъ дѣленіе совершается очень быстро, а, при огромномъ увеличеніи, на матовомъ стеклѣ камеры можно только видѣть, что передвигается какая-то масса. Экспозировали $^1/_{50}$ секунды, т.-е. столько времени, сколько не всегда достаточно для полученія изображенія яркоосвѣщеннаго ландшафта, въ ясный день! Нечего прибавлять, разумѣется, что, по проявленіи пластинокъ, никакого изображенія не получалось, а только прозрачныя стекла, какъ будто на нихъ ничего не снимали. Во время процесса дѣленія снято десять снимковъ; можно бы снять гораздо больше, если бы не уходило время на перемѣну кассетъ, т.-е. если бы камеру приспособить для быстрой замѣны пластинокъ.

Полученные такимъ образомъ „негативы", т.-е. почти совершенно прозрачныя стекла, на которыхъ съ большимъ трудомъ замѣчались кое-гдѣ какіе-то контуры, были затѣмъ обработаны по цвѣтодѣлительному способу, и въ результатѣ получились отчетливые снимки клѣтки съ послѣдовательнымъ рядомъ процесса дѣленія. По снимкамъ легко можно прослѣдить, какъ перемѣщаются нити, похожія на бусы, сталкиваются, сливаются вмѣстѣ и, въ концѣ-концовъ, образуютъ перегородку: одна клѣточка дѣлится на двѣ новыхъ.

Тѣмъ же самымъ способомъ былъ затѣмъ полученъ рядъ моментальныхъ снимковъ съ живыхъ инфузорій. Экспозиція та же самая— $^1/_{50}$ секунды. Въ результатѣ получился цѣлый любопытный романъ изъ жизни инфузорій. Ясно видно, какъ одна инфузорія подходитъ къ другой и начинаетъ быстро вращаться вокругъ своей продольной оси (ухаживаетъ?) Романъ кончается (на остальныхъ снимкахъ), какъ и всѣ романы: обольщенная инфузорія производитъ новое потомство и сама погибаетъ.

Возвращаюсь къ первоначальнымъ работамъ, произведеннымъ мною съ А. А. Щербачевымъ для полученія текста кожанаго документа. Требовалось, прежде всего, опредѣлить, какія изъ имѣющихся въ продажѣ пластинокъ (т. е. какой фирмы) болѣе способны къ раздѣленію оттѣнковъ; затѣмъ, произвести такія же изысканія съ проявителями и проч.

Для начала опытовъ я сдѣлалъ съ кожанаго документа 12 снимковъ на сухихъ, броможелатинныхъ пластинкахъ разныхъ фабрикъ и различныхъ степеней чувствительности (Люмьеръ, Ильфордъ, Монкговенъ, Занковскій) и проявлялъ ихъ также различными проявителями (желѣзомъ, гидрохинономъ, амидоломъ). По числу обнаружившихся буквъ всѣ негативы оказались различными: не получилось двухъ негативовъ одинаковой степени цвѣтодѣленія. Это явленіе—то самое, о которомъ говорятъ гг. Леви и Пюизо, и которое они объясняютъ проявленіемъ пластинками артистической индивидуальности. Совершенно очевидно, что цвѣтодѣлительность негатива или, какъ принято говорить, детальность его находится въ зависимости отъ многихъ перемѣнныхъ условій, каковы: свѣточувствительный слой, продолжительность экспозиціи, способъ проявленія и пр. Дальнѣйшіе опыты показали, что даже при всѣхъ равныхъ условіяхъ невозможно получить два равно-цвѣтодѣлительныхъ негатива, и что на одномъ непремѣнно есть нѣсколько лишнихъ буквъ, незамѣтныхъ на другомъ. Я бралъ коробку съ 12 пластинками, упакованными на фабрикѣ, одного, слѣдовательно, нумера приготовленія; экспонировалъ послѣдовательно всѣ эти 12 пластинокъ при освѣщеніи лентой магнія, при чемъ время экспозиціи во всѣхъ случаяхъ было одно и тоже, съ точностью до 0,1 секунды: проявлялъ каждую пластинку свѣжимъ проявителемъ, заготовивъ его сразу въ достаточномъ количествѣ, и держалъ въ проявленіи въ теченіе точно опредѣленнаго для всѣхъ пластинокъ времени. Не смотря на все это, негативы оказались различны по детальности, то-есть по числу выяснившихся буквъ.

Работая при болѣе соотвѣтствующей обстановкѣ и располагая большимъ количествомъ времени, можно было бы, безъ сомнѣнія, уловить причины, вліяющія на повышеніе цвѣтодѣлительности пластинокъ; я не имѣлъ ни времени, ни средствъ доискиваться этихъ причинъ, оставивъ эту задачу безъ разрѣшенія до болѣе благопріятнаго времени. Для продолженія опытовъ я взялъ изъ 31 негатива два, выбравъ одинъ наиболѣе детальный и другой наименѣе детальный. Цѣль моя была—оперировать одновременно съ тѣмъ и другимъ для того, чтобъ узнать число сохранившихся на каждомъ изъ нихъ скрытыхъ буквъ. Едва-ли нужно говорить, что *если негативъ не вполнѣ чистъ, т.-е. имѣетъ хотя бы незначительную вуаль, онъ совсѣмъ не годенъ для цвѣтодѣленія.* Естественно, что *видимое* на негативѣ усилится раньше, чѣмъ то, что совсѣмъ не видно; поэтому, вуаль усилится до чернаго прежде

чѣмъ искомые невидимые слѣды нѣсколько проявятся и, значитъ, всегда будетъ закрывать эти послѣдніе. Обработывать цвѣтодѣлительнымъ способомъ вуалированный негативъ —значитъ тратить время и матерьялъ безъ всякой надежды на какой бы ни было успѣхъ.

Какъ тотъ такъ и другой негативы я усилилъ общеизвѣстнымъ способомъ, при помощи сулемы и сѣрнистокислаго натра. Сравнивъ отпечатки съ усиленныхъ негативовъ съ отпечатками, сдѣланными до усиленія, я убѣдился, что новыхъ буквъ не оказалось, но старыя, выяснившіяся ранѣе, рѣзче выступили изъ фона.

Не повышая видимымъ образомъ цвѣтодѣлительности негатива, усиленіе все же оказываетъ пользу тѣмъ, что облегчаетъ дальнѣйшія работы. Печатаніе съ неусиленнаго негатива требуетъ большей осторожности, чѣмъ съ усиленнаго. Съ усиленнаго негатива я дѣлалъ діапозитивы на стеклѣ при помощи хлороколлодіонной эмульсіи по рецепту А. А. Щербачева, напечатанному въ Памятной книжкѣ, приложенной къ журналу фотографъ-Любитель (рецептъ № 113), прибавивъ къ эмульсіи, по указанію Валента (Русскій Фотографическій Журналъ 1895 г. № 9), на каждые 200 к. с. эмульсіи, 0,4 гр. раствора хромовой кислоты для увеличенія контрастности отпечатка. Составъ эмульсіи слѣдующій.

Коллодіонъ:

Виннаго спирта въ 95 гр. .	400 к. с.
Сѣрнаго-эфира	400 к. с.
Пироксилина	25 гр.

Хлорирующій растворъ:

Кипящаго спирта.	80 к. с.
Хлористаго литія. . . .	2 гр.
Хлористаго стронція. . .	3 гр.

Серебряный растворъ:

Виннаго спирта въ 95 гр. .	60 к. с.
Воды дестиллированной . . .	10 к. с.
Азотнокислаго серебра . . .	20 к. с.

Растворы вводятся горячими, очень тонкою струей, при постоянномъ взбалтываніи коллодіона. Затѣмъ прибавляется растворъ 4 гр. лимонной кислоты въ 80 к. с. спирта. Если печать предполагается вести на бумагѣ, то прибавляется глицеринъ. Успѣхъ въ приготовленіи эмульсіи вполнѣ зависитъ отъ способа вливанія горячихъ спиртовыхъ растворовъ. Коллодіумъ лучше всего налить въ широкогорлую колбу и *поддерживать въ постоянномъ движеніи*, во все время, пока вводятся спиртовые растворы. Особенно важно это при вливаніи раствора азотнокислаго серебра *и именно первыхъ капель*. Эмульсія въ окончатель-

номъ видѣ должна быть на просвѣтъ опаловая, съ оранжевымъ оттѣнкомъ. Если эмульсія плохо приготовлена, то черезъ сутки на днѣ колбы окажется бѣлый мучнистый осадокъ. Эмульсію слѣдуетъ держать въ темномъ мѣстѣ. Я не настаиваю, разумѣется, на приведенномъ здѣсь рецептѣ эмульсіи; напротивъ, я убѣжденъ, что можно приготовить эмульсію, обладающую гораздо большей цвѣтодѣлительной способностью. Когда я производилъ первые опыты надъ возстановленіемъ текста кожаныхъ документовъ, у меня не было времени отвлекаться для испытанія разныхъ сортовъ эмульсій и я воспользовался тѣмъ рецептомъ, который былъ подъ рукой.

Діапозитивъ на стеклѣ я приготовлялъ слѣдующимъ образомъ. На матированную сторону хорошо вымытаго и вычищеннаго молочнаго стекла я наливалъ эмульсію, какъ обыкновенно дѣлается при коллодіонированіи стекла. Необходимо, передъ употребленіемъ матоваго стекла въ дѣло, хорошо вычистить матированную сторону кускомъ пемзы съ водой и положить стекло на ночь въ слабую азотную кислоту. Такое стекло, положенное подъ негативомъ въ копировальной рамѣ, выставлялось на свѣтъ до тѣхъ поръ, пока не начинали выясняться буквы (для контроля выставлялась бумага, покрытая тою же эмульсіей); какъ только печатаніе началось, копировальная рама прикрывалась желтымъ стекломъ. Прикрываніе желтымъ стекломъ имѣетъ цѣлью, какъ я уже говорилъ, сообщить отпечатку большую контрастность, то-есть, повысить цвѣтодѣлительность его. Хлористое серебро не чувствительно къ желтымъ лучамъ, но разъ уже возстановленіе серебра свѣтомъ начато, оно продолжается и подъ вліяніемъ желтыхъ лучей. Такимъ образомъ, подъ желтымъ стекломъ продолжаютъ печататься только буквы, тогда какъ пропечатываніе поля задерживается. Необходимо имѣть въ виду, что при очень слабой желтой окраскѣ стекла не получается желаемаго результата, а при очень густой окраскѣ печатаніе совсѣмъ прекращается. Хорошіе результаты даетъ окраска ауранціею, для чего можно обливать стекло коллодіумомъ съ примѣсью слабаго раствора ауранціи въ спиртѣ. Опытъ убѣдилъ меня, что лучшіе результаты получаются, если по мѣрѣ выясненіи подробностей на отпечаткѣ увеличивать густоту окраски; поэтому я сначала обливаю окрашеннымъ коллодіумомъ одну сторону прикрывающаго стекла, а потомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, — другую сторону. Понятно, однако, что при такомъ увеличеніи густоты окраски желтаго стекла, усиливаніе происходитъ *не постепенно, а скачками*, притомъ далеко не всегда отвѣчающими быстротѣ печатанія, пропорціональность въ силѣ оттѣнковъ неизбѣжно нарушается и, вслѣдствіе этого, полученное изображеніе получается безобразно-контрастнымъ, лишеннымъ полутоновъ, какъ это вѣрно замѣтила Академія Наукъ въ своемъ отзывѣ о моемъ способѣ. Недо-

статокъ исправляется, до нѣкоторой степени, если взять не коллодіумъ съ ауранціей, а 5 проц. растворъ асфальта въ бензинѣ, такъ какъ отъ дѣйствія свѣта асфальтъ самъ принимаетъ, постепенно, болѣе густую желтую окраску.

Когда буквы достаточно проявились (то-есть, тѣ буквы, которыя замѣтны на самомъ негативѣ), эмульсіонированное стекло вынимается изъ копировальной рамы, вирируется, фиксируется какъ обыкновенно и высушивается, послѣ чего обливается вновь растворомъ каучука поверхъ коллодіонной эмульсіи. Слою каучука необходимо дать совершенно затвердѣть, что узнается по отсутствію липкости, и тогда опять облить по каучуку тою же эмульсіею. Размѣръ молочнаго стекла долженъ быть немного меньше размѣра негатива. Для того, чтобы эмульсіонированное молочное стекло всегда приходилось на одно и то же мѣсто негатива, т. е. чтобы всѣ линіи совпадали, лучше всего поступать такъ: до обливки эмульсіей, положить стекло на негативъ, матовой стороной къ негативу и приклеить на послѣдній, по угламъ, узенькія полоски бристоля такъ, чтобы онѣ пришлись вплотную къ молочному стеклу.

Чтобы совершенно удалить слѣды гипосульфита (сѣрноватистокислаго натра), очень полезно употреблять растворъ антіона (1: 200). Когда слѣды гипосульфита не совсѣмъ удалены, то уже на второмъ слоѣ появляются желтыя пятна, портящія всю работу.

Описаннымъ способомъ достигается увеличеніе различія между цвѣтовыми оттѣнками вдвое, благодаря суммированію изображеній. Три употребленныя средства увеличенія контрастности—прибавка хромовой кислоты въ эмульсію, прикрываніе желтымъ стекломъ и складываніе изображеній—даютъ уже много новыхъ буквъ, и кромѣ того, можно замѣтить линіи строкъ, хотя буквы на этихъ линіяхъ еще слишкомъ слабы, и распознать ихъ нельзя *).

Сравнивая отпечатокъ съ нашего негатива, сдѣланный на эмульсіи безъ хромовой кислоты, безъ прикрыванія желтымъ стекломъ и безъ сдваиванія изображеній, съ отпечаткомъ, сдѣланнымъ при употребленіи этихъ средствъ, можно видѣть, что даже такимъ способомъ извлекаются изъ негатива подробности, которыя ранѣе не были видны. Нѣкоторыя буквы, совсѣмъ незамѣтныя прежде, обрисовались настолько, что ихъ можно назвать; нѣкоторыя же буквы, болѣе слабыя, показались недостаточно опредѣленно, но всетаки видно, что это — слѣды письменъ, а не неровности на поверхности кожи, отъ которыхъ ранѣе нельзя было ихъ отличить.

---

*) Способъ этотъ, опубликованный мною въ 1891 году, съ успѣхомъ примѣнялъ московскій судебный фотографъ графъ Меллинъ (см. его докладъ моск. об-ву распр. техн. знаній въ 1892 г., въ Извѣстіяхъ этого общества).

Полученный отпечатокъ доказываетъ уже, что на негативѣ мы не все видимъ, что на немъ есть. Слѣдуетъ предположить, что и на полученномъ отпечаткѣ есть еще много для насъ невидимаго, и потому должно подвергнуть его такому же фотографированію, при помощи котораго былъ возстановленъ текстъ перваго документа.

Способъ раздѣленія цвѣтовыхъ оттѣнковъ я изложу здѣсь подробно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ практикуется мною при возстановленіи поврежденныхъ письменъ, такъ какъ для судебной экспертизы документовъ этого совершенно достаточно. Во всей фотографической литературѣ русской, французской, нѣмецкой и англійской нѣтъ рѣшительно ничего касающаго этого предмета. Я долженъ прибавить, что если бы работа моя производилась въ спеціально устроенной лабораторіи и при возможности располагать свободно необходимыми средствами, то цвѣтодѣленіе можно бы вести несравненно далѣе, напримѣръ, въ данномъ случаѣ добиться полнаго возстановленія текста кожаныхъ документовъ.

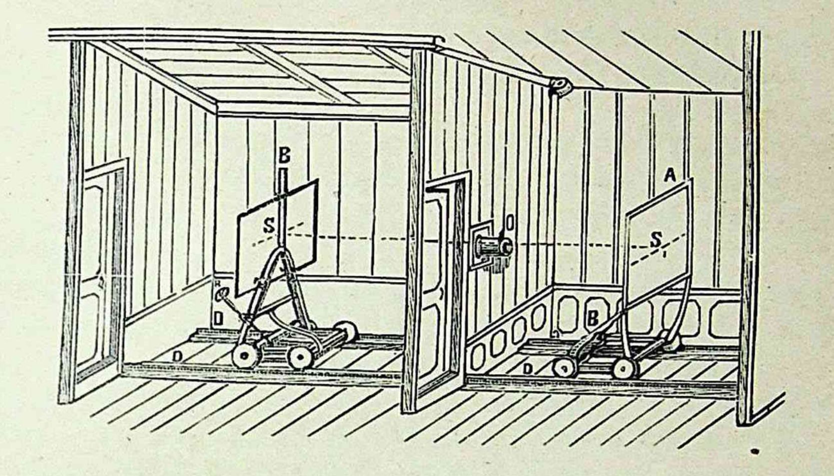
Помѣщеніе, въ которомъ желаютъ производить работы по цвѣтодѣлительной фотографіи, должно удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) полъ не долженъ подвергаться сотрясенію отъ уличной ѣзды; 2) въ это помѣщеніе не долженъ проникать воздухъ, насыщенный какими-либо испареніями, содержащими въ себѣ сѣрнистыя соединенія. Если оба эти условія или одно изъ нихъ не соблюдено, работа становится чрезвычайно трудною и неуспѣшною.

При всѣхъ репродукціонныхъ фотографическихъ работахъ, слѣдуетъ остерегаться вреднаго дѣйствія сотрясенія камеры на чистоту и рѣзкость негативовъ. Длиннофокусные объективы, исключительно употребляемые при репродукціонныхъ работахъ, чрезвычайно чувствительны къ малѣйшимъ колебаніямъ объективной доски, такъ что фабриканты предостерегаютъ въ каталогахъ даже отъ такихъ сотрясеній, какія могутъ быть произведены проѣздомъ по мостовой нагруженнаго воза. Мнѣ лично приходилось испытывать постоянныя неудачи при работахъ въ зданіи с.-петербургскаго окружнаго суда; удачному негативу предшествовали десятки испорченныхъ вслѣдствіе сотрясеній отъ ѣзды экипажей по улицѣ.

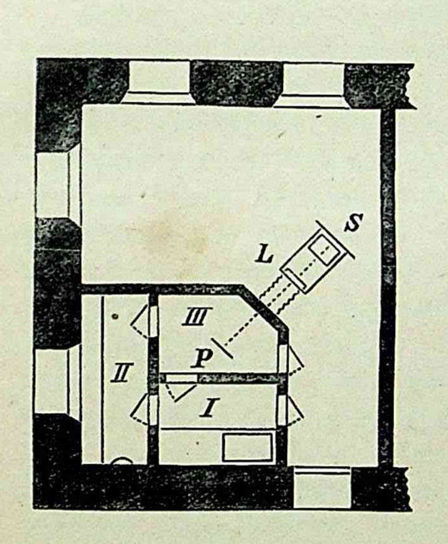
Противъ вліянія сотрясеній предложены разныя мѣры. Нѣкоторые подвѣшиваютъ платформу съ камерой и предметнымъ щитомъ къ потолку павильона на цѣпяхъ; другіе стелютъ платформу на толстый слой песку. Моттеро (см. Зап. Имп. Рус. Техн. Об-ва 1893 г. Апрѣль, ст. Е. Головина, стр. 160), предлагаетъ отказаться отъ употребленія камеръ не только съ гармоніей, но и ящичныхъ, а вдѣлывать объективъ въ капитальную стѣну.

По рельсамъ DD проведеннымъ изъ темной комнаты въ павильонъ,

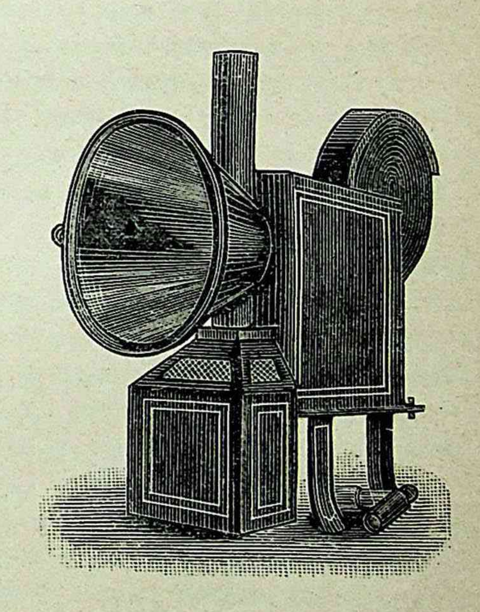
Къ стр. 90 и 91.

Павильонъ Мотеро.

Камера-монстръ проф. Л. З. Мороховца.

Лампа съ часовымъ механизмомъ для сжиганія ленты магнія.

двигаются два статива A и B. Движеніе ихъ управляется винтами K. и K. Чувствительная поверхность укрѣпляется на доскѣ S, а снимаемая рукопись на доскѣ S′. Объективъ лучше всего укрѣплять слѣдующимъ образомъ. Надъ отверстіемъ, продѣланнымъ въ стѣнѣ, отдѣляющей темную комнату отъ павильона, наколачиваютъ рамку съ фальцами и уже въ послѣднюю вставляютъ доску съ ввинченнымъ въ нее объективомъ O. (см. рис.).

Для цвѣтодѣлительныхъ работъ пригодны изготовляемые теперь аппараты для трехцвѣтнаго печатанья, въ которыхъ верхняя доска, несущая камеру и щитъ, соединена съ стативомъ системою рессоръ. Аппараты эти довольно дороги.

Проф. Московскаго университета Л. З. Мороховецъ устроилъ, въ физіологической лабораторіи университета, такъ называемую „камеру-монстръ“, описанную въ Фотогр. Обозр. (1895 г. декабрь).

Большая комната, въ четыре окна, выкрашена — полъ, стѣны и потолокъ — асфальтомъ въ черный цвѣтъ. Окна снабжены черными занавѣсками. Часть этой комнаты, именуемой въ лабораторіи *оптической*, вмѣстѣ съ однимъ окномъ, отдѣлена черною, непроницаемою для свѣта перегородкою, подъ фотографическое отдѣленіе. Это отдѣленіе въ свою очередь дѣлится непроницаемыми перегородками на три комнаты: I темная для работъ съ недѣятельнымъ свѣтомъ, II свѣтлая съ окномъ для соотвѣтствующихъ фотографическихъ работъ (печатаніе и т. п.) и, наконецъ, III собственно фотографическая камера. (см. рис.).

Темная I по длинной стѣнѣ снабжена столомъ съ большою, четыреугольною англійскою раковиною, дно которой съ одной половины его повышено и покрыто рифами, съ другой углублено и можетъ, по желанію наполняться водою до краевъ. Надъ столомъ, по стѣнѣ, помѣщаются полки и два фонаря съ электрическими лампочками. Первый фонарь состоитъ изъ двухъ стеклянныхъ, концентрически расположенныхъ, полушаровъ, отстоящихъ другъ отъ друга на 2 сантиметра. Пространство между полушаріями выполняется темно-краснымъ растворомъ эритрозина въ глицеринѣ съ водою. Эритрозинъ растворяется въ водѣ, куда прибавляется постепенно отъ 8 до 10 частей глицерина. Такой растворъ при изслѣдованіи спектроскопомъ, пропускаетъ только красные лучи. Другой фонарь, находящійся также надъ столомъ, снабженъ стекломъ, покрытымъ оранжевою бумагою. Легко доступные для руки выключатели даютъ возможность вводить свѣтъ въ тотъ или другой фонарь. Помимо этого темная комната сообщается со свѣтлою окошечкомъ, снабженнымъ выдвижными рамами съ краснымъ и желтымъ стеклами, а также черною ставнею. Кромѣ того, на столѣ темной I имѣется газовый рожокъ, который можетъ служить, какъ для освѣщенія, такъ и для нагрѣванія. Надъ раковиной стоятъ два

крана, одинъ простой, другой поворотный съ сѣткою. Полки уставлены необходимою посудою и реактивами. Небольшая дверь ведетъ изъ темной I въ свѣтлую II, гдѣ помимо газа и воды имѣется окно, снабженное темною сторою. Столъ на кронштейнахъ покрытъ ксилолитомъ, внизу котораго помѣщаются полки для принадлежностей этой комнаты. Справа и слѣва отъ стола имѣются полки для реактивовъ и бумаги, а также шкапикъ для храненія пластинокъ и бумаги. Собственно камера III представляетъ собою не болѣе, какъ темную комнату, въ которой помимо трехъ дверей, ведущихъ изъ свѣтлой II, темной I и оптической, имѣется еще въ одномъ притупленномъ углу отверстіе на высотѣ 1½ аршина отъ пола длиною въ ³|₄ аршина и шириною въ ½ аршина. По бокамъ отверстія устроены пазы, въ которыхъ ходитъ доска съ болѣе узкимъ отверстіемъ, закрывающимся кольцомъ съ установочными винтами. Въ кольцѣ ходитъ труба, снабженная различными кольцами для объективовъ и микрометрическимъ винтомъ для точной установки. Вмѣсто объективовъ (L — на рисункѣ) могутъ вставляться микроскопы и т. п. Объективы и микроскопы помѣщаются уже съ внѣшней стороны камеры, въ оптической, и посылаютъ изображенія поставленныхъ предъ ними предметовъ въ камеру.

Для увеличеній, вмѣсто подвижной доски, къ отверстію камеры со стороны оптической комнаты прилаживается мѣхъ, а къ переднему отверстію послѣдняго привинчиваются уже объективы или прилаживается микроскопъ. Благодаря только что описанному подвижному мѣху, легко производить установку для проэкцій какихъ угодно объективовъ и микроскопическихъ, и макроскопическихъ.

Изображенія посылаются въ камеру и проэцируются здѣсь на подвижную по тремъ направленіямъ плоскость рамы, снабженной вкладами для негативныхъ пластинокъ или однимъ общимъ стекломъ, на которомъ растягивается бумага для увеличенія и т. п. Рама эта укрѣплена на штативѣ и снабжена, какъ кассетки, пружиной со своей задней поверхности. Запершись въ этой камерѣ, можно установить какъ угодно воспринимающую плоскость и наблюдать изображеніе съ одной и съ другой стороны его. Мало того, при такомъ расположеніи нѣтъ надобности ни въ кассеткахъ, ни въ дорогихъ камерахъ для полученія негатива, ни въ камерахъ для увеличенія. Въ самомъ дѣлѣ, когда получено достаточно ясное изображеніе на матовой пластинкѣ, надо только замѣнить ее чувствительной пластинкой. Во время укрѣпленія чувствительной пластинки или бумаги, доступъ свѣта черезъ объективъ въ камеру предотвращается ширмою; зажигаютъ имѣющійся тутъ же красный фонарь и вставляютъ пластинки, взятыя изъ темнаго ящика или перенесенныя изъ темной комнаты I, въ которую имѣется дверь изъ той же камеры III. Преимущество подобнаго рода камеръ заклю-

чается въ томъ, что наблюдатель присутствуетъ при самомъ процессѣ фотографированія и можетъ такимъ образомъ своевременно направить его должнымъ образомъ. Послѣ экспозиціи пластинка или бумага переносится изъ камеры прямо въ темную, гдѣ и подвергается обработкѣ.

Такимъ образомъ камера эта представляетъ собою обыкновенную фотографическую камеру, но такихъ размѣровъ, что въ ней, какъ въ комнатѣ, фотографирующій можетъ двигаться и манипулировать, почему эта камера и названа „камера-монстръ". Вмѣстѣ съ тѣмъ эта же камера можетъ служить и для увеличеній не только съ негативовъ, но и съ натуры.

Фотографированіе мокрымъ способомъ требуетъ безукоризненной чистоты помѣщенія и наполняющаго его воздуха, безъ чего неудачи будутъ постоянно преслѣдовать работающаго. Въ химической лабораторіи Академіи Наукъ мнѣ ни разу не удалось получить безупречный негативъ, вслѣдствіе нечистоты проникавшаго изъ другихъ комнатъ лабораторіи воздуха; наоборотъ, лѣтомъ, на дачѣ и въ зданіи Военно-Медицинской Академіи негативы оказывались совсѣмъ чистыми.

Я имѣлъ въ моемъ распоряженіи апланатъ Штейнгеля, IV серіи (широкоугольный) № 2. Въ каталогахъ фирмы Штейнгель, въ примѣчаніи къ перечню объективовъ этой серіи, сказано, что работать ими можно только въ помѣщеніи безопасномъ отъ всякихъ сотрясеній пола. Дѣйствительно, достаточно, чтобы во время экспозиціи прошли по комнатѣ, хотя бы очень осторожно, чтобы негативъ былъ испорченъ.

Лицамъ, которыя пожелаютъ заняться цвѣтодѣлительною фотографіей, я совѣтовалъ бы не приступать къ работѣ, не убѣдившись въ совершенной правильности установки всего аппарата, то-есть, стола, камеры съ объективомъ и предметнаго щита. Повѣрка параллельности щита, объективной доски и матоваго стекла при помощи линеекъ и ватерпаса, какъ это обыкновенно дѣлается, недостаточна. Наиболѣе надежнымъ я считаю способъ Гюгенена (при помощи зеркала), описаніе котораго можно найти въ руководствѣ Даванна, въ Энциклопедіи Фабра и др. Въ предметный щитъ вдѣлывается за-подъ-лицо небольшое зеркало, а въ объективъ вставляется кружокъ изъ бѣлой папки съ булавочнымъ проколомъ въ центрѣ. Если всѣ три плоскости параллельны и вмѣстѣ съ тѣмъ, перпендикулярны къ оси объектива, то изображеніе прокола, отраженнаго въ зеркалѣ, должно приходиться въ самомъ центрѣ матоваго стекла. Пока это не достигнуто, нельзя начинать работы по цвѣтодѣленію.

Установивъ аппаратъ, слѣдуетъ провѣрить совпаденіе плоскостей матоваго стекла и чувствительной поверхности пластинки, при замѣнѣ матоваго стекла кассетою. Для такой повѣрки я устроилъ приборъ изъ двухъ длинныхъ чертежныхъ линеекъ, между которыми вставлены

прокладки; надъ этими прикрѣпленными между собою линейками придѣлана мѣдная дуга съ дѣленіями на градусы, а въ центрѣ дуги, къ линейкамъ, прикрѣплена длинная стрѣлка, короткій конецъ которой, выходящій по другую сторону линеекъ снабженъ маленькимъ грузомъ въ видѣ вращающагося колеса. Такую линейку я ставлю ребромъ на внутренніе края рамки матоваго стекла, при чемъ грузовое колесо прикасается къ стеклу, и тогда замѣчаю показываемое стрѣлкой дѣленіе. Послѣ этого вкладываю въ кассету какой-нибудь негодный негативъ, открываю штору и дѣйствую съ линейкой точно такъ-же, какъ при повѣркѣ матоваго стекла. Стрѣлка должна показать то же самое дѣленіе; въ противномъ случаѣ, наложеніе стекла въ кассетѣ не вѣрно и требуетъ исправленія.

Пріемъ этотъ не новъ, но опытъ убѣдилъ меня, что онъ лучше всѣхъ другихъ достигаетъ цѣли. Еще разъ повторяю, что тщательная вывѣрка аппарата и кассетъ безусловно необходима.

Освѣщеніе снимаемаго предмета можетъ быть только искусственное и ни въ какомъ случаѣ не дневное, по той причинѣ, что послѣднимъ не возможно управлять. Во время экспозиціи дневной свѣтъ слѣдуетъ совсѣмъ устранить, потому что онъ вредитъ съемкѣ. Я освѣщаю предметъ съ двухъ сторонъ лампами Нея, въ которыхъ лента магнія выдвигается при помощи часовыхъ механизмовъ. Движеніе ленты въ обѣихъ лампахъ должно быть совершенно одинаковое, что легко провѣряется сравненіемъ, по длинѣ, лентъ магнія, выпущенныхъ тою и другою лампами въ одинъ промежутокъ времени.

Чтобы зарядить лампу кружкомъ изъ магніевой ленты, необходимо развинтить жестяныя круглыя шайбы, которыя находятся позади часоваго механизма и предназначены для помѣщенія между ними магнія. Кружокъ изъ магніевой ленты помѣщаютъ между шайбами, не разрѣзая и не удаляя той розовой тесемки, которой онъ перевязанъ. Только вполнѣ свинтивши обѣ шайбы, можно перерѣзать тесемку и удалить ее, такъ какъ иначе лента изъ магнія могла бы развернуться и потребовалось бы много труда, чтобы опять свернуть ее въ кружокъ. Свободный конецъ магніевой ленты слѣдуетъ затѣмъ ввести съ нижней части кружка—черезъ небольшой направляющій валикъ — въ промежутокъ между двумя черными валиками, покрытыми гуттаперчей. Затѣмъ заводятъ часовой механизмъ, что достигается 7 — 8 полуоборотами ключа. Часовой механизмъ приводитъ въ движеніе вышеупомянутые валики, а эти послѣдніе выдвигаютъ постепенно магніеву ленту. Часовой механизмъ дѣйствуетъ въ теченіе слишкомъ 1 часа.

Съ правой стороны корпуса часового механизма имѣется особая кнопка, передвиженіемъ которой взадъ или впередъ можно, по произволу, останавливать или пускать въ ходъ часовой механизмъ.

Для точнаго регулированія времени освѣщенія, съ боку лампы имѣется циферблатъ съ стрѣлкой.

Конецъ магніевой ленты долженъ выдаваться изъ мундштука сантиметра на два. Когда все подготовлено сообразно вышеизложеннымъ указаніямъ, тогда зажигаютъ спичкой магніевую ленту и въ тотъ же моментъ пускаютъ въ ходъ часовой механизмъ. Образующійся при горѣніи магнія нагаръ удаляется автоматически особымъ приспособленіемъ, такъ что конецъ ленты всегда чистъ, что способствуетъ хорошему горѣнію и исправному дѣйствію рефлектора.

Для отведенія наружу дыма, получающагося при горѣніи магнія, лампа О. Нея снабжена особымъ трубчатымъ придаткомъ, къ которому затѣмъ присоединяютъ трубопроводъ такого же діаметра, ведущій въ ближайшее отверстіе вентиляціоннаго канала, въ дверцу печи, или, —въ крайнемъ случаѣ—въ форточку. Достаточно самой незначительной тяги для хорошаго бездымнаго горѣнія лампы; надо только, чтобы выходное отверстіе вентиляціоннаго или печнаго канала было защищено флюгаркой для предупрежденія обратной тяги воздуха. Если желаютъ сообщить лампѣ извѣстную подвижность, то часть трубопровода замѣняютъ гуттаперчевой трубкой, подходящаго размѣра и длины.

Если лампа остается послѣ работы долгое время безъ употребленія, то въ виду сбереженія и сохраненія часоваго механизма надо принять слѣдующія мѣры: обратнымъ вращеніемъ жестяныхъ шайбъ вытягиваютъ совершенно конецъ магніевой ленты изъ промежутка между двумя валиками, затѣмъ пускаютъ въ ходъ часовой механизмъ и даютъ ему время вполнѣ отработать, чтобы онъ во время бездѣйствія лампы не оставался въ заведенномъ состояніи.

Стекла для приготовленія чувствительныхъ пластинокъ должны быть непремѣнно зеркальныя, то-есть, совершенно плоскія, безъ неровностей. За нѣсколько дней до употребленія стекла вывариваются въ поташѣ и затѣмъ кладутся въ слабую азотную кислоту, потомъ обмываются водой и чистятся спиртомъ до тѣхъ поръ, пока дыханіе не удерживается на стеклѣ. На чистку стеколъ слѣдуетъ обратить особое вниманіе лицамъ, занимающимся фотографическимъ цвѣтодѣленіемъ *).

Серебряная ванна дѣлается изъ 10 частей азотнокислаго серебра на 100 частей дестиллированной воды. Прежде чѣмъ растворить это количество серебра въ водѣ, въ воду кладутъ лишь небольшой ку-

*) Стекло, предварительно вываренное въ поташѣ и пролежавшее по крайней мѣрѣ ночь въ азотной кислотѣ, обмываютъ хорошо водой и смотрятъ, ровно-ли стекаетъ съ него вода, т. е. не образуются-ли сухіе островки; въ послѣднемъ случаѣ стекло слѣдуетъ опять положить въ щелочь. Чистятъ стекло въ особомъ деревянномъ станкѣ (продается во всѣхъ фотогр. магазинахъ) тампономъ изъ тряпки, намоченнымъ спиртомъ. На хорошо чищеномъ стеклѣ дыханіе не оставляетъ слѣда.

сокъ ляписа и выставляютъ на дневной или, лучше, на солнечный свѣтъ въ сосудѣ изъ бѣлаго стекла по крайней мѣрѣ на сутки. На другой день воду фильтруютъ, и тогда только растворяютъ указанное количество серебра, при чемъ кусочекъ, служившій для очищенія воды, въ счетъ не идетъ. Серебряная ванна находится въ темной комнатѣ только во время работы; тотчасъ же по окончаніи работы ее сливаютъ въ стклянку и ставятъ на свѣтъ. Чтобъ имѣть всегда хорошую серебряную ванну, я приготовляю заразъ большое количество раствора, разливаю въ нѣсколько сосудовъ и всѣ выставляю на свѣтъ, пользуясь каждымъ изъ нихъ по очереди; такимъ образомъ, при четырехъ сосудахъ ванна выдерживается на свѣту по меньшей мѣрѣ три дня.

Іодировка коллодіума играетъ очень важную роль. Извѣстно, что путемъ выбора іодирующихъ солей можно придать изображенію мягкость или контрастность, по желанію. Въ прежнее время, когда не существовало еще сухого способа фотографированія, въ продажѣ имѣлись коллодіоны разныхъ сортовъ, предназначавшіеся для различныхъ цѣлей: портретный, пейзажный, репродукціонный и пр. Испытывая разные рецепты іодированія коллодіума, съ цѣлью найти наилучшій для цвѣтодѣленія, я убѣдился, что пригоднѣе всѣхъ іодирующихъ солей—іодистый стронцій, но за то такой коллодіумъ быстро теряетъ свое цвѣтодѣлительное свойство и становится просто контрастнымъ, то-есть, даетъ только сильные свѣта и глубокія тѣни.

При употребленіи іодистаго стронція, необходимо обращать вниманіе на чистоту этой соли; въ дѣло можетъ идти только іодистый стронцій Шеринга, въ запаяныхъ стеклянныхъ трубкахъ, темнаго *кофейнаго* цвѣта. Іодистый стронцій, продаваемый въ аптекарскихъ складахъ въ баночкахъ порошистый, *желтаго* цвѣта, совсѣмъ не годится для іодированія коллодіума.

Въ особыхъ случаяхъ я употребляю этотъ коллодіумъ, но для постоянной работы пользуюсь другимъ, слѣдующаго состава:

Спирту	675	к. с.
Эфиру	325	„
Пироксилина	14	гр.
Іодистаго аммонія	7	„
Бромистаго аммонія	8	„
Іодистаго кадмія	16	„

Замѣчательно, что этотъ коллодіумъ въ первые дни совсѣмъ не пригоденъ для цвѣтодѣлительныхъ работъ, но, будучи выдержанъ 20 дней въ темной комнатѣ и при температурѣ 18 градусовъ Р., даетъ великолѣпные результаты. Начиная съ 25-го — 26-го дня онъ

опять понемногу утрачиваетъ способность давать хорошіе цвѣтодѣлительные негативы и уже на 35-й день годенъ только для репродукціонныхъ работъ, а не для цвѣтодѣлительныхъ. Іодированный коллодіумъ скоро желтѣетъ и потомъ краснѣетъ; поэтому опытный глазъ по окраскѣ легко узнаетъ степень пригодности коллодіума для цвѣтодѣлительныхъ работъ.

Если нельзя выжидать 25 дней, то можно получить по нижеслѣдующему рецепту цвѣтодѣлительный коллодіумъ въ три дня, правда, худшаго качества и очень быстро портящійся; поэтому, его слѣдуетъ приготовлять малыми порціями:

Нормальный целлоидинный коллодіумъ:

	Шеринга, 2%	100	куб. сант.
Іодировка:	Аммонія іодистаго . .	0,5	гр.
	Кадмія іодистаго . . .	0,4	„
	Аммонія бромистаго . .	0,2	„
	Кадмія бромистаго . .	0,1	„

Затѣмъ, отдѣльно составить:

Коллодіумъ (тотъ-же, Шеринга) . . .	100	куб. сант.
Іодистаго аммонія	1,20	грамма.
и этого послѣдняго добавить въ первый . .	10	куб. сант.

Для точнаго опредѣленія времени экспозиціи поступаю я слѣдующимъ способомъ. На полоскѣ бѣлой писчей бумаги (а еще лучше — баритовой) я провожу продольную черту столь слабымъ воднымъ растворомъ нигрозина, что черта едва замѣтна для глаза; эту полоску я прикрѣпляю къ предметному щиту и закрываю черною матовою бумагой. Во время экспозиція и черезъ опредѣленные промежутки времени сдвигаю черную бумагу, открывая тѣмъ самымъ постепенно полоску. Проявивъ пластинку, я вижу, при какой выдержкѣ линія рѣзче выдѣляется изъ бумаги, и это служитъ мнѣ указаніемъ времени экспозиціи. Еще лучше передвижная кассета, съ прорѣзомъ въ видѣ узкой полоски; въ такой кассетѣ чувствительная пластинка проходитъ передъ прорѣзомъ, и, такимъ образомъ, получается на негативѣ рядъ узкихъ полосъ, соотвѣтствующихъ различнымъ экспозиціямъ.

Безъ предварительнаго опредѣленія времени наивыгоднѣйшей экспозиціи нельзя получить негативъ, годный для цвѣтодѣленія. Какъ бы великъ ни былъ навыкъ работающаго, онъ не достигнетъ хорошихъ результатовъ, если вздумаетъ обходиться безъ экспонометра. Недодержка или передержка на одну секунду (при мокромъ способѣ

выдержка длится 20 минутъ и болѣе) способны совершенно измѣнить результатъ съемки.

Фотографическое дѣйствіе свѣта на чувствительную среду не пропорціонально свѣтовому дѣйствію, т. е. совсѣмъ не все равно экспонировать долго при слабомъ свѣтѣ и экспонировать мало при сильномъ освѣщеніи, хотя бы число фотовъ (единица свѣта въ единицу времени) въ томъ и другомъ случаѣ было одно и тоже. Такъ какъ дѣйствіе свѣтовыхъ лучей различной актиничности, отраженныхъ снимаемыми предметами на чувствительную пластинку, происходитъ съ неодинаковой быстротой, то для полученія на негативѣ наибольшей контрастности необходимо прекратить экспозицію въ тотъ моментъ, когда наступаетъ дѣйствіе менѣе актиничныхъ лучей. При этомъ условіи дѣйствіе послѣднихъ на пластинку будетъ равно нулю, тогда какъ лучи болѣе актиничные успѣютъ сообщить соотвѣтствующимъ частямъ негатива нѣкоторую непрозрачность. Переходить за этотъ предѣлъ нельзя потому, что какъ скоро начнется дѣйствіе вторыхъ лучей, непрозрачность обѣихъ частей негатива быстро стремится стать равною.

При сильномъ освѣщеніи предмета и короткой экспозиціи цвѣтодѣлительные негативы не получаются. Въ теченіе многихъ лѣтъ я не могъ достичь опредѣленія отношенія между силою свѣта и временемъ выдержки, при которомъ цвѣтодѣленіе достигаетъ наибольшей силы. Главнымъ препятствіемъ являлась невозможность имѣть всегда ленту магнія одной ширины и одного состава; даже при одной ширинѣ ленты даютъ неодинаковое освѣщеніе. Выйти изъ этого можно было бы заказомъ на фабрикѣ большой партіи лентъ точно опредѣленнаго состава, ширины и толщины, но для этого я не имѣлъ никогда средствъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что при устраненіи этого препятствія оказалось бы возможнымъ значительно повысить цвѣтодѣленіе.

При извѣстномъ соотношеніи между силой освѣщенія предмета и временемъ экспозиціи, цвѣтодѣленіе можетъ достичь поразительной степени. Когда цвѣтодѣленіе будетъ занятіемъ многихъ, притомъ поставленныхъ въ лучшія условія лицъ, искомое соотношеніе будетъ найдено, и тогда вся работа сократится и облегчится во много разъ.

Работая всегда однимъ объективомъ и при одной діафрагмѣ, я стараюсь сдѣлать такъ, чтобы мои лампы съ магніевыми лентами работали всегда съ одинаковою скоростью, то-есть, выдвигали бы въ единицу времени всегда одной длины ленту. Кромѣ того, я держу лампы всегда на одномъ и томъ же разстояніи отъ предметнаго щита. Уравнявъ такимъ образомъ условія освѣщенія, я измѣняю только экспозицію и нахожу, что мнѣ надо, такъ сказать, ощупью.

Если мнѣ приходится работать другимъ объективомъ, то я начинаю работу опредѣленіемъ времени экспозиціи или, лучше сказать, предѣловъ,

между которыми должна заключаться наилучшая экспозиція. Это отнимаетъ, правда, очень много времени, но безъ такой предварительной работы нельзя приступать къ цвѣтодѣленію.

Въ концѣ экспозиціи я закрываю лампы красными стеклами и оканчиваю съемку при красномъ освѣщеніи предмета. Красный свѣтъ производитъ на іодистое серебро совершенно такое же дѣйствіе, какое производитъ желтое стекло на хлористое серебро, то-есть, красные лучи дѣйствуютъ только на тѣ части пластинки, которыя уже подвергались дѣйствію актиническихъ лучей. Для полученія красныхъ стеколъ я обливаю обыкновенныя стекла коллодіумомъ, густо окрашеннымъ эозиномъ: другія окраски кажутся мнѣ менѣе дѣйствительными. Еще лучшіе результаты можно получить, вынося, до проявленія, пластинку, прикрытую краснымъ стекломъ, изъ темной комнаты на свѣтъ на нѣсколько секундъ, но надо быть очень осторожнымъ, потому что, продержавъ пластинку слишкомъ долго, можно испортить негативъ.

Проявленіе я дѣлаю желѣзнымъ проявителемъ по слѣдующему рецепту:

Воды	400	к. с.
Спирта	24	„
Уксусной кислоты	24	„
Желѣза сѣрнокислаго	24	„

Трудно объяснить словами, въ какой моментъ слѣдуетъ остановить проявленіе; во всякомъ случаѣ, *не надо доводить его до конца*, но прекращать прежде, чѣмъ прозрачныя мѣста начнутъ слегка сѣрѣть. Негативъ, который найденъ былъ бы портретистомъ-фотографомъ хорошо проявленнымъ, негоденъ для цвѣтодѣленія: онъ перепроявленъ.

Фиксированіе я предпочитаю дѣлать ціанъ-кали, а не сѣрноватисто-кислымъ натромъ, ибо при употребленіи послѣдняго негативы выходятъ менѣе прозрачными, что особенно сказывается впослѣдствіи, при складываніи пленокъ.

Послѣ фиксированія натромъ, прозрачныя мѣста негатива не должны имѣть ни малѣйшей вуали, т. е. быть чистыми какъ самое стекло, на которомъ негативъ сдѣланъ. Общая вуаль является послѣдствіемъ одной изъ слѣдующихъ причинъ:

1. Въ лабораторію или камеру проникаетъ посторонній свѣтъ.

2. Коллодіумъ и ванна не отвѣчаютъ другъ другу по реакціи, т. е. не одинаково кислы. Слѣдуетъ подкислить ванну хим. чистой азотистой кислотой или ощелочить содой, смотря по надобности.

3. Стекла не были хорошо отмыты и вычищены.

Приступая къ работѣ мокрымъ способомъ, я снимаю, прежде всего, пробный негативъ съ листа бѣлаго бристоля, въ серединѣ котораго боль-

шой кусокъ черной матовой бумаги. Если вуаля нѣтъ, то прозрачная часть негатива, соотвѣтствующая черной бумагѣ, должна быть совершенно чиста и если въ серединѣ ея снять часть коллодійнаго слоя, то не должно быть различія въ прозрачности между обнаженнымъ стекломъ и остальной частью прозрачнаго участка.

Фиксированный и хорошо отмытый негативъ я усиливаю обыкновеннымъ способомъ, серебромъ и пирогалловой кислотой; если же усиленіе окажется недостаточнымъ, то вторично усиливаю по способу Эдера и Тодта:

Воды	500 к. с.
Свинца азотнокислаго	40 „
Краснаго синь-кали	30 гр.

Въ этомъ растворѣ должно держать негативъ до побѣленія, послѣ чего очень старательно обмыть и затѣмъ облить растворомъ:

Воды	500 к. с.
Хромокислаго кали	60 гр.

къ которому прибавленъ, на половину, амміакъ.

Если всѣ операціи ведены правильно, то цвѣтъ негатива долженъ быть ярко-красный, при безукоризненной прозрачности въ тѣняхъ.

Я испытывалъ множество способовъ усиливанія негатива и остановился на этомъ, потому что всѣ другіе не даютъ такой чистоты линій и всегда портятъ детали, то-есть, уничтожаютъ различіе между очень слабыми оттѣнками.

Добывая цвѣтодѣлительный негативъ, я не только не увеличиваю изображенія, но дѣлаю его даже нѣсколько меньшей, противъ оригинала, величины. Я поступаю такъ потому, что при увеличеніи различіе въ оттѣнкахъ ослабляется, тогда какъ при уменьшеніи усиливается; кромѣ того, складывать пленки (негативныя) большихъ размѣровъ очень трудно, даже, пожалуй, невозможно, по крайней мѣрѣ для меня.

Я не удовлетворяюсь полученнымъ мною цвѣтодѣлительнымъ негативомъ и прибѣгаю къ складыванію нѣсколькихъ такихъ негативовъ, чтобы сдѣлать замѣтнѣе различіе между тѣнями. Операція складыванія негативовъ—самая трудная въ процессѣ и требуетъ большой аккуратности.

Прежде всего я дѣлаю нѣсколько негативовъ съ предмета изложеннымъ выше способомъ, заботясь о томъ, чтобы камера съ объективомъ и предметный щитъ все время ни на волосъ не измѣняли своего по-

ложенія. Незначительнаго сотрясенія достаточно, чтобы сдѣлать потомъ невозможнымъ совмѣщеніе негативовъ. Нечего и думать производить такую работу въ верхнемъ этажѣ дома, находящагося въ городѣ, гдѣ ѣзда по улицѣ громоздкихъ экипажей производитъ сотрясеніе стѣнъ домовъ. Работая, напримѣръ, въ зданіи с.-петербургскаго окружнаго суда, на Литейной, я никогда не могъ достичь совмѣщенія трехъ пленокъ, тогда какъ за городомъ, въ Лѣсномъ, совмѣщеніе восьми пленокъ не представляетъ особаго труда.

Если негативъ большихъ размѣровъ, то его необходимо раздѣлить на части. Для этого надо замѣтить какія-либо точки на предметѣ или на щитѣ около предмета, а если ничего такого нѣтъ, то прежде снимания негативовъ сдѣлать на щитѣ какія-нибудь отмѣтки. Всего лучше сдѣлать на щитѣ, около предмета, рамку изъ полосокъ бумаги, раздѣленныхъ на сантиметры и миллиметры, которые, понятно, изобразятся и на всѣхъ негативахъ. Наибольшій размѣръ частей, на которыя слѣдуетъ дѣлить негативъ, есть 6×6 сантиметровъ; но начинающему лучше дѣлить на болѣе мелкія части, пока не будетъ пріобрѣтенъ навыкъ въ совмѣщеніи пленокъ.

Негативы (высушенные, конечно) обливаются растворомъ каучука въ бензолѣ. Растворъ дѣлается двухпроцентный. Резина, такъ называемая „пара“, продаваемая очень тонкими листами, рѣжется въ мелкіе куски и въ два—три дня хорошо распускается въ бензолѣ.

Затѣмъ берется 1 литръ коллодіума (3 проц.), хорошаго, совершенно прозрачнаго, безъ малѣйшей мути, и въ этотъ коллодіумъ вливается 5—8 к. с. кастороваго масла.

Лучше всего и для обливки брать целлоидинный коллодіумъ Шеринга; хотя онъ и значительно дороже обыкновеннаго, но совершенно чистъ и прозраченъ.

Коллодіумъ разливается въ столько широкогорлыхъ склянокъ, сколько пленокъ намѣриваются совмѣстить, при чемъ надо принять мѣры, чтобы коллодіумъ не сгущался во время розлива, то-есть воспрепятствовать улетучиванію эфира. На эту предосторожность я обращаю особое вниманіе, такъ какъ непринятіе ея можетъ сдѣлать дальнѣйшую работу невозможною.

Когда каучукъ на негативахъ совершенно высохъ и не имѣетъ липкости, приступаютъ къ обливанію негативовъ коллодіумомъ. Если бы мы стали обливать всѣ негативы изъ одной склянки, то послѣдніе негативы получили бы коллодіумъ болѣе густой, чѣмъ первые, и тогда, по отдѣленіи пленокъ отъ стеколъ, однѣ изъ нихъ сократились бы больше, другія меньше, и совмѣстить изображенія не удалось бы, не смотря ни на какія старанія. Поэтому, каждый негативъ обливается изъ особой склянки по возможности быстро, и притомъ такъ, чтобы

всѣ негативы были обливаемы въ одномъ направленіи, напримѣръ, съ верхней части изображенія къ нижней. Это необходимо потому, что внизу обливка всегда успѣваетъ сгуститься.

Давъ обливкѣ просохнуть, приступаютъ къ раздѣленію негативовъ на части при помощи линейки и остраго перочиннаго ножа. Положивъ негативъ на столъ изображеніемъ кверху, прикладываютъ линейку къ сдѣланнымъ намѣткамъ и ножемъ дѣлаютъ легко надрѣзъ; затѣмъ берутъ слѣдующій негативъ, прикладываютъ линейку къ тѣмъ же самымъ мѣткамъ и тоже надрѣзаютъ и т. д. Если теперь опустить негативъ въ воду, то пленка отстанетъ отъ стекла частями, соотвѣтственно сдѣланнымъ надрѣзамъ. Когда всѣ пленки сняты такимъ образомъ со стеколъ, можно начать ихъ совмѣщеніе.

Хорошо вычищенное стекло кладется въ воду, и туда же опускается одна изъ совмѣщаемыхъ пленокъ. Стекло подводится подъ пленку, послѣдняя придерживается вверху пальцами, и тогда стекло вынимается изъ воды вмѣстѣ съ пленкой. Когда вода стечетъ, пленку осторожно расправляютъ на стеклѣ рукой, проводя пальцемъ отъ середины къ краямъ, пока она не приляжетъ плотно къ стеклу. Въ такомъ видѣ стекло съ пленкой ставятъ на ребро для просушки пленки, и когда она просохнетъ, приподнимаютъ ножемъ ея края и смазываютъ ихъ резиновымъ клеемъ (растворъ каучука въ бензинѣ), чтобы приклеить къ стеклу. Послѣ этого стекло съ приклеенною пленкой вновь опускаютъ въ воду и тѣмъ же порядкомъ накладываютъ вторую пленку, заботясь совмѣстить линіи обрѣза. Вынувъ стекло изъ воды, расправивъ и приклеивъ вторую пленку точно такъ, какъ и первую, берутъ третью пленку и т. д.

Случается, что, не смотря на всѣ предосторожности при сниманіи и обливкѣ, пленки при наложеніи одной на другую не совсѣмъ совпадаютъ; тогда я поступаю слѣдующимъ образомъ. Совмѣстивъ пленки въ средней части изображенія, я кладу ихъ обѣ, мокрыя, на чистое стекло, при чемъ бóльшая должна быть внизу, т.-е. прикасаться къ стеклу; затѣмъ, намочивъ верхнюю пленку, проглаживаю ее пальцемъ отъ середины къ тѣмъ краямъ, въ которыхъ замѣчается несовпаденіе. Проглаживаніе надобно дѣлать равномѣрно и не очень сильно. Этимъ способомъ всегда удается достичь совмѣщенія линіи изображенія.

Можно, также совмѣщать пленки при помощи вазелина; это гораздо легче и достигается бóльшая точность совмѣщенія. Снявъ пленки со стеколъ обыкновеннымъ способомъ, т.-е. опустивъ въ воду, просушиваютъ ихъ между страницами чистой тетради и, когда онѣ освободятся отъ влаги, смазываютъ легко вазелиномъ чистое стекло и накладываютъ первую пленку, разгладивъ, разумѣется, морщинки. Послѣ этого, поверхъ наложеной пленки смазываютъ опять вазелиномъ и на-

кладываютъ вторую пленку, совмѣстивъ, прежде всего, среднія части изображенія. Проглаживая пальцемъ отъ средины къ краямъ очень нетрудно получить полное совмѣщеніе изображеній.

Здѣсь кстати замѣтить, что, по какимъ то причинамъ иногда, коллодіумъ съ касторовымъ масломъ, сдѣланный по приведенному выше рецепту, даетъ плохія пленки, негодныя для совмѣщенія. Такая пленка въ сухомъ видѣ шуршитъ въ рукахъ какъ бумага, легко закручивается по краямъ и склонна морщиться. Хорошая пленка не должна совсѣмъ шуршать и закручиваться, а этого легко можно добиться прибавленіемъ касторового масла. Я посовѣтовалъ бы, прежде чѣмъ начать обливку коллодіумомъ негативовъ подлежащихъ совмѣщенію, сдѣлать пробныя пленки и понемногу добавлять касторовое масло до тѣхъ поръ, пока указанные недостатки исчезнутъ.

Работа эта только тогда трудна, когда не приняты предосторожности при обливаніи негативовъ, или если камера подвергалась сотрясенію и перемѣщенію въ промежуткахъ между сниманіемъ негативовъ; въ противномъ случаѣ, небольшой навыкъ позволяетъ очень точно совмѣстить нѣсколько пленокъ.

Совмѣстивъ, положимъ, пять пленокъ, мы увеличиваемъ различіе въ цвѣтовыхъ оттѣнкахъ въ пять разъ. Дѣйствительно, дѣлая отпечатокъ на бумагѣ съ такого суммированнаго негатива, тотчасъ же замѣтимъ много новыхъ буквъ, появившихся въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, казалось, остался только гладкій фонъ поверхности кожи.

Но мы можемъ съ этого негатива получить такой же двойной отпечатокъ, какой дѣлали съ перваго негатива, замѣнивъ бумагу стекломъ: этимъ мы прибавляемъ еще нѣсколько буквъ. Теперь ничто не препятствуетъ дѣйствовать съ этимъ отпечаткомъ на стеклѣ, подобно тому, какъ поступали съ первымъ отпечаткомъ, то-есть, снять съ него пять цвѣтодѣлительныхъ негативовъ, сложить пленки и пр.

Опытъ послѣднихъ лѣтъ убѣдилъ меня, что не слѣдуетъ совмѣщать болѣе трехъ пленокъ, если изображеніе имѣетъ полутоны; напротивъ, для возстановленія рукописей, и, вообще въ тѣхъ случаяхъ когда раздѣляются *только два* оттѣнка, полезно совмѣщать пять и болѣе пленокъ. При совмѣщеніи не болѣе трехъ пленокъ, я дѣлаю съ такого составнаго негатива отпечатокъ на хлоро-серебряной бумагѣ и, не вирируя и не фиксируя его, наклеиваю на папку. Съ этого отпечатка опять снимаю три негатива и т. д.

Вирированіе и фиксированіе отпечатка лишаетъ изображеніе слабыхъ полутоновъ, а это влечетъ за собою искаженіе соотношенія оттѣнковъ при дальнѣйшей обработкѣ. Этимъ же пріемомъ значительно упрощается первая часть цвѣтодѣлительнаго процесса: вмѣсто того, чтобы наращивать изображенія хлоросеребрянымъ коллодіумомъ на мо-

лочное стекло, я теперь просто дѣлаю отпечатокъ на хлоросеребряной бумагѣ и наклеиваю его на картонъ не вирируя и не закрѣпляя. Правда, при фотографированіи съ этого отпечатка мокрымъ способомъ, изображеніе на хлоросеребряной бумагѣ немного темнѣетъ отъ свѣта горящихъ магніевыхъ лентъ, но такъ незначительно, что этимъ можно пренебречь. Само собою разумѣется, что печатая на хлоросеребряной бумагѣ (я употребляю всегда аристотипную Люмьера) необходимо прикрывать копировальную раму желтымъ стекломъ, какъ и при печатаніи на молочномъ стеклѣ. Въ зимніе мѣсяцы наращиваніе изображеній хлоросеребрянымъ коллодіумомъ на матовое стекло требуетъ очень много времени и очень затягиваетъ работу; замѣняя такое наращиваніе печатаніемъ на хлоросеребряной бумагѣ (безъ вирированія и фиксированія), можно получить большую экономію во времени.

Черезъ четыре года послѣ опубликованія въ Изв. Ак. Наукъ подробности моего способа, фотографъ экспедиціи заготовленіи государственныхъ бумагъ А. А. Поповицкій сообщилъ фотограф. отдѣлу Имп. Русск. техн. общества, что въ экспедиціи цвѣтодѣлительныя работы производятся съ успѣхомъ при помощи сухихъ броможелатинныхъ негативовъ, безъ мокроколодіонного способа.

Образцы работъ показанные г. Поповицкимъ по общему отзыву очень хороши. Не слѣдуетъ, однако, думать, что сухія пленки вполнѣ упраздняютъ надобность въ мокромъ способѣ. Мокрый способъ, вообще говоря, до сихъ поръ остается незамѣнимымъ во многихъ отношеніяхъ и если есть возможность имъ работать, то замѣна его сухимъ будетъ большою ошибкой. Работы экспедиціи загот. гос. бумагъ не выходятъ изъ области возстановленія рукописей а для этого часто можно обойтись безъ мокраго способа, на что я указывалъ 1-му съѣзду дѣятелей по фотографическому дѣлу, бывшему въ Москвѣ, въ 1896 г. (см. труды съѣзда, докладъ о возстановленіи рукописей); съ своей стороны я глубоко убѣжденъ, что *совершенствованіе* цвѣтодѣлительнаго способа возможно, пока, только при работѣ съ мокрымъ коллодіумомъ, а не съ сухими броможелатинными пластинками.

А. А. Карелинъ, примѣнявшій мой цвѣтодѣлительный методъ къ возстановленію надписей на старыхъ монетахъ, говоритъ, въ своемъ рефератѣ, читанномъ въ Спб. Археологическомъ обществѣ (Основы реставраціи) слѣдующее:

„Совмѣщеніе пленокъ полученныхъ негативовъ производится нѣсколькими способами, судя по степени тонкости изображенія на монетѣ и соображаясь съ наличностью средствъ. А. А. Поповицкій рекомендуетъ для сниманія со стекла желатинныхъ негативныхъ пленокъ — „отофильмъ“ Евдокимова, названный этимъ именемъ мною и А. Заикинымъ при первыхъ пробахъ этого состава съ его изобрѣтателемъ. Чтобы

не заставлять искать рецепта отофильма, повторимъ его и напомнимъ вкратцѣ процессъ его примѣненія.

Негативъ погружаютъ въ ванну изъ раствора:

Ѣдкаго кали	15	вѣс. час.
Поташа	100	„ „
Воды	150	„ „

до полнаго промоканія слоя желатины. Затѣмъ негативъ насухо вытираютъ мягкой не шерстяной тряпочкой, послѣ чего негативный слой, подрѣзанный съ краевъ, легко сдирается со стекла. Отофильмъ, т.-е. вышеприведенный растворъ, обладаетъ свойствомъ не увеличивать ни въ длину, ни въ ширину размѣра негативнаго слоя, дѣлая его способнымъ даже самостоятельно отдѣлиться отъ стекла при излишне продолжительномъ купаньи. Необходимо оговорить, что пользованіе отофильмомъ для нашей цѣли не всегда возможно признать желательнымъ, потому что онъ очень утолщаетъ слой негатива, что создаетъ въ суммированномъ негативѣ слишкомъ большую негативную толщу. Несомнѣнно, что пользованіе сырымъ коллодійнымъ процессомъ для нашей цѣли болѣе достигаетъ тонкости и четкости, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ полученія суммированныхъ негативовъ. Кромѣ того, размноженіе негативовъ контактнымъ печатаніемъ ни въ какомъ случаѣ нельзя признать за процессъ, вполнѣ гарантирующій абсолютную четкость копій. Вотъ главнѣйшія причины, въ силу которыхъ Е. Ф. Буринскій, одинъ изъ первыхъ испытывавшій свойства и значеніе отофильма еще до его опубликованія, тогда же, т.-е. въ 1897 году, высказался среди членовъ Русскаго фотографическаго общества въ Москвѣ противъ замѣны имъ сниманія камерой и коллодіоннаго процесса. Такимъ образомъ сообщеніе А. А. Поповицкаго *объ упрощеніи* процесса размноженія негативовъ для суммированныхъ негативовъ— дѣло старое, въ свое время отброшенное, но допустимое при спѣшкѣ и другихъ тому подобныхъ случаяхъ.

Совмѣщеніе на чистомъ стеклѣ желатинныхъ пленокъ А. А. Поповицкій рекомендуетъ производить на керосинѣ. Е. Ф. Буринскій для той же цѣли съ коллодіонными пленками предлагаетъ вазелинъ. При процессѣ совмѣщенія сдѣланные нами крестики будутъ указателями точекъ совмѣщенія.“

Такъ или иначе, будемъ-ли мы работать съ сухими или мокрыми пластинками, въ нашихъ рукахъ есть теперь, несомнѣнно, средство увеличивать различіе цвѣтовыхъ оттѣнковъ неразличаемыхъ глазомъ, а это все, что нужно для судебной фотографіи.

Въ какой мѣрѣ научная фотографія и искусство возстановленія рукописей стоятъ у насъ въ Россіи выше, чѣмъ въ другихъ странахъ, можно видѣть изъ слѣдующаго.

Въ 1894 году, въ Америкѣ, издана книга д-ра Персифора Фрэзера объ экспертизѣ документовъ: (Frazer, Dr. Persifor.—A Manual of the Study of Documents to establish the individual character of handwriting and to detect Fraud and Forgery including several new methods of research. (Philadelphia, 1894.) Въ отдѣлѣ „о возстановленіи вытравленыхъ, выскобленыхъ и др. письменъ“ д-ръ Фрэзеръ рекомендуетъ различные, давно извѣстные химическіе способы Hager'a, Baudrimont и др. разрушающіе документъ и рѣдко приводящіе къ цѣли, но ни единымъ словомъ не упоминаетъ о фотографіи. Между тѣмъ, въ Россіи еще въ 1889 г., слѣдовательно за 5 лѣтъ до появленія книги Фрэзера, всѣ такія изслѣдованія производились *безъ промаха* при помощи фотографическаго цвѣтодѣленія, при томъ безъ малѣйшаго поврежденія документовъ!

Мало того. Въ 1895 году Американское философское общество образовало, изъ среды своихъ членовъ, особую комиссію для изученія способовъ судебнаго изслѣдованія рукописей. Комиссія старательно собрала литературу предмета на всѣхъ европейскихъ языкахъ (кромѣ русскаго) и результаты трудовъ своихъ доложила въ засѣданіи общества 10 апрѣля 1896 г.; изъ докладовъ г.г. C. Doremus и Sharpless видно, что о фотографическомъ способѣ возстановленія рукописей они даже ничего не слышали. (Amer. Phylosoph. Soc. Proc. 1896).

Въ новѣйшемъ нѣмецкомъ руководствѣ къ судебной фотографіи (всего 93 страницы) F. Paul'я (Handbuch der Kriminalistischen Photoqraphie Berlin, 1900) о цвѣтодѣленіи какимъ бы то ни было способомъ нѣтъ ничего. Только въ выноскѣ, мелкимъ шрифтомъ (стр. 69) сказано:

Bekannt ist auch das Verfahren bei Herstellung der Palimpseste, wobei bald durch Verstärkung der Negative und Diapositive, bald durch Aufeinanderdecken beider und neuerliches Photographieren überraschende Resultate sich ergeben (авторъ процесса не названъ). О томъ, что въ Россіи существуетъ правительственная судебно-фотографическая лабораторія упомянуто лишь, что Das Kreisgericht in St. Petersburg befasst sich ex professo mit Prüfung von Handschriften. (стр. 72). Въ числѣ оказавшихъ судебной фотографіи особыя услуги лицъ названъ только одинъ русскій, Professor Dementieff (издатель Фотогр. Ежегодника не профессоръ и никогда не занимавшійся судебн. фотографіей)!!

Въ 1901 и 1902 годахъ я ѣздилъ въ Германію, Францію, Бельгію, Австрію и Италію и лично убѣдился, что судебная фотографія

и, въ частности, судебная экспертиза документовъ находятся въ этихъ государствахъ на томъ уровнѣ, на какомъ были у насъ до 1889 года. Даже къ такимъ крупнѣйшимъ слѣдствіямъ, каковы слѣдствія по дѣлу Дрейфуса и новѣйшее, г-жи Эмберъ, слѣдственныя и судебныя власти подходятъ съ лупой сличителя почерковъ! Въ дѣлѣ Дрейфуса вся роль фотографіи ограничилась увеличеніями! Въ декабрѣ 1897 г. въ Science Française появилось описаніе довольно наивнаго (мозаичнаго) способа подлога (см. главу о неопредѣленныхъ заданіяхъ), сдѣланное, по просьбѣ издателя Эмиля Готье нѣкіемъ Obolsky'мъ и было принято всѣми какъ совершенная новость, тогда какъ еще на фотографическихъ выставкахъ 1891 г. въ С.-Петербургѣ и 1892 г. въ Москвѣ русская публика видѣла экспонаты фотографическаго обнаруженія такихъ же точно поддѣлокъ!

Командированный Мин-мъ Финансовъ для ознакомленія съ успѣхами научной фотографіи въ европейскихъ государствахъ, я посѣтилъ, въ апрѣлѣ 1902 г., въ Берлинѣ тамошнихъ свѣтилъ научной фотографіи: проф. физіолог. института д-ра Фритча (предсѣд. Берл. Фотогр. Общества), проф. Мите (заступ. каѳедру фотохиміи и научной фотографіи въ высшей школѣ въ Шарлотенбургѣ послѣ смерти проф. Фогеля), и др. Я былъ снабженъ рекомендательными письмами отъ нашего финансоваго агента въ Германіи и Австро-Венгріи, тайн. сов. В. И. Тимирязева и, притомъ, мнѣ любезно сопутствовалъ помощникъ финансоваго агента, В. М. Фелькнеръ. На нашу просьбу сообщить объ успѣхахъ научной фотографіи, проф. Фритчъ очень охотно показалъ свои работы, произведенныя имъ въ Институтѣ и во время поѣздки въ Египетъ съ научной цѣлью: это оказались снимки обнаженныхъ мужчинъ и женщинъ, снимки орнаментовъ и т. п. Проф. Фритчъ былъ чрезвычайно удивленъ, что эти научно-фотографическія работы насъ не удовлетворяютъ. Изъ бесѣды съ проф. Мите мы узнали, что преподаваніе фотографіи въ высшей школѣ, прекрасно обставленное въ смыслѣ матерьяльныхъ средствъ, обогащаетъ фотографію запечатлѣвающую и почти не касается изслѣдующей.

Французы нѣсколько болѣе знакомы съ положеніемъ научной фотографіи въ Россіи, благодаря извѣстіямъ въ фотографическихъ и медицинскихъ журналахъ. Очень обстоятельныя свѣдѣнія по этому предмету сообщены въ обширной статьѣ д-ра Frenkel'я въ Arch. de l'Antropol. Criminel, 1900 № 3.

Наконецъ Гроссъ, о которомъ я говорилъ уже въ главѣ „о судебной фотографіи", въ своемъ руководствѣ для суд. слѣдователей тоже не упоминаетъ о цвѣтодѣленіи.

Протоколы засѣданія членовъ V Отдѣла Импер. Русскаго Техническаго Общества

Засѣданіе 2 декабря 1894 года.

Предсѣдательствовалъ А. И. Смирновъ, присутствовали 19 членовъ, въ томъ числѣ 9 непремѣнныхъ членовъ.

1. Открывъ засѣданіе, предсѣдатель предложилъ А. М. Лаврову приступить къ сообщеніямъ.

А. М. Лавровъ ознакомилъ Отдѣлъ съ тѣми блестящими результатами, которые достигнуты бывшимъ членомъ отдѣла г. Буринскимъ въ дѣлѣ возстановленія старыхъ документовъ при помощи фотографіи. Представивъ Отдѣлу фототипію съ негатива г. Буринскаго, представляющую собою снимокъ съ древняго документа, написаннаго на кожѣ, докладчикъ сообщилъ слѣдующее: лѣтъ 50 тому назадъ при раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ былъ найденъ металлическій сосудъ, наполненный кусками кожъ и кусками желѣзной руды. Археологи того времени, которымъ передана была эта находка по повелѣнію Императора Николая I, признали найденные куски кожъ за документы, но не могли, однако, прочесть предполагавшихся на нихъ рукописей, такъ какъ отъ долгаго пребыванія въ землѣ и отъ дѣйствія почвенныхъ водъ кожа измѣнилась въ цвѣтѣ, и съ нея исчезли всякіе слѣды письма. Сдѣланные въ это время опыты возстановленія письма химическимъ путемъ также ни къ чему не привели, и находка была сдана въ Архивъ не изслѣдованною. Въ послѣднее время объ этой находкѣ вспомнилъ членъ С.-Петербургской Академіи Наукъ Куникъ, пожелавшій заняться изслѣдованіемъ сказанныхъ документовъ. Приглашенные имъ химики высказали убѣжденіе, что помощью химическихъ процессовъ не только нельзя достигнуть какихъ-либо удовлетворительныхъ результатовъ, т. е. хотя сколько-нибудь возстановить письмо, доказательствомъ чему служатъ уже сдѣланные опыты, но что новое повтореніе опытовъ можетъ имѣть послѣдствія—безвозвратную гибель самыхъ документовъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ при этомъ химиковъ, Лаборантъ Академіи А. А. Щербачевъ, предложилъ сдѣлать опытъ возстановленія документовъ при помощи фотографіи. Для производства этихъ опытовъ, по рекомендаціи докладчика А. М. Лаврова, былъ приглашенъ г. Буринскій, получившій извѣстность по своимъ работамъ при судебныхъ экспертизахъ. Работа начата и производилась г. Буринскимъ въ химической лабораторіи Академіи, и о достигнутыхъ результатахъ можно судить по представленной фототипіи, на которой ясно изображенъ текстъ документа, не ясны и не видны только нѣкоторыя буквы и по всей вѣроятности тѣ, которыя были повреждены

при опытахъ возстановленія химическимъ путемъ. Въ заключеніе А. М. Лавровъ добавилъ, что, по заключенію Академика Куника и г. Лихачева, возстановленный документъ относится ко времени Великаго Князя Дмитрія Донскаго и представляетъ собою весьма серьезный интересъ.

Присутствовавшій въ засѣданіи Отдѣла Лаборантъ Академіи А. А. Щербачевъ въ дополненіе къ сдѣланному сообщенію пояснилъ, что возстановленный документъ, подобно прочимъ предъявленнымъ для возстановленія, представляетъ собою совершенно темный, почти черный кусокъ кожи, что обнаружить на немъ хотя бы даже вооруженнымъ глазомъ какіе-либо самые незначительные признаки письма или чернилъ рѣшительно невозможно; если не считать небольшой сдѣланной химическимъ путемъ обработки этого куска съ цѣлью ослабить нѣсколько темный цвѣтъ, то слѣдуетъ признать, что вся работа по возстановленію документа была произведена помощію фотографіи. Работа эта потребовала долгаго и упорнаго труда со стороны г. Буринскаго, и его знаніями, опытностью и находчивостью должны быть исключительно объяснены блестяще достигнутые результаты. Несомнѣнно, помощью тѣхъ способовъ и пріемовъ, честь изобрѣтенія и примѣненія коихъ принадлежитъ исключительно г. Буринскому, фотографія въ дѣлѣ возстановленія документовъ окажетъ весьма цѣнныя услуги не только археологіи, но и другимъ наукамъ.

Собраніе, выслушавъ съ глубочайшимъ интересомъ сообщенія г. Лаврова и разъясненія г. Щербачева, благодарило ихъ рукоплесканіями и *постановило*:

1) Поздравить г. Буринскаго со сдѣланнымъ имъ открытіемъ и просить его сдѣлать въ одномъ изъ засѣданій Отдѣла сообщеніе о примѣненныхъ имъ способахъ и пріемахъ возстановленія документовъ.

2) Привѣтствовать Академію съ удачною мыслью примѣненія фотографіи къ сказанной цѣли, что̀ и было немедленно исполнено.

ОТЧЕТЪ

Императорской Академіи Наукъ

о присужденіи преміи имени М. В. Ломоносова, читанный въ торжественномъ засѣданіи Академіи 29 декабря 1898 г.

Въ № 3 „Извѣстій Императорской Академіи Наукъ“, 1896 г., напечатана статья Евгенія Буринскаго: „О нѣкоторыхъ усовершенствованіяхъ, достигнутыхъ въ фотографіи“, — обратившая на себя тогда же вниманіе не только спеціалистовъ, но и общей печати. Записка г. Буринскаго написана имъ по поводу исполненнаго, по порученію Академіи Наукъ, возстановленія текста стариннаго документа, для чего г. Буринскій примѣнилъ особый, имъ придуманный фотографическій процессъ, основанный на свойствѣ фотографіи раздѣлять такіе цвѣтовые оттѣнки, различіе между которыми незамѣтно глазу.

Изложивъ подробно пріемы процесса, авторъ записки дополнилъ ее разсужденіями, которыя, главнымъ образомъ, были причиною того, что записка не прошла незамѣченной. Сущность этихъ разсужденій такова.

„Какъ бы внимательно ни разсматривали мы тотъ документъ, который данъ для возстановленія текста, мы не увидимъ ни одной буквы и даже никакого слѣда писемъ; между тѣмъ, какъ доказала фотографія, буквы есть, онѣ не исчезли совсѣмъ, но только цвѣтъ ихъ почти сравнялся съ цвѣтомъ поверхности кожи, на которой онѣ написаны. Изъ этого слѣдуетъ, что способность нашего глаза раздѣлять цвѣтовые оттѣнки весьма несовершенна, во всякомъ случаѣ менѣе совершенна, чѣмъ такая же способность фотографической пластинки“.

Эта способность, казалось, должна бы была вызвать стремленіе овладѣть столь драгоцѣннымъ свойствомъ фотографіи, но никому не приходила въ голову такая мысль, и во всей фотографической литературѣ нѣтъ и намека на попытку произвести изслѣдованіе въ этомъ направленіи. Г. Буринскій взялъ на себя задачу изучить фотографическое цвѣтодѣленіе и добиться отъ фотографіи больше, чѣмъ она даетъ по своему капризу.

Безпрерывными трудами и настойчивостью, г. Буринскій достигъ того, что наука получаетъ новое орудіе изслѣдованія, столь же могущественное, какъ микроскопъ, и обѣщающее ввести естествоиспытателя въ новый міръ, доселѣ ему совершенно неизвѣстный и недоступный.

Возстановленіе Буринскимъ текста документа, на которомъ нельзя было усмотрѣть ни одной буквы, служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что этотъ фотографъ обладаетъ способомъ получать такіе снимки, въ которыхъ различеніе цвѣтовыхъ оттѣнковъ, не улавливаемое глазомъ безъ фотографіи, становится яснымъ. Позднѣйшія работы Буринскаго по цвѣтодѣленію, произведенныя съ спектрофотограмами, радіограмами и микрофотограмами, вполнѣ это подтвердили.

Самый процессъ, придуманный Буринскимъ для фотографическаго цвѣтодѣленія, очень еще далекъ отъ совершенства. Для успѣшности фотографированія требуется особое помѣщеніе, обезпеченное отъ малѣйшихъ сотрясеній. Суммированіе негативовъ и позитивныхъ пленокъ—работа чрезвычайно трудная, требующая очень большого навыка. Главный недостатокъ процесса въ томъ, что онъ, будучи вполнѣ пригоденъ при раздѣленіи двухъ оттѣнковъ, непримѣнимъ пока для усиленія полутоновыхъ изображеній, гдѣ требуется сохранить соотношеніе между многочисленными переходами отъ свѣта къ тѣни. Поэтому усиливая какое-нибудь полученное изображеніе, фотографъ раздѣляетъ оттѣнки, сливавшіеся для глаза въ одинъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтожаетъ различіе другихъ оттѣнковъ,—тѣхъ, которые видны были ранѣе простымъ глазомъ. Такимъ образомъ, выдѣленіе буквъ изъ поля бумаги или кожи, усиливаніе линій въ спектрахъ поглощенія и т. п. удается прекрасно; но обработка фотомикрограмъ, напримѣръ, ядра растительной клѣточки, даетъ безобразно контрастное изображеніе, лишенное полутоновъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ процессъ Буринскаго очень полезенъ для возстановленія рукописей, для астрономіи, для спектральнаго анализа и т. п.; біологу же—способенъ служить только въ исключительныхъ случаяхъ.

Но какъ бы несовершененъ ни былъ изобрѣтенный г. Буринскимъ способъ, онъ все-таки имѣетъ огромное значеніе, какъ первый удачный шагъ по пути, въ концѣ котораго нельзя не предвидѣть богатѣйшіе плоды для науки.

При всемъ своемъ несовершенствѣ, процессъ Буринскаго нашелъ уже многія полезныя приложенія. Благодаря ему создалась такъ называемая судебная фотографія,—искусство открывать всякаго рода подделки и измѣненія въ судебныхъ документахъ. Буринскій первый ввелъ фотографическое изслѣдованіе документовъ на судѣ (1889 г.) и его работы вызвали учрежденіе особой С.-Петербургской правительственной судебно-фотографической лабораторіи. Право Буринскаго называться

творцомъ судебной фотографіи всѣми признано и никѣмъ не оспаривается; оно подтверждено оффиціально присужденіемъ ему первой золотой медали по научному отдѣлу фотографической выставки въ Москвѣ 1892 г. за судебную фотографію и выдачею преміи въ тысячу рублей отъ министерства юстиціи въ томъ же году по представленію Императорскаго Русскаго техническаго общества и прокурора С.-Петербургской судебной палаты.

Нѣсколько опытовъ примѣненія способа Буринскаго къ спектральному анализу доказали съ полной несомнѣнностью, что въ этого рода изслѣдованіяхъ онъ способенъ оказать неизмѣримую услугу. Извѣстно, какого рода труда стоитъ опредѣленіе химическаго состава минераловъ; работа эта можетъ потребовать многіе годы. Профессоръ Хрущовъ получилъ и предъявилъ Академіи, Физико-химическому и Минералогическому обществамъ фото-спектрограмы рѣдкихъ минераловъ, добытыхъ при посредствѣ тонкихъ шлифовъ только благодаря способу Буринскаго. Врачъ И. Юстовъ въ своей дисертаціи, представленной въ Императорскую Военно-Медицинскую академію, свидѣтельствуетъ, что примѣненіе способа Буринскаго къ изслѣдованію спектра крови отравленныхъ животныхъ привело къ результатамъ поистинѣ изумительнымъ. Въ то время, какъ обыкновенныя фотограмы спектра густыхъ растворовъ крови не обнаруживали въ ней никакихъ измѣненій, фотографіи по способу Буринскаго давали ясную линію метагемоглобина даже въ такихъ слабыхъ растворахъ, которые по цвѣту невозможно отличить отъ взятой для контроля дистиллированной воды.

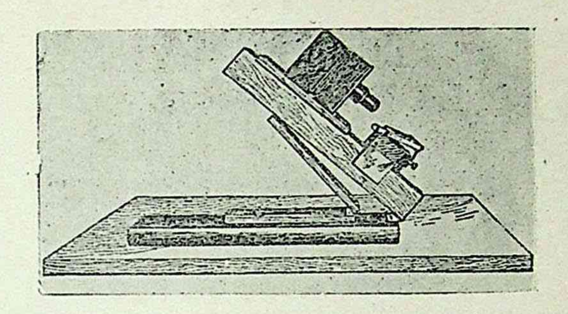
Необходимо упомянуть еще о другой работѣ Буринскаго, тѣсно связанной съ цвѣтодѣленіемъ. Не переставая изучать заинтересовавшее его свойство фотографіи, Буринскій замѣтилъ, что по одноцвѣтному фотографическому изображенію есть возможность угадывать краски снятаго предмета, такъ сказать—читать цвѣта, какъ читаются звуки по музыкальнымъ нотамъ.

Открытіе или изобрѣтеніе Буринскаго не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя возникаютъ благодаря счастливой случайности, оно могло явиться только какъ результатъ продолжительныхъ, упорныхъ усилій достичь заранѣе поставленной и ясно намѣченной цѣли.

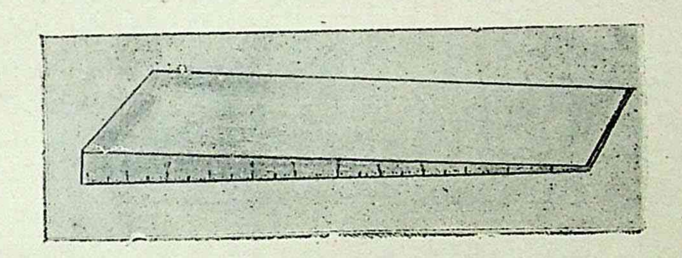
Нельзя, наконецъ, не имѣть въ виду, что работа Буринскаго затрогиваетъ интересы не одной отрасли знанія, но всѣхъ—какъ естественныхъ, такъ и историческихъ наукъ; ею пользуется и археологъ, и геологъ, и физикъ и судья.

Императорская Академія Наукъ, признавая несомнѣнную важность за открытіемъ Буринскаго, положила наградить его преміею имени М. В. Ломоносова.

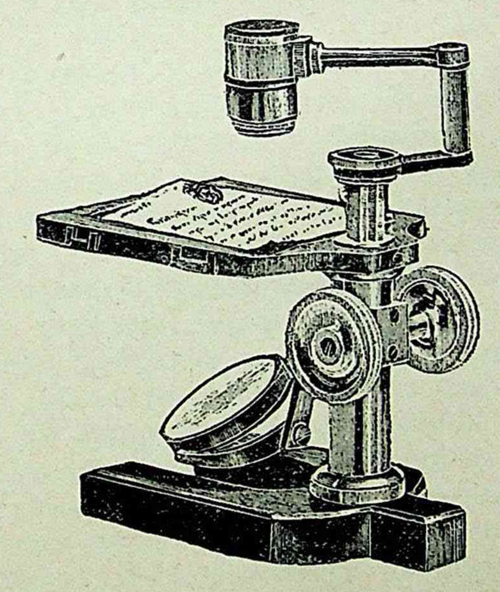
Различеніе цвѣта чернилъ.

Камера Harold'a Winpat'a.
(Изъ книги P. Frazer'a).

Цвѣтная призма P. Frazer'a.

Столикъ Sexler'a для разсматриванія при проходящемъ и отраженномъ свѣтѣ.

ГЛАВА IV.

Цвѣторазличеніе.

Нерѣдко встрѣчается судебному фотографу надобность произвести не *цвѣтодѣленіе*, но *цвѣторазличеніе*, т. е. не раздѣлить оттѣнки одного цвѣта, но отличить въ изслѣдуемомъ документѣ письмена одного цвѣта, отъ письменъ другого цвѣта.

О цвѣторазличеніи существуетъ обширная литература на всѣхъ языкахъ; въ послѣдніе годы эта литература быстро богатѣетъ благодаря распространенію такъ называемаго трехкрасочнаго печатанія. Я не стану, поэтому, долго останавливаться въ этой книгѣ на цвѣторазличеніи, но ограничусь немногимъ, представляющимъ для судебнаго фотографа особый интересъ.

Небезполезна судебному фотографу слѣдующая выписка изъ доклада А. А. Поповицкаго (фотографъ Экспедиціи Загот. Госуд. Бумагъ) въ засѣданіи V отдѣла Импер. Рус. Техн. Общества 19 марта 1899 г.

„Въ 1894 году", говоритъ г. Поповицкій, „мнѣ предстояло рѣшить слѣдующую задачу. Одинъ изъ техниковъ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ предложилъ новый родъ защиты кредитныхъ билетовъ отъ поддѣлки. Онъ предложилъ печатать рисунки, орнаменты, шрифтъ и сѣтку цвѣтными красками, которыя при фотографированіи одинаково дѣйствовали на чувствительную пластинку. Такимъ образомъ, обыкновенными пріемами фотографированія нельзя было получить на негативѣ, напримѣръ, одинъ рисунокъ сѣтки: получались и шрифтъ, и орнаменты. Требовалось найти способы раздѣленія различныхъ красокъ при помощи фотографіи. Если бы такого раздѣленія нельзя было сдѣлать, то предлагавшійся родъ защиты представлялъ бы серьезное значеніе въ печатаніи кредитныхъ билетовъ. Мнѣ удалось достигнуть такого раздѣленія красокъ примѣненіемъ упомянутыхъ свѣтофильтровъ и различныхъ ортохроматическихъ пластинокъ. Просматривая таблицы спектровъ поглощенія различныхъ цвѣтныхъ растворовъ,

я пришелъ къ убѣжденію, что можно всегда найти пары растворовъ, комбинація которыхъ, при толщинѣ слоя каждаго въ 1 сантиметръ, выдѣляетъ любую часть спектра. Такъ, напримѣръ, если взять растворъ мандарина (Mandarin G. extra Orange II) такой концентраціи (1 часть воднаго насыщеннаго раствора+1 часть воды), чтобы онъ пропускалъ красные и оранжевые лучи (участокъ спектра до луча съ длиной волны 590,2 $\mu\mu$.), и растворъ мѣднаго купороса (1 часть воднаго насыщеннаго раствора+4 части воды), пропускающій оранжевые, желтые, зеленые, синіе и фіолетовые (участокъ спектра до луча съ длиной волны 654,6 $\mu\mu$.), и поставить эти растворы одинъ за другимъ, то чрезъ нихъ могутъ пройти только оранжевые лучи; красные лучи не пройдутъ чрезъ мѣдный растворъ; желтые, зеленые, синіе и фіолетовые— не пройдутъ чрезъ растворъ мандарина. Требуемую концентрацію растворовъ можно совершенно точно установить при помощи спектроскопа. Если взять растворъ мандарина въ такомъ разбавленіи (1 ч. воднаго насыщеннаго раствора + 3 части воды), чтобы онъ пропускалъ красные, оранжевые и желтые лучи (участокъ спектра до луча съ длиной волны 579,3 $\mu\mu$.), и насыщенный водный растворъ двухлористой мѣди, пропускающій желтые, зеленые и часть синихъ лучей (участокъ спектра 589,4—469,6 $\mu\mu$), получимъ комбинацію растворовъ, пропускающую чисто желтые лучи. Такой же растворъ (1 ч. насыщеннаго + 3 части воды) мандарина съ насыщеннымъ растворомъ мѣднаго купороса (пропускающимъ участокъ спектра до луча съ длиной волны 618,8 $\mu\mu$.) пропускаютъ узенькую полоску спектра, состоящую изъ желтыхъ и небольшой части оранжевыхъ лучей. Чистозеленые лучи проходятъ чрезъ комбинацію растворовъ амміачной окиси мѣди (1 ч. насыщеннаго раствора мѣднаго купороса + 15 частей воды + 1 ч. нашатырнаго спирта) и двухромовокислаго калія (1 ч. насыщеннаго раствора + 10 частей воды), вмѣсто котораго можно взять также хромовокислый калій или пикриновую кислоту (въ насыщенныхъ водныхъ растворахъ).

Комбинируемые растворы я наливаю въ двойные сосуды имѣющіе три стеклянныя стѣнки, изъ которыхъ средняя перегораживаетъ внутренность ихъ на двѣ части. Такимъ образомъ налитыя въ обѣ половины сосуда жидкости не смѣшиваются. Правда, при такомъ комбинированіи растворовъ прибавляется одна лишняя отражающая поверхность, вызывающая нѣкоторую потерю свѣта; но потеря эта сравнительно не велика *).

Перехожу къ тѣмъ примѣненіямъ, которыя могутъ имѣть описанныя мною свѣтофильтры въ области фотографіи.

Прежде всего очень интересно было-бы изслѣдовать чувствительность ортохроматическихъ пластинокъ къ спектроскопически чистымъ

*) Къ докладу приложена таблица спектровъ поглощенія.

лучамъ при помощи какого-либо сенситометра. Тогда мы имѣли-бы болѣе точныя, выраженныя въ сравнимыхъ числахъ, данныя относительно свойствъ разныхъ сенсибилизаторовъ повышать чувствительность фотографическихъ пластинокъ къ тѣмъ или другимъ лучамъ. Мы совершенно точно могли-бы установить разницу въ очувствляющей способности такихъ близкихъ между собою сенсибилизаторовъ, какъ, напримѣръ, эозинъ и эритрозинъ. Кромѣ того, выяснивъ себѣ, къ какимъ лучамъ данныя пластинки менѣе всего чувствительны, мы моглибы освѣтить такими лучами свою темную лабораторію для производства работъ съ этими пластинками. Для этой цѣли мною былъ построенъ фонарь у котораго передняя пропускающая свѣтъ стѣнка состоитъ изъ двойного сосуда съ тремя параллельными стеклами. Въ этотъ сосудъ наливаются два цвѣтныхъ раствора, выдѣляющихъ какіе нужно монохроматическіе лучи.

Точныхъ изслѣдованій относительно чувствительности различныхъ фотографическихъ пластинокъ къ простымъ цвѣтнымъ лучамъ я не могъ произвести, за недостаткомъ свободнаго времени. Для этого пришлосьбы выбрать какой-нибудь постоянный источникъ свѣта, опредѣлить фотометромъ относительныя количества свѣта, пропускаемыя каждымъ свѣтофильтромъ, и, наконецъ, остановиться на наиболѣе подходящемъ типѣ сенситометра. Я произвелъ въ этомъ направленіи только нѣсколько опытовъ, представляющихъ нѣкоторый интересъ для практиковъ-фотографовъ. Я взялъ для своихъ изслѣдованій три свѣтофильтра приблизительно съ одинаковой силой свѣта: 1) насыщенный растворъ пикриновой кислоты, 2) желто-зеленый, комбинированный изъ растворовъ уксусно-мѣдной соли и пикриновой кислоты и 3) красно-оранжевый *) изъ растворовъ литіонкармина и пикриновой кислоты. Первый растворъ—свѣтло-желтый, пропускающій красные, оранжевые, желтые и зеленые лучи (до луча съ длиной волны 488,8 $\mu\mu$), какъ разъ дѣлитъ спектръ на двѣ части: слабоактиническую и химически сильно дѣйствующую. Интересно было опредѣлить чувствительность ортохроматическихъ пластинокъ вообще ко всѣмъ слабодѣйствующимъ химически лучамъ. Затѣмъ, какъ извѣстно, ортохроматическія пластинки раздѣляютъ на чувствительныя къ красному цвѣту и чувствительныя къ зеленому цвѣту. Чувствительность къ этимъ цвѣтамъ я старался опредѣлить при помощи другихъ двухъ упомянутыхъ свѣтофильтровъ, дѣлящихъ слабоактиническую половину спектра на двѣ части. Самое опредѣленіе я производилъ слѣдующимъ образомъ: въ стѣнѣ темной комнаты я сдѣлалъ отверстіе и вставилъ въ него объективъ Далльмейера. Снаружи передъ объективомъ, на разстояніи меньшемъ фокус-

*) Удобнѣе взять одинъ растворъ мандарина соотвѣтственной концентраціи.

наго, ставилась спиртовая лампа съ горѣлкой Ауэра. Этотъ источникъ свѣта довольно постояненъ. При нѣсколькихъ опытахъ съ одинаковыми пластинками я получалъ однѣ и тѣ же цифры. Передъ самымъ объективомъ я устанавливалъ свѣтофильтръ. Въ темной комнатѣ получался расходящійся конусъ цвѣтныхъ лучей, на пути которыхъ я помѣщалъ сенситометръ Варнерке съ испытуемой пластинкой на такомъ разстояніи, чтобы лучи освѣщали всю поверхность сенситометрической таблицы. Съ сенситометра, разумѣется, была снята фосфоресцирующая пластинка. Испытанію были подвергнуты слѣдующія пластинки: Ильфорда нормальныя (желтый этикетъ), Ильфорда изохроматическія, Эдвардса изохроматическія, Люмьера панхроматическія и Смита ортохроматическія (съ красной маркой). Сначала я опредѣлилъ чувствительность перечисленныхъ сортовъ пластинокъ, при помощи фосфоресцирующей пластинки. Затѣмъ измѣрялъ чувствительность ихъ къ цвѣтнымъ лучамъ. Всѣ полученныя при изслѣдованіяхъ цифры я собралъ въ таблицу С. Чувствительность нормальныхъ пластинокъ Ильфорда я принялъ за единицу. При красномъ свѣтофильтрѣ за единицу принята чувствительность изохроматическихъ пластинокъ Ильфорда.

ТАБЛИЦА С.

	Фосфоресцирующая пластинка.	Желтый фильтръ.	Зеленый фильтръ.	Красный фильтръ.
Пластинки Ильфорда (желтый этикетъ).	17 w 1	2 минуты 17 w 1	2 минуты 17 w 1	20 минутъ безъ результата. 0
Пластинки Ильфорда изохроматическія.	17 w 1	5 секундъ 24 w 168	30 секундъ 25 w 36	12 минутъ 17 w 1
Пластинки Эдвардса изохроматическія.	23 w 5	15 секундъ 25 w 72	1 минута 25 w 18	12 минутъ 18 w $1^1/_3$
Пластинки Люмьера панхроматическія.	23 w 5	30 секундъ 25 w 36	1 минута 23 w 10	1 минута 19 w 21
Пластинки Смита ортохроматическія.	15 w $^4/_7$	5 секундъ 17 w 24	30 секундъ 20 w 9	12 минутъ 8 w очень слабая

Наиболѣе чувствительными къ зеленымъ лучамъ оказались изохроматическія пластинки Ильфорда, къ краснымъ лучамъ — панхроматическія пластинки Люмьера. Пластинки Смита во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительны. Эти данныя мнѣ показали, что для съемокъ оригиналовъ, въ которыхъ преобладаетъ зеленый цвѣтъ, удобнѣе пользоваться изохроматическими пластинками Ильфорда; при оригиналахъ, богатыхъ красными, теплыми тонами, наиболѣе пригодны панхроматическія пластинки Люмьера. Большую пользу можно было-бы извлечь отъ примѣненія монохроматическихъ свѣтофильтровъ и соотвѣтственныхъ ортохроматическихъ пластинокъ къ цвѣтодѣленію въ помощь способу Буринскаго, напримѣръ, хотя-бы при судебной экспертизѣ сомнительныхъ документовъ".

Въ томъ же докладѣ г. Поповицкій приводитъ изъ статьи д-ра Нагеля въ Biologisches Centralblat (Über flüstige Strahlenfilter), сентябрь 1898 г., таблицу спектровъ различныхъ свѣтофильтровъ, изготовленныхъ авторомъ названной статьи.

Къ цвѣторазличенію приходится прибѣгать очень часто при необходимости изслѣдовать чернило, штемпельную краску, бумагу и т. п. И. Щегловитовъ (Сѣв. Вѣстн. 1892 г. № 11, стр. 99) приводитъ въ примѣръ экспертизу по дѣлу З. съ Волжско-Камскимъ банкомъ въ 1891 г. „Изъ отдѣленія этого банка З. долженъ былъ получить 1.000 р., а ему, по ошибкѣ, написали ордеръ на 10.000 р., которые онъ и получилъ. Когда ошибка была обнаружена, потребовали 9.000 руб. обратно. Отвѣтчикъ заявилъ, что 10.000 р. не получалъ, а подписалъ чистый бланкъ ордера безъ текста и что текстъ о полученіи десяти тысячъ сдѣланъ потомъ, *поверхъ штемпеля объ уплатѣ*, который былъ поставленъ кассиромъ банка при выдачѣ денегъ". Подчиняясь возникшему, въ то время, общему убѣжденію судей о томъ, что фотографія сама по себѣ, безъ всякихъ спеціальныхъ процессовъ, способна „сдѣлать невидимое видимымъ", окружный судъ поручилъ обыкновенному фотографу-портретисту сдѣлать снимки и увеличить ихъ. Разумѣется, ничего изъ этого не вышло. Дѣло дошло до Сената, который кассировалъ рѣшеніе Судебной Палаты и передалъ дѣло для новаго разсмотрѣнія въ Московскую Судебную Палату, которая, согласно указаніямъ Сената, препроводила документъ въ Петербургъ, „для производства фотографической экспертизы черезъ эксперта Буринскаго". Вмѣстѣ со мною были назначены для экспертизы, по рекомендаціи Экспедиціи Заготовл. Госуд. Бумагъ, гг. Пфейферъ и фотографъ Экспедиціи Скамони.

Планъ изслѣдованія былъ выработанъ мною и принятъ моими коллегами. Несмотря на то, что заданіе было вполнѣ опредѣленное, мы провозились *цѣлый мѣсяцъ*, собираясь почти ежедневно въ моей

лабораторіи для производства опытовъ *). Послѣ того, какъ намъ удалось раздѣлить, на фотографическомъ негативѣ, цвѣта чернилъ и штемпеля (оба, на взглядъ, черные) и обнаружить, что штемпельная краска лежитъ на чернилахъ, а не наоборотъ, у проигравшей стороны возникло подозрѣніе (какъ это всегда бываетъ) что эксперты подкуплены банкомъ. Слухъ о „подкупѣ" распространялся очень настойчиво и это вынудило меня отдать все мое изслѣдованіе на судъ V отдѣла Имп. Рус. Техн. Общества. Докладывалось это дѣло въ засѣданіи 24 января 1892 г., докладчикомъ былъ извѣстный физикъ Я. И. Ковальскій (см. „Фотографъ-Любитель" 1892 г. №№ 3 и 4).

Описаніе процесса, которымъ мы дошли до успѣшнаго разрѣшенія задачи, было бы излишне: въ каждомъ случаѣ различенія цвѣтовъ необходимо произвести рядъ опытовъ съ сензибилизаторами и свѣтофильтрами, для того, чтобы найти нужную для данной задачи комбинацію. Судебный фотографъ долженъ быть знакомъ съ ортохроматической фотографіей и пользоваться ея указаніями.

Frazer (l. c.) предлагаетъ употреблять цвѣтныя стеклянныя призмы, желтую, синюю и красную, во многихъ случаяхъ избавляющія отъ необходимости прибѣгать къ фотографическимъ операціямъ. Изъ ряда комбинацій цвѣтовъ и оттѣнковъ, получаемыхъ при надвиганіи призмы на призму, найдется одна, позволяющая различить цвѣта. Призмы имѣютъ, на боковыхъ граняхъ, дѣленія на миллиметры, для того чтобы не нужно было повторять исканіе соотвѣтствующей комбинаціи каждый разъ, когда потребуется демонстрировать опытъ передъ судьями: стоитъ только записать взаимное положеніе дѣленій той и другой призмы и, когда понадобится, сразу привести ихъ въ то же самое положеніе.

Horold Winpate построилъ особую камеру для микро-фотографированія изслѣдуемыхъ документовъ, въ случаяхъ необходимости различать цвѣта. Конструкторъ исходилъ изъ наблюденія, что цвѣта лучше различаются при разсматриваніи документа подъ нѣкоторымъ угломъ къ линіи зрѣнія; поэтому камера съ микроскопомъ помѣщена на особой доскѣ, которой можно дать какой угодно уклонъ относительно горизонтальнаго столика, на которомъ помѣщена изслѣдуемая рукопись.

Sexler (Disput of Handwriting, New-Iork, 1890, p. 124) совѣтуетъ прибѣгать, иногда, къ цвѣтному освѣщенію оригинала съ двухъ сторонъ, причемъ удается различить цвѣта въ самыхъ трудныхъ случаяхъ. Долженъ сказать, что повторяя опытъ Sexler'а я не достигалъ особенно хорошихъ результатовъ; во всякомъ случаѣ, способъ этотъ имѣетъ то существенное неудобство, что имъ нельзя воспользоваться въ судебномъ засѣданіи, для демонстрацій присяжнымъ засѣдателямъ.

*) За эту работу намъ было уплачено по 25 р. каждому. Хорошая иллюстрація къ тому, что говорено на стр. 20—21 этой книги!

Не рѣдко фотографы, приглашаемые судомъ для изслѣдованія рукописей, прибѣгаютъ къ цвѣторазличенію тамъ, гдѣ нужно цвѣтодѣленіе. Я приведу здѣсь, изъ „Юридич. Газеты“ (1894 г. № 99) отчетъ о докладѣ, по этому вопросу, гг. Лаврова и Щербачева, въ V Отдѣлѣ Импер. Русск. Техн. Общества (2 дек. 1894 г.).

„Г. Лавровъ, указавъ на практикуемое въ послѣдніе два года гг. судебными фотографами сниманіе сомнительныхъ документовъ при помощи такъ называемыхъ ортохроматическихъ пластинокъ, доказывалъ, что пріемъ этотъ ведетъ къ цѣли прямо-противуположной той, которую желаютъ достигнуть. По мнѣнію докладчика, производить судебно-фотографическія изслѣдованія, употребляя сухія, броможелатинныя пластинки или, еще того хуже, ортохроматическія—значитъ не только не стремиться обнаружить на негативѣ слѣды письма невидимые для глазъ, но потерять и то, что можно усмотрѣть безъ помощи фотографіи.

Въ самомъ дѣлѣ, судебный фотографъ имѣетъ въ виду получить посредствомъ фотографіи такія подробности въ оттѣнкахъ одного цвѣта, которыя глазъ нашъ не различаетъ; цѣли этой онъ достигаетъ благодаря свойству фотографическаго слоя передавать соотношенія цвѣтовыхъ оттѣнковъ болѣе контрастно, раздѣльно, чѣмъ это доступно зрѣнію. Сухія пластинки, въ особенности ортохроматическія, значительно умаляютъ контрастность фотографіи, дѣлаютъ переходы тѣней мягче и, вообще, передаютъ соотношеніе цвѣтовыхъ оттѣнковъ по возможности такъ, какъ представляются онѣ нашимъ глазамъ. Въ этомъ достоинство ортохроматическихъ пластинокъ, съ точки зрѣнія художественной фотографіи и, поэтому самому, съ точки зрѣнія судебнаго фотографа—недостатокъ. Что сказать о фотографѣ, который желая дать на отпечаткѣ то, что глазъ не видитъ, беретъ матеріалъ придуманный именно для того, чтобы фотографія не давала подробностей, недоступныхъ зрѣнію? Такой образъ дѣйствій возможенъ только при совершенномъ непониманіи своей задачи и полномъ незнакомствѣ съ азбукой научной фотографіи.

Г. Щербачевъ, вполнѣ соглашаясь съ заключеніемъ г. Лаврова, дополнилъ соображенія докладчика нѣкоторыми научными доказательствами.

На приглашеніе предсѣдателя гг. членамъ сдѣлать возраженія противъ заключеній гг. Лаврова и Щербачева, желающихъ опонировать не оказалось. Въ числѣ присутствовавшихъ были лица, близко стоящія къ оффиціальной судебной фотографіи“.

Такимъ образомъ, заключенія судебныхъ фотографовъ, основанныя на результатахъ фотографированія при помощи сухихъ бормо-желатинныхъ пластинокъ (не говоря уже объ ортохроматическихъ), не должны быть признаваемыми правильными и требуютъ повѣрки другими, болѣе цѣлесообразными способами.

Необходимо сдѣлать оговорку по поводу этого доклада. Здѣсь именно идетъ рѣчь о фотографахъ, которые неумѣстно прибѣгаютъ къ ортохроматическимъ пластинкамъ и свѣтофильтрамъ при исполненіи такихъ порученій суда, которыя совсѣмъ не требуютъ подобнаго фотографированія. Въ 1894 году гражд. департам. Виленской судебной палаты поручилъ мѣстнымъ фотографамъ экспертизу по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Петра Кубилинскаго.

Виленскіе фотографы произвели фотографированіе на ортохроматизированныхъ пластинкахъ Монкговена (слѣд. чувствительныхъ къ желтому цвѣту), и, кромѣ того, употребили въ дѣло *желтый* свѣтофильтръ. Само собою разумѣется, что на ихъ негативахъ не только не могли обнаружиться слѣды скрытыхъ письменъ (если таковыя были), но не вышли даже тѣ желтыя пятна, которыя видны на бумагѣ простымъ глазомъ. Прилагаю два снимка съ картины масляными красками; одинъ сдѣланъ мокрымъ способомъ, даже безъ цвѣтодѣленія, а другой на ортохроматической пластинкѣ съ желтымъ фильтромъ (по способу примѣненному виленскими фотографами).

На картинѣ вся шаль ярко-желтая; на мокромъ негативѣ она вышла почти черною, тогда какъ на негативѣ, сдѣланномъ по способу виленскихъ фотографовъ, *желтый цвѣтъ совсѣмъ не вышелъ* — получилось бѣлое! Понятно, что если бы въ документѣ были слѣды травленія письменъ, (*всегда* желтаго цвѣта), они не могли бы выйдти на негативѣ даже и въ томъ случаѣ, если бы были доступны простому глазу, точно также какъ не вышла желтая шаль на нашей картинѣ!

Дѣло въ томъ, что желтые фильтры поглощаютъ сперва весь фіолетовый цвѣтъ, а затѣмъ, смотря по оттѣнку, синій и сине-зеленый; слѣдовательно лучи остальныхъ цвѣтовъ, въ томъ числѣ и желтыхъ, свободно проходятъ сквозь фильтръ (а ихъ то и требовалось задержать) и производятъ дѣйствіе на ортохроматизированный слой пластинки. Вслѣдствіе этого, всюду, гдѣ есть желтый цвѣтъ на документѣ, на негативѣ получатся мѣста непрозрачныя, а на отпечаткахъ бѣлая бумага!

При работѣ на сухихъ (не ортохроматическихъ) пластинкахъ можно было, пожалуй, взять фіолетовый (метиловый) свѣтофильтръ, который загородилъ бы желтые лучи. При сниманіи мокрымъ способомъ, т. е. на іодосеребряномъ (а не бромосеребряномъ) слоѣ, въ желтомъ свѣтофильтрѣ нѣтъ нужды: такія пластинки даже проявляются при желтомъ свѣтѣ, который не оказываетъ дѣйствія на іодистое серебро.

Послѣ виленскихъ фотографовъ, завѣщаніе Кубилинскаго попало, для изслѣдованія, къ присяжному фотографу при прокурорѣ Спб. судебной палаты. Въ его изслѣдованіи повторена *та же самая* ошибка,

Къ стр. 120.

Снимокъ мокрымъ способомъ: *желтая* шаль вышла *черною.*

Снимокъ на броможелатинной пластинкѣ (ортохроматизированной) съ желтымъ свѣтофильтромъ: *желтая* шаль вышла *бѣлою.*

на что я указалъ, своевременно, въ „Юрид. Газетѣ“ (1895 г. № 72). Онъ взялъ, только, вмѣсто ортохроматической желатинной пластинки, ортохроматическій же коллодіумъ д-ра Альберта и ввелъ въ него „красящее вещество,“ иначе говоря эозиновое серебро; эффектъ получился, конечно, тотъ же самый, что и у виленскихъ фотографовъ, т. е. по этому способу на снимкѣ ярко-желтая шаль нашей масляной картины непремѣнно должна выйти бѣлой! Объ этой экспертизѣ я докладывалъ 1-му съѣзду русскихъ дѣятелей по фотографическому дѣлу въ Москвѣ, въ 1896 году (засѣданіе 31 марта).

Въ Энциклопедіи Фабра (Fabre. Traité encyclopidique de Photographie t. IV p., 308) упоминается о работѣ ліонскаго фотографа Феррана по дѣлу о подлогѣ въ экспедиціонныхъ книгахъ парижскаго почтамта. На одной изъ страницъ этой книги цифры были умышленно залиты чернилами, для того чтобы скрыть растрату денегъ; судъ предложилъ Феррану попытаться обнаружить, фотографически, цифры закрытыя пятномъ. По осмотрѣ оказалось, что цифры написаны черными чернилами, а пятно сдѣлано фіолетовыми. При такихъ условіяхъ Феррану не предстояло особой трудности исполнить порученіе: фіолетовые лучи актиничнѣе, слѣдовательно на негативѣ пятно не должно было оставить прозрачный слѣдъ, тогда какъ черныя цифры вышли прозрачными. Въ свое время экспертиза Феррана надѣлала много шума, какъ побѣда фотографіи надъ подлогомъ и снимки пятна были воспроизведены почти во всѣхъ иллюстрированныхъ журналахъ.

Въ этомъ случаѣ не было никакой задачи цвѣторазличенія: оно совершилось само собой, благодаря свойству фіолетовыхъ лучей дѣйствовать на фотографическій слой. Экспертиза по дѣлу Рокоссовскаго и Юнггерца (11 сент. 1889 г. въ 1 отд. Спб. окр. суда), гдѣ также требовалось обнаружить скрытую подъ пятномъ подпись, ошибочно отождествляли съ экспертизой Феррана, хотя обѣ эти экспертизы совершенно различны по существу; только въ первой своей части экспертиза по дѣлу Рокоссовскаго и Юнггерца имѣетъ нѣкоторое сходство съ работой ліонскаго фотографа.

Въ № 10 Журн. Гражд. и Угол. Права 1889 г. данъ подробный отчетъ объ экспертизѣ 11 сент. 1889 г. изъ котораго я приведу только извлеченія:

„Предметомъ изслѣдованія для эксперта-фотографа въ процессѣ Р. должны были служить: во-первыхъ, подпись кассира Николаевской ж. д. Бернгарда на извѣщеніи о внесеніи въ товарную кассу этой дороги наложеннаго платежа въ 9.000 р.; во-вторыхъ дубликатъ накладной Козлово-Воронежской ж. д. на грузъ съ макаронами, на которомъ подпись получателя груза оказалась старательно закрытою большимъ чернильнымъ пятномъ.

„Эксперту были вручены судомъ: 1) извѣщеніе о полученіи 9.000 р. съ заподозрѣнною подписью Бернгарда; 2) подобное же извѣщеніе о другомъ платежѣ съ несомнѣнною подписью Бернгарда; 3) несомнѣнныя подписи Бернгарда, взятыя изъ бумагъ предварительнаго слѣдствія и 4) нѣсколько подписей Бернгарда сдѣланныхъ въ присутствіи суда. За исключеніемъ послѣднихъ, всѣ остальныя подписи были писаны фіолетовыми анилиновыми чернилами.

Такъ какъ экспертъ не былъ предувѣдомленъ о томъ, что ему придется имѣть дѣло съ фіолетовыми чернилами и, потому, не приготовилъ соотвѣтствующаго матерьяла *), то первый негативъ не далъ того, что желалъ получить фотографъ, т. е. изображеніе подписи, но за то обнаружилъ нѣчто другое. Такъ какъ слой съ іодированнымъ коллодіономъ, даже слабо-бромированнымъ, весьма чувствителенъ къ фіолетовому и синему цвѣтамъ спектра, а съ возрастаніемъ бромистыхъ солей цвѣта эти дѣйствуютъ на сенсибилизированную пластинку какъ бѣлый цвѣтъ, то на первомъ негативѣ (съ большимъ увеличеніемъ) получился отпечатокъ чернаго печатнаго текста накладной, зеленаго узора бумаги (ассюре), но самый текстъ и подписи фіолетоваго цвѣта дали лишь слабый, едва замѣтный слѣдъ, недостаточный для печатанія. Внимательное разсмотрѣніе негатива показало, однако, что прозрачныя мѣста, соотвѣтствующія чернымъ заподозрѣнной подписи на извѣщеніи о 9.000 руб., были не вездѣ одинаково прозрачны, а сличеніе ихъ съ оригиналомъ обнаружило, что затянутыя черты соотвѣтствовали фіолетовымъ буквамъ. При этомъ, однако, получились и еще другія, совсѣмъ прозрачныя (слѣдовательно отвѣчающія, по законамъ оптики, черному цвѣту) линіи, но откуда таковыя произошли—первоначально опредѣлить было невозможно.

Являлась новая, неожиданная задача: отдѣлить прозрачныя черты отъ полупрозрачныхъ, а этого можно было достичь прибавленіемъ къ коллодіону раствора соотвѣтствующей соли и продленіемъ экспозиціи. Два предположенія имѣли нѣкоторую вѣроятность: или Бернгардъ писалъ не чистыми анилиновыми чернилами, съ примѣсью черныхъ, или онъ пользовался перомъ, замараннымъ въ черныя чернила. Въ томъ и другомъ случаѣ, черная примѣсь къ анилиновымъ чернидамъ должна была дать осадокъ и могла выразиться прозрачными линіями на негативѣ. Слѣдующій негативъ, однако, показалъ, что ни та, ни другая догадка не вѣрна и, по совершенномъ исключеніи съ негатива фіолетоваго цвѣта, получилась тонкая, прозрачная подпись „Бернгардъ" съ росчеркомъ, но не совсѣмъ тождественная съ видимою на оригиналѣ подписью, а съ различными измѣненіями: такъ напр., вторая часть буквы „Б" на оригиналѣ оказалась длиннѣе первой части,

*) Т. е. урановаго свѣтофильтра. Е. Б.

а на прозрачной подписи она была одинаковой съ нею длины; росчеркъ на оригиналѣ опускался внизъ, а на прозрачной подписи онъ былъ параллеленъ слову и т. п. Въ виду всего этого стало вполнѣ яснымъ, что подпись, выраженная на негативѣ прозрачными линіями, была нанесена на бумагу ранѣе и совершенно независимо отъ анилиновой подписи Бернгарда, какимъ нибудь чернымъ веществомъ, какъ напр. карандашомъ, французскимъ углемъ и т. д., причемъ означенная подпись, по которой уже впослѣдствіи наведена была подпись Бернгарда чернилами — тщательно стерта.

Послѣ нѣсколькихъ опытовъ, сдѣланныхъ для того, чтобы опредѣлить съ точностью время экспозиціи, нужное для того, чтобы обѣ подписи вышли на одномъ негативѣ и ни одна изъ нихъ не затянулась, удалось добиться достаточно сильнаго негатива и сдѣланъ съ него отпечатокъ, давшій одновременно и фіолетовую подпись и находящуюся подъ нею черную. Подписи эти, какъ оказалось, дѣйствительно далеко не совпадали и, такимъ образомъ, съ полною достовѣрностью доказано было приготовленіе къ подлогу, посредствомъ предварительнаго срисованія подписи карандашемъ. Это обнаружилось особенно рельефно при изготовленіи негатива съ увеличеніемъ подписи.

Всѣ остальныя, несомнѣнныя подписи Бернгарда, были сняты фотографически, съ такимъ же увеличеніемъ и отпечатаны на бумагѣ, а для того, чтобы убѣдиться въ вѣрности передачи оригиналовъ, экспертомъ, передъ сниманіемъ подписей, были сдѣланы два негатива съ клочка исписанной бумаги, но такъ, что второй для негатива оригиналъ помѣщался на щитѣ нѣсколько ниже и правѣе нежели оригиналъ для перваго; совпаденіе всѣхъ линій при наложеніи одного негатива на другой, убѣдило въ совершенной правильности предварительной установки.

Дальнѣйшее, затѣмъ, сличеніе почерковъ *) по увеличеннымъ отпечаткамъ, не оставило никакого сомнѣнія въ подложности спорной подписи: всѣ особенности естественнаго почерка Бернгарда, оставаясь постоянными во всѣхъ несомнѣнныхъ его подписяхъ, были явно нарушены въ подложныхъ, чего нельзя было замѣтить безъ большаго увеличенія. Rund-Schrift, который составляетъ одно изъ характерныхъ отличій письма Бернгарда, перешелъ въ Deutsch-Schrift — на подложной; переходы въ нижнихъ углахъ выдали острый почеркъ поддѣлывателя, хотя поддѣлка и была очень искусно сдѣлана.

Вторая часть фото-экспертизы состояла, какъ выше сказано, въ возстановленіи залитой чернилами подписи на дубликатѣ накладной. Изслѣдованіе это очень рѣдко даетъ сразу желаемый результатъ и

*) Сличеніе почерковъ производилось учителями чистописанія безъ моего участія. Е. Б.

требуетъ большой осторожности въ опредѣленіи времени экспозиціи, а также и въ выборѣ пластинокъ. Эксперту удалось, однако, добиться снимка залитой подписи, послѣ двухъ часовъ усиленнаго труда, и хотя черты буквъ были не особенно рѣзки и опредѣленны, но залитая чернилами фамилія „Шольцъ“ выразилась все таки очень ясно. Негативъ получился достаточно сильный для того, чтобы сдѣлать отпечатки на бумагѣ, которые и были предъявлены суду, вмѣстѣ съ подлиннымъ негативомъ и, по сличеніи съ почеркомъ подсудимаго Юнгерца, подпись „Шольцъ“ оказалась несомнѣнно сдѣланною почеркомъ сего послѣдняго“.

Отличіе второй части этой экспертизы, (т. е. обнаруженіе подписи, залитой чернилами) отъ такой же работы Феррана состояло въ томъ, что послѣднему приходилось различить два разные цвѣта (фіолетовый и черный), тогда какъ мнѣ предстояло раздѣлить два оттѣнка одного и того же цвѣта, чернаго. Въ первомъ случаѣ было *цвѣторазличеніе*, со второмъ *цвѣтодѣленіе*.

Къ цвѣтной сенсибилизаціи пластинокъ и къ свѣтофильтрамъ приходится прибѣгать для фотографированія рукописей, писанныхъ фіолетовыми и синими чернилами, но, опять-таки, не для діагноза, но лишь для воспроизведенія самыхъ письменъ. Для этой цѣли лучше всего урановыя стекла, задерживающія сполна фіолетовые лучи и оранжевые фильтры для синихъ чернилъ.

Для болѣе основательнаго знакомства съ теоріей ортохроматическаго фотографированія т. е. съ употребленіемъ цвѣтныхъ сенсибилизаторовъ и свѣтофильтровъ, можно рекомендовать слѣдующія сочиненія: 1) *Мининъ*, Ортохроматическое или изохроматическое фотографированіе. 1887. 2) *Vogel*. Die Photographie farbiger Gegenstände in den richtigen Tonverhältnissen. 1885. 3) *L. Vidal*. Traité pratique d'ortochromatisme. 1891.

Къ этому предмету мнѣ придется еще возвратиться въ главѣ „Опредѣленныя и неопредѣленныя заданія“. Настоящую же главу я закончу любопытной корреспонденціей, появившейся въ журналѣ „Жизнь и Искусство“ 1896 г. 155.

„Въ мѣстечкѣ Вопракѣ, Полтавской губ., Гадячскаго у., убита была семья содержателя постоялаго двора Гершеля. При производствѣ слѣдствія былъ вызванъ фотографъ изъ Полтавы, который снялъ фотографіи со всѣхъ убитыхъ. Племянника Гершеля, Лейбу Порицкаго нашли съ открытыми глазами и послѣ фотографированія съ *примѣненіемъ рентгеновскихъ лучей*, на негативѣ въ его глазахъ былъ замѣченъ человѣкъ въ *бѣлой* рубахѣ, но лицо ясно нельзя было различить. Этой фотографіей намѣреваются пользоваться при розыскахъ разбойниковъ“.

Не говоря уже про то, что фотографированіе изображенія въ зрачкѣ убитаго возможно только немедленно послѣ смерти и притомъ при условіяхъ лабораторной работы *) (опыты Кюне, см. ст. д-ра Талько въ „Вѣстн. Общ. Гигіены, судебной и практической медицины“, январь 1892 г.), совершенно нельзя понять какую роль играли вообще, рентгеновскіе лучи и какимъ образомъ могли они способствовать опредѣленію *цвѣта* рубахи?. „Русскій фотогр. журналъ“ (1896 г., № 6, стр. 144), дѣлая эту выписку изъ журнала „Жизнь и Искусство“ говоритъ: „О рентгеновскихъ лучахъ столько писалось и говорилось, предметъ этотъ въ настоящее время такъ разжеванъ, что просто обидно читать подобныя вещи. Неужели же такой курьезный документъ будетъ имѣть какое-либо значеніе при судебномъ разбирательствѣ?“

Этотъ случай пріобщенія къ слѣдственному производству явно нелѣпыхъ судебно-фотографическихъ изслѣдованій, къ сожалѣнію далеко не единственный. Судебные дѣятели чрезвычайно мало знакомы съ фотографіей вообще и, въ частности съ судебной, вслѣдствіе чего позволяютъ вводить себя въ заблужденіе невѣжественнымъ ремесленникомъ свѣтописи. Самаго поверхностнаго знакомства съ радіографіей (фотографированіе X-лучами) было бы достаточно слѣдователю для того, чтобы признать невозможность цвѣтовыхъ опредѣленій при ея посредствѣ. Одинъ изъ защитниковъ по дѣлу Машевской (Минскій окр. судъ, апрѣль 1893 г.), возражая, въ судебномъ засѣданіи, на мою экспертизу по сличенію печатей консисторіи, обращалъ вниманіе присяжныхъ засѣдателей на неполноту изслѣдованія: не былъ примѣненъ... спектральный анализъ!

---

*) На фотографическихъ выставкахъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ (1891 и 1892 гг.) нѣкто Фортейль экспонировалъ увеличенный діапозитивъ и полученный съ него контактомъ контръ-негативъ съ подлиннаго снимка, сдѣланнаго, какъ говорила надпись, саратовскимъ фотографомъ Ушаковымъ по порученію судебнаго слѣдователя, въ 1878 году, съ глазъ убитой Бѣлоусовой; по этому снимку, на которомъ усматривалось какое то подобіе человѣческаго бюста, будто бы обнаруженъ преступникъ.

Разумѣется, все это оказалось вздоромъ, но, тѣмъ не менѣе, послѣ выставокъ къ суд. слѣд. 13 уч. гор. С.-Петербурга М. А. Кожевникову стали поступать требованія иногороднихъ слѣдователей о допросѣ фотографа Буринскаго о способахъ производства такихъ снимковъ. Судебн. Слѣд. Влоцлавскаго уѣзда прислалъ фотографическій снимокъ съ трупа, требуя по этому снимку сдѣлать портретъ убійцы.

Въ 1891 году я былъ вызванъ телеграммой товарища прокурора въ помѣщеніе тюрьмы, на Выборгскую сторону, по очень важному дѣлу. Важнымъ дѣломъ оказалось требованіе узнать, при помощи фотографіи, кто убилъ помощника надзирателя тюрьмы *ночью, во время сна*, ударомъ *сзади*!

ГЛАВА V.

О разпознаваніи и сличеніи почерковъ.

Malvolio. By my life, this is my Lady's hand, there be her very *c*'s, her *N*'s, and her *t*'s, and this makes she her great *P*'s. It is in contemps of question her hand.

(Shakspear. Twelfth night, A. II. sc. 5).

Существуетъ два рода судебной экспертизы почерковъ: одна не изслѣдуетъ почеркъ, но основываетъ свой приговоръ на непосредственномъ впечатлѣніи, получаемомъ при обозрѣніи сравнимаемыхъ письменъ; другая, наоборотъ, строитъ выводы на результатахъ анализа почерка, стараясь совершенно отрѣшиться отъ непосредственнаго впечатлѣнія. Экспертиза перваго рода требуетъ опыта, навыка; экспертиза второго рода предполагаетъ въ экспертѣ спеціальныя знанія.

Экспертизу опыта условимся называть *распознаваніемъ* почерковъ, а экспертизу знанія—*сличеніемъ*. Различать ихъ необходимо потому, что пользованіе той и другой экспертизами не одинаково и каждая изъ нихъ занимаетъ свое особое мѣсто въ судебномъ процессѣ.

Въ статьѣ „Судебная фотографія“ И. Щегловитовъ *) говоритъ объ экспертизѣ почерковъ слѣдующее („Сѣв. Вѣстн. 1892 г. № 11).

„До послѣдняго времени изслѣдованіе документовъ вращалось на почвѣ каллиграфической экспертизы, направлявшейся исключительно, какъ указано выше, къ отысканію сходства или несходства извѣстныхъ сравнимаемыхъ рукописей. Представителями такой экспертизы обыкновенно выступаютъ слѣдующія лица: типографы, литографы, граверы, учителя каллиграфіи, канцелярскіе писцы и т. п. Остановимся нѣсколько на томъ, какими же свѣдѣніями обладаютъ эти лица? Начнемъ съ типографа. Профессія типографа заключается въ умѣньи сдѣлать всякій наборъ, сверстать его, заключить въ форму, сдать въ машину, сдѣлать приправку, отпечатать нѣсколько листовъ. Спрашивается, при чемъ же

*) Бывшій прокуроръ С.-Петербургскаго Окр. Суда, нынѣ вице-директоръ Департ. Мин. Юстиціи.

такой знатокъ печатнаго искусства при изслѣдованіи рукописей? Курьезъ усиливается, если принять во вниманіе, что нерѣдко приглашаютъ на практикѣ къ производству экспертизы не типографовъ, а содержателей типографій, которые даже въ печатномъ дѣлѣ не могутъ считаться спеціалистами.

Въ такомъ же отношеніи стоятъ къ занимающему насъ вопросу литографы и типо-литографы. Подъ литографомъ, сколько извѣстно, разумѣютъ человѣка, занимающагося печатаніемъ съ литографскихъ камней. Въ этой отрасли бываютъ случаи вырѣзыванія автографовъ (факсимиле) на камняхъ, но эта работа выполняется граверомъ-факсимилистомъ, а не литографомъ. Между тѣмъ литографъ, а въ особенности типо-литографъ (причемъ практика почему-то распространяетъ типо-литографскія свѣдѣнія и на содержателей типо-литографій) — эксперты, весьма часто фигурирующіе въ процессахъ. Намъ, въ нашей практикѣ приходилось видѣть одного почтеннаго содержателя типо-литографіи, который при изслѣдованіи одного и того же документа въ разное время (въ коммерческомъ судѣ, у судебнаго слѣдователя на предварительномъ слѣдствіи и на судебномъ слѣдствіи) давалъ иногда, по забывчивости, три совершенно противуположныхъ заключенія о томъ, кѣмъ писана изслѣдуемая рукопись. При этомъ каждое изъ нихъ высказывалось съ такою увѣренностью, что самому эксперту становилось стыдно за себя, когда стороны предлагали ему вопросъ о томъ, которое же изъ его разныхъ мнѣній слѣдуетъ считать окончательнымъ. Впрочемъ, по большинству дѣлъ почтенный содержатель литографіи обыкновенно справлялся, до слушанія дѣла на судѣ, съ своими предъидущими экспертизами и, такимъ образомъ, избѣгалъ того непріятнаго положенія, которое иначе ему пришлось бы испытать.

Нѣсколько болѣе удовлетворительные эксперты граверы. Нѣкоторые изъ нихъ, занимаясь рѣзьбою на деревѣ, на камняхъ, бываютъ основательно знакомы съ искусствомъ автографіи и, при сличеніи почерковъ, по дѣламъ о ручныхъ поддѣлкахъ, могутъ уловить дѣйствительное сходство или несходство рукописей. За то, конечно, они совершенные профаны при изслѣдованіи аутотипическихъ подлоговъ.

Вполнѣ несостоятельными экспертами мы считаемъ учителей чистописанія, хотя это излюбленные эксперты по документамъ. Развѣ умѣнье писать красиво даетъ какія нибудь свѣдѣнія для распознанія почерковъ на подложныхъ актахъ? Стоитъ, однако, послушать, съ какимъ авторитетомъ заявляютъ они безапелляціонныя сужденія при экспертизѣ документовъ! Къ этой же категоріи свѣдущихъ людей слѣдуетъ отнести секретарей присутственныхъ мѣстъ, канцелярскихъ чиновниковъ, писцовъ, и т. п., которые развязно рѣшаютъ, въ роли экспертовъ, серьезные вопросы о подлинности или подложности документа!

Едва ли можно признать за представителями всѣхъ перечисленныхъ профессій какой либо серьезный характеръ. Между тѣмъ, на основаніи ихъ мудрыхъ изрѣченій рѣшалась и рѣшается судьба людей! При этомъ, по уголовнымъ дѣламъ экспертиза не всегда имѣетъ такое безповоротное значеніе какъ по дѣламъ гражданскимъ, по которымъ судъ, будучи стѣсненъ въ оцѣнкѣ доказательствъ, вынужденъ принимать заключеніе каллиграфовъ, которое отличается, обыкновенно, крайнею категоричностью и опредѣленностью, въ ущербъ основательности и справедливости. Изслѣдованіе же документовъ и письменныхъ актовъ производится въ гражданскомъ процессѣ весьма часто. Страшно становится за рѣшеніе, которое получаютъ дѣла на основаніи каллиграфической экспертизы.

Трудно опредѣлить; съ чѣмъ больше приходится бороться правосудію—съ поддѣлывателями или съ фантазіями каллиграфовъ. Въ наукѣ процесса всѣ, касавшіеся разсматриваемой экспертизы, удостовѣряютъ ее ненаучность и случайность ея выводовъ. Вотъ, напр., что говоритъ по ея поводу знаменитый Миттермайеръ *): „въ томъ случаѣ, когда два или три эксперта единогласно свидѣтельствуютъ, что изслѣдуемый документъ писанъ тѣмъ самымъ лицомъ, которое писало и другіе документы, то и тогда не можетъ быть твердой увѣренности и является только вѣроятность подлинности документа, ибо искусство сличать почерки не можетъ быть основано на точныхъ правилахъ. Даже самый старательный изъ свѣдущихъ въ сличеніи почерковъ можетъ обмануться, потому что случайно почерки двухъ лицъ могутъ быть сходны между собою и потому также, что по злости другого, почеркъ лица можетъ быть легко поддѣланъ; наконецъ, лучшій изъ свѣдущихъ людей можетъ быть обманутъ. Сужденіе свѣдущихъ людей основывается, такимъ образомъ, лишь на одномъ предположеніи, которое можетъ служить для судьи только указаніемъ или уликою". По замѣчанію другого ученаго, Каррары, каллиграфы одни изъ самыхъ невозможныхъ экспертовъ, которые, по способности выдумывать, могутъ быть приравнены къ охотникамъ. Интересно, что въ англійскомъ процессѣ каллиграфическая экспертиза не допускается вовсе. Тамъ, для опредѣленія подлинности или подложности документа приглашаются лица, знакомыя съ почеркомъ, которымъ онъ писанъ".

Приводя рядъ примѣровъ удачныхъ и неудачныхъ каллиграфическихъ экспертизъ на Западѣ и у насъ и упомянувъ о существованіи различныхъ видовъ неручныхъ поддѣлокъ, для обнаруженія которыхъ сличеніе почерковъ безполезно, г. Щегловитовъ говоритъ:

„При такихъ условіяхъ подлогъ торжествовалъ побѣду надъ правосудіемъ. Поддѣлыватели смѣло несли въ судъ свои искусныя произве-

---

*) Уголовное судопроизводство 1834 г. § 51.

денія зная, что уличить ихъ сличеніемъ почерковъ невозможно. Число споровъ о подлогахъ увеличивалось, но спорящіе почти всегда проигрывали процессы и должны были благодарить судьбу, если они не подвергались, въ довершеніе всего, преслѣдованію за ложный доносъ. Въ представителей каллиграфической экспертизы сыпались проклятія разоренныхъ, насмѣшки печати. Они сдѣлались одно время излюбленною мишенью сатирическихъ изданій".

Картина непривлекательная, что и говорить; не совсѣмъ справедливо, только, возлагать отвѣтственность за такое положеніе дѣла на каллиграфовъ, типографовъ и др. экспертовъ почерковъ, которые виновны въ немъ гораздо меньше, чѣмъ судебные дѣятели. Я привелъ выписку изъ статьи г. Щегловитова, болѣе другихъ нашихъ юристовъ останавливавшагося на вопросѣ о неудовлетворительности экспертизы документовъ *) для того, чтобы показать, какъ неясно представляютъ себѣ дѣло даже такіе изслѣдователи и практики, какъ авторъ цитированной статьи.

Г. Щегловитовъ не раздѣляетъ распознаваніе почерковъ отъ сличенія и не подозрѣваетъ, повидимому, что то и другое хороши въ свое время и на своемъ мѣстѣ, но никуда не годятся при замѣнѣ одного другимъ. По этому поводу Персифоръ Фрэзеръ **), профессоръ геологіи и минералогіи въ пенсильванскомъ университетѣ и, вмѣстѣ, экспертъ по почеркамъ въ пенсильванскомъ судѣ, приводитъ такое сравненіе:

„Есть много людей, которые, не имѣя понятія о химіи, могутъ назвать каждый минералъ по одному его виду; другіе, обладающіе научными познаніями и могущіе на память сказать химическій составъ минераловъ и дать точныя химическія формулы, значительно уступаютъ первымъ въ опредѣленіи минераловъ по внѣшнему осмотру. Иногда нужны бываютъ первые, иногда полезнѣе вторые; то же самое можно сказать и въ отношеніи экспертизы почерковъ, т. е. распознаванія и сличенія". Я объяснялъ это подробно въ первой главѣ и повторяю теперь, что каллиграфы, граверы и др. опытные въ почеркахъ люди— единственно возможные эксперты при разрѣшеніи споровъ о дѣйствительности актовъ, если заключеніями ихъ судъ умѣло пользуется, но странно заставлять ихъ производить изслѣдованіе почерка при спорахъ о подлогѣ, такъ же странно, какъ заставлять слесаря рѣшать вопросы судебно-медицинскаго характера.

Г. Щегловитовъ приводитъ, далѣе, въ видѣ примѣра, экспертизу

---

*) Ему же принадлежатъ статьи „Судебная экспертиза документовъ". Журналъ гражд. и угол. права, 1891 г. кн. VI; „О примѣненіи фотографіи къ изслѣдованію документовъ". Юридическая лѣтопись 1891 г. кн. III и др.

**) *Frazer*, P., d-r.—A manual of the study of documents. Philadelphia, 1894.

по дѣлу о подложныхъ довѣренностяхъ Добродѣева, якобы въ конецъ посрамляющую экспертовъ распознавателей.

„9 января 1889 г., въ главную контору издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ г. Добродѣевымъ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и газетъ „Сынъ Отечества“ и „Минута“, былъ высланъ изъ Самары переводный чекъ на Государственный Банкъ въ 68 рублей съ спискомъ подписчиковъ. Пакетъ былъ похищенъ со стола Добродѣева въ его конторѣ. По справкѣ въ Государственномъ Банкѣ оказалось, что деньги 68 рублей были получены артельщикомъ Гольдштейномъ 14 января 1889 г. по довѣрительной надписи на чекѣ съ подписью Добродѣева, поставленной штампомъ клише. Личность артельщика Гольдштейна, какъ оказалось, была вымышленная.

Спустя нѣкоторое время послѣ этого, у Добродѣева такимъ же образомъ пропалъ присланный ему переводный чекъ на 134 рубля на контору „Волкова сыновей“ въ С.-Петербургѣ. Чекъ этотъ поступилъ 31 января 1889 г., а 1 февраля того же года были получены деньги въ названной конторѣ артельщикомъ Зейфертомъ, личностью равнымъ образомъ не существующей, по подложной довѣрительной подписи Добродѣева на чекѣ. Послѣдній, замѣтивъ сходство почерка въ означенной надписи съ почеркомъ управляющаго его домомъ и типографіей Б., обратился къ двумъ граверамъ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, которые, произведя сличеніе, удостовѣрили правильность его предположеній. Тогда Добродѣевъ обратился къ Б. и, прося его сознаться, обѣщалъ не возбуждать дѣла. Б. отвѣтилъ, что онъ не повиненъ ни въ похищеніи, ни въ подлогѣ на переводныхъ чекахъ и что онъ готовъ судомъ защищать свое честное имя.

Послѣ этого, въ декабрѣ 1889 г., Добродѣевъ подалъ жалобу, обвиняя Б. въ указанныхъ подлогахъ.

Началось предварительное слѣдствіе, результаты котораго, весьма естественно, стояли въ зависимости отъ изслѣдованія довѣрительныхъ надписей на двухъ чекахъ. Экспертами были приглашены граверы Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ Алабышевъ и Маттернъ, типо-литографъ Арнгольдъ и фотографъ Буринскій. Всѣ они единогласно признали, что спорныя надписи не имѣютъ никакого сходства съ почеркомъ Добродѣева. Затѣмъ, первые три эксперта указали на полное, несомнѣнное сходство этихъ подписей не только между собою, но и съ безспорнымъ почеркомъ заподозрѣннаго Б.

Съ этимъ мнѣніемъ не согласился экспертъ Буринскій. Онъ полагалъ необходимымъ, для болѣе точнаго сличенія, сдѣлать увеличенные фотографическіе снимки рукописей, ссылаясь, между прочимъ, на недостающую мотивированность заключенія первыхъ трехъ экспертовъ, которые основывали свой выводъ единственно на усмотрѣнномъ ими

сходствѣ девяти буквъ. Фотографическія изслѣдованія подтвердили сомнѣнія Буринскаго. Въ подробномъ заключеніи своемъ онъ наглядно доказалъ полное несходство тѣхъ же девяти буквъ подложныхъ подписей съ почеркомъ Б. Талантливое графологическое изслѣдованіе рукописей, увеличенныхъ посредствомъ фотографіи, привело его къ тому выводу, что если настаивать на предположеніи, что довѣрительныя надписи на чекахъ учинены Б., то, вмѣстѣ съ тѣмъ, пришлось бы признать 1) что Б., дѣлая ихъ, держалъ перо не такъ, какъ онъ обыкновенно пишетъ; 2) что сообразно новому непривычному для него положенію пера, онъ измѣнилъ формы всѣхъ буквъ безъ ошибки; 3) что при такихъ условіяхъ онъ написалъ болѣе твердою рукою, съ разными размахами, петлями и, притомъ, гораздо красивѣе, чѣмъ пишетъ обыкновенно, и 4) что дѣлая вторую подложную подпись черезъ двѣ недѣли послѣ первой, Б. не забылъ ни одной мелочи и измѣнилъ въ своемъ почеркѣ все точно также, какъ и въ первый разъ. Очевидно, все это, вмѣстѣ взятое, совершенно исключало вопросъ о первоначальномъ подозрѣніи, павшемъ на Б.

Далѣе Буринскій обратилъ вниманіе на особое положеніе пера, которымъ были писаны довѣрительныя надписи на чекахъ. Въ этихъ надписяхъ наибольшія утолщенія были въ верхнихъ частяхъ буквъ, что возможно и случается обыкновенно при наклонѣ пера по направленію строкъ. Между тѣмъ, именно такъ держатъ перо евреи, когда приходится писать справа налѣво. Въ виду этого, названный экспертъ высказалъ предположеніе, что подложныя надписи на чекахъ сдѣланы лицомъ еврейскаго происхожденія.

Это указаніе повело къ обнаруженію виновнаго. Таковымъ оказался, служившій въ конторѣ Добродѣева, нѣкто Израиль Менделевъ Гутшабашъ. Когда обратились къ сличенію его почерка, то уже не 9 буквъ на чекахъ были признаны сходными съ его почеркомъ, а всѣ буквы оказались тождественными и, притомъ, тождество было признано не только г. Буринскимъ, но и гг. Алабышевымъ, Маттерномъ и Арнгольдомъ. Послѣдніе изложили свое заключеніе по этому поводу такъ: „по сличеніи подложныхъ довѣренностей и росписокъ съ рукописями Гутшабаша и Б., мы приходимъ къ заключенію, что почеркъ, которымъ писаны подложные документы, имѣетъ гораздо большее сходство съ почеркомъ Гутшабаша, чѣмъ съ почеркомъ Б., что особенно ясно видно на фотографическихъ увеличеніяхъ, которыя намъ ранѣе предъявлены не были. Для болѣе точнаго опредѣленія желательно было бы произвести испытаніе почерка Гутшабаша въ нашемъ присутствіи.

Произведя это испытаніе, тѣ же эксперты признали безусловное сходство сравниваемыхъ подписей, вслѣдствіе чего они окончательно выразили увѣренность, что подложныя довѣренности на переводныхъ

чекахъ писаны рукою Израиля Гутшабашъ. Впослѣдствіи, на судѣ, присяжнымъ засѣдателямъ были предъявлены фотографическіе снимки рукописей, подвергавшихся изслѣдованію и рѣшеніемъ ихъ, Гутшабашъ, все время отрицавшій свою виновность, былъ признанъ виновнымъ въ двухъ подлогахъ вышеуказанныхъ довѣрительныхъ надписей на чекахъ. Обстоятельства изложеннаго нами дѣла весьма и весьма поучительны. Не смотря на грубую ручную поддѣлку, при которой поддѣлыватель даже не старался измѣнить свой почеркъ, чуть было не послѣдовало судебной ошибки. Не будь талантливаго фотографическаго изслѣдованія, осталась бы непоколебленною каллиграфическая экспертиза, основывшаяся на соблазнительномъ сходствѣ 9 буквъ *)".

Случай этотъ, дѣйствительно, поучителенъ, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ его г. Щегловитовъ. Съ перваго же момента было ясно, что совершенъ подлогъ кѣмъ-то изъ близкихъ къ Добродѣеву людей и потому слѣдовало предположить, что подписи сдѣланы не нормальнымъ, но измѣненнымъ почеркомъ виновнаго; понималъ же этотъ послѣдній, что Добродѣевъ, прежде всего станетъ его искать по сходству почерка подписей съ почерками своихъ служащихъ. Какъ только это предположеніе возникло, не могло быть и рѣчи о распознаваніи почерковъ, а лишь о сличеніи, т. е. объ изслѣдованіи. Если бы гг. Алабышеву, Маттерну и Арнгольду сразу объявили, что они приглашены *только какъ опытные люди*, имѣющіе извѣстнаго рода навыкъ глаза, а не какъ изслѣдователи, — результатъ получился бы совсѣмъ другой: они признали бы отсутствіе *впечатлѣнія* сходства между почерками надписей и Б. Это заключеніе не отвѣтило бы, разумѣется, на вопросъ о виновности Б., такъ какъ оставалось не обслѣдованнымъ предположеніе объ измѣненіи виновнымъ своего почерка; этотъ послѣдній вопросъ разрѣшился бы уже не распознаваніемъ, а сличеніемъ (изслѣдованіемъ) черезъ посредство *знающихъ*, а не *опытныхъ* людей.

Отъ названныхъ лицъ ошибочно требовалось не простое „показаніе о впечатлѣніи", но мотивированное заключеніе, т. е. *сознательный* отчетъ о томъ, что дѣлается *безсознательно*. Поставленные въ такое положеніе, эксперты-распознаватели стали производить изслѣдованіе не имѣя о таковомъ никакого понятія и обратились къ сходству буквъ по внѣшнимъ ихъ формамъ, по ихъ рисункамъ. Къ этому необходимо добавить, что эксперты приступили къ работѣ предубѣжденные противъ Б., такъ какъ самый вопросъ подсказывалъ и отвѣтъ, вродѣ извѣстной задачи „что стоитъ трехкопѣечная булка?" Достаточно имъ было усмотрѣть сходство одной буквы въ двухъ почеркахъ (а это неизбѣжно),

*) И. Щегловитовъ. „Судебная фотографія". „Сѣверный Вѣстникъ" 1892 г. № 11, стр. 99—101.

чтобы предубѣжденіе усилилось и, затѣмъ съ каждой новой, хотя бы и мало сходной буквой, возрастало постепенно до увѣренности. Желая доказать судебному слѣдователю (О. А. Кучинскому), что въ своемъ усердіи эксперты начинаютъ галлюцинировать, я незамѣтно подложилъ въ пачку рукописей Б. одну бумагу, писанную рукою слѣдователя; каково же было удивленіе слѣдователя, когда эксперты, перебирая пачку бумагъ и отмѣчая сходныя буквы, нашли въ его, О. А. Кучинскаго, почеркѣ 9 буквъ поразительно сходныхъ съ буквами почерка подложныхъ надписей! *) Они воображали, что имѣютъ дѣло съ рукописью все того же Б., виновность котораго для нихъ стала уже несомнѣнною!

Для экспертизы подложныхъ рукописей вообще нѣтъ резона приглашать распознавателей, такъ же какъ для рѣшенія вопросовъ о дѣйствительности акта неумѣстно звать сличителей. Если, по недоразумѣнію, распознаватели были приглашены, то имъ слѣдовало объявить, что никакой мотивировки ихъ заключенія отъ нихъ не ждутъ и *не примутъ*, но желаютъ только знать, какое впечатлѣніе сходства произведутъ на нихъ предъявленныя имъ рукописи. Пользы отъ ихъ отвѣта было-бы, конечно, мало, но не оказалось бы и вреда, потому что послѣ ихъ отвѣта неизбѣжно пришлось бы обратиться къ изслѣдованію не черезъ опытныхъ, а черезъ знающихъ людей.

Персифоръ Фрэзеръ **) совершенно справедливо опредѣляетъ различіе характеровъ дѣятельности распознавателей и сличителей при изслѣдованіи рукописей. Распознаватели обращаютъ вниманіе на то, на что обращалъ вниманіе и самъ поддѣлыватель, т. е. на сходство буквъ по рисунку, тогда какъ сличители занимаются лишь тѣми элементами почерка, о существованіи которыхъ поддѣлыватель не подозрѣвалъ, т. е. на особенности построенія письма. Отсюда понятно, что если для экспертизы поддѣланной рукописи будутъ приглашены, совмѣстно, распознаватель и сличитель, они *непремѣнно* придутъ къ заключеніямъ прямо противуположнымъ, какъ это и случилось въ дѣлѣ довѣрительныхъ надписей Добродѣева.

Само по себѣ разногласіе въ заключеніяхъ распознавателя и сличителя для суда очень полезно; нужно только умѣть дать ему надлежащую оцѣнку.

Въ самомъ дѣлѣ, если при экспертизѣ подписей, подозрѣваемыхъ подложными,

1) распознаватель утверждаетъ сходство, а сличитель несход-

---

*) О. А. Кучинскій и нынѣ состоитъ судебнымъ слѣдователемъ 12 уч. гор. С.-Петербурга. Случай этотъ удостовѣренъ протоколомъ, имѣющимся при дѣлѣ.

**) l. c.

ство почерковъ (первый по впечатлѣнію, второй по анализу), это доказываетъ наличность копированія, съ достиженіемъ внѣшняго успѣха.

2) распознаватель не находитъ сходства, тогда какъ сличитель утверждаетъ противное; разногласіе указываетъ на успѣшное измѣненіе писавшимъ своего почерка по внѣшнему виду (умышленное или болѣзненное).

Наоборотъ, когда между распознавателемъ и сличителемъ оказывается согласіе по вопросу о сходствѣ экспертируемыхъ подписей, судъ не въ состояніи сдѣлать никакого прямого вывода изъ ихъ согласнаго заключенія; оно получаетъ смыслъ только для освѣщенія другихъ данныхъ по дѣлу.

Объяснить послѣднее не трудно. Сходство признаваемое обоими экспертами, даетъ мѣсто цѣлому ряду предположеній, одинаково вѣроятныхъ: 1) нѣтъ ни поддѣлки ни измѣненія, т. е. подпись сдѣлана тѣмъ самымъ лицомъ, которому приписывается; 2) поддѣлка совершена не ручнымъ способомъ, сохраняющимъ, какъ это понятно, сходство и по внѣшнему виду и по построенію; 3) сходство достигнуто *медленнымъ* копированіемъ, послѣ продолжительной трэнировки руки (послѣднее необходимо для того, чтобы избѣжать слѣдовъ такъ называемаго „рисованія"); 4) подпись сдѣлана близкимъ кровнымъ родственникомъ лица, которому приписывается, напр. братомъ, сыномъ, отцомъ (случаи очень часто встрѣчающіеся въ практикѣ); у такихъ родственниковъ сходство *въ построеніи* бываетъ почти всегда, а часто къ нему присоединяется и сходство внѣшнее.

При *несходствѣ*: 1) Требованіе по документу адресовано ошибочно, напр. къ однофамильцу сдѣлавшаго подпись; 2) подлогъ совершенъ безъ копированія (часто случается въ коммерческомъ мірѣ, когда ставятъ чужой бланкъ на векселѣ для учета, съ надеждой выкупить въ срокъ); 3) неудачное копированіе скорописью, безъ достиженія той степени сходства съ копируемымъ образцомъ, которые достаточны для общаго впечатлѣнія; 4) очень искусное измѣненіе своего почерка, возможное при продолжительной трэнировкѣ руки, соединенной съ основательнымъ изученіемъ почерковъ своего и копируемаго.

Кромѣ приведенныхъ, существуетъ еще множество другихъ предположеній. Такимъ образомъ, разногласіе между распознавателемъ и сличителемъ является болѣе положительнымъ результатомъ ихъ совмѣстной работы, чѣмъ согласіе въ приговорахъ.

Судъ обращается, одинаково, къ распознавателю и къ сличителю съ увѣщаніемъ „говорить только одну правду, памятуя и проч.", забывая, что правды этихъ лицъ не одинаковы. Вообще въ судебномъ процессѣ налицо три разныя правды: правда свидѣтеля, правда эксперта и правда судьи.

Положимъ, для примѣра, что разсмотрѣніи суда подлежитъ во-

просъ о томъ, земля-ли вращается вокругъ солнца или, наоборотъ, солнце около земли? Допрашивается свидѣтель:

„Я видѣлъ вчера“, говоритъ онъ, „что солнце *вышло* изъ-за лѣса, *прошло* по небу и *опустилось* вечеромъ въ море“.

Такова правда свидѣтеля и распознавателя (вообще, „*опытнаго*“ лица). Вызывается экспертъ *свѣдущее* лицо; онъ видѣлъ, конечно, то самое, что свидѣтель, показывать-же обязанъ не о томъ лишь, что видѣлъ, но объяснить явленіе, сообразивъ съ другими, имѣющими съ ними связь.

— „Не солнце двигалось по небу“, показываетъ экспертъ, „но земля вращалась вокругъ оси, доказательствомъ чему служатъ“... и т. д.

Передъ судьей двѣ правды, одна другую исключающія. Яркое, лѣтнее солнце слѣпитъ судьѣ глаза, отражаясь отъ лежащей на столѣ бѣлой бумаги; оно мѣшаетъ ему писать, мѣшаетъ смотрѣть... Но,— въ законѣ ясно сказано, что солнца совсѣмъ нѣтъ и быть не должно; судья, вопреки показаніямъ свидѣтеля и эксперта, вопреки показаніямъ собственныхъ глазъ и разсудка, создаетъ третью правду: принимая во вниманіе, что, на основаніи ст. ст. такихъ-то, солнце не существуетъ, судъ постановилъ и проч...

Практикой нашихъ судовъ принято, въ подобныхъ случаяхъ, „въ виду разногласія экспертовъ“, требовать заключеніе отъ другихъ свѣдущихъ людей...

Постоянное требованіе судомъ отъ распознавателей почерковъ мотивированныхъ заключеній внесло большую путаницу въ дѣло пользованія экспертизой документовъ. Наиболѣе яркій примѣръ представляетъ дѣло Дрейфуса: въ стремленіи придать характеръ научности своимъ приговоромъ, распознаватели доходили до нелѣпостей невѣроятныхъ и въ этомъ отношеніи первымъ былъ Бертильонъ *), заставившій слушателей подвергнуть сомнѣнію нормальность его душевнаго состоянія. Допытываться отъ распознавателя почему именно почерки производятъ на него впечатлѣніе сходства или несходства такъ же странно, какъ заставлять человѣка объяснить причины, по которымъ одна пища ему кажется вкусной, а другая невкусной. Кромѣ *да* или *нѣтъ* отъ распознавателя ничего нельзя требовать; при этомъ должно самымъ рѣшительнымъ образомъ противиться употребленію этимъ экспертомъ увеличительныхъ стеколъ потому, что ограничивая поле зрѣнія, такія стекла

---

*) Бертильонъ представилъ *планъ* экспертизы: крѣпость съ бастіонами, траншеями и проч. въ центрѣ которой посаженъ Дрейфусъ. Эксперты осаждаютъ крѣпость, закладывая параллели и, въ концѣ концовъ гарнизонъ сдается!!! Вообще, въ заключеніи Бертильона оказалось такъ много „странностей“, что въ засѣданіи 4 іюля 1899 г. парижскій муниципальный совѣтъ обсуждалъ вопросъ, о томъ, можетъ ли Бертильонъ отправлять свои обязанности директора антропометрическаго бюро или его слѣдуетъ устранить, какъ больного!

отвлекаютъ его къ деталямъ почерка, тогда какъ нужно только общее впечатлѣніе. *) Увеличительное стекло въ рукахъ распознавателя—великое зло и ему, въ значительной мѣрѣ, мы обязаны плачевнымъ состояніемъ экспертизы документовъ.

Употребленіе распознавателями увеличительныхъ стеколъ имѣетъ и другія серьезныя неудобства, помимо того, что склоняетъ ихъ къ разсматриванію подробностей. Какъ уже сказано, поле зрѣнія при употребленіи лупы очень ограничено: мы видимъ одну или двѣ буквы. Поэтому, для сравненія двухъ одноименныхъ буквъ или знаковъ, экспертъ долженъ переносить свою лупу на другое мѣсто рукописи и даже на другую рукопись, на что потребуется время вполнѣ достаточное для того, чтобы забыть подробности первой буквы. Актъ сличенія состоитъ въ накладываніи одного зрительнаго впечатлѣнія на другое, въ совмѣщеніи впечатлѣній не въ сферѣ образовъ воспоминаній, но на концевой (периферической) части зрительнаго органа. Точныя наблюденія лейпцигской психометрической лабораторіи доказали, что зрительное впечатлѣніе сохраняется на сѣтчаткѣ не болѣе 0,073 секунды, послѣ чего передается соотвѣтствующему мозговому центру и замѣщается новымъ **) Самое быстрое перенесеніе лупы требуетъ болѣе чѣмъ 0,073 секунды; отсюда слѣдуетъ, что въ то время, когда разсматривается новая буква, предъидущій образъ необходимо снова вызвать изъ области воспоминаній. Провѣрить невозможность возстановленія съ полной точностью разъ исчезнувшаго съ периферіи образа очень легко; для этого стоитъ показать самому опытному сличителю фигуру (букву) на бумагѣ и, затѣмъ, пригласить его начертить ту же фигуру на память; получится нѣчто совсѣмъ непохожее.

Къ какимъ поразительнымъ ошибкамъ приводитъ сличеніе при по-

---

*) Различія между *мнѣніемъ* и *заключеніемъ* судебные дѣятели не вѣдаютъ: зачастую изрѣченіе каллиграфа именуется заключеніемъ, а изслѣдованіе судебнаго врача—мнѣніемъ! Любопытно, что это смѣшеніе понятій усматривается и въ судебныхъ уставахъ, т. е. иногда употребляется слово мнѣніе, а иногда—заключеніе. Еще Платонъ училъ, что „мнѣніе (δόξα) не такъ точно какъ заключеніе (πιστις), но болѣе точно чѣмъ догадка (εικασια)". Слово „мнѣніе" приложимо, напримѣръ, къ показанію „опытныхъ" людей, тогда какъ свѣдущіе люди даютъ „заключеніе". Мнѣніе получается путемъ простого воспріятія явленія внѣшними чувствами, а заключеніе даетъ „то, что истинно", посредствомъ перехода отъ идей къ идеямъ ειδεσιυ αὐτὸις, διάυτῶυ εις αύτα). Для установленія мнѣнія не требуется никакой науки; никакія искусственныя правила не могутъ сдѣлать мнѣніе болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ каково оно само по себѣ. Мнѣніе „опытнаго" лица должно быть результатомъ чистой интуиціи и даже не такъ называемымъ „мгновеннымъ умозаключеніемъ" вродѣ, напримѣръ, оцѣнки разстоянія.

**) Цифра эта получена путемъ многочисленныхъ опытовъ и наблюденій, помощью самыхъ точныхъ хроноскоповъ. Для уясненія физической невозможности сличать почерки при помощи лупы, можно рекомендовать весьма интересныя статьи въ журналѣ лейпцигской лабораторіи „Philosophische Studien", а также въ The Mind. 1888, № 1; Cattel. Psychological Laboratory of Leipzig и Kibot: De la durée des actes psychol (Psychologie Allemande).

Къ стр. 137.

Сличеніе и распознаваніе почерковъ

(по дѣлу и подлогѣ довѣренностей Добродѣева).

Буквы почерка Богомолова.

Буквы почерка подложныхъ довѣренностей.

Съ рукописей Богомолова и съ подложныхъ довѣренностей были сдѣланы фотографическіе снимки, вырѣзаны **тѣ самыя буквы, которыя эксперты находили поразительно сходными между собою** и, затѣмъ, буквы эти наклеены рядомъ (на лѣвой сторонѣ буквы почерка Богомолова, на правой почерка подложныхъ довѣренностей).

мощи лупы, можно видѣть изъ разсказаннаго выше дѣла о подлогѣ довѣренностей Добродѣева. Сличая почеркъ подложныхъ довѣренностей съ почеркомъ Б., потерпѣвшій, слѣдователь и три опытнѣйшихъ эксперта пришли къ заключенію о полномъ сходствѣ почерковъ и отмѣтили 9 буквъ особенно сходныхъ. Прилагаются точные фотографическіе снимки этихъ буквъ:

На лѣвой сторонѣ буквы почерка Б., на правой буквы довѣренностей; эксперты находили, первоначально, чрезвычайное сходство между буквами лѣвой и правой стороны, но когда буквы были поставлены рядомъ, они не повѣрили, что это точные снимки съ тѣхъ же самыхъ буквъ и произвели повѣрку.

По той же причинѣ нельзя предлагать распознавателю оперировать съ рукописями, вшитыми въ разныя мѣста тетради „дѣла“: слишкомъ ужъ великъ промежутокъ времени между зрительными впечатлѣніями. Поступать такимъ образомъ, значитъ идти на встрѣчу ошибкѣ. Мнѣ много разъ приходилось быть свидѣтелемъ, что эксперты-распознаватели находили сходство въ почеркахъ рукописей вшитыхъ въ дѣло, а потомъ когда имъ давали тѣ же самыя рукописи вынутыми изъ „дѣла“, они сами изумлялись своему приговору.

Не менѣе вредно давать распознавателямъ фотографическія увеличенія сравниваемыхъ подписей: эти увеличенія, такъ же какъ и употребленіе лупы, уменьшаютъ поле зрѣнія и выдвигаютъ подробности весьма интересныя для сличителя, но совсѣмъ не нужныя для распознавателя. Важно уловить только то, что принято называть характеромъ почерка, опредѣляемымъ совокупностью всѣхъ его элементовъ. Фотографическія увеличенія безусловно необходимы для сличителей; что же касается распознавателей, я предложилъ бы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, давать имъ даже уменьшенныя изображенія, напр. когда сравниваются не однѣ подписи, но цѣлыя рукописи. Такіе уменьшенные снимки, скрывая мелкія подробности построенія почерка, даютъ возможность легче обозрѣть всю рукопись сразу и тогда впечатлѣніе сходства или несходства окажется гораздо полнѣе.

Допросъ распознавателей обязательно производить въ залѣ засѣданія суда (если это возможно), а не отсылать ихъ въ особую комнату; ясно, что чѣмъ меньше времени будетъ дано распознавателю на разсматриваніе рукописей, тѣмъ непосредственнѣе будетъ его мнѣніе, тѣмъ меньше оно будетъ зависѣть отъ подробностей и уклоненій почерка, а это все, что отъ него требуется.

Мнѣніе распознавателя, въ извѣстныхъ случаяхъ очень полезное для суда само по себѣ, теряетъ всякое значеніе если оно не свободно отъ вліянія детальнаго разсматриванія почерковъ; тогда оно перестаетъ быть мнѣніемъ распознавателя, не дѣлаясь, однако, заключеніемъ изслѣдователя.

Англійскій законъ поступаетъ правильно, совсѣмъ не признавая особыхъ экспертовъ-распознавателей и предпочитая обращаться къ свидѣтелямъ, знакомымъ съ почеркомъ лица, чья рукопись подлежитъ экспертизѣ. Эти свидѣтели не подумаютъ разбираться въ подробностяхъ почерка, тогда какъ у профессіоналовъ-распознавателей, часто привлекаемыхъ къ производству экспертизы, такая вредная привычка возрастаетъ вмѣстѣ съ практикой.

Эксперту-сличителю необходимо быть знакомымъ съ подробностями того гражданскаго или уголовнаго дѣла, по которому онъ призванъ произвести графическое изслѣдованіе; эксперта-распознавателя нѣтъ никакой надобности посвящать въ эти подробности, потому что знаніе ихъ не останется безъ вліянія но его мнѣніе о сходствѣ или несходствѣ. Первый дѣйствуетъ съ объективными данными, значеніе которыхъ не всегда ясно безъ соображенія съ обстоятельствами дѣла; второй высказываетъ только свое субъективное мнѣніе, которое тѣмъ дороже, чѣмъ свободнѣе отъ всякихъ постороннихъ давленій. Лучше всего было бы предъявлять распознавателямъ не самые документы, но фотографическіе снимки тѣхъ мѣстъ рукописей, о которыхъ имъ предстоитъ высказаться. Въ 1890 году одинъ изъ судебныхъ слѣдователей Спб. окружнаго суда *) произвелъ, по моему совѣту, слѣдующій опытъ. Оспаривалась подпись подъ векселемъ купца П. и въ коммерческомъ судѣ эксперты признали подпись несходною съ несомнѣнными, *а потому* подложною. Когда дѣло поступило къ судебному слѣдователю, пришлось вызвать тѣхъ же самыхъ экспертовъ, но, прежде чѣмъ предъявить имъ заподозрѣнный документъ и несомнѣнныя рукописи П., слѣдователь распорядился сдѣлать фотографическіе снимки съ подписей, какъ заподозрѣнныхъ, такъ и всѣхъ несомнѣнныхъ (всего 22 подписи) и наклеить ихъ на отдѣльныя карточки; затѣмъ, вся эта колода картъ была вручена экспертамъ съ просьбой найти ту подпись, которую они въ коммерческомъ судѣ признали подложною. Послѣ очень долгаго разсматриванія, эксперты указали, какъ подложную, подпись П. на нотаріальномъ актѣ, подлинность котораго не подлежала никакому сомнѣнію. Этимъ опытомъ я хотѣлъ показать наглядно, къ чему способны привести вылазки гг. распознавателей въ область изслѣдованія почерковъ и какую цѣну слѣдуетъ придавать формулѣ „несходна, *а потому* подложна!“

Различіе задачъ экспертовъ-сличителей и экспертовъ-распознавателей естественно выдвигаетъ вопросъ — имѣются ли въ распоряженіи суда средства для того, чтобы опредѣлить къ какому классу слѣдуетъ отнести данное лицо — къ распознавателямъ или сличителямъ? Кого слѣдуетъ вызывать для распознаванія почерковъ и кого для изслѣдо-

*) Баронъ К. А.Раушъ фонъ-Траубенбергъ.

ванія? Каждый каллиграфъ или граверъ выдаетъ себя за свѣдущее въ почеркахъ лицо, могущее не только установить фактъ сходства или несходства почерковъ, но и объяснить причины того или другого. Никакое ученое учрежденіе не удостовѣряетъ чье нибудь знаніе въ области изслѣдованія письменной рѣчи; изслѣдованіе почерковъ какъ промыселъ тоже не существуетъ, если не считать непригодной для судебной экспертизы психографологіи!

По моему мнѣнію, наиболѣе удачнымъ разрѣшеніемъ этого важнаго вопроса было бы такое: оставивъ *распознаваніе* граверамъ, каллиграфамъ и т. п. лицамъ (можно даже приглашать типографовъ и литографовъ), поручать экспертизу сличенія исключительно врачамъ-невропатологамъ.

Мнѣніе это я основываю на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1) Хотя врачи невропатологи рѣдко интересуются физіологіей и патологіей письменной рѣчи, но въ случаѣ обращенія къ нимъ требованія суда по *изслѣдованію* почерковъ, они, по крайней мѣрѣ, не станутъ вводить его въ заблужденіе разными „пламевидными“ штрихами *), но постараются посовѣтоваться съ книгами, трактующими о нормальныхъ и болѣзненныхъ почеркахъ.

2) Постоянными приглашеніями врачей невропаталоговъ для анализа почерка, судъ вынудитъ ихъ изучить эту отрасль судебной медицины и, такимъ образомъ, создастъ постоянный контингентъ свѣдущихъ въ изслѣдованіи рукописей людей, знанія которыхъ удостовѣрены университетомъ или медицинской академіей.

3) Такой экспертъ, представляя суду свое заключеніе, укажетъ связь между наблюденіями и выводами, на что положительно неспособны гг. каллиграфы, граверы и др. малообразованные люди, вообще непривычные къ какимъ бы то ни было систематическимъ изслѣдованіямъ.

Послѣднее соображеніе кажется мнѣ особенно убѣдительнымъ. Для чего требуется судомъ отъ эксперта мотивированное заключеніе? Конечно для того, чтобы судьи могли войти въ оцѣнку правильности логическихъ построеній эксперта, законности перехода отъ сопоставленія наблюденныхъ фактовъ къ окончательному выводу. Эксперты каллиграфы тоже даютъ мотивированныя заключенія, но эти послѣднія отличаются отъ немотивированныхъ тѣмъ только, что требуютъ больше бумаги для письменнаго изложенія. Не все ли равно, скажетъ ли экспертъ просто „подпись подложна“ или добавитъ, что подложною онъ считаетъ *потому*, что петля или росчеркъ у такой то буквы идетъ не вверхъ, а внизъ? Для суда останется тайной, въ силу чего

*) До „пламевидныхъ“ штриховъ додумались эксперты въ Минскѣ, по дѣлу Нохима Барона, въ 1898 г.

то или другое направленіе петли или росчерка должно служить признакомъ подложности, а не подлинности подписи? Врачъ, имѣющій свѣдѣнія въ механикѣ письма, доложитъ суду, что строеніе руки лица, писавшаго рукопись А, поскольку строеніе это опредѣляется почеркомъ рукописи, не позволяло этому лицу вывести твердою рукою штрихъ, усмотрѣнный въ рукописи Б. и, въ доказательство, дастъ суду основанныя на вполнѣ научныхъ данныхъ объясненія.

Кстати прибавлю, что побудивъ врачей невропаталоговъ изучать письмо, судъ окажетъ услугу не только правосудію, но и вообще человѣческому знанію. Очень многіе вопросы исторіи могли бы быть легко и съ несомнѣнностью разрѣшены изученіемъ почерка того или другого лица въ отношеніи его нормальности или болѣзненности. Развѣ въ нескончаемомъ спорѣ о Дмитріѣ Самозванцѣ не явился бы цѣннымъ положительный выводъ сравнительно—научнаго изслѣдованія почерка этого загадочнаго лица съ почеркомъ Грознаго царя, если бы этимъ выводомъ было установлено, что большая часть основныхъ элементовъ почерковъ *) совпадаетъ или что одинаковыхъ основныхъ элементовъ въ сравниваемыхъ почеркахъ совсѣмъ нѣтъ? Можно указать множество такихъ же вопросовъ изъ области антропологіи, этнографіи, филологіи и др. родственныхъ наукъ.

Существуютъ защитники каллиграфической экспертизы не только какъ орудія распознаванія почерковъ, но и какъ средства изслѣдованія. Такіе защитники ссылаются, обыкновенно, на удачные отвѣты учителей чистописанія, напр. по дѣлу игуменьи Митрофаніи, князя Долгорукаго и др. Если бы въ судахъ принято было рѣшать дѣла о подлогахъ при помощи раскладыванія гранъ-пасьянса, то и тогда, разумѣется, были бы случаи удачи—но, развѣ эти случаи доказывали бы пригодность гранъ-пасьянсной экспертизы?

Положимъ, для примѣра, что выводы каллиграфической экспертизы основываются на слѣдующихъ наблюденіяхъ **).

1. Въ начертаніи буквы *у* въ подлинной подписи и подложной явствуетъ разница.

2. Въ твердомъ знакѣ *ъ* въ подложной подписи окончаніе идетъ двумя волнообразными поворотами внизъ, а въ подлинной сперва внизъ, а потомъ вверхъ и наружу.

3. Буква *в* соединена съ *ѣ*, и таже буква въ подлинной подписи не соединена.

И такъ далѣе, въ томъ же родѣ.

---

*) *Основные* элементы, какъ будетъ объяснено далѣе, зависятъ только отъ физическихъ особенностей пишущаго.

**) Примѣръ взятъ изъ дѣла о подлогѣ духовнаго завѣщанія Г—ва. См. статью Н. А. Козлова въ „Фотографическомъ Ежегодникѣ“ Дементьева на 1895 г.

Для того, чтобы усмотрѣть всѣ эти волнообразные повороты и соединенія между буквами, не надо быть экспертомъ, свѣдущимъ лицомъ. Это, если хотите, совсѣмъ не экспертиза, а осмотръ. Отвѣтъ свѣдущихъ людей сошелся съ обстоятельствами дѣла, но это объясняется не достоинствомъ изслѣдованія, а тѣмъ, что экспертиза производилась, когда подложность документа безповоротно была доказана слѣдствіемъ.

Доказываютъ-ли замѣченныя различія, сами по себѣ, что нибудь? Изъ чего видно, что тотъ, чья подпись поддѣлана, долженъ былъ написать такъ, а не иначе, а поддѣлыватель не могъ повторить тѣ же пріемы? Странно, въ самомъ дѣлѣ; человѣкъ желаетъ скопировать букву Ъ, имѣющую окончаніе двумя волнообразными поворотами, а рисуетъ что-то совсѣмъ другое; въ подлинникѣ поперечина у буквы Г идетъ сверху внизъ, а копирующій дѣлаетъ ее, словно нарочно, снизу вверхъ! Предполагать, что поддѣлыватель не хотѣлъ получить точную копію оригинала—было бы нелѣпо; значитъ надо думать, что онъ не могъ, при всемъ желаніи, воспроизвести точно такія же буквы, но вынужденъ былъ дѣлать отступленія. Представьте себѣ, что человѣкъ съ короткими ногами идетъ по слѣдамъ человѣка съ длинными ногами; понятно, что нѣкоторыя движенія послѣдняго не удадутся первому, напр., черезъ канаву длинноногій перешагнулъ, а коротконогому приходится перескочить. То же самое и въ почеркѣ, вполнѣ зависящемъ отъ анатомическихъ особенностей пишущаго: одинъ легко дѣлаетъ какое-нибудь закругленіе, а у другого на этомъ же мѣстѣ выйдетъ уголъ. Но, тогда *различія пріемовъ можно прослѣдить на пространствѣ всей изслѣдуемой рукописи*, т. е. *повсюду* закругленія замѣнятся углами, буквы въ одинъ пріемъ *повсюду* окажутся въ два пріема (недостатокъ напряженія руки у поддѣлывателя) и т. п. Если, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, поддѣлывателю и удастся сдѣлать насиліе надъ своимъ почеркомъ, то закругленіе выйдетъ рисованное, буквы въ одинъ пріемъ обнаружатъ переломы и дрожаніе въ восходящихъ линіяхъ и проч. Собравъ всѣ такія наблюденія, *связанныя одной общей идеей* вы получите наглядное доказательство, что поддѣлыватель *не могъ* писать такъ какъ хотѣлъ и *потому* получилось несходство.

Возьмемъ примѣръ въ томъ же протоколѣ экспертизы. „Нижняя часть буквы Д, говорятъ эксперты, въ подложной подписи, въ словѣ Владиміръ, закруглена, а въ подлинной угловато загнута вверхъ и внизъ“. Это наблюденіе наводитъ на мысль, что поддѣлывателю свойственно дѣлать закругленія въ буквахъ, а если это такъ, то необходимо изслѣдовать въ подписяхъ *всѣ* закругленія и углы, для того чтобы убѣдиться, что несходство замѣченное въ буквѣ Д. *не случайное. Только тогда наблюденіе имѣетъ цѣну*, а безъ того оно ничего доказывать не можетъ. Отъ *свѣдущихъ* въ почеркахъ людей

ожидается не только указаніе на факты, но освѣщеніе фактовъ, объясненіе связи между ними, тогда какъ отъ „опытныхъ" людей можно требовать лишь отчетъ о впечатлѣніи, какое произвели на нихъ сличаемые почерки.

Принимая выводъ, сдѣланный экспертами изъ ихъ наблюденій придемъ къ слѣдующему невозможному положенію:

Въ подложной подписи.	*Въ подлинной подписи.*
стр. 140—Нижняя часть буквы *д закруглена.*	*угловата.*
стр. 142—Буква С *острая.*	*закруглена.*
стр. 142—Буква н писана въ *1 пріемъ.*	въ *два* пріема.
стр. 143—Буква н писана въ *2 пріема.*	въ *одинъ* пріемъ.
стр. 140—Буква *в соединена* съ слѣдующей.	*не соединена.*
стр. 142—Буква *о не соединена* съ слѣдующей.	*соединена.*

Гдѣ надо закруглить, поддѣлыватель заострялъ, а гдѣ надо заострить, тамъ закруглялъ; если буква подлинника въ 1 пріемъ, то онъ писалъ въ 2 пріема, а если тамъ 2 пріема, то онъ на зло дѣлалъ только одинъ пріемъ; гдѣ соединено, тамъ онъ не соединялъ, а гдѣ не соединено, тамъ соединялъ и проч. и проч... Большой руки шутникъ былъ этотъ поддѣлыватель!

Изъ всего этого ясно, что гг. эксперты представили протоколъ осмотра подписей, а заключеніе сдѣлали не на основаніи наблюденій, а по другимъ соображеніямъ.

Возьму еще, для примѣра, экспертизу почерковъ, произведенную судебнымъ фотографомъ въ лабораторіи при прокурорѣ Спб. судебной палаты, при помощи фотографическихъ увеличеній. Вотъ протоколъ экспертизы полностью:

«1895 года, октября 7 дня, въ судебно-фотографической лабораторіи, учрежденной при Прокурорѣ С.-Петербургской Судебной Палаты присяжнымъ фотографомъ произведено судебно-фотографическое изслѣдованіе документовъ, доставленныхъ 1 гражданскимъ Департаментовъ Виленской Судебной Палаты: 1) подписи отъ имени графа на условіи отъ 31 Іюля 1892 года $\left[\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. а,}}\ \frac{\text{№ 1}}{\text{лит. б,}}\ \frac{\text{№ 1}}{\text{лит. в,}}\ \frac{\text{№ 1}}{\text{лит. г,}}\ \frac{\text{№ 1}}{\text{лит. д,}}\right]$. 2) Подписи графа на проэктѣ купчей крѣпости отъ 27 Іюля 1892 года, совершенной въ конторѣ Минскаго Нотаріуса Фотинскаго $\left[\frac{\text{№ 11}}{\text{лит. а.}}\right]$. 3) Бланковой подписи графа К. на оборотѣ векселя отъ 31 Іюля 1892 года на 1000 р., выданнаго мѣщаниномъ Б. $\left[\frac{\text{№ 3}}{\text{лит. а}}\right]$. 4) Подписи отъ имени графа К. на условіи отъ 31 Іюля 1892 года $\left[\frac{\text{№ 18}}{\text{лит. а}}\right]$. 5) Подписи графа К. отъ 23

Апрѣля 1893 года на довѣренности, выданной Присяжному Повѣренному П. $\left[\frac{\text{№ V}}{\text{лит. а}}\right]$. — Вышепоименованные документы были фотографированы на обыкновенномъ фотографическомъ аппаратѣ.—Негативы были изготовлены бромо-серебряно коллiоннымъ способомъ Д-ра Альберта при электрическомъ свѣтѣ двухъ вольтовыхъ дугъ при напряженiи въ 40 вольтъ и 20 амперъ; въ коллодiй прибавлено красящее вещество подъ Лит. «Р», причемъ при сниманiи употребленъ объективъ Росса «rapid simmetrical» 22×18 со второю дiафрагмою.—Засимъ снимки воспроизведены проэкцiоннымъ аппаратомъ системы Истмена, освѣщеннымъ электрическою дугою въ 5 амперъ при 40 вольтахъ, свѣтъ которой проходилъ чрезъ конденсаторъ, послѣ чего на бромо-серебряной бумагѣ Ильфорда изготовлены оттиски, увеличенные до 120 разъ (квадратно). Полученные снимки наклеены на картонъ и снабжены №№ и штемпелемъ лабораторiи и подписью присяжнаго фотографа. — При сличенiи означенныхъ снимковъ усмотрѣно: 1) Буква «р» въ словѣ «Графъ» въ заподозрѣнной подписи отъ имени Графа на условiи отъ 31 Iюля 1892 года $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. б.}}$ имѣетъ на себѣ явственные признаки рисованности, а именно: въ нижней своей части означенная буква «р» кончается двумя штрихами: $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. б.}}$, (1) болѣе полнымъ штрихомъ и $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. б.}}$ (2) болѣе свѣтлымъ штрихомъ. 2) Буква «ъ» въ словахъ «Графъ» въ заподозрѣнной подписи отъ имени Графа К. $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. а.}}$, $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. б.}}$, $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. в.}}$, $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. г.}}$, $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. д.}}$, $\frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$, написана каллиграфически правильнѣе, нежели та же буква «ъ» во всѣхъ несомнѣнныхъ подписяхъ Графа К. $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. а}}$, $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$, $\frac{\text{№ V}}{\text{лит. а}}$, а именно: въ заподозрѣнной подписи отъ имени Графа буква «ъ» въ словѣ «Графъ» написана такъ: $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. а}}$, (3), $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. б}}$ (4) |ъ|, а въ словѣ К. въ той же подписи такъ |ъ| $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. а}}$ (6) $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит.}}$ (?) (5). Во всѣхъ же несомнѣнныхъ подписяхъ своихъ Графъ Кейзерлингъ пишетъ букву «ъ» такимъ образомъ $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. а}}$, (7) |ъ| $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ (8) |ъ| $\frac{\text{№ 5}}{\text{лит. а}}$ (9) |ъ|. 3) Прописная буква «К.» въ словѣ въ заподозрѣнной подписи отъ имени Графа на условiи отъ 31 Iюля 1892 г. явно рисована, на что указываютъ слѣдующiя данныя: означенная буква «К» написана сперва такъ: $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. а,}}$ $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. в}}$, $\frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$, «К.», а затѣмъ уже она перерисована такимъ образомъ «К», то есть несомнѣнно буква эта написана въ три прiема. Между тѣмъ во всѣхъ безъ исключенiя заподозрѣнныхъ подписяхъ Графа та же буква «К.» всегда написана въ два прiема $\frac{\text{№ 11}}{\text{лит. а}}$, (10) «V» $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$, (11) «Iг.» $\frac{\text{№ V}}{\text{лит. а}}$ (12) «К» кромѣ того Графъ пишетъ букву «К» съ крючкомъ въ верхней ея половинѣ, а не безъ крючка, какъ она написана въ заподозрѣнной подписи «К». 4) Подписывая свою фамилiю связываетъ прописную букву «К» въ словѣ съ послѣдующей буквою «е» $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. а}}$, $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$, (12) $\frac{\text{№ V}}{\text{лит. а}}$, (14), въ заподозрѣнной же подписи отъ имени Графа прописная буква «К» съ буквою «е» $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. а}}$ (15) $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. в}}$ (16), $\frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$ (17) не связана 5). Графъ въ несомнѣнныхъ своихъ под-

писяхъ не выписываетъ свою фамилію $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. а}}$, $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$, $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. д}}$, $\frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$, въ заподозрѣнной же подписи фамилія Графа К. выписана цѣликомъ. $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. а}}$, $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. д}}$, $\frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$, явно указываютъ на привычку его безъ росчерка не подписываться, въ заподозрѣнной же подписи отъ имени Графа К. (на условіи отъ 31 Іюля 1892 г. $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. а}}$, $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. б}}$] росчеркъ отсутствуетъ $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. а}}$, $\frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$. На основаніи всего вышеизложеннаго присяжный фотографъ пришелъ къ убѣжденію въ томъ, что подпись отъ имени Графа К. на условіи отъ 31 Іюля 1892 г. $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. а}}$, $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. б}}$, $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. в}}$, $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. г}}$, $\frac{\text{№ 1}}{\text{лит. д}}$ $\frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$, безъ всякаго сомнѣнія учинена не имъ, графомъ Гуго Карловичемъ, а кѣмъ либо другимъ и въ значительной мѣрѣ отличается отъ несомнѣнныхъ подписей Графа К. Присяжный фотографъ при Прокурорѣ С.-Петербургской Судебной Палаты А. Малевинскій.

Нужно сказать, что въ дѣлѣ К. съ Б., какъ и во всѣхъ дѣлахъ этого рода, предстояло рѣшить, подделалъ ли *еврей* Б. подпись *графа* К. или гр. К. умышленно измѣнилъ свою подпись. Экспертъ не уполномоченъ входить въ соображенія генеалогическія и этнографическія и для него оба предположенія должны быть одинаково вѣроятны; онъ имѣетъ дѣло съ почеркомъ, а не съ людьми.

Экспертъ могъ ограничиться послѣдними строками, т. е заявить безъ всякихъ объясненій, что онъ убѣжденъ въ подложности подписи К. Въ самомъ дѣлѣ, какой матерьялъ даютъ для суда усмотрѣнныя экспертомъ различія въ буквахъ? Вѣдь, какъ ни повернуть дѣло — т. е. поддѣлалъ ли Б. подпись К. или этотъ послѣдній самъ старался измѣнить почеркъ — различія въ фигурахъ буквъ должны быть во всякомъ случаѣ. Одинаково вѣроятно, что Б. (поддѣлыватель) неудачно скопировалъ букву К. и то, что гр. К. очень удачно написалъ букву не такъ, какъ пишетъ ее обыкновенно. Связи между наблюденіями и выводомъ не сдѣлано; подъ тѣмъ же протоколомъ, ничего въ немъ не измѣняя кромѣ вывода, позволительно написать: „*на основаніи всего вышеизложеннаго,* экспертъ пришелъ къ убѣжденію, что подпись отъ имени гр. К. на условіи, *безъ всякаго сомнѣнія* учинена имъ, графомъ К., съ желаніемъ скрыть свой обычный почеркъ“.

Я не вижу, почему послѣднее заключеніе менѣе логично вытекаетъ изъ содержанія протокола, чѣмъ первое?

По существу, это „изслѣдованіе“ не отличается отъ изслѣдованія экспертовъ-каллиграфовъ. Вся первая, фотографическая часть (число вольтовъ и амперовъ, прохожденіе свѣта черезъ конденсаторъ и пр.), никакого отношенія къ достоинству вывода не имѣетъ; она совершенно излишня для оцѣнки экспертизы. Не трудно понять, что верхній крючокъ какой - нибудь буквы К. фотографируемой подписи выйдетъ такимъ же

крючкомъ и на снимкѣ, независимо отъ того, сколько было вольтъ и амперъ или отъ того, проходилъ ли свѣтъ черезъ конденсаторъ или не проходилъ (кстати замѣчу, что иначе свѣтъ и не могъ проходить, слѣдовательно, упоминаніе о томъ излишне). Всѣ эти подробности, ни для чего ненужныя при простыхъ увеличеніяхъ (а для діагноза онѣ, наоборотъ, слишкомъ недостаточны и неопредѣленны), способствуютъ, однако, тому, что судьи видятъ въ заключеніи фотографа не то, что оно есть въ дѣйствительности, т. е. не обыкновенную каллиграфическую экспертизу, а нѣчто большее, научно обоснованное и потому вынуждены отдавать ей предпочтеніе передъ равноцѣнными, но болѣе скромными по формѣ, заключеніями экспертовъ-каллиграфовъ. Очень печально. По этому дѣлу К. съ Б., гражданскій департаментъ Виленской судебной палаты высказался слѣдующимъ образомъ *):

«Хотя свѣдущія лица, преподаватели чистописанія и рисованія, сличавшіе ту же подпись гр. К. съ несомнѣнными его подписями на другихъ актахъ при производствѣ дѣла въ окружномъ судѣ, пришли къ противоположному выводу, признавъ подпись гр. К. на заподозрѣнномъ актѣ подлинною его подписью, но заключенію свѣдущаго лица Малевинскаго слѣдуетъ отдать предпочтеніе, *такъ какъ тотъ способъ, которымъ онъ изслѣдовалъ подлинность подписи гр. К., представляется несравненно совершеннѣе того способа, какимъ подлинность этой подписи изслѣдовалась экспертами преподавателями чистописанія и рисованія*».

Сравнимъ съ этимъ заключеніемъ присяжнаго фотографа заключеніе двухъ учителей чистописанія и секретаря Губернскаго Правленія, данное ими по тому же дѣлу гр. К. съ Б. въ Минскомъ окр. судѣ.

Протоколъ экспертизы.

1893 г., Октября 5 дня, мы нижеподписавшіеся, по предложенію Суда произвели экспертизу сличенія подписей подлинныхъ гр. К. имѣющихся на довѣренности, выданной Прис. пов. П. на свидѣтельствѣ отъ 1890 г. Мая 30 дня и на письмѣ изъ Поневѣжа отъ 4 Ноября, а также и самый текстъ письма, съ его же, К., оспариваемою подписью на условіи отъ 31 Іюля 1892 г., на четырехъ гербовыхъ маркахъ. По сличеніи, эксперты пришли къ слѣдующему единогласному заключенію.

Подлинныя подписи гр. К. имѣютъ полное тожество съ его заподозрѣнною подписью и въ формѣ буквъ съ ихъ элементами и въ формѣ воспроизведенія ихъ; напр. въ словѣ «Графъ» особенно характерны буквы прописная Г и ф. Всѣ элементы этихъ буквъ, какъ пламевидная (!!!) линія съ волнистою, такъ и полуовалы лѣвые и правые, съ петлею, совершенно тождественны и по пріему

*) По гражд. департ. Вил. суд. палаты $\frac{\text{октября 31}}{\text{ноября 24}}$ 1895 г.

и по формамъ. Все слово «Графъ» фотографически точно, какъ въ подлинникахъ, такъ и въ заподозрѣнной (?). Въ фамиліи К. также всѣ буквы тождественны; есть лишь одна черта въ прописной буквѣ К., имѣющая повтореніе верхняго элемента этой буквы, но эта черта не существенна, формы буквы не измѣняетъ и не наводитъ ни на какое подозрѣніе. Что же касается текста упомянутаго письма, таковой также положительно сходенъ съ оспариваемою подписью гр. К.

На основаніи изложенныхъ данныхъ (!) мы, эксперты, пришли къ заключенію, что подпись гр. К., воспроизведенная на четырехъ гербовыхъ маркахъ, *подлинная* (!!!). (Подписи)

Я позволю себѣ поставить вопросъ: для какой надобности въ обоихъ заключеніяхъ приведены мотивы, яко-бы обусловливающіе окончательные выводы? Помогаютъ ли они суду „точно уразумѣть встрѣтившееся въ дѣлѣ обстоятельство, требующее спеціальныхъ свѣдѣній“? Безъ колебанія утверждаю, что совсѣмъ не помогаютъ, ибо „красящее вещество Р“ г. присяжнаго фотографа и „пламевидныя“ линіи минскихъ каллиграфовъ, суть, въ свою очередь, обстоятельства, „для точнаго уразумѣнія которыхъ требуются еще болѣе спеціальныя свѣдѣнія“. И такъ безъ конца. Г. фотографъ признаетъ „повтореніе верхняго элемента въ буквѣ К.“ чрезвычайно существеннымъ и не только наводящимъ на подозрѣніе, но и рѣшительно доказывающимъ подложность подписи; минскіе каллиграфы совсѣмъ иного мнѣнія и убѣждены, что это „повтореніе“ совсѣмъ не существенно, формы буквы не измѣняетъ и къ подозрѣнію не приводитъ. Почему? Это суду остается неизвѣстнымъ. Присяжный фотографъ не задается вопросомъ, *почему* „три штриха въ нижней части буквы р“ или писаніе буквы К. въ три пріема не могли быть слѣдствіемъ умышленнаго измѣненія своего почерка гр. К. (а, вѣдь, Б. утверждаетъ это). Если я измѣняю свой почеркъ, то непремѣнно произвожу нѣкоторое рисованіе; когда я копирую чужой почеркъ, то тоже рисую. Надо же помочь суду „уразумѣть“, что рисованіе въ первомъ случаѣ бываетъ такое-то, а во второмъ такое-то и что въ данной подписи усматривается второе, а не первое.

Учителя чистописанія, съ обычной у этихъ спеціалистовъ рѣшительностью, признаютъ подпись *подлинною*, а не только сходною съ другими, несомнѣнными. Я не знаю, что такое „пламевидные“ штрихи, но убѣжденъ, что солнце съумѣетъ скопировать ихъ не менѣе удачно, чѣмъ „волосные“ и всякіе другіе. Какое же право имѣютъ гг. эксперты утверждать *подлинность* подписи, какъ будто предположеніе о неручныхъ поддѣлкахъ совершенно исключено въ настоящемъ случаѣ?

Случается, что сличители и распознаватели почерковъ, принимая на себя изслѣдованіе, прибѣгаютъ къ пріемамъ совсѣмъ ужъ упрощеннымъ.

Такой пріемъ употребленъ въ слѣдующемъ примѣрѣ (заключеніе по дѣлу о подлогѣ векселей нѣкоей г-жи Ш.).

АКТЪ.

1896 года Іюня 24 дня въ судебно-фотографической лабораторіи, учрежденной при Прокурорѣ С.-Петербургской Судебной Палаты, присяжнымъ фотографомъ произведено судебно-фотографическое изслѣдованіе документовъ, доставленныхъ Судебнымъ Слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ Орловскаго Окружнаго Суда.

(Слѣдуетъ переименованіе документовъ).

Всѣ вышепоименованные документы были фотографированы на обыкновенномъ фотографическомъ аппаратѣ. Негативы были изготовлены на бромо-желатинныхъ пластинкахъ Ильфордъ Process, при дневномъ свѣтѣ. Негативы $\frac{\text{№ I, II, III}}{\text{лит. а.}}$ изготовлены въ увеличенномъ видѣ въ камерѣ. Оттиски $\frac{\text{№ I, II, III}}{\text{лит. б.}}$ изготовлены на прозрачныхъ пленкахъ, причемъ, при сниманіи, употребленъ объективъ Цейса «Анастигматъ». Засимъ снимки воспроизведены проекціоннымъ аппаратомъ системы Истмена, освѣщеннымъ электрической дугой 5 амперъ при 40 вольтахъ, свѣтъ которой проходилъ черезъ конденсаторъ; послѣ сего на бромо-серебряной бумагѣ Ильфорда изготовлены оттиски, увеличенные до 28 разъ (квадратъ). Полученные снимки наклеены на картоны и снабжены №№ и штемпелями лабораторіи и подписью присяжнаго фотографа. При изслѣдованіи означенныхъ снимковъ усмотрѣно: I) при наложеніи прозрачной пленки $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. б.}}$ (бланковая подпись Маріи Ш. на заемномъ письмѣ) на прозрачную пленку $\frac{\text{№ II,}}{\text{лит. б.}}$ подпись Маріи Ш. на оборотной сторонѣ заемнаго письма, послѣднія три буквы «ель» слова «Ш.» совпадаютъ между собой. Буквы «е», «й», «н» въ словѣ «Ш.» также совпадаютъ, но только съ той разницей, что каждая изъ упомянутыхъ буквъ совпадаетъ отдѣльно отъ другихъ, такъ какъ при копированіи оригиналъ передвигался.

2) При наложеніи прозрачной пленки $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. б.}}$ бланковая надпись Маріи Ш. на заемномъ письмѣ на прозрачную пленку $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. б.}}$ бланковая надпись Маріи Ш. на векселѣ послѣднія три буквы «ель» въ словѣ «Ш—ль» совпадаютъ между собою. Буквы «т», «е», «н», «п» также совпадаютъ между собою, но съ той разницею, что каждая изъ упомянутыхъ буквъ совпадаетъ отдѣльно отъ другихъ, такъ какъ оригиналъ передвигался. На основаніи вышеизложеннаго присяжный фотографъ пришелъ къ убѣжденію въ томъ, что бланковая надпись на заемномъ письмѣ отъ 4 марта 1895 года отъ имени Маріи Ш. $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. а.}}$ $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. б.}}$ надпись на оборотной сторонѣ того же заемнаго письма отъ имени Маріи Ш. $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. б.}}$ и бланковая надпись на векселѣ отъ 4 марта 1895 г. отъ имени Маріи Ш. $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а.}}$ $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. б.}}$ скопированы съ одного и того же оригинала, а не писаны самой Маріей Ш. Присяжный фотографъ при Прокурорѣ С.-Петербургской Судебной Палаты Малевинскій.

Вѣроятно, логика г. присяжнаго фотографа—„совпадаютъ, слѣдовательно, подложны“—не убѣдила ни обвиняемаго, ни слѣдователей и потому на мѣстѣ, въ губернскомъ городѣ, дѣлаются на пленкахъ снимки съ нѣсколькихъ подписей одного лица и при наложеніи пленокъ одной на другую оказывается... совпаденіе! Недоумѣвающій слѣдователь вновь обращается къ присяжному фотографу съ вопросомъ, какъ сіе понимать слѣдуетъ и получаетъ отвѣтъ:

Разъяснить причины, въ силу которыхъ происходитъ совпаденіе отдѣльныхъ буквъ и ихъ соединеніе при наложеніи другъ на друга нѣкоторыхъ прозрачныхъ пленокъ, изготовленныхъ въ Харьковѣ, присяжный фотографъ не можетъ, такъ какъ ему неизвѣстно: а) обладалъ ли Харьковскій фотографъ въ данномъ случаѣ достаточными знаніями, необходимыми для изготовленія снимковъ съ документовъ, ибо способы, практикуемые въ семъ отношеніи судебными фотографами, столь отличаются отъ обыкновенныхъ пріемовъ, употребляемыхъ фотографами вообще, что и лучшіе изъ послѣднихъ едва ли въ состояніи воспроизвести снимки, соотвѣтствующіе своему назначенію и б) *въ какой мѣрѣ пріемы, употребленные при фотографированіи въ Харьковѣ соотвѣтствовали требованіямъ строгаго безпристрастія,* при недостаточномъ соблюденіи котораго въ практикѣ извѣстны случаи поразительныхъ ошибокъ и неточностей въ отдѣльныхъ снимкахъ. Присяжный фотографъ при Прокурорѣ С.-Петербургской Судебной Палаты А. Малевинскій.

Доводъ, помѣченный буквою *а*, имѣлъ бы нѣкоторое основаніе только въ обратномъ настоящему случаѣ, т. е., если бы у частнаго фотографа произошло несовпаденіе тамъ, гдѣ ожидалось совпаденіе. Естественно было бы предположить, напр., что аппаратъ сдвигали съ мѣста, вслѣдствіе чего разстояніе между снимаемой рукописью и объективомъ измѣнилось.

Но, рѣчь шла о другомъ: почему подписи, воспроизведенныя на пленкахъ совпали, тогда какъ, по ожиданію оффиціальнаго эксперта, не должны были совпадать, какъ подлинныя, а не подложныя! Слѣдователь могъ очень легко разрѣшить свое недоумѣніе: стоило послать въ существующія въ Россіи фотографическія общества запросъ, въ состояніи-ли самый искусный фотографъ сфотографировать несовпадающія, въ дѣйствительности, подписи такъ, чтобы при наложеніи снимковъ одного на другой получилось совпаденіе.

Вопросъ о возможности совпаденія подписей былъ возбужденъ еще въ 1886 году институтомъ Франклина, въ Филадельфіи (Americ. Philosoph. Soc. in Philadelphia) и результаты произведенныхъ въ этомъ направленіи изслѣдованій изложены въ трудахъ означеннаго общества (см. P. Frazer, вся глава о комбинированныхъ снимкахъ). Между прочимъ, были взяты подписи Георга Вашингтона:

1) письмо отъ *18 октября 1776 г.* къ брату Георга, Самуэлю.
2) „ „ *4 ноября 1777 г.* изъ главной квартиры.

1. (1776 г.).
2. (1777 г.).
3. (1777 г.).
4. (1777 г.).
5. (1793 г.).
6. (1793 г.).
7. (1799 г.).

Подписи Георга Вашингтона, сдѣланныя въ разное время съ 1776 по 1799 г.

Результатъ суммированія (совмѣщенія негативныхъ пленокъ) подписей Георга Вашингтона.

(Заимствовано изъ книги P. Frazer'a: The Manuel of Study of Documents. 1897. Philadelphia).

3) письмо отъ *27 сентября 1777 г.* къ William Henry, изъ Ланкастеръ.

4) письмо отъ *22 февраля 1777 г.* изъ главной квартиры въ Спористоунъ.

5) письмо отъ *26 сентября 1793 г.* подпись подъ привиллегіей David Lenox.

6) письмо отъ того же числа.

7) „ „ *24 мая 1799 г.*, письмо къ Томасу Массону.

Между 1776 г. до 1799 г. двадцать три года *). Сложныя подписи были сдѣланы двумя способами: 1) по методѣ Galton'a фотографомъ Curtis Taylor'омъ и 2) по методѣ Truscott, имъ самимъ.

„Съ трудомъ вѣрится глазамъ, говоритъ Фрэзеръ (l. c.), что подписи человѣка, сдѣланныя имъ въ разное время въ теченіе 16 лѣтняго періода или съ 1776 до 1799 г., притомъ довольно длинныя, въ такой мѣрѣ совпадаютъ на пространствѣ 3 или 4 сантиметровъ и буквы занимаютъ всегда одно и то же положеніе!"

Замѣчу, при этомъ, что опыты обставлены были такъ, какъ умѣютъ дѣлать это только американскіе ученые, т. е. съ тщательностью и предосторожностью, исключающими всякую возможность ошибки. Предварительно были фотографированы сложныя линейныя фигуры и только послѣ того, какъ стало несомнѣннымъ полное совпаденіе всѣхъ линій чертежа на 10 пленкахъ, было приступлено къ фотографированію подписей Вашингтона и то съ употребленіемъ контрольной сѣтки. Способъ Galton'a былъ примѣненъ къ экспертизѣ по дѣлу о подлогѣ духовнаго завѣщанія Robert Whitaker'a разсматривавшемуся въ Филадельфійскомъ судѣ. Взяты были подписи Witaker'a, несомнѣнно имъ сдѣланныя въ разное время, съ 1849 по 1854 гг. и совмѣщены, причемъ получилось *совпаденіе;* подпись же подъ завѣщаніемъ *оказалась не совпадающей.* Такимъ образомъ, эксперты въ Филадельфіи говорятъ суду, что „подписи подлинныя совпадаютъ, а подложная съ ними не совпадаетъ", а въ Петербургѣ экспертъ утверждаетъ какъ разъ противуположное!

Я привелъ этотъ примѣръ для того, чтобы наглядно показать, что происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ экспертовъ не добиваются связи между наблюденіями и выводомъ. „Совпадаютъ — *а потому* подложны". Почему одно изъ другого слѣдуетъ? А можетъ быть наоборотъ? Было-ли это доказано когда нибудь авторитетнымъ образомъ, устраняющимъ всякія сомнѣнія? Или, можетъ быть, механика письма не допускаетъ точныхъ повтореній и если да, то какъ это объясняется?

Американскій судъ поступилъ, какъ всегда, практично: онъ обра-

*) Заподозрѣнныя подписи Маріи Ш., которыя сравнивалъ г. Малевинскій посредствомъ наложенія, всѣ писаны *въ одинъ день*, 4 марта 1895 г.

тился къ ученому обществу и предложилъ произвести точнѣйшіе опыты, которые могли бы помочь ему, суду, *уразумѣть значеніе* факта совпаденія пленокъ.

Само собою разумѣется, что нельзя изъ формулы „подлинныя подписи совпадаютъ“ дѣлать обратное заключеніе „если подписи совпадаютъ, то онѣ подлинныя“. Такое обратное заключеніе будетъ столь же ошибочно, какъ и формула „подписи сходны, слѣдовательно подлинныя“, выведенная изъ другой, вѣрной „подлинныя подписи сходны“. Я дѣлаю эту оговорку потому, что мы, вообще, чрезвычайно склонны къ обратнымъ заключеніямъ; такъ, изъ положенія „экспертъ графологъ долженъ быть фотографомъ“, мы создали, Богъ вѣсть какими соображеніями, выводъ „фотографъ долженъ быть экспертомъ-графологомъ“.

Странно, что судъ никогда не замѣчаетъ грубѣйшія логическія ошибки экспертовъ. Экспертъ-фотографъ, основавшій свое заключеніе о подложности подписей на совпаденіе пленокъ, разсуждалъ такъ: если скопировать на просвѣтъ, нѣсколько разъ, одну и ту же подпись, то снимки съ этихъ копированныхъ подписей совпадутъ; *слѣдовательно*, если снимки съ какихъ-либо подписей совпадаютъ, то онѣ копированы на просвѣтъ съ одной и той же подписи. Иными словами: „всѣ *A* суть *B*; *слѣдовательно*, всѣ *B* суть *A*“. Говоря о такихъ заблужденіяхъ въ умозаключеніи, Д. С. Милль полагаетъ, что „эта обычная грубая форма ошибки совершается болѣе въ безмолвномъ мышленіи, чѣмъ при полномъ словесномъ выраженіи, потому что стоитъ ее ясно выразить и она тотчасъ же станетъ замѣтной. Наиболѣе дѣйствительное средство выставить эту ошибку на показъ—это облечь ее въ словесную форму“ *).

Мы видимъ, однако, что Д. С. Милль жестоко посрамленъ судебными экспертами. Они доказываютъ ежедневно, что „грубая форма ошибки“ (всѣ *A* суть *B*; слѣдовательно всѣ *B* суть *A*) можетъ оставаться незамѣченною не только при словесномъ, но даже при письменномъ ея выраженіи.

Вообще, по части логическихъ построеній, графическіе эксперты всегда придерживаются системы Мольеровскихъ врачей:

Mihi a docto doctore
Domandatur causum et rationem quare
Opium facit dormire.
A quoi rispondeo,
Quia est in eo
Virtus dormitiva
Cujus est natura
Sensus assupire **)!

*) *Милль, Д. С.*—Система логики. Перев. Ивановскаго, 1899 г. стр. 649.
**) *Le malade imaginaire* 3-me intermède. D-r Bachelerius.

(Ученый докторъ спрашиваетъ меня, по какой причинѣ и на какомъ основанiи опiумъ производитъ сонъ? На это я отвѣчаю: потому, что въ немъ есть снотворная сила, природа которой такова, что она усыпляетъ чувства)!

Мольеровскiе врачи, изрекая такiя пошлости, по крайней мѣрѣ танцуютъ передъ зрителями балетъ; графическiе эксперты и этого не дѣлаютъ...

Прочитайте любое изъ приведенныхъ въ этой главѣ заключенiй и увидите, что я не мало не преувеличиваю. Возьмемъ заключенiе по дѣлу о векселяхъ Марiи Ш. и построимъ соотвѣтствующiй силлогизмъ:

1) Всѣ подписи, которыя совпадаютъ, подложны;

2) Подписи Марiи Ш. на векселяхъ совпадаютъ;

3) Подписи эти подложны.

Но вѣдь именно и требовалось доказать справедливость большой посылки, т. е. что „всѣ подписи, которыя совпадаютъ, подложны" и требованiе это тѣмъ настоятельнѣе, что снимки, сдѣланные съ тѣхъ же подписей частнымъ фотографомъ не совпали. Здѣсь принято за основанiе то, что само по себѣ требовало доказательства.

По дѣлу гр. К. съ евреемъ Б. силлогизмъ получается такой:

1) Графъ К. *неможетъ* (даже при желанiи измѣнить почеркъ) писать букву к съ крючкомъ:

2) Въ заподозрѣнной подписи буква к писана съ крючкомъ;

3) Слѣдовательно, заподозрѣнная подпись писана не графомъ К.

Но, почему же бы гр. К. не въ силахъ написать букву К съ крючкомъ, если ему захочется это сдѣлать? Объ этомъ экспертъ не говоритъ ни слова; онъ просто выдаетъ произвольно созданное имъ положенiе за неоспоримое и на немъ воздвигаетъ доказательство!

„Никто въ здравомъ умѣ не приметъ предложенiе за выводъ, если оно оба раза выражено одними и тѣми же словами" увѣряетъ опять Д. С. Милль (l. c. стр. 665).

Припомнимъ, что еврей Б. обвинялъ гр. К. въ *умышленномъ* измѣненiи своей подписи съ цѣлью уклониться отъ платежа по обязательству, т. е. утверждалъ, что „хотя буквы подписи измѣнены, но подпись подлинная". Экспертъ беретъ *неизмѣненныя* подписи гр. К., сравниваетъ съ заподозрѣнной, находитъ, само собою разумѣется, измѣненiя и... дѣлаетъ отсюда выводъ, что „буквы измѣнены, *слѣдовательно* подпись подложная".

Если бы соблюденiе законовъ логики ограждалось уложенiемъ о наказанiяхъ, то такого рода преступленiе навѣрно влекло бы за собою для виновнаго пожизненныя каторжныя работы.

Мучительно тревожитъ вопросъ какимъ чудомъ держится, въ теченiи вѣковъ, нелѣпое утвержденiе „не сходна, слѣдовательно под-

ложна“? Защитники такой экспертизы указываютъ на удачные случаи; они говорятъ, что въ такомъ-то дѣлѣ экспертъ нашелъ несходство и дѣйствительно, подпись оказалась подложною, т. е. дѣлаютъ непозволительнѣйшее заключеніе отъ частнаго случая къ частному случаю. Въ курсахъ логики подобныя „заблужденія въ умозаключеніи“ иллюстрируются басней Камерарія:

Два осла шли въ одномъ и томъ-же караванѣ, одинъ былъ навьюченъ солью, другой сѣномъ. Тотъ, который былъ нагруженъ солью, проходя черезъ потокъ, оступился, короба съ солью зачерпнули воды, соль растворилась и его ноша стала легче. Когда ослы пришли къ другому потоку, то и другой опустилъ свои корзинки въ воду, ожидая подобнаго же результата... *).

Я долженъ сказать еще нѣсколько словъ по поводу заключенія о подписяхъ Маріи Ш. Провѣрить правильность фотографическихъ операцій харьковскихъ фотографовъ было чрезвычайно легко: на всякомъ негативѣ съ рукописей всегда есть какія нибудь мѣтки (напр. изображенія кнопокъ, царапинъ на щитѣ и т. п.), которыя должны совмѣщаться, если камера и щитъ сохраняли свои мѣста во время съемокъ. Стоило сдѣлать эту повѣрку и стало бы извѣстно, „обладалъ ли харьковскій фотографъ достаточными знаніями и пр.“ Для возможности произвести правильно сравненіе подписей посредствомъ совмѣщенія пленокъ, необходимо только одно условіе—чтобы всѣ негативы были сняты при одномъ, неизмѣняемомъ, разстояніи отъ рукописи до объективной доски. Никакихъ для этого спеціальныхъ знаній не требуется и „особыхъ“ способовъ не существуетъ.

О пристрастіи или безпристрастіи фотографа, изготовляющаго простые снимки, заботиться совершенно излишне: ничего онъ не въ состояніи сдѣлать такого, что повлекло-бы за собою „поразительныя неточности и ошибки въ отдѣльныхъ снимкахъ“.

Чрезвычайно полезно обращаться, въ такихъ случаяхъ, къ фотографическимъ обществамъ. Если бы орловскій слѣдователь запросилъ любое изъ этихъ обществъ по поводу основательности ссылки на „спеціальныя знанія“ и на „безпристрастіе“, онъ получилъ бы, безъ сомнѣнія, отвѣтъ, что ссылка неосновательна.

Придя къ предположенію о копированіи подписей Маріи Ш. на просвѣтъ, экспертъ обязанъ былъ не останавливаться на такомъ утвержденіи, но вести дѣло до конца, выяснивъ и самый способъ копированія (на оконномъ стеклѣ, по бензину, карандашной подготовкой и пр.); безъ этого получилась половина экспертизы, а не законченное изслѣдованіе. Каждый изъ этихъ способовъ оставляетъ характерные

---

*) *Минто,* В.—Дедуктивная и индуктивная логика. Москва, 1896, стр. 329.

слѣды и обнаружить ихъ совсѣмъ не трудно. Въ иныхъ случаяхъ присяжный фотографъ такъ и поступаетъ; у меня есть, напр., передъ глазами заключенiе его по дѣлу о завѣщанiи Клюкина.

АКТЪ.

1897 года Іюля 12 дня въ судебно-фотографической лабораторiи, учрежденной при Прокурорѣ С.-Петербургской Судебной Палаты, присяжнымъ фотографомъ произведено судебно-фотографическое изслѣдованiе документовъ, доставленныхъ IV Отдѣленiемъ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, а именно: Духовное завѣщанiе Клюкина, подпись Катова, Савина, Клюкина.

Вышепоименованные документы были фотографированы на обыкновенномъ фотографическомъ аппаратѣ. Негативы были изготовлены на броможелатинныхъ пластинкахъ «Ильфорда» «proces-plate» при дневномъ свѣтѣ; негативы $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а,}}\ \frac{\text{№ IV}}{\text{б—лит. а}}$ увеличены въ камерѣ, при чемъ, при сниманiи, употребленъ объективъ Цейса «Анастигматъ» серiя IV съ f 8 дiафрагмою. Засимъ снимки воспроизведены проэкцiоннымъ аппаратомъ системы Истмена, освѣщеннымъ электрическою дугою 5 амперъ при 40 вольтахъ, свѣтъ которой проходилъ черезъ конденсаторъ, послѣ чего на бромо-серебряной бумагѣ Ильфорда изготовлены оттиски, увеличенные до 225 разъ (квадратно). Полученные снимки наклеены на картонѣ и снабжены №№ и штемпелями лабораторiи и подписью присяжнаго фотографа. При изслѣдованiи означенныхъ снимковъ усмотрѣно: 1) Текстъ и подпись отъ имени Клюкина на духовномъ завѣщанiи отъ 11 Іюня 1865 года $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. а}}$ а также и подпись отъ имени Катова, на оборотѣ первой страницы того же духовнаго завѣщанiя отъ имени Клюкина $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. а}}$ написаны совершенно нормально, въ томъ смыслѣ, что при написанiи текста и упомянутыхъ подписей недостатка въ чернилахъ не усматривается; совсѣмъ иное усматривается въ надписи на томъ же духовномъ завѣщанiи отъ имени свидѣтеля Савина $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}\ \frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$ недостатокъ чернилъ усматривается во многихъ отдѣльныхъ буквахъ подписи, вслѣдствiе чего и происходитъ неравномѣрность оттѣнковъ слоевъ чернилъ, воспроизводящiе отдѣльныя буквы—напримѣръ:

а) Прописныя буквы «в» въ словахъ «Свидѣтелемъ» «Савинъ» двухъ оттѣнковъ чернилъ, т. е. написаны такъ: «С» $\frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$ (1) (2)

б) Прописная буква: «у» въ началѣ подписи свидѣтеля Ивана Потапова Савина на духовномъ завѣщанiи прямо начинается съ недостатка чернилъ и написана такъ: «У» $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ (3)

в) Недостаточность чернилъ усматриваетя также въ той же подписи свидѣтеля Савина въ словѣ «приложилъ» въ буквѣ «р» $\frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$(4) и въ словѣ «Савинъ» въ буквѣ «ъ» $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ (5)

2) Въ буквѣ «у» въ словахъ «у сего» въ подписи свидѣтеля Савина усматривается рисовка, буква «у» начерчена такъ: «у» $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ (6)

3) Буквы «ду» въ словѣ «духовнаго» въ текстѣ надписей свидѣтелей на 1-й страницѣ духовнаго завѣщанія Филиппа Федорова Клюкина отъ 11-го Іюня 1865 г. $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ рисованы, а не написаны свободною рукою, на что указываетъ слѣдующее обстоятельство: буква «у» $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ (7) въ упомянутомъ словѣ «духовнаго» написана ранѣе чѣмъ была начерчена нижняя часть буквы «д» $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ (8) вслѣдствіе чего нижняя часть буквы «у» $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ (7) въ словѣ «духовнаго» перекрещивается нижнею частью буквы «д» въ томъ же словѣ «духовнаго» $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ (8) что ясно усматривается на снимкѣ $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$; при писаніи свободною рукою нижняя часть буквы «д» должна быть перекрещенною послѣдующею буквою «у».

Для провѣрки и подтвержденія вышесказаннаго изготовлены присяжнымъ фотографомъ различные образцы буквъ «ду» перекрещивающіеся между собою въ перемѣнномъ порядкѣ. Означенные образцы написаны китайскою тушью, какъ болѣе подходящій матеріалъ для передачи оттѣнковъ. Съ упомянутыхъ образцовъ сняты увеличенные снимки, которые и прилагаются.

Буквы «ду» на оттискахъ А. Б. В. написаны нормально т. е. сначала написана буква «д» цѣликомъ, а потомъ уже буква «у» которая и пересѣкаетъ какъ и должно быть букву «д», что ясно усматривается на оттискахъ А. Б. В. и тѣмъ яснѣе, чѣмъ нижняя часть буквы «д» свѣтлѣе оттискомъ.

Буквы «ду» на оттискахъ Г. Д. Ж. написаны не нормально т. е. сначала написана часть буквы «д» обозначенная цифрою «9», затѣмъ написана буква «у» обозначенная цифрою «10», а ужъ подъ конецъ проведенъ волосной штрихъ, заканчивающій букву «д» и перекрещивающій послѣдующую букву «у» что ясно усматривается на прилагаемыхъ оттискахъ Г. Д. Ж.

4) Постоянный недостатокъ чернилъ при написаніи послѣднихъ четырехъ строкъ на первой страницѣ духовнаго завѣщанія отъ имени Клюкина $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. б}}$ $\frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$ объясняется тѣмъ, что эти послѣднія четыре строки копированы чернилами гусинымъ перомъ на просвѣтъ, по всему вѣроятію посредствомъ накладыванія на оконное стекло. Предположеніе это подтверждается слѣдующими соображеніями:

При нормальномъ писаніи рука пишущаго и перо находятся въ слѣдующемъ положеніи (сдѣланъ чертежъ).

Вслѣдствіе чего чернила имѣютъ стремленіе скопляться по направленію отъ бородки пера къ пишущему его концу, какъ это обозначено направленіемъ стрѣлы почему при наличности въ перѣ чернилъ, недостатка въ нихъ не ощущается.

Совсѣмъ иное при копированіи чернилами и при томъ перомъ: положеніе руки и пера совершенно измѣняются, чернила стремятся отъ пишущаго конца пера по направленію къ бородкѣ, вслѣдствіе чего даже при обиліи чернилъ въ перѣ, въ нихъ долженъ ощущаться постоянный недостатокъ, что ясно усматривается изъ прилагаемаго снимка.

5) Подпись отъ имени Катова $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. а}}$ на оборотѣ первой страницы того же

духовнаго завѣщанія отъ имени Клюкина совершенно другого характера, чѣмъ вышеупомянутая подпись отъ имени Савина.

Подпись Катова $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. а}}$ написана свободною рукою, почему недостатка въ чернилахъ не усматривается, но при сличеніи подписи Катова на духовномъ завѣщаніи $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. а}}$ съ несомнѣнными его подписями $\frac{\text{№ VII}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ XI}}{\text{лит. а}}$ также усматривается копировка, но не на просвѣтъ, а свободною рукою по имѣвшемуся образцу и отдѣльными буквами, что подтверждается тѣмъ, что слова подписи Катова въ подписи на оборотѣ духовнаго завѣщанія «Задонскій 2-й гильдіи купецъ Федоръ Антоновъ Катовъ» состоятъ изъ 43 буквъ, изъ коихъ 29 буквъ начертаны совершенно отдѣльно и не связаны ни съ какими другими буквами $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. а}}$; между тѣмъ количественное отношеніе несвязанныхъ буквъ къ связаннымъ буквамъ въ тѣхъ же словахъ несомнѣнныхъ подписей Катова какъ разъ обратное т. е. въ заподозрѣнной подписи Катова на оборотѣ духовнаго завѣщанія $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. а}}$ несвязанныхъ буквъ много больше чѣмъ связанныхъ, а именно: несвязанныхъ буквъ 29, а связанныхъ всего только 14; въ несомнѣнной же подписи Катова въ словахъ «Задонскій 2-й гильдіи купецъ Федоръ Антоновъ Катовъ», состоящей изъ 43 буквъ $\frac{\text{№ VII}}{\text{лит. а}}$ ничѣмъ не связанныхъ буквъ всего только 6, между тѣмъ какъ связанныхъ буквъ 37; въ несомнѣнной подписи Катова $\frac{\text{№ XI}}{\text{лит. а}}$ въ тѣхъ же словахъ при 44 буквахъ, ничѣмъ не связанныхъ буквъ всего 14, а связанныхъ буквъ 30.

6) Подписи Клюкина $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. а}}$ на духовномъ завѣщаніи отъ 11 Іюня 1865 г. ничѣмъ отъ несомнѣнныхъ подписей Клюкина не отличаются $\frac{\text{№ V}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ V}}{\text{лит. б}}$ $\frac{\text{№ VI}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ VII}}{\text{лит. б}}$ $\frac{\text{№ VIII}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ VIII}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ VIII}}{\text{лит. б}}$ $\frac{\text{№ IX}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ IX}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ X}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ XII}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ XII}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ XIV}}{\text{лит. а}}$

На сновапіи всего вышеизложеннаго присяжный фотографъ пришелъ къ убѣжденію въ томъ, что подпись Клюкина на духовномъ завѣщаніи отъ 11 Іюня 1865 года $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. а}}$ учинена самимъ Клюкинымъ, что же касается подписей свидѣтелей Савина $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$ $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. б}}$ $\frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$ и Катова $\frac{\text{№ II}}{\text{лит. а}}$ на духовномъ завѣщаніи отъ 11 Іюня 1865 года, то обѣ подписи копированы, съ тою лишь разницею, что подпись Савина копирована на просвѣтъ, а подпись Катова копирована свободною рукою. Присяжный фотографъ при Прокурорѣ С.-Петербургской Судебной Палаты А. Малевинскій.

Я займусь разборомъ этой экспертизы, когда буду говорить о способахъ копированія („Опред. и неопр. заданія“); теперь я воспользовался полнымъ текстомъ заключенія для того, во-первыхъ, чтобы указать на признаніе самимъ г. присяжнымъ фотографомъ необходимости выяснить способъ перерисовки; во-вторыхъ, чтобы оцѣнить правильность заключенія относительно подписи К-ва, основаннаго на счетѣ буквъ связанныхъ между собою и несвязанныхъ. Это еще новый пріемъ.

Экспертъ убѣжденъ, что подпись К-ва копирована свободною рукою,

т.-е. безъ всякихъ приспособленій. Копированіе чужого почерка свободною рукою всегда имѣетъ много отличительныхъ признаковъ, въ ряду которыхъ связанность буквъ между собою занимаетъ самое послѣднее мѣсто; притомъ, признакъ этотъ получаетъ значеніе не самъ по себѣ, но лишь какъ дополненіе совокупности другихъ, несравненно болѣе важныхъ и доказательныхъ. Экспертъ ограничивается, однако, всего однимъ признакомъ, къ тому же слабѣйшимъ. Неужели копировавшій свободною рукою сдѣлалъ всего одинъ только промахъ—не связалъ между собою нѣсколько буквъ?

	1	2	3
	Заподозр. подпись.	Несомн.	Несомн.
Буквъ связанныхъ	14	37	30
„ несвязанныхъ	29	6	14
Всего . .	43	43	44

Представьте себѣ, что подписи № 1 (заподозрѣнной) совсѣмъ нѣтъ, а сравниваются только №№ 2 и 3, причемъ заподозрѣна подпись № 2. Мы видимъ, что число буквъ несвязанныхъ неодинаково: въ № 2 послѣднихъ въ два съ лишкомъ раза больше, чѣмъ въ № 1. Какой изъ этого наблюденія должно сдѣлать выводъ? Если г. экспертъ отвѣтитъ, что 6 и 14 не даютъ еще большой разницы для признанія наличности копированія, мы поставимъ вопросъ иначе. Сравниваются подписи №№ 1 и 3, причемъ заподозрѣна подпись № 3; какой выводъ изъ счета буквенныхъ разрывовъ?

$$\frac{29}{14} = 2^1/_{14}; \ \frac{14}{6} = 2^1/_3$$

Отношеніе первое численно меньше второго; поэтому, если $2^1/_3$ не достаточно для признанія копировки, то $2^1/_{14}$ и подавно. Слѣдовательно, подпись № 1 не копирована.

Я совсѣмъ не желаю утверждать, что эта подпись и въ самомъ дѣлѣ не копирована; я ее не видѣлъ и понятія объ ней не имѣю. Все, что мнѣ было нужно—это показать, какими (ариѳметически даже) пустячными доводами эксперты подкрѣпляютъ свои приговоры.

Вдумаемся хорошо въ этотъ случай и намъ страшно станетъ. Двѣ *несомнѣнныя* подписи, №№ 2 и 3, говорятъ намъ, что К-въ писалъ разно: то онъ связывалъ между собою $^1/_3$ всѣхъ буквъ (№ 3), то только $^1/_7$ того же числа. Здравый смыслъ подсказываетъ сейчасъ же, что у этого человѣка совсѣмъ не было прочно установившейся привычки писать всегда одинаково связанно, но что какія-то случайныя причины

вліяли, въ этомъ отношеніи на его почеркъ. И, то сказать: одно дѣло подписать какую-нибудь ничтожную бумажку и другое дѣло ставить свою подпись подъ векселемъ или серьезнымъ обязательствомъ!

Но, вѣдь, поставить свою подпись подъ чужимъ духовнымъ завѣщаніемъ по просьбѣ завѣщателя, да еще, какъ надо полагать, не у себя дома, не при обычной обстановкѣ письма (высота стула и стола, толщина ставочки, твердость пера и проч. и проч.)—дѣло не каждодневное и для купца несравненно болѣе тревожное, чѣмъ привычное подписываніе векселей, довѣренностей и пр. Невольно является вопросъ: если въ несомнѣнныхъ подписяхъ отношеніе колеблется между $^1/_7$ и $^1/_3$, то почему бы ему еще не увеличиться въ подписи подъ завѣщаніемъ?

Съ другой стороны, всѣ наши юридическія отношенія покоятся на увѣренности, что подпись есть достаточный опредѣлитель личности писавшаго, т.-е., что нельзя ни поддѣлать въ совершенствѣ чужой почеркъ, ни измѣнить до неузнаваемости свой собственный. Уничтожьте эту увѣренность—во что обратятся разные векселя, договоры, росписки и т. п.?

Оказывается, однако, что нѣкто такъ преуспѣлъ въ писаніи свободной рукой подписи К-ва, что, копируя ее на духовномъ завѣщаніи К-на, сдѣлалъ всего одинъ промахъ, не связалъ между собою нѣсколько буквъ! Судя по тому, что г. присяжный фотографъ вынужденъ былъ основать свой приговоръ на одномъ этомъ промахѣ, мы вынуждены думать, что во всемъ остальномъ поддѣлка подписи К-ва совершенна. Видимо, поддѣлыватель долго упражнялъ руку въ писаніи подписи К-ва, преодолѣлъ множество чрезвычайныхъ трудностей, но чуть-чуть недотренировался: не дошелъ до связыванія столькихъ буквъ, сколько требуется! По счастью, онъ поспѣшилъ съ поддѣлкой: если бы онъ еще чуточку поработалъ, то, безъ сомнѣнія, такой пустякъ, какъ связываніе буквъ, ему удался бы легко. Но въ какомъ бы затрудненіи оказался тогда господинъ экспертъ!

Судьи, которымъ довелось уразумѣвать эту экспертизу, навѣрно, задавали себѣ вопросъ: для какихъ скрытыхъ цѣлей дѣйствовалъ „проэкціонный аппаратъ Истмена, освѣщенный электрической дугой 5 амперъ при 40 вольтахъ, причемъ свѣтъ проходилъ черезъ конденсаторъ“, если все должно было окончиться счетомъ буквъ связанныхъ и несвязанныхъ? Развѣ для этой работы не достаточно было простого увеличительнаго стекла и скромнаго учителя чистописанія, знакомаго съ счетомъ отъ 1 до 100?

На этотъ вопросъ и я отвѣтить не могу.

Въ своихъ рѣшеніяхъ судъ именуетъ такія экспертизы „фотографическимъ сличеніемъ почерковъ“. Такъ какъ первая, фотографическая, часть общаго съ второй, каллиграфической, не имѣетъ, то можно-бы создать нескончаемое множество „научныхъ“ сличеній почерковъ, измѣняя только

первую часть заключенія. Если мы, передъ тѣмъ какъ считать разрывы между буквами или усматривать крючки у буквы К, помѣстимъ въ письменномъ заключеніи отрывокъ изъ учебника ботаники—получимъ ботаническое сличеніе почерковъ; описаніе какого нибудь допотопнаго животнаго—полеонтологическое сличеніе почерковъ, кое-что изъ гомелетики или патристики—богословское сличеніе почерковъ и т. д. Что-бы мы ни написали въ этой первой части, вторая не утратитъ и не увеличитъ своей цѣнности, такъ какъ разрывы останутся разрывами, а крючки—крючками.

Представимъ себѣ, что экспертъ учитель чистописанія вздумалъ бы предпослать своему мнѣнію о сходствѣ почерковъ сообщеніе о томъ, что

для изслѣдованія употреблено было увеличительное стекло фабрики Воткей, въ черепаховой оправѣ, на черной шерстяной лентѣ шириною въ 2 сантиметра; передъ употребленіемъ, стекло было протерто батистовымъ платкомъ съ мѣткою А. М. вышитою красной бумагой, причемъ платокъ снабженъ былъ нѣсколькими каплями ароматическаго вещества Шипръ, фабрики Аткинсона и пр...

Такое письменное заключеніе эксперта вызвало-бы смѣхъ въ судьяхъ и въ публикѣ, потому что для всѣхъ было бы ясно, что ни черепаховая оправа, ни мѣтка А. М., ни духи Аткинсона не придаютъ нисколько достовѣрности мнѣнію эксперта и въ заключеніи по меньшей мѣрѣ неумѣстны.

Но, развѣ „5 амперъ при 40 вольтахъ" или такой вздоръ, какъ „свѣтъ проходящій черезъ конденсаторъ" (даже повторять стыдно) умѣстнѣе мѣтки А. М. или черепаховой оправы, а „красящее вещество Р" имѣетъ болѣе отношенія къ крючкамъ и разрывамъ, чѣмъ „ароматическое вещество Шипръ"? Ни на одну іоту.

Невыносимо тяжело, обидно присутствовать въ засѣданіи суда, во время чтенія подобныхъ заклинаній: и отъ смѣха воздержаться трудно и на душѣ скверно... Знаешь къ тому же, что благодаря „свѣту проходящему черезъ конденсаторъ", это кабаллистическое сличеніе почерковъ будетъ признано судомъ, „несравненно болѣе совершеннымъ способомъ, чѣмъ употребляемый экспертами учителями чистописанія и рисованія" (см. стр. 145).

Уставъ Врачебный (ст. 1753) даетъ хорошее наставленіе судебнымъ врачамъ:

Поелику открытіе истины составляетъ главный предметъ стараній судебнаго врача, то при составленіи осмотра обязанъ онъ различать то, что никакому сомнѣнію не подлежитъ отъ того, что вѣроятно. Посему, онъ долженъ въ сомнительныхъ случаяхъ, гдѣ обстоятельства дѣла не совершенно открыты, лучше признаться въ невозможности произнести рѣшительный приговоръ или заключеніе, *нежели затмѣвать и запутывать дѣло неосновательнымъ заключеніемъ.*

Въ такомъ наставленіи графическіе эксперты нуждаются еще больше, чѣмъ эксперты-врачи.

Въ самомъ началѣ книги я замѣтилъ, что графическому эксперту не приходится отвѣчать на вопросъ о вмѣненіи, но зато, кромѣ вопроса о событіи преступленія (собственно два вопроса: 1) поддѣланъ ли чужой почеркъ? и 2) не измѣненъ ли свой обычный?) случается заниматься еще вопросомъ о совершеніи преступленія даннымъ лицомъ (стр. 1). Въ первомъ мы разобрались, перейдемъ ко второму.

Нерѣдко изслѣдователю почерка задаютъ вопросъ: „не совершена ли поддѣлка (ручная, разумѣется) даннымъ лицомъ?“ или же, въ болѣе общей формѣ, „которое изъ нѣсколькихъ указанныхъ лицъ совершило копированіе чужого почерка?“ Какъ частный случай, можетъ быть надобность въ опредѣленіи принадлежности почерка, не поддѣланнаго и не измѣненнаго, тому или другому лицу или одному изъ нѣсколькихъ лицъ.

Усмотрѣть въ рукописи, копированной свободною рукою, слѣды почерка копировавшаго удается; въ копированной на просвѣтъ, при помощи бензина и т. п.—почти никогда.

Приступая къ копированію чужого почерка, копирователь становится передъ дилеммой, какъ сказочный богатырь передъ развѣтвленіемъ дороги на двое: „вправо пойдешь—коня потеряешь; влѣво пойдешь—самъ пропадешь!“

Копировать на просвѣтъ или даже свободною рукою, но медленнымъ движеніемъ пера — значитъ придать копіи характеръ рисованной, выдать поддѣлку съ этой стороны. Дѣйствовать быстрымъ, свободнымъ движеніемъ руки — слѣдовъ рисовки не будетъ, но зато и сходства внѣшняго меньше и своего почерка внесетъ много.

Необходима какая-нибудь особенная случайность, чтобы поддѣлыватель, внимательно слѣдя за медленнымъ ходомъ своего пера и постоянно видя передъ собою копируемый образецъ, написалъ не такъ, какъ въ оригиналѣ, а такъ, какъ онъ самъ обыкновенно пишетъ. Если и выйдетъ грѣхъ, какой-нибудь элементъ его почерка попадетъ въ копію, то все-таки эта случайность не дастъ достаточнаго матеріала для указанія на него, какъ на автора поддѣлки.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ, въ которыхъ мнѣ приходилось выступать въ роли свѣдущаго лица, было дѣло о подлогѣ векселей покойнаго Кокорева (1 отд. Спб. окр. суда, 1889 г.).

Соглашаясь съ другими экспертами, что рука Кокорева не участвовала въ нанесеніи на векселя подписей, я рѣшительно отказался присоединиться къ товарищамъ, когда они усмотрѣли „несомнѣнныя“ доказательства того, что поддѣлка совершена рукою обвиняемой, г-жей М. Въ то время я былъ, что называется, „вновѣ“, и меня поражала легкость, съ которою мои коллеги безповоротно разрѣшили такой трудный вопросъ: единственнымъ доказательствомъ въ пользу сдѣланнаго ими вывода былъ фактъ нахожденія г-жи М. на скамьѣ подсудимыхъ.

Впослѣдствіи я спокойнѣе относился къ такимъ приговорамъ. Однажды судебн. слѣд. Спб. уѣзда А. П. Ивашенцовъ предложилъ мнѣ, по требованію наблюдавшаго за слѣдствіемъ тов. прокурора, опредѣлить, *чьей рукой поставлены три креста* (А. П. Ивашенцовъ благополучно здравствуетъ) подъ роспиской въ полученіи швейной машины. Послѣ моего заявленія о недостаточности моихъ познаній для рѣшенія подобной задачи, „изслѣдованіе“ поручили содержателю типо-литографіи, и онъ, въ какихъ-нибудь 10 минутъ, посрамилъ меня самымъ рѣшительнымъ образомъ: „по характеру почерка и пріемамъ письма“ три креста оказались несомнѣнно принадлежавшими рукѣ обвиняемаго.

Я не могу сказать утвердительно, были ли случаи опредѣленія личности по „характеру почерка и пріемамъ письма“ сдѣланной на бумагѣ чернильной кляксы.

Благоразумно поступитъ экспертъ-графологъ, если совсѣмъ не позволитъ ставить себя на зыбкую и скользкую почву опредѣленія личности по почерку, копированному не свободною рукой. Чѣмъ труднѣе задача, тѣмъ большее желаніе возбуждаетъ она одолѣть трудность и и найти рѣшеніе. Достаточно самаго слабаго намека на сходство съ почеркомъ заранѣе указаннаго лица, чтобы доказательства, вродѣ совпаденія буквъ или числа разрывовъ между ними, сами стали толпою подвертываться подъ руку. Напоминаю дѣло о подлогѣ довѣренностей Добродѣева, которое я уже разсказалъ; если бы вмѣсто рукописи судебнаго слѣдователя я подсунулъ экспертамъ ихъ собственныя писанія—ручаюсь, что они, придя въ азартъ, сами себя объявили бы несомнѣнными совершителями подлога довѣренностей! Руку Израиля Гутшабаша, дѣйствительнаго виновника подлога, признать было уже не трудно—онъ писалъ свободною рукой, ничуть не измѣняя умышленно свой почеркъ и не копируя чужой.

Въ камерѣ суд. слѣд. 13 участка, одинъ изъ моихъ рѣшительныхъ коллегъ, литографъ, будучи приглашенъ сказать, сдѣлана ли поддѣлка подписи которымъ нибудь изъ двухъ обвиняемыхъ, Галлеромъ или Фрейндомъ, не хорошо разслышалъ вопросъ и „по довольномъ обсужденіи“ заявилъ, что поддѣлывателемъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, Галлерфрейндъ!

Трудно рѣшить, какъ придется поступать въ подобныхъ случаяхъ благоразумному и осторожному эксперту тогда, когда, „за отказъ отъ изслѣдованія“ его будутъ штрафовать (Проэктъ уст. гр. суд. ст. 420)? Останется одно—обвинять Галлерфрейнда.

Въ этомъ дѣлѣ Галлера и Фрейнда слѣдствію необходимо было узнать, кто изъ этихъ двухъ лицъ написалъ анонимное письмо, составлявшее центръ дѣла. Почеркъ письма свободный, но явно измѣненный; предполагать-же, что писавшій подражалъ почерку другого

лица—не было основанія. При такихъ условіяхъ, въ рукопись должно было войти нѣкоторое количество элементовъ почерка автора, но столь незначительное, что совокупность ихъ не составитъ сигналементъ, достаточный для положительнаго опредѣленія личности писавшаго. Изъ этого слѣдуетъ, что результатъ экспертизы (я говорю про правильную) не разрѣшилъ бы, ни въ какомъ случаѣ, заданный вопросъ полностью, но лишь съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ. Отвѣтъ эксперта вышелъ-бы такой: „*болѣе вѣроятности*, что авторомъ письма былъ Фрейндъ, чѣмъ Галлеръ“—и только. Пусть дѣло идетъ не о рукописи, а о платьѣ или о сапогахъ, и насъ спросили, которому изъ нѣсколькихъ подозрѣваемыхъ принадлежитъ то или другое. Здѣсь возможна только „экспертиза исключенія“, т. е. указаніе тѣхъ изъ данныхъ лицъ, которымъ сюртукъ или сапоги совсѣмъ не впору. По дѣлу одного воронежскаго священника (требованіе исполнялъ суд. слѣд. Г. П. Завьяловъ), мнѣ предложено было сказать, который изъ трехъ подозрѣваемыхъ, А, Б, В, писалъ документъ; я заявилъ, что „положительнаго отвѣта дать не могу, но полагаю что не А, потому что элементовъ его почерка въ рукописи совсѣмъ нѣтъ“. Въ самомъ дѣлѣ, если сапоги или сюртукъ впору одному изъ трехъ лицъ и совсѣмъ не впору другимъ, то такое обстоятельство еще не служитъ уликой противъ этого именно лица, потому что на свѣтѣ есть очень много людей, которымъ тѣ же сапоги или сюртукъ могутъ быть впору.

Въ подобныхъ случаяхъ экспертъ-графологъ обязанъ твердо помнить наставленіе ст. 1753 устава врачебнаго, что „лучше признаться въ невозможности дать заключеніе, чѣмъ запутывать и затмѣвать дѣло заключеніями неосновательными“.

Существуетъ три разновидности экспертовъ по почеркамъ. Къ первому изъ нихъ принадлежитъ тотъ петербургскій типографъ Ш. (я говорилъ уже о немъ на стр. 13) который, правильно понявъ свою роль распознавателя, отказался разсуждать о наличности или отсутствіи подлога и согласился только высказать впечатлѣніе о сходствѣ почерковъ, не вдаваясь въ обосновываніе этого впечатлѣнія. Вторую разновидность составляетъ подавляющее большинство гг. каллиграфовъ, граверовъ, типографовъ и т. п., твердо вѣрящихъ въ свою непогрѣшимость, подгоняющихъ доказательства къ заранѣе составленному заключенію и полагающихъ, что для каллиграфа неразрѣшимыхъ задачъ не существуетъ. Третьи—тѣ немногіе эксперты, которые, стараясь освободиться отъ впечатлѣнія и постороннихъ соображеній, пытаются построить свое мнѣніе на возможно-объективныхъ данныхъ; эти послѣдніе эксперты, знающіе о несовершенствѣ искусства изслѣдованія письменъ, чаще всего уклоняются отъ окончательныхъ приговоровъ и считаютъ себя обязанными только собрать судьямъ данныя для сужденія.

Самая опасная и, къ сожалѣнію, самая излюбленная судьями разновидность—вторая. Она опасна тѣмъ, что, не обладая никакими знаніями и строя выводы на основаніи того же впечатлѣнія, что и экспертъ первой разновидности, стремится придать своимъ заключеніямъ возможно—болѣе научную форму, всегда оказывающую дѣйствіе не только на присяжныхъ засѣдателей, но и на коронныхъ судей. Поучительнымъ примѣромъ можетъ служить слѣдующее дѣло, разбиравшееся въ судѣ присяжныхъ Цюрихскаго кантона еще въ 1863 г. *).

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1863 года, кожевникъ Мейеръ въ Цюрихѣ былъ обвиненъ сапожникомъ Вепферомъ въ подлогѣ векселя. Произведено было слѣдствіе, которое прекращено прокурорскою властью въ іюнѣ 1863 г. Въ прокурорскомъ заключеніи сказано: «предлежащій матеріалъ недостаточенъ для того, чтобы можно было убѣдиться въ виновности Мейера, потому что не всѣ показанія Вепфера доказаны, особенно же потому, что не вѣроятно, чтобы Вепферъ, не заявляя о преступленіи Мейера, уплатилъ значительную сумму денегъ, которой долженъ не былъ, и молчалъ бы объ этомъ цѣлый годъ».

Вепферъ и послѣ этого не успокоился: онъ чрезъ адвоката, въ порядкѣ частнаго обвиненія, повелъ дѣло противъ Мейера, обвиняя его въ квалифицированномъ мошенничествѣ. Законъ, относящійся до уголовнаго судопроизводства въ § 10, дозволяетъ пострадавшему, по примѣру шотландскаго права, начать частное уголовное обвиненіе, если онъ обезпечитъ судебные издержки и вознагражденіе подсудимому, на случай оправданія послѣдняго. О допущеніи подобнаго обвиненія рѣшаетъ судебное мѣсто, коему дѣло подсудно, а въ случаяхъ, подлежащихъ суду присяжныхъ—коммиссія обвиненія (Die Anklagecommission). Въ настоящемъ случаѣ обвиненіе коммиссіею этою допущено было.

Вопросъ состоялъ въ томъ, сдѣланъ-ли въ двухъ векселяхъ Вепфера на имя Мейера, отъ 4 и 7 декабря 1861 года, подлогъ такого рода, что въ обоихъ векселяхъ первоначальная сумма въ 73 франка, передѣлана на 973 и 473 франка, и не чрезъ простое только прибавленіе цифръ 9 и 4, но и написаніемъ словъ: «девятьсотъ семьдесятъ три франка и «четыреста семьдесятъ три фр.»? затѣмъ, учинилъ-ли соотвѣтствующую поддѣлку Мейеръ и въ своей счетной книгѣ?

Книговодство Мейера не было чисто торговое; велось оно безпорядочно и неправильно, какъ обыкновенно бываетъ у ремесленниковъ; во многихъ мѣстахъ цифры зачеркнуты, въ другихъ прибавлены. Но вообще Мейеръ былъ извѣстенъ какъ ловкій торговецъ и неумолимый заимодавецъ, который въ вексельныхъ отношеніяхъ съ своими должниками, сапожниками, немедленно прибѣгалъ къ строгости закона. Дѣла Вепфера велись безпорядочно и въ высшей степени безпутно. Судебный слѣдователь передалъ сомнительные векселя и извлеченное мѣсто изъ книги земскому писцу Гаусгеру для изслѣдованія и сличенія почерковъ. Сличеніе это, продолжавшееся нѣсколько недѣль, привело къ результату неблагопріятному для подсудимаго. Мнѣніе эксперта свидѣтельствуетъ о большомъ его радѣніи. Въ добросовѣстности его тѣмъ менѣе можно сомнѣваться, что онъ не аподиктически высказывалъ свое мнѣніе, а очень часто лишь въ формѣ предложеній. Когда онъ явился передъ присяжными, то сдѣлалъ свои выводы наглядными тѣмъ, что надлежащія мѣста въ векселяхъ и въ записной книгѣ онъ списалъ

*) Юрид. Вѣстникъ 1867—68 г., кн. 2 августъ. «Сличеніе почерковъ» Озенбрюгена.

на классную доску; векселя и книга также ходили по рукамъ присяжныхъ во время объясненій. Со стороны защиты представленъ былъ въ судъ другой экспертъ, который, однако, въ противуположность первому, держалъ себя неловко и стѣсненно, и безъ дальнѣйшихъ доводовъ объявилъ, что по его убѣжденію и и согласно изслѣдованію, произведенному имъ при посредствѣ лупы въ канцеляріи высшаго суда, векселя и написанное въ книгѣ нисколько не подозрительны, что все это писано одними чернилами и въ одно время, и что, такимъ образомъ, о подлогѣ и рѣчи быть не можетъ.

Обвинитель въ дальнѣйшихъ выводахъ своихъ настойчиво ссылался на изслѣдованіе перваго эксперта. Другой экспертъ, не приводя никакихъ основаній, сказалъ только: «все вѣрно», и такимъ экспертомъ могъ бы быть всякій. Пусть присяжные сами повѣрятъ, кто изъ обоихъ экспертовъ представилъ лучшія основанія своего мнѣнія и т. п. Присяжные послѣдовали этимъ словамъ обвинителя. Публика съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала приговора присяжныхъ, который, по непростительной нескромности, сдѣлался извѣстнымъ еще до объявленія его. Узнали, что вердиктъ гласитъ: «виновенъ»; это было сообщено и подсудимому, и (странное дѣло) ему предложено было еще въ послѣднюю минуту помириться съ Вепферомъ. Мейеръ рѣшительно отказался отъ всякой мировой сдѣлки.

Обвиненіе было признано присяжными во всемъ своемъ объемѣ. Когда это было объявлено старшиной присяжныхъ, то Мейеръ бросилъ свою шляпу въ присяжныхъ и въ крайнемъ изступленіи вскричалъ: «это предательскій приговоръ»! Потомъ онъ обратился къ сидѣвшему позади его эксперту Гаусгеру и бросилъ ему въ голову памятную книжку, говоря: «Вы, съ вашей проклятой, предательской экспертизой»! чтобы прекратить эту потрясающую сцену, нужно было вывести подсудимаго.

По провозглашеніи приговора о виновности, прокурорская власть дала свое заключеніе о наказаніи, и предложила двухъ лѣтнее содержаніе въ смирительномъ домѣ, а взысканіе за неприличное поведеніе подсудимаго въ судѣ присяжныхъ представила суду. Частный обвинитель заявилъ свои требованія о взысканіи за убытки и т. д.

Судъ приговорилъ подсудимаго къ трехлѣтнему тюремному заключенію за квалифицированный обманъ на сумму въ 1027 франковъ, къ пени въ 800 франковъ, къ четырехлѣтнему лишенію правъ гражданства (aktiv bürgerrecht), къ уплатѣ 1027 франковъ съ процентами (такъ какъ эта сумма выплачена уже Вепферомъ) и къ уплатѣ 200 франковъ судебныхъ издержекъ. За непристойное поведеніе и неуваженіе къ суду на него наложена пеня въ 35 франковъ.

Мейера подвергли лишенію свободы. Напрасно старался онъ во время заключеніе о реституціи. Когда прошло болѣе двухъ лѣтъ его заключенія, тогда остальные 323 дня ему замѣнены были 22 мѣсячнымъ ограниченіемъ мѣстожительства предѣлами города Цюриха (19 октября 1865 г.). Наконецъ, Мейеръ нашелъ своего спасителя въ лицѣ адвоката, Шпильмана, соединявшаго въ себѣ энергію съ замѣчательною осмотрительностью, которая помогла ему опереться въ своей просьбѣ о реституціи на такія новыя обстоятельства, nova, которыя должны были представиться высшему суду уважительными. На сколько эти nova открыли такія данныя, которыя явно обличили Вепфера, какъ лгуна и обманщика въ процессѣ, я повторять здѣсь не намѣренъ, а приведу только то, что имѣетъ отношеніе къ моей темѣ о сличеніи почерковъ.

Шпильманъ пригласилъ трехъ экспертовъ, которымъ судъ часто поручалъ значеніе почерковъ. Отдѣльно другъ отъ друга, эти люди предприняли самое

тщательное изслѣдованіе, и составитель просьбы о пересмотрѣ дѣла могъ употребить добытый ими результатъ какъ первый доводъ и поставить на видъ, что три новыя изслѣдованія экспертовъ заключаютъ въ себѣ не только опроверженіе изслѣдованія Гаусгера, но что они, частью на тѣхъ же, частью на различныхъ основаніяхъ, приводятъ къ неопровержимому заключенію, что ни въ обоихъ векселяхъ, ни въ соотвѣтствующей отмѣткѣ въ записной тетради, подлога не могло и быть по самому свойству и начертанію написаннаго, а, слѣдовательно, и не было. Составитель просьбы говоритъ: «я рѣшительнымъ образомъ полагаю, что эти три изслѣдованія составляютъ прямое доказательство того, что г. Мейеръ подлога въ документахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не сдѣлалъ и, слѣдовательно, преступленія, за которое наказанъ, отнюдь не совершилъ».

По рѣшенію соединенныхъ департаментовъ высшаго суда въ августѣ 1861 г., назначено было дополнительное изслѣдованіе дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ высшимъже судомъ поручено было весьма опытному человѣку сдѣлать новую экспертизу, которая вполнѣ оказалась въ пользу осужденнаго Мейера. Рѣшеніе о реституціи отъ 8 декабря 1866 г. основано было на § 141 лит. А. Устава Уголовнаго Судопроизводства, гдѣ говорится: «по всякому окончательному рѣшенію можно просить о возстановленіи правъ прежняго состоянія, когда окажется, что преступленіе, за которое послѣдовало осужденіе, или вовсе не было совершено, или совершено другимъ лицомъ». Высшій судъ долженъ былъ придти къ заключенію, что присяжные не признали бы виновности Мейера, если не склонены были бы къ этому мнѣніемъ эксперта Гаусгера и еслибъ они знали Венфера такимъ, какимъ обнаружило его дополнительное слѣдствіе. Противъ показанія Венфера, что онъ въ декабрѣ 1861 г. не получилъ отъ Мейера количества подошвенной кожи, соотвѣтствующаго суммѣ одного изъ векселей, а унесъ только подъ мышкой 36½ фун., было дополнительно удостовѣрено показаніемъ свидѣтеля, вполнѣ заслуживающаго довѣрія, что Венферъ тогда купилъ въ лавкѣ Мейера большой тюкъ подошвенной кожи, положилъ на ручную телѣжку и увезъ. Между собственными бумагами Венфера, утаенными имъ прежде, найдена была записная книжка, въ которой находились замѣтки относительно его торговыхъ разсчетовъ съ Мейеромъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1861 г., и въ той книжкѣ его рукой было написано карандашомъ число 473. Вексель на 473 фр. былъ уплаченъ Венферомъ въ январѣ 1862, и только годъ спустя онъ сталъ утверждать о подложности этого векселя.

Кто отвѣтственъ за эту ошибку? Общественное мнѣніе и юридическіе журналы обрушились на писца Гаусгера, какъ на единственнаго виновника несчастія; онъ ввелъ въ заблужденіе обвинительную власть, судей и присяжныхъ.

Писецъ Гаусгеръ—это тотъ самый злополучный стрѣлочникъ, который неукоснительно бываетъ повиненъ во всѣхъ желѣзнодорожныхъ крушеніяхъ. Гаусгеровъ создала вѣковая практика судовъ, всегда требовавшая отъ людей опыта чтобы они объясняли необъяснимое, т. е. мотивировали свои впечатлѣнія и, сверхъ того, давали рѣшенія въ окончательной формѣ, *да* или *нѣтъ*. Гаусгеръ явился въ судъ экспертомъ обвиненія, былъ приглашенъ судомъ, и потому присяжные засѣдатели имѣли полное основаніе смотрѣть на него какъ на оффиціальнаго избранника, рекомендуемаго судебной властью ученаго, обладаю-

щаго всѣми необходимыми для изслѣдованія почерковъ познаніями. Такъ смотрятъ и наши присяжные засѣдатели на экспертовъ обвиненія: судъ-де не даромъ его сюда призвалъ: должно быть, онъ самый лучшій изъ всѣхъ такихъ искуссниковъ!

Въ 1890 году, въ Витебскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію отставного штабсъ-капитана Сазонова въ подлогѣ, состоявшемъ будто-бы въ томъ, что онъ, Сазоновъ, вставилъ въ росписку Крутова, между текстомъ и подписью, двѣ строки. Витебскій слѣдователь послалъ документъ въ Петербургъ для производства экспертизы, которая должна была рѣшить, писаны ли двѣ послѣднія строки тѣми же чернилами, которыми писанъ остальной текстъ, или другими. По обычаю, петербургскій слѣдователь поручилъ изслѣдованіе чернилъ не химикамъ, но тѣмъ-же типо-литографамъ, которые вызывались всегда въ С.-Петербургскій окружный судъ для сличенія почерковъ. Эксперты вынесли такой приговоръ: „такъ какъ двѣ послѣднія строки нѣсколько блѣднѣе остальныхъ, то мы, такіе-то, признаемъ, что онѣ писаны другими чернилами“. Благодаря этой экспертизѣ, Сазоновъ сѣлъ на скамью подсудимыхъ.

Мнѣ пришлось присутствовать, въ качествѣ эксперта вызваннаго обвиняемымъ, при разсмотрѣніи дѣла Сазонова въ Витебскомъ окружномъ судѣ, и я всю жизнь не забуду тотъ день. Когда дошла очередь до допроса экспертовъ, я заявилъ суду, что чернила послѣднихъ двухъ строкъ почти всѣхъ рукописей бываютъ блѣднѣе остальныхъ, выше стоящихъ, по той простой причинѣ, что пишущіе имѣютъ обыкновеніе, по окончаніи письма, снимать излишекъ чернилъ прессъ-бюваромъ. Верхнія строки, какъ успѣвшія высохнуть, остаются послѣ этого безъ измѣненія; послѣднія же, одна или двѣ, отдаютъ часть чернилъ впитывающей въ себя влагу бумагѣ и, потому, естественно, должны быть блѣднѣе остальныхъ. Для доказательства я предложилъ суду перелистать страницы хотя слѣдственнаго производства, лежащаго передъ его глазами. Затѣмъ, я обратилъ вниманіе суда на то, что о составѣ чернилъ компетентны судить не сличители почерковъ, но химики, въ качествѣ каковыхъ могли бы быть приглашены мѣстные аптекаря-фармацевты. Тутъ же, въ засѣданіи, была сдѣлана предварительная проба чернилъ растворомъ щавелевой кислоты, причемъ *расплывъ* верхнихъ и нижнихъ строкъ получился одного цвѣта. Въ вызовѣ фармацевтовъ судъ защитнику, прис. пов. Шестаковскому, отказалъ и продолжалъ слушать дѣло. Обвинитель, тов. прокурора Ф., дойдя въ своей рѣчи до оцѣнки показаній экспертовъ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Витебскій судъ, г.г. присяжные засѣдатели, потому и послалъ документъ въ Петербургъ, что въ нашемъ городѣ нѣтъ спеціалистовъ по изслѣдованію документовъ. Экспертъ Буринскій старался здѣсь подо-

рвать, въ вашемъ мнѣніи, достовѣрность заключеній петербургскихъ экспертовъ, но вы, г.г. присяжные, не должны забывать, что *Буринскій вызванъ по просьбѣ защиты и по соглашенію съ нею*. Можно ли повѣрить, чтобы въ Петербургѣ, столицѣ Имперіи, гдѣ есть Университетъ, Академія Наукъ и множество другихъ ученыхъ учрежденій, судебный слѣдователь поручилъ экспертизу по такому дѣлу не выдающимся спеціалистамъ, но лицамъ, которыя, по выраженію г. Буринскаго, никакого касательства къ изслѣдованію чернилъ не имѣютъ?"

Доводъ прокурора показался присяжнымъ настолько убѣдительнымъ, что они обвинили Сазонова, который, вслѣдъ за провозглашеніемъ вердикта, выстрѣлилъ себѣ въ ухо изъ пистолета и хотя остался какимъ-то чудомъ живъ, но навѣкъ себя изуродовалъ.

А черезъ годъ Сенатъ отмѣнилъ не только рѣшеніе суда и приговоръ присяжныхъ, но и все производство, начиная съ преданія суду (Кони, Судебныя рѣчи т. II). Взволнованное общественное мнѣніе и въ этомъ случаѣ предало проклятію экспертовъ.

„Страшно становится за разрѣшеніе, которое получаютъ дѣла на основаніи каллиграфической экспертизы" говоритъ въ своей статьѣ г. Щегловитовъ (см. выше, стр. 128). Еще страшнѣе, прибавлю я, когда химическая экспертиза поручается всѣмъ, кромѣ химиковъ, т. е. портнымъ, парикмахерамъ и др. такимъ же спеціалистамъ.

„Трудно сказать", продолжаетъ г. Щегловитовъ: „съ чѣмъ больше приходится бороться Правосудію—съ поддѣлывателями или съ фантазіями каллиграфовъ". Но, развѣ не Цюрихскій судъ призвалъ земскаго писца Гаусгера? Развѣ не тотъ же судъ позволилъ ему играть передъ присяжными роль „свѣдущаго" лица тогда какъ и „опытнымъ" то лицомъ онъ едва-ли имѣлъ право себя считать?

Неужели же Цюрихскіе судьи не понимали, что для присяжныхъ засѣдателей избранникъ судебныхъ властей—лицо авторитетное, обладающее всѣми потребными для эксперта-графолога свѣдѣніями? А прокуроръ? Не онъ-ли старался утвердить въ присяжныхъ довѣріе къ лукаво-мудрствовавшему писарю?

Совершенно естественно, что рекомендованный старается въ грязь лицомъ не ударить: онъ импровизируетъ какую-то абракадабру о пламевидныхъ штрихахъ или о свѣтѣ, проходящемъ черезъ конденсаторъ, которая тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на жюри, чѣмъ меньше оно въ состояніи ее понять.

Допустимъ, для примѣра, что писецъ Гаусгеръ былъ дѣйствительно свѣдущій графологъ и извѣстенъ суду, какъ таковой. Даже и при такомъ допущеніи, отвѣтственность за ошибку остается всецѣло на судѣ, потому что, ставя рядомъ „свѣдущаго" Гаусгера и „опытнаго" эксперта защиты, (того самаго, котораго прокуроръ обозвалъ „первымъ

встрѣчнымъ"), судъ долженъ былъ объяснить присяжнымъ различіе обязанностей того и другого.

Предсѣдатель Цюрихскаго суда, заставившаго присяжныхъ разбираться въ противорѣчивыхъ показаніяхъ „свѣдущаго" (по нашему допущенію) и „опытнаго" людей, забылъ предупредить о трехъ судебныхъ правдахъ и тѣмъ создалъ почву для ошибочнаго вердикта.

Возвратимся къ дѣлу Мейера. Задача экспертовъ состояла не въ сличеніи почерковъ (какъ текстъ векселя, такъ и инкриминированныя части его писаны Мейеромъ), а въ опредѣленіи времени написанія словъ „девятьсотъ семьдесятъ три франка" и „четыреста пятьдесятъ три франка", т. е. о томъ, писаны ли эти слова одновременно съ текстомъ росписки, или добавлены впослѣдствіи. Этого рода вопросы создаютъ эксперту широкое поприще для примѣненія такихъ пріемовъ, какъ совпаденіе изображеній на пленкахъ, счетъ связанныхъ и несвязанныхъ буквъ и т. п., а также и другихъ измышленій невѣжественныхъ, но самомнительныхъ каллиграфовъ. Какъ и въ дѣлѣ штабсъ-капитана Сазонова, эксперты сличители были призваны для сужденія о чернилахъ и, разумѣется, производили эту экспертизу „на глазъ"; писецъ Гаусгеръ поставилъ въ залѣ суда большую черную доску и чертилъ какую то кабалистику, но совсѣмъ не для того, чтобы присяжные уразумѣли что-нибудь, а для устрашенія ихъ, для внушенія имъ бóльшаго довѣрія къ его писарской премудрости.

Это было сорокъ лѣтъ назадъ, когда наука не подарила еще человѣчество „красящимъ веществомъ Р", „свѣтомъ, проходящимъ черезъ конденсаторъ" и другими могущественными орудіями графическаго изслѣдованія. Plus ça change, plus c'est la même chose.

Въ большомъ ходу еще одно asylum ignorantiae—способъ доказывать, что текстъ пригонялся къ подписи. Способъ этотъ состоитъ въ подсчитываніи буквъ въ каждой строкѣ и, если въ послѣднихъ строкахъ меньше или больше буквъ, чѣмъ въ верхнихъ, то утверждаютъ, что текстъ подгонялся съ подписи, т. е. письмо сжималось или разгонялось умышленно. Такимъ образомъ, почеркъ приравнивается, къ типографскому шрифту или письму на пишущей машинѣ, гдѣ число буквъ всегда одно и тоже. Необходимо добавить еще, что при счетѣ буквъ обыкновенно дѣлается грубѣйшая ошибка—интервалы между словами совсѣмъ не идутъ въ счетъ!

Такого рода экспертиза была примѣнена даже въ милліонномъ дѣлѣ Субботина съ Аржановымъ, производившемся въ гражданскомъ отдѣленіи Самарскаго окружнаго суда, затѣмъ разсматривавшемся въ уголовномъ порядкѣ въ Тамбовскомъ окружномъ судѣ въ 1891 году. Было принято въ соображеніе не только число буквъ въ каждой строкѣ, но и интервалы между строками и даже содержаніе росписки! Едва ли

найдется рукопись, продѣлавъ съ которою эти глубокомысленныя вычисленія, нельзя доказать желанія писавшаго подогнать конецъ къ тому самому мѣсту, гдѣ онъ въ дѣйствительности есть. По одному дѣлу мнѣ пришло на мысль примѣнить этого рода соображенія моего сотоварища эксперта къ его-же собственному письменному заключенію и только этимъ способомъ удалось не допустить судъ увлечься буквенной бухгалтеріей! Кто сколько нибудь слѣдитъ за своимъ писаніемъ, можетъ поймать себя на мысленномъ разсчетѣ, сколько именно мѣста займетъ начатое имъ письмо, и разъ сдѣланная догадка до такой степени пріобрѣтаетъ вліяніе на пишущаго, что онъ старается закончить именно тамъ, гдѣ предположилъ, оправдать свой глазомѣръ. Попробуйте опредѣлить на глазъ разстояніе до какого нибудь предмета въ шагахъ и потомъ измѣрьте это разстояніе шагами; въ концѣ пути, незамѣтно для самого себя, если не слѣдить внимательно, станете дѣлать шаги короче или длиннѣе прежнихъ, смотря по тому, въ какую сторону вышла ошибка при глазомѣрномъ разсчетѣ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ множества безсознательныхъ дѣйствій, обычныхъ всѣмъ намъ, но не замѣчаемыхъ при отсутствіи способности къ самонаблюденію. Эксперты склонны считать поддѣлывателей даже милліонныхъ документовъ за очень наивныхъ людей; къ тому же, подсчетъ буквъ дѣло очень легкое, не требующее ни знаній, ни опыта, но съ внѣшней стороны замѣняющее для судебной экспертизы то и другое! Повторяю, если этотъ доводъ принять за доказательство, что написаніе подписи предшествовало написанію текста, то очень мало найдется документовъ, въ которыхъ былъ соблюденъ обратный порядокъ! На самомъ дѣлѣ поддѣлыватели, пригоняющіе текстъ къ подписи, несравненно хитрѣе, чѣмъ ихъ считаютъ гг. эксперты. Интересный случай представляетъ дѣло Могилевскаго окружнаго суда (1890 г.) о подлогѣ условія отъ имени штабъ-ротмистра Т. на сумму въ 80000 рублей. По увѣренію потерпѣвшаго, онъ никогда не подписывалъ никакой подобной бумаги и хотя подпись поразительно похожа на его собственную, но объяснить происхожденіе ея онъ не можетъ. Съ лицомъ, предъявившимъ къ нему искъ, имѣлъ дѣло, но всегда на незначительныя суммы, покупалъ у него сѣно и т. д.

Началось, какъ водится, съ сличенія почерковъ. Не имѣя возможности упрекнуть въ чемъ-нибудь сходство подписи подъ условіемъ съ почеркомъ г. Т., эксперты занялись подсчетомъ буквъ въ строкахъ, но и тутъ удачи не послѣдовало; число буквъ во всѣхъ строкахъ оказалось одинаковое, интервалы соблюдены, лишнихъ словъ нѣтъ,—словомъ, все какъ слѣдуетъ. Нѣсколько разъ присылали документъ изъ Могилева въ Петербургъ для сличенія почерковъ и всегда съ тѣмъ же неуспѣхомъ—подпись всѣми признана подлинною (сходство отожде-

ствлялось съ подлинностью). Впослѣдствiи оказалось, что поддѣлыватели склеили два поллиста такимъ образомъ:

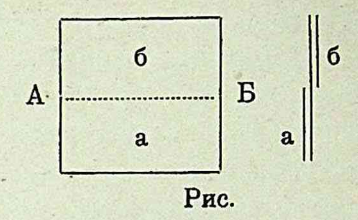

Рис.

т. е. разорвали одинъ изъ поллистовъ на двѣ доли а и б, изъ которыхъ одну *б* положили на переднюю верхнюю часть другого поллиста, а другую *а* на заднюю нижнюю. Для этого бумага была, конечно, отволожена, смазана по краямъ крахмаломъ, склеена, спрессована и перегнута по линiи АБ для того, чтобы линiя склейки не была замѣчена. Послѣ этого, на половинѣ *б* былъ написанъ текстъ какой то росписки по продажѣ сѣна или что-то въ этомъ родѣ, на очень малую сумму, и оконченъ какъ разъ надъ складкой АБ, такъ что подпись г. Т. по необходимости должна была помѣститься ниже складки.

Получивъ подпись, поддѣлыватели отмочили доли *а* и *б* и у нихъ въ распоряженiи оказался полулистъ съ одной только подписью г. Т. безъ всякаго текста. Дальнѣйшее понятно!

Обнаружилась эта поддѣлка совершенно случайно. Дѣло въ томъ, что г. Т-въ, подписывая свой чинъ и фамилiю ниже складки АБ, верхнюю черту надъ буквой *Т* загнулъ подъ конецъ кверху, такъ что окончанiе попало выше складки АБ, то есть на ту долю *б*, которую потомъ отняли прочь. Такъ какъ, послѣ снятiя доли *б* вмѣстѣ съ окончанiемъ черты, эта послѣдняя производила впечатлѣнiе неоконченной, срѣзанной, то пришлось додѣлать недостающiй отчеркъ и, конечно, другими чернилами. Это-то различiе чернилъ, обнаруженное фотографiей, и навело на слѣдъ, а окуриванiе бумаги парами iода, вслѣдствiе чего крахмалъ по краямъ далъ синюю рамку, объяснило весь секретъ поддѣлки. Дѣло это получило, въ свое время, названiе „дѣла о подложной черточкѣ“. Дѣйствительно, не случись эта черточка, Богъ знаетъ, удалось-ли бы эксперту додуматься до раскрытiя подлога *).

Составляя планъ подлога, поддѣлыватели предусмотрѣли, разумѣется, что въ случаѣ поступленiя документа въ судъ и возникновенiя спора о подлогѣ, проницательные эксперты непремѣнно займутся буквенной бухгалтерiей; они, поддѣлыватели, заблаговременно составили текстъ будущей росписки такъ, чтобы, по занимаемому имъ на бумагѣ мѣсту она въ точности отвѣчала той временной роспискѣ, которая была наклеена

*) И. Щегловитовъ. Юридич. Лѣтопись 1891 г. кн. III.

на верхнюю половину листа. Да и не мудрено предусмотрѣть: арсеналъ гг. каллиграфовъ не обширенъ и давно извѣстенъ.

По дѣлу Субботина съ Аржановымъ, о которомъ было говорено выше, большую роль играла вставка буквы *и* въ росписку Аржанова. Субботинъ продалъ Аржанову свою мельницу за 200,000 рублей и самъ же арендовалъ ее за 15,000 р. въ годъ съ тѣмъ, что если по истеченіи опредѣленнаго числа лѣтъ Субботинъ внесетъ Аржанову капитальную сумму, то можетъ получить мельницу обратно въ свою собственность. По истеченіи нѣкотораго времени, Субботинъ подалъ искъ о понужденіи Аржанова къ передачѣ ему, Субботину, мельницы, такъ какъ сумма 200,000 рублей Аржанову уже уплачена, въ доказательство чего представилъ росписку Аржанова.

Росписка эта представляла сложенный вдвое полулистъ бумаги, на которомъ выше складки была написана, рукою Субботина, росписка о полученіи, согласно условію, 200,000 р.; затѣмъ, послѣдняя передъ складкой строка оканчивалась словами „а равно“ и на первой строкѣ *ниже* складки написано „получилъ и арендныя деньги“ и пр.; въ концѣ подпись Аржанова.

По объясненію Аржанова, Субботинъ уплатилъ ему только арендныя деньги, въ чемъ онъ, Аржановъ, и выдалъ росписку; все же, что написано выше, добавлено Субботинымъ безъ его, Аржанова, вѣдома и согласія. Изъ этого объясненія вытекало предположеніе, что росписка была писана Субботинымъ на сложеномъ вдвое полулистѣ бумаги такъ, что верхняя часть, отогнутая назадъ, оставалась чистой; самая же росписка начиналась словами „получилъ арендныя деньги“, а союзъ *и* вставленъ впослѣдствіи для того, чтобы связать верхній, подложный текстъ съ нижнимъ, подлиннымъ.

Чернила всего текста росписки, какъ въ верхней, такъ и въ нижней частяхъ и въ спорной буквѣ *и* одни и тѣ же. Разстановка словъ „получилъ“ *и* „арендныя деньги“ совершенно правильная, что можно было объяснить намѣреннымъ оставленіемъ Субботинымъ достаточнаго интервала между *получилъ* и *арендныя* чтобы потомъ вставить *и*. Вопросъ могъ быть разрѣшенъ только фотографическими увеличеніями, по которымъ легко видѣть, подходитъ ли буква *и* съ амплитудѣ почерка. Дѣло въ томъ, что, имѣя при письмѣ точкою опоры конецъ мизинца или мякоть руки, мы дѣлаемъ не вездѣ оди-

наковые уклоны линій буквъ, но измѣняемъ ихъ періодически, при каждомъ перемѣщеніи точки опоры, т. е. въ началѣ каждой амплитуды пишемъ прямо, но далѣе все больше наклоняемъ линіи вправо до тѣхъ поръ, пока дальнѣйшее писаніе затрудняется и требуетъ перемѣщенія точки опоры далѣе, по направленію письма.

Предположимъ, зная это, что въ увеличеніи оказывается, что одна изъ буквъ и именно спорная, нарушаетъ указанный порядокъ т. е. не составляетъ съ сосѣдними буквами постепеннаго наклоненія линій.

Это уже можетъ служить основаніемъ для предположенія (но не утвержденія), что буква поставлена позже.

Поправки и вставки ограничиваются, обыкновенно, добавленіемъ одной буквы или цифры или даже части цифры, напр. изъ 1 дѣлаютъ 4 или 7 приставкой одной черты; рѣдко отваживаются вставить или исправить цѣлое слово, такъ какъ это трудно сдѣлать безъ замѣтныхъ слѣдовъ передѣлки.

Въ Петербургской газетѣ (1891 г. № 317) описана, въ бесѣдѣ репортера газеты съ присяжнымъ судебнымъ фотографомъ А. Н. Малевинскимъ, экспертиза этаго рода, произведенная въ судебно-фотографической лабораторіи при прокурорѣ СПБ. судебной палаты. Заимствую описаніе изъ названной газеты. Г. Малевинскій сообщилъ репортеру:

— Я уже говорилъ вамъ, что у насъ встрѣчается масса интересныхъ случаевъ подлога. *У меня сейчасъ подъ рукой нѣтъ ихъ* *), да если бы и были, я не могъ бы показать ихъ безъ разрѣшенія г. прокурора. Но вотъ я вамъ покажу интересный случай поддѣлки, который долго составлялъ загадку для судей и который разрѣшить можно только по вдохновенію (!). Былъ предъявленъ документъ, помѣченный февралемъ мѣсяцемъ, а отвѣтчикъ заявилъ, что срокъ долженъ быть въ мартѣ. Слѣдствіе долго ломало голову (?!), чтобы найти что-нибудь, доказывавшее поддѣлку; совершенно правильно написано было февраль. При фотографированіи оказалось, что нѣкоторыя части буквъ написаны позже и представилась затѣмъ отсюда такого рода остроумная (!?) передѣлка".

Не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ эта грубая поддѣлка могла оставаться не узнанною при первомъ же осмотрѣ документа не только экспертомъ, но и слѣдователемъ! Заданіе было, какъ видно изъ словъ г. Малевинскаго, совершенно опредѣленное и *искать* что либо не приходилось: прямо указано на слово *февраль*, и въ немъ было все дѣло. Поправка слагается изъ 1) добавленія нѣсколькихъ новыхъ штриховъ къ буквамъ слова „Мартъ" и 2) выскабливанія лишнихъ

---

*) Это заявленіе очень странно: неужели лабораторія не оставляетъ у себя копій произведенныхъ по изслѣдованію снимковъ, негативовъ и т. п.?

штриховъ, ненужныхъ для слова „февраль". Новые штрихи сами бросаются въ глаза, напр., продолженіе внизъ одной изъ линій буквы М для превращенія этой буквы въ Ф; букву е, слѣдующую за ф, какъ по формѣ, такъ и по положенію, и по сведенію съ предыдущей буквой можно назвать „кричащей уликой. Первый же негативъ, какъ угодно сильный, долженъ былъ сразу выдѣлить какъ новые штрихи, такъ и мѣста скобленія. Такія поправки цѣлаго слова, при томъ столь грубо выполненныя, не требуютъ цвѣтодѣлительныхъ работъ и даже увеличеній.

Къ сожалѣнію, это единственное опубликованное изслѣдованіе изъ произведенныхъ въ казенной лабораторіи; о другихъ работахъ названнаго учрежденія въ печать никакія свѣдѣнія не проникали. Г. Малевинскій объяснилъ репортеру, на вопросъ о разныхъ способахъ поддѣлки, слѣдующее;

— Ихъ масса, но, если я разсказалъ бы вамъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ и о способахъ раскрытія этихъ подлоговъ, то господа, занимающіеся составленіемъ подложныхъ документовъ и прекрасно слѣдящіе за всѣмъ, что ихъ касается, навѣрно уже оставили бы прежніе способы или придумали бы къ нимъ еще что-нибудь новое, съ чѣмъ до сихъ поръ намъ не приходилось встрѣчаться".

Я не догадываюсь, какую мысль хотѣлъ выразить г. Малевинскій. Сколько извѣстно, заключеніе эксперта читается въ судебномъ засѣданіи, подвергается обсужденію и не при закрытыхъ дверяхъ, а отчеты о засѣданіяхъ печатаются въ газетахъ. „Господамъ, прекрасно слѣдящимъ за всѣмъ, что ихъ касается" никто не можетъ запретить посѣщать гласныя засѣданія суда и узнавать les secrets de polichinelle, о которыхъ говоритъ г. Малевинскій! Какими мѣрами я могъ бы скрыть, напр., способъ поддѣлки въ дѣлѣ „о подложной черточкѣ", если въ залѣ засѣданія суда присутствовало такое множество публики, что отъ духоты дышать было не чѣмъ?

Почему, наконецъ, г. Малевинскій рѣшился посвятить публику въ тайны самой „остроумной" фальсификаціи, надъ которой „слѣдствіе долго ломало голову", а другія, не столь остроумныя, счелъ полезнымъ скрывать?

Вѣроятно, были другія причины, по которымъ г. Малевинскій уклонился отъ сообщенія репортеру обнаруженныхъ лабораторіею интересныхъ способовъ поддѣлки документовъ!...

Серьезный экспертъ почерковъ не станетъ высказывать свои *положительныя* мнѣнія sine nulla dubitatione и только въ *отрицательныхъ* позволитъ себѣ *утвержденіе*. Можно придти къ твердому убѣжденію, что данная рукопись писана *не* тѣмъ лицомъ, которое подозрѣвается или указывается, но очень рѣдко возможно съ увѣренностью сказать, что изслѣдуемый почеркъ принадлежитъ тому, а не какому-либо другому лицу. Лучшая форма для положительныхъ заключеній такая: „на основаніи всего изложеннаго, мы, эксперты, пришли къ заключенію, что почеркъ рукописи подъ литерою А, по построенію *не противорѣчитъ* почерку подъ литер. В.“ Болѣе этого экспертъ сказать не вправѣ, и дѣло не его, но судьи, рѣшить, на сколько позволительно, по обстоятельствомъ дѣла, непротиворѣчивость почерковъ принять за доказательство ихъ тождественности. Про почерковѣдѣніе можно сказать только, что ce n'est pas une science faite, mais une science entièrement à faire! Твердо установленныхъ началъ въ ней еще мало, пріемы анализа не разработаны, спорныхъ положеній сколько угодно. Особенно сбиваютъ изслѣдователя съ толку разнообразныя болѣзненныя разстройства письменной рѣчи, не страшныя для эксперта тогда, когда онѣ успѣли уже рѣзко выразиться и дифференцироваться, но очень опасныя въ начальныхъ періодахъ развитія. Въ главѣ о психо и физіографологіи читатель увидитъ, какія иногда ничтожныя причины способны внести въ почеркъ то или другое измѣненіе? Надобно не имѣть никакого понятія о физіологіи и патологіи письма, для того, чтобы строить выводы на одномъ внѣшнемъ сходствѣ или несходствѣ буквенныхъ рисунковъ. Сравнительно болѣе надежнымъ матерьяломъ можетъ быть построеніе почерка, но и съ нимъ должно обращаться съ большой осторожностью. Отдѣльныя наблюденія, не приведенныя между собою въ связь, не освѣщенныя одной общей мыслью—никакой цѣнности не имѣютъ. Передъ изслѣдованіемъ почерка, въ которомъ замѣчаются признаки аграфическаго разстройства, лучше совсѣмъ отступить или, по крайней мѣрѣ, просить о приглашеніи, для совмѣстной работы, врача невропатолога. Первымъ шагомъ въ изслѣдованіи долженъ быть, поэтому, тщательный осмотръ рукописи въ отношеніи нормальности или болѣзненности почерка и только тогда, когда нормальность не подлежитъ сомнѣнію, экспертъ можетъ спокойно продолжать свое дѣло.

Изслѣдованіе (не распознаваніе) не слѣдуетъ производить въ помѣщеніи суда, но необходимо просить о разрѣшеніи взять фотографическія увеличенія для спокойной работы дома.

Техническіе пріемы изслѣдованія будутъ намѣчены далѣе, въ главахъ о психо- и физіографологіи.

Позволяю себѣ обратиться съ покорнѣйшей просьбой къ лицамъ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи копіи заключеній гг. графическихъ экспертовъ, не отказать въ доставленіи мнѣ таковыхъ; взамѣнъ, я принимаю на себя обязанность письменно сообщать, по требованію, мои личныя мнѣнія о правильности и полнотѣ этихъ заключеній.

Адресовать: въ С.-Петербургъ, Лѣсной, Евгенію Ѳедоровичу Буринскому.

ПОЧЕРКОВѢДѢНІЕ.

„Еще ли стоять будемъ у порога и прекословіемъ неосновательнаго предувѣренія удержимся? Никоею мѣрою; но напротивъ того, сколько намъ дано и позволено, далѣе простираться не перестанемъ, осматривая все, къ чему умное око проникнуть можетъ.

Ломоносовъ. Академическая рѣчь 1753 г.

Non jubet mihi deplorare vitam, quod multi et ii docti, saepe fecerunt, neque me visse poenitet; quoniam ita vixi, ut non frustra me natum existimen.

ГЛАВА VI.

Почерковѣдѣніе какъ наука.

Quidquid essentiae dignum est scientiae dignum.

(Бэконъ Веруламскій).

Судебно-доказательная сила письменныхъ актовъ зиждется на убѣжденіи, что каждому человѣку принадлежитъ особый почеркъ, отличный отъ всѣхъ другихъ и способный, въ случаѣ надобности, служить надежнымъ опредѣлителемъ его личности. Если-бы каждый могъ свободно писать любымъ почеркомъ, письменныя доказательства не имѣли бы смысла.

Если такая увѣренность не есть исконное заблужденіе, но, дѣйствительно, каждый изъ насъ неразрывно связанъ съ своимъ почеркомъ, то уже одно это должно служить достаточнымъ основаніемъ для включенія науки о почеркахъ—если таковая возможна—въ кругъ знаній, имѣющихъ предметомъ изслѣдованіе природы человѣка. Почерковѣдѣнію надлежитъ быть, поэтому, одной изъ отраслей антропологіи.

Пусть мы не въ состояніи предъугадать, какимъ образомъ наука о почеркахъ послужитъ въ будущемъ человѣкопознанію (а это не совсѣмъ такъ—кое-что предсказать и теперь позволительно); все-же любопытно и небезполезно разъяснить, почему почеркъ индивидуаленъ; почему онъ наслѣдуется часто дѣтьми отъ родителей; *) почему, напр., англійскія дѣти, обучающіяся во Франціи и Германіи сохраняютъ (что единогласно утверждаютъ педагоги) особенности англійскаго письма; почему ученики одного учителя, копируя однѣ и тѣ-же прописи, вырабатываютъ, каждый отдѣльно, собственные почерки?

«Si duo idem faciunt, non est idem»; это изреченіе нигдѣ не можетъ имѣть такого вѣрнаго значенія, какъ при разсматриваніи почерка, такъ какъ отклоненія отъ установленной прописи встрѣчаются у каждаго индивидуума. Каждый

---

*) Извѣстно, напримѣръ, что лордъ Пальмерстонъ, впервые увидѣвъ, въ зрѣломъ возрастѣ, почеркъ своего отца, былъ пораженъ сходствомъ этого почерка съ его собственнымъ.

производитъ механическое писаніе на свой ладъ, каждый вырабатываетъ свои особенныя, специфически-индивидуальныя формы характернаго письма. Эта общая неправильность могла бы легко привести къ предположенію, что школьныя прописи неправильны, т. е. не подходятъ для писанія, что онѣ не принимаютъ въ разсчетъ цѣлесообразныя движенія пальцевъ и руки, такъ какъ это всеобщее отклоненіе отъ правильной прописи должно имѣть болѣе глубокую причину, кромѣ внѣшнихъ. Школьныя прописи касаются только до механической части письма и ставятъ опредѣленныя правила для положенія пишущаго во время сидѣнія за письмомъ, положенія руки и пальцевъ, веденія пера, выполненія отдѣльныхъ составныхъ частей письма и т. д., но онѣ не занимаются и не могутъ заниматься духовными, индивидуально-различными вліяніями и пониманіями почерка. Какъ музыкантъ можетъ передать своему ученику только умѣнье владѣть мускулами пальцевъ, но долженъ предоставить ему самому духовное пониманіе и духовно-жизненную передачу музыки, такъ точно и то, что мы называемъ выраженіемъ почерка, совершенно не зависитъ отъ школьныхъ правилъ, составляетъ особенность, достояніе одного только индивидуума, не измѣняющееся и не передаваемое *). Чѣмъ все это объясняется?

Такихъ вопросовъ можно поставить множество. Всѣ они убѣждаютъ, что связь между физической природой человѣка и строеніемъ его почерка существуетъ несомнѣнно. Опираясь на произведенныя уже изслѣдованія, мы имѣемъ полное право сказать, что почеркъ заключаетъ въ себѣ изображеніе человѣка, но въ скрытомъ состояніи, какъ непроявленная, но уже экспонированная фотографическая пластинка; остается найти проявитель. И въ этомъ отношеніи сдѣланы первые шаги, какъ увидимъ далѣе, доказывающіе, что скрытое изображеніе можетъ быть вызвано.

Каждая строка рукописи человѣка есть подробнѣйшій указатель его особыхъ примѣтъ, писаный на языкѣ очень еще мало намъ извѣстномъ, но доступномъ изученію. До этого изученія у насъ до сихъ поръ, что называется, руки не доходили; кромѣ того, если мы и допускали (до нѣкоторой степени) наличность въ почеркѣ латентнаго изображенія его собственника, то лишь расплывчатаго, не рѣзкаго, въ видѣ „нравственныхъ портретовъ", даваемыхъ психографологами. „Предметомъ науки способны быть сами по себѣ всѣ факты, слѣдующіе другъ за другомъ согласно какимъ нибудь постояннымъ законамъ, хотя бы эти законы и не были (да и не могли быть) открыты при помощи средствъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи" **); иначе пришлось бы, говоритъ Д. С. Милль, отнять названіе науки напр. у метеорологіи.

„Можно представить себѣ такой случай, когда наука занимаетъ промежуточное положеніе между совершенствомъ и крайнимъ несовершенствомъ: могутъ оказаться доступными для наблюденій болѣе важныя причины—тѣ, отъ которыхъ зависитъ главная часть явленій. Если-бы

*) *Erlenmeyer*, d-r.—Die Schrift. Stuttgart. 1879. s. 11.
**) Милль, Д. С.—Система логики. Москва 1899 стр. 686.

не было никакихъ другихъ причинъ (кромѣ этихъ важнѣйшихъ), можно было бы дать полное объясненіе не только самому изучаемому явленію но также и всѣмъ возможнымъ его уклоненіямъ и видоизмѣненіямъ. Но, такъ какъ во многихъ или даже во всѣхъ случаяхъ этимъ главнымъ причинамъ содѣйствуютъ или противодѣйствуютъ другія (быть можетъ много другихъ причинъ), дѣйствіе каждой изъ которыхъ въ отдѣльности незначительно, то слѣдствіе естественно болѣе или менѣе уклоняется отъ того, что получилось бы отъ дѣйствія однѣхъ главныхъ причинъ. И вотъ, хотя бы такія второстепенныя причины были менѣе доступны или даже вовсе недоступны для точнаго наблюденія, мы все таки, какъ и въ первомъ случаѣ, будемъ въ состояніи объяснить и даже предсказать главную часть слѣдствія; только мы будемъ встрѣчать уклоненія и видоизмѣненія, которыхъ не въ состояніи объяснить вполнѣ и наши предсказанія исполнятся не во всей точности, а лишь приблизительно.

„Астрономія нѣкогда была наукой, не будучи наукой точной, она не могла стать точной наукой, пока не объяснили и не нашли причинъ не только планетныхъ орбитъ, но также и пертурбацій. Впослѣдствіи же она стала точной наукой, потому что изучаемыя ею явленія были подведены подъ законы, охватывающіе всю совокупность ихъ причинъ и указывающіе для каждой изъ такихъ причинъ ту долю слѣдствій, которая ей дѣйствительно принадлежитъ“.

Къ такого рода наукамъ принадлежитъ и почерковѣдѣніе. Этой отрасли знанія суждено, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлаться когда-нибудь одною изъ важнѣйшихъ отраслей антропологіи, не менѣе важной, по крайней мѣрѣ, чѣмъ антропометрія, съ которой почерковѣдѣніе очень тѣсно связано. Извѣстный антропологъ Крживицкій, присоединяясь къ опредѣленію Катрфажа, говоритъ, что „антропологія изучаетъ человѣка монографическимъ образомъ, совершенно такъ, какъ это дѣлаетъ естествоиспытатель со всякимъ животнымъ. Эта наука представляетъ естественную исторію человѣка подобно тому, какъ маммаліологія изображаетъ естественную исторію млекопитающихъ, а энтомологія естественную исторію насѣкомыхъ. Антропологія охватываетъ внѣшнее описаніе человѣка, *сравнительныя изслѣдованія надъ органами и ихъ отправленіями*, изученіе разновидностей, какія мы наблюдаемъ въ въ основномъ типѣ и, наконецъ, анализъ человѣческихъ инстинктовъ и обычаевъ“ *).

Почерковѣдѣніе имѣетъ, кромѣ того, всѣ данныя, чтобы сдѣлаться точною наукою, потому что матерьялъ, съ которымъ она оперируетъ, поддается измѣренію, а изслѣдуемыя ею явленія правильному наблю-

*) *Крживицкій*, Л.—Физическая антропологія. Переводъ съ польскаго С. Д. Романько-Романовскаго. Спб. 1900.

денію и эксперименту. Задачи почерковѣдѣнія вполнѣ опредѣленныя: найти законы зависимости между дѣятельностью органовъ производящихъ письмо и результатомъ этой дѣятельности—почеркомъ. Въ этомъ смыслѣ почерковѣдѣніе имѣетъ несравненно болѣе правъ называться наукой, чѣмъ многія знанія, всѣми признаваемыя нынѣ за научныя.

Оно переживаетъ всѣ тѣ моменты развитія, которыхъ не миновали другія науки; однимъ изъ такихъ моментовъ должно признать возникновеніе психографологіи, какъ искусства создавать по почерку „нравственные портреты“ писавшаго. По справедливому заключенію Сенъ-Симона, „знаменательнѣйшимъ моментомъ въ исторіи человѣческаго духа былъ тотъ, когда астрономы изгнали изъ своей среды астрологовъ. Такъ какъ химическія явленія много сложнѣе явленій астрономическихъ, человѣкъ занялся ими много позднѣе. Въ изученіи химіи онъ впалъ въ тѣ же ошибки, которыя онъ надѣлалъ при изученіи астрономіи. Но наконецъ химики отдѣлались отъ алхимиковъ. Физіологія и теперь еще находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ, чрезъ которыя прошли астрономическая и химическая науки; необходимо, чтобы физіологи изгнали изъ своей среды философовъ, моралистовъ и метафизиковъ, какъ астрономы изгнали астрологовъ, какъ химики изгнали алхимиковъ“. „Toutes les sciences ont commencé par être conjecturales“ говоритъ онъ-же. Гегелевскій законъ появленія и разрѣшенія противоположностей долженъ былъ проявить себя и въ исторіи почерковѣдѣнія: за періодомъ чрезмѣрнаго увлеченія слѣдовалъ, непосредственно, періодъ отрицанія и, наконецъ, насталъ періодъ спокойнаго отношенія. Всякій разъ, когда мы слагаемъ и высказываемъ извѣстную мысль, мы отдѣляемъ ее, отграничиваемъ отъ всѣхъ остальныхъ возможныхъ мыслей, ставимъ ее какъ опредѣленное положеніе. Но тѣмъ самымъ мы приходимъ къ необходимости выяснить, опредѣлить то, что положенію противоположно, поставить противоположеніе. Соревнованіе двухъ крайностей ведетъ къ указанію общаго начала, которое возвышается надъ ними и примиряетъ ихъ, къ объединенію или синтезу; это высшее понятіе, въ свою очередь, проходитъ тотъ же процессъ и т. д.

Вспомнимъ френологію Галля. Въ свое время говорили, что слава Галля затмѣвала славу его современника Наполеона I-го. О. Контъ считалъ идею Галля „откровеніемъ“ и мечталъ о созданіи физіологической френологіи. Поспѣшное пользованіе френологическими признаками со стороны поверхностныхъ поклонниковъ Галля свело френологію на степень хиромантіи, хирогномоніи и другихъ сомнительныхъ искусствъ; неблагопріятное сужденіе о френологіи такого авторитета, какимъ былъ Кювье, совсѣмъ было похоронило созданіе Галля. Примиреніе противоположностей происходитъ уже на нашихъ глазахъ—результатомъ его является ученіе о локализаціи мозговыхъ функцій.

Такіе ученые, какъ вѣнскій психіатръ и невропатологъ Бенедиктъ не задумываются уже ставить Галля на ряду съ Бэкономъ, Ньютономъ, Галилеемъ и Кантомъ *).

Почеркъ есть весьма сложная функція очень многихъ перемѣнныхъ,— это правда; сложность, заслоняя отъ насъ закономѣрность, порождаетъ мнѣніе, что почеркъ представляетъ нѣчто случайное, не подчиненное никакимъ умопостижимымъ законамъ. Всѣ научныя мысли зарождались съ трудомъ и требовалось много времени и борьбы для того, чтобы онѣ стали общимъ достояніемъ человѣчества. Истины, которыя намъ теперь кажутся самоочевидными, устанавливались лишь постепенно, великими усиліями и терпѣніемъ; намъ трудно даже представить себѣ, какъ могли онѣ вызывать сомнѣнія и не быть принятыми сразу всѣми людьми, обладающими умственными способностями! Намъ кажется, что на мѣстѣ этихъ людей мы оказались бы умнѣе и прозорливѣе, что мы безъ труда постигли бы истинность предложенія и стали бы на его сторону. Такъ будетъ впослѣдствіи и съ почерковѣдѣніемъ.

Еще очень недавно въ нашемъ пониманіи не вмѣщалась идея о подчиненности нравственныхъ дѣйствій какимъ либо общимъ, единообразнымъ законамъ; статистика заставила насъ убѣдиться, что событія, по самому существу своему представляющіяся зависящими только отъ случайныхъ комбинацій причинъ, происходятъ, тѣмъ не менѣе, съ почти математической правильностью (при соблюденіи закона большихъ чиселъ). Для большинства и теперь кажется невѣроятнымъ, что какой нибудь фактъ убійства не есть результатъ чистѣйшаго произвола или слѣпой случайности, но слѣдствіе непреложнаго закона, по которому число убійствъ въ достаточно большой срокъ находится въ постоянномъ отношеніи къ извѣстной, достаточно большой группѣ людей.

Съ тѣмъ же недовѣріемъ (и по тѣмъ же причинамъ) относимся мы къ возможности уловить зависимость между почеркомъ и физической природой пишущаго, несмотря на то, что увѣренность въ индивидуальности почерка лежитъ въ основѣ современной общественной жизни: мы шагу не дѣлаемъ безъ „документа“, безъ росписки, твердо вѣруя, что „гдѣ рука тамъ и голова“. Извѣстный юристъ Миттермайеръ, не задумываясь, утверждалъ, что „искусство сличать почерки не можетъ быть основано на точныхъ правилахъ“; по его мнѣнію, всякій почеркъ легко поддѣлать, а также бываетъ, что почерки двухъ лицъ, случайно, оказываются одинаковыми. Вслѣдъ за Миттермайеромъ этотъ приговоръ повторяютъ поднесь и другіе юристы; они, конечно, послѣдніе примирятся съ правомъ на существованіе науки почерковѣдѣнія.

Гёте, въ одномъ изъ писемъ къ Лафатеру, не отрицая существо-

*) *Benedikt*, K. Schäedel-und Kopfmessung. Eulenburgs Real Encyclopädie d. gesammten Heilkunde. B. XVII, 2 Aufl. s. 401.

ваніе опредѣлимой связи между человѣкомъ и его письмомъ, высказывалъ лишь сомнѣніе, что „Аріаднина нить, долженствующая вывести насъ изъ этого лабиринта, можетъ быть когда нибудь найдена". Его тоже пугала сложность подлежащаго изслѣдованію предмета, потому что въ его время наука не обладала тѣми средствами и орудіями, какими обладаетъ теперь *).

Гёте смотрѣлъ на письмо (почеркъ) какъ на конечный результатъ взаимодѣйствія множества неизвѣстныхъ факторовъ психическихъ, физіологическихъ и механическихъ; этотъ результатъ, по его мнѣнію, не можетъ сказать намъ ничего о процессахъ, его создавшихъ, какъ не можетъ окончательное числовое рѣшеніе ариѳметической задачи дать понятія о произведенныхъ дѣйствіяхъ. Совершенно вѣрно; психографологія потому и не достигаетъ своей цѣли, что начинаетъ съ конца, оперируетъ съ страницей рѣшеній ариѳметическаго задачника, надѣясь угадать по числовымъ отвѣтамъ содержаніе соотвѣтствующихъ задачъ. Почерковѣдѣніе (физіографологія) идетъ обратнымъ путемъ, т. е. старается изучить сначала механизмъ письменно-двигательнаго аппарата, происхожденіе письменной рѣчи и обращается къ анализу почерка тогда только, когда извѣстны доли участія каждаго составителя этого аппарата въ актѣ писанія. Создается, такимъ образомъ, возможность видоизмѣнять опыты (какъ это дѣлалъ Эрленмейеръ), выключая одни условія и вводя другія, съ цѣлью опредѣленія вліянія каждаго изъ нихъ на конечные результаты.

Существуетъ множество соображеній, обязывающихъ насъ совершенно отрѣшиться отъ взгляда на почеркъ какъ на случайное сочетаніе тѣхъ или иныхъ буквенныхъ формъ и линій. На первомъ планѣ стоитъ общеизвѣстная и доказанная наслѣдственность характерныхъ особенностей почерка. Вопросы о наслѣдственности составляютъ теперь камни преткновенія для антропологовъ „вслѣдствіе неопредѣленности пріемовъ изслѣдованія и обширности сроковъ для производства его" **). „Чтобы обосновать законы наслѣдственности, необходимо произвести точное статистическое изслѣдованіе достаточно большаго числа родителей и ихъ потомства и сравнить между собою полученные результаты" ***). Съ другой стороны, въ исторіи развитія нормальныхъ и патологическихъ особенностей, наслѣдственность имѣетъ, по общему убѣжденію антропологовъ, первенствующее значеніе. Передача путемъ наслѣдственности нормальныхъ и анормальныхъ особенностей какъ сома-

*) Объ этихъ средствахъ и орудіяхъ и, вообще, о современномъ состояніи экспериментальной психологіи можно найти любопытныя свѣдѣнія въ статьѣ д-ра Лазурскаго. (Обозрѣніе психіатріи, неврологіи и экспер. психологіи № 4, 1901 г.).

**) *Петри*, Э. Наслѣдственность и вырожденіе. Реальн. Энцикл. Медиц. Наукъ, т. XII.

***) *Крживицкій*. Л. Физическая антропологія. 1900. Спб.

тическаго, такъ и психическаго характера, должна находить свое графическое выраженіе въ почеркѣ, который всецѣло зависитъ отъ этихъ особенностей и ими совершенно опредѣляется, въ чемъ легко убѣдиться даже при поверхностномъ знакомствѣ съ произведенными уже точнѣйшими изслѣдованіями механики письма. Отсюда ясно, что въ почеркѣ антропологъ могъ бы имѣть удобный графикъ законовъ наслѣдственности, притомъ независящій отъ ошибокъ антропометрическихъ измѣреній.

Далѣе идетъ врачебно-діагностическое значеніе почерка, твердо установленное такими авторитетами какъ Шарко, Фогтъ, Эрленмейеръ, Тардье, Фере и др. Передъ нами множество фактовъ, записаныхъ въ лѣтописи медицинской науки достовѣрными наблюдателями, не оставляющихъ сомнѣнія въ существованіи таинственной связи между нервно-мозговыми заболѣваніями и нарушеніями обычнаго вида почерка. Къ сожалѣнію, наблюденія эти почти всегда имѣютъ характеръ простыхъ „примѣтъ" благодаря тому, что сами наблюдатели совсѣмъ не освѣдомлены въ физіологіи письма.

Кромѣ того, „большинство больныхъ, попадающихъ въ клиники, гдѣ единственно только и возможно бываетъ точное научное наблюденіе каждаго патологическаго случая, принадлежатъ или къ совершенно безграмотному слою общества, или, если они и обучены бываютъ грамотѣ, то все же владѣютъ письмомъ лишь въ очень ограниченной степени. Вслѣдствіе этого врачъ, встрѣчаясь съ различными проявленіями болѣзней письменной рѣчи у подобныхъ малограмотныхъ людей, не знаетъ, что именно зависитъ отъ болѣзни и что отъ недостаточнаго образованія. Наблюденія надъ людьми образованными могли бы дать очень цѣнныя указанія, но для этого необходимо, чтобы самое общество понимало значеніе этого рода изслѣдованій и помогало бы врачамъ" *).

Не малая доля вины въ томъ, что сдѣланныя наблюденія не имѣютъ той цѣнности, которую должны и могли-бы имѣть, падаетъ на современныхъ врачей. По этому поводу д-ръ П. Н. Прохоровъ **) говоритъ о своихъ коллегахъ слѣдующія горькія истины.

Врачи, безъ сомнѣнія, люди образованные, но система образованія не подготовляетъ ихъ къ правильнымъ научнымъ выводамъ, даже имѣя въ рукахъ точные инструменты. Они знаютъ много фактовъ, но система образованія кладетъ печать на умѣнье дѣлать изъ фактовъ выводы. По понятіямъ древнихъ, врачу, какъ и всякому образованному человѣку, необходимо было быть риторомъ и знать философію; по понятіямъ среднихъ вѣковъ, кромѣ всего этого, ему необходимо было изученіе схоластическихъ измышленій и комментаріевъ къ философамъ. Подготовка къ занятіямъ медициной въ наши времена, къ сожалѣнію, немыслима безъ классическихъ гимназій, въ которыхъ математическая подготовка

---

*) *Манасеина*, М. О письмѣ вообще. Спб., 1883.
**) *Прохоровъ*, П. Н. Біологическія основы медицины. Спб. 1898, вып 2-й.

весьма слаба, а естественно-историческая вовсе не существуетъ. Плоды классическаго образованія даютъ себя чувствовать не только при изученіи медицины, но накладываютъ черную тѣнь на послѣдующую врачебную дѣятельность. Привычка заучивать множество словъ и фразъ, грамматическихъ правилъ и исключеній, безъ всякой связующей мысли, односторонне развиваетъ память и убиваетъ духъ мышленія. Недаромъ Мольеръ такъ издѣвался надъ латынью врачей, подъ прикрытіемъ которой скрывалась научная несостоятельность.

Недостаточность математическихъ и естественно-историческихъ знаній, считающихся для врачей дѣломъ второстепенной важности, ведетъ къ печальнымъ результатамъ относительно правильности заключеній и выводовъ. Можно взять подъ рядъ цѣлыя коллекціи нашихъ докторскихъ диссертацій и какъ нельзя болѣе убѣдиться, что, за рѣдкими исключеніями, незнаніе предѣловъ погрѣшностей измѣрительныхъ приборовъ, а также незнакомство съ элементарными основами правильно поставленныхъ опытовъ, — обѣ эти причины заставляютъ авторовъ дѣлать неточные выводы, пользуясь весьма точными измѣрительными инструментами. Докторскія диссертаціи, выходящія изъ различныхъ лабораторій, служатъ часто въ качествѣ экспериментальныхъ данныхъ матеріаломъ, ссылаясь на который нѣкоторые клиницисты строятъ свои теоріи, направляя по извѣстной дорогѣ дѣятельность современныхъ имъ практическихъ врачей.

Главная бѣда почерковѣдѣнія въ томъ, что наблюденія врачей надъ измѣненіями почерковъ не даютъ возможности судить объ условіяхъ, при которыхъ замѣченное явленіе имѣло мѣсто. Очень рѣдко врачу приходитъ мысль прослѣдить измѣненіе по рукописямъ больного, писаннымъ до того момента, когда недугъ заставилъ его искать врачебной помощи.

Въ наукахъ опытныхъ, изъ наблюденій при однихъ и тѣхъ же условіяхъ или когда можно сдѣлать учетъ различія условій, получается только одно правильное заключеніе. Когда условія измѣняются, естественно, измѣняются и результаты; если же на условія не обращаютъ вниманія, то выводовъ сдѣлать вовсе нельзя. Получается только рядъ случаевъ и, какъ въ калейдоскопѣ изъ нѣсколькихъ кусочковъ разноцвѣтныхъ стеколъ составляется безчисленное множество мнимыхъ изображеній самыхъ сложныхъ фигуръ, такъ и изъ этихъ случаевъ можно сдѣлать также неопредѣленное количество теорій.

Судебная медицина упорно не хочетъ видѣть въ почеркѣ пособіе для рѣшенія нѣкоторыхъ своихъ задачъ; этотъ грѣхъ лежитъ, конечно, на судебныхъ властяхъ, которыя не привлекаютъ судебныхъ врачей къ графической экспертизѣ. Нѣтъ спроса, нѣтъ и предложенія. Отсутствіе у юристовъ математической и естественно-научной подготовки порождаетъ недугъ, который можно назвать „экспертобоязнью". Эта экспертофобія выражается въ отвращеніи не къ экспертизѣ вообще, но къ такимъ заключеніямъ экспертовъ, надъ которыми необходимо думать, которыя требуется уразумѣвать. Очевиднѣйшая нелѣпость привлеченія учителей чистописанія или типографовъ къ изслѣдованію бо-

лѣзненныхъ почерковъ, нелѣпость очень хорошо сознаваемая самими слѣдователями и судьями, не мѣшаетъ и до сихъ поръ держаться этого дикаго обычая ради его удобства въ отношеніи формальномъ. Все, что отзывается духомъ математики, пугаетъ юриста. Одинъ изъ законовъ Юстиніанова кодекса носитъ названіе „De maleficiis, mathematicis et coeteris similibus“; этотъ забавный законъ, ставящій математика на одну доску съ мошенникомъ, гласитъ: „Ars autem mathematica damnabilis, interdicta est omnina“ (совершенно воспрещается достойное осужденія искусство математики). Чуждые математическаго мышленія, юристы отказываются вѣрить, что между какой нибудь душевной болѣзнью и измѣненіемъ почерка существуетъ связь и что послѣднее способно быть показателемъ первой.

Между тѣмъ, надъ результатами опытовъ д-ровъ Герикура, Феррари и Рише, о которыхъ я буду говорить дальше, стоитъ очень и очень подумать какъ юристу, такъ и судебному врачу. Опытами этихъ ученыхъ доказано, что внѣшній видъ почерка измѣняется съ каждымъ измѣненіемъ сознанія человѣка; съ другой стороны извѣстно, что множество людей проводятъ всю жизнь въ состояніи „неполнаго сомнамбулизма“, при которомъ, по выраженію Шарко, больные спятъ даже тогда, когда, повидимому, находятся въ состояніи несомнѣннаго бодрствованія! Двойное сознаніе—явленіе гораздо болѣе частое, чѣмъ принято думать *). Нерѣдко обнаруживается, что люди, не подававшіе при жизни ни малѣйшаго повода заподозрѣть ихъ нормальное умственное состояніе и правоспособность, оказывались, впослѣдствіи, одержимыми недугомъ двойного сознанія; такіе случаи встрѣчаются при разсмотрѣніи споровъ о дѣйствительности духовныхъ завѣщаній **). Вѣроятность ошибокъ сужденія „по сходству“ о принадлежности писаннаго рукѣ того или другого лица, слѣдовательно, чрезвычайно велика, даже если не принимать во вниманіе другихъ причинъ измѣненія внѣшности почерка, а такихъ причинъ, какъ увидимъ, чрезвычайно много.

Боязнь *входить въ обсужденіе* вопросовъ, „коихъ оцѣнка или разсмотрѣніе требуютъ особыхъ ученыхъ, техническихъ или хозяйственныхъ свѣдѣній“ (ст. 515 У. Гр. Суд.) заставляетъ юриста-практика крѣпко держаться за учителя чистописанія, который даетъ не *заключеніе*, въ которое нужно вникать, а *мнѣніе*, избавляющее отъ такого тяжелаго труда. Доходитъ до того, что даже по вопросамъ собственной спеціальности слѣдователь предпочитаетъ имѣть чужое категорическое *мнѣніе*, чѣмъ самому ломать надъ ними голову. Одинъ судебный слѣдователь пригласилъ, напр. въ качествѣ эксперта

*) *Binet*. Altérations de la personnalité.
**) *Legrand-du-Saulle*. Etudes médico-légales sur les testaments. 1879.

«настоящаго судебнаго пристава мироваго съѣзда (судился исправляющій должность пристава), и не считая себя, должно быть, достаточно компетентнымъ для того, чтобы точно опредѣлить смыслъ и значеніе постановленій объ описи и продажѣ имущества, заключающихся въ уставѣ гражд. судопр., предложилъ разрѣшить эти головоломные вопросы болѣе свѣдущему лицу, т. е. судебному приставу (по всей вѣроятности бывшему канцелярскому служителю или вольнонаемному писцу какого либо присутственнаго мѣста). Такимъ образомъ, кромѣ «протокола осмотра» въ дѣлѣ очутился еще и «протоколъ экспертизы», въ которомъ экспертъ, ех-письмоводитель—разъяснялъ слѣдователю-юристу непонятный для сего послѣдняго смыслъ статей устава Императора Александра II и поучалъ его, какъ слѣдуетъ понимать ту или другую статью гражд. судопроизводства» *).

Ясно, что съ этой стороны почерковѣдѣніе не должно ожидать поддержки и поощренія; поэтому и судебная медицина болѣе склонна изощряться надъ разработкой пріемовъ освидѣтельствованія лицъ обвиняемыхъ по 995 ст. ул. о наказаніяхъ (хотя едва-ли найдется врачъ, не сознающій устарѣлости этой статьи уложенія), чѣмъ искать въ почеркѣ полезныхъ наведеній.

Вѣроятнѣе, что почерковѣду протянетъ руку историкъ, для котораго наука о почеркахъ—драгоцѣнная пособница. Тьма генеологическихъ загадокъ найдетъ ключъ въ физіографологіи, когда законы наслѣдственной преемственности почерка будутъ выяснены съ надлежащей точностью.

Мысль, что историку придется когда нибудь обратиться къ изученію физіологическихъ законовъ письменной рѣчи высказывалась еще въ 1843 году знаменитымъ психофизикомъ Фехнеромъ; замѣчательно, что мысль эта пришла ему въ то время, когда вслѣдствіе мозговыхъ страданій онъ лишился на цѣлый годъ способности писать. Только край завѣсы, скрывающей отъ насъ тайны морфологіи почерковъ, едва приподнятъ изслѣдованіями самаго послѣдняго времени, можно сказать вчерашняго дня, и уже то немногое что мы узнали, даетъ право утверждать, что разобравъ содержаніе памятниковъ клинообразнаго, іероглифическаго и др. письма, мы использовали эти памятники лишь наполовину, а можетъ быть и того меньше. Всякій рисунокъ, исполненный человѣкомъ, есть результатъ компромисса между тѣмъ, что онъ *хотѣлъ* изобразить и тѣмъ, что онъ *могъ* изобразить, между желаніемъ и средствомъ его исполненія.

Отсюда индивидуальность въ живописи, индивидуальность въ почеркѣ. Не произволу изобрѣтателя обязаны своимъ происхожденіемъ письмена; они явились результатомъ безсознательныхъ идеомоторныхъ движеній, а характеръ этихъ послѣднихъ вполнѣ опредѣлялся съ

*) *Бардзкій*, А.—Предѣлы устности на судѣ уголовномъ. Журн. гр. и уг. права, 1889, мартъ, стр. 19—20.

одной стороны намѣреніемъ, съ другой возможностью. Мельвилль Белль *) пытается произвести очертанія буквъ латинскаго алфавита отъ зрительныхъ впечатлѣній, оставляемыхъ положеніемъ видимыхъ органовъ рѣчи во время произнесенія соотвѣтствующихъ звуковъ. Можетъ быть, это и не такъ; можетъ быть буква С не оттого имѣетъ свою полукруглую форму, что таковую-же принимаетъ языкъ при ея произнесеніи, а буква О обязана своимъ видомъ совсѣмъ не положенію губъ во время издаванія обозначаемаго ею звука. Во всякомъ случаѣ, дѣйствовала если не указанная Беллемъ причина, то какая нибудь другая, созданная въ свою очередь предшествовавшими повторными слуховыми или зрительными впечатлѣніями.

Такъ возникло намѣреніе, но чтобы выполнить его, требовалось привести въ дѣйствіе многосложный письменнодвигательный аппаратъ и сообразоваться съ границами его могущества. Эти границы, какъ мы далѣе увидимъ, состоятъ въ зависимости отъ множества общихъ условій, заложенныхъ въ схемѣ человѣческаго организма и частныхъ, индивидуальныхъ, присущихъ каждому отдѣльному исполнителю письма или цѣлой группѣ людей. Такимъ образомъ, даже въ выполненіи древне скандинавскихъ рунъ, вырѣзавшихся сначала на деревѣ, можно усмотрѣть исторію борьбы между стремленіемъ подражать римскому алфавиту и неприспособленностью къ нему скандинавскихъ исполнителей, **) т. е. уловить нѣкоторые законы образованія расоваго и индивидуальнаго почерка. Раскопки въ почеркахъ дадутъ не меньше историческаго матерьяла, чѣмъ раскопки въ курганахъ.

Какъ на попытку доказать это положеніе, я могу сослаться на работу д-ра Кераваля, ***) о которой мнѣ придется часто говорить въ VIII главѣ. Задавшись цѣлью объединить письмена разныхъ народовъ и разныхъ временъ общими физіологическими законами, д-ръ Кераваль изучилъ эти письмена и показалъ, что въ основаніи его догадки есть истина. Онъ прослѣдилъ путь, по которому люди *вынуждены* были идти, добиваясь умѣнья выражать графически свои мысли. Изслѣдованіемъ письменныхъ знаковъ древнихъ и восточныхъ народовъ въ ихъ постепенномъ развитіи и принимая во вниманіе участіе въ актѣ письма различныхъ составителей нашего письменнодвигательнаго аппарата, Кераваль приходитъ къ нѣкоторымъ важнымъ, хорошо обоснованнымъ выводамъ.

Кераваль преслѣдуетъ чисто медицинскія цѣли: ему нужно найти объясненіе загадочнымъ явленіямъ афазіи, алексіи и аграфіи; тѣмъ не меньше, для почерковѣдѣнія книга его имѣетъ большое значеніе.

---

*) Popular Science Monthly, 1882, t. XXII.

**) *Montelius*, O.—Das Alter der Runeschrift im Norden. Archiv für Anthropologie 1888.

***) *Keraval*, P, d-r—Le langage écrit. Paris 1897.

Нельзя не имѣть въ виду новѣйшій характеръ изученія исторіи, выработавшійся въ послѣднее тридцатилѣтіе—характеръ документальный. Главнѣйшими источниками для изслѣдователя новой исторіи являются теперь архивные документы; для изслѣдователя древней исторіи— эпиграфическій матерьялъ или, какъ говорятъ, каменный архивъ, а также папирусы. Число вновь открываемыхъ и издаваемыхъ документовъ этого рода растетъ съ чрезвычайной быстротой; появляются особые сборники надписей по мѣсту происхожденія и по содержанію. Для почерковѣдѣнія это богатый матерьялъ именно потому, что открываемые и публикуемые документы весьма разнообразны: контракты, завѣщанія, частныя письма, приходы, счета и проч.

Почерковѣдѣніе возлагаетъ еще не малыя надежды на спеціалистовъ по школьной гигіенѣ, которые, по условіямъ своихъ задачъ, вынуждены серьезно заняться физіологіей почерка. Они уже и приступили къ этому дѣлу. Не лишнее отмѣтить, что работы этихъ ученыхъ прямо ведутъ къ упраздненію каллиграфіи и замѣнѣ ея стенографіей. Бернскій профессоръ Пфлюгеръ прямо говоритъ, что „каллиграфія не стоитъ тратимыхъ на нее труда и времени“ *). Проф. Конъ требуетъ обязательнаго обученія стенографіи въ старшихъ классахъ, а Кристаллеръ **) убѣжденъ, что „упражненія въ стенографіи не только придаютъ ловкость, но служатъ существеннымъ образомъ къ совершенствованію ума, такъ какъ усиливаютъ быстроту пониманія.

Слѣдовательно, судъ рискуетъ остаться безъ экспертовъ-каллиграфовъ и слава Богу! Мюнхенскій психологическій съѣздъ 1896 г. согласился съ мнѣніемъ проф. Прейера, полагавшаго, что гораздо важнѣе наблюдать за свободнымъ развитіемъ почерковъ учащихся дѣтей въ связи съ ихъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, чѣмъ калѣчить ихъ, добиваясь красивописанія. Правильныя наблюденія за почеркомъ учащихся могутъ быть драгоцѣнны для педагоговъ, какъ средство оцѣнки качества мозга“ того или другого ученика, *мѣрило быстроты его мысли*.

Моя цѣль—показать, какими средствами располагаетъ въ настоящее время почерковѣдѣніе для разработки подлежащихъ его вѣдѣнію задачъ и какіе пути намѣчаются для его дальнѣйшаго преуспѣянія. Такимъ образомъ выяснится степень жизнеспособности этой нарождающейся отрасли знанія.

Изслѣдованій, имѣющихъ такъ или иначе отношеніе къ почерковѣдѣнію произведено не мало, но они разбросаны повсюду и искать ихъ въ книгахъ и журналахъ всевозможныхъ спеціальностей — трудъ тяжелый и требующій много лѣтъ. Тѣмъ, кто заинтересуется изслѣ-

---

*) *Виреніусъ*, А. С., д-ръ.—Раціональный способъ письма. 1898, стр. 60.
**) Ueber unser Gymnasialwesen. Leipzig. 1884.

дованіемъ почерковъ и захочетъ серьезно имъ заняться, эта глава моей книги облегчитъ работу собиранія матерьяловъ и дастъ хоть какую нибудь нить, чтобы не заблудиться въ лабиринтѣ. Съ этою цѣлью я указываю, въ выноскахъ, источники, изъ которыхъ мною заимствованы свѣдѣнія, усердно рекомендуя читателю самому съ этими источниками ознакомиться.

Врачи, педагоги, антропологи, археологи и др. занимаются почерками настолько, насколько нужно каждому изъ нихъ для рѣшенія задачъ его спеціальности. Поэтому приходится обращаться къ литературамъ чуть-ли не всѣхъ существующихъ наукъ о человѣкѣ, добывая матерьялъ изъ котораго должно сложить зданіе почерковѣдѣнія, согласовать этотъ матерьялъ, привести его въ систему.

Чѣмъ глубже зарываешься въ эту работу, тѣмъ больше убѣждаешься, что въ почеркѣ—весь человѣкъ, со всѣми его физическими и духовными свойствами. Трудно повѣрить, напримѣръ, что между однимъ изъ элементовъ почерка и кривизной носа пишущаго или постановкой его ушей существуетъ вполнѣ опредѣленная связь и, притомъ, такая, которая можетъ быть выражена математической функціей, математическими знаками! И, однако, это несомнѣнно; я покажу въ VIII главѣ, въ видѣ примѣра, въ чемъ состоитъ такая зависимость и попытаюсь доказать, что въ будущемъ, когда къ изученію почерковъ подойдутъ съ числомъ и мѣрою, она получитъ математическую форму!

Размѣръ и назначеніе этой книги вынуждаютъ меня коснуться только поверхностно всего, что сдѣлано уже для науки о почеркахъ; для полнаго изложенія всего собраннаго матерьяла пришлось бы напечатать нѣсколько большихъ томовъ. О психографологіи (или, вѣрнѣе, этографологіи) я буду говорить въ той лишь мѣрѣ, въ какой она можетъ интересовать судью и судебно-графическаго эксперта; къ услугамъ лицъ, желающихъ подробнѣе съ ней ознакомиться, есть большая литература на всѣхъ языкахъ *). Наоборотъ, по физіографологіи совсѣмъ нѣтъ сочиненій, которыя можно было-бы признать попыткой собиранія и систематизаціи матерьяловъ для почерковѣдѣнія; поэтому я считаю нужнымъ отвести ей больше мѣста, хотя и не обманываюсь надеждой, что гг. судебно-графическіе эксперты теперь-же почтятъ вниманіемъ этотъ отдѣлъ моей книги. Мнѣ жаль, если трудъ, на который я потратилъ много лѣтъ, пропадетъ совсѣмъ безплодно, и это заставляетъ меня „исполнить долгъ, завѣщаный отъ Бога мнѣ грѣшному“. Хочется все таки думать, что „когда нибудь экспертъ трудо-

---

*) На русскомъ языкѣ *Ахшарумовъ, Н.* и *Тишковъ. Ф.* Графологія, или ученіе объ индивидуальности письма. (Объ отношеніи почерка къ характеру). Съ приложеніемъ типичныхъ автографовъ. Рига. 1894 г. Ц. 2 р.

любивый, найдетъ мой трудъ усердный, безыменный; засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду" и... придетъ къ убѣжденію, что дѣло графической экспертизы далеко не такъ просто, какъ ему казалось.

Я нисколько не сомнѣваюсь, что въ недалекомъ будущемъ появленіе въ судѣ въ качествѣ изслѣдователя (нераспознавателя) почерковъ, каллиграфа съ „пламевидными" штрихами или фотографа „съ свѣтомъ, проходящимъ черезъ конденсаторъ", будетъ возбуждать въ обществѣ такое же недоумѣніе, какое возбуждало бы теперь появленіе, въ роли эксперта, деревенскаго колдуна или гадальщицы. Если изданіе этой книги поспособствуетъ скорѣйшему наступленію такого времени, я буду вправѣ повторить слова латинскаго эпиграфа, поставленнаго въ началѣ настоящей главы.

ГЛАВА VII.

Психографологія (Этографологія) *).

Подъ именемъ „графологіи“ давно уже извѣстно искусство опредѣленія, по внѣшнему виду почерка, характера лица, которому почеркъ принадлежитъ. Графологи исходятъ изъ положенія, что въ особенностяхъ почерковъ должны отражаться, какъ въ зеркалѣ, характеръ личности и ея различныя индивидуальныя качества, какъ отражаются они въ жестахъ, въ манерахъ, въ походкѣ, въ голосѣ и пр. Зачатки этой мысли графологи находятъ въ древности, напр. у Светонія, Аристотеля, Діонисія Галикарнасскаго, поэта Менандра и др. Первое извѣстное сочиненіе по графологіи относится къ XVII вѣку; оно написано итальянцемъ Бальдо **) и называется „Разсужденіе о способѣ узнавать обычаи и качества писавшаго по его письму“. Это сочиненіе Бальдо было переведено на латинскій языкъ въ 1664 году Велліусомъ ***) и издано въ Болоньи. Французскій переводъ книги Бальдо сдѣланъ, недавно, Депуаномъ ****). Въ сочиненіи Бальдо есть весьма справедливыя мысли, забытыя, къ сожалѣнію, позднѣйшими графологами. Такъ, Бальдо настаиваетъ на необходимости принимать во вниманіе содер-

---

*) Мнѣ кажется, что терминъ «Психографологія» было бы вѣрнѣе замѣнить другимъ «Этографологія» по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ Д. С. Милль отдѣляетъ отъ Психологіи, наукѣ о духѣ, Этологію, науку о характерѣ, производя послѣднее названіе отъ греческаго слова ἦθος, характеръ. «Этографологія» точнѣе чѣмъ Психографологія указываетъ предѣлы изслѣдованія той части почерковѣдѣнія, которая ищетъ законы зависимости почерка отъ *суммы отдѣльныхъ* чертъ характера пишущаго.

**) Baldo (Camillo).—*Trattato come de una littera missiva si cognoscamo la natura e qualita dello scrittore, in-4⁰*. Carpi. 1662.

***) *Baldi Buonensis* (Camilli.) «De ratione cognoscendi mores et qualitates scubentis ex ipsius epistola missiva». Bononiæ, 1664.

****) *Depoin*, I—Le Traité des indices tirés d'une lettre missive (de signis ex Epistolis), par Camillo Baldi. Paris.

жаніе рукописи, почеркъ которой изслѣдуется; онъ совершенно исключаетъ изъ графологическаго матерьяла стихи, рукописи научнаго содержанія и т. п.

Лейбницъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, высказалъ убѣжденіе, что почеркъ выражаетъ, такъ или иначе, характеръ писавшаго (etiam modus scribendi prelumque, nisi à magistro pendet habet aliquid naturalis temperament, imo, etiam cum ab eo pendet).

Нѣкоторый намекъ на основную мысль психографологіи можно найти въ сочиненіи François Demelle, *) болѣе раннемъ, чѣмъ книга Бальдо и особенно интересномъ для нась потому, что книга Demelle посвящена судебной экспертизѣ почерковъ. Она издана въ 1609 г. Авторъ этой книги старается опровергнуть мнѣніе, что случайныя обстоятельства, сопровождающія актъ писанія (непривычное перо, неудобное положеніе и т. п.) способны сдѣлать почеркъ неузнаваемымъ; но его мнѣнію, въ каждомъ почеркѣ, независимо отъ орудія письма, сохраняются особенности, присущія только самому пишущему, его натурѣ физической и духовной.

Въ 1665 г. издано было другое сочиненіе, также посвященное судебной экспертизѣ почерковъ **); авторъ его, нѣкій Raveneau тоже не чуждъ убѣжденія, что въ почеркѣ отражаются если не основныя черты характера человѣка, то его настроеніе во время акта письма. Книга Равено, какъ я упоминалъ уже (см. гл. Судебная фотогр., стр. 44), сожжена была, по королевскому указу 10 февр. 1670 г., рукою палача, передъ зданіемъ суда въ Парижѣ, вслѣдствіе требованія судебныхъ властей, находившихъ ее вредною и облегчающею совершеніе подлоговъ. Книга Demelle, выдержавшая 3 изданія, къ тому времени уже не находилась въ продажѣ; иначе и она не избѣгла бы участи сочиненія Равено.

Въ концѣ XVIII столѣтія интересъ къ изысканію связи между почеркомъ и душевными качествами возросъ благодаря Лафатеру, извѣстному основателю такъ называемой физіономистики. Въ рядахъ своихъ адептовъ графологи считаютъ многихъ извѣстныхъ ученыхъ, какъ напр. Ч. Дарвина, И. Гумбольдта, Белля и другихъ.

Издатель сочиненій Лафатера, Moreau de la Sarthe, профессоръ медицинскаго факультета парижскаго универститета, пытался дать графологіи научное основаніе. Онъ произвелъ подробный анализъ почерка кардинала Жиль де Ретцъ, извѣстнаго подъ названіемъ „Синяя борода“, и положилъ такимъ образомъ начало патологіи почерка. Для

---

*) *Demelle* (François).—*Avis pour juger des inscriptions en faux*, ou comparaison des écritures et signatures pour en faire et dresser les moyens pour veoir et descouvrir toutes falsifications et feaussetés, 3-e édition, Paris. 1609 avec Privilège du Roy.

**) *Raveneau* (Iacques)—*Traité des inscriptions en faux et reconnaissances d'écritures* et signatures par comparaison et autrement. Paris. *1665* Avec privilège du Roy.

насъ интересно отмѣтить, что Moreau de la Sarthe, невропатологъ по специальности, указывалъ уже на полное измѣненіе почерка подъ вліяніемъ прогрессирующаго душевнаго недуга и самъ коллекціонировалъ рукописи больныхъ, стараясь присоединить къ нимъ рукописи тѣхъ же лицъ до появленія первыхъ ясныхъ признаковъ болѣзни. Въ этомъ заключается уже стремленіе соединить психографологію съ физіографологіей, т. е. искать также зависимость между внѣшнимъ видомъ почерка и физическими особенностями пишущаго. Впрочемъ, Moreau de la Sarthe имѣлъ предшественника въ лицѣ Громанна *), который утверждалъ, что по почерку можно опредѣлять ростъ, голосъ, даже цвѣтъ глазъ и волосъ писавшаго.

Творцомъ новѣйшей графологіи считается аббатъ Мишонъ (р. 1806, †1881 г.); по его инціативѣ образовались общества графологовъ, возникли спеціальные журналы по графологіи и пр. Онъ создалъ школу и имѣлъ много послѣдователей.

Въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ графологовъ можно уже подмѣтить стремленіе основывать выводы не столько на очертаніяхъ буквъ, сколько на построеніи почерка. Аббатъ Мишонъ обладалъ до конца жизни замѣчательной энергіей и способностью увлекаться своими идеями. Этой энергіи Мишона, гораздо болѣе чѣмъ качеству его графологическихъ изслѣдованій, психографологія обязана своимъ успѣхомъ въ обществѣ. Мишонъ создалъ литературу графологіи и самъ написалъ много сочиненій по этому предмету; онъ же издавалъ журналъ „La Graphologie", выходившій два раза въ мѣсяцъ, съ 1873 по 1881 г. Для насъ

---

*) *Grohmann.* – Untersuchung der Möglichkeit einer Caractersichung aus der Handschrift zur Erfahrungsseelekunde. Въ новѣйшее время къ смѣлымъ надеждамъ Громанна возвратился Бридье (Revue philosophique, 1886, февраль) псевдонимъ Hoctès) увѣряющій, что изъ 20 разъ въ 15-ти можно угадать по почерку цвѣтъ волосъ! Было-бы, однако, не совсѣмъ осторожно отнестись къ претензіямъ Громанна и Бридье съ полнымъ пренебреженіемъ: извѣстно, что антропологи придаютъ цвѣту волосъ большое значеніе какъ показателю различныхъ физическихъ и душевныхъ особенностей изслѣдуемаго типа. По выраженію Бонэ волосы служатъ какъ-бы манометромъ для питанія, а Петри прибавляетъ отъ себя, что волосы служатъ и манометромъ душевнаго состоянія, въ особенности у нервныхъ субъектовъ (Петри, Антропологія 1890 г. т. 2. стр. 227). По Ломборзо окраска волосъ у преступниковъ темнѣе, чѣмъ у другихъ людей и преступники долго не сѣдѣютъ: по этому поводу Петри замѣчаетъ, однако, что, достаточно указать на характерную просѣдь биржевыхъ героевъ, которые, конечно преступнѣе любого храбреца—грабителя на большой дорогѣ, чтобы усомниться въ вѣрности наблюденія Ломброзо (тамъ же, стр. 229). Какъ бы то ни было, если существуетъ связь между душевнымъ строемъ человѣка и цвѣтомъ его волосъ, послѣдній долженъ имѣть своего показателя и въ почеркѣ.

Кстати, приведу еще одно замѣчаніе Петри, имѣющее несомнѣнное отношеніе къ занимающему насъ вопросу о зависимости почерка отъ физической и духовной природы пишущаго: „Послѣ работъ Вирхова, Гегенбауэра, Гельдера Ранке и др. о корреляціи между различными частями мозгового и лицевого черепа мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что нарушеніе нормальнаго строенія въ какой-либо части организма должно обусловить собою совершенно опредѣленныя измѣненія въ другихъ его частяхъ (тамъ же стр. 163).

особенно интересны его брошюрки о судебно-графической экспертизѣ *). Автору случилось фигурировать, въ качествѣ эксперта по сличенію почерковъ, въ Монпелье, (по дѣлу о духовномъ завѣщаніи вдовы Боньоль) и въ Невшателѣ (тоже по дѣлу о подлогѣ), причемъ работать пришлось вмѣстѣ съ главными парижскими экспертами - распознавателями почерковъ Оливье, Бертеномъ и Віолемъ. Названныя лица давали заключенія по обычному способу гг. каллиграфовъ, тогда какъ Мишонъ пробовалъ примѣнить свои графологическіе пріемы, названные имъ графической анатоміей (anatomie graphique). Мнѣнія разошлись, т. е. Мишонъ утверждалъ подлогъ, а эксперты стояли за подлинность и какъ водится, обѣ стороны указывали суду на ненаучность пріемовъ противника. Изъ брошюрки Мишона видно, однако, что его пріемы рѣшительно ничѣмъ не отличались отъ пріемовъ гг. Оливье, Бертена и Віоля; такъ же какъ и они, Мишонъ выуживалъ отдѣльныя различія въ рисункахъ буквъ, несходство въ какихъ нибудь завиткахъ или петелькахъ и ему въ голову не приходило провѣрять по всей рукописи, въ какой мѣрѣ усмотрѣнныя имъ различія постоянны, какое ихъ происхожденіе. Разногласіе, какъ всегда, вызывалось тѣмъ, что эксперты сличители искали случайныя *сходства* для доказательства подлинности завѣщанія, а Мишонъ указывалъ столь же случайныя *несходства* и на нихъ строилъ свое заключеніе о подлогѣ. La méthode vicieuse des expertises въ томъ именно и состоитъ, по убѣжденію Мишона, что эксперты ищутъ сходство, тогда какъ нужно искать несходство. Споръ получаетъ, поэтому, характеръ комическій.

Собственно психографологія въ этихъ двухъ экспертизахъ была ни причемъ, такъ какъ Мишонъ не задавался никакими соображеніями о душевныхъ качествахъ вдовы Боньоль или часовщика Жюно; тѣмъ не менѣе, эксперты - каллиграфы и защитникъ Жолибуа обрушивались въ своихъ показаніяхъ и рѣчахъ на графологію, убѣждая судъ не давать вѣры этой мнимой наукѣ!

При желаніи, въ любыхъ сличаемыхъ рукописяхъ можно найти безконечное множество случайныхъ сходствъ и несходствъ и все таки не подвинуть дѣло ни на одинъ шагъ впередъ. Примѣромъ можетъ служить заключеніе экспертовъ Chabot и Netherclift'a, отпечатанное въ

---

*) *Michon* (Jean-Hyppolite). „Mémoire à consulter aux magistrats, aux avocats, aux avoués, sur la méthode vicieuse des expertises en écriture suivie jusqu'à ce jour et sur l'intervention heureuse de la science graphologique, pour découvrir le vrai en matière d'écritures contestées“. Paris, 1880.

„Application de la science graphologique à la découverte des écritures déguisées. Expertise sur l'autographe anonyme intitulé: „La grande cavalcade des cornichons verts“. Paris, 1880.

„De l'intervention de la science nouvelle „la Graphologie“ dans les causes judiciaires. Faux testament Bonniol. Mémoire adressé à la magistrature, au barreau et aux hommes d'affaires“. Paris, 1878.

„Un dernier mot sur le faux testament Bonniol“. Montpellier, 1878.

Лондонѣ отдѣльной книгой въ 289 страницъ (!) съ множествомъ рисунковъ *)! Трудъ замѣчательно добросовѣстный и кропотливый, но столь же безполезный, потому что само по себѣ существованіе отдѣльныхъ сходствъ и различій ничего не говоритъ ни за, ни противъ подлинности документа.

Возвращаясь къ психографологіи, я заимствую изъ книги J. Crepieux **) доводы приводимые авторомъ книги въ пользу графологіи, предоставляя читателю самому войти въ оцѣнку убѣдительности этихъ доводовъ:

«Стоитъ произнести слово графологія передъ человѣкомъ, никогда ею не занимавшимся, первое, что онъ скажетъ, будетъ *но*. Это бы еще не бѣда; вполнѣ понятно какое удивленіе можетъ вызвать подобное откровеніе, а также желаніе увѣриться въ его научности. Къ несчастью, очень многіе умные и образованные люди легкомысленно даютъ на это точь въ точь тѣ же отвѣты, какъ и самые обыкновенные невѣжды. Какъ кажется, философское сомнѣніе, обуздывающее разумъ, находится въ данномъ случаѣ на невѣрномъ пути, такъ какъ порождаетъ только отрицаніе, а не серьезную провѣрку. Обыкновенно предпочитаютъ даже скорѣе отвѣтить какую нибудь глупость, чѣмъ промолчать и показаться соглашающимся. Поэтому будетъ умѣстно отвѣтить на наиболѣе серьезныя изъ возраженій, что займетъ не много мѣста, разъ только имѣешь ключъ графологической науки.

1) Какъ можете вы узнать мой характеръ по почерку? онъ далеко не одинаковъ на протяженіи одной страницы.

Это самое обыкновенное возраженіе. Его дѣлаютъ, не давая себѣ труда подумать, о томъ, что оно слишкомъ легко приходитъ на умъ каждому и что многіе непремѣнно уже дѣлали его и, если бы графологія не могла отвѣтить на него, то ее слѣдовало бы поставить на ряду съ хиромантіей. Между тѣмъ она не имѣетъ съ хиромантіей ничего общаго, и если бы это было иначе, то, кардиналъ Донне, Барбье-де-Монтъ, Александръ Дюма сынъ и многіе другіе замѣчательные люди не стали бы заниматься ею.

Въ сущности неважно, мѣняется-ли вашъ почеркъ или не мѣняется; если графологъ нарисуетъ вашъ портретъ вѣрно, то этого будетъ, пожалуй, достаточно для того, чтобы доказать, что возраженіе не имѣетъ никакой цѣнности. Напротивъ, эти измѣненія не только не служатъ препятствіемъ, но даже облегчаютъ нашу задачу, такъ какъ указываютъ на различныя впечатлѣнія вашей души. Но предположимъ на одинъ моментъ, что измѣненія нисколько не помогаютъ намъ. Если бы вамъ показали чужой почеркъ и спросили васъ: «ваша ли это рука?» вы, разумѣется, отвѣтили бы, что нѣтъ. Почему? потому что вашъ почеркъ, несмотря на измѣнчивость, имѣетъ свой особенный характеръ, свои особенныя буквы, что и позволяетъ вамъ отличать его отъ другихъ. Развѣ этого постояннаго основного характера не было бы достаточно для того, чтобы опредѣлить натуру пишущаго?

2) Я не могу повѣрить, что вы можете сказать мнѣ, кто я, такъ какъ въ моей волѣ измѣнять мой почеркъ по желанію.

---

*) *Chabot, Charles.* The Handwriting of Junius, professinnally investigated. London, 1871.

**) *J. Crépiuex-Jamin.* „Traité pratique de graphologie, étude du caractère de l'homme d'après son écriture“. Paris, 1885.

„L'Ecriture et le Caractère“. Paris, 1884.

Вполнѣ неблагоразумно умышленно извращать свой почеркъ, если желаешь получить свой портретъ.

Представьте себѣ человѣка, который направился бы къ художнику и сказалъ ему: «я желалъ бы, чтобы вы написали мой портретъ, но я не думаю, что вы сможете это сдѣлать, такъ какъ я въ состояніи измѣнять свое лицо по желанію». И вотъ, въ то время какъ художникъ работаетъ, заказчикъ принимается дѣлать гримасы. Художникъ, конечно, отвѣтитъ: «увѣряю васъ, что ваши гримасы не могли бы помѣшать мнѣ писать вашъ портретъ, если бы я этого непремѣнно хотѣлъ, такъ какъ окладъ вашего лица, вашъ лобъ, ваши уши и пр., остаются тѣ же и непремѣнно настанетъ такой моментъ, въ который я получу возможность схватить настоящее выраженіе вашей физіономіи. Но это былъ бы вполнѣ безполезный трудъ и я совѣтую вамъ, если вы хотите получить дѣйствительное сходство, принять самый естественный видъ».

Мы также могли бы отвѣтить, что желая измѣнить почеркъ, чаще всего измѣняютъ только наклонъ буквъ; остальное же, вся эта масса подробностей, которыя позволяютъ намъ прочесть характеръ пишущаго, остаются обыкновенно безъ перемѣны.

Тѣмъ не менѣе, для того, чтобы получить хорошій графологическій портретъ, слѣдуетъ давать свой обыкновенный почеркъ и мы совѣтуемъ графологамъ быть осторожными съ людьми «дѣлающими гримасы».

3) Будучи графологомъ можно-ли выработать себѣ почеркъ, отражающій всевозможныя качества?

Нѣтъ, потому, что какъ ни старайтесь измѣнить вашу природу, она все равно возьметъ свое, и исписавъ цѣлую страницу, очень трудно не дать проскользнуть основнымъ признакамъ характера. Надо помнить, что самая маленькая черточка уже говоритъ намъ кое что; кромѣ того невозможно, обращая вниманіе на каждую мелочь, сохранить твердость почерка и не придать цѣлому нѣсколько подозрительный видъ.

Быть можетъ иногда и то только въ нѣкоторыхъ штрихахъ, фальсификація достижима; но постоянная фальсификація и при томъ во всѣхъ рѣшительно штрихахъ, вещь совершенно не выполнимая.

Слабость этого возраженія станетъ очевидною, если разсмотрѣть почерки наиболѣе извѣстныхъ графологовъ. Ихъ почерки выглядятъ очень бѣглыми, а ихъ слабости—отъ которыхъ, увы, никто не свободенъ!—выдѣляются съ такою же ясностью, какъ и въ тѣхъ почеркахъ, которые они ежедневно разбираютъ.

4) Если почеркъ отражаетъ сердечныя впечатлѣнія, то не слѣдуетъ-ли предположить, что онъ отражаетъ только впечатлѣнія даннаго момента?

Впечатлѣніе даннаго момента никогда не можетъ быть настолько сильно, чтобы повліять на весь характеръ. Нельзя быть одновременно раздражительнымъ, эгоистомъ, лгуномъ, энтузіастомъ и т. д. и если субъектъ, отличающійся обыкновенно добродушіемъ, въ моментъ писанія находится въ раздраженномъ состояніи, то добродушіе, его постоянное состояніе, не исчезнетъ, но въ почеркѣ скажется, можетъ быть, нѣсколько большая противъ обыкновенія живость. Этотъ контрастъ откроетъ графологу истину; такимъ то способомъ, при небольшомъ упражненіи, можно научиться отличать въ почеркѣ впечатлѣніе даннаго момента отъ привычнаго состоянія души.

Если въ распоряженіи имѣется нѣсколько рукописей одного и того же лица, то очень легко схватить главныя черты его почерка и отличить ихъ отъ побочныхъ.

5) Всѣ учителя имѣютъ одинаковый почеркъ.

Не слѣдуетъ смѣшивать то, что мы называемъ почеркомъ, являющееся выраженіемъ мысли, съ каллиграфіей, представляющей изъ себя тщательный рисунокъ. Такіе почерки учителей и канцелярскихъ писарей можно назвать *оффиціальными* и они не годны для опредѣленія портретовъ. Но большею частью, кромѣ оффиціальнаго почерка, у нихъ бываетъ еще и другой, которымъ они пользуются для своей интимной переписки. Вотъ этотъ почеркъ и слѣдуетъ разбирать. Но если писарь обладаетъ только однимъ, безличнымъ почеркомъ, то это плохой признакъ для него... — и для графолога, который не знаетъ, какъ объявить своему кліенту, что онъ безличное, незамѣтное существо.

6) Каждая страна имѣетъ свой почеркъ.

Совершенно вѣрно, но каждая страна имѣетъ также свой особенный характеръ, а это одно изъ лучшихъ доказательствъ въ пользу графологіи.

Эти возраженія, какъ ясно видно изъ вышесказаннаго, не имѣютъ большого значенія, но еще ничтожнѣе покажутся они передъ научными доказательствами.

Гансъ Гроссъ, въ своемъ „Руководствѣ для судебныхъ слѣдователей“ *), рекомендуетъ слѣдователямъ изучать графологію по своеобразному способу.

„Прежде всего, говоритъ онъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на употребленіе старинныхъ формъ буквъ, которыя обыкновенно употребляютъ въ письмѣ пожилые люди; нужно, однако, имѣть въ виду, что наличность старинныхъ формъ буквъ не можетъ считаться доказательствомъ того, что авторъ рукописи человѣкъ пожилой, такъ точно, какъ письмена новаго образца еще не обличаютъ въ писавшемъ ихъ молодого человѣка. Старинныя формы буквъ нерѣдко усваиваются слабохарактерными людьми, учившимися писать у стараго человѣка, и эта форма остается у нихъ надолго, иногда до конца жизни. У нѣкоторыхъ этотъ способъ письма является слѣдствіемъ личнаго расположенія ихъ къ какому нибудь старику и подражанія его почерку. Бываетъ, также, что старые люди сохраняютъ юношескую живость и очень легко усваиваютъ новыя формы почерка, отрѣшаясь отъ устарѣлыхъ образцовъ, какъ отъ отжившей свое время моды. Общимъ правиломъ можно признать, однако, что лица, разъ привыкшія къ извѣстному почерку, сохраняютъ его навсегда“.

Нѣсколько труднѣе, по мнѣнію Гросса, отличать почеркъ мужской отъ женскаго, но и этому скоро можно научиться. Это умѣнье полезно не только для опредѣленія пола писавшаго, но и для того, чтобы съ нѣкоторою увѣренностью подмѣчать въ рукописи мужчины черты, присущія женскому почерку, и наоборотъ, что въ значительной степени помогаетъ познанію личности человѣка.

Далѣе Гроссъ совѣтуетъ обращать вниманіе на различіе мужскихъ почерковъ по профессіямъ. Коммерческіе, дѣловые люди имѣютъ привычку писать быстрымъ, бѣглымъ почеркомъ, не оканчивать слова и

*) Dr. *Hanns Gross.* Handbuch für Untersuchungsrichter. III. Aufl. Graz. 1899. s. 187—207.

проч.; ученые, благодаря постоянному чтенію печатныхъ книгъ, склонны подражать печатному шрифту; у чиновниковъ почеркъ „изношенный“ (abgenutzt?); врачи пишутъ „почеркомъ рецептовъ“ (Receptschrift?) и т. д. (Гроссъ забываетъ, очевидно, старинное наблюденіе: „docti male pingunt,“ когда говоритъ о почеркѣ ученыхъ).

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, Гроссъ находитъ возможнымъ согласиться съ утвержденіемъ д-ра Шольца (man möchte aber fast dem d-r Friedr. Scholz recht geben) что „когда ученый пишетъ какъ писецъ, а купецъ, какъ художникъ, то это значитъ, что они ошиблись профессіями“ (so haben sie ihren Beruf verfehlt!!)

Будемъ надѣяться, что обиліе служебныхъ занятій не позволитъ нашимъ судебнымъ слѣдователямъ предаваться изученію почерковъ для того, чтобы подмѣчать въ обвиняемомъ черты женственности или рѣшать вопросы о томъ, не было-ли бы приличнѣе тому или другому профессору занимать должность канцелярскаго писца. Вооруженные такими знаніями и, какъ извѣстно, очень склонные къ увлеченіямъ, слѣдователи могутъ Богъ знаетъ до чего дойти въ своихъ обвинительныхъ построеніяхъ, если начнутъ подмѣчать „черты женственности“ въ почеркахъ привлекаемыхъ къ слѣдствію мужчинъ...

Извѣстное дѣло Дрейфуса - Эстергази дало псифографологамъ обильный матерьялъ для обвиненія экспертовъ каллиграфовъ въ ненаучности пріемовъ изслѣдованія; по этому предмету появился цѣлый рядъ брошюръ и даже весьма объемистыя сочиненія, напр., B. Lazare: Une erreur Judiciaire Paris 1897 г. 303 p., представляющее подробный разборъ произведенныхъ по дѣлу экспертизъ. Существуетъ также не малое число сочиненій психографологовъ, посвященныхъ идеѣ примѣненія психографологіи къ судебному изслѣдованію почерковъ. Считаю небезполезнымъ привести здѣсь библіографическій указатель этихъ сочиненій, такъ какъ ознакомленіе съ ними не лишено интереса для лицъ, желающихъ заняться изученіемъ почерковъ *):

*) *Henze, Adolf.—Das Central-Bureau für gerichtliche Handschrift-Vergleichungen.* Leipzig. 1860.
Illustr. Fälschungs-Geschichten. Leipzig. 1888.
Langenbruch W—Uber Schriftvergleichung. „Die Zukunft“. 1894. No. 41.
Die gerichtliche Schriftvergleichung und ihre Reformierung. „Die Handschrift“ 1895.
Kriminelle Schriftkunde. „Die Handschrift“. 1895.
Lazare, Bernard—Une Erreur Judiciaire L'Affaire Dreyfus. [*Deuxième Mémoire avec des Expertises d'Ecritures de MM. Crépieux-Jamin, Gustave Bridier, de Rougemont, Paul Moriaud, E. de Marneffe, de Gray Birch, Th. Gurrin, J-H. Schooling, D. Carvalho, etc*]. Paris. 1897 303 S.
Edelmann, I.—Die Schriftexpertise im Strafprozess. Ein Mahnruf gegen die Verurteilung Unschuldiger. Mit zwei Beispielen. Zürich. 1897. 32 S.
Preyer, W.—Hypnotismus und Graphologie vor Gericht. „Die Zukunft“. 1895.
— *Der Fall Czynski und die Graphologie* „Die Handschrift“. 1895.
— *Die Handschrift der Verbrecher* „Ztsch für Kriminal-Anthropologie“ 1897, No. 1.
Schmidkunz, Dr. Hans—Sachverständige „Neues Leben“. 1897 No. 4.

Выводы, къ которымъ приходятъ всѣ эти авторы, сводятся къ слѣдующимъ (Busse, Hans.—Graphologie u. Gerichtl. Handschr. Unters. 1898 Leipzig, s. 34—35).

1. Существовавшая до сихъ поръ судебная экспертиза почерковъ производится людьми, совсѣмъ не свѣдущими въ техникѣ письма, и ненаучностью своихъ пріемовъ она находится въ рѣзкой противоположности со всѣми остальными вѣтвями судебной-экспертизы.

2. Успѣшная реформа судебной экспертизы почерковъ возможна только на основаніи принциповъ графологіи и предпосылаемой ей аутографокинетики (ученіе о почеркахъ).

3. Выводы графологическаго изслѣдованія почерковъ въ высшей степени достойны вѣры и во всѣхъ случаяхъ экспертизы поддѣлокъ документовъ, относительно факта поддѣлки. Доказательство фабрикаціи фальшивыхъ документовъ только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть доставлено одной графологіей; здѣсь слѣдуетъ также призвать къ экспертизѣ представителей дипломатики (ученія о документахъ).

4. При вызовѣ людей графологически свѣдущихъ, слѣдуетъ поступать такъ же, какъ при вызовѣ экспертовъ по другимъ наукамъ (медицина, химія). Такъ какъ это теоретическое требованіе въ настоящее время не выполнимо на практикѣ, то слѣдовало бы поскорѣе ввести *въ университетахъ лекціи по судебной графологіи*. Точно такъ же, какъ лекціи по судебной медицинѣ посѣщаются юристами и медиками, и лекціи по судебной графологіи могли бы рекомендоваться юристамъ и психологамъ (а также дипломатикамъ).

Параллельно съ лекціями могли бы идти практическія занятія. Этотъ спеціальный курсъ долженъ былъ-бы заканчиваться *теоретическимъ и практическимъ испытаніемъ*, послѣ котораго выдавалось бы удостовѣреніе, дающее право быть вызваннымъ въ судъ въ качествѣ лица, графологически свѣдущаго въ почеркахъ.

Я долженъ упомянуть еще о томъ, что съ 1884 года начались попытки подойти къ повѣркѣ претензій психографологовъ со стороны экспериментальной психопатологіи. Въ 1885 г. появилась замѣтка извѣстнаго невропатолога д-ра Héricourt, въ которой авторъ намекалъ на возможность опытной провѣрки зависимости внѣшняго вида почерка отъ душевнаго состоянія пишущаго *). Къ осуществленію этой мысли при-

---

Albertini-Meyer, L von—Die Graphologie als gerichtlicher Experte. „Lehrbuch der Graphologie“ von Albertini-Meyer. S. 225—238.

Busse, Hans H.—Die gerichtliche Schriftexpertise. „Berichte d. dtsch. graphol. Gesellschaft“. 1897, No. IV.

— *Uber gerichtliche Schriftexpertise.* „Dtsch. Iuristenztg“ 1897, No. 11.

— *Die gerichtliche Schriftexpertise und ihre Reform durch die Graphologie.* „Allg. österr. Gerichts-Ztg“. 1897, No. 30.

Busse, Hans H.—Graphologie und gerichtliche Handschriften Untersuchungen (Schrift-Expertise) 1898. Leipzig. 355.

Bertillon, A—La comparaison des ecritures et l'identification graphique. Revue scientifique 1897—98.

Meyer, L.—Die affere Dreyfus in graphologischen Lichte. Ueber Land und Meer, 1898, Ianuar.

Weingart, A, d-r.—Ueber das Untersuchen für Urkunden falschungen. Arch für Crimin. Anthropol. 1898.

*) Revue Philosophique 1885, Novembre, p. 285.

ступили д-ра Рише, Герикуръ и Феррари, пользуясь гипнотическимъ состоянiемъ избранныхъ ими для опытовъ лицъ. О результатахъ опытовъ эти изслѣдователи сдѣлали сообщенiе въ засѣданiи 22-го февр. 1886 г. общества физiологической психологiи *).

Опыты состояли въ томъ, что приведенному въ гипнотическое состоянiе субъекту внушалось, послѣдовательно, что онъ крестьянинъ, купецъ, Гарпагонъ, и т. п., причемъ въ каждомъ изъ этихъ состоянiй загипнотизированный писалъ подъ диктовку экспериментаторовъ.

Нельзя не признать, что *по внѣшнему виду* всѣ добытые такимъ способомъ автографы поразительно различны между собою и еще менѣе сходны съ нормальнымъ почеркомъ того же лица. Мало того: *внѣшнiй видъ* каждой изъ рукописей вполнѣ отвѣчаетъ тому состоянiю, въ которомъ полагалъ себя загипнотизированный, т. е. почерку поселянъ, купцовъ, очень скупыхъ людей и т. п.

Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что воспроизведенныя въ Revue Philosophique фотоцинкографiей образцы автографовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, ни на одно мгновенiе не остановили бы экспертовъ-сличителей отъ категорическаго утвержденiя, что разсматриваемыя рукописи писаны разными лицами.

На основанiи своихъ опытовъ д-ра Рише, Феррари и Герикуръ, а за ними и другiе (Фере, Бине) приходятъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Внѣшнiй видъ почерка находится въ полной зависимости отъ душевнаго состоянiя пишущаго въ моментъ писанiя.

2) Психографологiя имѣетъ реальное основанiе (la rèalité possible de la graphologie).

3) Въ главныхъ элементахъ почерка, изслѣдуемыя рукописи подтверждаютъ установленные психографологами признаки (дѣловитость, скупость и т. п.).

4) Почерки, какъ видно изъ произведенныхъ опытовъ, измѣняются а) въ размѣрахъ буквъ; б) въ рисункахъ ихъ; в) въ толщинѣ линiй; и г) въ направленiи.

Дальнѣйшее разсужденiе приводитъ авторовъ къ объясненiю интереснаго факта различiя почерковъ въ такъ называемомъ медiумическомъ письмѣ. Извѣстно, что пишущiе медiумы утверждаютъ, что ихъ рукой водятъ духи вызываемыхъ ими умершихъ людей и, въ доказательство этого утвержденiя, ссылаются на различiе почерковъ медiумическихъ рукописей одного и того же медiума. Д-ра Рише, Феррари и Герикуръ видятъ причину такого измѣненiя почерковъ въ различiи душевнаго состоянiя медiумовъ (la variabilité de la *personnalité* é tant suffisante pour l'expliquer, l'hypothèse de la variabilité des *personnes* doit être écartée).

*) Revue Philosoph. 1886—1887.

Опыты названныхъ ученыхъ, много разъ послѣ того провѣренные другими лицами, имѣютъ для судебно-графической экспертизы интересъ чрезвычайной важности потому, что раздвоеніе сознанія возможно и внѣ гипнотическаго состоянія и даже не представляется очень рѣдкимъ. Еще въ 1844 году д-ръ Вигэнъ *) указывалъ на то, что каждое полушаріе большого мозга представляетъ собою, въ сущности, отдѣльный органъ и способно проявлять свою волю независимо отъ воли другого полушарія. Оба полушарія могутъ работать одновременно не въ одномъ направленіи, но совершенно самостоятельно. Только въ вполнѣ здоровомъ мозгу одно полушаріе подчиняется и контролируется другимъ; очень часто эта подчиненность ослабляется или даже вовсе отсутствуетъ, и въ послѣднемъ случаѣ наступаетъ состояніе двойного сознанія. Каждый человѣкъ сознаетъ въ себѣ двѣ воли и нерѣдко другъ другу противорѣчащія; противорѣчіе это можетъ въ крайнихъ степеняхъ выразиться совершенно явно въ раздвоеніи личности одновременномъ или поперемѣнномъ. Г-жа Манасеина указываетъ въ своей книгѣ цѣлый рядъ случаевъ двойного сознанія, о которыхъ писали неоднократно многіе авторы **) (стр. 137).

Шрёдеръ ванъ-деръ-Кольдъ былъ приглашенъ къ 20-лѣтней дѣвушкѣ, которая за 7 лѣтъ до того перенесла какую-то продолжительную болѣзнь. Послѣдствіемъ и продолженіемъ этой болѣзни явилось совершенно своеобразное состояніе двойного сознанія, а именно, жизнь больной распадалась на двѣ отдѣльныя половины, изъ которыхъ каждая длилась по 24 часа, уступая затѣмъ мѣсто слѣдующему состоянію. Въ одномъ состояніи дѣвушка эта представлялась тѣмъ, чѣмъ она была обыкновенно, т. е., она говорила хорошо не только по нѣмецки, но также и по французски и была вообще довольно начитанной и очень разсудительной особой. Во второмъ состояніи больная являлась совершенно необразованной, всѣ ея обычныя знанія оказывались уничтоженными и она держалась и вела себя чисто по дѣтски. Замѣчательно,

---

*) *Wigan* A. L. d-r. The Duality of the Mind.

**) *Schröder van der Kolk*, Die Pathologie und Therapie der Geisteskrankheiten 1863, стр. 30—31.

Brown Sequard, въ The Medical and Surgical Reporter 1874, т. 30 стр. 517.

Jessen, Doppeltes Bewusstsein въ Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie 1865, т. 22, стр. 403.

Beard, The Nature and Phenomena of Trance въ Archives of Electrology and Neurology. 1875, т. 2, № 1, стр. 95.

Dunn, Case of Suspension of mental faculties etc. въ The Lancet, 1845, т. 2, стр. 536 и 588 и слѣд.

Forbes Winslow, Obscure Diseases of the Brain and Mind, стр. 335.

Carpenter, Mental Physiology, 1874, стр. 459 и слѣд.

Mayo, Case of Double Consciousness въ The London Medical Journal 1845, т. I, стр. 1202.

Huxley, An addrcss on the theories of life and motion въ the British Med. Journal, 1874, 29-го августа. стр. 269.

что и память шла у нея такими же скачками, такъ, что въ дни глупости она отлично помнила все, что съ нею было въ ея глупые дни, а всѣ событія ея жизни, приходившіяся на умные дни, она помнила только въ умные дни.

Интересенъ случай, бывшій съ знаменитымъ германскимъ канцлеромъ, княземъ Бисмаркомъ *), разсказанный имъ самимъ. „Я ѣхалъ верхомъ съ братомъ, который опередилъ меня, какъ вдругъ я услыхалъ страшный трескъ и шумъ. Это моя голова колотилась о мостовую. Лошадь моя испугалась чего-то и сбросила меня. Я потерялъ сознаніе, а когда я пришелъ въ себя, то ко мнѣ вернулась лишь половина моего сознанія, т. е., одна часть моего интеллекта была вполнѣ сохранена и ясна, а другая оказалась совершенно отсутствующей. Я осмотрѣлъ лошадь и нашелъ, что сѣдло было попорчено настолько, что ѣзда на немъ была невозможна. Я подозвалъ грума, взялъ его лошадь и поѣхалъ домой. Подъѣхавъ къ дому, я не узналъ его, но узналъ своихъ собакъ, вышедшихъ ко мнѣ навстрѣчу. Затѣмъ я заявилъ, что грумъ упалъ съ лошади и что за нимъ надо послать людей съ носилками и очень разсердился, когда приказаніе не было исполнено вслѣдствіе знака, сдѣланнаго моимъ братомъ. Я не сознавалъ своей собственной личности или, вѣрнѣе, я въ одно и то же время *сознавалъ себя и грумомъ и самимъ собою*". Затѣмъ Бисмаркъ спросилъ себѣ чего-нибудь поѣсть и, утоливъ голодъ, легъ въ постель и, заснувъ, проспалъ долго. На слѣдующее утро отъ раздвоенія сознанія не осталось и слѣда и Бисмаркъ опять сознавалъ себя всецѣло Бисмаркомъ. Случай этотъ является особенно цѣннымъ, такъ какъ на самонаблюденіе такого человѣка, какъ имперскій канцлеръ, можно вполнѣ положиться. Онъ, очевидно, сознавалъ, что онъ упалъ и расшибся и что въ то же самое время его внутренное *я* измѣнилось: что многое изъ его знаній, изъ содержанія его внутренняго міра исчезло и онъ объяснялъ себѣ это притупленіе тѣмъ, что онъ не Бисмаркъ, а простой грумъ; но затѣмъ временами всплывало у него и сознаніе его собственной настоящей личности и, помня, что грумъ расшибся, онъ начиналъ заботиться объ его участи, сердиться на неисполненіе своихъ приказаній; а тамъ снова выступало впередъ второе болѣе тупое состояніе и т. д.

Аберкромби **) передаетъ случай, бывшій съ однимъ врачемъ. Онъ упалъ съ лошади и сильно ударился головой. Когда его привели въ чувство, то онъ самымъ подробнымъ образомъ описалъ тотъ способъ лѣченія, который онъ желалъ, чтобы былъ примѣненъ къ нему; но въ то же время онъ совершенно забылъ, что у него есть жена и дѣти и вспомнилъ о нихъ только на третій день. Извѣстный англійскій

*) The British Medical Journal, 1879, № 946, стр. 241.
**) *Abercrombie* Intellectual Powers, 1830, стр. 156.

романистъ Вальтеръ Скоттъ *) писалъ одно изъ своихъ лучшихъ произведенiй въ то время, когда онъ страдалъ отъ мучительной болѣзни. Когда Вальтеръ Скоттъ оправился отъ своей болѣзни и ему подали его послѣднее произведенiе, написанное въ началѣ болѣзни, то оказалось, что онъ ничего рѣшительно не помнитъ изъ написаннаго имъ.

Едва-ли можно сомнѣваться, что множество такихъ же случаевъ проходятъ незамѣченными; такъ, напримѣръ, если-бы Бисмаркъ не разсказалъ черезъ много лѣтъ о послѣдствiяхъ своего паденiя съ лошади, то о его случаѣ двойного сознанiя никто-бы ничего не зналъ. Соображаясь съ результатами опытовъ Феррари, Рише и Герикура, мы должны допустить, что при раздвоенiи сознанiя получаются и два почерка, несходны между собою по *внѣшнему* виду; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ тѣхъ случаяхъ двойного сознанiя, въ которомъ наблюдавшiе ихъ врачи обращали вниманiе на почерки больныхъ, было установлено очевидное измѣненiе почерковъ. Такъ, д-ръ Бирдъ **) лечилъ одну больную дѣвушку, у которой было двойное сознанiе и соотвѣтственно, два почерка, т. е. въ одномъ состоянiи она писала однимъ почеркомъ, въ другомъ другимъ. То же самое свидѣтельствуетъ д-ръ Вейль Митчель ***) въ своемъ сообщенiи Филадельфiйскому обществу врачей 4 апр. 1883 г. (больная Марiя Рейнгольдсъ).

Д-ръ Виганъ всѣ подобные случаи объясняетъ тѣмъ, что одно полушарiе головнаго мозга подпадаетъ болѣе значительной степени пораженiя, чѣмъ другое, и такимъ образомъ въ человѣкѣ является раздвоенiе его собственнаго *я*, является представленiе о двойственности его собственной личности. Онъ указываетъ, далѣе, на то, что распаденiя личности на большее число отдѣльныхъ ego никогда не встрѣчается, и что, какъ въ здоровомъ состоянiи, такъ и въ патологическихъ, наблюдаются всегда лишь раздвоенiя личности; борьбы же трехъ или четырехъ *я* никогда не бываетъ; между тѣмъ, еслибы подобное раздробленiе внутренняго *я* зависѣло отъ извѣстныхъ аномалiй въ дѣятельности отдѣльныхъ центровъ, а не отъ полушарiй, то тогда бы было вполнѣ естественно ожидать расщепленiя личности на нѣсколько отдѣльныхъ *я*, чего въ дѣйствительности никогда не встрѣчается.

Если выводы д-ровъ Феррари, Рише и Герикура вѣрны (а въ этомъ, пожалуй и сомнѣваться трудно, такъ какъ они приложили къ своему докладу образчики письма гипнотизированныхъ), то не слѣдуетъ-ли думать, что Хлестаковъ, во время вранья въ домѣ городничаго, подписалъ бы фамилiю не обычнымъ своимъ почеркомъ, если бы ему

---

*) *Lockhart*, Life of Walter Scott, глава 44.

**) *Beard*. The Nature and Phenomen of trance. Arch. of Electrology and Neurol. 1875.

***) *Frazer*. P.—A Manuel of the study of Documents. Philadelfia. 1894.

подсунули тогда какую нибудь бумагу? По указанію Гоголя, „Хлестаковъ не лгунъ по ремеслу; онъ *самъ позабываетъ, что лжетъ*, и уже самъ почти вѣритъ тому, что говоритъ". Развѣ это не двойное сознаніе? Развѣ это не самогипнотизированіе? „Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но, натурально, въ этомъ не хочетъ только сознаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кожѣ другого, а не въ собственной" *).

Въ 1835 году надѣлалъ большого шума процессъ французскаго поручика Ла-Ронсьера, обвинявшагося въ покушеніи на изнасилованіе одной барышни хорошаго круга; главной уликой служили письма обвиняемаго къ потерпѣвшей, представленныя ею въ судъ. Первые эксперты, сличавшіе почеркъ писемъ съ почеркомъ Ла-Ронсьера, настаивали на полномъ сходствѣ, т. е. прямо подтверждали обвиненіе. Потомъ, когда слѣдствіе неожиданно должно было принять другое направленіе, двѣ новыхъ комиссіи экспертовъ отвергли принадлежность писемъ рукѣ Ла-Ронсьера, но опирались на то, что письма писаны почеркомъ болѣе твердымъ, чѣмъ почеркъ обвиняемаго **), причемъ и они не отрицали сходство.

Послѣ оказалось, что истеричная барышня сама фабриковала письма къ себѣ отъ имени Ла-Ронсьера и такъ хорошо, что ввела въ заблужденіе и экспертовъ и слѣдователя и судей: *сходство* почерковъ было несомнѣнное. Она любила поручика, довела себя до гипноза, до галлюцинацій, во время которыхъ „*почти вѣрила*", что пишетъ не она, но тотъ, о комъ она думала, чей почеркъ хорошо знала. Нельзя допустить, чтобы чрезвычайно удачная поддѣлка множества писемъ была произведена мнимопотерпѣвшей въ нормальномъ состояніи.

Въ моей практикѣ былъ такой случай. Юноша М. обвинялся въ подложномъ составленіи духовнаго завѣщанія отъ имени одного извѣстнаго богача-генерала, незаконнымъ сыномъ котораго онъ себя считалъ. Завѣщаніе все, сначала до конца (двѣ страницы) было, по увѣренію обвиняемаго, писано и подписано завѣщателемъ; дѣйствительно, почеркъ былъ до того сходенъ съ почеркомъ покойнаго генерала, что

---

*) *Гоголь*. „Отрывокъ изъ письма, писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора" къ одному литератору".

**) „*Der Neuer Pitaval*" Leipzig. VI, 412. Свое заключеніе вторые эксперты мотивировали слѣдующимъ образомъ: „это поддѣланный почеркъ, но выглядываютъ черты руки, очень свѣдущей въ письмѣ, быстрой, увѣренной и плавно пишущей; напротивъ, Ла-Ронсіеръ обладаетъ несформировавшимся тяжелымъ почеркомъ. Пишущій бѣгло можетъ поддѣлаться подъ невѣрный почеркъ; пишущій правильно можетъ намѣренно писать съ ошибками; но кто отъ природы пишетъ съ трудомъ, тотъ не можетъ, особенно въ столькихъ письмахъ, притвориться до того, чтобы писать съ увѣренностью, а кто по старой привычкѣ пишетъ неправильно, не станетъ вдругъ писать правильно тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ обманѣ".

эксперты каллиграфы очень затруднялись высказаться не въ пользу подлинности документа. Когда юный претендентъ на милліоны написалъ, въ камерѣ слѣдователя, собственноручно свое показаніе, мы всѣ (слѣдователь, тов. прокурора и эксперты) были поражены сходствомъ почерка, которымъ написано показаніе, съ почеркомъ умершаго богача-генерала! Анализъ показалъ, что сходство только внѣшнее, но на взглядъ оно представлялось полнымъ. Дѣло было прекращено послѣ признанія обвиняемаго душевно больнымъ. Данныя предварительнаго слѣдствія совершенно исключали предположеніе, что сходство почерковъ достигнуто продолжительнымъ упражненіемъ въ копированіи; было установлено, что М. всего за одинъ мѣсяцъ до представленія завѣщанія не зналъ даже о существованіи того лица, которое потомъ считалъ своимъ отцомъ и впервые получилъ о немъ свѣдѣнія изъ найденнаго въ бумагахъ матери незначительнаго по содержанію письма генерала. Съ письмомъ этимъ онъ не разставался и постоянно носилъ на груди зашитымъ въ мѣшечекъ. Нормальный почеркъ обвиняемаго *до* заболѣванія оказался, по внѣшному виду, имѣющимъ очень незначительное сходство съ тѣмъ, которымъ онъ писалъ свое показаніе у слѣдователя! Я убѣжденъ, что при другихъ обстоятельствахъ, если бы дѣло дошло со судебнаго разсмотрѣнія, поразительное сходство почерковъ наслѣдодателя и претендента могло-бы заставить присяжныхъ засѣдателей сильно призадуматься.

Приведенные факты находятъ себѣ вполнѣ научныя объясненія. Всѣмъ извѣстно, что индивидуальность почерка сохраняется даже въ томъ случаѣ, если пишущій замѣнитъ всѣ обычно употребляемые имъ рисунки буквъ другими; напримѣръ, вмѣсто *д* съ верхнимъ продолженіемъ будетъ писать его во формѣ латинской буквы *g*; вмѣсто *з* съ продолженіемъ внизъ, усвоитъ форму этой буквы безъ продолженія и т. п. Слѣдовательно, измѣненіе рисунковъ буквъ зависитъ отъ нашей воли, тогда какъ нѣчто другое въ почеркѣ отъ нея не зависитъ. Когда, по какой либо причинѣ, обычно дѣйствующіе мозговые приборы приведены къ временной бездѣятельности, начинаютъ работать другіе, менѣе развитые нервно-мозговые механизмы (какъ это дѣлается, напр. во время сна *) и „функціонируютъ настолько дѣятельно, что результаты ихъ дѣятельности доходятъ до порога сознанія и, въ качествѣ сознательныхъ актовъ, поступаютъ въ міръ внѣшнихъ явленій" (*Манасеина*, l. c.). По этой именно причинѣ люди зачастую вспоминаютъ во снѣ то, что на яву у нихъ совершенно исчезло изъ памяти или даже не доходило до сознанія. *Внѣшній видъ* почерка Ла-Ронсьера остался запечатлѣннымъ въ мозгу любившей его дѣвушки, и точно также, рисунки буквъ письма богача-генерала остались *несознательно* въ па-

*) *Anstie* „Stimulants and Narcotics, their mutual relation. 1865.

мяти несчастнаго юноши М. При извѣстныхъ условіяхъ, память обычныхъ буквенныхъ формъ оказалась парализованной (см. далѣе, объ *аграфіи*) и ея мѣсто заступило воспоминаніе другихъ буквъ. Намъ не покажется это удивительнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что не только воспоминаніе буквенныхъ формъ чужого почерка можетъ отчетливо удержаться въ памяти помимо сознательнаго воспріятія, но и гораздо болѣе сложныя знанія способны сохраняться очень долгое время въ мозгу безъ того, чтобы человѣкъ подозрѣвалъ о ихъ существованіи. Г-жа Манасеина передаетъ напр., слѣдующій случай, заимствованный ею изъ статьи д-ра Броуна *).

Безграмотная, 25-лѣтняя служанка захворала какой-то острой лихорадочной формой и во время бреда начала говорить латинскія, греческія и еврейскія фразы, отличавшіяся такъ называемымъ возвышеннымъ слогомъ. О симмуляціи не могло быть и рѣчи, такъ какъ, во-1-хъ болѣзнь была очень тяжелая, а во-2-хъ дѣвушка эта вообще отличалась своею глупостію. Ея ученыя фразы были признаны патеромъ за навожденіе нечистаго духа, противъ котораго онъ и выступилъ съ заклинаніями и т. п. средствами; но это не помогало: больная по прежнему продолжала говорить цѣлый рядъ греческихъ, латинскихъ и еврейскихъ фразъ. Молодой врачъ, лечившій эту больную, догадался точно записать всѣ эти разнообразныя фразы и затѣмъ онъ принялся наводить подробныя справки объ этой дѣвушкѣ сначала на мѣстѣ, а потомъ и на ея родинѣ. Благодаря настойчивости этого врача кажущееся чудо объяснилось самымъ простымъ образомъ, а именно, онъ узналъ, что дѣвушка эта 9 лѣтъ осталась круглой сиротою и была взята на воспитаніе старикомъ пасторомъ, который былъ замѣчательный знатокъ греческаго, латинскаго и еврейскаго языковъ. Старикъ имѣлъ обыкновеніе читать вслухъ свои любимыя книги и особенно свои любимые отрывки и при томъ, читая ихъ, онъ ходилъ взадъ и впередъ по корридору, ведущему въ кухню. При осмотрѣ любимыхъ книгъ покойнаго старика-пастора въ нихъ найдены были подчеркнутыя мѣста, и среди этихъ отрывковъ находились всѣ тѣ фразы, которыя больная произносила въ бреду; слѣдовательно, дѣвушка эта безсознательно запомнила тѣ фразы, которыя ей приходилось часто слышать.

Здѣсь безсознательно воспринято и сохранено на нѣсколько лѣтъ слуховое впечатлѣніе, тогда какъ въ нашихъ случаяхъ—зрительное. Репродукція слухового впечатлѣнія вызвала соотвѣтствующую артикуляцію мышцъ, участвующихъ въ словесной рѣчи, а репродукція зрительнаго впечатлѣнія произвела то же самое по отношенію письменной рѣчи. Проф. Jodl **) подробно объясняетъ возможность апперцепированія такихъ впечатлѣній, „которыя мы вовсе не даримъ своимъ вниманіемъ“ и, наоборотъ, возможность вниманія безъ апперцепированія.

Теперь я попрошу читателя припомнить разсказанное мною, въ предъидущей главѣ, дѣло о подлогѣ довѣренностей Добродѣева (см.

*) The Lancet 1845. т. 2 стр. 389.
**) *Jodl*, F—Lehrbuch d. Psychologie. Stuttgart, 1896.

стр. 130). Сходство почерка подложныхъ довѣренностей съ почеркомъ управляющаго типографіей Богомолова казалось такъ велико по *внѣшнему виду*, что самъ Добродѣевъ, затѣмъ слѣдователь, прокуроръ и три опытныхъ эксперта не допускали сомнѣнія въ томъ, что подлогъ совершенъ не Богомоловымъ; оказалось, однако, что довѣренности писаны Израилемъ Гутшабашъ. Товарищъ прокурора, въ своей обвинительной рѣчи, сильно подчеркивалъ это сходство почерковъ Богомолова и довѣренностей, желая указать присяжнымъ засѣдателямъ, что мальчикъ Гутшабашъ не только совершилъ подлогъ, но помышлялъ отвести подозрѣнія на Богомолова и погубить невиннаго человѣка. Я твердо убѣжденъ, что это сходство перевѣсило чашку вѣсовъ на сторону обвиненія: не будь его, присяжные отпустили бы мальчишку на свободу—„иди и больше не грѣши“.

Для обвинителя и судей дѣло должно было казаться простымъ и яснымъ: Гутшабашъ умышленно поддѣлывался подъ руку Богомолова, иначе откуда-бы взялось такое поразительное сходство? На самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго быть не могло. Гутшабашъ расписывался въ полученіи въ конторѣ Волкова, а не у себя дома и, тѣмъ не менѣе, *свободнымъ* движеніемъ руки передалъ сходство съ почеркомъ Богомолова, *не выдавъ себя слѣдами рисованія*. Совершенно невѣроятно допустить, что этотъ мальчикъ дошелъ, путемъ продолжительныхъ упражненій въ копированіи почерка Богомолова, до способности *свободно* писать подъ его руку, да еще при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, притомъ, оба раза совершенно одинаково сходно! Мало того, рѣшительно не было цѣли и смысла отводить подозрѣніе на Богомолова, а не на другихъ лицъ, обладавшихъ несравненно меньшими средствами самозащиты, чѣмъ Богомоловъ. Дѣло объясняется иначе, правдоподобнѣе. Воспоминаніе (несознательное) о почеркѣ управляющаго типографіей, ежедневно, въ теченіе долгаго времени бывшаго передъ глазами Гутшабаша, удержалось гдѣ то въ уголкѣ его памяти и съиграло свою роль въ ту минуту, когда Гутшабашъ думалъ только о томъ, чтобы замаскировать свой собственный почеркъ, не помышляя о Богомоловѣ.

Зная о возможности „непроизвольнаго копированія“, графическій экспертъ обязанъ съ крайней осторожностью относиться къ сличенію почерковъ анонимныхъ посланій *), потому что описанное явленіе повторяется особенно часто именно при написаніи такихъ писемъ. Мнѣ извѣстны два случая неосторожныхъ указаній экспертами на ни въ чемъ неповинныхъ лицъ какъ на авторовъ анонимныхъ писемъ: одна изъ такихъ ошибокъ стоила человѣческой жизни, а другая была при-

*) А еще лучше—совсѣмъ не вмѣшиваться въ эти, обыкновенно грязныя, исторіи.

чиною большой семейной непріятности. Чужой почеркъ очень часто, почти всегда подвертывается подъ руку тому, кто старается измѣнить свой собственный, хотя-бы пишущій совсѣмъ и не вспоминалъ о томъ лицѣ, чей почеркъ онъ *невольно* копируетъ. Въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ Парижѣ возникла настоящая эпидемія анонимныхъ писемъ и, такъ какъ получатели, желая обнаружить авторовъ, обращались къ experts-ecrivains, то въ результатѣ получилась невообразимая путаница, порождавшая или забавныя водевильныя qui proquo, или очень печальныя драмы. Козлами отпущенія оказались, конечно, эксперты; на нихъ посыпались насмѣшки и проклятія; они стали, на время, излюбленной мишенью для остроумія каррикатуристовъ и водевилистовъ. При всемъ томъ, эксперты были неповинны въ послѣдствіяхъ ошибки, сдѣланной самими заказчиками, которые требовали распознаванія почерковъ тамъ, гдѣ нужно было изслѣдованіе. Творцы анонимныхъ писемъ, желая измѣнить свои почерки, *неумышленно* подставляли чужіе, которые подсказывала имъ безсознательная память и потому эксперты, привычные подчиняться первому впечатлѣнію сходства или несходства, впадали въ понятныя ошибки.

Французскимъ экспертамъ-каллиграфамъ и, особенно, психографологамъ можно только поставить въ вину излишнюю самоувѣренность и ихъ боевую манеру писать заключенія. Потѣшнымъ языкомъ писалъ свои рѣшительные приговоры и самъ Мишонъ, считающійся отцомъ психографологіи, когда ему случалось выступать въ роли эксперта. Вотъ, напримѣръ, выдержки изъ его заключенія по обнаруженію анонимнаго автора пасквиля, „*La Grande Cavalcade des cornichons verts.*“

Donc à nous deux maintenant, monsieur l'anonyme!

I. Vous avez cru qu'en redressant votre écriture habituellement inclinée, qui dit l'ardent, le passionnel, cette écriture serait déguisée. Pas le moins du monde, tant que vous laisserez subsister, dans vos lettres redressées, les mêmes éléments graphiques que dans l'écriture inclinée.

Dans votre *G* habituel, vous n'avez pas ce tortillonnement, mais une boucle; et vous avez cru que ce petit changement suffisait. Naïf enfant!

Commencez-vous à comprendre?

La lettre fabriquée est beaucoup plus verticale, la boucle du haut est légèrement plus ouverte. Mais cette base de la lettre, qui se redresse, est accusatrice. Le mouvement de plume par lequel vous la tracez dans votre écriture naturelle s'est reproduit identiquement dans l'écriture fabriquée.

N'allez pas nier cela! C'est frappant d'évidence.

Vous le voyez, je ne cherche pas à établir des ressemblances vaines te lointaines. Ici c'est presque votre *D* photographié dans les deux écritures.

Alors, comment nier?

La lettre du mot *venait*, de l'écriture naturelle, se confond rigoureusement avec celle du mot *vingt* de l'écriture fabriquée. Oserez-vous nier cela?

Vous rendez-vous, mon brave? *).

Этотъ нелѣпый тонъ убѣжденнаго въ своей непогрѣшимости графолога, при полномъ отсутствіи какихъ либо доказательствъ, сильно вредитъ экспертамъ - распознавателямъ. Когда ошибка ихъ обнаруживается, введенные въ заблужденіе получатели анонимныхъ писемъ и тѣ, на которыхъ пало, благодаря экспертизѣ, неосновательное обвиненіе, вымѣщаютъ, разумѣется, свое негодованіе на „этихъ проклятыхъ враляхъ!“

Д-ръ Герикуръ сдѣлалъ попытку болѣе общаго анализа почерковъ **). Исходя изъ того, что движеніе руки при письмѣ есть только частный случай выразительныхъ движеній человѣка, а эти послѣднія дѣлятся на приводящія и отводящія, Герикуръ различаетъ въ почеркахъ движенія правостороннія (dextrogyres) и лѣвостороннія (sinistrogyres); каждое изъ этихъ движеній можетъ быть центробѣжмымъ и центростремительнымъ. Сопоставляя теорію Герикура съ работами д-ра Марсэ ***) и Фере ****), мы не можемъ не видѣть въ нихъ серьезное начало научной систематизаціи наблюденій психографологовъ *****).

---

*) Чья возьметъ теперь, господинъ анонимъ!

1. Вы думаете, что выпрямивъ вашъ обыкновенно наклонный почеркъ, который означаетъ пылкость и страстность, вы измѣнили этотъ почеркъ. Такъ нисколько-же, разъ въ вашихъ выпрямленныхъ буквахъ остались тѣ же графическіе признаки, какъ и въ наклонномъ почеркѣ.

Въ вашемъ обыкновенномъ g нѣтъ такихъ извивовъ, но есть завитокъ: и вы думали, что такого маленькаго измѣненія достаточно. Наивное дитя!

Начинаете-ли вы понимать?

Вымученная буква гораздо вертикальнѣе, завитокъ сверху слегка открытъ. Но основаніе этой буквы, стоящее прямо, обличаетъ васъ. Движеніе пера, которымъ вы чертите вашъ естественный почеркъ, повторилось точно также и въ вашемъ вымученномъ почеркѣ.

Не вздумайте отрицать этого! Это поразительно очевидно.

Вы видите, что *я* не стараюсь возстанавливать отдаленныя сходства. Вотъ ваше *D* точно сфотографировано въ обоихъ почеркахъ.

Итакъ, какъ же отрицать?

Буква въ словѣ *venait*, естественнаго почерка, строго совпадаетъ съ тою же буквой въ словѣ *vingt* вымученнаго почерка. Посмѣете-ли вы отрицать это?

Не лучше-ли будетъ сдаться, мой другъ?

Michon, I. H.—Application de la science graphologique à la découverte des écritures déguisées. Paris, 1880.

**) *Hericourt*. d-r.—Les écritures dextrogyres et les écritures sinistrogyres.—Bullet de la Soc. de Psychol. physiolog. 1897, t. III. p. 27—36.

***) *Marcé*, d-r.—De l'existence d'un principe coordinateur de l'écriture Mem. de la Soc. de Biologie, 2 serie, t. III. 1865.

— *Étude sur la valeur des écrits des aliénés, au point de vue de la Séméiologie et de la Médecine légale.* Paris 1864. Extrait des *Annales d'hygiène publique et de médecine légale*, 2me semestre, 1864, tome XXI.

****) *Féré*.—Bullet. medic. 1889. № 47.

*****) Замѣченныя Герикуромъ декстрагирность и синистрагирность письма полностью опредѣляютъ путь для анализа почерка; ихъ можно назвать „генералъ-басомъ“ почерковѣдѣнія въ томъ смыслѣ, въ какомъ Шопенгауэръ называлъ колоннаду „генералъ-басомъ архитектуры“.

Работы Герикура, Рише, Феррари, Бридье (Hoctés) и др. вызвали у психографологовъ стремленіе создать экспериментальную психографологію. Эта новая отросль психографологіи приводитъ къ выводамъ гораздо болѣе цѣннымъ, чѣмъ прежняя классификація графологическихъ признаковъ, созданная Мишономъ и его ближайшими послѣдователями. Правда, постановка опытовъ не можетъ еще быть признана удовлетворительной, а результаты—внушающими безусловное довѣріе, но нельзя забывать, что мы присутствуемъ при зарожденіи новой отрасли знанія, обладающей, повидимому, жизнеспособностью.

Вступивъ на путь опыта, психографологи вынуждены соображаться съ плодами изслѣдованій врачей-физіографологовъ и держаться намѣченнаго уже этими послѣдними пути.

Что психографологія должна, въ концѣ концовъ, встрѣтиться и слиться съ физіографологіей (о которой рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ)—въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Новѣйшіе психографологи дошли уже до сознанія, что отдѣльные знаки (signes) не могутъ служить опредѣлителями душевныхъ свойствъ пишущаго лица, но получаютъ то или иное значеніе лишь въ общей системѣ всѣхъ выдѣленныхъ знаковъ. Неизбѣжнымъ пунктомъ встрѣчи обѣихъ отраслей графологіи должно быть изслѣдованіе болѣзненныхъ измѣненій почерковъ: въ нихъ рѣзче и опредѣленнѣе, чѣмъ въ нормальныхъ, сказывается зависимость письменной рѣчи отъ общаго состоянія организма автора рукописи *).

Не придавая, лично, серьезнаго значенія психографологическимъ „законамъ“ установленнымъ графологами до настоящаго времени и считая эти „законы“ недостаточно обоснованными, я убѣжденъ, однако, что знакомство съ литературой психографологіи необходимо для лицъ, желающихъ изучать почерки.

---

*) Г. Ахшарумовъ, въ своей „Графологіи“ говоритъ, что о болѣзненныхъ почеркахъ существуетъ всего лишь одно психографологическое сочиненіе, а именно *Zix* Öffentliche Charaktere in Lichte graphologischer Auslegung. Въ этомъ указаніи двѣ ошибки: 1) сочиненій о болѣзненныхъ почеркахъ много и 2) указанная г. Ахшарумовымъ книга ничего общаго съ болѣзненными почерками не имѣетъ: это сборникъ графологическихъ портретовъ разныхъ знаменитостей.

ГЛАВА VIII.

Физiографологiя.

Идея физiографологiи, т. е. изученiя зависимости между физической природой человѣка и построенiемъ его почерка, возникла и развилась параллельно съ идеей психографологiи; я упоминалъ уже о статьѣ Громанна, о работахъ Моро-де-ла Сартъ и др. Въ 1883 г. Ф. Беттексъ *) рѣшительно становится на почву физiографологiи.

Съ другой стороны, по почину Шарко, на дiагностическое значенiе почерка стали обращать вниманiе ученые невропатологи. По словамъ Шарко **), измѣненiя въ почеркѣ появляются задолго до явныхъ признаковъ наличности нервной болѣзни и потому онъ очень совѣтовалъ своимъ ученикамъ заняться изслѣдованiемъ болѣзненнаго измѣненiя въ почеркахъ. Значительнымъ толчкомъ къ изученiю болѣзней письменной рѣчи послужило обнаруженiе случаевъ потери способности писать при сохраненiи всѣхъ другихъ способностей, и появленiе сочиненiя д-ра W. Ogle ***) которому принадлежитъ самое названiе этой болѣзни (аграфiя). Ранѣе, въ 1856 году, д-ръ Marcé (l. c.) указывалъ на независимость разстройства словесной рѣчи отъ разстройствъ письменной рѣчи. Особенно много сдѣлалъ для физiологiи и патологiи почерковъ извѣстный нѣмецкiй невропатологъ Эрленмейеръ ****). При его же сотрудничествѣ, а также д-ра Прейера, *****) издавался журналъ „Die Handschrift“; вышло всего 9 нумеровъ, съ апрѣля 1895 г. по ян-

---

*) Über Land und Meer. 1883, №№ 21, 26, 31 и 32.

**) *Charcot.*—Leçons sur les maladies du systéme nerveux, faites a la Salpetriére t. 1 p. 421.

***) *Ogle*, W. d-r—Aphasy and Agraphy. Saint-George hosp. reports, 1867, t. II.

****) *Erlenmeyer*, A. d-r.—Die Schrift. Grundzuge ihrer Physiologie und Pathologie. Stuttgart, 1879. *Erlenmeyer*, A. d-r.—Über die von Verängerungen in Gehirn abhengenden Schreibanomalien.

*****) *Die Handschrift*. Blätter für wissensch. Schriftkunde. Hamburg und Leipzig. Verlag von Leop. Voss. 1895—1896. Кромѣ того д-ромъ Прейеромъ издано: *Preyer*, W.—Zur Psychologie des Schreibens. Hamburg, 1895.

варь 1896 г. По физіологіи и патологіи почерковъ образовалась довольно богатая литература; главнымъ образомъ по отдѣлу болѣзненныхъ измѣненій почерковъ у истеричныхъ и душевно больныхъ.

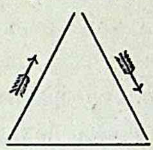
Въ настоящее время можно считать твердо установленнымъ фактъ непремѣннаго измѣненія внѣшняго вида почерка при всякомъ разстройствѣ нервной системы, проявляющагося, притомъ, ранѣе всѣхъ другихъ явныхъ признаковъ болѣзни.

Благодаря развитію ученія о локализаціи сенсорныхъ и моторныхъ центровъ въ мозговой корѣ, механизмъ письменно-двигательнаго аппарата, въ общихъ чертахъ, выяснился, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась возможность открытія нѣкоторыхъ законовъ образованія и измѣненія почерковъ. Замѣчательно, что мѣсто нахожденія словесной и письменной рѣчи, опредѣленное работами Брока въ лѣвой височной области, было указано именно въ этомъ мѣстѣ еще извѣстнымъ творцомъ френологіи, анатомомъ Галлемъ (1758—1828), рядомъ съ мѣстомъ нахожденія памяти словъ. „Новая френологія", какъ называютъ противники Брока созданную имъ теорію точной локализаціи функцій въ мозговой корѣ человѣка, получила подтвержденіе въ недавнихъ работахъ физіолога Экснера. По Экснеру, не подлежитъ сомнѣнію что существуютъ, хотя и не рѣзко отграниченные, корковые участки, управляющіе отдѣльными двигательными и чувствительными функціями, причемъ однородныя функціи могутъ быть отправляемы участками далеко другъ отъ друга отстоящими. Наиболѣе установленнымъ психомоторнымъ центромъ остается, пока, центръ рѣчи, словесной и письменной; мѣсто нахожденія его въ нижней лобной извилинѣ лѣваго полушарія мозга (у правшей) подтверждается вскрытіями, обнаруживающими у афазиковъ и аграфиковъ разрушенія именно въ этой части мозга.

Центръ письменной рѣчи находится въ сообщеніи съ двигательными и чувствительными центрами спеціальныхъ чувствъ и интеллекціи посредствомъ цѣлой системы связующихъ путей, передающихъ импульсы письменному центру и, также, системы проводящихъ путей, несущихъ приказанія отъ центра къ мышцамъ, участвующимъ въ актѣ писанія. Неисправности или поврежденію каждой отдѣльной части аппарата соотвѣтствуетъ свое, опредѣленное измѣненіе въ почеркѣ, причемъ разстройство главныхъ частей влечетъ тяжелые виды аграфіи, а разстройство второстепенныхъ частей механизма причиняетъ незначительныя измѣненія въ почеркѣ, незамѣтныя самому пишущему. Легкія формы разстройства письменной рѣчи, на которыя обыкновенно не обращаетъ вниманія самъ пишущій, чрезвычайно распространены и едва ли найдется много людей никогда не подвергавшихся, хотя бы временно, этой болѣзни. Незначительныя неправильности въ кровообращеніи, въ питаніи мозга, неизбѣжно отражаются въ почеркѣ и если мы этого не

замѣчаемъ на себѣ самихъ, то только потому, что привыкли вообще не очень заботиться о нашемъ почеркѣ.

Внѣшній міръ, дѣйствуя на чувствительные нервы новорожденнаго ребенка, вызываетъ различныя рефлекторныя движенія. Впечатлѣніе свѣта на зрительный нервъ передается рефлекторной клѣткѣ и эта послѣдняя дѣйствуетъ на мышцы, закрывающія глаза. Въ простѣйшемъ видѣ это представляется такъ *):

Вслѣдствіе повторенія такихъ впечатлѣній, въ зрительной сферѣ получается зрительный образъ, а сокращеніе мышцъ оставляетъ отпечатокъ въ двигательномъ центрѣ мозговой коры. Затѣмъ, между зрительными и двигательными центрами образуется связь, при посредствѣ которой изъ одного въ другой отдаются приказанія.

Когда у ребенка образуется органъ сознанія, между этимъ органомъ и центрами тоже создаются соединительные пути и механизмъ усложняется. Дѣйствіе звука рѣчи на слуховой нервъ производитъ возбужденіе въ слуховой сферѣ, вызываетъ образъ воспоминанія (вслѣдствіе повторенія) и отсюда по соединительному пути приказаніе передается двигательному центру, въ которомъ сохраняется воспоминаніе о тѣхъ движеніяхъ мышцъ языка и губъ, которыя необходимы для произнесенія слова. Если бы этой связи между слуховой сферой и двигательнымъ центромъ не было совсѣмъ, то ребенокъ остался бы нѣмъ, несмотря на то, что всѣ пути отъ двигательнаго центра къ мышцамъ артикуляціи и самыя мышцы вполнѣ нормальны.

Когда ребенокъ учится читать, зрительные образы словъ накопляются въ центрѣ зрительныхъ воспоминаній словъ, находящемся въ соединеніи съ центромъ слуховыхъ воспоминаній словъ и съ сферой сознанія. Мы, такъ сказать, мысленно слышимъ, видимъ и пишемъ.

Зрительный образъ буквъ и словъ и воспоминаніе движеній, необходимыхъ для начертанія этихъ словъ, составляетъ основаніе акта письма и чтенія. По Лихтгейму, для того, чтобы прочитать слово вслухъ, необходимо выработать способность вызывать мысленно соотвѣт-

---

*) Матеріаломъ служили:

Фейнбергъ, И. А.—Къ діагнозу и локализаціи разстройства звуковой и письменной рѣчи. 1890.

Манассеина, М. — О письмѣ вообще, о зеркальномъ письмѣ въ частности и о роли обоихъ полушарій большого мозга. Спб. 1883. (см. на оборотѣ).

ствующіе звуки, безъ чего произнесеніе словъ будетъ невозможнымъ. Если повреждена сфера зрительныхъ воспоминаній слова, то человѣкъ становится неспособнымъ понимать писаное или печатное, какъ если бы передъ нимъ были письмена на совершенно неизвѣстомъ ему языкѣ. Онъ видитъ очертаніе буквъ, ихъ соединеніе въ слоги и слова, но они ему ничего не говорятъ и онъ не въ состояніи перевести ихъ въ звуки. Такіе больные все понимаютъ, что имъ говорятъ, сохраняютъ всѣ умственныя способности, даже могутъ писать, но способность чтенія у нихъ отсутствуетъ.

Бываетъ и такъ, что больной различаетъ отдѣльныя буквы и называетъ ихъ, но не понимаетъ ихъ соединенія въ слоги и слова (Бертольдъ). Случается, что только нѣкоторыя буквы, наименѣе употребительныя, недоступны пониманію больного, тогда какъ всѣ остальныя понимаются и называются имъ хорошо. Извѣстны также случаи потери способности понимать писаное, при сохраненіи способности понимать печатное. Затѣмъ, нѣкоторые больные узнаютъ только свою подпись и наиболѣе знакомыя, чаще другихъ повторяемыя въ письмѣ или въ печати слова, и то не такъ, какъ нормальные люди, складывая буквы въ слоги и слоги въ слова, но по общему очертанію, напр. по длинѣ. По этому поводу Брока̀ говоритъ, что слова узнаются такими больными точно такъ же, какъ мы узнаемъ пейзажъ, не входя въ его подробности (comme on reconnait un paysage ou un visage, dont on n'a pas analisé les détails).

Этого рода больные сохраняютъ способность копировать писанное, или, лучше сказать, перерисовывать, потому что съ печатнаго текста они въ состояніи копировать только печатными же буквами.

Д-ръ Дежеринъ *) говоритъ про одну больную, что она могла читать вслухъ печатное и писанное, но рѣшительно ничего не понимала, какъ бы читала на незнакомомъ ей языкѣ; здѣсь, очевидно, нарушено было соединеніе между центромъ зрительныхъ образовъ словъ и интеллектомъ. По мнѣнію Вейсенберга **), приходится допустить, что существуютъ два раздѣльные центра въ зрительной сферѣ, центръ вос-

---

Keraval, P. d-r. Pe langage ecrit. Paris. 1897.
Garnot, P. d-r. Etude sur l'ecriture ou langage ecrit. Paris 1899.
Berlin, prof.—Etude phisiologique de l'ecriture 1881.
Erlenmeyer, A. d-r.—Die Schrift. Stuttgardt. 1879.
Ballet, G.—Le langage interieur. 2. ed 1886.
Goldscheider. — Zur Phisiol. und Pathol. d. Handcshrift. Arch. f. Psychiatrie. XXIV, 2.
Maas.—Die Physiol. d. Schreibens. Berlin. 1894.
Gohz.—Beitrage zur Physiol. d. Schreibens (Dissertation). Berlin. 1892.
Vogt, C. prof.—Die Physiol. der Schrift. „Nord und Sud". XII, Heft 34.
Wilks, S. On the Faculty of Language. Gui's Hospit. Reports. 1872.
*) Arch. f. Psych., XXII, 2.
**) Neurol. Centralbl. 1893.

поминанія буквъ и центръ воспоминанія словъ, и еще третій центръ, назначеніе котораго въ складываніи слоговъ и словъ изъ буквъ.

У больной д-ра Ценнера *), по временамъ бывали проблески узнаванія буквъ и словъ, тогда какъ, вообще говоря, она не въ состояніи была далѣе складывать буквы въ слоги и слова. Другая больная, (д-ра Блейхера) **) узнавала и называла отдѣльныя буквы, но тотчасъ же и забывала, такъ что составить слогъ изъ нѣсколькихъ буквъ она не могла: когда читала вторую букву, успѣвала забыть первую.

Д-ръ Фейнбергъ ***) сообщаетъ о больномъ, который послѣ апоплексическаго приступа потерялъ память на *собственныя имена* и на *имена существительныя*, изъ которыхъ онъ запомнилъ только первыя буквы. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ способность рѣчи была вполнѣ ненарушенною. Больной приготовилъ себѣ словарь именъ существительныхъ, расположенныхъ по порядку и каждый разъ, когда ему нужно было употребить имя существительное, онъ справлялся въ своемъ словарѣ. Такъ напримѣръ, когда ему нужно было сказать „корова", онъ смотрѣлъ подъ буквою „к" и, найдя требуемое слово, могъ произносить его до тѣхъ поръ, пока смотрѣлъ на него. Но отводя глаза, онъ тотчасъ забывалъ только что произнесенное слово. Изъ исторіи болѣзни видно, что больной владѣлъ способностью рѣчи во всѣхъ отношеніяхъ, забывалъ *лишь* имена собственныя; изъ именъ существительныхъ сохранилъ только начальныя буквы и писанное слово могъ произнести лишь пока смотрѣлъ на него, тотчасъ же забывалъ о немъ, какъ только отводилъ отъ него глаза. Изъ владѣнія способностью рѣчи во всѣхъ отношеніяхъ слѣдуетъ заключить, что больной понималъ рѣчь другихъ хорошо и, вообще, могъ свободно разговаривать, затрудняясь только при именахъ собственныхъ и существительныхъ.

Такой же больной былъ у Бергмана ****): поденщикъ 40 лѣтъ отъ роду, послѣ травматическаго поврежденія головы остался въ безсознательномъ состояніи въ теченіе 4-хъ недѣль. По возвращеніи сознанія, больной помнилъ предметы и различныя мѣстности, но потерялъ память на *имена существительныя*. Продолжая управлять глаголами, онъ забылъ рѣшительно всѣ имена существительныя. Ножницы больной называлъ „то, чѣмъ рѣжутъ", окно — „то, черезъ что смотрятъ" и т. д. Эти описанія свидѣтельствовали о ясномъ пониманіи больного значенія предметовъ, но названія ихъ утратились.

При изслѣдованіи рукописей нѣкоего К. (Петерб. окр. судъ, по гражданскому отдѣленію) я имѣлъ случай обратить вниманіе суда, на то, что во всѣхъ этихъ рукописяхъ (болѣе 10 писемъ) имена соб-

*) Arch. f. Psych. XXV, 1.
**) Magaz. f. Erfahrungsseelekunde. VII.
***) *Фейнбергъ* И. А., д-ръ (l. c.).
****) Kussmaul. Störungen der Sprache.

ственныя имѣли видъ рисованныхъ, тогда какъ все остальное писано твердымъ почеркомъ. Наблюденіе это парализовало экспертизу учителей чистописанія, основывавшихъ свой выводъ о подложности документа на „явныхъ признакахъ рисовки“ въ подписи.

По наблюденіямъ М. Манасеиной въ письмѣ особенно часто выпускаются имена существительныя; о томъ же свидѣтельствуютъ Піорри, Гревсъ, Бергманъ, Ларрей и другіе *) по отношенію къ словесной рѣчи. Нужно имѣть въ виду, что потеря изъ памяти словъ можетъ быть не полною, т. е. названія не совсѣмъ забыты, но лишь съ трудомъ припоминаются; въ этихъ случаяхъ письмо полузабытыхъ словъ неизбѣжно должно быть затруднено и рука замедляетъ движеніе, скорѣе рисуетъ, чѣмъ пишетъ. При астеніи лобныхъ долей тоже наблюдается прежде всего забываніе именъ собственныхъ, а затѣмъ, при дальнѣйшемъ развитіи этого болѣзненнаго состоянія, появляется также и забываніе именъ существительныхъ нарицательныхъ; прочія же части рѣчи остаются при этомъ въ полномъ распоряженіи у больного. Разсказываютъ, что одинъ чиновникъ, собираясь подписывать какую-нибудь бумагу, нерѣдко забывалъ свою фамилію и долженъ былъ спрашивать у помощника.

Изъ этого видно, что сравненіе однѣхъ только подписей какого-нибудь лица легко можетъ ввести въ заблужденіе эксперта, если въ изслѣдуемой подписи замѣчаются признаки рисовки, нетвердости почерка.

Появляются-ли всѣ эти болѣзни внезапно или развиваются постепенно, давая знать о своемъ приближеніи? Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ наблюдатели не даютъ отвѣта: имъ приходится имѣть дѣло съ болѣзнью тогда только, когда она уже заставляетъ больного страдать и обращаться за излеченіемъ къ врачу. Опросъ по этому предмету самихъ больныхъ ни къ чему не приводитъ, потому что пока растройство выражалось незначительными неправильностями чтенія или письма, они и сами его не замѣчали.

Извѣстно, однако, что бываютъ слабыя формы этихъ недуговъ, наблюдаемыя врачами только *случайно*. Такъ, напр., отмѣченъ случай, въ которомъ больной забылъ писать всего одну букву f *); у другого больного выпали изъ памяти 3 буквы: ф, л, ч **).

Разобраться въ многочисленныхъ видахъ аграфіи можно было бы только въ томъ случаѣ, если-бы каждый врачъ не довольствовался из-

---

*) *Piorry*, Bulletin de l'académie de médecine, 1864—1865, т. 30,
Graves, Dublin quaterly Journal, 1851, т. 11,
Bergmann, Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie, 1869, т. 6,
Larrey, Blessure du cerveau avec perte de mémoire de noms substantifs. Journal général de médecine, de chir. et de pharmacie, 1828, т. 102.

**) *Манасеина*, М. (l. c.).

слѣдованіемъ настоящаго состоянія поступившаго въ его распоряженіе аграфика, но постарался бы достать рукописи писанныя больнымъ ранѣе наступленія болѣзни и, притомъ, умѣлъ бы анализировать эти документы. За очень рѣдкими исключеніями, врачи этого не дѣлаютъ. Съ другой стороны, лицамъ, занимающимся изученіемъ почерковъ, чрезвычайно часто приходится встрѣчать поражающія неправильности письма, которыя пока можно только констатировать, но не объяснить. Необходимо, чтобы врачи и графологи подали другъ другу руки или, еще лучше, чтобы физіографологія всецѣло перешла въ вѣдѣніе врачей.

Д-ръ Кераваль (l. с.) справедливо полагаетъ, что много свѣта на эту область нервныхъ заболѣваній могли бы пролить наблюденія надъ аграфиками китайцами или японцами или, еще лучше, надъ европейцами знающими китайскій или японскій языки.

Актъ писанія требуетъ, во-первыхъ, понятіе о словѣ и, затѣмъ, соединеніе зрительнаго центра съ двигательнымъ, въ которомъ хранятся образы воспоминаній о необходимыхъ для письма движеніяхъ. Отъ акта чтенія онъ отличается тѣмъ, что въ послѣднемъ происходитъ обратный процессъ, т. е. зрительныя воспоминанія буквъ и словъ возбуждаютъ понятіе о словѣ. При пріобрѣтеніи письменной рѣчи мы научаемся распознавать знаки отдѣльныхъ буквъ, а затѣмъ сочетать ихъ въ слово. То же самое повторяется и впослѣдствіи. Мы читаемъ незамѣтнымъ образомъ каждую букву въ отдѣльности и каждая изъ нихъ вызываетъ соотвѣтственное воспоминаніе и къ концу возбуждаетъ понятіе о цѣломъ словѣ.

Нарушеніе цѣлости той или другой части аппарата или соединительныхъ путей влечетъ за собою соотвѣтствующее разстройство дѣятельности аппарата. Актъ письма можетъ совершаться съ большей или меньшей степенью пониманія, въ зависимости отъ силы пораженія какой-нибудь части аппарата или нѣсколькихъ частей одновременно. Можетъ быть, напр., писаніе безъ пониманія того, что пишутъ, или съ пониманіемъ. При писаніи безъ пониманія, возбужденіе идетъ по зрительному нерву къ зрительной сферѣ. Оттуда иннервація переходитъ по ассоціаціонному пути къ двигательному письменному центру. Цѣльными должны быть:

1. Зрительный нервъ до его окончанія въ зрительной сферѣ.
2. Зрительная сфера.
3. Двигательный письменный центръ.
4. Ассоціація между ними.
5. Продолженіе двигательнаго центра къ периферіи.

При писаніи по диктовкѣ безъ пониманія диктованнаго, слуховыя впечатлѣнія сообщаются звуковому центру и центру понятія о словѣ; оттуда возбужденіе идетъ по ассоціаціонному пути къ зрительной сферѣ,

вызывая въ ней зрительныя воспоминанія буквъ и словъ, и изъ нея идетъ импульсъ по ассоціаціонному пути къ двигательному зрительному центру. Цѣльными должны быть:

1. Слуховой нервъ по всему его протяженію до звукового центра.
2. Звуковый центръ.
3. Соединеніе его съ центромъ понятія о словѣ.
4. Проводимость соединительнаго пути къ зрительной сферѣ.
5. Зрительная сфера.
6. Ассоціація ея съ двигательнымъ письменнымъ центромъ.
7. Двигательный письменный центръ.
8. Продолженіе его до периферіи.

Для писанія съ пониманіемъ диктованнаго ко всѣмъ означеннымъ путямъ должна присоединяться интактность соединенія звукового центра съ центромъ понятія (рис. 17).

Произвольное писаніе совершается такъ, что сперва проявляется понятіе о предметѣ, которое иннервируетъ понятіе о словѣ. Изъ послѣдняго токъ идетъ къ центру. Цѣльными должны быть:

1. Центръ понятій или интеллигенціи.
2. Соединеніе послѣдней съ центромъ понятія о словѣ.
3. Центръ звуковой и двигательный и ихъ ассоціація.
4. Ассоціація двигательнаго центра съ зрительною сферою.
5. Зрительная сфера.
6. Двигательный письменный центръ.
7. Ассоціація между двигательными и зрительными центрами.
8. Продолженіе двигательнаго центра къ периферіи.

Смотря по тому, гдѣ существуетъ пораженіе, т. е. въ коркѣ затылочныхъ долей или подъ корою или въ соединеніи между зрительнымъ и двигательнымъ центрами письменной рѣчи, различаются группы аграфическихъ разстройствъ (кортикальная, субкортикальная, транскортикальная). Само собою разумѣется, что при чрезвычайной сложности аппарата, каждая изъ этихъ группъ дѣлится на множество видовъ съ менѣе рѣзкими между собою различіями. Послѣдняя изъ названныхъ группъ сходна съ двумя первыми съ тою только разницею, что рука сохраняетъ полную способность производить какія угодно движенія, за исключеніемъ акта писанія, который или затрудненъ или совсѣмъ невозможенъ. Для судебнаго изслѣдованія почерковъ интересенъ только этотъ видъ аграфіи и, притомъ въ начальныхъ, слабыхъ его проявленіяхъ, когда проводимость между зрительнымъ и двигательнымъ центрами болѣе или менѣе ослаблена, но еще не уничтожена.

Механическими измѣненіями почерка называются тѣ, которыя отличаются неправильнымъ выполненіемъ внѣшняго изображенія и въ которыхъ умственныя ошибки не имѣютъ мѣста; почеркъ, измѣнен-

ный въ формѣ является только неяснымъ, неразборчивымъ, неправильнымъ въ смыслѣ начертанія.

Физическія измѣненія противорѣчатъ орфографіи и синтаксису, однимъ словомъ грамматикѣ; всѣ они соединяются подъ названіемъ *дисграматографіи*. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ такой почеркъ можетъ быть совершенно правильнымъ въ смыслѣ начертанія, обыкновенно же эта форма наблюдается вмѣстѣ съ механическимъ разстройствомъ.

Механическія разстройства почерка подраздѣляются на:

a) атактическій почеркъ и

b) дрожащій почеркъ.

Физическія измѣненія почерка, дисграматографіи, раздѣляются на:

a) аграфическія

b) параграфическія

и c) почеркъ паралитиковъ.

Подъ паралитиками здѣсь подразумѣваются *больные общимъ прогрессивнымъ параличемъ мыслительныхъ способностей*.

Атактическое видоизмѣненіе почерка выражается въ чрезмѣрно старательномъ исполненіи отдѣльныхъ буквъ вслѣдствіе желанія пишущаго скрыть свой недостатокъ, причемъ совершенно не принимается въ разсчетъ прямота, величина и положеніе отдѣльныхъ составныхъ частей буквы. Волосяной штрихъ проводится неровной чертой; толстый штрихъ бываетъ толще, тверже и длиннѣе, чѣмъ обыкновенно; извилины и изгибы теряютъ свою округлость, становятся угловатыми и слишкомъ большими; одна буква выходитъ меньше сосѣдней, другая больше; прямое направленіе не выдерживается и отдѣльные слова стоятъ косо, по дугообразной линіи; однимъ словомъ, весь почеркъ получаетъ неуклюжій, неловкій и безпорядочный видъ. Все это, конечно, отражается на ясности и, понятно, что атактическій почеркъ можетъ быть нерѣдко совершенно неразборчивымъ. По этимъ очень характернымъ признакамъ атактическій почеркъ легко узнать во всѣхъ случаяхъ.

Атактическій почеркъ проявляется *физіологически* у ребенка, который учится писать. Этимъ доказывается, что онъ происходитъ отъ обостренной иннерваціи вслѣдствіе неправильной координаціи отдѣльныхъ движеній мускуловъ. Упражненіе и ежедневное повтореніе однихъ и тѣхъ же движеній чрезъ одни и тѣ же сокращенія мускуловъ, выравниваетъ, мало-по-малу, первоначально атактическій почеркъ и заставляетъ его принять болѣе нормальныя формы. Иннерваціонные пути также привыкаютъ и при настойчивомъ упражненіи подрастающій ребенокъ начинаетъ писать правильно.

Если же впослѣдствіи, вслѣдствіе какого либо-патологическаго случая, въ этой привычной координаціи замѣтны будутъ разстройства, то снова появляются въ почеркѣ дѣтскія атактическія черточки, ко-

торыя въ этомъ случаѣ получаютъ, разумѣется, не физіологическій, а патологическій характеръ. Поэтому, для изученія атактическаго письма лучшимъ матерьяломъ можетъ быть дѣтское письмо.

Атактическій почеркъ проявляется *патологически* при всевозможныхъ припадкахъ, вслѣдствіе которыхъ необходимый при актѣ писанія мускулъ, до сихъ поръ функціонировавшій правильно, подвергается ненормальной координаціи. Сюда принадлежатъ аграфическія заболѣванія одного или обоихъ большихъ мозговыхъ полушарій, происходящія отъ разстройства путей, образующихъ связь между корою мозга и координирующими центрами.

Къ этимъ же мозговымъ координаціоннымъ разстройствамъ принадлежитъ атаксія, послѣ острыхъ заразныхъ болѣзней, *особенно послѣ тяжелыхъ тифовъ* съ сильной лихорадкой, съ долго продолжавшимся бредомъ. Послѣтифозная атаксія отличается отъ атаксіи при спинно-мозговомъ разстройствѣ, которая наступаетъ вмѣстѣ съ прекращеніемъ сухожильныхъ рефлексовъ. При мозговыхъ заболѣваніяхъ болѣе или менѣе локализованныхъ не всегда обязательно наступаетъ атаксія, т. е. является атактическій почеркъ.

При мозговыхъ заболѣваніяхъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можно заранѣе ожидать атактическій почеркъ.

При алкогольномъ и хлоральномъ отравленіи и тяжеломъ переутомленіи также наблюдается атактическій почеркъ и разсматривается тогда какъ, такъ называемая, функціональная атаксія. Атактическій почеркъ при хлоральной и алькогольной интоксикаціи замѣчается только въ стадіи отравленія, т. е. хмеля; другія стадіи представляютъ другія формы почерка. Атактическій почеркъ, соотвѣтствующій тяжелому переутомленію, можно вызвать каждую минуту; стоитъ только взять въ руку тяжелую гирю и продѣлывать съ нею упражненія въ теченіе четверти часа. Если написать одни и тѣ же слова передъ и послѣ упражненій, то послѣднія при недостаточномъ вниманіи, легко можно признать за болѣзненно-атактическій почеркъ.

Извѣстныя формы писчей спазмы могутъ также дать атактическія черточки въ почеркѣ.

Такимъ образомъ слѣдуетъ имѣть въ виду что:

1. Атактическій почеркъ *физіологически* проявляется у ребенка, который учится писать.

2. Онъ проявляется *патологически* вслѣдствіе разныхъ заболѣваній, причиняемыхъ атаксіей движеній руки. Сюда принадлежатъ черепно-мозговые и спинно-мозговые припадки, затѣмъ алкогольное отравленіе, анормальное переутомленіе мускуловъ, извѣстныя формы писчей спазмы.

3. Атактическій почеркъ характеризуется чрезмѣрно тщательнымъ выполненіемъ буквъ, большею или меньшею неразборчивостью,

возвратами къ естественной, физически обусловленной, круглой линіи почерка.

4. Атактическій почеркъ проявляется въ чистой формѣ; но онъ можетъ также быть связаннымъ съ дрожащимъ почеркомъ и почеркомъ паралитика.

Дрожательный почеркъ безъ соединенія съ другими измѣненіями почерка всегда бываетъ разборчивымъ. Онъ никогда не отклоняется отъ прямой линіи. Отдѣльныя буквы всегда имѣютъ одинаковую величину. Письмо выводится на бумагѣ медленно и обдуманно, въ противоположность атактическому почерку, неровному, спотыкающемуся и размашистому. Онъ характеризуется тѣмъ, что въ волосяныхъ и толстыхъ штрихахъ вмѣсто ровныхъ линій получается вездѣ много маленькихъ изгибовъ и отклоненій въ сторону, которые часто принимаютъ видъ волнистыхъ или змѣистыхъ линій. *Волнистыя линіи вмѣсто прямыхъ линій характеризуютъ типъ дрожащаго почерка.*

Дрожащій почеркъ проявляется *физіологически* въ старости. Противуположность между молодостью и старостью, изображенная какъ атаксія и дрожаніе, проявляется въ почеркѣ такъ же, какъ и въ походкѣ, и въ говорѣ и даже въ духовныхъ желаніяхъ и намѣреніяхъ. *Патологически* дрожащій почеркъ наблюдается при всевозможныхъ обстоятельствахъ причиняющихъ дрожащія движенія руки, кисти руки и пальцевъ.

Дрожащій почеркъ является подъ вліяніемъ холода, что всякій можетъ испробовать на себѣ. Затѣмъ онъ наблюдается при цѣломъ рядѣ отравленій алкоголемъ, морфіемъ, хлоралгидратомъ, никотиномъ и др. Стадіи отравленія при различныхъ ядахъ даютъ различные почерки. При отравленіи хлоралгидратомъ и алкоголемъ атаксія почерка, равно какъ и атаксія языка и походки, появляется только въ стадіи отравленія, т. е. хмеля, тогда какъ дрожательный почеркъ усматривается не въ стадіи хмеля, а въ стадія голода, воздержанія. Утромъ, при трезвомъ состояніи пока организмъ не принималъ еще алкоголя, почеркъ привычнаго пьяницы представляетъ поразительно рѣзкій типъ дрожащаго почерка. Но если онъ вслѣдъ за тѣмъ, принявъ извѣстное количество алкоголя, придалъ мускуламъ нѣкоторую крѣпость, то можетъ писать вполнѣ правильно.

Такимъ образомъ въ различныхъ стадіяхъ алкогольнаго отравленія получаются три различныхъ почерка. Дрожащій почеркъ держится еще долгое время послѣ того, какъ пьяница вполнѣ отказался отъ алкоголя. Тоже бываетъ съ морфіемъ и хлоралгидратомъ. Иначе случается при никотинномъ отравленіи. Иногда измѣненіе почерка происходитъ здѣсь не отъ табачнаго голода, а отъ табачнаго хмеля, отъ отравленія никотиномъ; никотинный хмель производитъ дрожащій почеркъ, а не атактическій, какъ алкогольный хмель.

Дрожательный почеркъ, вызываемый различными заболѣваніями, получаетъ, соотвѣтственно, различныя формы. Такъ напр., Шарко доказывалъ, что есть извѣстная разница между почеркомъ при склерозѣ и почеркомъ при paralysis agitans, хотя и тотъ и другой относятся къ группѣ дрожательныхъ.

Наконецъ дрожащій почеркъ наблюдается въ связи съ атактическимъ почеркомъ при общемъ параличѣ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ что:

1. Дрожащій почеркъ появляется *физіологически* въ старости.

2. *Патологически* онъ появляется вслѣдствіе разныхъ причинъ, производящихъ дрожаніе въ рукѣ и въ кисти руки, какъ напр. холодъ, стадія никотиннаго отравленія, стадія голода при морфіи и алкоголѣ, диффузный склерозъ, ритмическій Chorea, Paralysis agitans и т. д.

3. Дрожащій почеркъ характеризуется волнообразными движеніями отдѣльныхъ штриховъ, идущихъ частью горизонтально, частью вертикально; онъ никогда не оклоняется отъ прямого направленія, никогда не бываетъ неразборчивымъ; отдѣльныя буквы выписываются вполнѣ ровно.

Такъ называемый *почеркъ паралитиковъ* наблюдался до сихъ поръ только при диффузныхъ органическихъ заболѣваніяхъ сѣраго вещества мозга, прототипомъ котораго часто бываетъ прогрессивный параличъ мозга.

Этотъ почеркъ является въ сущности продуктомъ умственнаго невниманія, умственной слабости и недостаточной памяти для мгновенныхъ впечатлѣній.

Вообще у паралитиковъ на главномъ планѣ умственныя ошибки письма, а ненормальность формы занимаетъ второе мѣсто.

Что же касается до появленія при параличѣ комбинаціи паралитичнаго почерка съ атактическимъ, то слѣдуетъ замѣтить, что это вовсе не стоитъ въ связи съ опредѣленными пунктами, съ опредѣленными стадіями развитія болѣзни. Это время индивидуально измѣняется. Въ почеркѣ паралитика появляются характерныя черты задолго до наступленія болѣзни. Проф. П. Ковалевскій *) говоритъ:

«Особеннаго вниманія заслуживаетъ *письмо* прогрессивныхъ паралитиковъ, такъ какъ оно настолько характерно, что можетъ служить объективнымъ доказательствомъ болѣзненнаго состоянія писавшаго или подписавшаго тотъ или другой документъ. Письма прогр. паралитиковъ обращаютъ на себя вниманіе содержаніемъ и внѣшностью. Лично паралитикъ не можетъ составить ни документа, ни письма. Всѣ попытки ихъ въ этомъ отношеніи остаются безплодными. Паралитики пропускаютъ слова, забываютъ о томъ, что нужно писат и все ихъ

*) *Ковалевскій*, П. проф.—Прогрессивный параличъ помѣшанныхъ. Спб. 1901.

письмо представляетъ безсмысленный наборъ словъ. Всѣ эти недостатки обусловливаются отсутствіемъ сознанія того, что они въ данный моментъ совершаютъ. Мало того, что они не могутъ составить никакого документа или письма, самое отношеніе ихъ къ дѣлу очень важно и очень интересно. Купчую крѣпость, дарственную запись, вексель, и проч. они пытаются писать на простой бумагѣ. Важныя письма, прошенія на Высочайшее Имя, они пишутъ на обыкновенной бумагѣ, съ помарками, безъ соблюденія формы и со всѣми признаками того, что они рѣшительно не понимаютъ совершаемаго ими дѣянія. Поэтому на судѣ и не приходится имѣть дѣло съ собственноручно написанными ими документами. Обыкновенно имъ даютъ подписать уже изготовленные и написанные документы, которые они и подписываютъ. Но и тутъ оказывается бѣда—самая внѣшность и почеркъ письма паралитиковъ слишкомъ характерны для того, чтобы по нимъ опредѣлить болѣзнь. Сплошь и рядомъ въ такомъ письмѣ наблюдаются брызги, кляксы, зацѣпки, неровность строкъ, неровность словъ, одна буква больше, другая меньше, одна выше, другая ниже, одна смотритъ вправо, другая влѣво. Въ письмѣ замѣтны рѣдкіе зигзаги, обратность и неровность почерка. Подъ вліяніемъ особеннаго вниманія они дѣлаютъ пропуски словъ и буквъ, особенно въ словахъ наиболѣе имъ знакомыхъ, напр. въ собственномъ имени и фамиліи. Эти недостатки письма съ теченіемъ времени усиливаются и письмо паралитиковъ превращается въ какія-то черточки и каракули».

Д-ръ Лоци *) еще опредѣленнѣе указываетъ признаки начинающагося паралича въ почеркахъ заболѣвающихъ. По его наблюденіямъ, замѣчается незначительное дрожаніе въ нижнихъ закругленіяхъ буквъ и линіяхъ, выходящихъ за строку. Совершенно то-же самое замѣтилъ Марсэ и подтвердилъ Шарко.

Всѣ эти медицинскіе ученые говорятъ о письмѣ такихъ больныхъ, у которыхъ параличъ развился уже въ значительной мѣрѣ, но перечисленные признаки паралитическаго разстройства письма должны, разумѣется, входить въ него несравненно ранѣе, хотя въ очень слабой формѣ. Эксперту по изслѣдованію почерковъ, если онъ не врачъ, необходимо знать всѣ эти признаки не для того, чтобы опредѣлять болѣзнь писавшаго, а для того, чтобы опираться на *постоянство* этихъ признаковъ, которое особенно цѣнно для изслѣдователя. Никакая ручная подделка не въ состояніи сохранить это постоянство даже на протяженіи одной строки рукописи. Поэтому приступая къ изслѣдованію какихъ бы то ни было почерковъ, экспертъ *прежде всего* долженъ искать элементы *временные*, т. е. происходящіе отъ болѣзненныхъ разстройствъ и въ 9 случаяхъ изъ 10 онъ будетъ награжденъ успѣхомъ. Вполнѣ нормальные почерки чрезвычайно рѣдки и почти въ каждомъ можно замѣтить кое-что, обязанное своимъ происхожденіемъ болѣзни. Конечно, для того, чтобы уловить временные элементы, необходимо обладать достаточнымъ матерьяломъ для изслѣдованія, т. е. рукописями писанными однимъ и тѣмъ же лицомъ въ разные годы.

---

*) *Lauzit* C. d. r.—Aperçu général sur les ecrits des aliénés. Paris, 1888.

Если, напр., при изслѣдованіи одной только подписи усмотрѣны элементы имѣющіе характеръ временныхъ, то экспертъ обязанъ предъявить суду, или слѣдователю требованіе о доставленіи ему необходимаго матерьяла и объяснить, что безъ таковаго онъ, экспертъ, не берется установить происхожденіе этихъ признаковъ.

Кромѣ того, во многихъ случаяхъ твердо установленная наличность болѣзненныхъ признаковъ является для суда драгоцѣннѣйшимъ матерьяломъ для рѣшенія дѣла; таковы, напр., почти всѣ процессы о подлогѣ духовныхъ завѣщаній. Изслѣдователь почерка замѣтившій хотя бы и очень слабые, но *постоянные* признаки болѣзненнаго разстройства, обязанъ заявить судьѣ о необходимости приглашенія, для совмѣстной экспертизы, врача-невропатолога.

Вообще, 1. Почеркъ паралитиковъ характеризуется умственными ошибками: пропусканіемъ буквъ и знаковъ и прибавленіемъ лишнихъ буквъ.

2. При общемъ прогрессивномъ параличѣ эти признаки являются *чрезвычайно рано*, гораздо раньше другихъ признаковъ, и служатъ средствомъ для діагноза.

3. Въ началѣ болѣзни почеркъ паралитика не бываетъ сильно измѣненъ, но съ развитіемъ болѣзни появляются крупныя механическія разстройства въ почеркѣ.

Параличъ отъ сифилиса отличается отъ паралича независимаго отъ этой болѣзни тѣмъ, что почеркъ больного по мѣрѣ выздоровленія отъ сифилиса измѣняется къ лучшему, тогда какъ при самостоятельномъ параличѣ улучшенія въ почеркѣ не замѣчается.

Слѣдуетъ помнить, что врачу приходится имѣть дѣло съ почерками уже тогда, когда болѣзнь, вызвавшая аграфію, достигла значительной степени развитія, когда припадки ея безпокоятъ больного, вынуждая прибѣгать къ врачебной помощи. Предшествующій періодъ болѣзни протекаетъ незамѣтно для больного, а иногда (и даже въ большинствѣ случаевъ) болѣзнь проходитъ безъ серьезныхъ послѣдствій, почеркъ возстановляется и человѣкъ не подозрѣваетъ, что былъ боленъ!

Разстройство почерка подъ вліяніемъ случайныхъ, внѣшнихъ дѣятелей, можетъ быть очень сходно съ аграфическимъ разстройствомъ. Любопытенъ случай, разсказанный покойнымъ проф. С. П. Боткинымъ въ одномъ изъ засѣданій Общества Русскихъ Врачей въ С.-Петербургѣ. Была случайно имъ ушиблена рука. Явившаяся послѣ ушиба боль, продержавшись два-три дня, сдѣлалась настолько слабою, что перестала обращать на себя вниманіе. Спустя полмѣсяца, вдругъ, боль стала являться снова по вечерамъ на мѣстѣ ушиба, причемъ проф. Боткинъ замѣтилъ затрудненіе въ письмѣ. Простая случайность открыла, что причиной былъ магнитъ. Онъ лежалъ на письменномъ столѣ, за

которымъ занимался пр. Боткинъ, и приходился отъ послѣдняго на разстояніи около $1\frac{1}{2}$ четвертей аршина. По удаленіи магнита — боль исчезла*).

Чтобы оцѣнить діагностическое значеніе почерка достаточно знать, что письменный центръ находится въ постоянномъ общеніи со всѣми остальными мозговыми сферами и, слѣдовательно, всякое ничтожное измѣненіе дѣятельности какой-нибудь части нервно-мозговой системы не можетъ не отразиться на почеркѣ, какъ результатѣ сложнѣйшаго изъ сложныхъ движеній пальцевъ **). Затрудненія въ письмѣ у европейцевъ, пишущихъ слѣва направо, т. е. не въ центростремительномъ направленіи, а въ центробѣжномъ (по отношенію къ туловищу), появляются прежде чѣмъ затрудненія въ другихъ сложныхъ движеніяхъ, каковы шитье, рисованіе и т. п., что объясняется большею трудностью центробѣжныхъ движеній; случается, что потерявшіе способность письма продолжаютъ свободно рисовать, шить и вообще исполнять работы, требующія центростремительныхъ движеній руки ***). По словамъ Эрленмейера, подробно изучавшаго это явленіе, больные, лишившіеся способности писать слѣва направо, сохраняютъ способность писанія справа налѣво, хотя съ трудомъ, по непривычности такого движенія. На это обстоятельство необходимо обратить особое вниманіе при оцѣнкѣ нѣкоторыхъ сомнительныхъ рукописей. Обычный пріемъ возраженія на экспертизу, доказывающую, что человѣкъ, которому приписывается спорный документъ, по своему болѣзненному состоянію не могъ писать нормальнымъ почеркомъ, состоитъ въ указаніи на способность того же человѣка рисовать, шить и пр. Свидѣтели показываютъ, что субъектъ рисовалъ безъ труда — *значитъ* могъ писать твердымъ почеркомъ! Даже то обстоятельство, что умиравшій имѣлъ силу *подносить карандашъ ко рту и слюнить его*, приводится какъ доказательство сохраненія силы, потребной для письма твердымъ почеркомъ.

Такъ, въ 1893 г. въ петербургскомъ окр. судѣ разсматривалось дѣло объ убійствѣ псаломщика Кедрова, причемъ одинъ изъ подсудимыхъ, фельдшеръ Ивановъ, обвинялся въ подложномъ составленіи записокъ отъ имени умиравшаго Кедрова съ цѣлью отвлечь подозрѣніе отъ своего шурина Попова.

Въ распоряженіи экспертизы были пять отдѣльныхъ записокъ, будто-бы писанныхъ потерпѣвшимъ послѣ нанесенія ему тяжкихъ побоевъ; двѣ изъ этихъ записокъ писаны Кедровымъ въ присутствіи властей, а остальныя три представлены Ивановымъ уже послѣ смерти

*) Пр. *Боткинъ*. Протоколы Засѣд. Общ. Русск. Врач. въ СПБ. 1879, № 16, Засѣд. 26 апрѣля.

**) *Ferber & Gassner*. Experim. Untersuch. über die Wirkung der Fingerstrecker. Arch. f. Psich, t. VII.

***) *Kussmaul*. Die Störungen der Sprache. 1877.

Кедрова. Экспертиза предварительнаго слѣдствія, произведенная при помощи фотографіи, признала одну изъ трехъ послѣднихъ записокъ подложною на томъ основаніи, что въ этой запискѣ отсутствуютъ признаки болѣзненнаго почерка, имѣющіеся на лицо въ четырехъ другихъ, что совершенно ясно видно на фотографическихъ увеличеніяхъ.

Не отрицая правильности наблюденія эксперта (фотографія слишкомъ краснорѣчиво ихъ подтвердила) защита возбудила вопросъ о возможности допущенія такого „момента подъема силъ" умиравшаго, который объяснилъ бы большую твердость линій въ запискѣ. Въ пользу этого допущенія приводилось показаніе одного свидѣтеля, видѣвшаго какъ Кедровъ слюнилъ карандашъ, т. е. подносилъ его рукою къ губамъ (силы, слѣдовательно, были). Спрошенный поэтому поводу экспертъ-психіатръ призналъ возможность *рефлекторныхъ* движеній извѣстной силы у умиравшаго Кедрова, но вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ, что сознаніе у потерпѣвшаго было сильно угнетено.

Не трудно понять, что здѣсь вышло простое недоразумѣніе, разъясненіе котораго слѣдовало ждать отъ врача-психіатра. Въ болѣзненныхъ почеркахъ необходимо различать два рода уклоненій отъ нормальнаго письма: неправильность формъ буквъ и неправильность построенія линій. Въ запискахъ Кедрова рисунки буквъ уродливы, не имѣютъ обычной формы, а линіи изломаны и угловаты. Первое, т. е. уродливость формъ буквъ, произошло отъ упадка мышечной силы; второе же (угловатость) отъ мышечной силы не зависитъ, а объясняется разстройствомъ координаціи движеній пишущихъ пальцевъ, т. е. психическимъ состояніемъ умиравшаго. Буквы могутъ имѣть правильную форму, но состоять изъ ломаныхъ линій; напр., правильный многоугольникъ очень близокъ къ буквѣ О. Наоборотъ, неправильная грушевидная криволинейная фигура уродлива и мало похожа на О. Два эти уклоненія могутъ быть наблюдаемы не совмѣстно и не зависятъ другъ отъ друга. Для того, чтобы начертить дугу—необходимъ рядъ мышечныхъ сокращеній въ трехъ пальцахъ руки, и если письменно-двигательный аппаратъ во всѣхъ его частяхъ исправенъ, т. е. центры, проводящіе пути и исполнительные мускулы интактны, то движенія пальцевъ будутъ согласованы между собою; если же какая либо часть аппарата попорчена или даже угнетена, то мышцы пальцевъ станутъ работать въ разбродъ, мѣшать другъ другу и выведутъ не дугу, а ломаную линію. Пьяный человѣкъ найдетъ въ себѣ достаточно силы, чтобы выбить дверь однимъ толчкомъ ноги, но походка его останется нетвердой (движенія ногъ не согласованы) не смотря даже на избытокъ мышечной силы. Если-бы было доказано, что Кедровъ передъ смертью одолѣлъ и избилъ всѣхъ больничныхъ служителей, то это значило бы, что у него наступилъ подъемъ физической силы, а не сознанія; дру-

гое дѣло, если бы онъ могъ нарисовать круглую, хотя и тонкую букву: это служило бы, можетъ быть признакомъ возвращенія сознанія возстановленія координаціи движенія пальцевъ.

„Кедровъ поднималъ кисть руки до уровня рта, *а потому* могъ писать твердо". Одно изъ другого совсѣмъ не слѣдуетъ. Я уже указывалъ, какъ примѣръ, на опьянѣвшаго силача: онъ способенъ проявить чудеса силы, а на ногахъ стоитъ не твердо, шатается на ходу! Свидѣтель показалъ, что Кедровъ поднималъ руку, но не могъ бы объяснить *какъ* поднималась рука, ровно и плавно, по прямому направленію, или посредствомъ ряда отрывочныхъ движеній (толчковъ) вправо и влѣво? Вѣдь въ этомъ „*какъ*" все дѣло, а не въ фактѣ произведенія усилія. Что Кедровъ писалъ слова „покурить" и др. доказано показаніями цѣлаго ряда свидѣтелей и сомнѣній въ въ этомъ нѣтъ; вопросъ—*какъ* онъ писалъ? а на этотъ вопросъ свидѣтели отвѣта дать не могутъ. Надо прибавить, что работа письма гораздо сложнѣе работы подъема руки ко рту; послѣднее движеніе усвоивается еще въ колыбели, самостоятельно, тогда какъ письму учатся въ сознательномъ возрастѣ и путемъ долгихъ упражненій.

Такимъ образомъ, вопросъ о „моментѣ подъема силы", отнявшій у суда много времени, былъ вопросомъ празднымъ, къ дѣлу не идущимъ. Результатомъ подъема силъ оказались бы большая правильность (не округлость) буквъ, да толщина линій и только.

Экспертъ-психіатръ долженъ былъ указать еще одинъ признакъ подложности записки № 3, очень важный при изслѣдованіи поддѣлки подъ болѣзненный почеркъ. Больной всегда пишетъ въ началѣ письма лучше, чѣмъ въ концѣ, т. е. *чѣмъ дальше, тѣмъ хуже*, а здоровая рука устанетъ притворяться слабой, проситъ розмаха и одерживаетъ верхъ надъ усиліями воли, стремящейся сдержать удаль здороваго почерка, т. е. пишетъ *чѣмъ дальше, тѣмъ лучше.* Стоило положить всѣ пять записокъ рядомъ, чтобы записка № 3 сама себя выдала: конецъ въ ней сдѣлалъ бы честь любому писарю, а начало несравненно хуже; въ остальныхъ запискахъ бросается въ глаза обратное.

Къ сожалѣнію, съ такими недоразумѣніями приходится встрѣчаться всякій разъ, когда предметомъ изслѣдованія служитъ поддѣлка болѣзненнаго почерка, а разъяснить его присяжнымъ и правильно поставить вопросъ психіатру—некому.

Точно также не основательны ссылки на исправное состояніе интеллекта, приводимыя обыкновенно для доказательства того, что въ изслѣдуемое время авторъ рукописи долженъ былъ писать твердо, обычнымъ почеркомъ. По дѣлу Луговскаго (1890 г., Спб. окр. судъ) обвинитель не признавалъ подлинности росписки, о которой эксперты отозвались, что она писана „нетвердымъ почеркомъ и потому имѣетъ

видъ рисованной"; въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ ссылался на многочисленныхъ свидѣтелей, удостовѣрявшихъ, что Р. (которому приписывалась рукопись) не обнаруживалъ ослабленія умственныхъ способностей. Г-жа Манасеина *) имѣла случай наблюдать больного, мужчину 53 лѣтъ, разбитаго параличемъ, который лишился способности писать, но только буквы, тогда какъ писаніе цифръ удавалось ему безъ труда и онъ даже производилъ сложныя вычисленія. Этотъ же больной прекрасно игралъ въ карты, постоянно обыгрывая партнеровъ.

Что касается способности больного писать цифры при полной невозможности написать хоть какое бы то ни было слово, то въ литературѣ уже имѣются описанія аналогичныхъ наблюденій. Такъ, напр., Шрёдеръ ванъ деръ Колькъ описываетъ больного, который не могъ прочесть ни одного слова, хотя и называлъ отдѣльныя буквы. Больной этотъ говорилъ; но онъ постоянно забывалъ слова, замѣнялъ одно слово другимъ неподходящимъ, хотя и радовался, когда ему удавалось наконецъ найти вѣрное слово. Въ то же самое время больной этотъ, не умѣвшій написать ни единаго слова, свободно писалъ цифры и самъ велъ свои конторскія книги (онъ былъ купецъ) **). Аналогичное наблюденіе описалъ Марсе ***), больной котораго не могъ писать только своего имени и свободно писалъ цифры и рѣшалъ сложныя ариѳметическія задачи, вообще не обнаруживалъ признаковъ ненормальности во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Относительно способности больныхъ, страдающихъ даже полной афазіей и аграфіей, играть въ различныя извѣстныя имъ игры (карты, шахматы, трикъ-тракъ и т. д.) имѣется уже много наблюденій въ медицинской литературѣ; такъ, напр., больной Паке не только игралъ въ карты, но даже и плутовалъ, писать же онъ не могъ. Труссо разсказываетъ, что его въ молодые годы очень сердило то обстоятельство, что одинъ на половину слабоумный афазикъ постоянно одерживалъ надъ нимъ верхъ при игрѣ въ трикъ-тракъ и въ шахматы.

Бернаръ ****) и ванъ-денъ-Абель *****) приводятъ примѣры, изъ которыхъ видно, что больные полнымъ разстройствомъ письменной рѣчи настолько сохраняютъ умственныя способности, что даже разгадываютъ ребусы! Профессоръ Лордà ******) самъ страдалъ одно время сильной аграфіей и это не мѣшало ему, по его словамъ, обдумывать свои лекціи и, вообще, умственныя его способности сохранились въ полномъ объемѣ.

---

*) *Манасеина*, М. О письмѣ. Спб. 1883 г. стр. 45.

**) *Schroder von der Kolk.*—Die Pathologie und Terapie der Geisteskrankheiten 1863, стр. 27.

***) *Marcé* Mémoire sur quelques observations de phisiologie patologique въ Gazette médical de Paris, 1856.

****) *Bernard*, D.—Thése sur l'Agraphie. 1885.

*****) *Abeel*, van den.—Bullet. de l'Acad. de med. de Belgique. 1875. t. VIII, p. 612.

******) *Lordat.*—Analysede la parole. 1843.

Приводить всѣ эти ссылки меня заставляетъ опытъ, доказавшій мнѣ на сотняхъ примѣровъ (въ гражданскихъ и уголовныхъ процессахъ) что судьи, прокуроры и адвокаты даже не подозрѣваютъ о существованіи вполнѣ научныхъ изслѣдованій въ области болѣзней письменной рѣчи. Многочисленными наблюденіями, отчеты о которыхъ разбросаны въ медицинской литературѣ, твердо установлено, что сильнѣйшее разстройство почерка можетъ существовать совершенно независимо отъ состоянія умственныхъ способностей или физическихъ силъ пишущаго. Тѣ же ученые удостовѣряютъ, что возможно и обратное, т. е., при разстройствѣ психики почеркъ остается неизмѣненнымъ, но это невѣроятно; скорѣе слѣдуетъ объяснить это утвержденіе тѣмъ, что о разстройствѣ почерка наблюдатели судили только по его внѣшнему виду, не изслѣдуя построеніе; притомъ, имъ въ глаза бросалось только сильное измѣненіе почерка, очевидное для всѣхъ.

Разстройство или даже совершенное уничтоженіе способности къ письму можетъ существовать одновременно съ полнымъ сохраненіемъ способности къ рисованію, къ игрѣ на фортепіано и т. п. Эта обособленность каждой изъ названныхъ функцій наблюдается даже у идіотовъ. Д-ръ Айрлэндъ *) говоритъ, что у идіотовъ встрѣчаются замѣчательныя спеціальныя дарованія, напр. къ рисованію, музыкѣ и т. п. Нѣкій тупоумный кретинъ Готфридъ Миндъ, въ Бернѣ, былъ даже извѣстнымъ живописцемъ, стяжавшимъ себѣ славу „кошачьяго Рафаэля“, потому что онъ неподражаемо рисовалъ кошекъ. Произведенія Минда очень дороги и до сихъ поръ, многія изъ нихъ хранятся въ картинныхъ галлереяхъ Англіи, Германіи и Россіи. Тотъ же авторъ даетъ рядъ другихъ примѣровъ въ томъ же родѣ; что же касается способности къ письму, то д-ръ Айрлэндъ говоритъ, что тупоумные не выучиваются писать хорошо и выучить ихъ письму въ высшей степени трудно. Врачъ Е. Х. Маляревская **) тоже утверждаетъ, что „письмо для дѣтей съ плохо развитымъ мышечнымъ чувствомъ и мало развитою ручною ловкостью составляетъ большое затрудненіе. Многіе выучиваются скоро читать, но такъ отстаютъ въ письмѣ, что одновременное обученіе чтенію и письму не удается и должно быть оставлено. Ученикъ не можетъ провести прямой палочки; ему не удается ограничить свои палочки двумя линейками. Онъ заходитъ и вверхъ и внизъ, такъ что приходится обратиться къ системѣ точекъ. За палочками слѣдуютъ кружки, которые даются дѣтямъ легче, чѣмъ прочіе элементы буквъ. За кружками идутъ крестики, затѣмъ крючки внизъ (отогнутая черта) и всѣ буквы, которыя могутъ быть сдѣланы съ

*) *Ireland*. W., d-r.—On Idiocy and Imbecility. 1877.
**) *Маляревская*. Е. Х. врачъ.—Отсталыя дѣти.

крючкомъ внизъ; крючки вверхъ составляютъ большое затрудненіе и надо ихъ откладывать напослѣдокъ".

Со словъ д-ра Джексона, Бастіанъ передаетъ объ одной больной, которая пользовалась, повидимому, полнымъ умственнымъ здоровьемъ, если не считать того, что она иногда путала имена своихъ дѣтей; когда же ей приходилось подписать свою фамилію, она выводила совершенно лишенныя смысла слова „Suunil Siclaa Saterni" ничего сходнаго съ ея фамиліей не имѣвшія. Вообще, въ рукописяхъ этой больной попадались невѣрныя сочетанія буквъ или повтореніе слоговъ.

Д-ръ Прево *) наблюдалъ больного, который въ 1868 году замѣтилъ, прогуливаясь въ лѣсу съ женой и ребенкомъ, что прохожіе принимаютъ его за пьянаго—такъ неровна была его походка; съ этого времени болѣзнь пошла быстро. По образцамъ почерка **) обнаруживается, что еще въ 1864 г. въ письмѣ этого больного замѣчались признаки разстройства.

Не останавливаясь на другихъ многочисленныхъ примѣрахъ, имѣющихся въ медицинской литературѣ, я еще разъ обращаю вниманіе читателя на нерезонность судебной провѣрки свидѣтельскими показаніями наличности разстройства почерка, если эта провѣрка дѣлается безъ участія невропатолога-спеціалиста ***). Только такой врачъ съумѣетъ цѣлесообразно поставить свидѣтелямъ вопросы и помочь суду сдѣлать вѣрную оцѣнку ихъ показаній.

Если разстройство почерка не является чистой формой аграфіи, но находится въ связи съ мозговыми болѣзнями, то эта зависимость отражается, большей частью, въ построеніи слоговъ и словъ.

Въ этомъ случаѣ больные очень часто пишутъ вѣрно начало слова, а окончаніе его или выпускаютъ, или замѣняютъ совершенно безсмысленными сочетаніями слоговъ, или же помѣщаютъ слоги изъ одного слова въ другое, причемъ иногда удается уловить и причины такихъ замѣнъ и перемѣщеній. Такъ, напр., больной пишетъ „Gasser" вмѣсто „Gabel", потому что, желая сказать „вилка", невольно по закону ассоціаціи идей вспоминаетъ ножъ—Messer и перемѣщаетъ послѣдній слогъ къ первому слогу отъ слова Gabel—вилка; или вмѣсто того, чтобы написать: „матери и дочери", пишетъ „мачери и дотери" и т. д. То же самое наблюдается по отношенію и къ отдѣльнымъ буквамъ, которыя переставляются изъ одного слова въ другое или даже вовсе выпускаются или переставляются въ одномъ и томъ-же словѣ

*) *Prévost*, I. L., d-r. Névrites périphériques dans le tabes dorsalis.—Revue med. de la Suisse rom. 1886.

**) *Crépieux-Lamin*—L'écriture et le caractère. 1896 p308–309.

***) *Corn. Lewis*, „On the influence of autority": Where a person is necessarily ignorent of the grounds of decision, to decide for himself is an act of suicidal folly. He ought to recur to a competent adviser, as a blind man relies upon a guide.

на новыя мѣста. Особенно часто выпускаются, перепутываются послѣднія буквы, послѣдніе слоги; если же больные выпускаютъ начальныя буквы, то это почти всегда бываютъ только согласныя; гласныя же, состоящія изъ музыкальныхъ тоновъ, появляются у каждаго человѣка раньше и удерживаются дольше при процессахъ, разрушающихъ рѣчь, чѣмъ согласныя; иногда люди, страдающіе аграфіей, могутъ писать буквы, но не могутъ соединять ихъ въ слова.

Случается, что переставляютъ цѣлыя слова одно на мѣсто другого; такъ, Кусмауль *) разсказываетъ, что одинъ профессоръ химіи, въ выданномъ имъ студенту свидѣтельствѣ написалъ: „Г. студентъ Шмидтъ посѣщалъ мои замѣчательныя лекціи по химіи съ неорганическимъ прилежаніемъ“ („Herr stud. Schmidt besuchte meine ausgezeichneten Vorlesungen über Chemie mit anorganischem Fleisse“). Бастіанъ разсказываетъ такой случай: больной вмѣсто Royal naval medical officer belonging to Admiralty писалъ „Roydndendd navendendd ofrendendd Belondendd“ u. s. w. **), т. е. ко всякому слову прибавлялъ въ концѣ безсмысленный слогъ „dendd“.

По наблюденіямъ М. Манасеиной, при астеніи лобныхъ долей вслѣдствіе переутомленія, наблюдается слѣдующее:

«Въ числѣ самыхъ раннихъ припадковъ», говоритъ г-жа Манасеина, «появлялись разстройства письма и рѣчи, а именно прежде всего являлось въ письмѣ—выпусканіе послѣднихъ буквъ въ словахъ, а въ словесной рѣчи—забываніе именъ существительныхъ. Сначала выпусканіе окончаній при письмѣ почти что ограничивается безгласными буквами (ъ и ь); но затѣмъ начинаютъ исчезать уже послѣдніе слоги; а тамъ являются и хронически повторяющіеся пропуски цѣлыхъ словъ, и перестановки слоговъ изъ послѣдующаго слова въ предъидущее; такъ, напр., желая написать «вынуждены бываютъ просить» пишутъ *«вынуждаютъ просить»*. Пропускаемыя слова въ значительномъ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ именъ существительныхъ, стоящихъ въ вводныхъ предложеніяхъ и опредѣленіяхъ; подлежащее же, если оно стоитъ началѣ фразы, не выпускается, въ противномъ же случаѣ оно тоже выпадаетъ иногда изъ предложенія. Такъ, напр., люди, страдающіе астеніей лобныхъ долей пишутъ слѣдующимъ образомъ (пропуски напечатаны петитомъ сверху): «во всѣхъ подобныхъ случа[яхъ] к[ъ] числу самыхъ утѣшительныхъ [извѣстій] принадлежатъ одобрительные [отзывы] начальствую[щихъ] лицъ». Въ имѣющихся у меня въ рукахъ рукописяхъ людей, страдавшихъ астеніей лобныхъ долей, я сосчитала количество различнаго рода пропусковъ и убѣдилась, что окончанія оказались выпущенными въ 40%; имена существительныя въ 28%; предлоги, мѣстоимѣнія, имена числительныя въ 15%, глаголы въ 7%; прилагательныя и нарѣчія въ 5%; переставленіе слоговъ изъ одного слова въ другое встрѣчалось въ 5%. Замѣчательно, что междометія не выпускаются; по крайней мѣрѣ, мнѣ ни разу не встрѣчалось подобнаго пропуска».

Мышечная сила у подобныхъ больныхъ, по словамъ Альтгауза, остается не-

---

*) *Kussmaul*, prof.—Ueber die Störungen der Sprache.
**) *Bastian*, d. Le Cerveau et la Pensée. Bibl. Scient. Internat.

измѣненной, но за то различныя тонкія, мышечныя движенія оказываются разстроенными; такъ напр., подобные больные часто наносятъ себѣ раны при бритьѣ, они дѣлаютъ ошибки при игрѣ на фортепіано и вообще у нихъ замѣчается извѣстная неповоротливость, неумѣлость по отношенію къ различнымъ, тонкимъ, мышечнымъ движеніямъ: и шитье, и изготовленіе микроскопическихъ препаратовъ, и вязанье чулка, и застегиваніе пуговицъ все оказывается у нихъ разстроеннымъ и затрудненнымъ. Альтгаузъ указываетъ, что астенія лобныхъ долей представляетъ много сходства съ начальными періодами общаго прогрессивнаго паралича; но онъ все же признаетъ эти два страданія за совершенно различныя формы; между тѣмъ едва ли можно такъ рѣзко отдѣлять ихъ, такъ какъ при неблагопріятныхъ условіяхъ изъ астеніи лобныхъ долей можетъ развиться общій прогрессивный параличъ помѣшанныхъ.

Asthenia frontalis по словамъ Альтгауза развивается вслѣдствіе слѣдующихъ этіологическихъ моментовъ: во 1) чрезмѣрной умственной работы; во 2) сильныхъ заботъ и волненій; въ 3) вслѣдствіе различныхъ неправильностей половой жизни и особенно онанизма и въ 4) вслѣдствіе острыхъ инфекціонныхъ болѣзней въ родѣ оспы, тифа, скарлатины.

Нѣкоторыя измѣненія письма являются, такъ сказать, первымъ предостереженіемъ, которое природа даетъ людямъ въ случаяхъ чрезмѣрнаго утомленія мозга; эти измѣненія письма гласятъ о могущемъ произойти серьезномъ пораженіи нервной системы. Между тѣмъ, при современномъ складѣ жизни, при современной лихорадочной дѣятельности и напряженной конкуренціи во всѣхъ областяхъ знанія, случаи мозговаго утомленія встрѣчаются очень часто и при томъ даже въ очень нѣжные и юные годы.

Еще въ половинѣ XVII столѣтія, авторъ одной изъ первыхъ книгъ о графической экспертизѣ, Равено *), обращалъ вниманіе своихъ коллегъ на то, что не слѣдуетъ основывать выводы на сличеніи рукописей не однороднаго содержанія, напр. любовнаго письма съ долговой роспиской, особенно же текстъ съ подписью. Впослѣдствіи это подтвердила и наука. Аграфики очень часто долго сохраняютъ способность хорошо подписывать свою фамилію то есть утрачиваютъ эту способность послѣднею **). Содержаніе рукописи тоже имѣетъ значеніе; сосредоточенная работа мысли отражается замедляющимъ образомъ на всѣхъ нашихъ непроизвольныхъ движеніяхъ, а слѣдовательно и на письмѣ. По опытамъ Осборна, при легкомъ занятіи человѣкъ мигаетъ гораздо чаще, чѣмъ при сосредоточенной мысли (напр. въ теченіи 5 минутъ въ первомъ случаѣ 62 раза во второмъ только 17). Поразительнымъ доказательствомъ можетъ служить письмо человѣка испол-

*) *Raveneau*, Jacques.—Traité des inscriptions en faux et reconnaissance d'écritures et signatures par comparaison et autrement. Paris, 1665. Avec privilège de Roy. Первой книгой посвященной тому же предмету, была Demelle. „Avis pour juger des inscriptions en faux". Paris, 1609.

**) *Манасеина*, М.—О письмѣ 1883.

Bernhard. Casuistischer Beitrag zur Lehre von der Worttaubheit oder der sensorischen Aphasie. Centralblatt für Nervenheilkunde etc., 1882.

Ross. The Diseases of the Nervous System.

Westphal. Zeitschrift für Ethnologie 1874. т. 6.

Keraval P.— Le langage écrit 1897.

ненное подъ музыку въ сравненіи съ обыкновеннымъ письмомъ—различія бываютъ иногда до того сильныя, что по первому впечатлѣнію трудно повѣрить, что обѣ рукописи писаны однимъ лицомъ! Больные писчей судорогой, совершенно неспособные писать при обыкновенныхъ условіяхъ, получаютъ эту способность при помощи музыки (М. Манасеина). Это, конечно, и неудивительно; то же самое наблюдается относительно походки, которая совершенно измѣняется при звукахъ военнаго марша! Затѣмъ усиленная умственная работа, при непривычкѣ къ ней, располагаетъ къ косоглазію, что особенно рѣзко наблюдается у идіотовъ, глухонѣмыхъ и слабоумныхъ, но присуще и нормальнымъ.

Чрезвычайно многочисленны, также, разстройства почерковъ отъ причинъ механическихъ, ушибовъ, вывиховъ, опухолей и пр. Существуетъ, напр. заболѣваніе, извѣстное подъ названіемъ *пружиннаго пальца*, которое состоитъ въ томъ, что во время сгибанія или разгибанія пальца движеніе останавливается въ опредѣленной фазѣ, постоянной для каждаго даннаго случая; оно можетъ продолжаться только либо благодаря значительному усилію со стороны больного, либо пассивно, напр. при помощи другой руки, при фиксированіи пальца о неподвижный предметъ и т. п. Тогда уже движеніе заканчивается быстро, на подобіе опускающагося курка ружья или закрывающагося острія перочиннаго ножика. Д-ръ *Л. Н. Бѣгунъ*, посвящаетъ этой малоизученной болѣзни (русскихъ работъ авторъ не нашелъ вовсе) отдѣльную монографію *). Авторъ наблюдалъ въ лозанской хирургической клиникѣ *7 случаевъ пружиннаго пальца на рукахъ*. На основаніи наблюденій авторъ приходитъ къ выводу, что болѣзнь зависитъ отъ измѣненій въ сухожильныхъ, влагалищахъ сгибателей (съуженія, опухоли, складки, шероховатости на внутренней поверхности) или въ самихъ сухожиліяхъ (опухоли, утолщенія, складки). Нельзя забывать, что эта болѣзнь, какъ и всякая другая, имѣетъ формы слабыя и сильныя и первыя несравненно многочисленнѣе послѣднихъ! Больной слабой степенью „пружиннаго пальца“ не пойдетъ совѣтоваться съ врачемъ, иногда даже и самъ не замѣтитъ присутствія болѣзни; съ другой стороны очевидно, что подобный недугъ не можетъ остаться безъ вліянія на способность больного къ писанію и, если пораженіе незначительно, то онъ станетъ *приспособляться* къ новымъ условіямъ движенія пальцевъ, т. е. внесетъ въ почеркъ нѣкоторыя измѣненія.

Болѣзни этого рода заслуживаютъ особаго вниманія по той причинѣ, что существованіе ихъ во время писанія изслѣдуемой рукописи почти никогда нельзя установить судебнымъ изслѣдованіемъ **).

Разстройство нервной системы, вывихи, ушибы и т. п. въ большей

---

*) *Revue* medic. de la Suisse Rom. 1898, № 10.

**) См. дополненіе къ этой главѣ.

части случаевъ даютъ слѣдъ въ нѣкоторыхъ данныхъ судебнаго производства, напр. могутъ быть доказаны свидѣтелями, показаніями лѣчившихъ больного врачей и т. п., тогда какъ какой-нибудь „пружинный палецъ“, малобезпокоющій больного, чаще всего остается имъ самимъ не замѣченнымъ.

Только основательное знаніе механизма письма способно помочь эксперту замѣтить, что въ организмѣ писавшаго не все было благополучно въ моментъ писанія. Если эксперту извѣстно, какіе мускулы и нервы участвуютъ въ образованіи того или другого элемента почерка, онъ сообразитъ причину замѣченныхъ различій въ сличаемыхъ почеркахъ и не припишетъ ихъ легкомысленно, какъ это дѣлаютъ теперь, послѣдствіямъ неумѣлаго копированія.

Изслѣдованіе разстройствъ почерка, имѣющихъ механическія причины, ждетъ своихъ Эрленмейеровъ и Шарко. Если, когда-нибудь, судъ придетъ къ убѣжденію въ необходимости поручить сличеніе почерковъ не каллиграфамъ или фотографамъ, но врачамъ, эта отрасль знанія окажетъ Правосудію неисчислимыя услуги.

Кромѣ физическаго и механическаго разстройства почерковъ, есть еще одинъ видъ, происходящій отъ болѣзней органовъ зрѣнія, и проявляется въ измѣненіи отношенія между величиною буквъ и интерваловъ между ними (разгона), перемѣнѣ направленія строкъ, высоты, уклона и т. п. Такого рода разстройства письма замѣчаются очень часто у истеричныхъ субъектовъ или имѣютъ причиной болѣзни глазныхъ мышцъ *).

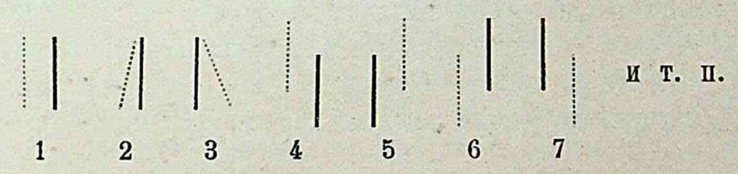
Здѣсь кстати обратить вниманіе на необходимость при сличеніи рукописей выбирать такія, которыя писаны чернилами одного цвѣта, напр. всѣ черными или всѣ красными и т. п. Никогда не слѣдуетъ допускать сличеніе напр. рукописей, изъ которыхъ одна писана черными чернилами, а другая фіолетовыми. Дѣло въ томъ, что въ нормальномъ состояніи зрѣнія, всѣ части зрительнаго поля не равны между собою въ отношеніи къ воспріятію цвѣтовъ. Для нѣкоторыхъ цвѣтовъ эти части больше, для другихъ меньше. Въ большинствѣ случаевъ самое обширное поле зрѣнія для синяго цвѣта, затѣмъ для желтаго, оранжеваго, зеленаго и, наконецъ для фіолетоваго (самое малое). Синій цвѣтъ воспринимается периферическими частями ретины, тогда какъ фіолетовый —центральной частью. Остальные цвѣта располагаются между ними. При хроматическихъ измѣненіяхъ въ органахъ зрѣнія, прежде изглаживается кругъ для фіолетоваго цвѣта, и затѣмъ остальные по очереди, по направленію къ периферіи. Большая или

*) *Abadie.* Quelques troubles oculaires nerveux de la nature histérique. Progrés medic. 1878.
Charcot. Des troubles de la vision chez les histériques. id.

меньшая слѣпота на фіолетовый цвѣтъ—явленіе очень частое у мужчинъ, какъ и у женщинъ, рѣдко ими замѣчаемое. Отсюда происходитъ то, что органы зрѣнія участвуютъ въ актѣ письма неодинаковымъ образомъ при письмѣ черными и фіолетовыми чернилами *).

Всѣ болѣзни глазныхъ мышцъ отражаются, какъ это легко понять, на почеркѣ больного. Разнообразныя движенія глаза совершаются при помощи 6 мышцъ, четырехъ прямыхъ и двухъ косыхъ, и при всякомъ движеніи происходятъ тѣ или другія измѣненія во всей мышечной системѣ глаза. Мышцы состоятъ изъ различнаго количества мышечныхъ волоконъ, имѣютъ различную длину, различныя мѣста прикрѣпленія и пр., почему сила дѣйствія ихъ не одинакова. Правильное положеніе глазъ и правильное ихъ движеніе находятся, такимъ образомъ, въ зависимости отъ гармоничнаго развитія и дѣйствія всѣхъ шести мышцъ. Если всѣ мышцы развиты и функціонируютъ нормально, то положеніе глазъ бываетъ правильнымъ; въ противномъ случаѣ, если дѣйствіе которыхъ нибудь мышцъ сильнѣе или слабѣе, чѣмъ это необходимо, глазъ отклоняется въ сторону болѣе сильной мышцы и тогда получается косоглазіе. Видовъ косоглазія много: сходящееся, расходящееся, кверху, книзу и пр. Кромѣ явнаго косоглазія бываетъ еще скрытое (динамическое), когда ослабѣвшая мышца дѣлаетъ большія усилія, чтобы избѣгнуть двойного зрѣнія и хотя этимъ путемъ правильное положеніе глазъ сохраняется, но письмо при такихъ условіяхъ очень трудно и требуется частый отдыхъ, перерывъ работы.

Понятно, что каждый изъ этихъ видовъ косоглазія вноситъ въ почеркъ свои, характерныя измѣненія. При обыкновенномъ косоглазіи, а также при косоглазіи вслѣдствіе паралича глазныхъ мышцъ, предметы кажутся вдвойнѣ, т. е. отсутствуетъ бинокулярное зрѣніе. При такомъ двойномъ зрѣніи взаимное расположеніе парныхъ изображеній можетъ быть различно, смотря по формѣ косоглазія, т. е. изображенія могутъ быть параллельны между собою, наклонны другъ къ другу, одно выше или ниже другого и т. п.:

Если, теперь, принять во вниманіе, что вполнѣ нормально поставленныхъ глазъ почти нельзя найти въ средѣ грамотныхъ людей, то станетъ яснымъ, что тѣ элементы письма, которые находятся въ зависимости отъ взаимнаго расположенія глазъ, должны входить надежными

*) *Landolt*. Leçons sur la diagn. des maladies des yeux.

опредѣлителями въ почеркъ и притомъ постоянно, т. е. на протяженіи всей рукописи. Ихъ невозможно поддѣлать или устранить по той причинѣ, что для этого потребовалось бы поставить свои глаза точь въ точь въ такое положеніе, въ которомъ находятся глаза того человѣка, чей почеркъ копируется.

Развитіе косоглазія легко прослѣдить по рукописямъ косящаго за все время прогрессированія болѣзни: почеркъ постепенно сжимается или разгоняется. Въ первомъ случаѣ доходитъ до того, что буквы лѣпятся одна на другую и неправильность разгона почерка сразу бросается въ глаза. Повторяю, что замѣченные признаки тогда только доказательны, когда они усматриваются во всей рукописи; отдѣльные случаи сжатости или большого разгона не имѣютъ значенія и на нихъ нельзя основывать выводъ.

Я сказалъ сейчасъ, что при сильномъ косоглазіи, не соединенномъ съ прогрессивнымъ параличемъ, пишущій лѣпитъ зачастую буквы другъ на друга; то же самое бываетъ и при параличѣ, но есть существенная разница между первымъ и вторымъ. Такъ какъ при косоглазіи причиной явленія служитъ только разстройство бинокулярнаго зрѣнія, то пищущій не путаетъ буквы, сохраняя въ сознаніи ихъ послѣдовательность. Наоборотъ, будущій паралитикъ подмѣняетъ одну букву другою, тотчасъ же замѣчаетъ это и дѣлаетъ исправленіе. Такъ, напримѣръ, косоглазящій, желая написать въ текстѣ векселя слово „прикажетъ“ нанесетъ букву *ж* на букву *а* и, притомъ, тогда только, если по общему построенію его почерка, между этими буквами долженъ быть разрывъ. Онъ сдѣлаетъ это потому, что послѣ перерыва ему трудно сразу попасть перомъ на надлежащее мѣсто и онъ или налѣпитъ слѣдующую букву на предъидущую, или слишкомъ отставитъ первую отъ второй. Паралитикъ, во время писанія слова „прикажетъ“, вдругъ забываетъ, на мгновеніе, то слово, которое ему нужно писать, и вмѣсто „прика-жетъ“, написавъ „прика“, поставитъ, напр., букву *щ*, покушаясь написать слово „прикащикъ“. Поэтому, онъ послѣ буквы *а* напишетъ не букву *ж*, какъ то сдѣлаетъ косоглазящій, но букву *щ*, замѣтитъ ошибку немедленно и на букву *щ* нанесетъ слѣдующую букву *е*, пропустивъ, такимъ образомъ, букву *ж*. Кромѣ того, паралитикъ сдѣлаетъ эту ошибку не только при разрывѣ слова, но гдѣ угодно.

Прослѣдить по рукописямъ подобное различіе необходимо: судьѣ неинтересно знать, косоглазилъ ли авторъ рукописи (это важно для самого эксперта), но установленіе признаковъ начинавшаго умственнаго разстройства часто можетъ имѣть значеніе для того или другого рѣшенія дѣла.

Въ практикѣ петербургскаго суда былъ такой случай. Въ 1889 году,

въ VI отд. суда производилась экспертиза по дѣлу Д. съ К. о взысканіи 32,000 по роспискѣ. Разсматривая рукописи К., писанныя за годъ до того времени, я заявилъ присутствовавшимъ (члену суда А. Ф. Поворинскому, прис. пов. С. С. Соколову, пр. пов. А. М. Чичагову и секрет. суда Грамматчикову и Саковичу), что если К., еще не сумасшедшій, то навѣрное наканунѣ душевной болѣзни (я никогда не видѣлъ этого К.). Заявленіе было встрѣчено общимъ смѣхомъ. К. оказался очень молодымъ человѣкомъ, пользующимся прекраснымъ здоровьемъ и ничто не обличало въ немъ признаковъ душевнаго разстройства. Тѣмъ не менѣе, черезъ мѣсяцъ К., былъ уже въ больницѣ Св. Николая...

Исполняя такую обязанность, экспертъ доженъ быть, однако, настолько остороженъ, чтобы не вторгаться въ чужую область, т. е. не вступать въ рамки врачебно-графологическаго изслѣдованія. По дѣлу объ убійствѣ псаломщика Кедрова (стр. 225), я ограничился тѣмъ, что указалъ суду замѣченные мною болѣзненные признаки въ почеркѣ умиравшаго Кедрова, но оцѣнивать ихъ отказался, объяснивъ, что это дѣло другого, присутствовавшаго тамъ-же эксперта—психіатра, проф. Чечотта. Точно такъ же, по гражданскому дѣлу о духовномъ завѣщаніи Клыковскаго (1895 г., спб. окр. суд.) я подалъ сторонамъ мысль пригласить въ качествѣ экспертовъ не графическихъ экспертовъ, но врачей-психіатровъ. По этому дѣлу было двѣ экспертизы: въ одной принимали участіе психіатры гг. Чечоттъ, Данилло и Фрей, въ другой тоже психіатры гг. проф. Бехтеревъ, д—ра Розенбергъ и Финкельманъ.

Я не имѣю намѣренія предлагать руководство для изслѣдованія болѣзненныхъ почерковъ; моя цѣль, во-первыхъ, показать лицамъ, пользующимся графической экспертизой, какое множество причинъ можетъ чувствительнымъ образомъ вліять на внѣшнія измѣненія почерка и что поэтому, подходить къ изслѣдованію почерковъ съ такими негодными средствами, какъ совмѣщеніе словъ, счетъ разрывовъ или буквъ въ строкахъ — безумно или преступно! Есть напр. глазная болѣзнь, называемая параличемъ аккомодаціи, зачастую развивающаяся быстро послѣ перенесеннаго дифтерита и столь же быстро проходящая (отъ 3 до 6 недѣль). При этой болѣзни больной теряетъ способность аккомодировать, не можетъ ясно видѣть мелкіе предметы, которые долженъ былъ бы видѣть при помощи напряженія его нормальной аккомодаціи; *ближайшая точка яснаго зрѣнія сильно отодвигается,* тогда какъ дальнѣйшая точка остается на своемъ мѣстѣ. Не нужно, полагаю, доказывать, что такое разстройство зрѣнія неизбѣжно произведетъ въ почеркѣ чрезвычайно большія измѣненія и, прежде всего, въ такихъ элементахъ, какъ связность буквъ. Больной жалуется на быстрое утомленіе глазъ при занятіяхъ на близкомъ разстояніи, ему необходимо не-

сравненно чаще отрываться отъ письма, чѣмъ въ здоровомъ состояніи, и прямымъ послѣдствіемъ является учащеніе разрывовъ, меньшая связность между буквами. То же самое наблюдается и при спазмѣ аккомодаціи, который считается очень частымъ явленіемъ у близорукихъ, особенно въ молодые годы.

Спазмъ аккомодаціи можетъ явиться вслѣдствіе ушиба глазъ, дѣйствія непривычно яркаго свѣта и др. причинъ.

Другая моя цѣль—убѣдить лицъ, посвящающихъ себя судебному почерковѣдѣнію (можетъ быть, такія лица и явятся?), что они могутъ имѣть матерьялъ несравненно болѣе цѣнный, чѣмъ число разрывовъ или буквъ въ строкѣ, ровно ничего не объясняющее и не доказывающее. Цѣненъ этотъ матерьялъ тѣмъ, что онъ не поддается копированію отъ руки и не можетъ быть удаленъ по произволу пишущаго, если послѣдній хочетъ измѣнить свой почеркъ. У человѣка, хотя бы поверхностно освѣдомленнаго о многочисленности физіологическихъ и патологическихъ факторовъ, измѣняющихъ, иногда, въ самое короткое время, почеркъ до неузнаваемости, языкъ не повернется докладывать суду, что въ заподозрѣнной подписи 29 разрывовъ, а въ несомнѣнной 14, *а потому* подпись подложна! Ему не придетъ, также, на мысль утруждать судъ сообщеніемъ, что въ одной подписи буква г имѣетъ два винта внизъ, а въ другой всего одинъ (см. стр. 140), *а потому* и пр.; онъ самъ сообразитъ, что изъ такого заключенія возможенъ лишь одинъ выводъ, что одного винта гдѣ-то, дѣйствительно, не хватаетъ...

До какой степени увлекаются гг. графическіе эксперты сходствомъ буквъ и дальше этого сходства ничего не хотятъ видѣть и знать, показываетъ дѣло супруговъ Филицкихъ, разсматривавшееся въ 1 отд. Спб. окр. суда въ 1891 г. *).

Филицкій, бывшій лакей одного прис. повѣреннаго, случайно познакомился съ паралитической старухой Яковлевой, обладавшей кое какимъ достаткомъ, и рѣшилъ воспользоваться ея деньгами. Для этой цѣли Филицкій сталъ ухаживать за Яковлевой, писать ей страстныя любовныя письма и очень скоро успѣлъ такъ одурачить впадавшую въ дѣтство старуху, что она повѣрила его любви и сама отвѣчала ему столь же страстными письмами. Филицкій началъ тогда выражать Яковлевой сожалѣніе что онъ уже женатъ и потому не можетъ предложить ей, Яковлевой, руку и сердце. Правда, можно бы развестись, но... разводъ стоитъ дорого, нужно много денегъ и пр. Яковлева давала ему небольшія суммы, но скупость оказывалась сильнѣе любви, и крупной суммы Филицкому никакъ не удавалось вытянуть у старухи.

---

*) Обвинялъ тов. прокур. Коваленскій, защищалъ прис. пов. П. Г. Мироновъ.

Наскучивъ просить, Филицкій сфабриковалъ векселя на 20 тысячъ, подписалъ ихъ подъ руку Яковлевой и представилъ въ коммерческій судъ. Нѣсколько разъ производилась экспертиза черезъ разныхъ учителей чистописанія, литографовъ, типографовъ, граверовъ и др. и все съ однимъ результатомъ: „буквы похожи, *а потому* подписи подлинныя". О томъ, что почеркъ Яковлевой долженъ быть паралитическій и, слѣдовательно, непремѣнно заключать въ себѣ характерные признаки этого болѣзненнаго разстройства письма—никто не вспомнилъ ни разу, ни судьи, ни эксперты, ни тяжущіеся, ни ихъ повѣренные! Если бы кому-нибудь тогда пришло въ голову показать невропатологу отдѣльные снимки подписей на карточкахъ, послѣдній не колеблясь выбралъ бы изъ 18 подписей двѣ не болѣзненныя—до того рѣзко отличались онѣ отъ другихъ, но не по рисункамъ буквъ, а по построенію. Въ концѣ концовъ дѣло попало къ судебн. слѣдов. барону К. А. Раушъ-фонъ-Траубенбергъ, который произвелъ экспертизу не черезъ каллиграфовъ и, само собою разумѣется, результатъ вышелъ иной. Присяжные засѣдатели признали векселя подложными, а Филицкихъ виновными безъ снисхожденія.

Почеркъ Яковлевой, какъ это ясно видно въ ея несомнѣнныхъ подписяхъ, характерно-атактическій, въ соединеніи съ паралнчнымъ. Ни въ одной подписи (такъ же, какъ и въ письмахъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи при изслѣдованіи) нѣтъ нижнихъ закругленій, вслѣдствіе разстройства иннерваціи въ N. radialis, которому принадлежитъ главная роль въ образованіи круглыхъ штриховъ*). Въ толстыхъ штрихахъ, въ начертаніи которыхъ N. radialis не участвуетъ, совсѣмъ не замѣтно волнообразныхъ движеній ни въ одной буквѣ всѣхъ 8 писемъ, какъ и въ этихъ 6 подписяхъ, а только углы, тогда какъ волосные штрихи, идущіе вправо, всѣ отличаются очень мелкими волнами. Послѣднее понятно, такъ какъ N. radialis дѣйствуетъ на abductor pollicis.

Единственное исключеніе представляютъ подписи на векселяхъ. Въ этихъ подписяхъ нижнія закругленія выполнены вполнѣ хорошо, какъ бы N. radialis оставался интактнымъ; затѣмъ, волосные штрихи, идущіе вправо не представляются мелковолнистыми, тогда какъ мѣстами волнистость наблюдается въ толстыхъ штрихахъ. Разсматривая подписи невозможно опредѣлить, какія части письменно двигательнаго аппарата угнетены и которыя нормальны: въ нихъ все не на своихъ мѣстахъ. Всѣ подписи и нѣкоторыя мѣста ихъ писемъ были увеличены фотографически и эти снимки предъявлялись присяжнымъ засѣдателямъ. Сравнивая увеличенія, на первый взглядъ нельзя не признать полнаго внѣшняго сходства почерковъ; притомъ слабость руки очевидна какъ

*) См. далѣе, Механику письма.

въ несомнѣнномъ писаніи Яковлевой, такъ и въ подписяхъ на векселяхъ; все дѣло въ томъ, что слабость несомнѣнныхъ представляетъ нѣкоторую систему, которую можно прослѣдить по всѣмъ ея рукописямъ безъ исключеній, тогда какъ слабость руки подписей на векселяхъ никакой системы не имѣетъ и прямо противорѣчитъ слабости руки Яковлевой.

Эрленмейеръ анализировалъ почерки больныхъ, создавая искусственно тѣ условія, которыя видоизмѣняли письмо въ данномъ случаѣ. Такъ, напр., дрожащій почеркъ, извѣстнаго характернаго вида, достигался имъ слѣд. образомъ.

Токъ вторичной спирали индукціоннаго аппарата направлялся на radialis и extensor dig. comm. такимъ образомъ, чтобы одинъ полюсъ находился на верхней части руки надъ нервомъ, а другой на передней части руки и такъ урегулировалъ силу, чтобы фарадическое сокращеніе extensor'а поддерживало равновѣсіе необходимаго при писаніи свободно производящагося антагонистическаго сокращенія. Когда токъ замкнутъ и рука приведена въ положеніе писанія и вооружена перомъ, послѣднее сейчасъ же отдалится отъ бумаги вслѣдствіе вытягиванія пальцевъ. Какъ только противоположнымъ движеніемъ flexor'а перо снова кладется на бумагу, то вслѣдствіе этой взаимно противоположной игры мускуловъ происходятъ дрожащія движенія въ вертикальномъ направленіи, проявляющіяся въ верхнихъ и круглыхъ штрихахъ, и придаютъ почерку пунктирообразный видъ. Если же работать медленнѣе, то опытъ удается очень легко и даетъ наглядную картину. Нужно только изолировать мускульный полюсъ на extensor'ѣ, такъ какъ въ этомъ случаѣ дрожащія движенія отражаются также и на нижнихъ штрихахъ *).

Если въ изслѣдуемыхъ рукописяхъ встрѣчаются такія неправильности, какъ выпусканіе окончаній или замѣна ихъ безсмысленными сочетаніями буквъ, или перемѣщеніе слоговъ изъ одного слова въ другое и т. п., то уже самое это наблюденіе обязываетъ эксперта искать въ почеркѣ признаки болѣзненнаго разстройства. Въ этомъ выпусканіи буквъ и слоговъ также замѣчается правильность, характеризующая форму аграфическаго заболѣванія, которая опредѣляется разстройствомъ той или другой части письменно двигательнаго аппарата.

Несравненно труднѣе различить атаксію и дрожаніе почерка, вызванныя взволнованнымъ состояніемъ писавшаго, отъ рисовки, присущей копированію; это и понятно, потому что въ обоихъ случаяхъ дѣйствуютъ почти однѣ и тѣ же причины. При необходимости раздѣлить эти два вида нельзя обойтись небольшимъ количествомъ матерьяла для сравненія, напримѣръ, двумя, тремя подписями, потому что единственнымъ надежнымъ показателемъ можетъ быть только комбинація основ-

*) *Erlenmeyer*, A. d—r. (l. c.).

ныхъ элементовъ нормальнаго почерка того лица, которому приписывается оспариваемая или заподозрѣнная подпись. Явленія атаксіи и дрожаніе руки естественно должны обнаруживаться, при копированіи, въ тѣхъ лишь частяхъ почерка (основныхъ элементахъ), которыя не сходны у поддѣлывателя и у того, чей почеркъ копируется. Воспроизведеніе общихъ обоимъ имъ элементовъ не затрудняетъ копирователя и, слѣдовательно, нѣтъ причины для неровности линій; наоборотъ, тамъ, гдѣ копирователю требуется воспроизвести чуждый его почерку элементъ, неизбѣжно явится нетвердость и неровность. Если, поэтому, экспертъ заявляетъ о замѣченной имъ рисовкѣ, его слѣдуетъ тотчасъ же обязать произвести дополнительное изслѣдованіе для того, чтобы нетвердость почерка, происходящая отъ волненія, не была смѣшана съ рисовкой.

Всѣ эти общія свѣдѣнія о физіологіи и патологіи почерка я сообщилъ здѣсь не столько для лицъ, которыя нынѣ производятъ экспертизу, сколько для тѣхъ, которые ею пользуются. *Настоятельно необходимо покончить съ каллиграфами, типографами, граверами, фотографами и др. обычными судебными экспертами по почеркамъ и передать эту экспертизу врачамъ;* лишь при этомъ условіи можно надѣяться, что графическая экспертиза сдѣлается серьезнымъ пособіемъ для нахожденія судебной истины. Ни одинъ судья, ни одинъ слѣдователь не вѣритъ въ графическія знанія типографовъ, въ доказательность ихъ буквенной бухгалтеріи, счетъ разрывовъ, пламевидные штрихи и т. п.; зачѣмъ же звать этихъ господъ, вводить ихъ въ искушеніе, поручать имъ такое важное дѣло и допускать, чтобы судьи совѣсти принимали рекомендованныхъ судомъ экспертовъ не за то, что они суть на самомъ дѣлѣ?

Зовите врачей, только врачей, никого кромѣ врачей! Первое время имъ будетъ трудно, но они очень скоро освоятся и внесутъ свѣжую струю воздуха въ невозможную атмосферу судебно-графической экспертизы!

По Эрленмейеру, работа мышцъ при актѣ писанія оказывается слѣдующею. Передняя часть руки лежитъ на столѣ почти на всемъ протяженіи, отъ локтя до запястья. Рука выгибается черезъ сжиманіе мышцы Ext. carpi radialis. Передняя часть руки кладется на локтевую сторону, лучевая же сторона руки и кисти никогда не приходитъ въ соприкосновеніе со столомъ. Передняя часть руки до os pisiformi въ запястьи, особенно ея задній конецъ, и представляетъ главную точку опоры для пишущей руки и почти постоянную точку.

Кромѣ этой постоянной точки существуютъ еще двѣ подвижныя: ногтевой суставъ пятаго пальца и остріе пера, которое пишетъ.

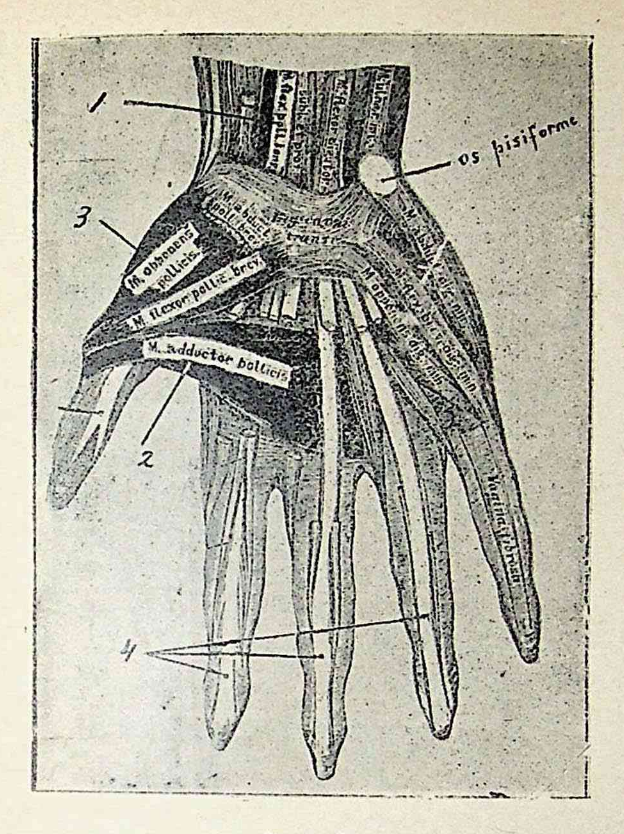
Пятый палецъ легко согнутъ внутрь руки и лежитъ на столѣ, на локтевой сторонѣ ногтевого сустава; прямо на немъ лежитъ четвертый палецъ. Три остальные пальца, слегка отдѣленные, служатъ для держанія пера. Перо лежитъ между среднимъ и указательнымъ пальцами и прижимается къ нимъ съ помощью ногтевого сустава большого пальца. Оно проходитъ подъ указательнымъ пальцемъ, ложится на interosseus externus; остріе лежитъ на бумагѣ, нажимается рукою болѣе или менѣе сильно и при писаніи подвигается вправо. Это движеніе производится съ помощью ногтевого сустава пятаго пальца.

Если вся передняя часть руки лежитъ на столѣ какъ опора, то Condilus internus humeri образуетъ твердую точку; если же она лежитъ на столѣ только отчасти, то точка вращенія почти отвѣчаетъ той части руки, которая опирается на край стола.

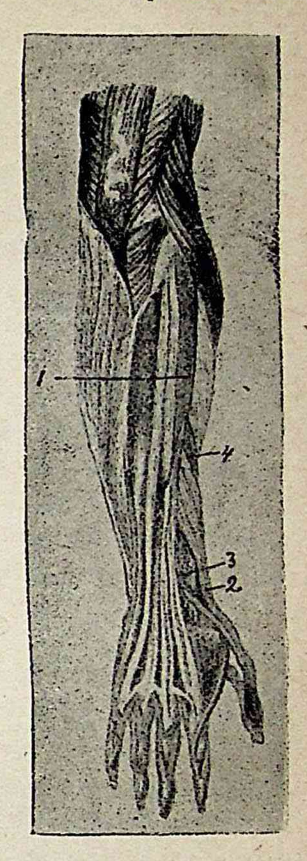
Точный анализъ сложной игры мускуловъ при исполненіи письма, лучше всего достигается разслѣдованіемъ главныхъ и элементарныхъ формъ, изъ которыхъ состоитъ каждая отдѣльная буква и, затѣмъ, весь почеркъ. Кромѣ волосныхъ и толстыхъ штриховъ, верхнихъ и нижнихъ, имѣющихъ обыкновенно форму прямыхъ линій, есть еще круглые штрихи. Они представляютъ различныя части окружностей разныхъ радіусовъ и проводятся то влѣво—назадъ, то вправо—впередъ. При начертаніи волосного или верхняго штриха приходятъ въ дѣйствіе, прежде всего, Extensor'ы обоихъ пальцевъ держащихъ перо (указ. и средн. пальцы), затѣмъ мускулы производящіе движеніе большого пальца, которое выражается вытягиваніемъ обоихъ вышеназванныхъ пальцевъ.

Такъ какъ большой палецъ прижимаетъ къ нимъ перо и утверждаетъ ихъ въ ихъ положеніи, то, естественно, онъ долженъ слѣдовать за ними въ ихъ движеніи вытягиванія. Указательный и средній пальцы вытягиваются, прежде всего, посредствомъ Extens. dig. communis, (который, по изслѣдованіямъ Ферберa и Гасснера, вытягиваетъ всѣ три члена пальцевъ *), затѣмъ Extens. indisproprius, наконецъ Interossei, которые растягиваютъ средніе и ногтевые суставы. Ногтевой суставъ большого пальца, въ спокойномъ положеніи, сгибается вслѣдствіе сокращенія Flexor pollicis longus; этотъ суставъ растягивается при выполненіи верхняго штриха черезъ сокращеніе Extens. pollic. longus. Одновременно происходитъ двигающая впередъ аддукція (притягиваніе мышцъ) большого пальца къ указательному посредствомъ Adductor pollicis и Opponens pollicis. При верхнемъ штрихѣ въ дѣйствіе приходятъ слѣдующіе мускулы. Extens. dig. communis и Interossei для указательнаго и средняго пальцевъ, при которыхъ первая

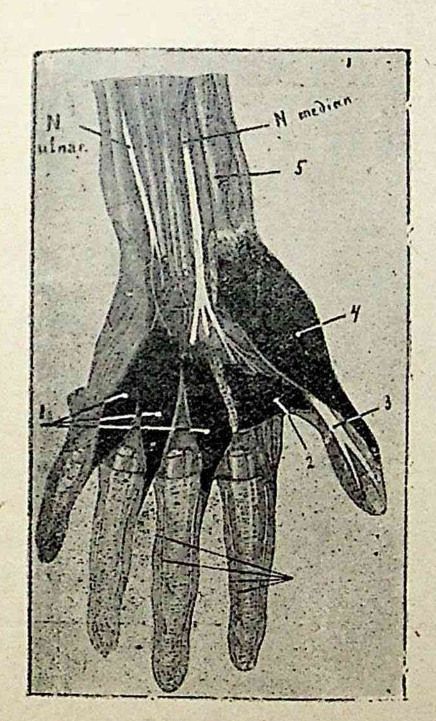
*) *Ferber u. Gassner*. Experimentalle Untersuchungen über die Wirkung der Fingerstrecker.—Arch. f. Psych. VII, Heft 1.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Фиг. 3

Фиг. 1.

1. Flexor. pollic. longus.
2. Abductor pollic.
3. Opponens pollic.
4. Flex. digit. prof.

Фиг. 2.

1. Extensor dig. commun.
2. „ carpi radialis.
3. „ pollicis longus.

Фиг. 3.

1. Interosei.
2. Adductor pollic.
3. Flex. pollic. longus.
4. Abduct. pollic. brevis.
5. Flex. carpi radial.

група иннервируется N. radialis, а вторая N. ulnaris. Для большого пальца—Extens. pollic. longus, Opponens и Adductor pollicis, управляемыя N. radialis, N. medianus и N. ulnaris. Такимъ образомъ при выполненіи верхняго штриха дѣйствуютъ всѣ три нерва передней части руки, кисти и пальцевъ.

Толстый или нижній штрихъ зависитъ отъ дѣйствія Flexor'a. Здѣсь дѣйствуетъ Flex. dig. com. profundus, который сгибаетъ ногтевой суставъ и нажимаетъ немного внизъ, на находящееся подъ нимъ перо. Наконецъ, въ большомъ пальцѣ вытягивается Flexor pollic. longus, а при писаніи большихъ буквъ, гдѣ пальцы требуютъ большаго простора движенію, которое послѣ переносится также и на руку, Flexor carpi radialis также приходитъ въ дѣйствіе. Для выполненія толстыхъ штриховъ иннервація производится N. medianus (Flex. digit. com. profund. и sublimi, Flex. pol. longus, Flex. carpi radial.) и N. ulnaris (flex. dig. com. prof.).

Для выполненія круглыхъ штриховъ нужны Abductor'ы и Adductor'ы пальцевъ. Въ почеркѣ, идущемъ вправо, преобладаютъ круглые штрихи, направляющіеся назадъ, справа на лѣво; они имѣются почти во всѣхъ буквахъ. При выполненіи ихъ дѣйствуютъ Interossens extern. primus, затѣмъ Flex. carpi rad., и adduct. pollic. Первый иннервируетъ черезъ N. ulnaris, второй черезъ N. medianus, послѣдній черезъ N. radialis.

Круглые штрихи, идущіе впередъ, выполняются съ помощью тѣхъ мускуловъ мякоти большого пальца, которые притягиваютъ большой палецъ къ ладони и, такимъ образомъ, даютъ всей рукѣ толчекъ впередъ, частью же прямо съ помощью сокращеній въ Caprus; въ послѣднемъ случаѣ дѣйствуетъ Ext.carpi ulnar., иннервированный черезъ N. radialis. Наиболѣе дѣятельными мускулами мякоти большого пальца являются Opponens (черезъ N. median.) и adductor pollic. (черезъ N. ulnaris).

Круглые штрихи, вогнутые вверхъ (напр. знакъ надъ й), представляютъ сложныя движенія, такъ какъ они составляются изъ вмѣстѣ взятыхъ элементарныхъ штриховъ.

Такимъ образомъ никакое, даже самое простое движеніе въ актѣ письма не бываетъ дѣломъ одного изолированнаго нерва; почти всегда дѣйствуютъ всѣ три нерва или, по крайней мѣрѣ, два изъ нихъ. Волосные штрихи выполняются посредствомъ иннерваціи N. ulnaris, N. radial. и N. median.; толстые штрихи при N. median. и N. ulnaris; круглые штрихи — опять при совмѣстной работѣ всѣхъ трехъ нервовъ.

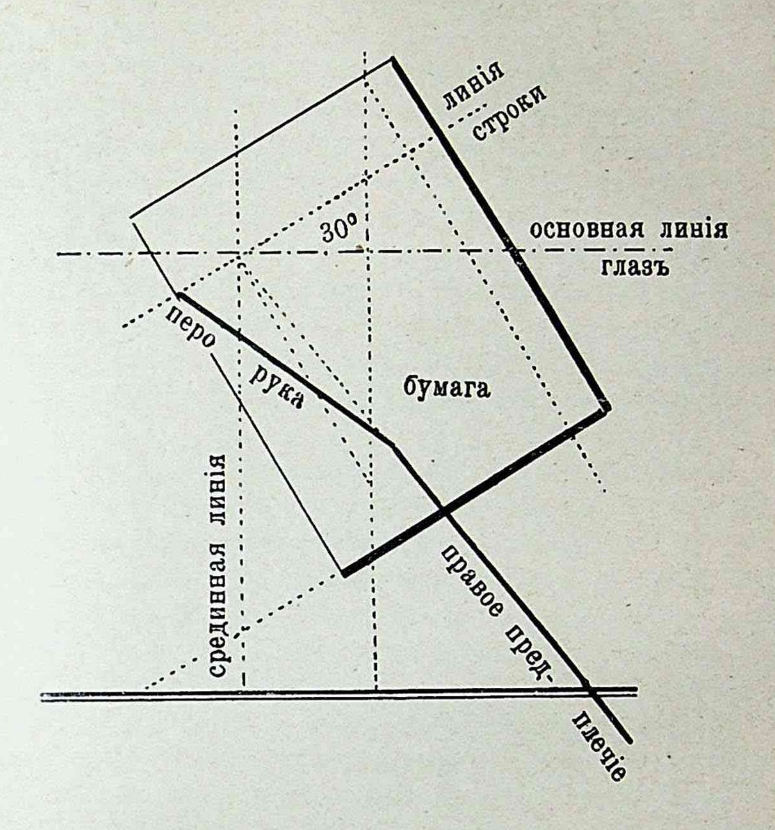
При нарушеніи дѣятельности одного нерва и интактности двухъ остальныхъ, способность письма не исчезаетъ, потому что функціи па-

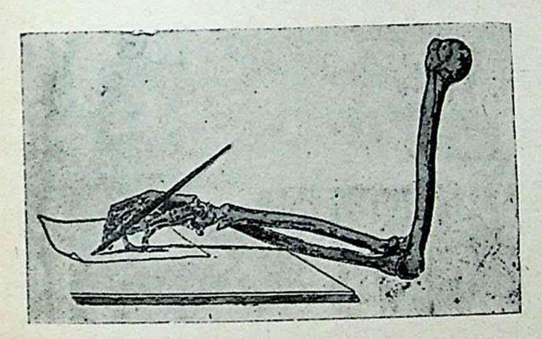
рализованнаго нерва переходятъ на остальные, но при этомъ, разумѣется, въ почеркѣ должно произойти соотвѣтственное измѣненіе.

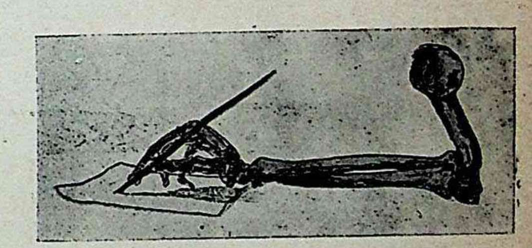
При нормальномъ письмѣ пишущій держитъ линію плечъ параллельно, а срединную линію тѣла перпендикулярно краю стола. Правое предплечіе помѣщается на столѣ, но не все, такъ какъ часть его и локоть нѣсколько выступаютъ за край стола. Предплечіе составляетъ съ серединной линіей уголъ въ 38°. Въ началѣ письма пальцы немного вытягиваются, ручной суставъ вытягивается и подводится къ внутри; затѣмъ пальцы начинаютъ сгибаться, ручной суставъ вытягивается и отводится наружу. Получается дуга, хордой которой будетъ линія, радіусомъ же перпендикуляръ къ ней, составляющій съ линіей предплечія уголъ въ 8°, а, слѣдовательно, съ срединной линіей уголъ въ $38 - 8 = 30$ градусовъ. Такъ какъ основные штрихи, т. е. толстые, мы ведемъ параллельно срединной линіи тѣла или, что все равно, перпендикулярно основной линіи (линіи, пересѣкающей оба зрачка), то для того, чтобы строка шла параллельно краямъ листка бумаги, этотъ послѣдній приходится класть подъ угломъ около 30° къ основной линіи. Величина этого угла измѣняется въ зависимости отъ разныхъ причинъ, въ предѣлахъ отъ 25 до 40 градусовъ и, въ свою очередь, обусловливаетъ такъ называемое держаніе строки, т. е. подниманіе ея или опусканіе. Если попробуемъ положить листъ бумаги такъ, чтобы онъ по длинѣ былъ перпендикуляренъ къ краю стола и станемъ писать не удерживая правильное направленіе строкъ, то письмо непремѣнно выйдетъ поднимающимся, наоборотъ, если листъ, по длинѣ, будетъ параллеленъ краю стола, то письмо окажется падающимъ предполагая, конечно, что положеніе тѣла остается одно и тоже. Строго говоря, письмо нри второмъ положеніи невозможно, потому что основные штрихи, будучи параллельны срединной линіи тѣла, должны совпадать съ линій строки; по этой причинѣ, пишущій вынужденъ либо повернуть туловище бокомъ, либо сильно опускать строку.

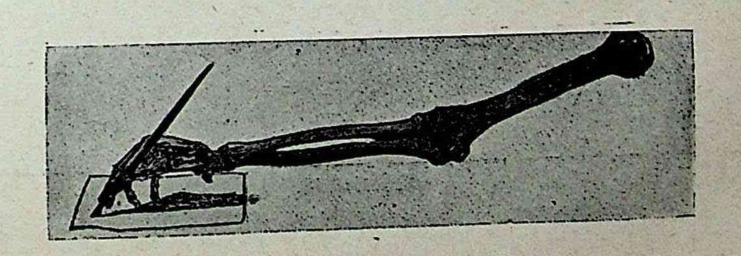
Если бумага лежитъ перпендикулярно, по своей длинѣ, къ основной линіи, т. е. направленіе строки параллельно этой послѣдней, то въ началѣ строки пальцы пишущей руки приходится сильно вытянуть, а въ концѣ также сильно согнуть; при этомъ неизбѣжно отодвигать, постепенно, предплечіе вправо. При параллельности бумаги основной линіи происходитъ обратное, т. е. пальцы согнуты въ началѣ строки и сильно вытянуты въ концѣ ея, предплечье же подвигается вверхъ. Пишущій инстинктивно выбираетъ то среднее между этими двумя положеніе, при которомъ должно происходить наименьшее сгибаніе и вытягиваніе пальцевъ и, по возможности, предплечье остается неподвижнымъ. Очевидно, что главнымъ дѣятелемъ при такомъ выборѣ должна быть длина пальцевъ и ихъ толщина, затѣмъ острота зрѣнія, далѣе поста-

Механика письма.

новка глазъ и пр. Нормальнымъ положенiемъ приходится признать среднее изъ большого числа и таковымъ окажется наклоненiе строки къ основной линiи въ 30°.

Школьная гигiена стремится установить такiе методы обученiя письму, которые наименѣе благопрiятствовали бы развитiю близорукости и искривленiю позвоночника учащихся. Какъ бы, однако, не были хороши, теоретически, выработанныя правила, натура возьметъ свое и для скорописи всякiй ученикъ выберетъ то положенiе бумаги, туловища и головы, которое требуется его личными анатомическими и физiологическими особенностями. Плохой способъ обученiя письму не порождаетъ близорукость или искривленiе позвоночника, а только способствуетъ ихъ развитiю, усиливаетъ ихъ; поэтому, на построенiе почерка этотъ способъ влiяетъ очень незначительно, не измѣняя его основныхъ элементовъ.

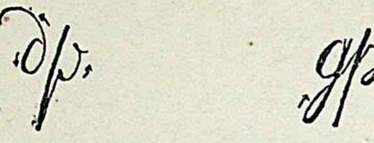
По мнѣнiю проф. Склифосовскаго, есть два способа образованiя бокового искривленiя позвоночника: одинъ, по которому у совершенно здороваго и крѣпкаго человѣка, подъ влiянiемъ какой-либо случайной причины, хотя бы, напр., при неравномѣрной длинѣ нижнихъ конечностей, мало-по-малу развивается искривленiе позвоночника; другой, когда подъ влiянiемъ болѣзненнаго предрасположенiя, нарушаются условiя нормальнаго роста костей, и не происходитъ своевременное окостенѣнiе хрящей и при этомъ дѣйствуетъ неравномѣрное давленiе при неправильномъ сидѣнiи или при негармонично дѣйствующихъ членахъ во время работы. Во второмъ перiодѣ прорѣзыванiя зубовъ (послѣ 7 л.) и затѣмъ отъ 11 до 14 л. замѣчается, по словамъ проф. Склифосовскаго, болѣе энергичный ростъ скелета, особенно если въ это время обнаруживается какая-либо лихорадочная болѣзнь, напр. тифъ, скарлатина и т. п. „Обнаруживается сравнительное размягченiе скелета, предрасполагающее его къ образованiю искривленiй“. Вообще, „развитiю школьной кривизны позвоночника должно предшествовать извѣстное предрасположенiе, состоящее въ нарушенiи естественныхъ физiологическихъ условiй правильнаго роста скелета. Безъ этого предрасположенiя не можетъ развиться школьная кривизна позвоночника“ *).

Такъ или иначе, это предрасположенiе должно подчинить себѣ посадку при письмѣ и никакiе способы обученiя не въ состоянiи измѣнить *построенiе* почерка, т. е. комбинацiю его основныхъ элементовъ: *всякiй человѣкъ пишетъ такъ, какъ ему отъ рожденiя писать предназначено*. Школа способна дать почерку твердость, красоту, рисунокъ буквъ, но не въ силахъ бороться съ построенiемъ его.

Для поясненiя привожу слѣдующiй примѣръ. Всѣ существующiе почерки можно раздѣлить на правоокружные (dextrogyres), лѣвоокружные (sinistrogyres)

*) *Виренiусъ* д-ръ. Рацiональный способъ письма. Спб. 1898.

и средніе *) въ первыхъ преобладаютъ закругленныя линіи направляющіяся слѣва на-право, во вторыхъ наоборотъ. Напримѣръ, буква р можетъ быть изображена въ скорописи

лѣвоокружное правоокружное

въ первомъ случаѣ полностью сдѣлано то лишь закругленіе (верхнее), которое идетъ слѣва на право, тогда какъ второе закругленіе (нижнее), идущее справа на-лѣво оборвано, недодѣлано; во второмъ случаѣ недодѣланнымъ оказывается верхнее закругленіе, полностью же выведено нижнее. Та или другая кривизна преобладаетъ, въ любомъ почеркѣ и опредѣляетъ рисунокъ всѣхъ буквъ алфавита. Если, положимъ, въ школѣ всѣхъ учениковъ учатъ писать прямымъ почеркомъ, то у нѣкоторыхъ, при переходѣ впослѣдствіи къ косой скорописи, вырабатаются лѣвоокружные рисунки буквъ, какъ поправка несоотвѣтствія совершенно прямого почерка съ особенностями физическаго строенія ученика. Точно также, при обязательномъ для всѣхъ учениковъ держаніи тетради подъ однимъ и тѣмъ же угломъ къ краю стола, часть ихъ выработываетъ для скорописи лѣвоокружныя буквы, стремясь примирить привычку съ требованіями натуры.

То же самое и относительно зрѣнія. Правда, дѣти не родятся близорукими или только въ очень рѣдкихъ случаяхъ; но у дѣтей рожденныхъ отъ близорукихъ родителей легко развивается близорукость при соблюденіи даже необходимыхъ гигіеническихъ условій. Въ чемъ заключается наслѣдственность, сказать трудно, по всему вѣроятію въ цѣлой совокупности анатомическихъ условій, въ составъ которыхъ входитъ и большая уступчивость склеры и та или другая длина зрительнаго нерва, тотъ или другой складъ орбиты, то или другое прикрѣпленіе мышцъ, большее или меньшее разстояніе между глазами и т. д. Даже при вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ, возможныхъ въ этомъ отношеніи въ наше время, всетаки близорукость продолжаетъ развиваться. Примѣромъ можетъ служить гимназія въ Гиссенѣ **). Гигіеническое устройство ея не оставляетъ желать ничего лучшаго, но и при такомъ устройствѣ гимназіи и распредѣленіи занятій, существующихъ около 10 лѣтъ, изъ 508 первоначально эмметропическихъ и гиперметропическихъ глазъ 75 (12,4%) сдѣлались близорукими, изъ 186 близорукихъ глазъ въ 107 (57,5%) близорукихъ усилилась ***).

По изслѣдованіямъ *Кона*, произведеннымъ надъ 10,060 учащихся, между деревенскими дѣтьми близорукихъ оказалось 1,4%, въ высшихъ школахъ для дѣвицъ 7,7%, въ реальныхъ школахъ 19,7%, въ гимназіяхъ 26,2%, у студентовъ 60%. По изслѣдованіямъ *Эрисмана* въ Петербургѣ у 4,358 учащихся, оказалось близорукихъ въ приготовительномъ классѣ 13,4%, въ I — 15,8%, во II — 22,4%, въ III — 30,7%, въ IV — 38,4%, въ V — 41,3%, въ VI — 42,0%, въ VII — 42,8%. Число же дальнозоркихъ идетъ въ убывающемъ порядкѣ. Подобные же результаты получилъ *Эммертъ*, изслѣдовавшій зрѣніе у 2,148 учащихся въ Швейцаріи. По его изслѣдованіямъ, съ возрастомъ, т. е.

---

*) *Géricourt*, d-r.—Note sur un caractère differentiel des écritures. Les écritures dextrogyres et sinistrogyres. Bullet. de la Soc. de Psych. physiologique. 1887, t. III p. 27—36.

**) *Крюковъ, А.* проф. Курсъ глазныхъ болѣзней, М. 1894 стр. 140.

***) *Нагорскій, В.* д-ръ. О вліяніи школъ на физическое развитіе дѣтей. Спб. 1881 г.

съ болѣе продолжительнымъ пребываніемъ въ школѣ, также возрастаетъ и близорукость, достигая 71%, и уменьшается дальнозоркость *).

Зачатки близорукости у дѣтей близорукихъ родителей могутъ не развиваться, но для этого необходимо совсѣмъ освободить ихъ отъ работъ вблизи, между прочимъ отъ чтенія и письма, т. е. оставить неграмотными. Какъ только такого ребенка начнутъ учить чтенію и письму, близорукость возьметъ свое и отразится на почеркѣ, какіе-бы предосторожности ни принимала школа. „У учениковъ на первомъ году ученія никакими мѣрами невозможно уменьшить приближеніе къ тетради или книгѣ на столько, чтобы приближеніе это не грозило въ значительной степени опасностью глазамъ", говоритъ д-ръ Виреніусъ. „Слѣдуетъ сомнѣваться, могутъ ли вообще малолѣтніе ученики на первомъ году ученія держаться отъ предмета письма на такомъ отдаленіи, которое не было бы вредно для ихъ глазъ", полагаетъ и проф. Берлинъ.

По этимъ соображеніямъ, всѣ тѣ элементы почерка, которые зависятъ отъ остроты зрѣнія, слѣдуетъ признавать основными, а не усвоенными, т. е. такими которые относятся не къ внѣшнему только виду почерка, но къ его построенію.

Изъ числа 539 дѣтей, изслѣдованныхъ Берлиномъ и Рембольдомъ, только треть оказались обладающими нормальною ясностью зрѣнія, а ²/₃ сильно наклонялись къ тетради. Переходы эти за норму не только часты, но большею частью и весьма значительны, а такъ какъ напряженіе глаза возрастаетъ въ несравненно болѣе высокой степени, нежели приближеніе, то въ этомъ-то именно и заключается его крайняя опасность.

Приведенныя цифры показываютъ, что огромное большинство людей, обученныхъ письму, близоруки и, притомъ, чѣмъ выше степень образованія (т. е. чѣмъ опредѣленнѣе установился почеркъ), тѣмъ процентъ близорукихъ больше. Понятно, что по этой причинѣ богатѣйшій матерьялъ для опредѣленія тѣхъ основныхъ элементовъ почерка, которые зависятъ отъ остроты зрѣнія, должны дать ученическія письменныя работы, подобранныя по годамъ ученія, т. е. по мѣрѣ развитія близорукости.

Дальнозоркій держитъ бумагу на далекомъ разстояніи отъ глазъ и видитъ, постоянно, весь листъ; близорукій приближаетъ глаза и видитъ только нѣкоторую часть листа. Чтобы держать строку правильно во все время письма, необходимо чтобы она вся была видна, т. е.

*) По свидѣтельству нынѣшняго германскаго Императора Вильгельма II, въ Кассельской гимназіи, гдѣ онъ воспитывался, изъ 21 ученика, 18 носили очки, несмотря на то что освѣщеніе, вентиляція и проч. были образцовыя, за чѣмъ очень слѣдила Императрица-мать. (*Сперанскій*. Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи. М. 1893. стр. 180).

чтобы конечный пунктъ, цѣль къ которой идетъ рука, не выпускался изъ вида.

Близорукій лишенъ этой способности и потому самому не въ состояніи совершенно правильно держать строку параллельно обрѣзамъ листа бумаги. Отсюда, какъ неизбѣжное слѣдствіе, уклонъ строки или, даже, ея змѣевидность (écriture serpentine).

Любопытно, что въ заключеніяхъ экспертовъ по почеркамъ совсѣмъ не встрѣчается упоминанія объ этомъ основномъ элементѣ, тогда какъ онъ можетъ считаться начальнымъ пунктомъ всего анализа письма: съ держаніемъ строки должны сообразоваться почти всѣ остальные элементы въ нормальномъ почеркѣ.

При письмѣ взглядъ наклоняется книзу и квнутри; поэтому происходитъ растяженіе наружной оболочки зрительнаго нерва и сдавленіе глаза мышцами. Задній полюсъ глазъ поворачивается кнаружи и растягиваетъ зрительный нервъ, который у всѣхъ неодинаковой длины; чѣмъ онъ длиннѣе, тѣмъ легче вращеніе глазъ, чѣмъ короче, тѣмъ онъ труднѣе. Наклоненіе глаза книзу обусловливаетъ сдавленіе его внѣшними мышцами, причемъ верхняя косая и наружная прямая имѣютъ наибольшее значеніе. При поворотѣ глаза квнутри, внутренняя прямая мышца сокращается, заставляя растягиваться наружную прямую мышцу, которая плотнѣе прилегаетъ къ глазу и сдавливаетъ его. При поворотѣ глазъ книзу и квнутри его сдавливаетъ верхняя косая мышца и степень сдавленія зависитъ отъ того, на какомъ протяженіи она прилегаетъ къ глазу, что зависитъ отъ мѣста прикрѣпленія ея къ склерѣ и отъ высоты орбиты. При низкой орбитѣ прилеганіе верхней косой мышцы происходитъ на большомъ протяженіи, чѣмъ при высокой орбитѣ.

По изслѣдованіямъ проф. Берлина и д-ра Рембольда *), можно принять за общее правило, что основныя черты письма, при обыкновенной косой вправо скорописи, составляютъ съ основной линіей почти прямой уголъ, т. е. основныя черты ведутся пишущимъ въ видѣ перпендикуляровъ къ серединѣ линіи, соединяющей оба зрачка. Уголъ этотъ колеблется между 85^0 и 95^0 и если выходитъ за эти предѣлы, то въ почеркѣ получается соотвѣтствующее изгибаніе прямыхъ линій, особенно длинныхъ, выходящихъ выше и ниже строки. При очень большихъ отклоненіяхъ отъ прямого угла, напр. при 65^0, длинныя линіи письма получаютъ изгибъ въ видѣ латинской буквы *S*. Понятно, что при постоянствѣ угла, составляемаго основными чертами съ основной линіей, уголъ наклона основныхъ чертъ къ линіи бумаги совершенно опредѣляется положеніемъ бумаги. Нормальнымъ уклономъ

*) *Berlin und Rembold.*—Untersuchungen über den Einfluss des Schreibens auf Auge und Körperhaltung des Schulkindes. Stuttgart, 1883.

считается отклоненіе отъ прямого почерка на 30°; уклонъ до 45° встрѣчается рѣдко.

На постоянствѣ зависимости выгибанія линій отъ величины уклона, Фрэзеръ основалъ свой измѣрительный способъ сличенія почерковъ *). Увеличивъ сравниваемыя рукописи, онъ измѣряетъ углы наклоненія длинныхъ основныхъ чертъ въ частяхъ, выходящихъ надъ строкой и опускающихся подъ строку. При нормальномъ письмѣ, т. е. когда пишутъ свободно своимъ почеркомъ, не копируя чужой и не измѣняя собственный, верхніе и нижніе уклоны должны въ точности отвѣчать основному углу (составляемому основными чертами съ основной линіей); въ противномъ случаѣ, величина верхняго и нижняго уклоновъ не будетъ оправдываться величиною основного угла. Въ своей книгѣ Фрэзеръ даетъ примѣрную таблицу измѣреній буквъ I, B, D, M и U въ 20 рукописяхъ одного лица.

Стремленіе вести основныя черты перпендикулярно къ основной линіи д-ръ А. С. Виреніусъ **) объясняетъ слѣдующимъ образомъ:

Буквы, въ особенности длинныя, показываютъ явное преобладаніе продольныхъ размѣровъ; мы же привыкли вообще значительные продольные предметы видѣть направляющимися по срединной линіи нашего тѣла, т.-е. перпендикулярно къ нашей «основной линіи». Этому стремленію видѣть предметы прямыми служитъ основою несомнѣнно сила тяжести; косые предметы вызываютъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы они готовы упасть, если мы не видимъ имъ никакой опоры. Слѣпые, и тѣ ставятъ при письмѣ буквы отвѣсно къ ихъ идеальной основной линіи.

Если буквы будутъ стоять отвѣсно къ строкѣ и отвѣсно же къ основной линіи, то понятно, что строка и основная линія будутъ параллельны. Ребенокъ только тогда ведетъ черту не отвѣсно къ строкѣ, когда строка не идетъ по одному направленію съ основной линіей, когда онъ, сидя симметрически передъ доской стола, держитъ тетрадь косо, или когда сидитъ косо передъ тетрадью, лежащею подъ прямымъ угломъ къ краю стола. Въ большинствѣ случаевъ наблюдалось, что не-отвѣсно вѣдомыя черты были косы вправо, и эти косыя вправо черты всѣ держались одного направленія. Дѣти явно оказывали инстинктивное стремленіе вести строку въ направленіи хода пера и тѣмъ какъ-бы доставлять себѣ удовольствіе отъ бѣглаго почерка; но разъ они начинали писать такимъ образомъ, то свободно ставили основныя черты уже неотвѣсно къ строкѣ, но къ ихъ идеальной основной линіи, или, что то же, по направленію къ срединной линіи тѣла, resp. только головы».

По изслѣдованіямъ проф. Берлина и д-ра Рембольда, способъ держанія тѣла при косомъ почеркѣ можно раздѣлить на три основныя группы:

1. Вертикальное, съ значительнымъ отдаленіемъ лица отъ бумаги, причемъ тазъ почти параллеленъ краю стола.

---

*) *Frazer, P.* (l. c.).
**) *Виреніусъ, А. С.*, д-ръ. Раціональный способъ письма. Спб. 1898.

2. Голова согнута влѣво; лицо менѣе отдалено отъ бумаги; тазъ или держится прямо, или косвенно влѣво.

3. Голова согнута вправо; лицо очень близко къ бумагѣ; тазъ держится косвенно вправо.

Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ множество подраздѣленій, но каково бы не было держаніе тѣла, пишущій всегда приспособляетъ положеніе головы (глаза) и таза такимъ образомъ, чтобы возможно было сохранить, по возможности перпендикулярность между основными чертами и основной линіей, т. е. величину основного угла.

При косомъ вправо почеркѣ проэктированная основная линія должна всегда пересѣкать строку слѣва сверху внизъ направо; поэтому, при прямомъ положеніи бумаги пишущій долженъ сидѣть косо вправо, при косомъ срединномъ положеніи можетъ сидѣть прямо, и при злоупотребленіи этимъ положеніемъ долженъ сидѣть косо влѣво.

Ось вращенія головы пишущаго представляетъ перпендикуляръ въ треугольникѣ, образованномъ обѣими точками вращенія глазъ и кончикомъ пера. Плоскость, въ которой этотъ перпендикуляръ лежитъ— уголъ въ 20,₃ град. ниже горизонта.

«Что касается степени приближенія правой или лѣвой половины лба ко столу, то опытъ показалъ слѣдующее: въ 19 случаяхъ изъ 460-ти правый глазъ оказывался ближе, т. е. около 4%, и именно съ максимумомъ въ 15 миллиметровъ. Въ 110 случаяхъ (23%) удаленіе было съ обѣихъ сторонъ одинаково, или разница была не свыше ¼ сантиметра. Въ остальныхъ 331 случаѣ (около 73%) лѣвый глазъ оказывался ближе къ столу по большей мѣрѣ въ 35 миллиметровъ. Средняя цифра для всѣхъ 460 наблюденій показала большее приближеніе лѣваго глаза къ столу на 9,₀₇ миллим.» *).

Вопросъ о томъ, составляетъ-ли обычно употребляемый косой почеркъ то, что можетъ быть признано физіологическимъ способомъ письма, чрезвычайно важенъ потому, что въ такомъ случаѣ законы зависимости почерка отъ анатомическихъ и физіологическихъ особенностей пишущаго должны быть опредѣленнѣе и легче обнаружены. Мнѣнія изслѣдователей въ этомъ вопросѣ не сходятся. Д-ръ Шубертъ **), окулистъ въ Нюренбергѣ, доказываетъ, на основаніи историческихъ справокъ, что естественнымъ долженъ быть не косой, а прямой почеркъ. Наоборотъ, проф. Берлинъ и д-ръ Рембольдъ (къ нимъ присоединяется и д-ръ Виреніусъ) утверждаютъ, что вправо почеркъ, при косомъ серединномъ положеніи тетради, болѣе всего отвѣчаетъ

---

*) *Виреніусъ*, А. С., д-ръ (l. c.).

**) *Schubert*, d-r.—Ueber den Einfluss der rechtschiefen Schrift auf der Auge der Schulkinder. Boyr. aertzl. Intell, Blatt. 1883.

id. Die Steilschrift während der letzten fünf Jahre.—Kotelman's Zeitschrift für Schulhygiene. 1895.

анатомическимъ отношеніямъ руки и плеча и законамъ движенія глазъ. Того же мнѣнія держится и Эрленмейеръ *).

Косой почеркъ явился неизбѣжнымъ послѣдствіемъ необходимости перехода отъ рисованія буквъ къ скорописи. Скашиваніе буквъ начинается съ начала XVI вѣка, хотя наклонность къ нему встрѣчается, въ рѣдкихъ случаяхъ, и ранѣе. Вотъ что говоритъ объ этомъ д-ръ Виреніусъ:

Въ іюлѣ 1895 г. намъ удалось побывать въ Парижской Національной Библіотекѣ, гдѣ оказались манускрипты, начиная съ VI вѣка.

При внимательномъ осмотрѣ мы замѣтили, что съ IX, даже съ VII по XIV в. почеркъ дѣйствительно былъ преимущественно прямой, хотя встрѣчались манускрипты того же времени съ почеркомъ явно скашивающимся. Такъ, напр., изреченія св. Отцовъ IX в. писаны косоватымъ почеркомъ; нѣсколько писемъ (Яна короля Богемскаго, Рауля герцога Лотарингскаго и др.), означенныхъ годомъ 1340 (XIV в.), писаны тоже косоватымъ почеркомъ.

Затѣмъ, болѣе замѣтно скашивающійся почеркъ мы встрѣтили въ манускриптѣ 552 г. (VI в.), а именно, въ духовномъ завѣщаніи, данномъ въ гор. Равеннѣ, и въ манускриптѣ 1477 г. (XV в.), содержаніемъ котораго были сочиненія Цицерона De officiis, de Amicitia и др.

Настоящій косой почеркъ найденъ былъ нами въ слѣдующемъ манускриптѣ: счетъ по движимому и недвижимому имуществу Sous-Diacre'а Граціана для его питомца Etienne'а, писанный въ Равеннѣ въ 564 г. (VI в.). Такой же рѣзко косой почеркъ представлялъ манускриптъ 1595 г. (XVI в.): письмо маршала Бирона къ королю Генриху IV.

Манускрипты съ XVII-го, а уже рѣшительно въ XVIII в. отличались всѣ почеркомъ спеціально косымъ или сильно скашивающимся вправо.

Наконецъ, любопытно, что косой почеркъ имѣлся на одномъ греческомъ манускриптѣ, относящемся къ 159 г. до Р. Х. (Fragment de compte relatif à un deuil de Mnevis).

Кстати, замѣтимъ, что многія изданія съ IX по XIV вѣкъ характеризировались не только особенностью прямого шрифта, но и нерѣдко украшеніями въ видѣ картинокъ (иногда раскрашенныхъ), фигуръ, портретовъ, даже наклеенныхъ группъ изъ слоновой кости, разноцвѣтныхъ камней и т. д.

Буквы оказывались не столько писанными, сколько отчетливо и болѣе или менѣе изящно рисованными, чтò требовало, очевидно, большого труда, терпѣнія и времени.

Такимъ образомъ, все вмѣстѣ взятое указывало на то, что съ VII по XVI в., т.-е. въ такъ называемые средніе вѣка, письмо, во-первыхъ, отличалось прямымъ или близкимъ къ прямому почеркомъ; во-вторыхъ, представляло нѣкоторый родъ рисованія, и, въ-третьихъ, видимо посягало на значительную трату труда и времени, слѣдовательно, отличалось болѣе внѣшними, нежели внутренними достоинствами, между тѣмъ какъ письмо до VII вѣка и съ XVI-го отличалось: 1) косымъ или приближающимся къ косому почеркомъ, 2) было менѣе красиво и 3) характеризовалось быстротою, легкостью, свободою.

Значитъ, прямой почеркъ указываетъ на медлительный кропотливый, автоматическій характеръ письма и принадлежитъ къ вѣкамъ невѣжества, упадка

---

*) *Erlenmeyer*, d-r (l. c.).

наукъ и искусствъ, тогда какъ косой почеркъ отличается быстротою и непринужденностью, выраженіемъ индивидуальности пишущаго, и тѣмъ самымъ отвѣчаетъ требованіямъ скорописи, этимъ существеннымъ условіемъ для человѣка культурнаго (resp. человѣка умственнаго труда).

Проф. Штельвагъ ф. Каріанъ пишетъ по этому предмету слѣдующее: „О прямомъ почеркѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ не стоитъ и говорить, такъ какъ тогда скорѣе рисовали, чѣмъ писали. Ясно, что чѣмъ болѣе письмо становилось общераспространеннымъ искусствомъ у народовъ, пишущихъ слѣва вправо, тѣмъ болѣе входилъ въ употребленіе косой почеркъ. И, наоборотъ, у народовъ, писавшихъ справа налѣво, рѣшительно установился прямой почеркъ. Далѣе, всѣ лѣвши, пишущіе слѣва направо, держатся отвѣснаго или влѣво же наклоннаго почерка, даже и тогда, когда, владѣвши прежде правой рукой, держались косого почерка, наклоннаго вправо. Это поразительное согласіе объясняется анатомической необходимостью писать косымъ почеркомъ, такъ какъ только благодаря этому можно выполнить основное правило: приводить при письмѣ въ дѣйствіе возможно меньшее число мышцъ съ возможно меньшимъ напряженіемъ силы для расходованія потенціальной ихъ энергіи малыми количествами и для повышенія такимъ образомъ дѣятельности ихъ на продолжительную работу“.

Другой спеціалистъ, проф. Цэндеръ, въ Мюнхенѣ, полагаетъ, что при письмѣ весьма существенную роль играетъ перо. Наибольшая трудность при письмѣ помощію пера заключается въ его расщепѣ. Если при письмѣ держать перо отвѣсно, т.-е. въ направленіи его кончика, то начертываться будутъ однѣ только тончайшія черты. Во всѣхъ промежуточныхъ направленіяхъ одна $^1/_2$ кончика пера будетъ волочиться за другою и, пожалуй, мазать. Строки при письмѣ,—предполагая, что локоть лежитъ неподвижно,— идутъ не по прямой линіи, а по дугѣ, радіусъ коей равенъ передней части верхней конечности, а толстыя основныя черты буквъ сходятся къ серединной точкѣ этой дуги. Если-бы мы стали писать по горизонтальной строкѣ, то намъ пришлось бы передвигать предплечіе все болѣе и болѣе вправо: иначе держаться прямой строки было бы невозможно. Обыкновенное (правильное) направленіе пера то, при которомъ кончикъ пера касается бумаги по линіи, идущей кверху, кзади и кнаружи, и притомъ такъ, что всѣ эти три направленія съ горизонтальной плоскостью бумаги образуютъ одинаковой величины углы около 45°. Углы эти, конечно, слегка мѣняются при малѣйшемъ движеніи пишущей руки, равно какъ и при всякой перемѣнѣ въ держаніи пера. Затѣмъ, продолженная линія кончика пера на горизонтально лежащей бумагѣ образуетъ съ поперечной осью тѣла (равно какъ и съ краемъ стола) тоже уголъ въ 45°, а отвѣсно къ этому направленію и толстыя основныя черты будутъ начертываемы

наиболѣе легко, хорошо и рѣзко. При всякомъ другомъ направленіи угрожаетъ то, что влекомая за первою $1/2$ кончика пера будетъ чертить неровныя, колѣнчатыя черты, а иной разъ и брызгать. Ясно, что лучше и удобнѣе писать въ такомъ случаѣ, когда основныя черты— въ направленіи предплечія — начертываются сверху и слѣва внизъ и вправо; а потому, чтобы почеркъ былъ отвѣснымъ и не направлялся кверху и влѣво, приходится или нѣсколько иначе держать перо, или класть косо тетрадь. Еще болѣе относится это къ тому случаю, если почеркъ—какъ при обычномъ письмѣ—будетъ держаться вверху наклона вправо.

Для разрѣшенія вопросовъ, касающихся физіологическаго почерка вообще, физіографологія вынуждена обратиться къ изученію: 1) происхожденія и развитія письменной рѣчи; 2) такъ называемаго зеркальнаго письма; 3) письма лѣвшей; 4) письма самоучекъ и 5) наслѣдственности и родственности почерковъ.

По первому предмету имѣется уже не мало весьма серьезныхъ изслѣдованій *). Новѣйшіе авторы не ограничиваются фактическою частью работы, но пытаются освѣтить и объяснить эволюцію письменныхъ знаковъ со стороны физіологіи, пользуясь имѣющимися въ медицинской литературѣ данными о болѣзненныхъ разстройствахъ почерка. Такова, напр., не разъ уже цитированная мною работа д-ра Кераваля (см. выноску), выполненная имъ по совѣту и плану, данному покойнымъ Шарко. Не сомнѣваясь въ существованіи въ мозгу особаго письменнаго двигательнаго центра, Кераваль приписываетъ ему главную роль въ образованіи такъ называемаго характера почерка, т. е. его индивидуальности. (C'est, probablement, par ce régulateur des mouvements graphiques que l'écriture prend, selon les individus, un cachet si particulier, si personnel, en rapport avec la forme des vibrations de la substance cérébrale qui sont évidemment sous la dépandance du mode de l'émotivité, connu sous le nom de caractère. Page 177). Послѣдняя фраза указываетъ на вѣроятное, въ недалекомъ будущемъ, сближеніе психографологіи съ физіографологіей на почвѣ „психофизіо-

---

*) Можно указать на слѣдующія:

Hamberge, Zuverlässige Nachrichten von den vornehmsten Schriftstellern vom Anfange der Welt bis 1500.

Berger, Ph.—Histoire de l'écriture dans l'antiquité. Paris. 1891.

Keraval, P, d-r. — Le langage écrit, ses origines, son développement et son mécanisme intellectuels. Paris, 1897.

Taylor, I. — The alphabet, an account of the origin and development of letters. London, 1883.

Lenormant. — Essai sur la propagation de l'alphabet phénicien. Paris. 1875.

Kirchhoff. — Studien zur Geschichte des griechischen Alphabets. Berlin. 1887.

Wuttke, H.—Die Enstehung der Schrift, die verschiedenen Schriftsysteme und bas Schriftthum der nichtalphabetarisch schreibenden Völker. Leipzig. 1872.

Faulmann, *S*.—Geschichte der Schrift. Wien. 1880.

логии письма" (la psychophysiologie du langage écrit), о чемъ я уже говорилъ въ главѣ о психографологии. Вліяніе двухъ могучихъ факторовъ эволюціи письменныхъ знаковъ—увеличеніе круга идей и запаса словъ съ одной стороны и необходимость скорописи съ другой—проявляется, какъ показываютъ излѣдованія, вездѣ въ одинаковой формѣ, переводя идеографическое письмо въ силлабическое и, наконецъ, въ алфавитное, причемъ неминуемы промежуточныя стадіи, т. е. соединеніе идеографическихъ знаковъ со слоговыми обозначеніями и силлабическаго письма съ примѣсью отдѣльныхъ буквъ. Въ направленіи письма (справа налѣво, слѣва направо, снизу вверхъ, сверху внизъ) важную роль играетъ письменный матеріалъ, религіозныя вѣрованія, нѣкоторые мѣстные обычаи и проч. Въ началѣ человѣкъ писалъ на неподвижномъ матеріалѣ: на памятникахъ, на камняхъ, на деревѣ, на столбахъ и т. д.; поэтому направленіе его письма, мѣнялось по удобству и фантазіи пишущаго; такъ напр., при писаніи на карнизахъ строки располагались горизонтально, на колоннѣ онѣ шли кругомъ, на столбахъ выводились вертикально и т. д. Опредѣленный характеръ въ направленіи письма сложился только тогда, когда человѣкъ сталъ употреблять подвижной матеріалъ для своего письма, т. е. досчечки, бумагу и т. п.; при письмѣ на такомъ матеріалѣ пишущій могъ не перемѣнять мѣсто и устроиться удобнѣе, согласно требованіямъ анатомическимъ и физіологическимъ. Вуттке (l. c.) обращетъ вниманіе на то, что египтяне стали писать справа налѣво одновременно съ замѣной іероглифическаго письма болѣе удобнымъ, іератическимъ и по той же причинѣ. Изученіе этого момента въ процессѣ развитія письма представляетъ особую важность: въ это именно время начертаніе письменныхъ знаковъ поддается тѣмъ измѣненіямъ, которыя обусловливаютъ построеніе почерка въ зависимости отъ природы пишущаго. Проф. Фогтъ *) приходитъ при этомъ къ заключенію, что направленіе письма подчиняется условіямъ внѣшнимъ и не является результатомъ физіологическихъ требованій. Характеръ письма семитическихъ народовъ, пишущихъ справа налѣво, вырабатывается вслѣдствіе того, что они кладутъ бумагу на доску, которую держатъ лѣвой рукой и постоянно, по мѣрѣ написанія словъ, подвигаютъ вправо, подводя, такъ сказать, бумагу подъ руку, а не наоборотъ, какъ дѣлаемъ мы, пишущіе на бумагѣ, лежащей на столѣ. Правая рука остается, слѣдовательно, безъ движенія и работаютъ только пальцы. Такимъ образомъ, письмо семитовъ даетъ матерьялъ для изученія такихъ начертаній, въ которыхъ совершенно отсутствуетъ работа извѣстной группы мышцъ, участвующихъ въ нашемъ актѣ писанія.

Въ связи съ вопросомъ о естественномъ направленіи строкъ стоитъ

---

*) *Vogt.*—La Revue Scientifique de la France et de l'Etranger 1880, № 52. — *Манасеина, М.* (l. c.) стр. 95.

вопросъ о томъ, всегда-ли всѣ народы писали правой рукой, или же предпочтеніе правой руки передъ лѣвой явилось впослѣдствіи?

Эрленмейеръ (l. c., S. 4) убѣжденъ, что древніе евреи писали первоначально лѣвой рукой въ центробѣжномъ направленіи, т. е., справа налѣво, такъ какъ для правой руки писаніе влѣво было бы движеніемъ центростремительнымъ, приводящимъ, менѣе свойственнымъ акту писанія. Для подкрѣпленія своего вывода, основаннаго на соображеніяхъ „физіологической цѣлесообразности“, Эрленмейеръ ссылается на постановленія Талмуда (Tractat Menachot, pag. 37 b.), гдѣ подписи на молитвенныхъ ремняхъ (Tefillin) и столбиковыя надписи (Messussot) должны быть писаны *правой* рукой; въ комментаріяхъ же къ Талмуду (Schulchau Aruch Cgajim Kap. 32, § 5) сказано, что при недостаткѣ ремней, писанныхъ правой рукой, можно употреблять для молитвы писанные лѣвою рукою. „Отсюда очевидно“, говоритъ Эрленмейеръ, что молитвенные ремни и столбиковыя надписи, написанные лѣвою рукою, встрѣчались чаще, чѣмъ писанныя правою рукой; слѣдовательно, обычно всѣ писали лѣвою рукою *)“. Такимъ образомъ, слѣдовало предположить, что древніе евреи были правши по мозгу и лѣвши по рукѣ; иначе говоря, наиболѣе развитой центръ словесной и письменной рѣчи находился въ извилинѣ Брока не лѣваго полушарія мозга, а праваго. Противъ сдѣланнаго Эрленмейеромъ предположенія есть, однако, много вѣскихъ возраженій **). Лѣвостороннее положеніе сердца обусловливаетъ лучшее питаніе лѣвой половины мозга и этимъ объясняется предпочтеніе правой стороны лѣвой во всѣ времена и у всѣхъ народовъ (Граціоле, Гиртль, Мертенсъ). Признавъ это, слѣдуетъ предположить, что писаніе правой рукой нормально, и такъ какъ центробѣжное движеніе руки легче центростремительнаго (меньше утомляетъ), то письмо правой рукой слѣва направо и есть дѣло привычки, выработавшейся подъ вліяніемъ обычаевъ, вѣрованій, природы письменныхъ матеріаловъ и т. п., но представляетъ естественный результатъ стремленія облегчить трудъ писанія и обставить его большими удобствами, согласно требованіямъ организма.

Любопытно еще, для разъясненія того же вопроса, указаніе Вуттке (l. c.) на соотношеніе греческаго и римскаго алфавита съ письменными знаками древнѣйшихъ памятниковъ фонетическаго письма, а именно: надписи на гробницѣ царя Ашманазора (надпись эта теперь въ Луврѣ),

---

*) *Alsberg.*—Rechtshändigkeit u. Linkshändigkeit. Hamburg, 1894.

**) Эрленмейеръ говоритъ, что онъ усердно искалъ историческія справки, доказывающія, что древніе были лѣвшами, но кромѣ вышеприведенной, данной ему раввиномъ Фроммъ во Франкфуртѣ, ничего найти не могъ. Извѣстный археологъ Мортилье тоже увѣренъ, что древніе люди были лѣвши; по его словамъ, изъ 354 извѣстныхъ ему доисторическихъ рисунковъ неолитической эпохи, по крайней мѣрѣ 195 сдѣланы лѣвою рукою. (*Петри, Э.*—Антропологія. 1895—97 гг. Т. II стр. 252).

найденной близъ Сидона въ 1855 г. и надписи на черной каменной глыбѣ моавитянскаго царя Мешо; та и другая надписи относятся ко времени болѣе чѣмъ за 1000 л. до Р. Х. Вуттке не сомнѣвается, что буквенные знаки этихъ надписей были родоначальниками буквъ греческихъ и римскихъ, причемъ обращаетъ вниманіе на то, что соотвѣтственныя буквы надписей оказываются перевернутыми буквами позднѣйшихъ алфавитовъ, напр., К изображалось Ɜ и т. д. Далѣе, когда буду говорить о зеркальномъ письмѣ, выяснится отношеніе этого факта къ гипотезѣ Эрленмейера.

По статистическимъ даннымъ, лѣвши составляютъ 3—4 %, но это справедливо только относительно тѣхъ, у кого лѣвосторонность выражена явно и полно; въ дѣйствительности между крайнимъ лѣвшой и и крайнимъ правшой есть множество промежуточныхъ состояній. Отношеніе правосторонности къ лѣвосторонности у всѣхъ различно; иными словами, каждому человѣку присущъ свой коэффиціентъ правосторонности. Это доказывается динамометрическими измѣреніями *). Фактъ этотъ чрезвычайно важенъ для почерковѣдѣнія потому, что даетъ освѣщеніе наблюденіямъ Герикура о десктрагирныхъ и синистрагирныхъ почеркахъ, о которыхъ я уже говорилъ выше (см. стр. 246). Чтобы уяснить эту связь, необходимо сказать нѣсколько словъ о такъ называемомъ *зеркальномъ письмѣ*.

Зеркальнымъ письмомъ (Spiegelschrift) называется такое письмо, которое можно читать по отраженію его въ зеркалѣ; точно такъ же отраженіе въ зеркалѣ обыкновеннаго письма будетъ зеркальнымъ. Рукопись, писаная на бумагѣ литографской тушью и переведенная на литографскій камень выйдетъ на этомъ камнѣ *зеркально*. Въ 1878 году д-ръ Бухвальдъ первый обратилъ вниманіе на случаи, въ которыхъ больные пишутъ лѣвой рукой зеркально, напр. при параличѣ правой руки. Вслѣдъ за Бухвальдомъ изслѣдованіемъ зеркальнаго письма занялись другіе ученые и въ настоящее время по этому предмету имѣется довольно большая литература **).

---

*) *Riccardi*, P.—Nuove richerche intorno agli sforzi muscolari di compressione Arch. p. l'Antropologia. v. XIX 1889.

**) *Buchwald*, d—r.—Spiegelschrift bei Hirnkranken. Berl. klin. Wochenschrift. 1878, № 1.

Berlin, prof.—L'écriture chez les gauchers. 1883.

Cahen-Brach. Über das Vorkommen v. Spiegelschrift. Deutsch. Arch. f. Klin. Megicin, LI, s. 141.

Durand, d—r.—De l' écriture au miroir. 1882.

Sober, d—r.—Quelques considérations sur l' écriture des gaucher etc. Thèse de doctorat. Lyon, 1886.

Maack. F. d—r.—Trepographie. Drehschrift, primäre und secund. Spiegelschrift. 1896. Berichte über d. III internat. Psychol. Congr. S. 338.

Soltmann.—Schrift und Spiegelschrift bei gesunden und kranken Kindern. 1890. Festschrift zu Henoch's Jubiläum. Berlin, Hirschwald. S. 432—460.

Vogt, prof.—La Revue scient. de la France et de l'Etranger, 1880, № 52.

Больной д-ра Бухвальда (Готлибъ Гертнеръ, 45 лѣтъ, работникъ) получилъ параличъ правой стороны и долженъ былъ писать, поэтому, лѣвой рукой. Письмо выходило у него зеркальнымъ, справа налѣво; несмотря на усилія, онъ не могъ писать слѣва направо, а когда ему предложили скопировать его фамилію, онъ начиналъ правильно, но скоро сбивался на зеркальное письмо. Когда ему предлагали рѣшить ариѳметическую задачу, причемъ цифры были написаны обыкновеннымъ способомъ слѣва направо, онъ производилъ дѣйствіе какъ и всѣ люди, но результатъ подписывалъ зеркально.

Въ Амброзіанской библіотекѣ, въ Миланѣ, хранится рукописное сочиненіе Леонарда да-Винчи „Codex atlanticus", писаное все сплошь зеркально. Первоначально предполагали, что Леонардо да-Винчи потому писалъ зеркально, что желалъ скрыть содержаніе рукописи отъ современниковъ, опасаясь преслѣдованій; только недавно обнаружилось изъ одного манускрипта Неаполитанской національной библіотеки (Антонія де-Беатисъ, 1517 г.), что правая рука да-Винчи была парализована *).

Профес. Фогтъ произвелъ опыты надъ 100 вполнѣ здоровыми людьми, которыхъ онъ заставлялъ писать то правой рукой, то лѣвой и убѣдился, что лѣвая рука имѣетъ естественное стремленіе писать зеркально, тогда какъ для правой руки такое письмо затруднительно. Во всѣхъ опытахъ писано было одно и то же слово (Авель) и изъ 100 такихъ подписей только 15 оказались писанными нормально и то съ нѣкоторыми зеркальными буквами; остальныя 84 были зеркальными.

Д-ръ Перетти дѣлалъ подобные же опыты съ 200 учениками школы, которыхъ заставлялъ писать быстро, лѣвой рукой, съ открытыми глазами, подъ диктовку. Результатъ получился слѣдующій: 11 человѣкъ написали всю диктовку зеркально, 8 написали слова не зеркально, а цифры *всѣ* зеркально; 31 ученикъ написали только нѣкоторыя цифры зеркально, остальное же все обыкновеннымъ письмомъ. Оказалось, что изъ 200 учениковъ 25 были левши не въ одинаковой степени, что и должно было отразиться на ихъ способности писать зеркально. Лучшее зеркальное письмо вышло у слабоумнаго

Treitel, L.—Über das Schreiben mit der linken Hand. Deutsch. Zeitschr. f. Nervenheilk IV. S. 277.

Peretti, d-r.—Spiegelschrift. Berl. klin. Wochenschr. 1882, s. 477.

Ireland, W.— Mirror writing.—Brain, A Journ. of. Neurologie 1882, p. 361.

Erlenmeyer, A. d—r.—Die Schrift. Stuttgart. 1879.

Манасеина, М. (l. c.).

Küthe,—Agraphie im Vorläuferstadium des epileptischen Anfalles. Archiv für. Psychiatrie und Nervenkrankheiten, 1880, 10.

*) *Schmidt,* I. d-r.—Gartenlaube, 1878, № 16. De Beatis sagt in dem erwähnten Tagebuch von ihm, „dass nicht mehr viel Gutes in der Malerei von ihm zu erwarten sei, da eine Lähmung der rechten Hand ihn dazu untüchtig mache".

лѣвши, братъ котораго тоже лѣвша. Затѣмъ, д-ръ Перетти производилъ опыты надъ одновременнымъ писаніемъ обѣими руками, съ закрытыми и открытыми глазами, надъ гипнотизированными субъектами, надъ правосторонними паралитиками, и т. п. Выводы изъ наблюденій получились слѣдующіе: 1) зеркально пишутъ лѣвой рукой большей частью люди съ слабымъ умственнымъ развитіемъ и малолѣтніе, тогда какъ взрослые и особенно интеллигентные люди могутъ писать лѣвой рукой слѣва направо нормальнымъ почеркомъ, сбиваясь на зеркальный большей частью въ цифрахъ; 2) что писать одновременно обѣими руками въ центробѣжномъ направленіи легче, чѣмъ въ центростремительномъ. Къ сходнымъ результатамъ пришелъ и Кюте, дѣлавшій опыты надъ дѣтьми разныхъ возрастовъ. Всѣ изслѣдователи согласны между собою и въ томъ, что зеркальное письмо естественно для лѣвой руки, т. е. составляетъ явленіе физіологическое.

Весьма интересные опыты были произведены г-жей М. Манасеиной. Опыты дѣлались два года и въ общей сложности набралось за это время двѣ тысячи двѣсти четыре пробныхъ письма. Для опытовъ брали всегда или короткую фразу, или еще чаще отдѣльныя слова; при этомъ, дѣлая нѣсколько опытовъ на одномъ и томъ-же субъектѣ, г-жа Манасеина мѣняла задаваемыя для письма слова для того, чтобы устранить вліяніе упражненія и привычки. Всѣ опыты распадались на четыре группы, а именно въ 1) испытуемыхъ субъектовъ просили возможно быстро написать то или иное слово лѣвой рукой, предоставляя имъ полную свободу въ выборѣ направленія; во 2) ихъ заставляли писать одновременно и правой и лѣвой рукой въ центробѣжномъ направленіи и, притомъ, а) при открытыхъ глазахъ и б) при закрытыхъ; 3) за спиною. Большинство изслѣдованныхъ были взрослые люди и при томъ преимущественно въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ; общее число изслѣдованныхъ дѣтей состояло всего только изъ 6 человѣкъ въ возрастѣ 7—14 лѣтъ; малограмотныхъ людей (солдатъ и крестьянъ) изслѣдовано 10 человѣкъ; а людей болѣе или менѣе образованныхъ 106 чел. Людей въ возрастѣ 59—70 лѣтъ въ опытахъ было всего только 4.

Опыты дали слѣдующіе результаты: во 1) чѣмъ хуже данный субъектъ владѣетъ письмомъ, тѣмъ легче онъ избираетъ при писаніи лѣвой рукой центробѣжное направленіе и пишетъ зеркальнымъ почеркомъ; вслѣдствіе этого дѣти и малограмотные люди изъ 160 пробъ дали зеркальный почеркъ въ 132; во 2) изъ 16 человѣкъ дѣтей и малограмотныхъ людей вмѣстѣ взятыхъ только 2 чел. давали постоянно лѣвой рукой нормальное центростремительное письмо. Достойно замѣчанія, что эти субъекты отличались отъ другихъ своей находчивостію, способностію быстро схватывать и передразнивать различныя мимическія движенія, своею ловкостію въ различныхъ ручныхъ работахъ. Въ 3) взрослые люди образованнаго класса общества изъ 200 пробъ дали все сплошь зеркальнымъ почеркомъ всего только 8 пробъ, да въ 17 попадались отдѣльныя буквы, написанныя зеркально, но затѣмъ зачеркнутыя и исправленныя. Обыкновенно этого рода ошибки приходились на первыя буквы слова; такъ что, повидимому, испытуемые субъекты сначала, по первому побужденію, хотѣли писать центробѣжно и зеркально, но затѣмъ успѣвали сообразить, что лѣвой рукой надо писать центростремительно. Въ 4) старики изъ 45 пробъ 36 написали зеркаль-

нымъ, 9 нормальнымъ письмомъ. Въ 5) люди съ рѣзко опредѣленнымъ ego и съ сильно развитымъ сознаніемъ, когда ихъ просятъ писать лѣвой рукой, при открытыхъ глазахъ, и притомъ непремѣнно въ центробѣжномъ направленіи, начинаютъ выставлять отдѣльныя буквы, написанныя нормальнымъ почеркомъ, въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, въ которомъ эти буквы входятъ въ составъ требуемаго слова.

Опыты второй группы давали почти всегда одинъ и тотъ же результатъ, и именно зеркальное письмо для лѣвой руки. Особенно хорошо это письмо выходило въ тѣхъ случаяхъ, когда испытуемые субъекты писали одновременно обѣими руками, при закрытыхъ глазахъ, исходя изъ центра и устраняя по возможности всякое участіе сознанія изъ акта письма. Нормальнаго письма лѣвая рука при только что описанныхъ условіяхъ не давала ни разу; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ она измѣняла направленіе письма и вмѣсто того, чтобы писать въ центробѣжномъ направленіи, какъ правая рука, начинала писать центростремительно и тогда письмо получалось нормальное. Изъ 100 пробъ, написанныхъ при открытыхъ глазахъ, это явленіе встрѣтилось въ 8 случаяхъ; а изъ 100 пробъ аналогичнаго рода, полученныхъ при закрытыхъ глазахъ, подобное самовольное измѣненіе направленія со стороны лѣвой руки было замѣчено въ 20 случаяхъ. Кромѣ того, въ 10 случаяхъ при открытыхъ глазахъ и въ 5 при закрытыхъ писавшіе субъекты заявляли, что они не могутъ выполнить требуемое отъ нихъ, и лѣвая рука писала у нихъ вмѣсто буквъ какіе-то невообразимо уродливые штрихи, перепутанные другъ съ другомъ.

На основаніи этихъ и другихъ опытовъ (которые для моей цѣли не имѣютъ значенія), г-жа Манасеина высказываетъ мысль, что чѣмъ лучше данный субъектъ будетъ владѣть своими мышцами и чѣмъ больше, слѣдовательно, будетъ развита его сообразительность по отношенію къ мышечнымъ движеніямъ, тѣмъ рѣже онъ будетъ писать зеркальнымъ письмомъ лѣвой рукой; такъ какъ онъ быстро сообразитъ, что симметричныя движенія лѣвой руки не дадутъ требуемаго результата. Теперь я могу возвратится къ поясненію связи между изслѣдованіями Герикура и результатами, которые дали опыты надъ зеркальнымъ письмомъ.

Я говорилъ уже, что Герикуръ замѣтилъ, что нѣкоторые люди легче начертываютъ правокружныя линіи, т. е. идущія слѣва направо; другіе же наоборотъ, болѣе склонны къ писанію лѣвокружныхъ линій, идущихъ справа налѣво. Въ большей или меньшей степени тотъ или другой характеръ можно уловить во всѣхъ почеркахъ, а также замѣтить, что рисунки буквъ въ скорописи строятся сообразно съ декстрогирностью или синистрогирностью письма. Опытъ показывалъ, что декстрогирующіе довольно легко и твердо пишутъ правой рукой въ центростремительномъ направленіи *зеркальнымъ* почеркомъ, тогда какъ у синистрогирующихъ лѣвая рука безъ очень большихъ усилій пишетъ *нормальнымъ* почеркомъ тоже въ центростремительномъ направленіи. Между способностью къ зеркальному письму и декстрогирностью почерка есть несомнѣнная зависимость, законы которой опредѣлятся

только большимъ числомъ правильно поставленныхъ опытовъ. Съ другой стороны уже извѣстно, что къ зеркальному письму болѣе способны лѣвши, чѣмъ правши; очевидно, декстрогирность и синистрогирность почерка опредѣляется тѣмъ, будетъ ли пишущій правшой или лѣвшой и въ какой мѣрѣ, то есть коэффиціентомъ правосторонности.

Далѣе, если наша правосторонность есть результатъ лучшаго питанія лѣваго полушарія мозга, благодаря положенію сердца нѣсколько вправо, то, соотвѣтственно, должна существовать нѣкоторая ассиметрія черепа и лица. Дѣйствительно, по удостовѣренію антропологовъ, занимавшихся вопросомъ ассиметріи, почти не встрѣчается людей, у которыхъ совсѣмъ нельзя замѣтить черепной и лицевой ассиметріи. По Гессе *), преобладаетъ (какъ и слѣдовало ожидать) лѣвая половина черепа и отъ этого носъ выходитъ кривымъ, глаза и уши не на одной высотѣ и проч. Въ этомъ сходятся всѣ изслѣдователи (Ферэ, Ранке, Френкель и др.) и даже въ классическихъ статуяхъ, включая Венеру Милосскую, находятъ ассиметрію черепа и лица **). Такимъ образомъ мы подошли къ доказательству прямой зависимости одного изъ элементовъ почерка—декстрогирности—отъ строенія черепа и даже отъ постановки носа, ушей и глазъ пишущаго. Такъ какъ всѣ три перемѣнныя этой функціи (строеніе черепа, коэффиціентъ правосторонности и степень декстрогирности) могутъ быть измѣрены и выражены числовыми величинами, то, a priori, названная зависимость должна представлять математическую функцію этихъ трехъ перемѣнныхъ. Можемъ, поэтому, надѣяться, что и въ области почерковѣдѣнія измѣреніе и математика откроютъ намъ постоянные законы и поставятъ эту отрасль знанія въ рядъ точныхъ наукъ.

Пользованіе почерковѣдѣніемъ для обнаруженія ручныхъ поддѣлокъ почерковъ получаетъ твердое основаніе въ увѣренности, что между элементами каждаго почерка есть неизмѣнная связь. Недостаточно, напримѣръ, передать рисунки буквъ, но необходимо чтобы уклоны линій, изгибъ вправо или влѣво, отношеніе высоты къ длинѣ и проч. строго отвѣчали одно другому, т. е. не находились въ взаимномъ противорѣчіи. Мы видѣли, что конструкція глазъ пишущаго, вмѣстѣ съ построеніемъ его туловища, опредѣляютъ уголъ наклоненія бумаги къ основной линіи; въ свою очередь, этотъ уголъ даетъ большій или меньшій изгибъ длиннымъ штрихамъ; направленіе изгиба вправо или влѣво

*) *Hesse.*—Über Gesichtassimmetrie, His und Braunes Archiv f. Anaitome, 1887, S. 118.

Traenkel.—Etwas über Schädelassimmetrie. Neurolog. Centralblatt 1888, № 15.

**) Любопытно, что Корръ нашелъ рѣзко выраженную ассиметрію у 63,6% лицъ, обвиняемыхъ въ совершеніи подлоговъ (Corre. Les criminels. Paris, 1889).

тоже будетъ не случайнымъ, а подчинится декстрогирности или синистрогирности пишущаго и т. д. Нельзя произвольно вырвать изъ почерка элементъ и замѣнить его любымъ другимъ не нарушивъ общую гармонію.

Для изученія почерковъ въ нашемъ распоряженіи имѣются слѣдующія средства: 1) самонаблюденіе; 2) наблюденіе надъ актомъ письма, совершаемымъ въ нашемъ присутствіи другими лицами; 3) коллекціонированіе образцовъ, съ распредѣленіемъ ихъ на группы, соотвѣтственно физическимъ особенностямъ писавшихъ; 4) измѣреніе.

Очень немногіе люди наблюдаютъ за своимъ письмомъ, потому что во время писанія мы слишкомъ заняты содержаніемъ рукописи и намъ трудно удѣлять вниманіе на изученіе процесса письма. Чтобы съ успѣхомъ производить наблюденія надъ своимъ почеркомъ, необходимо практиковаться въ подражаніи чужимъ и пробовать измѣнять свой собственный. Въ томъ и другомъ случаяхъ получится представленіе о главныхъ составныхъ частяхъ, неподдающихся совсѣмъ или плохо поддающихся копированію или измѣненію. Если, написавъ что-либо обыкновеннымъ почеркомъ и то же самое измѣненнымъ, сравнимъ оба произведенія нашей руки, мы замѣтимъ, что не смотря на все стараніе измѣнить почеркъ, остается что-то общее между сравниваемыми письменами. Эта индивидуальность письма становится сильнѣе вмѣстѣ съ возрастаніемъ связности нашего почерка и быстроты скорописи, но она чувствовалась и тогда, когда буквы больше рисовали, чѣмъ писали*).

Опытъ лучше всего удается такъ: 1) списать нѣсколько строкъ *чужой* рукописи *своимъ* обыкновеннымъ почеркомъ; 2) списать эти же строки измѣненнымъ почеркомъ; 3) попытаться воспроизвести то же мѣсто рукописи свободнымъ движеніемъ руки, поддѣлываясь подъ почеркъ, которымъ рукопись писана.

Какое-то сходство непремѣнно окажется между тремя нашими образцами и мы не будемъ удовлетворены ни измѣненіемъ, ни поддѣлкой. Всматриваясь внимательно въ эти пробныя письмена замѣтимъ, что не смотря на различіе рисунковъ буквъ, высоты ихъ, уклона, разгона почерка и т. п., осталось отъ нашего нормальнаго почерка нѣчто неуловимое, но преобладающее надъ всѣмъ остальнымъ. Это нѣчто сличители-каллиграфы называютъ „характеромъ“ почерка, а почерко-

---

*) *Соловьевъ*. Исторія Россіи, Т. VIII гл. IV стр. 814. Изд. 2-е. Тов. Общ. Польза. „На Московскихъ улицахъ появились подметныя грамоты, въ которыхъ упрекали Москвитянъ въ неблагодарности къ Димитрію, спасшемуся отъ ихъ ударовъ и грозили возвращеніемъ его, для наказанія столицы, не позже 1 сентября тогдашняго новаго года. Царь велѣлъ созвать всѣхъ дьяковъ и *сличить почерки*...

вѣды—построеніемъ письма. Само собой разумѣется, что это непреоборимое построеніе гораздо важнѣе для насъ всего остального въ почеркѣ, того что такъ легко удалось изъ него выключить. Составныя части построенія называются *основными* элементами почерка, а остальные элементы дѣлятся на три группы: 1) *усвоенные*, т. е. тѣ, которые вошли въ почеркъ благодаря обученію и подражанію; 2) *временные*, порождаемые болѣзненными измѣненіями организма пишущаго и 3) *случайные*, обязанные своимъ происхожденіемъ случайнымъ причинамъ, напр. непривычной жесткости или мягкости пера, высотѣ стола или стула и т. п.

Подъ *построеніемъ* почерка понимается такая комбинація основныхъ элементовъ, въ которой каждый изъ послѣднихъ не самостоятеленъ, но обусловленъ всѣми остальными и ихъ взаимнымъ соотношеніемъ. Нельзя назвать основнымъ элементомъ такой, который можетъ быть замѣненъ всякимъ другимъ безъ вліянія на общую связь элементовъ; такой элементъ будетъ или усвоеннымъ или временнымъ или случайнымъ.

Эта-то постоянная связь между основными элементами и составляетъ характеръ почерка, то самое таинственное нѣчто, отъ котораго такъ трудно освободиться даже при полной замѣнѣ рисунковъ буквъ другими. Поэтому, всѣ усилія при изученіи почерковъ вообще должны быть направлены: 1) къ умѣнью выдѣлить основные элементы и 2) изслѣдованію ихъ взаимной зависимости. Если въ поддѣланномъ почеркѣ, какъ всегда бываетъ, построеніе оригинала не соблюдено въ точности, т. е. нѣтъ *необходимой* зависимости между всѣми элементами, письмо производитъ впечатлѣніе не свободно выполненнаго, но рисованнаго, хотя бы самыя линіи и были тверды, ровны, безъ слѣдовъ дрожанія руки.

Основные элементы выдѣляются двумя способами— прямымъ обозрѣваніемъ почерка и предварительнымъ исключеніемъ временныхъ, случайныхъ и усвоенныхъ, въ этой именно послѣдовательности. Обоими способами пользуются совмѣстно.

Прямымъ обозрѣваніемъ выдѣляются такіе основные элементы какъ декстрогирность и синистрогирность, изгибъ штриховъ (длинныхъ), коэффиціентъ напряженія и проч., о которыхъ уже говорено выше.

Выключеніе начинается съ временныхъ элементовъ, т. е. обязанныхъ своимъ происхожденіемъ какой-нибудь болѣзни. Мы знаемъ, что нѣкоторые изъ временныхъ элементовъ, напр. дрожаніе, атаксія, ударность и т. п. легко различаются и, слѣдовательно, могутъ быть выключены безъ труда. Есть, однако, и такіе временные элементы, которые можно усмотрѣть только при изслѣдованіи рукописей разновременно писанныхъ съ возможно большими промежутками. Случается, что подъ

вліяніемъ не очень значительнаго разстройства какой-либо части письменно-двигательнаго аппарата больной вынужденъ, для удобства, замѣнять прежніе рисунки буквъ другими; иногда это дѣлается постепенно, иногда же (при травматическихъ поврежденіяхъ) сразу. Изслѣдованіе этого рода представляетъ чрезвычайный интересъ и очень часто приводитъ къ неожиданнымъ открытіямъ.

Элементы случайные легко узнаются: характерный признакъ ихъ заключается въ томъ, что они совсѣмъ или почти не вліяютъ на общее построеніе почерка. Таковы, напримѣръ, разрывы между буквами (я говорилъ выше, что бываютъ и болѣзненные разрывы, которые нужно умѣть отличать); сдвинувъ разставленныя буквы мы ничуть не измѣнимъ построеніе почерка.

Временные элементы или рисунки буквъ имѣютъ связь съ построеніемъ, такъ какъ являются результатомъ продолжительной борьбы между требованіями школьной прописи и тѣми дѣятелями, которые строятъ почеркъ. Всматриваясь внимательно въ любой почеркъ, мы всегда замѣтимъ, что нѣкоторыя буквы сохраняютъ нормальный рисунокъ прописей, другія же получили своеобразныя формы вслѣдствіе вліянія основныхъ элементовъ и ихъ связи между собою.

Чтобы различать всѣ эти элементы нужно пріобрѣсти нѣкоторый навыкъ, какъ и во всякомъ способѣ наблюденія. Навыкъ этотъ пріобрѣтается, какъ сказано, копированіемъ чужихъ почерковъ и измѣненіемъ своего собственнаго.

Измѣненіе и копированіе необходимо производить параллельно, потому что первымъ мы достигаемъ возможнаго несходства съ обычнымъ нашимъ письмомъ, т. е. устраняемъ изъ него все, что доступно устраненію; вторымъ мы достигаемъ возможно большаго сходства копіи съ оригиналомъ и вынуждены тоже устранять элементы своего почерка, но не тѣ, которые устранялись при измѣненіи, а другіе. Такимъ образомъ мы сближаемъ предѣлы, между которыми остается наиболѣе трудно устранимое, т. е. то, что крѣпче всего держится въ нашемъ почеркѣ.

Опытъ усложнится, если мы попросимъ другихъ лицъ написать нѣсколько тождественныхъ строкъ и будемъ копировать каждую изъ этихъ рукописей, сравнивая съ своими, нормальной и измѣненной. Такимъ образомъ предѣлы еще болѣе сблизятся.

Такія предварительныя упражненія пріучатъ насъ, слѣдя за своимъ письмомъ, обращать вниманіе на главныя составныя его части и отдѣлять ихъ отъ второстепенныхъ, случайныхъ.

Содержаніе письма не безразлично: слѣдуетъ выбирать фразы, въ которыхъ по возможности больше словъ не часто употребляемыхъ, даже лучше если совсѣмъ незнакомыхъ пишущему. Дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы исключить изъ опытовъ такъ называемую память мышцъ,

которая способна очень и очень мѣшать ясности результатовъ копированія и измѣненія. Очертанія словъ часто употребляемыхъ въ письмѣ дѣлаются привычными мышцамъ, участвующимъ въ актѣ писанія въ такой мѣрѣ, что устраненію трудно поддаются не только основные элементы, но и другіе, обычно не такъ прочно сохраняющіяся въ почеркѣ; понятно, что это обстоятельство легко можетъ ввести въ заблужденіе при сравненіи пробныхъ рукописей. Привычныя намъ слова мы пишемъ быстрѣе чѣмъ другія, незнакомыя; болѣе того, мы пишемъ ихъ съ большей быстротой, чѣмъ въ состояніи составить мысленное представленіе о соотвѣтствующемъ актѣ письма *).

Разнообразить опыты можно въ широкихъ размѣрахъ, выдвигая или укорачивая конецъ пера, перекладывая его то на большой, то на указательный пальцы, опирая кость то на мизинецъ, то на мякоть и т. п. При каждомъ опытѣ слѣдуетъ наблюдать время, употребленное на написаніе извѣстной фразы, измѣряя его по секундомѣру и потомъ отмѣчать запись на самой рукописи. Можно (и даже необходимо для полноты опытовъ) перемѣнять перья, вставки, положеніе бумаги на столѣ, высоту стола и стула и т. д.

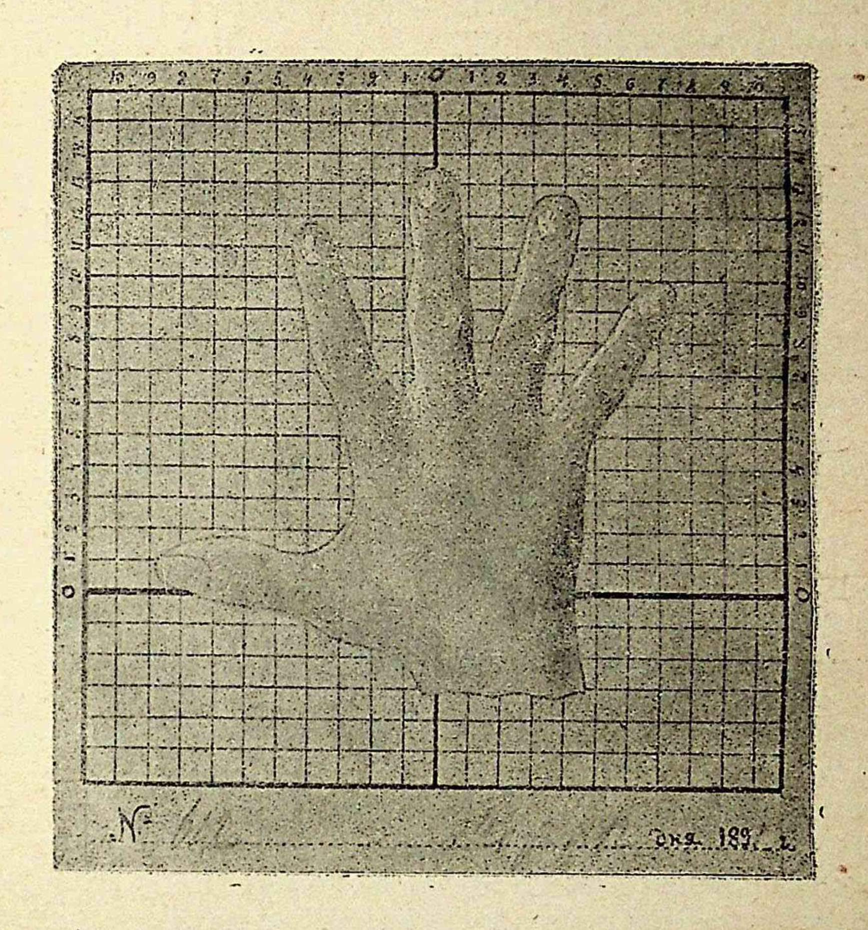
Такимъ образомъ мы изучимъ, прежде всего, свой собственный почеркъ.

Наблюденіе за актомъ письма, совершаемымъ другими лицами производится при помощи фотографическаго аппарата. Для этой цѣли можетъ служить всякій ручной аппаратъ, такъ какъ требуется только получать снимки кисти руки во время акта письма. По снимкамъ мы увидимъ, что положеніе всей руки и отдѣльныхъ пальцевъ у всѣхъ различно: одни прикасаются къ столу мякотью, другіе концомъ мизинца и т. п. Можно устроить для этой цѣли особую камеру надъ столомъ, для того, чтобы всѣ снимки получались одного размѣра. Разсматривая рукописи и изучая, въ то же время, положенія руки и пера, мы найдемъ зависимость между нѣкоторыми элементами почерка и манерой держать руку.

Кромѣ этихъ снимковъ руки во время акта письма, дѣлаютъ еще другіе снимки, измѣрительные. Для этой цѣли приготовляютъ доску, оклеенную бѣлой бумагой или выкрашенную бѣлой краской и наносятъ на нее сѣтку изъ взаимно перпендикулярныхъ линій, одна отъ другой на разстояніи 1/2 сантиметра. Линіи отмѣчаются, по краямъ доски цифрами, причемъ *0* приходится у среднихъ линій, горизонтальной и вертикальной. Рука кладется на сѣтку такъ, чтобы средній палецъ находился на одной изъ нулевыхъ линій; въ такомъ положеніи дѣлается снимокъ въ камерѣ, помѣщенной подъ доской. Изготовленные такимъ

*) *Buccola.* — La memoria organica nel mecanismo della scrittura. Rivista di filosofia scientifica, т. II.

образомъ снимки нужны для того, чтобы уяснить значенiе анатомическаго строенiя руки для образованiя почерка.

Лицъ, которыя согласятся дать образцы своего почерка и сдѣлать снимки съ ихъ рукъ, необходимо попросить еще объ одномъ одолженiи: *написать тѣ же строки, но съ закрытыми глазами.* Эта провѣрка очень важна потому, что всегда обнаруживаетъ существованiе разстройства почерка, выступающее въ такомъ письмѣ съ полной наглядностью.

Сбираемые, такимъ образомъ, образцы почерковъ вмѣстѣ съ снимками рукъ коллекцiонируются съ распредѣленiемъ по группамъ, принимая во вниманiе физическiя особенности писавшаго. Такъ какъ одинъ и тотъ же почеркъ можетъ принадлежать двумъ или болѣе группамъ, то съ образцовъ дѣлаются копiи на свѣтопечатной бумагѣ, употребляемой обыкновенно для копированiя чертежей. Не слѣдуетъ наклеивать образцы въ тетрадь или альбомъ, потому что въ такомъ случаѣ нельзя будетъ ихъ сравнивать между собою.

Самые удобные альбомы для этихъ коллекцій тѣ, которые употребляются для иллюстрированныхъ открытыхъ писемъ. При каждомъ образцѣ почерка должны быть приложены свѣдѣнія о писавшемъ, приблизительно слѣдующія:

Имя, отчество и фамилія.	
Лѣта	51.
Зрѣніе	Дальноз.
Пишетъ въ очкахъ №	Безъ.
Длина средняго пальца . . .	Цифры по сѣткѣ.
Ширина кисти руки	Цифры по сѣткѣ.
Постоянное занятіе	Чиновникъ.
Выбралъ перо	Мягкое (означ. марки).
Степень образованія	Средн. уч. зав.

Особыя свѣдѣнія: (косоглазитъ внутрь, алкоголикъ въ слабой степени, два мѣсяца назадъ болѣлъ тифомъ и т. п.).

Съ такого образца придется сдѣлать нѣсколько свѣтопечатныхъ копій, которыя распредѣляются по слѣд. группамъ: 1) мужчинъ за 50 лѣтъ; 2) дальнозоркихъ; 3) по №№ сѣтки и пр.

Изученіе движеній пишущей руки можетъ быть производимо только при помощи *хронофотографіи*. Подъ именемъ *хронофотографіи* разумѣется вообще фотографированіе движущагося тѣла черезъ опредѣленные промежутки времени или во все время движенія. Первые опыты хронофотографіи были произведены Онимусомъ и Мартеномъ, изучавшими дѣятельность сердца животныхъ. Въ 1874 году астрономъ Janssen, директоръ обсерваторіи въ Медонѣ, представилъ французской академіи изобрѣтенный имъ фотографическій аппаратъ-револьверъ для полученія ряда снимковъ съ планеты Венеры во время ея прохожденія. Послѣ того появились хронофотографическіе аппараты для разныхъ научныхъ цѣлей: Марей построилъ аппаратъ для изученія бѣга животныхъ и полета птицъ; Сальеронъ для наблюденій надъ атмосфернымъ электричествомъ; Маскаръ для отмѣтки колебаній игры гальванометра; લондъ для медицинскихъ изслѣдованій; генералъ Себеръ для военно-морскихъ наблюденій и др. Позже Гринъ (Green) и Больцманъ (Boltzman) произвели изслѣдованія надъ звуками человѣческой рѣчи и получили на фотографическихъ негативахъ графическія изображенія колебаній, соотвѣтствующихъ различнымъ буквамъ алфавита (Phot. News, № 1640.—Bullet. de la Soc. franc. de photogr. 1889). Новѣйшіе аппараты позволяютъ сдѣлать до 80 снимковъ въ секунду съ быстро движущагося предмета и, такимъ образомъ, разложить движеніе на составные моменты.

Для полученія хронофотографіи бѣгущаго человѣка поступаютъ слѣдующимъ образомъ. Хронофотографическій аппаратъ помѣщаютъ противъ черной стѣны; человѣка одѣваютъ въ черный костюмъ и только вдоль рукава и ноги нашиваютъ бѣлую тесьму, а также сбоку ступни; по командѣ человѣкъ пускается въ бѣгъ между стѣной и аппаратомъ и, въ тоже время, аппаратъ начинаетъ дѣйствовать, отворяя и закрывая объективъ 20 или 30 разъ въ секунду.

Возвращаюсь къ почеркамъ. Фотографія облегчила, какъ я показалъ выше, изслѣдованіе рукописи (результата писанія), но самый актъ письма, т. е. работа руки, отдѣльныхъ пальцевъ, участвующихъ въ начертаніи, оказалось возможнымъ изучать только при помощи хронофотографическаго аппарата. Движеніе руки хронофотографируется такъ же, какъ движеніе бѣгущаго человѣка, т. е. руку одѣваютъ въ черную перчатку съ нашитыми вдоль пальцевъ бѣлыми шнурками (если изслѣдуется работа пальцевъ) или съ блестящей пуговкой (если изучается работа какого-нибудь мускула). Писаніе производится на черной бумагѣ бѣлой краской *). Въ то время, когда рука успѣетъ написать одну букву, аппаратъ снимаетъ ее на пластинкѣ (или на пленкѣ) 15—20 разъ. Разсматривая полученные снимки, мы можемъ узнать во всѣхъ подробностяхъ роль каждаго сустава или мускула въ начертаніи линій, закругленій, утолщеній и вообще элементовъ почерка. Пользуясь хронофотографическимъ аппаратомъ мы въ состояніи провѣрить законы артикуляціи пальцевъ при письмѣ и энергіи ихъ изолированныхъ движеній, выведенные ранѣе теоретически.

Важнымъ пособіемъ при изученіи почерковъ является способъ суммированныхъ изображеній, предложенный въ 1879 г. Гальтономъ и Спенсеромъ для этнографическихъ и антропологическихъ цѣлей. Гальтонъ совмѣщалъ нѣсколько портретовъ одного лица или многихъ лицъ одной расы, рода, типа и т. п. такимъ образомъ, чтобы извѣстные постоянные пункты совпадали; этимъ путемъ изъ сложнаго портрета (portrait type) выключаются случайныя черты и остаются основныя, общія всему роду, семейству или національности и пр. Легко понять, что при совмѣщеніи портретовъ, общія всѣмъ имъ черты, попадая другъ на друга, усилятся и выдѣлятся, тогда какъ случайныя, имѣющіяся на одномъ или на нѣсколькихъ, но не на всѣхъ портретахъ, уничтожатся взаимно **).

Совмѣщеніе портретовъ разныхъ лицъ, принадлежащихъ къ одному семейству или роду, даетъ, въ результатѣ портретъ-типъ, въ которомъ

---

*) Revue génér. des sciences pures et appliquées, 1891, 15 Nov. — Фотографъ-любитель 1892, № 5.

**) *A. Batut.* La photographie appliquée a la reproduction du type d'une famille, d'une tribu ou d'une race. 1887. Paris.

сохранены только общія всѣмъ членамъ этого рода черты лица. Обыкновенно оказывается, что портретъ-типъ имѣетъ сходство въ отдѣльности съ каждымъ изъ лицъ, вошедшихъ въ суммированіе, хотя при непосредственномъ сравненіи тѣхъ же самыхъ лицъ между собою, нельзя уловить никакого сходства. Въ этомъ процессѣ полученія средняго типа имѣетъ значеніе, разумѣется, законъ большихъ чиселъ, т. е. чѣмъ бóльшее число слагаемыхъ входятъ въ сумму для полученія средней величины, тѣмъ рѣзче и опредѣленнѣе выдѣляются основныя черты.

При помощи того же способа получается чья-нибудь средняя, типичная подпись изъ суммы многихъ подписей того же лица, сдѣланныхъ въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ. Всѣ неустойчивые элементы почерка, вошедшіе въ него случайно подъ вліяніемъ временно-дѣйствовавшихъ причинъ, должны устраниться въ суммированной подписи; останутся только основные элементы, постоянные, прочные *).

Нѣтъ надобности ограничиваться суммированіемъ подписей, если ничто не препятствуетъ полученію „среднихъ начертаній" другихъ, наиболѣе часто повторяющихся словъ, напр. „Милостивый Государь", „готовый къ услугамъ" и т. п. Сличеніе заподозрѣнной подписи должно быть производимо не съ каждой изъ остальныхъ, данныхъ эксперту, подписей, но съ „средней" подписью, полученной суммированіемъ. Практика показываетъ, что очень часто заподозрѣнная подпись, несходная, повидимому, ни съ одной изъ сравниваемыхъ несомнѣнныхъ, оказывается имѣющею поразительное сходство съ „среднею" подписью, т. е. здѣсь наблюдается то же явленіе, которое хорошо извѣстно исполнителямъ „портретовъ-типовъ"—несходство лицъ между собою и сходство каждаго отдѣльно съ „среднимъ" лицомъ.

При возможности, слѣдуетъ снимать всѣ подписи на одно стекло и потомъ перенести все изображеніе на *нерастяжимую* плёнку, которую и разрѣзать на части для совмѣщенія.

Совмѣщаютъ такъ, чтобы слова (подписи) совпадали срединами, т. е. въ среднихъ буквахъ; каждое слово совмѣщается отдѣльно.

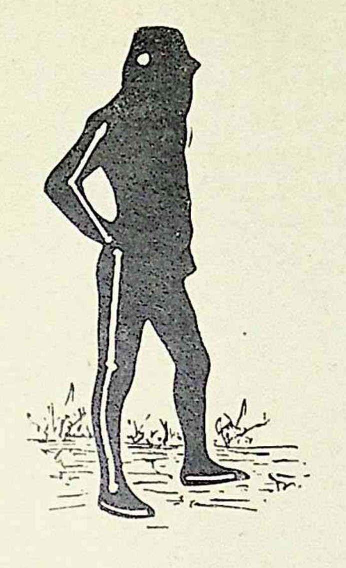
Не ограничиваясь совмѣщеніемъ по словамъ, дѣлаютъ среднія фотографіи отдѣльныхъ слоговъ и буквъ, причемъ снимки изготовляются съ увеличеніемъ до 5 разъ (линейно).

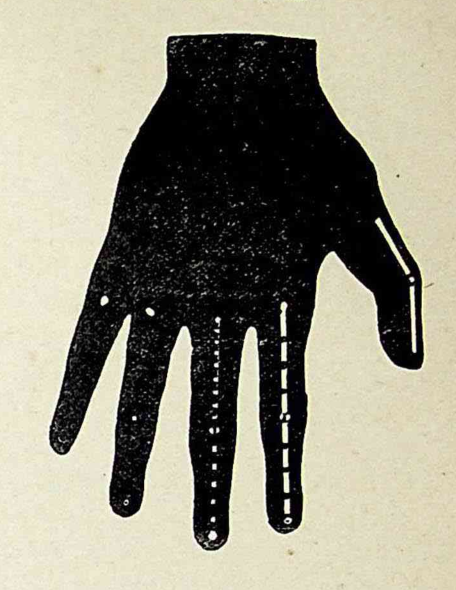
Предлагаютъ, по идеѣ Гельмгольца, еще слѣдующій способъ сличенія подписей попарно для того, чтобы пріучить глазъ улавливать основные элементы. Снимки подписей наклеиваются на стереоскопическія карты совершенно такъ, какъ это дѣлается съ стереоскопическими

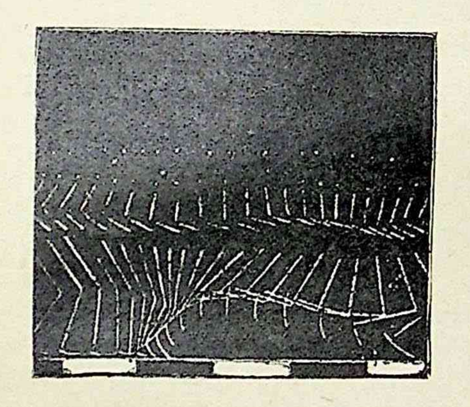
---

*) Обстоятельный докладъ о примѣненіи составныхъ фотографій къ изслѣдованію почерковъ былъ сдѣланъ институту Франклина въ Фильдельфіи въ 1886 году профес. P. Frazer'омъ. Докладъ этотъ вошелъ особой главой въ его книгу объ экспертизѣ документовъ (I. c.).

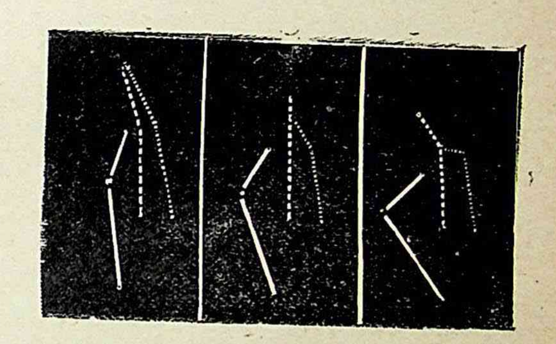
Изслѣдованіе акта письма.

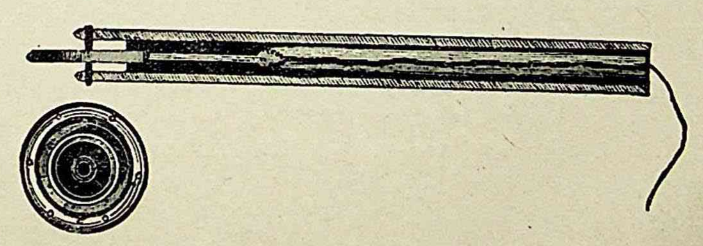

Хронофотографія дѣга.

Хронофотографія письма.

Приборъ для измѣренія напряженія почерка.

изображеніями и разсматриваются при помощи обыкновеннаго стереоскопа. При этомъ способѣ совмѣщеніе изображеній происходитъ непосредственно въ глазахъ; для полноты впечатлѣнія, при разсматриваніи черезъ стереоскопъ закрываютъ поперемѣнно то одинъ глазъ, то другой, то смотрятъ одновременно обоими глазами. На практикѣ чрезвычайно трудно помѣстить оба изображенія подписей вполнѣ правильно, хотя, при нѣкоторомъ навыкѣ это и достижимо. Главныя условія, которыя должны быть непремѣнно соблюдены, слѣдующія: 1) чтобы средины словъ были въ точности помѣщены такъ, какъ этого требуетъ стереоскопическое видѣніе и 2) чтобы направленіе строки въ обоихъ изображеніяхъ было совершенно одинаково.

Измѣреніе почерковъ.

Экспертиза почерковъ тогда только перестанетъ быть субъективной, когда въ изслѣдованіе удастся ввести измѣреніе, т. е. изобрѣсти соотвѣтственные пріемы и инструменты. Первая попытка ввести въ почерковѣдѣніе измѣрительный методъ сдѣлана Фрэзеромъ, книгу котораго я уже много разъ цитировалъ; попытки эти не шли, впрочемъ, дальше измѣренія основного угла.

Измѣреніе производится, конечно, только съ помощью фотографическихъ увеличеній. Опредѣлять величину основного угла всего удобнѣе обыкновеннымъ чертежнымъ угломѣромъ, но прозрачнымъ (целлулоидовымъ). На снимкѣ проводится карандашемъ линія строки, которая служитъ, затѣмъ, базой для всѣхъ угломѣрныхъ измѣреній почерка. Основной уголъ долженъ отвѣчать „углу выправленія строки“; подъ этимъ названіемъ понимается уголъ, составляемый линіей *всей* строки съ направленіемъ отдѣльныхъ ея частей. Разсматривая почерки легко замѣтить, что одни изъ нихъ *падающіе*, другіе *поднимающіеся*, хотя бы, въ общемъ, строка направлялась правильно, т. е. параллельно верхнему и нижнему обрѣзамъ бумаги. При падающемъ почеркѣ, какъ въ верхнихъ, такъ и въ нижнихъ строкахъ, каждое слово начинается выше, чѣмъ окончено предъидущее, отчего получается слѣдующее:

Происходитъ это потому, что пишущій находится постоянно подъ вліяніемъ двухъ силъ, изъ которыхъ одна заставляетъ тянуть строку внизъ, а другая велитъ держаться параллельно верхнему и нижнему обрѣзамъ бумаги. Проведя слово внизъ, пишущій пользуется разрывомъ

письма для того чтобы исправить направленіе строки и начинаетъ слѣдующее слово выше, чѣмъ окончено предъидущее.

При поднимающемся почеркѣ держаніе строки оказывается обратнымъ.

т. е. новое слово начинается ниже, чѣмъ окончено предъидущее.

Для наглядности, заимствую изъ книги Эрленмейера образецъ рукописи, въ которой, не смотря на то, что общее направленіе строкъ явно и сильно поднимающееся, письмо оказывается, все-таки, падающимъ:

Легко усмотрѣть, что отдѣльныя части словъ располагаются слѣдующимъ образомъ:

Mei ner lie ben Schwe
ster danke ich für Kuchen
und Photo graphie
und grüsse die selbe
tau send mal.

Уголъ наклоненія этихъ отдѣльныхъ частей строки къ общей линіи и будетъ „угломъ выправленія". Такъ какъ причины, отъ которыхъ зависитъ какъ основной уголъ, такъ и уголъ выправленія намъ уже извѣстны (см. выше механику письма), то намъ нетрудно сообразить, что между этими двумя углами должна быть постоянная зависимость.

Далѣе, измѣряется розмахъ почерка или *„амплитуда"*. Объ амплитудѣ почерка я упоминалъ уже въ главѣ VII (стр. 171) при описаніи экспертизы по дѣлу Аржанова съ Субботинымъ. Мы пишемъ не

перемѣщая точку опоры (мякоть или мизинецъ) не всю строку, но лишь нѣкоторую часть ея, т. е. до тѣхъ поръ, пока по условіямъ держанія пера въ пальцахъ это оказывается возможнымъ. Понятно, что въ началѣ всякой такой части штрихъ долженъ быть прямѣе, чѣмъ въ концѣ:

Длина письма исполненнаго безъ перемѣщенія точки опоры и будетъ амплитудою почерка. Величину амплитуды пишущій можетъ измѣнить, выдвинувъ перо изъ пальцевъ или, наоборотъ, сдѣлавъ короче выступающую часть ставочки, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнятся и угловыя измѣренія, главнымъ образомъ величина угла выправленія строки.

Затѣмъ слѣдуетъ измѣреніе *разгона* почерка; этимъ именемъ называется отношеніе высоты буквъ къ длинѣ слова. Разгонъ измѣряется простымъ обмѣромъ высоты и длины только *при сравненіи*, напримѣръ нѣсколькихъ подписей между собою или одинаковыхъ словъ въ рукописи. Для опредѣленія построенія почерка производится болѣе точное измѣреніе разгона, но въ этомъ случаѣ слово *разгонъ* обозначаетъ отношеніе высоты буквъ не къ длинѣ словъ, но къ длинѣ *непрерывной линіи письма*. Представимъ себѣ, что мы имѣли бы средство, выдѣливъ изъ строки какую нибудь часть писанную *непрерывнымъ* движеніемъ пера, растянуть весь ходъ пера въ прямую линію, какъ если бы онъ былъ матеріальной нитью или шнуркомъ; тогда разгонъ опредѣлился бы отношеніемъ высоты буквъ къ длинѣ этой нити. Это отношеніе именуется *напряженіемъ* почерка.

Средство произвести такое выпрямленіе—существуетъ. Для этой цѣли употребляется инструментъ, состоящій изъ пустой трубки, въ концѣ которой вращается острозубое колесо, вродѣ тѣхъ, которые употребляются для копированія выкроекъ для дамскихъ платьевъ. Въ трубкѣ скрыты двѣ проволоки отъ гальванической батареи такимъ образомъ, что токъ замыкается каждый разъ, когда между концами этихъ проволокъ проходитъ зубецъ колеса. Въ токъ включенъ приборъ, сходный съ телеграфнымъ аппаратомъ Морзе съ выдвигающейся бумажной лентой, на которой, при каждомъ замыканіи тока отпечатывается точка. Такимъ образомъ, число точекъ на лентѣ показываетъ число интерваловъ между зубцами колеса, какое понадобилось чтобы пройти весь ходъ измѣряемаго слова или слога. Существуютъ и другіе инструменты для измѣренія длины кривыхъ линій на планахъ и чертежахъ и всѣ они могутъ быть употреблены для той же цѣли, но описанный мною удобнѣе потому, что даетъ прямо число постоянныхъ единицъ (интерваловъ между зубцами колеса).

Заканчивая главу о почерковѣдѣніи, я долженъ еще разъ напомнить, что въ мою задачу не могло входить полное изложеніе предмета въ его современномъ состояніи. Я только считалъ необходимымъ дать самыя общія свѣдѣнія, достаточныя для поверхностнаго знакомства судебныхъ дѣятелей съ основами нарождающейся науки.

Если суждено будетъ осуществиться возникшей недавно мысли основанія въ С.-Петербургѣ „Кружка любителей почерковѣдѣнія", то надо надѣяться, окажется возможнымъ издать полный, систематическій курсъ для желающихъ посвятить свой досугъ изученію почерковъ.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ГЛ. III.

При указаніи различныхъ болѣзненныхъ разстройствъ письма я не упоминалъ о такъ называемой „писчей судорогѣ", потому что болѣзнь эта общеизвѣстна и, притомъ, составляетъ профессіональный недугъ писарей по ремеслу. Существуетъ, однако, разновидность писчей судороги, которая нерѣдко наблюдается даже у людей очень мало занимающихся письмомъ. Профессоръ Пита *) различаетъ Schreiberkrampf (писчая судорога) отъ Schreibkrampf (письменная судорога). Обѣ болѣзни представляютъ и тѣ судорожныя движенія, которыя наблюдаются иногда при письмѣ, шитьѣ и т. д., при чемъ перо или игла внезапно выпадаютъ изъ руки или даже отбрасываются въ сторону; въ обыкновенной жизни болѣзнь эта извѣстна подъ именемъ судороги писцовъ или судороги во время письма. Но въ сущности эти два выраженія отнюдь не слѣдуетъ считать тождественными, а, напротивъ, того нужно ихъ строго отличать одно отъ другого.

Судорога писцовъ (Schreiberkrampf) въ большинствѣ случаевъ есть результатъ утомленія тѣхъ мышцъ, которыя участвуютъ въ держаніи пера; въ этомъ видѣ ее наблюдаютъ у писарей по ремеслу, которые вынуждены писать изо дня въ день, часъ за часомъ. Вслѣдствіе постояннаго напряженія не одни только пальцы, но и вся кисть и даже предплечіе сильно устаютъ, становятся неловкими въ своихъ движеніяхъ, дрожатъ и теряютъ силу; пишущему трудно, неловко, больно, а наконецъ положительно невозможно выводить буквы, рука перестаетъ слушаться воли, и перо останавливается на начатомъ штрихѣ или же противъ воли заѣзжаетъ въ сторону. Продолжительный покой улучшаетъ состояніе больнаго, но разъ показавшаяся судорога уже очень легко повторяется въ случаѣ неволи напряженія, и съ каждымъ разомъ болѣзнь становится все хуже и хуже; ибо кисть дѣлается неловкою и плохо слушается не только для письма, но и для другихъ мелкихъ работъ, а иногда даже и въ покоѣ она поражается судорогами и болью.

---

*) *Бильротъ* и *Пита*.—Руководство къ общей и частной хирургіи. Спб. 1871, часть IV т. I стр. 226.

Письменныя судороги (Schreibkrampf, Nähkrampf), отличаются отъ только-что описанной неспособности къ отправленію *всѣхъ* мышцъ ручной кисти вслѣдствіе чрезмѣрнаго ихъ напряженія и составляютъ долевое разстройство отправленія въ *нѣкоторыхъ только* мышцахъ, благодаря которому даже и лица, мало и рѣдко пишущія, плохо или вовсе не могутъ писать.

У подобныхъ больныхъ замѣчается нѣкоторая неувѣренность уже и при взятіи пера въ руки, или же они неясно ощущаютъ его присутствіе между пальцами и потому усиленно сжимаютъ его; вслѣдствіе этого пальцы быстро устаютъ и перо вываливается; иногда же напряженныя мышцы приходятъ въ дрожащія судорожныя движенія и отбрасываютъ перо въ сторону. Послѣднее наблюдается особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда больной пишетъ въ состояніи психическаго или тѣлеснаго возбужденія, хотя бы только отъ одного присутствія свидѣтелей. *Болѣзнь представляетъ чрезвычайное разнообразіе формъ и степеней.* Инымъ трудно только въ началѣ, въ дальнѣйшемъ же ходѣ письма они успокоиваются; другіе-же—и таково большинство—напротивъ того начинаютъ сносно и пишутъ первыя строки совершенно правильно, но потомъ мало-по-малу или сразу теряютъ способность писать долѣе. При этомъ почеркъ ясно доказываетъ, что перо держится и ведется нетвердо; буквы и въ особенности длинныя линіи выходятъ неровныя, а подъ конецъ получаются лишь безпорядочные штрихи.

Причина страданія заключается въ томъ, что мышцы ручной кисти теряютъ равновѣсіе и способность совмѣстной дѣятельности: та или другая изъ нихъ становится преобладающею или напротивъ того находится въ состояніи неполнаго паралича (paresis). Какъ преобладаніе, такъ и полупараличъ наблюдаются всего чаще и по преимуществу въ мышцахъ большаго пальца, который при письмѣ, шитьѣ, захватываніи и держаніи мелкихъ вещей и вообще при всѣхъ отправленіяхъ ручной кисти играетъ самую важную роль, и для того, чтобы обезпечить правильность этихъ отправленій, снабженъ цѣлыми 10-ю мышцами. *Коль скоро разстроиваются питаніе или энергія хоть одной изъ этихъ мышцъ*, то гармоническая совмѣстная дѣятельность всего мышечнаго снаряда ручной кисти становится уже невозможною или существенно нарушается, а между тѣмъ такая дѣятельность необходима для производства правильныхъ сочетанныхъ движеній и при томъ не только письма или рисованія, но даже и повидимому самыхъ незначительныхъ дѣйствій, напр. при поднятіи булавки, и потому нарушеніе этой дѣятельности должно вести къ недостаточности или неточности движеній. *Подобный результатъ наблюдается уже и при незначительной атрофіи короткихъ мышцъ большаго пальца,* напр. отводящей, короткой сгибающей, противуполагающей (opponens) или приводящей; еще рѣзче сказывается разстройство движеній при неполномъ, а тѣмъ болѣе при полномъ параличѣ одной или нѣсколькихъ изъ этихъ мышцъ. Для покойнаго, равномѣрнаго или нѣжнаго держанія пера, особенно важны короткая приводящая и короткая сгибающая большой палецъ мышцы.

Впрочемъ не меньшаго вниманія заслуживаютъ также и мышцы другихъ пальцевъ, въ особенности межкостныя, ибо правильное сочетанное движеніе возможно только при гармоническомъ совмѣстномъ дѣйствіи всѣхъ этихъ мышцъ. Разстройство отдѣльныхъ мышцъ можетъ зависѣть, какъ отъ совершенно мѣстныхъ, такъ и отъ отдаленныхъ причинъ: отъ непосредственныхъ травматическихъ поврежденій, рубцовъ, рéйматическихъ выпотовъ, присутствія постороннихъ тѣлъ, новообразованій въ самыхъ мышцахъ или въ идущихъ къ нимъ нервныхъ вѣтвяхъ и стволахъ вверхъ до нервныхъ центровъ.

Рѣже случается, чтобы причиною разстройства совмѣстной дѣятельности была не недостаточность (paresis), а чрезмѣрное дѣйствіе, т. е., преобладаніе одной мышцы надъ другими. Заимствуя изъ названной книги проф. Пита описаніе одного случая болѣзни, я имѣю въ виду его поучительность для судебныхъ дѣятелей, пользующихся выводами и приговорами графическихъ экспертовъ.

Госпожа Юлія Зеймеръ изъ Силезіи, 24 лѣтъ, нѣжнаго тѣлосложенія и цвѣтущаго здоровья, во время пасхи 1857 года упала на правую ручную кисть и зашибла себѣ при этомъ большой палецъ. Больная не обратилась бы, несомнѣнно, къ помощи хирурга, если бы послѣдствія ушиба пальца не препятствовали ей играть на фортепьяно. Случись ей въ это время подписать какое нибудь обязательство, она не усомнилась бы это сдѣлать, хотя и испытывала значительную трудность при письмѣ. Проф. Пита произвелъ изслѣдованіе и нашелъ, что ручная кисть и вся верхняя конечность были совершенно нормальны, съ хорошо развитыми мышцами, и не отличались отъ лѣвой руки: больная совершенно свободно могла произвести всякое отдѣльное движеніе пальцами, въ особенности большимъ, а равно и запястьемъ; сгибаніе, разгибаніе и повертываніе давались ей безпрепятственно; послѣ перваго поверхностнаго изслѣдованія возникло сомнѣніе удастся ли найти какое-нибудь объективное объясненіе для субъективныхъ разстройствъ. Только при повторенномъ и болѣе подробномъ изслѣдованіи оказалось нѣсколько уклоненій отъ нормы.

При попыткѣ писать длинную букву (h) перо заходило слишкомъ далеко внизъ и кзади, между тѣмъ какъ линія, выводимая впередъ и вверхъ, давалась лишь съ трудомъ и зубцами; особенно труденъ былъ для больной переходъ отъ длинныхъ буквъ къ короткимъ, а быстрая перемѣна была совершенно невозможна. При усиліи сдѣлать быстрый переходъ отъ длинной буквы къ короткой, ручная кисть останавливалась какъ бы въ окоченѣніи. При этомъ никогда не случалось, чтобы перо выпадало изъ руки, а еще менѣе, чтобы оно отбрасывалось въ сторону.

И такъ больная, при полной свободѣ отдѣльныхъ движеній каждаго пальца, была лишена способности производить правильныя сочетанныя движенія подъ вліяніемъ воли. Разстройство при письмѣ объяснялось тѣмъ, что больная была вынуждена употреблять все свое вниманіе на то, чтобы удержать перо, и потому не могла руководить тѣми сочетанными движеніями, которыя необходимы для выведенія буквъ.

Выходя изъ такого воззрѣнія проф. Пита тщательно изслѣдовалъ мышцы большаго пальца, каждую отдѣльно; онъ предполагалъ, что первичная причина болѣзни должна была заключаться въ нарушеніи равновѣсія между различными мышцами, двигающими большой палецъ и преимущественно въ паралитической слабости musculi opponentis pollicis сравнительно съ его многочисленными антагонистами, или, что все равно, въ преобладаніи этихъ послѣднихъ. И дѣйствительно опыты подтвердили эту мысль: отведеніе и разгибаніе большого пальца происходили, очевидно, сильнѣе, быстрѣе и легче, нежели сгибаніе и въ особенности приведеніе (противуположеніе остальнымъ пальцамъ). Особенно сильными и ясно преобладающими оказались мышцы: длинная отводящая и разгибающія большой палецъ мышцы. Кромѣ того длинная отводящая и короткая разгибающая мышцы обозначались на тыловой сторонѣ предплечія много рѣзче, чѣмъ на лѣвой рукѣ. Такимъ образомъ преобладаніе этихъ мышцъ не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, хотя объ остальныхъ мышцахъ большого пальца и нельзя было сказать, чтобы онѣ были атрофированы. Возвышеніе большого пальца

(eminentia thenar) было развито также какъ и на лѣвой сторонѣ. Тотчасъ-же родилась мысль, что, производя временный параличъ преобладающихъ мышцъ, можно бы возстановить нарушенное равновѣсіе; для этого подкожная тенотомія длинной отводящей и разгибающей мышцъ казалась столь же цѣлесообразнымъ, сколько безопаснымъ и легкимъ средствомъ. Обращалось особенное вниманіе на длинную разгибающую мышцу, ибо предполагалось, что она имѣетъ симпатическое или скорѣе синэррическое вліяніе на разгибателей запястья и на общаго разгибателя пальцевъ (mm. extensores carpi et extensor communis digitorum) и, слѣдовательно, до нѣкоторой степени участвуетъ въ непроизвольномъ тыловомъ сгибаніи ручной кисти.

Профессоръ Пита предпочелъ на первый разъ ограничиться короткою разгибающею мышцею, которую можно было перерѣзать одновременно съ длинною отводящею.

Результатъ получился поразительный: больная писала,—правда, не свободно и тихо вслѣдствіе боли въ ранѣ, но все-таки правильно и связно, выводя длинныя и короткія буквы. Но понятно, что опытъ этотъ, дабы не раздражать раны, не былъ болѣе повторяемъ: на кисть положена легкая повязка, а предплечіе повѣшено на шарфѣ, и кромѣ того приказано соблюдать покой.

Черезъ 14 дней больная могла вывести нѣсколько буквъ связно и правильно, но тихо, съ напряженіемъ и болью на мѣстѣ операціи; если она хотѣла писать далѣе, то кисть утомлялась и переставала слушаться. Не было только невольныхъ размаховъ и буквы выходили ровнѣе. Профессоръ посовѣтовалъ на первое время упражняться въ письмѣ мѣломъ на доскѣ, такъ чтобы кисть руки не имѣла опоры, ибо ему казалось, что на бумагѣ больная слишкомъ сильно придавливала ее и такимъ образомъ затруднялась, когда ей приходилось быстро двигать ее слѣва направо.

Имѣя въ виду возможность возврата, онъ разсчитывалъ однако, что тѣмъ временемъ ослабѣвшія мышцы, быть можетъ, успѣютъ окрѣпнуть вслѣдствіе упражненія и въ особенности настойчивой воли (kräftige Willensintention).

Опасеніе оправдалось слишкомъ скоро, тогда какъ противупоставленная ему надежда оказалась, къ сожалѣнію, чистой иллюзіей. Больная просила, чтобы ей тотчасъ же сдѣлали новую, болѣе дѣйствительную, хотя бы даже и тяжелую, операцію. Но этимъ путемъ нельзя было добиться ничего и рѣшено искать помощи въ укрѣпленіи ослабѣвшихъ мышцъ.

Съ этою цѣлію хирургъ снова изслѣдовалъ самымъ подробнымъ образомъ каждую мышцу въ отдѣльности. Наиболѣе рѣзкое патологическое явленіе—отбрасываніе ручной кисти—вслѣдствіе непроизвольнаго быстраго сведенія мышцъ, разгибающихъ кистевой составъ, указывало прежде всего на относительное безсиліе сгибателей запястья; предположеніе это подтвердилось тѣмъ обстоятельствомъ, что m. flexor carpi radialis на правомъ предплечіи дѣйствительно оказался нѣсколько менѣе развитымъ, чѣмъ на лѣвомъ. Если больная, слегка укрѣпивъ ручную кисть, пробовала, на сколько ей позволяли силы, согнуть запястье, то названная мышца на правой сторонѣ выдавалась менѣе, чѣмъ на лѣвой, и вообще весь ходъ ея обозначался легкимъ вдавленіемъ. Не будучи собственно ни атрофирована, ни парализована, она тѣмъ не менѣе представляла явственную разницу въ питаніи; этимъ достаточно объяснялось преобладаніе разгибателей запястья, а слѣдовательно и непроизвольное отскакиваніе ручной кисти. Разница выразилась еще рѣзче при электромускулярномъ изслѣдованіи (фарадизаціи отдѣльныхъ мышцъ), помощію котораго удалось также подмѣтить и болѣе

тонкія различія, исчезавшія отъ обыкновеннаго изслѣдованія, въ короткихъ мышцахъ большаго пальца, особенно отводящей, противупоставляющей, сгибающей и приводящей. Всѣ эти мышцы реагировали несомнѣнно менѣе и слабѣе, чѣмъ одноимянныя съ ними на противуположной рукѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ пробная фарадизація—къ великому удовольствію больной—дала и тотъ радостный результатъ, что движенія стали замѣтно легче; потому съ этого времени мѣстная фарадизація была повторяема ежедневно отъ 10 до 15 минутъ, и послѣ каждаго сеанса улучшеніе возрастало. Письмо улучшалось медленно: сначала исчезли невольные перерывы, а потомъ и буквы мало-по-малу стали выходить все болѣе и болѣе правильными. Чрезъ 14 дней заявила, что она чувствуетъ себя совершенно выздоровѣвшей и въ доказательство, сіяя отъ радости, принялась писать быстро, свободно и красиво. Фарадизація была продолжаема еще шесть недѣль, отъ 2-хъ до 3-хъ сеансовъ въ недѣлю, послѣ чего больная, вполнѣ удовлетворенная, отправилась домой.

Описаніе этого случая попало въ лѣтописи хирургіи благодаря тому, во-первыхъ, что послѣдствія ушиба пальца сказались въ относительно большой степени и, во-вторыхъ, тому, въ особенности, что больная любила играть на фортепьяно. Тысячи ничтожнѣйшихъ причинъ способны, каждая отдѣльно, нарушить въ мышцахъ ручной кисти равновѣсіе и способность къ совмѣстной дѣятельности, то есть вызвать ту же самую болѣзнь, которою страдала больная профес. Пита, но въ менѣе рѣзкой формѣ. Письмо больного, исполненное во время такой болѣзни, необходимо должно имѣть характеръ рисованнаго. Врачъ легко опредѣлилъ какая изъ участвующихъ въ письмѣ мышцъ нѣсколько парализована: ему помогло въ этомъ изслѣдованіи самое письмо, т. е. извѣстныя, характерныя неправильности письма, прямо указывавшія на ослабленіе той мышцы, которая должна участвовать въ начертаніи извѣстныхъ элементовъ. По тѣмъ же признакамъ онъ поставилъ бы вѣрный діагнозъ и въ томъ случаѣ, если бы ему пришлось изслѣдовать только рукопись Юліи Зеймеръ, не видя самой больной. Въ случаѣ судебной экспертизы черезъ такого врача, рисованность нашла бы естественное объясненіе и не послужила бы — какъ это теперь *всегда* бываетъ — основаніемъ для опороченія документа. Неужели не ясно, послѣ этого, что заявленіе эксперта не-врача о томъ, что въ „подписи замѣчаются признаки рисованности" само по себѣ рѣшительно никакой цѣны не имѣетъ и, самое большее, обязываетъ судъ пригласить врача-спеціалиста для опредѣленія происхожденія этой „рисованности"? Проф. Пита никогда не изучалъ, вѣроятно, механику письма до появленія у него въ амбулаторіи больной Юліи Зеймеръ, но ему, какъ хирургу, ничего не стоило уразумѣть эту механику настолько, чтобы составить себѣ отчетъ о работѣ каждаго изъ мускуловъ при начертаніи графическихъ элементовъ и, такимъ образомъ, опредѣлить больной мускулъ. Для каллиграфа или фотографа задача оказалась бы не по силамъ, да они и не дали

бы себѣ труда вдаваться въ подобное изслѣдованіе: „рисовано“ и все тутъ! Большаго отъ нихъ и требовать нельзя!

Въ 1890 году, т. е. въ началѣ моей дѣятельности въ качествѣ судебно-графическаго эксперта, я сдѣлался виновникомъ очень печальной ошибки благодаря недостаточному, въ то время, знакомству съ болѣзнями письма. Обвинялась вдова с.-петербургскаго купца-трактирщика, г-жа Т. *) въ подлогѣ векселей отъ имени покойнаго ея мужа; подписи на векселяхъ рѣзко отличались отъ обычныхъ подписей *Т.* именно „рисованностью“. Вызванный въ качествѣ эксперта, я высказался въ неблагопріятномъ для г-жи Т. смыслѣ относительно подписей на векселяхъ и послѣ мнѣ пришлось горько раскаяться! Когда въ мое распоряженіе поступили рукописи купца Т., соотвѣтствовавшія въ точности, по времени написанія, датамъ векселей, то оказалось, что по какой-то неизвѣстной причинѣ покойный Т. въ теченіе мѣсяца (того самаго, когда подписаны векселя) не писалъ, но рисовалъ! Это обстоятельство обнаружилось для всѣхъ съ такой поразительной ясностью, что дѣло по обвиненію г-жи Т. было тотчасъ же прекращено. Только впослѣдствіи, изслѣдуя оставшіеся у меня фотографическіе снимки съ рукописей Т., я имѣлъ возможность если не опредѣлить причину временнаго разстройства его почерка, то, по крайней мѣрѣ, усмотрѣть, что это было дѣйствительно болѣзненное измѣненіе, а не „рисованность“: во всѣхъ подписяхъ неправильными оказались одни и тѣ же элементы—верхнія закругленія и переходы отъ короткихъ линій къ длиннымъ. Если бы я обладалъ въ 1890 году всѣми нужными для изслѣдованія болѣзненныхъ почерковъ свѣдѣніями, то при первомъ же осмотрѣ долженъ былъ бы замѣтить, что имѣю дѣло съ болѣзненнымъ почеркомъ.

---

*) Слѣдствіе производилъ судебный слѣдователь 9-го участка гор. С.-Петербурга, баронъ К. А. Раушъ-фонъ-Траубенбергъ, нынѣ членъ спб. окружнаго суда по Ямбургскому уѣзду.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ДОКУМЕНТОВЪ.

Раби Іонаханъ говоритъ въ Талмудѣ: „Мнѣ извѣстны всѣ способы надувательства при отмѣриваніи и взвѣшиваніи, начиная съ изготовленія тяжелыхъ предметовъ изъ сырого матеріала, который потомъ сохнетъ и вѣситъ меньше. Однако, я поступилъ бы скверно, если бы описалъ эти надувательства, ибо возможно, что обманщики еще не знаютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и используютъ ихъ опубликованіе во вредъ человѣчеству; съ другой стороны, нехорошо и молчать, ибо люди незнающіе ихъ, будутъ, такимъ образомъ, лишены возможности остерегаться обмана. Эти сомнѣнія разрѣшены въ пользу гласности, ибо написано: „Справедливы пути Господни, ибо праведники шествуютъ по нимъ увѣренно, а спотыкаются грѣшники“.

(„Wisla“, 1901, № 1).

ГЛАВА IX.

Экспертиза опредѣленнаго и неопредѣленнаго заданія.

Судебная экспертиза документа бываетъ или *опредѣленнаго* или *неопредѣленнаго* заданія. Эксперту можетъ быть предложено, напр., возстановить выскобленное или вытравленное слово въ указанномъ мѣстѣ документа; сдѣлать удобною для прочтенія подпись или строку, стершіяся или выцвѣтшія отъ времени; обнаружить письмена закрытыя чернилами или другимъ пятномъ и т. п. Во всѣхъ такихъ случаяхъ эксперту предстоитъ произвести рядъ дѣйствій заранѣе предусмотрѣнныхъ его искусствомъ для всѣхъ однородныхъ случаевъ и онъ не имѣетъ надобности искать или придумывать что либо. Его вниманіе сосредоточено на томъ мѣстѣ документа, которое указано и къ исполненію теоретической части порученія ничто не препятствуетъ ему приступить безъ замедленія. Экспертъ просто исполняетъ заказъ по своей спеціальности и можетъ впередъ опредѣлить потребныя издержки и нужное для исполненія заказа время съ совершенной точностью. Успѣхъ изслѣдованія обусловливается не степенью проницательности, сообразительности, знакомства съ техникой поддѣлки и проч., но зависитъ отъ большаго или меньшаго навыка въ исполненіи соотвѣтствующихъ данному случаю техническихъ пріемовъ. Самый недогадливый, плохо соображающій химикъ превосходно произведетъ анализъ чернилъ, если только ему извѣстны тѣ чисто механическія манипуляціи, которыя для этого требуются. Весьма ограниченнаго ума фотографъ, но имѣющій опытъ въ фотографическихъ цвѣтодѣлительныхъ операціяхъ, возстановитъ вытравленное письмо съ наилучшимъ успѣхомъ.

Такимъ образомъ, экспертъ, производящій по порученію суда экспертизу *опредѣленнаго* заданія, есть только орудіе судьи, совершенно такое же, какъ слесарь, которому поручается открыть замокъ, или могильщикъ, которому приказывается вырыть трупъ изъ могилы для судебнаго изслѣдованія.

Экспертиза опредѣленнаго заданія очень легко поддается контролю и оцѣнкѣ со стороны ея полноты и вѣрности. Зная, какія именно дѣйствія должны быть выполнены для возстановленія вытравленныхъ или выскобленныхъ письменъ или для изслѣдованія бумаги, судья въ состояніи потребовать, чтобы экспертъ произвелъ всѣ эти дѣйствія, съ соблюденіемъ извѣстныхъ, предустановленныхъ правилъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможенъ и другого рода контроль о которомъ я уже говорилъ: такъ какъ степень фотографическаго цвѣтодѣленія, дальше которой безполезно ожидать появленіе слѣдовъ скрытыхъ письменъ, извѣстна, то можно сдѣлать на документѣ какую нибудь невидимую для глазъ отмѣтку растворомъ, спеціально для этой цѣли существующимъ и считать фотографическое изслѣдованіе оконченнымъ не ранѣе, чѣмъ отмѣтка эта не обнаружится фотографіей. Выступила отмѣтка— значитъ работа доведена до конца; нѣтъ отмѣтки—требовать продолженія работы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ не можетъ быть мѣста предположенію, что результатъ экспертизы не отвѣчаетъ дѣйствительности благодаря неудачному выбору свѣдующаго лица; точно такъ же какъ нельзя объяснить неумѣлостью слесаря не нахожденіе въ открытой имъ шкатулкѣ предполагаемыхъ въ ней предметовъ.

Неопредѣленное заданіе ставитъ эксперта въ положеніе помощника судьи, а не простого исполнителя даннаго заказа. Когда сторона отрицаетъ подлинность документа, не дѣлая никакихъ догадокъ и предположеній относительно природы и способа поддѣлки, то нельзя, разумѣется, указать эксперту ни мѣсто документа, подлежащее изслѣдованію, ни пріемы самого изслѣдованія. Приходится *искать* слѣды подлога, если таковой дѣйствительно существуетъ, причемъ отрицательный результатъ поисковъ никогда не исключаетъ предположенія о томъ, что подлогъ все-таки есть, но слѣды его не обнаружены. Успѣхъ изслѣдованія здѣсь зависитъ отъ личности эксперта, отъ его ума, сообразительности, образованія, знанія, усердія, находчивости, стремленія достичь цѣли и проч. Съ другой стороны, огромное вліяніе на результатъ поисковъ имѣетъ совершенство употребляемыхъ приборовъ, обстановка работы, современное состояніе искусства распознаванія поддѣлокъ и проч. Ни руководить дѣйствіемъ эксперта, ни контролировать его судья не имѣетъ средствъ потому, что для *исканія* нѣтъ правилъ и руководствъ и только первоначальные пріемы до извѣстной степени можно считать общими для всѣхъ случаевъ экспертизы неопредѣленнаго заданія. Само собою разумѣется, что о предварительномъ исчисленіи времени и расходовъ, потребныхъ на такого рода изслѣдованіе, не можетъ быть и рѣчи: самъ экспертъ не въ состояніи предсказать, сколько дней или недѣль займетъ исканіе и какое количество матеріала пойдетъ на разные неудачные опыты прежде, чѣмъ

посчастливится попасть на вѣрный путь, поймать конецъ нити, по которой можно добраться до рѣшенія задачи.

Судъ долженъ имѣть въ виду это различіе между видами экспертизы документовъ какъ для выбора эксперта, такъ и для оцѣнки добытыхъ экспертизой данныхъ. Экспертиза опредѣленнаго заданія совершенно устраняетъ надобность въ заключеніи эксперта. Обнаруженныя фотографіей письмена или цвѣтъ измѣненныхъ кислотой чернилъ или показанія пикнометра при сравнительномъ измѣреніи толщины бумагъ столь же хорошо доступны зрѣнію судьи, сколько и глазамъ эксперта. Никакихъ разъясненій относительно значенія для дѣла того или другого обнаруженнаго изслѣдованіемъ факта экспертъ дать не можетъ. Экспертиза неопредѣленнаго заданія, напротивъ, требуетъ мнѣнія эксперта, освѣщенія обнаруженныхъ изслѣдованіемъ обстоятельствъ, безъ чего судъ лишенъ средствъ истолковать ихъ въ пользу того или другого предположенія. Напримѣръ, вызванное экспертомъ извѣстными способами почерненіе краевъ бумаги ничего не говоритъ суду безъ разъясненія со стороны эксперта, что такое явленіе служитъ доказательствомъ склейки листовъ для подмѣна текста документа надъ подписью. Микрофотограмма буквъ тогда только сдѣлается доступна пониманію судьи, когда экспертъ дастъ ему объясненіе о значеніи затянутости волоконъ бумаги, какъ доказательства свѣтопечатной поддѣлки (напр. солями желѣза).

Экспертиза опредѣленнаго заданія можетъ быть поручена одному эксперту и даже можно утверждать, что совмѣстная работа двухъ или трехъ экспертовъ только повредитъ дѣлу: они будутъ мѣшать другъ другу и сбивать съ толка судью. Для экспертизы неопредѣленнаго заданія рисковано назначить одного эксперта, да и самому эксперту не можетъ быть желательно производить такое изслѣдованіе единолично, принимая на себя всю отвѣтственность за успѣхъ и создавая почву для разнаго рода обидныхъ для него предположеній. Заинтересовывать исполнителя экспертизы опредѣленнаго заданія сторонамъ столь же безполезно, какъ и слесаря, отмыкающаго замокъ или могильщика, вырывающаго трупъ изъ могилы, тогда какъ производящій экспертизу неопредѣленнаго заданія можетъ произвести изслѣдованіе съ большей или меньшей полнотой.

Экспертиза опредѣленнаго заданія требуетъ составленія протокола съ подробнымъ изложеніемъ исполненныхъ экспертомъ операцій и описаніемъ, употребленныхъ приборовъ и матеріаловъ. Такой протоколъ имѣетъ значеніе для сужденія о правильности и полнотѣ изслѣдованія и придаетъ доказательную силу добытымъ экспертизою результатамъ. Достоинство экспертизы неопредѣленнаго заданія нельзя измѣрять при помощи протокола, да онъ едва-ли и возможенъ: процессъ *исканія* подлога слишкомъ трудно разложить на составные моменты и еще

труднѣе уловить связь между этими моментами, если бы даже и удалось произвести расчлененіе ихъ. Мѣсто протокола заступаетъ здѣсь заключеніе эксперта, въ которомъ онъ обязанъ только дать отчетъ о послѣдней части своей работы, т. е. начиная съ того времени, когда онъ нашелъ уже ключъ къ рѣшенію задачи. Все что этому предшествовало могло быть только блужданіемъ ощупью въ поискахъ наводящихъ признаковъ, а описаніе этого блужданія для сторонъ и для суда не интересно и не нужно.

Послѣдующее изложеніе дѣлится, по объясненнымъ сейчасъ причинамъ, на двѣ части: 1) опредѣленное заданіе и 2) общее изслѣдованіе документа. Въ первой части будутъ собраны свѣдѣнія о пріемахъ, съ помощью которыхъ получаются удовлетворительные результаты при разнаго рода работахъ этой группы; во второй части будутъ указаны и общія правила, соблюдаемыя при изслѣдованіи документа.

Опредѣленное заданіе.

Графическія экспертизы опредѣленнаго заданія можно раздѣлить на слѣдующіе виды:

1) Возстановленіе выскобленныхъ письменъ.
2) Возстановленіе вытравленныхъ письменъ.
3) Прочтеніе закрытыхъ письменъ.
4) Опредѣленіе времени написанія (сравнительно).
5) Прочтеніе письменъ стершихся и выцвѣтшихъ.
6) Выдѣленіе вставокъ и поправокъ въ рукописяхъ.
7) Сравненіе чернилъ по составу.
8) Сравненіе сортовъ бумаги.
9) Сравненіе штемпелей, печати, шрифта и т. п.
10) Опредѣленіе способа нанесенія письменъ на бумагу.

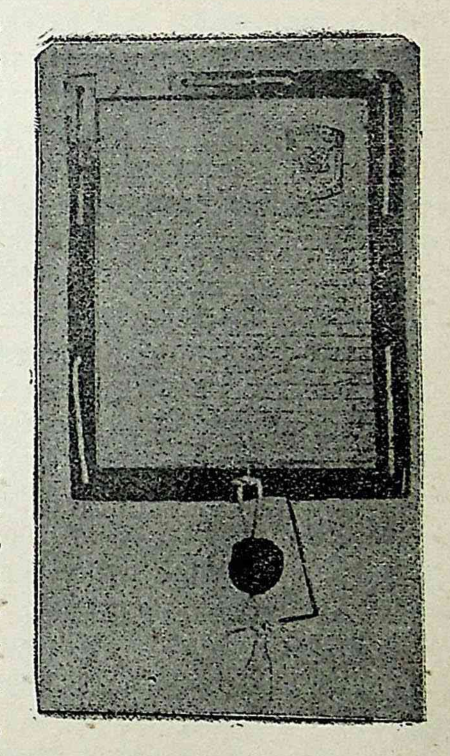
Само собою разумѣется, что этимъ перечнемъ не исчерпываются всѣ разнообразные случаи экспертизы опредѣленнаго заданія, но всегда можно каждый отдѣльный случай приравнять, по характеру и пріемамъ работы, къ одному изъ указанныхъ. Должно замѣтить, что нѣкоторые изъ переименованныхъ видовъ экспертизы документовъ могутъ относиться и къ группѣ неопредѣленнаго заданія; такъ напр. опредѣленіе способа нанесенія письменъ на бумагу тогда только относится къ группѣ опредѣленнаго заданія, когда требуется установить, сдѣлано ли письмо обычнымъ способомъ, т. е. отъ руки, перомъ и чернилами или инымъ, причемъ опредѣленіе самаго способа поддѣлки не требуется. Когда же необходимо не только установить или отвергнуть фактъ обычнаго

пріема написанія, но еще и узнать *какимъ именно* способомъ письмо нанесено на бумагу (химически? механически, свѣтописно? и т. п.— экспертиза теряетъ характеръ опредѣленнаго заданія.

Общія правила и мѣры предосторожности противъ ошибокъ.

1) Во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ искомый результатъ можетъ быть полученъ различными способами, должно начать изслѣдованіе съ того способа, который наименѣе угрожаетъ повредить документъ; такъ фотографическое изслѣдованіе всегда должно предшествовать химическому и къ послѣднему слѣдуетъ прибѣгать только въ случаѣ неудачи перваго.

2) Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и споровъ, изслѣдуемый документъ надлежало бы, съ момента заявленія сомнѣнія или спора о подлинности его, заключать между двухъ стеколъ въ особую рамку, образецъ которой былъ показанъ на фотографическихъ выставкахъ 1891 г. въ Петербургѣ и 1892 г. въ Москвѣ:

Приборъ состоитъ изъ двухъ рамокъ, прилегающихъ одна къ другой тѣми сторонами, въ которыхъ имѣются фальцы для стеколъ. Въ сторонахъ рамки есть сквозныя отверстія, черезъ которыя продѣвается шнуръ и къ концамъ шнура, послѣ заключенія документа между рамками, прилагается сургучная печать. Тонкія зеркальныя стекла не препятствуютъ осмотру документа и даже фотографированію (за исключеніемъ немногихъ случаевъ), но самый документъ остается защищеннымъ отъ внѣшнихъ вліяній. Очень нерѣдко бываетъ, что сторона оспоривающая результаты экспертизы заявляетъ, прямо или косвенно, подозрѣніе что обнаруженные признаки подлога не существовали до передачи документа въ руки судьи, т. е. были введены во время храненія, въ канцеляріи суда или въ кассѣ, или же, наконецъ, во время изслѣдованія экспертомъ. Во всякомъ случаѣ, непринятіе мѣръ къ огражденію документа отъ измѣненій всегда оставляетъ мѣсто нежелательнымъ предположеніямъ.

Послѣ выставки 1891 г. тогдашній прокуроръ Спб. Окружного Суда Н. Д. Чаплинъ имѣлъ намѣреніе ходатайствовать объ обязательномъ введеніи въ употребленіе этихъ рамокъ, но предположеніе это почему-то не осуществилось.

3) При фотографическомъ изслѣдованіи, каждый снимокъ долженъ быть повторенъ дважды. Нѣтъ ничего легче, какъ принять за слѣды письменъ какую-нибудь случайно попавшую на бумагу пылинку или волосокъ, которые на фотографическомъ снимкѣ даютъ отпечатокъ трудно отличимый отъ слѣдовъ письма. Фантазія эксперта можетъ направить все дальнѣйшее изслѣдованіе такъ, что отпечатокъ волоска обратится въ ожидаемую букву, особенно если экспертъ не удержится отъ желанія помочь фотографіи...

4) Передъ открываніемъ крышки объектива необходимо пройти фотографируемый документъ мягкой пуховкой, сдунуть маленькими мѣхами все, что могло къ нему пристать. Случайная черточка или пятно на негативѣ способны свести эксперта на ложную дорогу при поискахъ слѣдовъ подлога (въ неопредѣленномъ заданіи) и, *въ лучшемъ случаѣ*, отнять у него много времени на обслѣдованіе этой черточки или пятна.

5) Для тѣхъ же цѣлей, при повтореніи снимка необходимо измѣнить положеніе фотографируемаго документа въ той же плоскости. Въ спеціальныхъ судебно фотографическихъ лабораторіяхъ предметный щитъ долженъ быть вращающимся вокругъ оси, перпендикулярной къ его плоскости. Дѣло въ томъ, что такимъ пріемомъ пріобрѣтается увѣренность въ правильности установки аппарата и устраняются случайности, происходящія отъ недостаточной равномѣрности освѣщенія, что особенно важно, если снимаемый документъ фотографируется при помощи односторонняго (напр. дневнаго) свѣта. При одностороннемъ свѣтѣ каждая неровность бумаги отбрасываетъ тѣнь въ сторону противуположную источнику свѣта и, очень часто, эта тѣнь принимаетъ формы поразительно напоминающія очертанія буквъ. Поэтому, поворотъ щита дѣлается не на 180°, а на 90°, такъ какъ при поворотѣ на 180° тѣнь только перешла бы на другую сторону неровности. Два такимъ образомъ сдѣланныхъ снимка провѣряютъ другъ друга.

6) Само собой разумѣется, что никакая ретушь негативовъ или отпечатковъ не должна быть допускаема ни въ какомъ случаѣ.

7) Въ протоколѣ экспертизы должны быть отвѣты на слѣдующіе вопросы:

Какимъ объективомъ (фабрика, серія, №) произведена работа? При какой діафрагмѣ? Какое освѣщеніе: одностороннее или двустороннее? дневное или искусственное (электричество, магній и пр.). Если освѣщеніе одностороннее, то съ которой именно стороны?

Сколько времени длилась экспозиція (въ секундахъ)?

Какія употреблены пластинки: сухія броможелатиносеребряныя или мокрыя колодіонныя? Если первыя, то какой фабрики и какой чувствительности по сенситометру?

Какимъ способомъ негативы проявлены (желѣзомъ, гидрохинономъ и т. п.).

Подвергались-ли усиливанію и чѣмъ именно?

Какимъ способомъ достигнуто вызываніе скрытыхъ письменъ, т. е. непосредственнымъ-ли фотографированіемъ или суммированіемъ изображенія? Если послѣднее, то по какому способу?

Если изображенія увеличены, то непосредственно-ли въ фотографической камерѣ или инымъ способомъ и какимъ именно?

Кромѣ отвѣтовъ на эти вопросы, необходимо удостовѣрить въ протоколѣ, что передъ сниманіемъ установка аппарата была провѣрена и приняты указанныя выше мѣры предосторожности противъ ошибокъ.

Только составленный такимъ образомъ, подробно, протоколъ, можетъ дать средства судить о доказательности полученныхъ результатовъ, т. е. о полнотѣ и правильности изслѣдованія. Въ протоколѣ должны быть указаны лишь такія подробности фотографированія и условія работы, которыя могутъ имѣть вліяніе на исходъ экспертизы; поэтому, совершенно излишне затемняютъ дѣло упоминанія о томъ, напримѣръ, что при увеличеніи посредствомъ проэкціоннаго прибора, свѣтъ проходилъ черезъ конденсаторъ! Конденсаторъ — необходимая принадлежность всякаго проэкціоннаго прибора (волшебнаго фонаря) и свѣтъ непремѣнно черезъ него проходитъ и не можетъ идти по иному пути. Упоминаніе о прохожденіи свѣта черезъ конденсаторъ столь же излишне и странно, какъ указаніе на прохожденіе черезъ объективъ лучей, отброшенныхъ изображеніемъ!

Форма отвѣчающаго своей цѣли протокола слѣдующая:

По порученію (суда? судебнаго слѣдователя?) *мною* (званіе, имя, отчество, фамилія, мѣстожительство) *произведено изслѣдованіе поименованныхъ документовъ* (подробное переименованіе документовъ) съ цѣлью выясненія (излагается цѣль изслѣдованія). *Изслѣдованіе производилось въ помѣщеніи* (суда? частной лабораторіи?) *въ присутствіи* (члена суда? судебнаго слѣдователя? товарища прокурора? понятыхъ? обвиняемаго? частнаго обвинителя? повѣренныхъ? экспертовъ?) *Подлежащіе изслѣдованію документы переданы мнѣ* (кѣмъ переданы?) *заключенные между стеклами, въ особой рамкѣ, замкнутой шнуромъ, концы котораго припечатаны печатью* (чьей?)

Повѣрка правильности установки фотографическаго прибора сдѣлана (по ватерпасу, по линейкѣ, по зеркалу? контрольными негативами?), *фотографированіе производилось въ натуральную величину* (или въ увеличеніи?) *объективомъ* (фирма) *серія, № и діа-*

фрагмой (№ діафрагмы?), *при дневномъ освѣщеніи съ правой стороны оригинала* (или, въ случаѣ другого освѣщенія, какого именно?), *на пластинкахъ фабрики* (фирма) *чувствительностью по сенситометру Варнеке „ “. Экспозиція негатива № 1—„ “ секунды, № 2—„ “ секунды и т. д. Негативы проявлены гидрохинономъ съ поташемъ* (или инымъ проявителемъ?). *Негативы №№ „ “ подвергнуты усиливанію* (сулемой? свинцомъ? ураномъ? и т. п.).

Съ цѣлью выясненія слѣдовъ письменъ, изображенія (позитивныя? негативныя?) *подвергались совмѣщенію слѣдующимъ порядкомъ* (описаніе способа суммированія). *Съ заключительныхъ негативовъ сдѣланы отпечатки на бумагѣ* (сортъ, фабрика?) и *безъ наклейки на папку* вручены г. (кому вручены?).

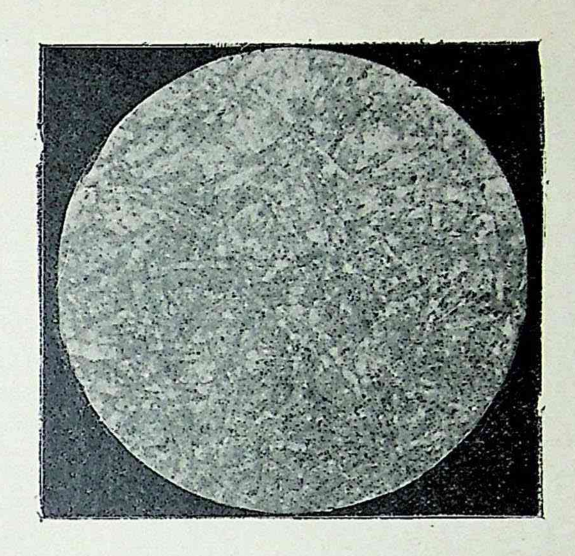
Возстановленіе вытравленныхъ письменъ.

Способъ вытравленія письменъ, сдѣланныхъ чернилами—кромѣ анилиновыхъ—общеизвѣстенъ. Щавелевую, виннокаменную или лимонную кислоту разводятъ въ горячей водѣ и горячимъ растворомъ смачиваютъ вытравливаемыя мѣста очень мягкой кистью или опускаютъ въ него часть документа, напр. текстъ, оставляя не смоченною другую часть (подпись). Иногда употребляются, для защиты сосѣднихъ съ вытравливаемыми письменъ, предохраняющіе слои, не пропускающіе кислоту; слои наносятся съ обѣихъ сторонъ бумаги. По исчезновеніи слѣдовъ буквъ, бумагу вновь проклеиваютъ, потому что травленіе уничтожаетъ фабричную проклейку и если писать на протравленныхъ мѣстахъ, то чернила расплываются, впитываются въ толщу бумаги. Трудность подогнать такую же проклейку къ фабричной позволяетъ эксперту получить добавочное доказательство произведеннаго травленія, изслѣдуя проклейку химически и микроскопически; объ этомъ подробнѣе будетъ сказано при описаніи способовъ изслѣдованія бумаги. Нужно замѣтить также, что на фабричную проклейку, т. е. на нетронутыя травленіемъ мѣста бумаги, чернила ложатся иначе, чѣмъ на мѣста проклеенныя домашнимъ способомъ, что очень легко видѣть подъ микроскопомъ, при помощи вертикальнаго иллюминатора,*) сравнивая образ-

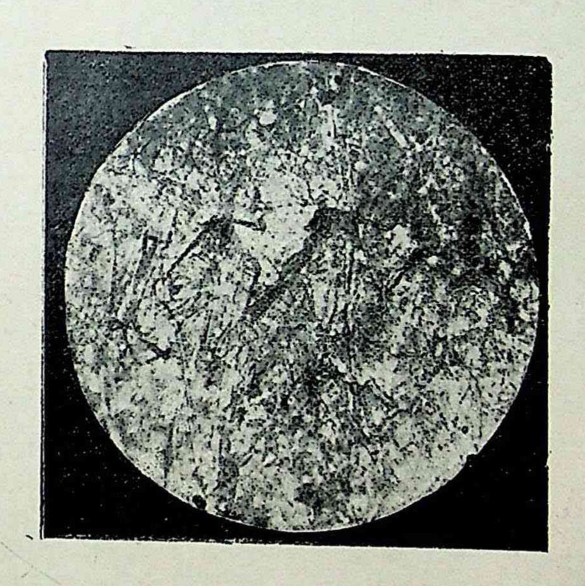
*) *Вертикальный иллюминаторъ* къ микроскопамъ Цейсса служитъ для микроскопическаго изслѣдованія непрозрачныхъ предметовъ и помѣщается между тубусомъ обыкновеннаго микроскопа и объективомъ. Свѣтъ падаетъ черезъ боковое отверстіе и призму, закрывающую верхнюю часть отверстія въ объективѣ: призма отражаетъ лучи и, черезъ соотвѣтствующую половину объектива, направляетъ ихъ на предметъ. Отраженные здѣсь разсѣивающіе лучи собираются на другой, свободной половинѣ объектива въ изображеніи предмета. Чтобы дать падающимъ лучамъ настоящее направленіе, содержащее въ себѣ призму, часть вертикальнаго иллюминатора (вмѣстѣ съ объективомъ) движется

Къ стр. 289.

Микрофотографическое изслѣдованіе документовъ.

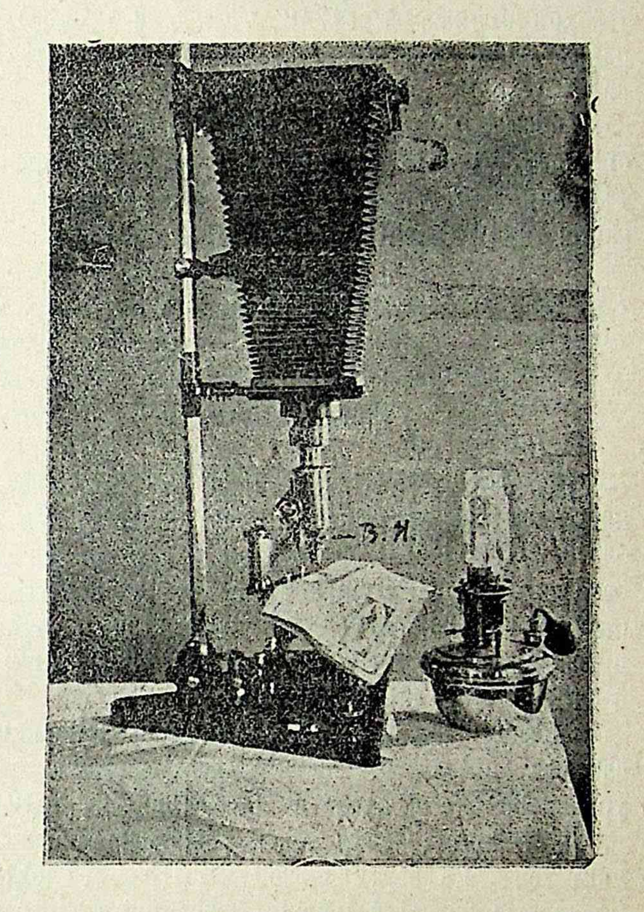

Не травленая бумага (снимокъ отраженнымъ свѣтомъ, съ вертикальн. иллюминаторомъ).

Травленая бумага (такой же снимокъ).

цы того и другого письма. Происходитъ это потому, что самое травленіе и повторное прикосновеніе кистью къ мокрой бумагѣ нарушаетъ фабричную сатинировку бумаги и волокна располагаются особымъ, отличнымъ отъ прежняго, порядкомъ, причемъ клеевое вещество никогда не распредѣляется такъ же равномѣрно, какъ при введеніи его въ массу бумаги на фабрикѣ.

Слѣды вытравленныхъ письменъ всегда имѣютъ желтоватый цвѣтъ: поэтому, выгоднѣе прибѣгать, при фотографированіи, къ мокрому коллодіонному способу, такъ какъ іодистое серебро менѣе чувствительно къ желтымъ лучамъ, чѣмъ бромистое. Колодіумъ выбирается не очень старый, съ іодистыми солями, но не такъ называемый репродукціонный, который, давая слишкомъ большую густоту въ освѣщенныхъ мѣстахъ, плохо выдѣляетъ слабые слѣды травленія.

Если необходимо прибѣгать къ сухому, броможелатинному способу, то пластинки слѣдуетъ брать обыкновенной чувствительности (23 по Варнерке) и ни въ какомъ случаѣ не такъ называемыя фотомеханическія, которыя обладаютъ тѣми же недостатками, въ смыслѣ цвѣтодѣлительности, какъ и репродукціонный іодированный коллодіонъ. На этого рода пластинкахъ („Process“ Ильфорда, photo-mecanic Смита и др.) не только не обозначаются скрытые слѣды, но могутъ невыйти

вокругъ оптической оси объектива; кромѣ того, призма можетъ также двигаться посредствомъ винта вокругъ своей продольной оси. Приблизительно положеніе призмы относительно источника свѣта достигается, конечно, соотвѣтствующей установкой верхней части статива, или перестановкой самого свѣтоваго источника. (См. рис. на этой страницѣ: В. И.—вертик. иллюминаторъ).

и такія слабыя линіи, которыя можно усмотрѣть глазомъ на самомъ документѣ.

Изъ множества проявителей, придуманныхъ для проявленія сухихъ пластинокъ, въ цвѣтодѣлительномъ отношеніи лучше всѣхъ работаетъ глицинъ, за нимъ гидрохинонъ съ ейконогеномъ и пирокатехиномъ. Плохо вызываютъ слѣды травленія желѣзо, пирогалловая кислота, одинъ гидрохинонъ и амидолъ. Хуже всѣхъ дѣйствуютъ метилъ, радикаль.

Обязательное условіе—принимать мѣры противъ такъ называемыхъ ореоловъ. Для этого берутся или противуореольныя пластинки, напр. „Изоларъ", или же оборотная сторона (стеклянная) пластинки покрывается предохраняющимъ составомъ Друэ:

красной охры	400	гр.
декстрина	200	„
воды	400	к. с.
глицерина	20	„

Хорошо стереть въ ступкѣ и сложить въ банку, гдѣ она сохраняется долгое время. Для закрашиванія берутъ немного краски на блюдечко, добавляютъ воды и наносятъ ровными полосами на заднюю сторону пластинки мягкой щетинной кистью. Въ такомъ видѣ пластинки оставляютъ сохнуть въ шкафу, защищенномъ отъ свѣта, но имѣющемъ воздушную тягу. Послѣ экспозиціи краска смывается губкой и затѣмъ уже пластинки проявляются.

Легко понять, что для такой работы, какъ вызываніе невидимыхъ слѣдовъ, ореолы и, вообще, всякая вуаль должны быть губительны, уравнивая эти слѣды, по прозрачности, съ непрозрачными мѣстами.

Предпочтительнѣе вести проявленіе очень медленно, слабымъ проявителемъ, въ вертикальной кюветѣ—это даетъ возможность остановить проявленіе въ тотъ моментъ, когда обнаруживаются отпечатки примѣсей бумаги, появленіе которыхъ всего вѣрнѣе указываетъ на достаточность проявленія. Если слѣды этихъ примѣсей уже выступили, хотя бы очень слабо, то не надо смущаться тѣмъ, что негативъ не имѣетъ вообще плотности, къ какой мы привыкли при сниманіи портретовъ, видовъ и т. п. Надобно помнить, что густота получится при суммированіи пленокъ, а затягиваніе слабыхъ слѣдовъ ничѣмъ нельзя уже будетъ послѣ поправить.

Если, по обстоятельствамъ, дозволительно дѣлать помѣтки на самомъ фотографируемомъ оригиналѣ, то полезно провести кое гдѣ тонкіе штрихи для того, чтобы потомъ можно было по нимъ совмѣщать пленки. Впрочемъ къ этому приходится прибѣгать очень рѣдко потому,

что совмѣщеніе легко дѣлать по буквамъ другихъ частей рукописи, сосѣднихъ съ изслѣдуемою.

Усиливанія негативовъ сулемой слѣдуетъ избѣгать, такъ какъ сулема „затягиваетъ“ слабые слѣды и уменьшаетъ такимъ образомъ шансы на успѣхъ. Лучшимъ усиливаніемъ слѣдуетъ признать, при цвѣтодѣленіи съ сухими пластинками, усилитель Эдера и Тодта (см. стр. 100).

Для этого усиливанія негативъ долженъ быть старательно отмытъ отъ слѣдовъ гипосульфита. Послѣ усиленія въ этой ваннѣ, прозрачныя мѣста негатива пріобрѣтаютъ желтый цвѣтъ, но желтизна легко отмывается, если негативъ положить въ кювету съ водой на часъ—два, перемѣняя воду. Когда желтизна отойдетъ, оканчиваютъ усиливаніе при помощи гидрохиноннаго проявителя.

Съ изслѣдуемаго документа снимаютъ послѣдовательно три негатива, наблюдая, чтобы оригиналъ, объективъ и матовое стекло не измѣнили положеніе. Послѣ проявленія, фиксированія и вымачиванія, какъ обыкновенно, закрѣпляютъ желатину при помощи формалина, а затѣмъ оставляютъ пластинку сохнуть.

Сниманіе пленокъ удобнѣе всего производить по способу, предложенному Евдокимовымъ, (см. стр. 105).

Съ такой суммы трехъ негативныхъ пленокъ можно сдѣлать, въ копировальной рамѣ, три позитива, снять съ нихъ пленки и опять совмѣстить. Такимъ порядкомъ можно продолжать до выясненія слѣдовъ, что достигается довольно скоро.

Если на обратной сторонѣ документа, соотвѣтствующей изслѣдуемому мѣсту, ничего не написано, то проще и лучше не прибѣгать къ фотографированію въ камерѣ, а просто получить три негатива съ документа контактомъ, въ копировальной рамѣ (какъ съ негатива) и поступать далѣе какъ описано выше.

Нужно замѣтить, что на вытравленныхъ мѣстахъ бумага всегда немного желтѣе чѣмъ во всѣхъ остальныхъ, что иногда замѣтно даже для глаза. Если вытравленіе сдѣлано умѣло и аккуратно, то желтизна не замѣчается, но при суммированіи пленокъ она выступаетъ очень быстро, такъ что мѣсто подвергавшееся травленію обозначится на снимкѣ большею прозрачностью и даже границы травленія очерчиваются очень рѣзко.

Вообще вытравливаніе кислотами узнается безъ труда; оно принадлежитъ къ числу поддѣлокъ грубыхъ, всегда оставляющихъ слѣдъ, по которому экспертъ навѣрное разоблачитъ подлогъ.

Обыкновенно недостаточно бываетъ доказать наличность вытравленія, но необходимо и возстановить вытравленныя письмена. Если новый текстъ писанъ не по строкамъ стараго, т. е. не покрываетъ

слѣды, то цвѣтодѣленіе само собой приведетъ къ возможности прочитать вытравленное. Несравненно труднѣе дѣлается работа тогда, когда новыя строки покрываютъ слѣды старыхъ; послѣ возстановленія слѣды старыхъ буквъ перепутываются со слѣдами новыхъ и чтеніе становится невозможнымъ.

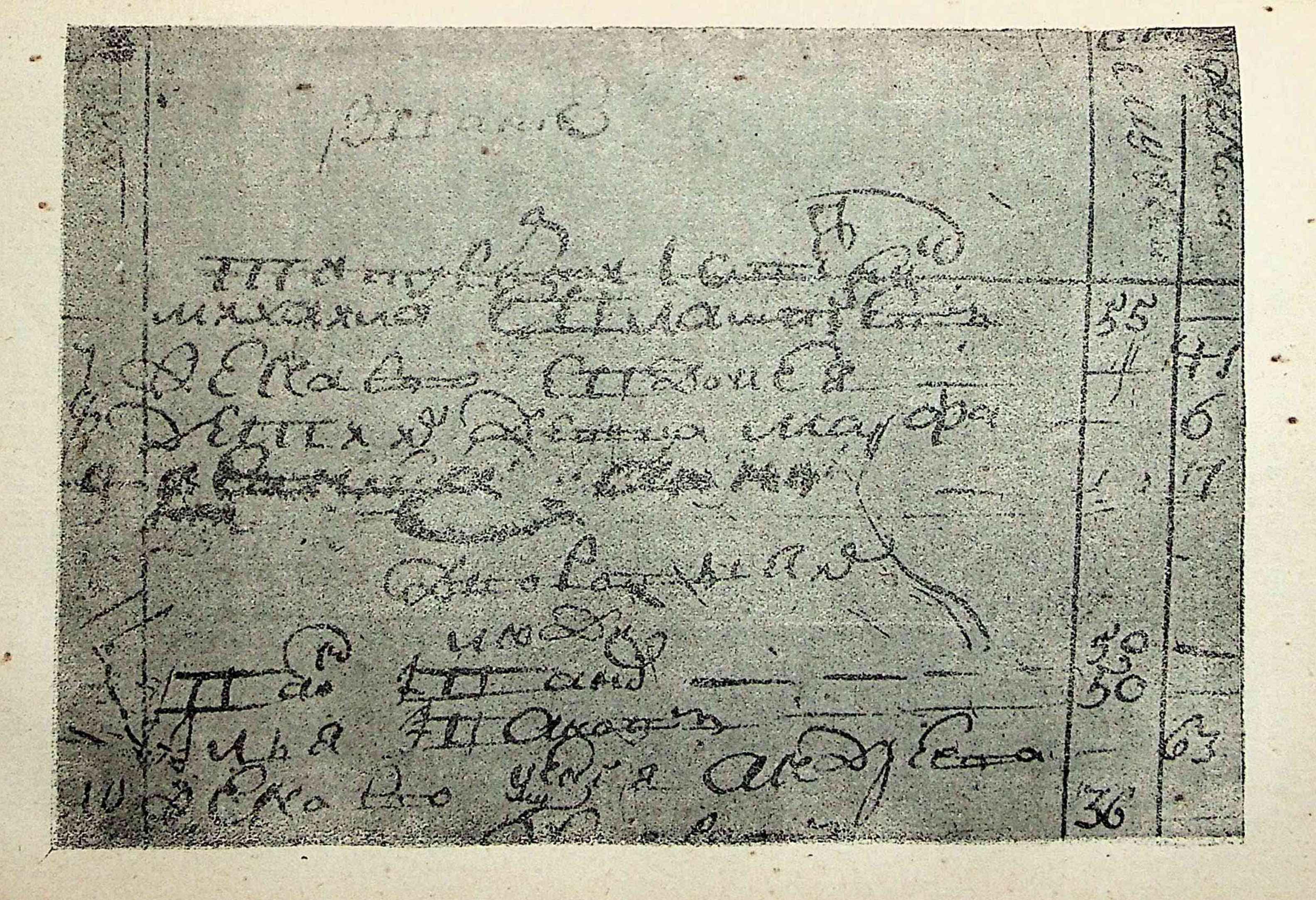
Для того, чтобы отдѣлить слѣды вытравленныхъ буквъ отъ буквъ новаго текста, поступаютъ слѣдующимъ образомъ;

Съ изслѣдуемаго мѣста документа дѣлаютъ негативъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы на немъ совсѣмъ не вышли даже и видимые глазамъ слѣды травленія, а *только буквы новаго текста*, для чего можно взять репродукціонный коллодіумъ (при сниманіи мокрымъ способомъ) или пластинки Ильфорда „Процессъ", фотомеханическія Смита и, вообще, предназначаемыя для фотомеханическихъ процессовъ. Съ такого негатива приготовляется въ копировальной рамѣ діапозитивъ на такой же пластинкѣ, хорошо усиливается и, если есть, всетаки, видимые слѣды травленныхъ буквъ, то они заретушировываются. Если теперь *негативную* пленку, по которой уже выяснились слѣды травленія, но переплетены новымъ текстомъ, совмѣстить съ нашимъ діапозитивомъ, то непрозрачныя буквы діапозитива аккуратно закроютъ на негативѣ всѣ соотвѣтствующія имъ прозрачныя буквы новаго текста на негативѣ и, слѣдовательно, отпечатокъ съ такой суммы негатива и позитива дастъ только слѣды вытравленныхъ буквъ, новыя же окажутся выключенными.

Теперь, имѣя дѣло только съ слѣдами прежняго текста, мы можемъ дополнить, по соображенію, недостающія линіи и текстъ возстановленъ.

Работа дополненія недостающихъ линій требуетъ нѣкотораго навыка и соображенія. Иногда можно имѣть рукописи того лица, чьи письмена возстанавливаются и по этимъ рукописямъ узнать, какой буквѣ долженъ принадлежать, соображаясь съ почеркомъ, оставшійся неполный слѣдъ буквы. Чаще, однако, такихъ рукописей имѣть нельзя и приходится добираться по догадкѣ, по грамматическимъ правиламъ и т. п.

Для примѣра приведу возстановленіе текста двухъ строкъ въ метрической книгѣ 1780 г. (по дѣлу о наслѣдствѣ Бырдина, въ Харьк. Суд. Пал. 1891 г.). Слова „Дѣвица Анна" написаны, явно, по вытравленному или выскобленному мѣсту, притомъ такъ, что новыя буквы закрываютъ собою слѣды прежнихъ за исключеніемъ нижнихъ и верхнихъ окончаній и росчерковъ и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей буквъ въ строкѣ. Ниже переправленной строки имѣется слѣдъ, легко читаемый, словъ „дѣвица Анна" только немного прикрытый нижними частями отъ буквъ *д* и *ц* верхней стороны. Ясно, что въ подмѣнной строкѣ должны были заключаться какія нибудь слова, относившіяся къ этой дѣвицѣ Аннѣ, опредѣляющія ея родство съ Михаиломъ Евлампіевымъ Бырдинымъ или, вообще, отношеніе къ семейству Бырдиныхъ,

съ которымъ она вмѣстѣ была у исповѣди и св. причастія. Въ этомъ то опредѣленіи заключалась вся суть спора между наслѣдниками, т. е. въ этой строкѣ были, такъ сказать, четыре милліона!

Фотографія возстановила, какъ видно на рисункѣ, слѣдъ прежнихъ буквъ, но позднѣйшая надпись мѣшала прочитать слова. Въ распоряженіи экспертовъ была объемистая книга исповѣдной росписи, писанная вся однимъ почеркомъ, т. е. тѣмъ самымъ, которымъ писана скрытая надпись. Совмѣстною работою эксперта и самихъ тяжущихся и ихъ повѣренныхъ, принадлежность верхнихъ и нижнихъ слѣдовъ (надстрочныхъ и подстрочныхъ) извѣстнымъ буквамъ почерка священнослужителя, писавшаго роспись, была твердо установлена; сами враждующія стороны сошлись въ мнѣніяхъ и удостовѣрили это письменно.

Такимъ образомъ было возстановлено слѣдующее:

- с - о - с - - - ен - - ковъ в - ѣ - х д - рь

Что это не было отдѣльное отъ дѣвицы Анны лицо, исповѣдывавшееся вмѣстѣ съ нею, можно было доказать тѣмъ, что ни одно имя православныхъ святцевъ, мужское или женское, къ этимъ буквамъ не подходило. Выключивъ, какъ выше сказано, новыя буквы, получили еще нѣсколько несомнѣнныхъ буквъ и оказалось уже

ихъ с - одс - - ен - - ковъ в - ѣт - хъ д - рь

Во второмъ словѣ между *с* и *о* должна была, очевидно, стоять буква *р*, потому, во-первыхъ, что всякая другая буква давала бы начало несуществующаго слова или неумѣстнаго въ данномъ случаѣ (сбодс... сводс... сгод... сдодс... и т. д.). Разъ было признано, что здѣсь должна была быть буква *р*, стало возможно догадываться о всемъ словѣ, которое должно было быть „сродственниковъ". Подтверждалась догадка и тѣмъ, что между *одс* и *ен* оставалось мѣсто только на двѣ буквы, такъ же, какъ и между *ен* и *ковъ*.

Путемъ подобныхъ соображеній оказалось возможнымъ прочитать и всю надпись

ихъ сродственниковъ внѣтяхъ дщерь

т. е. дочь ихъ отсутствующихъ безвѣстно (внѣтяхъ) родственниковъ.

По поводу этой работы умѣстно сказать нѣсколько словъ о способахъ, которыми можно оспоривать подобный результатъ экспертизы.

Являются вопросы: 1) дѣйствительно-ли первоначально обнаруженные слѣды принадлежатъ тѣмъ именно буквамъ, которымъ приписываются? Въ данномъ случаѣ принадлежность эта была строго провѣрена, чему ручательствомъ служитъ то обстоятельство, что не только эксперты, но и обѣ стороны, интересы которыхъ взаимно противуположны, не могли не сойтись въ этихъ опредѣленіяхъ. Тѣ слѣды, по поводу которыхъ хотя бы одинъ изъ участвовавшихъ въ опредѣле-

ніи (а всѣхъ было 12 чел. и членъ суда) высказывалъ сомнѣніе, оставались не дополненными для того, чтобы впослѣдствіи устранить возможность спора о слѣдахъ.

2) Можно-ли пріискать къ буквамъ, безспорно установленнымъ, промежуточныя буквы такъ, чтобы получилась другая догадка? Если экспертъ, въ какую нибудь недѣлю, успѣлъ не только выполнить фотографическую работу, но и возстановить текстъ путемъ разныхъ неопровергнутыхъ соображеній, то сторонѣ, желавшей оспорить правильность возстановленія всего текста, проще было бы, въ теченіе четырехмѣсячнаго аппелляціоннаго срока, придумать другія слова, которыя съ одинаковою вѣроятностью могли бы быть подставлены вмѣсто вышеприведенныхъ въ ту же строку, сохраняя безспорно возстановленныя буквы на своихъ мѣстахъ. Если бы была предложена хоть одна, маломальски вѣроятная замѣна, то это доказало бы, что возможны нѣсколько рѣшеній задачи по имѣющимся даннымъ и потому рѣшеніе, предложенное экспертомъ, гадательно. Но въ томъ-то и дѣло, что даже подъ страхомъ потерять 4 милліона, наслѣдники и ихъ повѣренные ничего не смогли придумать, въ четырехмѣсячный срокъ; ничего, что съ одинаковой вѣроятностью замѣняло бы предложенное экспертомъ рѣшеніе. Отсюда ясно, что иного рѣшенія и быть не можетъ.

Такимъ образомъ, если экспертъ дополнилъ буквы по слѣдамъ и составилъ слова, то лучшій способъ опровергнуть экспертизу—доказать что комбинація буквъ данная экспертомъ, не единственно-возможная. Пока это не сдѣлано, необходимо признавать полную достовѣрность построеній эксперта.

Харьковская судебная палата не согласилась, все-таки, съ заключеніемъ эксперта, не смотря на то, что оспаривавшая это заключеніе сторона не попыталась даже сдѣлать какую-нибудь подстановку буквъ, взамѣнъ данной экспертомъ. Палата нашла, что „хотя догадка эксперта и остроумна, но она все-таки не болѣе какъ догадка“.

У Whewell'я, въ его знаменитой книгѣ есть такое мѣсто:

«Если кто-нибудь, истолковавъ бо́льшую часть данной надписи, можетъ истолковать буквы такимъ образомъ, что подпись получаетъ разумное значеніе, то это дастъ весьма значительную вѣроятность предположенію, что данное истолкованіе правильно *).

Когда, помощью геодезическихъ инструментовъ, измѣряютъ разстояніе до недоступнаго предмета, то результатъ математическихъ соображеній тоже, въ сущности, даетъ догадку, потому что измѣреніе не произведено непосредственно. Въ томъ же смыслѣ можетъ быть названа догадкою любая теорема геометріи.

---

*) *Whewell*. Philosophie of Discovery, p. 274.

Прилагаемый снимокъ съ облигаціи СПБ. городскаго кредитнаго общества даетъ образчикъ возстановленія вытравленныхъ печатныхъ словъ. Четырнадцать лѣтъ назадъ въ петербургскихъ банкахъ и мѣ-

ТРИДЦАТЬ ПЯТАГО ВЫПУСКА

ВЪ ПЯТЬ ТЫСЯЧЪ РУБ.

приносящая доходу по 5 процент.

ВЪ ГОДЪ.

№ 631615

Директоры:

СПБ. ГОРОДСКОЕ КРЕДИТНОЕ ОБЩЕСТВО

Extrait des statuts de la Société du crédit foncier de la ville de St.-Pétersbourg.

Les obligations de la Société du crédit foncier de la ville de St.-Pétersbourg sont des valeurs publiques portant intérêt. Le remboursement du capital au pair et le payement des intérêts y énoncés sont garantis sous la responsabilité solidaire de tous les emprunteurs de la Société, par la valeur totale des immeubles situés dans l'enceinte de St.-Pétersbourg, et engagés aux 3/4 de leur valeur à la Société.

няльныхъ лавкахъ были размѣнены пятитысячныя облигаціи названнаго общества, всего на сумму 80.000 рублей. При фотографическомъ изслѣдованіи оказалось, что облигаціи эти передѣланы изъ 100-рублевыхъ, посредствомъ вытравленія нѣкоторыхъ мѣстъ. На рисункѣ можно

замѣтить, подъ серединой словъ „пять тысячъ“, слѣды вытравленной цифры 100, а съ правой стороны ея фотографія возстановила слова: „CENT R. a 5%“.

Слѣдуетъ добавить, что вызыванію слѣдовъ вытравленныхъ буквъ цвѣтодѣленіемъ можно еще помочь нѣкоторой подготовкой самаго документа, но вообще говоря, лучше избѣгать всякихъ химическихъ операцій надъ изслѣдуемыми актами. Наименѣе безопасенъ слѣдующій способъ: фильтровальную бѣлую бумагу вымачиваютъ въ 5% растворѣ галловой кислоты или таннина и когда она просохнетъ до того, что будетъ чуть-чуть только сыроватой, кусочекъ ея, размѣромъ соотвѣтствующій мѣсту травленія, подкладываютъ съ обратной стороны документа подъ это мѣсто, покрываютъ стекломъ и держатъ часъ или два подъ тяжестью незначительнаго груза, напр. переплетенной книги. По прошествіи указаннаго времени, тяжесть и стекло снимаютъ, а на документъ, не отнимая подложку изъ фильтровальной бумаги, накладываютъ нагрѣтую деревянную дощечку. Иногда удается этимъ способомъ вызвать буквы даже и безъ фотографированія. По общему правилу должно, во всякомъ случаѣ, попробовать обойтись только фотографированіемъ и прибѣгать къ химическому вызыванію лишь послѣ неудачи съ фотографіей.

Возстановленіе выскобленныхъ письменъ.

Слѣды выскобленныхъ письменъ отличаются отъ слѣдовъ вытравленныхъ письменъ тѣмъ, что первые имѣютъ слабожелтый цвѣтъ, не отличающійся, для глаза отъ цвѣта бумаги, тогда какъ послѣдніе сохраняютъ цвѣтъ чернилъ, хотя и очень ослабленый. Кромѣ того, слѣды выскобленныхъ письменъ всегда бываютъ менѣе полны, чѣмъ вытравленныхъ, потому что часто буквы, особенно въ тонкихъ линіяхъ, совершенно удаляются съ поверхности бумаги. Наконецъ, мѣсто травленія непремѣнно нѣсколько желтѣе бумаги (не для глазъ), тогда какъ мѣсто скобленія желтизны не имѣетъ. Поверхность бумаги при скобленіи нарушается, конечно, гораздо сильнѣе, чѣмъ при травленіи; микроскопъ съ вертикальнымъ иллюминаторомъ даетъ совершенно различныя картины поверхности бумаги въ вытравленныхъ и въ выскобленныхъ мѣстахъ.

Эти различія въ характерѣ слѣдовъ обусловливаютъ различіе въ пріемахъ вызыванія ихъ. Для желтаго цвѣта слѣдовъ травленія выгоднѣе было употреблять слой іодо-серебряный, какъ очень мало чувствительный именно къ желтому цвѣту; гораздо менѣе полезенъ іодосеребряный слой (мокраго способа) для вызыванія слѣдовъ скобленія,

которые не всегда бываютъ желтыми, а сохраняютъ еще въ слабыхъ оттѣнкахъ цвѣтъ чернилъ. Сухія, броможелатинныя пластинки, не изохроматическія, пригодны для этой работы, если соблюсти нѣкоторыя условія экспозиціи и проявленія.

Объективъ сильно діафрагмируется. Освѣщеніе непремѣнно должно быть двустороннее, совершенно одинаковое съ обѣихъ сторонъ, а потому дневной свѣтъ не пригоденъ для этой работы. Послѣднее условіе объясняется значительнымъ разрушеніемъ гладкой поверхности бумаги при скобленіи, вслѣдствіе чего волокна поднимаются (волоски) и при одностороннемъ освѣщеніи даютъ такое множество отброшенныхъ линейныхъ тѣней, что ими окажутся совершенно скрыты, перепутаны слѣды письма. По этой же причинѣ должно стараться, чтобы лучи свѣта падали на фотографируемый оригиналъ по возможности перпендикулярно, для чего приходится магніевыя или электрическія лампы сильно отдалять отъ предметнаго щита. При длиннофокусныхъ объективахъ, вообще наиболѣе пригодныхъ для судебно-фотографическихъ работъ, удаленіе источниковъ свѣта отъ предметнаго щита не затруднительно; при объективахъ же съ менѣе длиннымъ фокусомъ камера заслоняетъ свѣтъ, если лампы помѣстить далеко позади ея.

Слѣды *травленія* вызываются фотографированіемъ въ натуральную величину или даже въ нѣсколько меньшемъ противъ подлинника размѣрѣ потому, что при уменьшеніи линіи выходятъ всегда рѣзче, опредѣленнѣе. Слѣды *скобленія*, напротивъ, необходимо фотографировать въ увеличенномъ размѣрѣ, потому что всегда, какія бы мѣры предосторожности ни принимались, приходится имѣть дѣло съ линейными тѣнями, отброшенными отъ поднявшихся волоконъ. Въ увеличеніи эти тѣни гораздо легче отличаются, по виду, отъ слѣдовъ буквъ, чѣмъ при фотографированіи въ натуральную величину, а тѣмъ паче въ уменьшеніи

Для того, чтобы освободиться, по возможности, отъ этихъ линейныхъ тѣней, мѣшающихъ выдѣлить слѣды буквъ, прибѣгаютъ къ слѣдующему пріему. Дѣлаютъ тампонъ изъ ваты, обернутой въ полотняную (а не бумажную) тряпку и передъ первымъ снимкомъ проводятъ тампономъ, слегка нажимая, въ одномъ направленіи, напр. справа влѣво, вслѣдствіе чего часть поднявшихся волоконъ пригибается въ туже сторону къ поверхности бумаги. Послѣ экспонированія первой пластинки производятъ ту же операцію, но въ обратную сторону, т. е. слѣва вправо и дѣлаютъ второй снимокъ. Если два такимъ образомъ полученныхъ негатива совмѣстить (пленки), то большая часть тѣней уничтожится и слѣды очистятся. Въ самомъ дѣлѣ, приглаживаніе тампономъ перемѣститъ тѣни такъ, что прозрачные слѣды ихъ на первомъ негативѣ прикроются непрозрачными мѣстами второго негатива и на-

оборотъ, тогда какъ слѣды буквъ, оставаясь на мѣстѣ, совпадутъ и не потеряютъ прозрачность.

Изъ этого понятно, что порядокъ совмѣщенія изображеній при дальнѣйшей цвѣтодѣлительной операціи долженъ быть измѣненъ противъ того, который соблюдался при вызываніи слѣдовъ травленія. Дѣлаются, сначала, два негатива такъ, какъ было сейчасъ объяснено; затѣмъ два негатива, того же размѣра, но съ приглаживаніемъ тампономъ одинъ разъ въ направленіи сверху внизъ, а другой разъ снизу вверхъ. Снятыя пленки совмѣщаются попарно и съ каждой сложной пары дѣлаются діапозитивы, которые вновь совмѣщаются и т. д. Соблюдая этотъ порядокъ, мы освободимся почти отъ всѣхъ линейныхъ тѣней и выдѣлимъ искомые слѣды.

Если выскобленное письмо написано было не черными и не красными чернилами, а фіолетовыми, то выдѣлить ихъ можно только при помощи урановаго свѣтофильтра. Лучше, конечно, пріобрѣсти такой свѣтофильтръ изъ урановаго стекла, но при нуждѣ можно его приготовить самому. Для этого либо дѣлаютъ изъ двухъ тонкихъ параллельныхъ стеколъ, съ пробковой прокладкой по краямъ, сосудъ, который помѣщается передъ объективомъ, наполненный растворомъ азотнокислаго урана въ водѣ; или же, если діафрагма объектива не ирисъ, а вставная, то еще лучше вырѣзать изъ черной папки діафрагму и въ отверстіе ея вклеить пленку коллодіума, окрашеннаго урановою солью.

Соли урана поглощаютъ фіолетовые лучи и потому лучи, отражаемые отъ слѣдовъ фіолетовыхъ чернилъ, пройдя свѣтофильтръ, не подѣйствуютъ на чувствительную пластинку и, слѣдовательно, дадутъ слѣдъ прозрачный, какъ бы слѣды черныхъ линій. Необходимо помнить, что при употребленіи свѣтофильтра установку на матовомъ стеклѣ слѣдуетъ исправлять, такъ какъ фокусъ перемѣщается.

Если строки новаго текста покрываютъ прежнія, выскобленыя, то, какъ и при возстановленіи вытравленныхъ письменъ, вычитаютъ новый текстъ при помощи діапозитива и въ остаткѣ получаются только слѣды искомаго, стараго текста.

На одномъ изъ отпечатковъ съ конечнаго негатива, имѣющаго одни только слѣды выскобленнаго письма, экспертъ цвѣтными чернилами обводитъ слѣды и пунктиромъ намѣчаетъ недостающія, по его мнѣнію, части буквъ. Этотъ отпечатокъ вручается суду или слѣдователю вмѣстѣ съ простымъ, не обведеннымъ и недополненнымъ отпечаткомъ, въ качествѣ *личной* попытки эксперта возстановить текстъ полностью, его собственной догадки, правильность которой можно оспоривать.

Полученіе негативовъ съ изслѣдуемаго мѣста документа не въ камерѣ, а въ копировальной рамѣ, контактомъ, возможное лишь при условіи отсутствія письма на оборотѣ бумаги, представляетъ нѣкото-

рыя отличія отъ подобной же операціи при возстановленіи вытравленныхъ письменъ. Дѣло въ томъ, что самое скобленіе уже обусловливаетъ собою уменьшеніе толщины бумаги и, слѣдовательно, при прохожденіи черезъ бумагу свѣта, скобленое мѣсто пропуститъ его болѣе, чѣмъ вся остальная бумага, что отразится на негативѣ большею непрозрачностью слоя. Слабые слѣды скобленныхъ буквъ окажутся затянутыми и, во всякомъ случаѣ, не такъ хорошо выдѣляются изъ бумаги, какъ слѣды вытравленныхъ буквъ. Поэтому, при возстановленіи выскобленныхъ письменъ лучше получать негативы въ камерѣ, чѣмъ контактомъ, хотя въ послѣднемъ случаѣ избѣгаются тѣни отъ волоконъ; но, легче освободиться отъ этихъ тѣней, чѣмъ вызвать затянутые слѣды.

Прочтеніе закрытыхъ письменъ.

Для того, чтобы скрыть слѣды подлога, часто прибѣгаютъ къ закрытію обличающихъ цифръ, подписей и т. п., дѣлая поверхъ ихъ чернильное или другое какое нибудь пятно. Въ 1883 году, въ Парижскомъ почтамтѣ была произведена растрата и, для скрытія ея слѣдовъ, цифры въ книгѣ сборовъ умышлено залиты чернилами. Ліонскому фотографу Феррану удалось получить снимокъ съ ясно читаемыми цифрами, но только благодаря тому, что цифры и пятно были неодноцвѣтны: цифры писаны черными чернилами, а пятно сдѣлано фіолетовыми. При этихъ условіяхъ первый же негативъ далъ очертанія цифръ, такъ какъ фотографированіе фіолетовыхъ чернилъ не производитъ на пластинку одинаковое дѣйствіе съ черными.

Случай Феррана — исключительный; обыкновенно приходится имѣть дѣло съ болѣе трудными задачами, требующими помощи фотографическаго цвѣтодѣленія, т. е. — когда *черныя* письмена закрыты черными же чернилами.

Прочтеніе закрытой чернильнымъ пятномъ надписи было первою фотографическою экспертизою въ русскихъ судахъ; эта работа исполнена была 11 сентября 1889 г., по дѣлу Рокоссовскаго и Юнггерца, обвинявшихся въ составленіи подложнаго извѣщенія о внесеніи въ товарную кассу Николаевской жел. дороги наложеннаго платежа въ 9000 рублей и въ полученіи этой суммы по указанному подложному извѣщенію въ г. Козловѣ.

Экспертиза по дѣлу Рокоссовскаго и Юнггерца описана въ главѣ „О цвѣторазличеніи“.

Работы этого рода всецѣло основываются на цвѣтодѣленіи. Передъ нами слой чернилъ пятна и въ этомъ пятнѣ такой же толщины слой

Прочтеніе закрытыхъ письменъ.

Снимокъ обыкновеннымъ способомъ.

Снимокъ цвѣтодѣлительнымъ способомъ.

чернилъ, но плюсъ еще чернила закрытыхъ буквъ. Отсюда ясно, что непрозрачность всего пятна (на просвѣтъ) и тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся буквы, не можетъ быть одинакова, т. е. въ послѣднихъ слой гуще, непрозрачность больше. Для глазъ различіе это можетъ быть незамѣтно, но для фотографіи, при помощи цвѣтодѣленія, оно существуетъ и можетъ быть обнаружено.

Фотографированіе производится слѣдующимъ образомъ. Документъ помѣщаютъ на предметномъ щитѣ, имѣющемъ отверстіе въ серединѣ, и пригоняютъ съ такимъ расчетомъ, чтобы чернильное пятно пришлось на отверстіи щита. Наводя на фокусъ какъ обыкновенно, ставятъ кассету и освѣщаютъ сильнымъ свѣтомъ съ обратной стороны документа, т. е. чтобы лучи свѣта проходили въ объективъ черезъ бумагу и пятно. Самое пятно во время экспозиціи обильно смачиваютъ бензиномъ, отчего получается прозрачность бумаги. Такихъ негативовъ дѣлается три, пленки снимаются и совмѣщаются, затѣмъ снимается три діапозитива и т. д. Контактомъ въ копировальной рамѣ дѣлать нельзя уже и потому, что смачиваніе бензиномъ невозможно. Обыкновенно буквы начинаютъ выясняться довольно скоро и вся работа требуетъ меньше времени и хлопотъ, чѣмъ при вызываніи вытравленныхъ и выскобленныхъ мѣстъ.

Усложняется дѣло тогда, когда на обратной сторонѣ документа тоже имѣется текстъ и, притомъ, строки его какъ разъ совпадаютъ, по мѣсту съ строками возстанавливаемыми. Случается это, вообще, рѣдко; но если бы и пришлось имѣть дѣло съ такимъ условіемъ, то можно поступать описаннымъ уже выше способомъ, какъ при возстановленіи вытравленыхъ и выскобленныхъ письменъ. Сдѣлавъ три негатива на просвѣтъ для совмѣщенія, документъ на щитѣ помѣщаютъ оборотной стороной къ камерѣ и снимаютъ, отраженнымъ свѣтомъ, негативъ съ того мѣста, которое соотвѣтствуетъ пятну, причемъ, разумѣется, наблюдаютъ, чтобы взаимное положеніе камеры и щита осталось неизмѣннымъ. Съ этого негатива дѣлаютъ позитивъ и при помощи его вычитаютъ изъ конечнаго (послѣ цвѣтодѣленія) негатива пятно строки оборотной стороны.

Точно также поступаютъ при желаніи обнаружить подготовительную рисовку карандашомъ, углемъ и т. п.; въ этомъ случаѣ чернила буквъ можно разсматривать точно такъ, какъ разсматривали слой чернильнаго пятна: они тоже закрываютъ собою другія линіи. Убѣдиться въ существованіи карандашной подрисовки можно, до фотографированія, при помощи вертикальнаго иллюминатора: подъ микроскопомъ она сейчасъ же обнаруживается. Чтобы узнать ее, слѣдуетъ имѣть въ виду, что чернила не только покрываютъ волокна бумаги, но входятъ и въ промежутки между ними и даже, въ промежуткахъ чернилъ больше,

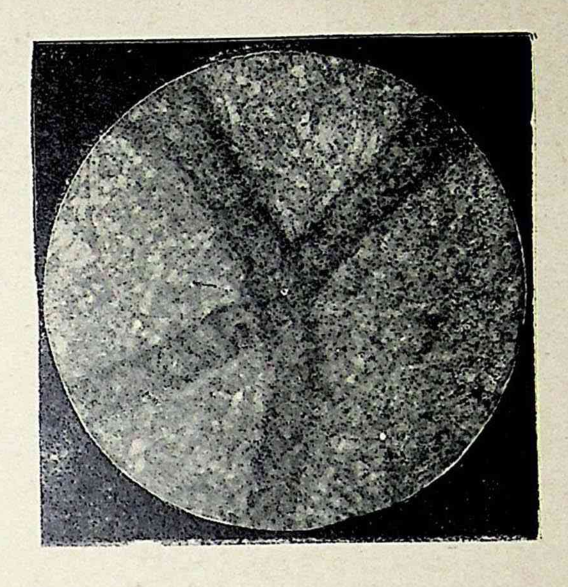
чѣмъ на выступающихъ волокнахъ. Карандашъ, наоборотъ, чернитъ только выступающія части волоконъ и совсѣмъ не заполняетъ промежутки. Продвигая строку подъ вертикальнымъ иллюминаторомъ, можно очень легко прослѣдить линію сдѣланную карандашомъ. Навыкъ различенія карандашной линіи отъ чернильной подъ микроскопомъ пріобрѣтается чрезвычайно быстро; сначала надобно сдѣлать на бумагѣ, рядомъ, двѣ линіи, одну карандашомъ, другую чернилами, и сравнить подъ микроскопомъ, обращая вниманіе на зачернѣніе выдающихся волоконъ. Достаточно, работая съ микроскопомъ Цейсса, взять объективъ АА, соединивъ его съ вертикальнымъ иллюминаторомъ и окуляръ № 3 или даже № 1. Присмотрѣвшись къ сравниваемымъ чертамъ, слѣдуетъ поверхъ карандашной линіи сдѣлать штрихъ чернилами и снова сравнивать.

Это предварительное разсматриваніе подъ микроскопомъ изслѣдуемыхъ буквъ покажетъ, нужно-ли приступать къ фотографическому цвѣтодѣленію или оно безполезно. Подготовку карандашемъ гораздо легче обнаружить, чѣмъ подготовку перомъ-же. Зная, что присутствіе карандаша открывается фотографіей, осторожные поддѣлыватели копируютъ, на просвѣтъ, при помощи такъ называемаго „ситуаціоннаго“ пера, дѣлающаго очень тонкія линіи; если для копированія на просвѣтъ употребленъ бензинъ, то линіи ситуаціоннаго пера не даютъ расплывки, а когда бензинъ испарится, начертанныя линіи служатъ для обведенія обыкновеннымъ перомъ. Если предварительное разсматриваніе штриховъ при помощи вертикальнаго иллюминатора даетъ поводъ предполагать такую подготовку, то обнаруженіе ея производится при помощи микрофотографіи, причемъ приходится суммировать микрофотограммы и, конечно, изслѣдуя каждый штрихъ отдѣльно.

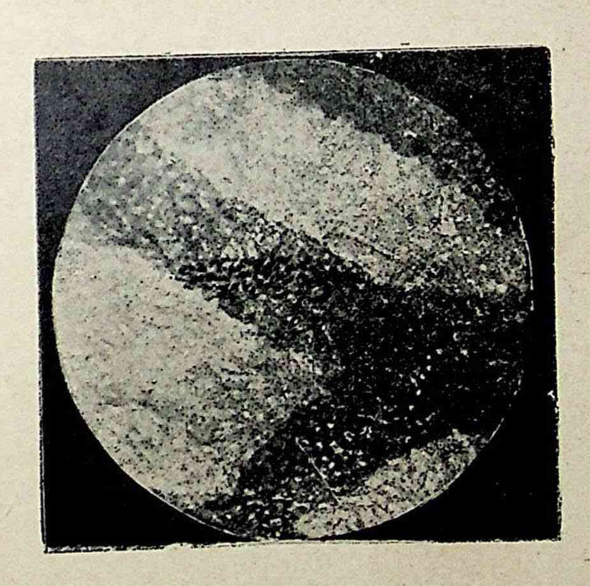
Не могу не припомнить здѣсь слѣдующій случай. По дѣлу Машевской, въ Минскомъ Окружномъ Судѣ (1893 г.) была обнаружена, сперва микроскопомъ, потомъ фотографіей, подготовка подписи столоначальника консисторіи (на метрическомъ свидѣтельствѣ), сдѣланная довольно грубо карандашемъ. Въ судебномъ засѣданіи возникла мысль провѣрить показанія микроскопа и цвѣтодѣлительной фотографіи посредствомъ химической пробы, черезъ аптекарей, т. е. по просту смыванія чернилъ кислотой! Вотъ что называется „послѣ скобеля топоромъ!“ Нечего говорить, что эта повѣрка не обнаружила слѣдовъ карандаша, что дало защитѣ основаніе спорить противъ правильности фотографическаго изслѣдованія!

Убѣдиться въ невозможности обнаружить слѣды карандаша посредствомъ смыванія чернилъ можетъ каждый, произведя опытъ; написавъ что нибудь *легко* карандашомъ и обведя чернилами, попробовать кистью съ кислотой смывать слой чернилъ. Нужно, чтобы карандаш-

Микрофотографическое изслѣдованіе документовъ.

Пересѣченіе линій (снимокъ отраженнымъ свѣтомъ, съ вертикальн. иллюминаторомъ).

Письмо съ карандашной подготовкой по бензину (такой же снимокъ).

ная подготовка была очень грубо сдѣлана, толстыми чертами, съ нажимомъ на бумагу, чтобы подобный опытъ увѣнчался успѣхомъ; если линіи карандаша слабы и тонки, кисть непремѣнно унесетъ слѣды ихъ вмѣстѣ съ чернилами.

Такую же удивительную повѣрку учинилъ вѣнскій фотографъ и химикъ, д-ръ Іезерихъ, по порученію Варшавской судебной палаты въ 1892 г. Производя экспертизу въ Петербургѣ по дѣлу о подлогѣ подписи В., я опредѣлилъ карандашную подготовку. Для контр-экспертизы обвиняемый вызвалъ въ Варшаву, въ судебное засѣданіе, д-ра Іезериха (я въ это засѣданіе вызванъ не былъ), который принялся смывать чернила химическими способами и, конечно, слѣды не обнаружилъ. Въ нѣмецкихъ газетахъ по поводу этой экспертизы были пространныя замѣтки въ похвалу д-ра Іезериха, обнаружившаго невѣжество русскаго эксперта-фотографа. Сообщая о томъ, что благодаря Іезериху, обвиняемый П. оправданъ, эти газеты забыли прибавить, что росписка все-таки признана судомъ подложною.

Въ другомъ случаѣ, наоборотъ, эксперту пришлось доказывать, что слѣды карандаша, замѣченные слѣдователемъ и потерпѣвшимъ около буквъ подписи, не имѣютъ ничего общаго съ карандашной подготовкой. Дѣло въ томъ, что документъ, подпись подъ которымъ оспоривалась въ подлинности, побывалъ уже много разъ, въ теченіе гражданскаго производства, въ рукахъ свѣдущихъ людей, сличавшихъ почерки. Эти господа имѣютъ несчастную привычку, обращая вниманіе другъ друга на какія либо особенности буквъ, указывать на буквы карандашемъ, ничуть не стѣсняясь оставлять, такимъ образомъ, слѣды карандаша на бумагѣ. Разсматривая въ увеличительное стекло подпись, судебный слѣдователь замѣтилъ карандашныя линіи около буквъ подписи, и это открытіе вселило въ него такое твердое убѣжденіе въ наличности карандашной подготовки, что онъ охотнѣе готовъ былъ заподозрить эксперта въ подкупѣ, въ неумѣлости, чѣмъ отказаться отъ своего предположенія. Самое тщательное изслѣдованіе показало, что *подъ* буквами нѣтъ и признака карандашной линіи, тогда какъ *поверхъ* чернилъ, *на* буквахъ, видны подъ микроскопомъ ясные слѣды карандаша.

Вообще, необходимо эксперту имѣть въ виду, что вызываніе карандашной подготовки—экспертиза очень щекотливая, а положеніе эксперта, цвѣтодѣлительную работу котораго провѣряютъ смываніемъ чернилъ—пренепріятное! Не всегда легко объяснить, что такая провѣрка равносильна провѣркѣ тонкаго химическаго анализа посредствомъ пробы на языкъ, на вкусъ! Между тѣмъ, способъ карандашной подготовки при копированіи чужой подписи—самый употребительный, потому что самый удобный. На копируемую подпись кладется

бумага, смачивается бензиномъ и тогда, благодаря достигаемой такимъ образомъ прозрачности, чрезвычайно легко точнѣйшимъ образомъ скопировать подпись. Для того, чтобы не оставалось слѣдовъ карандаша внѣ буквъ, обыкновенно уничтожаютъ ихъ, послѣ обведенія всей подписи чернилами, ватой помоченной въ бензинѣ; стираніе резиной, вообще, не практикуется, такъ какъ оставляетъ замѣтные слѣды.

Въ 1892 г. въ V деп. Сената поступило дѣло изъ енисейскаго суда по обвиненію нѣкоего Л. въ томъ, что онъ, воспользовавшись запиской, писанною карандашемъ потерпѣвшимъ С., составилъ подложный долговой актъ отъ имени С., *вытеревъ резиною текстъ записки* и замѣнивъ его новымъ (долговою роспиской), *при чемъ подпись, сдѣланную карандашемъ, обвелъ чернилами*. Сибирскіе эксперты дали заключеніе во всемъ согласно съ показаніемъ потерпѣвшаго, то-есть признали подмѣну карандашнаго текста другимъ и обведеніе чернилами карандашной подписи. Судъ обвинилъ Л. въ подлогѣ, а по жалобѣ обвиняемаго дѣло перешло въ V департаментъ.

Правительствующій сенатъ призналъ, что въ настоящемъ случаѣ „*подлогъ не могъ быть установленъ экспертизою сличенія почерковъ*“ *), и потому препроводилъ спорный актъ къ прокурору с.-петербургской судебной палаты „для фотографическаго и химическаго изслѣдованія въ лабораторіи спб. окружнаго суда“.

Изслѣдованіе, произведенное въ присутствіи тов. прокурора Глищинскаго и понятыхъ, доказало самымъ нагляднымъ образомъ, что до написанія долговой росписки къ бумагѣ не прикасались ни карандашемъ, ни резиной.

Для опыта была взята часть той самой бумаги, на которой писана росписка и понятымъ предложено было написать на ней что-нибудь карандашемъ очень легко и затѣмъ стереть резиной. Окуриваніемъ парами іода и другими химическими дѣйствіями были не только обнаружены всѣ мѣста, къ которымъ прикасалась резина, но и возстановлено все, написанное понятыми карандашемъ. *Послѣ этого, тѣмъ же испытаніямъ подвергли спорный актъ и не обнаружилось ни одного сомнительнаго пятна.*

Послѣ химическаго изслѣдованія было произведено фотографическое. Контрольный клочекъ бумажки осыпали порошкомъ пережженаго магнія, стерли пуховкой и помѣстили на предметный щитъ фотографическаго аппарата. Полученные негативы дали во всѣхъ мѣстахъ тренія резиной и давленія карандаша густыя, непрозрачныя пятна и черты, несмотря на то, что лоскутокъ былъ передъ тѣмъ сатинированъ въ

*) Въ рѣшеніи по этому дѣлу V департаментъ сената призналъ, что экспертиза черезъ учителей чистописанія, секретарей и др. умѣстна лишь тамъ, гдѣ дѣло идетъ о „*сличеніи почерковъ*“ въ тѣсномъ смыслѣ слова.

ручномъ прессѣ. Явленіе это объясняется тѣмъ, что магнезіальный порошокъ, будучи очень мелкимъ, заполнилъ малѣйшія неровности, произведенныя на бумагѣ резиною, а чрезвычайная бѣлизна этого порошка обусловила мѣстами густоту непрозрачныхъ мѣстъ негатива.

Самый документъ, подвергнутый той же самой операціи, не далъ ни одной подозрительной черточки.

Фотографическія увеличенія также не обнаружили слѣдовъ карандаша.

Ясно, стало быть, что подмѣны текста и обрисовки подписи въ настоящемъ случаѣ не было.

Опредѣленіе времени написанія.

Очень часто случается надобность опредѣлить, сравнительно, время написанія, т. е. узнать, что написано раньше, что позже. Такое изслѣдованіе возможно, вообще говоря, лишь при слѣдующихъ условіяхъ:

1. Чтобы сравниваемыя письмена были на одной и той же бумагѣ;
2. Чтобы между моментами написанія прошло не менѣе года;
3. Чтобы въ чернилахъ, которыми писаны сравниваемыя письмена, содержались соли желѣза;
4. Чтобы бумага не была желтоватая;
5. Чтобы былъ извѣстенъ способъ ея храненія;
6. Чтобы бумага была сатинированная.

Эта экспертиза основана на томъ, что при писаніи чернилами, на поверхности бумаги остается красящее вещество, а жидкость профильтровывается въ толщу бумаги. Если-бы было иначе, то возстановленіе выскобленныхъ письменъ удавалось бы очень рѣдко; въ дѣйствительности же оно удается, за малыми исключеніями, всегда. Скобленіе снимаетъ съ поверхности красящее вещество, но въ толщѣ бумаги остается слѣдъ невидимый для глаза. Если въ чернилахъ были желѣзныя соли, то слѣдъ этотъ, съ теченіемъ времени, расширяется и, въ очень старыхъ письменахъ, можно даже простымъ глазомъ видѣть желтую кайму около всѣхъ линій буквъ.

Если сдѣлаемъ микрофотограмму съ буквы, нанесенной на бумагу менѣе чѣмъ годъ назадъ, то можемъ получить чрезвычайно рѣзкія очертанія, т. е. границы между бѣлой бумагой и чернымъ тѣломъ буквы выйдутъ совершенно опредѣленными. Буква, писаная болѣе года назадъ (если только были въ чернилахъ желѣзныя соли), никогда не дастъ такихъ же опредѣленныхъ границъ и микрофотограмма всегда имѣетъ видъ плохо наведеннаго на фокусъ снимка.

Экспертиза этого рода можетъ, при указанныхъ условіяхъ, дать признаки неодновременности написанія, но не въ состояніи установить противное, т. е. доказать одновременность. Ранѣе я полагалъ, что отсутствіе каймы у линіи сравниваемыхъ письменъ или одинаковая желтизна даютъ право заключать объ одновременности написанія, но впослѣдствіи убѣдился, что утверждать это рисковано: возможно, что храненіе документа въ совершенно сухомъ мѣстѣ, между другими бумагами, предохраняетъ очень долгое время отъ появленія желтой каймы около линіи. Вообще, только рядомъ многочисленныхъ, хорошо поставленыхъ опытовъ, можно было бы опредѣлить съ большею точностью соотношеніе между временемъ написанія и окаймленіемъ линій буквъ.

Прежде чѣмъ приступить къ микрофотографированію, нужно убѣдиться, что сравниваемыя письмена писаны одного сорта чернилами. Для этого кисточкой, смоченой въ кислотѣ, осторожно дотрогиваются до одной изъ буквъ каждой изъ сравниваемыхъ частей документа и наблюдаютъ цвѣтъ расплыва. По таблицѣ Робертсона и Гофмана (см. далѣе „изслѣдованіе чернилъ") можно опредѣлить, содержатся ли соли желѣза въ чернилахъ сравниваемыхъ письменъ и, если не содержатся, то нѣтъ основанія производить дальнѣйшія изысканія при помощи микрофотографіи.

Несравненно доказательнѣе бываютъ другіе, случайные признаки. Если, напримѣръ, первая часть документа писана на бумагѣ безъ складокъ, а вторая тогда уже, когда бумагу складывали въ направленіи перпендикулярномъ къ строкамъ, то отсутствіе расплыва чернилъ по линіи складки въ первой части и наличность таковаго по той же линіи во второй части, доказываетъ неодновременность написанія обѣихъ частей. Всего чаще случается, что къ подписи, сдѣланной на незаполненной еще текстомъ бумагѣ, текстъ добавляется впослѣдствіи; если послѣ написанія подписи бумага была сложена и, притомъ, линія складки пересѣкала подписи, то позднѣйшее писаніе на той же бумагѣ непремѣнно приведетъ къ расплыву чернилъ по линіи складки и чѣмъ рѣзче сдѣлана складка (напр. проведена между ногтями), тѣмъ расплывъ будетъ сильнѣе. Расплывъ можно, очень часто, усмотрѣть при помощи обыкновеннаго увеличительнаго стекла; фотографированіе, въ увеличенномъ размѣрѣ, дастъ изображеніе расплыва на первомъ же негативѣ, такъ что къ цвѣтодѣленію приходится прибѣгать рѣдко. Опасаясь такой сильной улики какъ расплывъ на складкѣ бумаги, поддѣлыватели избѣгаютъ помѣщать на этой линіи толстые штрихи и подгоняютъ письмо такъ, чтобы на складкѣ пришелся или интервалъ между буквами, или тонкій волосяной штрихъ. Въ этомъ случаѣ для изслѣдованія поступаютъ слѣдующимъ обра-

зомъ. Документъ зажимаютъ, въ копировальной рамѣ, между двумя стеклами для того, чтобы устранить складку и фотографируютъ черезъ стекло; на снимкѣ можно видѣть, проходило-ли перо по складкѣ или не проходило, такъ какъ въ первомъ случаѣ волосяная линія непремѣнно должна была дать выгибъ или разрывъ, если, конечно, поддѣлыватель не озаботился расправить складку отволоженіемъ (отволоженіе—приданіе сырости) и разглаживаніемъ бумаги.

Въ практикѣ чаще всего приходится имѣть дѣло съ утвержденіемъ, что подпись была поставлена на незаполненной текстомъ бумагѣ, предназначавшейся для написанія какого нибудь незначущаго прошенія, заявленія, и т. п., но вмѣсто того, получившій такой чистый листъ съ подписью вписалъ текстъ обязательства, безъ вѣдома и согласія учинившаго подпись. Иногда утверждаютъ, что подпись сдѣлана была на первой страницѣ чистаго листа бумаги, потомъ же оказалась на третьей страницѣ документа, т. е. что листъ былъ вывернутъ по фабричной складкѣ. Въ виду такого заявленія является необходимость изслѣдовать складку, что не представляетъ трудности для микро-фотографа.

Если будемъ разсматривать подъ микроскопомъ съ вертикальнымъ иллюминаторомъ фабричную складку листа бумаги, не бывшаго въ употребленіи, то замѣтимъ, что наружная сторона (выгибъ) очень отличается отъ внутренней (вгиба) по характеру разрушенія поверхности бумаги. Это и понятно: при сгибѣ наружная сторона удлиняется, *растягивается*, тогда какъ внутренняя укорачивается, сжимается. Наружный изгибъ даетъ картину разрыва волоконъ, внутренній же картину уплотненія.

Послѣ поворота бумаги такимъ образомъ, что 3-я (внутренняя) страница становится первою (наружною) и наоборотъ, прежняя 1-я дѣлается 3-ю, новый перегибъ по линіи фабричной складки совпадаетъ съ линіей этой послѣдней, но сжатая часть бумаги даетъ такъ называемый *шнуръ*, по которому всегда безошибочно можно опредѣлить, какъ была сложена бумага на фабрикѣ.

Шнуръ хорошо виденъ, если привести обѣ половины листа въ одну плоскость. Вывернувъ, для опыта, нѣсколько листовъ бумаги, можно хорошо усвоить себѣ различіе между сгибами бумаги вывернутой и невывернутой.

Попадаются и другіе признаки, по которымъ оказывается возможность опредѣлить порядокъ написанія. По одному дѣлу обнаружилось, что послѣдняя строка текста писана по жирному мѣсту, тогда какъ непосредственно ниже стоящая подпись не имѣла этого признака; цвѣтодѣлительный негативъ далъ ясный отпечатокъ пальца, причемъ этотъ отпечатокъ лежалъ и на послѣдней строкѣ текста и на под-

писи. Такое наблюденіе давало право предположить, что послѣ того какъ подпись была написана, бумагу захватали жирными руками и затѣмъ уже вписали текстъ.

Въ другомъ случаѣ, правильный текстъ росписки на сумму 50 рублей былъ написанъ китайскою тушью, которая, какъ извѣстно, прекрасно смывается простой водой при помощи губки; смывъ этотъ текстъ, написали другой, но уже на сумму 200 рублей. По счастью для потерпѣвшаго, поддѣлыватель не догадался вмѣсто стального пера взять гусиное и только благодаря этой оплошности можно было найти слѣды подлога, такъ какъ острые концы пера оставили слѣдъ на бумагѣ, доступный обнаруженію фотографіей при помощи цвѣтодѣленія. Дѣло это замѣчательно еще тѣмъ, что, какъ впослѣдствіи оказалось, повѣреннымъ потерпѣвшаго выступало въ судѣ то самое лицо, которому принадлежала иниціатива и исполненіе подлога! До судебнаго слѣдствія не дошло за смертью обвиняемаго. Въ изслѣдованіяхъ этого рода эксперту можетъ помочь только случайность и потому они принадлежатъ скорѣе къ экспертизѣ неопредѣленнаго заданія, къ „исканію“ подлога. Сомнительно, однако, чтобы аккуратно выполненная продѣлка съ писаніемъ китайской тушью могла быть раскрыта современными средствами экспертизы документовъ! Ставящіе свою подпись на документахъ хорошо сдѣлаютъ, если будутъ каждый разъ обращать вниманіе на цвѣтъ буквъ написаннаго: писаніе китайской тушью имѣетъ или густо-черный цвѣтъ или, если тушь слабо разведена, то рыжеватый. При сомнѣніи, полезно, прочитывая текстъ подписываемаго документа, кое гдѣ сдѣлать поправки, напр. разставить знаки препинанія. Эти поправки очень помѣшаютъ смыванію туши и во всякомъ случаѣ дадутъ эксперту почву для изслѣдованія.

При опредѣленіи порядка написанія текста и подписи, необходимо осмотрѣть, не пересѣкаетъ ли какая нибудь линія подписи линіи текста.

Изслѣдуя подъ микроскопомъ, при помощи вертикальнаго иллюминатора, эти два пересѣченія, увидимъ, лежатъ ли линіи подписи *на* линіяхъ текста или наоборотъ? Микроскопъ даетъ на этотъ вопросъ безошибочный отвѣтъ и до того наглядный, что напр., присяжнымъ засѣдателямъ могутъ быть показаны не только фотограммы, но и непосредственно демонстрирована самая рукопись подъ микроскопомъ. Для всѣхъ такихъ изслѣдованій вертикальный иллюминаторъ безусловно необходимъ (см. микрофотограммы на отдѣльномъ листѣ).

Прочтеніе письменъ стершихся и выцвѣтшихъ.

Этотъ родъ экспертизы отличается отъ возстановленія вытравленныхъ и выскобленныхъ письменъ тѣмъ, что время, повредившее письмена, не пощадило и самую бумагу, на которой онѣ написаны, тогда какъ при вытравленіи или выскобленіи поддѣлыватель старается сохранить бумагѣ ея нормальный видъ.

Если письмо стерлось или выцвѣло, значитъ условія храненія документа были неблагопріятны для цѣлости документа, т. е. онъ подвергался вліянію свѣта, сырости, тренія и т. п. Въ результатѣ всѣхъ этихъ вліяній получается желтизна самой бумаги и разрушеніе гладкой ея поверхности; то и другое очень затрудняетъ фотографированіе. При сильной желтизнѣ бумаги и полномъ исчезновеніи письменъ можетъ случиться, что цвѣтъ первой и послѣднихъ сравняется такъ, что выдѣлить письмена фотографированіемъ будетъ невозможно или же потребуется очень много труда. Такъ какъ подобныя изслѣдованія приходится производить надъ очень старыми документами, писанными желѣзо-орѣшковыми чернилами на тряпичной бумагѣ, то лучше всего усилить слѣды письменъ передъ фотографированіемъ. Для этого хорошая, химически чистая фильтровальная бумага вымачивается въ растворѣ таннина, избытокъ воды удаляется, бумага въ сыромъ (а не мокромъ) состояніи кладется на лицевую сторону документа и все вмѣстѣ помѣщается на ночь въ копировальную раму. На другой день отсырѣвшій документъ *быстро* высушивается передъ огнемъ, при чемъ слѣды буквъ становятся яснѣе.

Стершіяся письмена удачнѣе вызываются фотографически если документъ зажать очень крѣпко въ копировальной рамѣ, лицевой стороной къ стеклу и фотографировать черезъ стекло. Если имѣется разрѣшеніе дѣлать съ документомъ что угодно, лишь бы вызвать письмена, то лучше всего поступить такъ, какъ дѣлаютъ при эмальированіи альбуминныхъ фотографическихъ отпечатковъ, т. е. облить хорошо вычищеное зеркальное стекло коллодіумомъ, затѣмъ 5% растворомъ желатины и, наложивъ документъ лицевой стороной на желатину, хорошо прикатать валикомъ; по высыханіи бумага отдѣлится вмѣстѣ съ слоемъ желатины и коллодіума. Эта операція почти всегда даетъ прекрасные результаты.

Выдѣленіе вставокъ и поправокъ.

Для того, чтобы это изслѣдованіе принадлежало къ группѣ экспертизъ опредѣленнаго заданія, необходимо, чтобы вопросъ былъ не о томъ, есть ли вообще въ документѣ гдѣ нибудь какія нибудь поправки или вставки, но чтобы было опредѣленно указано мѣсто документа, въ которомъ вставка или поправка предполагается.

Поправка или вставка, совершенная не во время написанія документа а позднѣе, дѣлается обыкновенно не тѣми самыми чернилами, которыми писанъ документъ, а другими и, въ такомъ случаѣ, вопросъ разрѣшается посредствомъ сравнительнаго изслѣдованія чернилъ; въ указанномъ мѣстѣ пробуютъ кислотой нѣсколько буквъ и по цвѣту расплыва судятъ о различіи чернилъ. Если такое химическое изслѣдованіе недопустимо, то прибѣгаютъ къ помощи фотографіи, которая очень часто на первомъ же негативѣ даетъ неодинаковую прозрачность линіи текста и линіи вставки или поправки.

Въ 1889 году судебнымъ слѣд. 9 уч. г. С.-Петербурга производилось слѣдствіе „о подложной точкѣ". Переплетчику Шаберу были отданы, для переплета, книги журнала Revue des deux mondes и въ принятіи ихъ переплетчикъ выдалъ росписку; годъ спустя заказчикъ потребовалъ, согласно роспискѣ, 45 книгъ и 10 брошюръ, переплетчикъ же утверждалъ, что имъ получены только 45 непереплетенныхъ книжекъ журнала и одна переплетенная, въ видѣ образца.

При внимательномъ разсматриваніи перваго же снятаго негатива обнаружилось, что точка между цифрою 10 и неоконченнымъ словомъ *бр* гораздо прозрачнѣе буквъ; поэтому была произведена химическая проба чернилъ, не оставившая сомнѣнія, что точка сдѣлана не тѣми чернилами, которыми писанъ текстъ. Такимъ образомъ дѣло вполнѣ объяснилось: въ переплетъ были отданы 45 книгъ и образецъ, но въ роспискѣ слово *образецъ* написано сокращенно, что и подало мысль заказчику, поставивъ точку между *О* и *б*, требовать 45 книгъ и 10 брошюръ. Поправки и вставки безъ труда обнаруживаетъ микроскопъ съ вертикальнымъ иллюминаторомъ, если, какъ въ только-что разсказанномъ случаѣ, мѣсто предполагаемой передѣлки указано и слѣдовательно нѣтъ надобности провести весь документъ подъ микроскопъ; само собою разумѣется, что экспертиза во много разъ облегчается, когда передѣлка соединена съ выскабливаніемъ линій, такъ какъ слѣды скобленія *нельзя не замѣтить*. Микрофотограмма несравненно нагляднѣе обыкновеннаго фотографическаго снимка показываетъ слѣды передѣлокъ и имѣетъ то преимущество, что можетъ быть провѣрена судьями непосредственнымъ разсматриваніемъ документа при помощи микроскопа.

Изслѣдованіе чернилъ.

Изслѣдованіе чернилъ, встрѣчающееся при судебной экспертизѣ документовъ, чаще всего бываетъ сравнительное и имѣетъ цѣлью установить тожество или различіе въ составѣ чернилъ, которыми писаны сравниваемыя письмена.

Судебныя власти весьма нерѣдко прибѣгаютъ для сравненія чернилъ къ компетенціи тѣхъ же свѣдущихъ людей, которые призываются для сличенія почерковъ, т. е. типографовъ, граверовъ, учителей чистописанія и др., которые производятъ свое изслѣдованіе „на глазъ". Такъ было напр., въ очень извѣстномъ дѣлѣ отставного штабсъ-капитана Сазонова, обвинявшагося въ подлогѣ росписки отъ имени купца Крутова (Витебскій Окр. Судъ 1890 года). Витебскій окружной судъ прислалъ росписку для экспертизы въ Петербургъ и здѣсь это дѣло поручено двумъ типолитографамъ (?), которые, руководствуясь тѣмъ, что подпись выглядитъ немного блѣднѣе текста, порѣшили, что она писана другими чернилами, забывая при этомъ, что существуетъ обычай по окончаніи письма, снимать чернила съ послѣднихъ строкъ пропускной бумагой (прессъ-бюваромъ)! Любопытно при этомъ, что товарищъ прокурора (г. Фредериксъ), обвинявшій Сазонова, возражалъ противъ показаній химической экспертизы, указывая что „нельзя повѣрить, чтобы въ Петербургѣ, куда посылалась для экспертизы росписка, изслѣдованіе было поручено неспеціалистамъ этого дѣла" (см. стр. 165).

Въ продажѣ имѣются чернила самаго разнообразнаго состава и на этомъ обстоятельствѣ зиждется, главнымъ образомъ, сравнительное изслѣдованіе чернилъ при судебной экспертизѣ документовъ. Если дотронуться кисточкой, смоченой въ слабомъ растворѣ кислоты, до писаной буквы, чернила сейчасъ же измѣнятъ цвѣтъ и дадутъ расплывы; чернила разнаго состава даютъ расплывы не одного цвѣта, напр. одни зеленый, другіе оранжевый.

При изслѣдованіи чернилъ можно руководствоваться таблицей, составленной докторами A. Robertson'омъ и I. Hoffmann'омъ *);

---

*) Pharm. Centralblatt. 1892 г.

ТАБЛИЦА.

Реактивы.	Желѣзо-орѣшковыя чернила.	Кампешевое дерево.		Нигрозинъ.	Ванадиновыя чернила.	Резорциновыя чернила.
		съ хром. кисл. кали.	съ сѣрнокисл. мѣдью.			
Щавелевая кислота. (3% р.)	исчезаютъ	фіолетовыя	оранжево-желтыя	не измѣняется	блѣднѣютъ и немного растекают.	свѣтло-красныя
Лимонная кислота. (10% р.)	блѣднѣютъ	фіолетовыя	оранжево-желтыя	растекается темно-синимъ	блѣднѣютъ и растекаются	исчезаютъ
Соляная кислота. (10% р.)	исчезаютъ по оставляютъ желтую окраску	пурпурно-красныя	кровяно-красныя	мало измѣняются.	блѣднѣютъ немного и растекаются немного	свѣтло-розовыя
Азотная кислота. (20% р. HNO_3 въ H_2O)	исчезаютъ	красныя	пурпурно-красныя	немного расплывается	блѣднѣютъ мало	свѣтло-розовыя
Хлорист. олово и сол. кисл. (1 часть $SnCl_2$+1 часть HCl+10 частей H_2O)	исчезаютъ	красныя	—	не измѣняется	блѣднѣютъ мало	исчезаютъ
Сѣрнистая кислота (SO_2 въ н. р. H_2O)	блѣднѣютъ	сѣро-фіолетовыя	красныя	не измѣняется	блѣднѣютъ и немного расплыв.	блѣднѣютъ
Хлорное золото (4% $AuCl_3$ въ H^2O)	блѣднѣютъ мало	красно-бурыя	бурыя	не измѣняются	не измѣняются	расплываются
Сѣрноватисто-натріевая соль съ амміакомъ (1 часть $Na_2S_2O_3$+1 часть SH_3+10 частей H_2O)	темно-красный	не измѣняются	темно-синія	темно-фіолетовый и расплываются	сильно расплываются	бурыя
Желѣзисто-синеродн. калій и соляная кислота (1 ч. $C_6N_6FeK_4$ + 1 ч. HCl+ + 10 ч. H^2O)	сині	красныя	кирпично-красныя	не измѣняется	не измѣняются	розовыя
Ѣдкій натръ (4% р. $NaOH$ въ H_2O)	темно-красный	бурыя	темно-красный расплываются	темно-фіолетовый расплывается	грязно-бурый, расплываются	не измѣняются
Хлорноватисто-кальц.-соль (2% р. $Ca(ClO)_2$ въ H_2O)	исчезаютъ	исчезаютъ	исчезаетъ и оставляетъ желтое окрашиваетъ.	бурый	не измѣняются	бурыя
Сѣрная кислота (15% р. H_2SO_4 въ H_2O)	исчезаютъ	красныя	пурпурно-красныя	не измѣняется	немного блѣднѣютъ	свѣтло-красныя

Примѣчаніе: р. обозначаетъ растворъ, а р. н. — насыщенный растворъ.

Фотографическое сравнительное изслѣдованіе чернилъ практикуется только въ тѣхъ случаяхъ, когда химическое недоступно. Иногда фотографическій снимокъ прямо даетъ указанія на различіе въ прозрачности, но гораздо чаще приходится прибѣгать къ цвѣтодѣленію. Чтобы получить на негативѣ различіе въ прозрачности буквъ, соотвѣтствующихъ чернпламъ разныхъ цвѣтовъ, требуется небыстрая съемка и, если употребляются сухія пластинки, то очень медленное проявленіе въ вертикальномъ кюветѣ. При сниманіи мокрымъ способомъ фиксированіе должно быть произведено не синеродистымъ кали, но гипосульфитомъ. На различіе въ прозрачности слѣдовъ буквъ можно смотрѣть лишь какъ на наведеніе, которое должно быть, все-таки, провѣрено химически. Доказательствомъ различія чернилъ оно быть не можетъ, такъ какъ не невозможны случаи въ родѣ того, который только-что разсказанъ (дѣло Сазонова). Едва ли нужно добавлять, что сравниваемыя письмена обязательно фотографировать вмѣстѣ на одной пластинкѣ. Для того, чтобы не впасть въ ошибку благодаря неравномѣрности боковаго освѣщенія, документы располагаются на щитѣ не рядомъ, а одинъ подъ другимъ.

Намъ придется еще вернуться къ этимъ изслѣдованіямъ въ главѣ объ экспертизахъ неопредѣленнаго заданія, гдѣ они имѣютъ важное значеніе.

Сравненіе сортовъ бумаги.

Я умышленно избѣгнулъ выраженія „Изслѣдованіе бумаги“, потому что тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ изслѣдованіи бумаги, необходимо обращаться къ спеціалистамъ по писчебумажному производству. Графическому эксперту случается только надобность въ сравненіи сортовъ бумаги и не столько для предъявленія суду заключеній по этому предмету, сколько въ качествѣ вспомогательнаго средства при другихъ изслѣдованіяхъ.

Графическому эксперту доступно только микроскопическое изслѣдованіе бумаги и измѣреніе ея толщины; другія изслѣдованія невозможны уже и потому, что почти всѣ требуютъ большаго количества испытываемой бумаги, напр., нѣсколько листовъ. Для точнаго измѣренія толщины существуютъ особые приборы, называемые пикнометрами, но въ предѣлахъ надобности экспертизы документовъ можно довольствоваться такъ называемымъ Deckglas Taster, употребляющемся для измѣренія толщины покровныхъ стеколъ микроскопическихъ препаратовъ. Онъ дешевъ (36 марокъ), даетъ дѣленія въ сотыхъ частяхъ миллиметра, но такъ какъ для такихъ цѣлей требуется не точное опредѣ-

леніе толщины, а лишь сравнительное, то чувствительность его можно признавать еще большею.

Употребленіе прибора чрезвычайно просто. Испытываемая бумага зажимается въ особыя лапки, причемъ стрѣлка тотчасъ же покажетъ искомую толщину въ сотыхъ доляхъ миллиметра.

Микроскопическое изслѣдованіе бумаги доступно при судебной экспертизѣ документовъ по стольку, поскольку оно не требуетъ большаго количества для испытанія (варки въ кашицу и т. п.), но можетъ быть произведено только осмотромъ. Надобность въ такомъ изслѣдованіи встрѣчается при подозрѣніи наличности свѣтопечатныхъ поддѣлокъ, которыя требуютъ подготовки (очуствленія) бумаги и измѣняютъ до нѣкоторой степени ея строеніе.

Если есть предположеніе, что документъ имѣетъ меньшую давность чѣмъ та, которую ему приписываютъ, то естественно возникаетъ желаніе узнать, изготовлялся ли такой сортъ бумаги въ то время, когда документъ будто бы былъ написанъ. Такой вопросъ былъ заданъ, напр. профессору Спб. Технолог. Института Вылежинскому, вызванному экспертомъ по дѣлу о подлогѣ духовнаго завѣщанія Грибанова, но экспертъ сообщилъ, что такое изслѣдованіе возможно только по отношенію къ бумагамъ очень давняго производства, такъ какъ за послѣднія десятилѣтія никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ фабрикаціи бумаги не произошло.

Это не совсѣмъ вѣрно. Отвѣтъ проф. Вылежинскаго объясняется тѣмъ, что судебный слѣдователь имѣлъ намѣреніе поставить одинъ вопросъ, но поставилъ другой (по незнакомству съ экспертизой документовъ); экспертъ же отвѣтилъ на третій вопросъ, который онъ самъ себѣ задалъ! Для надобностей писчебумажнаго производства совершенно излишне опредѣленія старости бумаги и, понятно, что профессоръ Вылежинскій никогда не задавался вопросомъ, какимъ образомъ можно опредѣлить давность производства. Этотъ вопросъ важенъ только для изслѣдованія рукописей и совсѣмъ не интересенъ для технолога. Очевидно, профессоръ Вылежинскій понялъ вопросъ слѣдователя въ томъ смыслѣ, что требуется узнать соотвѣтствуетъ ли составъ массы бумаги и способъ ея изготовленія состоянію писчебумажной техники указаннаго времени.

Время все измѣняетъ и разрушаетъ, а слѣдовательно измѣняетъ и бумагу. Мы знаемъ, что бумага, особенно имѣющая древесныя и др. примѣси, разрушается очень скоро, иногда въ теченіе 15—20 лѣтъ *).

Это обстоятельство вызвало даже учрежденіе особыхъ испытательныхъ станцій (Берлинъ-Шарлоттенбургъ, Вѣнская высшая технич.

---

*) Hoier: „Бумага, ея свойства и изслѣдованія“. Мюнхенъ 1882 г. (Das Papier, seine Baschaffenheit und deren Prüfung).

школа, Papierborse въ Лейпцигѣ и др.) съ цѣлью противодѣйствовать изготовленію скороразрушающихся сортовъ бумаги.

Но вѣдь никакое разрушеніе не наступаетъ внезапно; слѣдовательно и разрушенію бумаги должно было предшествовать постепенное ея измѣненіе. Если сравнимъ подъ микроскопомъ строеніе волоконъ свѣжеприготовленной бумаги съ строеніемъ бумаги, сфабрикованной 10 лѣтъ назадъ, то различіе окажется большое. Бумага вывѣтривается, волокна пересыхаютъ и крошатся, является множество мелкихъ прозрачныхъ точекъ и пр. Разрушается бумага также и благодаря микроорганизмамъ, которые уменьшаютъ связь между волокнами. Конечно, умѣнье разсмотрѣть признаки разрушенія бумаги требуетъ навыка, обширныхъ опытовъ, но задача не невозможна и рѣшеніе ея должно быть возложено на лицъ, обязанныхъ совершенствовать судебную экспертизу рукописей. Странно, что судебный слѣдователь изъ отвѣта проф. Вылежинскаго не усмотрѣлъ недоразумѣніе, происшедшее отъ взаимнаго непониманія. Въ способахъ производства куриныхъ яицъ и коровьяго молока не произошло рѣшительно никакихъ измѣненій съ сотворенія міра и, тѣмъ не менѣе, свѣжее яйцо или молоко легко отличить отъ несвѣжаго.

Здѣсь кстати замѣтить, что судебно-фотографическая лабораторія при прокурорѣ судебной палаты напрасно не коллекціонируетъ образцы продажной писчей бумаги. Какъ правительственное учрежденіе, она могла бы (напримѣръ черезъ фабричныхъ инспекторовъ) получать образцы всѣхъ выпускаемыхъ фабриками сортовъ бумаги и составить изъ нихъ драгоцѣнную коллекцію для справокъ, въ которыхъ она, конечно, часто нуждается! Тотъ же упрекъ можно сдѣлать лабораторіи за неимѣніе коллекціи сортовъ чернилъ, альбомовъ рукописей, писаныхъ душевно-больными и т. п. Какъ часто одна подобная справка избавляетъ отъ необходимости производить долгія и сложныя изслѣдованія! Въ моей практикѣ былъ случай (дѣло Майзель), въ которомъ рѣшающей уликой оказалось несомнѣнно доказанное несоотвѣтствіе, по времени, даты документа съ моментомъ изготовленія бумаги, на которой онъ былъ написанъ! По счастью, на бумагѣ оказался штемпель фабрики, и по справкамъ оказалось, что фабрика существуетъ всего два года, тогда какъ лице, якобы писавшее документъ, умерло 12 лѣтъ назадъ.

Сравненіе штемпелей, печатей, шрифта и т. д.

Строго говоря, экспертиза эта должна бы быть возложена на граверовъ по металлу, рѣзчиковъ печатей и словолитчиковъ; но, къ сожалѣнію, эксперты эти рѣдко оказываются отвѣчающими требованіямъ, которыя можно предъявлять къ судебному эксперту.

Сургучныя печати. Сличенiе оттисковъ сургучныхъ печатей возможно при помощи фотографiи. Для этого, посредствомъ тампона съ цинковыми бѣлилами (не масляными красками) набиваютъ рельефъ оттиска, вслѣдствiе чего получается бѣлый рисунокъ буквъ на красномъ фонѣ сургуча. Сравниваемые оттиски фотографируютъ на одной пластинкѣ (сухой желатинной), снимаютъ пленку, разрѣзаютъ ее и совмѣщаютъ изображенiя.

Красочныя печати и штемпеля. Фотографируются сравниваемые отпечатки также какъ и сургучные оттиски, т. е. на одной пластинкѣ, пленка снимается со стекла и изображенiя сравниваются при помощи совмѣщенiя. Если отпечатокъ сдѣланъ фiолетовый или красный, то при фотографированiи употребляется урановый свѣтофильтръ.

Серьезныя поддѣлки красочныхъ печатей дѣлаются при помощи фото-цинкографiи или паниконографiи и разумѣется, копiя представляетъ точнѣйшiй снимокъ оригинала, такъ что фотографическiя воспроизведенiя той и другой вполнѣ совмѣщаются даже въ очень большихъ увеличенiяхъ. Обнаружить такой подлогъ можно только по какимъ нибудь едва замѣтнымъ различiямъ въ деталяхъ, обязаннымъ своимъ происхожденiемъ несовершенству травленiя. Кромѣ того, нѣкоторая разница наблюдается въ отдачѣ краски металлами на бумагу; такъ напр., слой краски съ желѣзнаго или мѣднаго штемпеля сходитъ на бумагу не совсѣмъ такъ, какъ съ цинковаго.

Вошедшiе въ общее употребленiе каучуковые штемпеля очень облегчаютъ работу поддѣлывателей и отнимаютъ у эксперта шансы на успѣхъ его изслѣдованiй. Дѣло въ томъ, что при помощи фотографiи чрезвычайно легко получить точную копiю оттиска и воспроизвести его на бумагѣ даже безъ цинкографiи, хромированной желатинной бумагой.

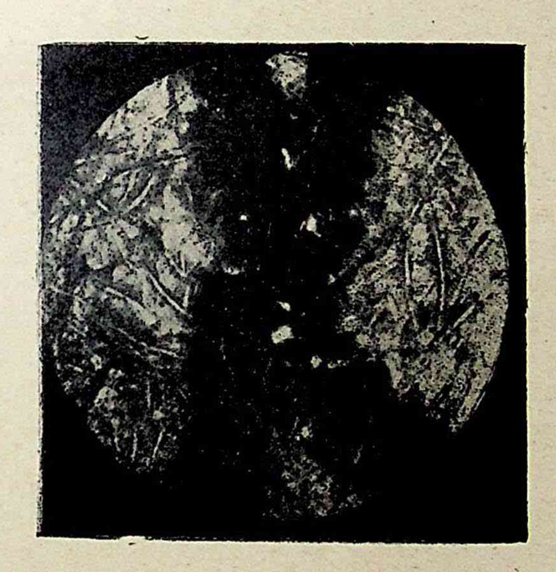
Въ 1889 году С.-Петерб. окружн. судомъ разсмотрѣно было дѣло о кондукторахъ Никол. желѣзн. дороги, Королькова, Ютилло и др., обвинявшихся въ поддѣлкѣ и сбытѣ проѣздныхъ билетовъ отъ станцiи Петербургъ до ст. Бологое и обратно. Дѣло это разбиралось и ранѣе, но окончилось оправданiемъ всѣхъ подсудимыхъ, такъ какъ подложность билетовъ экспертизою не была установлена. По протесту прокурора и жалобѣ гражданскаго истца дѣло перешло въ Сенатъ, который и кассировалъ рѣшенiе присяжныхъ. При вторичномъ разсмотрѣнiи дѣла сравненiе билетовъ съ неподдѣльными показало, что текстъ воспроизведенъ литографически на цинкѣ и печатанiе велось при помощи маленькаго сатинировальнаго пресса. Воспроизведенiе было исполнено прекрасно и уликой явилось только маленькое упущенiе при переводѣ на цинкъ, т. е. забыто сдѣлать ретушь. Менѣе совершенно поддѣланъ былъ компостеръ, приборъ, которымъ билетный кассиръ отмѣчаетъ день продажи билетовъ, № поѣзда и пр.

Къ стр. 317.

Микрофотографическое изслѣдованіе документовъ.

Письмо на подслоѣ (снимокъ отраженнымъ свѣтомъ, съ вертикальн. иллюминаторомъ).

Свѣтопечатная поддѣлка на соляхъ желѣза (снимокъ проходящимъ свѣтомъ).

Поучительна экспертиза церковной или консисторской печати на метрическомъ свидѣтельствѣ по дѣлу Машевской, произведенная въ Минскѣ мѣстными учителями чистописанія и граверами печатей. Сравнивая печати изображенія бѣлаго орла на черномъ полѣ, эксперты замѣтили, на что оттискѣ съ подлинной печати орелъ имѣетъ по 10 перьевъ съ каждой стороны, а на подозрѣваемой подложной по 11 перьевъ. Тѣмъ не менѣе эксперты признали изслѣдуемый оттискъ сдѣланнымъ подлинною печатью, а избытокъ перьевъ въ спорномъ оттискѣ объяснили тѣмъ, что краска расплылась... Ясно, что сами эксперты, второпяхъ, не замѣтили высказанную ими несообразность: еслибы краска расплылась, то число перьевъ должно уменьшиться, а не увеличиться! Однако ни судъ, ни защита, ни присяжные засѣдатели не замѣтили промаха! Лишь при вторичномъ разбирательствѣ, послѣдовавшемъ послѣ кассированія Сенатомъ рѣшенія присяжныхъ, фотографія обнаружила, что не только въ счетѣ перьевъ, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ сравниваемые оттиски не сходны и фотографическіе снимки совмѣстить невозможно.

Опредѣленіе способа нанесенія письменъ на бумаги.

Признаніе экспертами по сличенію почерковъ полнаго сходства сравниваемыхъ подписей еще не служитъ доказательствомъ, что подпись не поддѣлана; это заключеніе экспертовъ правильнѣе понимать въ томъ смыслѣ, что если подпись поддѣлана, то очень недурно! Въ самомъ дѣлѣ, путемъ какихъ логическихъ построеній можно отъ признанія сходства подозрѣваемой подписи съ подлинными можно доходить до убѣжденія въ подлинности этой подписи? Это удивительное недоразумѣніе господствовало въ судахъ съ незапамятныхъ временъ и теперь еще отъ него не совсѣмъ, повидимому, отдѣлались! Послѣ признанія экспертами полнаго сходства подписей, естественно возникаетъ вопросъ—не достигнуто ли это полное сходство при помощи какихъ нибудь особыхъ пріемовъ поддѣлки, напр. фотографически? Мы всѣ знаемъ, что свѣтопечать на соляхъ желѣза даетъ не только черный рисунокъ на бѣломъ фонѣ бумаги, но и по химическому составу вещество черныхъ линій ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ желѣзо-галловыхъ чернилъ! Наконецъ, помимо фотографіи существуетъ множество способовъ скопировать подпись сохраняя безукоризненное сходство.

Изъ этого слѣдуетъ, что за установленіемъ экспертами сличителями полнаго сходства должна непосредственно слѣдовать экспертиза, имѣющая цѣлью узнать какимъ способомъ письмена нанесены на бумагу, обыкновеннымъ ли движеніемъ пера въ рукѣ или инымъ, химическимъ, механическимъ, свѣтописнымъ и т. п.? Собственно для экс-

пертизы опредѣленнаго заданія существенно только опредѣлить ручное ли это письмо или не ручное? Если окажется послѣднее, то для экспертизы *опредѣленнаго* заданія безразлично, какимъ именно изъ неручныхъ способовъ произведена поддѣлка.

Микроскопическое изслѣдованіе при помощи вертикальнаго иллюминатора рѣшаетъ вопросъ безошибочно. Картина ручнаго письма, т. е. нанесеннаго на бумагу рукой, перомъ и чернилами до такой степени характерна, что смѣшать ее съ другими, неручными способами поддѣлки невозможно. Тѣло штриха перерѣзано, во всѣхъ направленіяхъ, свѣтлыми, слабѣе окрасившимися волокнами бумаги; неравномѣрная окраска въ разныхъ частяхъ штриха; свѣтлые волокна окаймлены густыми линіями и т. п.—всѣ эти признаки не позволяютъ принять ручное письмо за аутотипическое и наоборотъ. Аутотипическое (подразумѣвая всѣ неручные способы) отличается болѣе равномѣрной окраской, большей рѣзкостью очертаній и пр. Было бы безполезно стараться словами описать различіе микроскопическихъ картинъ ручнаго и неручнаго письма: никакое описаніе не даетъ о немъ яснаго представленія, тогда какъ сравненіе подъ микроскопомъ очень скоро даетъ необходимый навыкъ.

Я не могу себѣ объяснить, почему судебно-фотографическая лаботорія при прокурорѣ Спб. Судебной Палаты не пользуется микроскопомъ и микрофотографическимъ методомъ преслѣдованія. Никогда ни при какихъ условіяхъ, ни при какомъ искусствѣ фотографа или совершенствѣ микроскопическихъ фотографическихъ приборовъ нельзя добиться тѣхъ успѣховъ, которые способны дать микрофотографія. Больше половины задачъ, легко разрѣшаемыхъ микрофотографически, совсѣмъ недоступны рѣшенію другими средствами фотографіи. Экспертъ долженъ всегда имѣть негативы микрофотограммъ ручнаго и неручнаго письма, чтобы имѣть возможность присоединять отпечатки съ нихъ, для сравненія, къ микрофотограммамъ изслѣдованной рукописи, безъ чего суду эти послѣднія ничего не скажутъ.

О различныхъ способахъ неручнаго нанесенія письменъ на бумагу будетъ сказано въ слѣдующей главѣ объ исканіи подлога (неопредѣленное заданіе).

Не лишне будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о гербовой и вексельной бумагѣ. Было бы нетрудно придумать такіе типы гербовой и вексельной бумаги, которые значительно затруднили бы поддѣлку и передѣлку документовъ и, слѣдовательно, сократили бы число дѣлъ о подлогахъ. На выдѣлываемой нынѣ вексельной и актовой бумагѣ можно превосходно производить всѣ операціи техники поддѣлки документовъ, начиная съ вытравленія и кончая свѣтопечатными поддѣл-

ками. Вексельная и актовая бумага современнаго образца прямо-таки вводитъ въ соблазнъ: даже годъ изготовленія проставляется водяными знаками, чѣмъ устраняется возможность сдѣлать ошибку въ выборѣ бумаги соотвѣтствующей датѣ документа! Будучи изготовлена изъ болѣе прочнаго матерьяла чѣмъ обыкновенная писчая, актовая и вексельная бумага несравненно лучше ее выдерживаетъ травленіе и оставляетъ меньше слѣдовъ. Копированіе на просвѣтъ по вексельной тоже совсѣмъ не затруднительно и свѣтопечатныя поддѣлки удаются гораздо лучше чѣмъ на писчей, въ которой различныя примѣси служатъ часто причиной лишнихъ пятенъ.

Исканіе подлога.

(Неопредѣленное заданіе).

Для исканія слѣдовъ подлога не могутъ существовать никакія правила. Инструкція эксперту, производящему такой розыскъ, можетъ быть полностью исчерпана словами: „смотри во всѣ глаза!“ Начинаютъ съ полученія возможно болѣе детальнаго негатива и внимательно его осматриваютъ, стараясь замѣтить что либо не присущее обыкновеннымъ, неподдѣльнымъ документамъ. Затѣмъ, подъ микроскопомъ, съ вертикальнымъ иллюминаторомъ, разсматриваютъ линіи буквъ съ цѣлью узнать не ручную поддѣлку, если таковая есть.

Если ни детальный негативъ, ни микроскопъ не обнаружили ничего подозрительнаго, приступаютъ къ цвѣтодѣленію. Для того, чтобы не быть увлеченнымъ на ложный путь, не потратить даромъ время благодаря какой нибудь случайной черточкѣ на негативѣ, каждый снимокъ повторяютъ дважды и одинъ другимъ провѣряютъ.

Большую опасность представляетъ симуляція подлога. Въ моей практикѣ не мало было случаевъ такой симуляціи, произведенной съ цѣлью отказаться отъ платежа по обязательству. Въ началѣ я легко попадался на эту удочку и давалъ ввести себя въ заблужденіе, но впослѣдствіи сталъ менѣе довѣрчивъ. Одною изъ первыхъ моихъ работъ было изслѣдованіе векселя, противъ котораго былъ заявленъ споръ о подлогѣ. Почеркъ подписи векселедателя хотя и отличался отъ несомнѣнныхъ подписай того же лица, но не на столько, чтобы можно было отрицать сходство и эксперты-сличители не рѣшились высказаться противъ подлинности подписи. Снятый мокрымъ, цвѣтодѣлительнымъ способомъ негативъ обнаружилъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ на векселѣ помѣщена подпись, имѣются какія-то едва замѣтныя черточки, кое гдѣ пересѣкающія буквы подписи. Внимательный осмотръ векселя привелъ къ убѣжденію, что это линіи карандаша и отсюда

явилось предположеніе, что была сдѣлана карандашная подготовка. Такъ какъ сличеніе почерковъ производилось при мнѣ и я очень слѣдилъ, чтобы гг. эксперты не чертили карандашомъ по документу, то нельзя было предположить, что карандашныя линіи принадлежатъ имъ. Сдѣлавъ такое открытіе, я укрѣпился въ своей догадкѣ и поплатился потерей нѣсколькихъ дней, стараясь обнаружить слѣды подготовки не только около штриховъ, но и подъ ними. Впослѣдствіи, по другимъ даннымъ, съ несомнѣнностью было доказано, что вексель подлинный.

Я упоминалъ (стр. 26) объ экспертизѣ векселя нѣкоего Б. на 600 р., произведенной по требованію Рижскаго Окружнаго Суда. Прежде чѣмъ выдать вексель, этотъ Б. тонкими линіями написалъ на оборотѣ, вдоль бумаги „500 рублей уплатилъ 5 октября (подпись)“ и тотчасъ же выскоблилъ эту подпись, но такъ, что при внимательномъ разсматриваніи видны слѣды выскобленной строки. Продѣлавъ наединѣ эту подготовительную работу, написалъ и подписалъ вексель въ присутствіи заимодавца, которому и въ голову не пришло разглядывать оборотную сторону. Когда дѣло дошло до судебнаго иска по векселю, Б. заявилъ, что 500 р. изъ 600 имъ уже уплочено, о чемъ на оборотѣ должна быть его собственноручная надпись. Фотографія, разумѣется, возстановила выскобленныя слова и такимъ образомъ подтвердила заявленіе Б., послѣ чего началось слѣдствіе по обвиненію векселедержателя въ подлогѣ.

Какъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ, неосторожность выдала хитреца. При писаніи текста векселя онъ не поостерегся написать слова „Вексель на 600 р.“ на той линіи лицевой стороны документа, которой на оборотѣ соотвѣтствовало выскобленное мѣсто. Отъ этого слово „Вексель“ и цифра 600 дали росплывъ чернилъ, притомъ по одной линіи, какъ разъ приходящейся на оборотѣ выскобленной подписи. Не сдѣлай онъ эту оплошность, экспертиза и судъ были бы введены въ заблужденіе и несчастный векселедержатель сильно бы пострадалъ.

Обыкновенно эксперты, обнаруживъ какой нибудь признакъ подделки, спѣшатъ признать его доказательствомъ подлога, а свою работу считаютъ законченною. Это большая и опасная ошибка. Найдя такой признакъ, экспертъ обязанъ задать себѣ вопросъ; съ чѣмъ онъ имѣетъ дѣло, съ подлогомъ или съ ложнымъ доносомъ?

Умышленное измѣненіе собственнаго почерка при подписываніи обязательствъ — дѣло очень обыкновенное и его всегда должно имѣть въ виду. Приведу примѣры изъ моей практики. Одинъ петербургскій домовладѣлецъ, получивъ деньги съ квартиранта, приказалъ, безъ всякаго злого умысла, своему племяннику-гимназисту росписаться за него въ книжкѣ, а когда дѣло дошло до ссоры между нимъ и квар-

тирантомъ, объявилъ, что онъ *не признаетъ подпись своею* и денегъ не получалъ. Мысль обвинить жильца въ подлогѣ пришла ему послѣ ссоры, такъ что здѣсь не было даже приготовленія къ ложному извѣту.

Еврей выдалъ росписку въ полученіи 800 р. на бумагѣ съ заранѣе вытравленнымъ текстомъ другой росписки, на меньшую сумму. Онъ сперва написалъ росписку на 60 рублей, вытравилъ ее, привелъ бумагу въ прежній видъ и, когда понадобилось выдавать росписку на большую сумму, воспользовался приготовленной такимъ способомъ бумагой, предложилъ заимодавцу написать текстъ. Выходило, что заимодавецъ передѣлалъ 60 рублевую росписку въ 800 рублевую, вытравивъ текстъ и оставивъ нетронутою подпись. Еврей одного не сообразилъ: если бы вытравленіе производилось, какъ онъ утверждаетъ, тогда, когда подпись была уже на бумагѣ, то должна была существовать граница травленія выше подписи, нижняя же часть бумаги, остававшаяся внѣ дѣйствія кислоты, никакихъ признаковъ травленія имѣть не могла. При изслѣдованіи обнаружился, какъ и слѣдовало ожидать, вытравленный текстъ и еврей уже торжествовалъ. Экспертъ не ограничился, однако, этимъ возстановленіемъ и повелъ свое изслѣдованіе дальше, при чемъ оказалось, что бумага подвергалась процессу травленія, когда подпись еще не существовала! Доказано это было тѣмъ, что фабричная проклейка бумаги удалена травленіемъ не только въ верхней части, надъ подписью, но во всемъ листѣ и замѣнена домашней проклейкой желатиномъ; кромѣ того, микроскопическое изслѣдованіе обнаружило и въ нижней части бумаги измѣненіе строенія, характеризующее травленіе.

Отставной штабсъ-капитанъ Ж., имѣя намѣреніе устранить сонаслѣдника, подговорилъ служащаго въ казенномъ учрежденіи, хранившемъ записи документовъ о происхожденіи этого сонаслѣдника, подскоблить въ книгѣ записей одну строку и на ея мѣстѣ написать то же самое, что было выскоблено. Такимъ образомъ явилась возможность утверждать, что представленный сонаслѣдникомъ суду документъ о происхожденіи подложный и записанъ въ книгу впослѣдствіи, для чего и была выскоблена строка съ какою-то другою записью. Возстановленіемъ выскобленнаго текста доказано, что прежняя запись по содержанію тождественна съ новой.

Когда обстоятельства даннаго дѣла не допускаютъ, повидимому, сомнѣнія въ подложности документа, экспертъ прилагаетъ, разумѣется, всѣ старанія къ тому, чтобы найти, въ чемъ скрытъ этотъ подлогъ и очень часто вся его работа пропадаетъ даромъ,—документъ оказывается не подложнымъ. Особенно любопытны два слѣдующихъ случая:

Въ петербургскомъ вдовьемъ домѣ жила старушка, обладавшая

небольшимъ капиталомъ въ три или четыре тысячи. Добрые люди посовѣтовали ей отдавать деньги въ займы, на проценты и, кстати, порекомендовали вѣрнаго человѣка, съ которымъ можно имѣть дѣло не опасясь за свой капиталъ. Вѣрный человѣкъ взялъ у старушки сначала 200 руб. по 3 процента въ мѣсяцъ, подъ вексель и въ срокъ аккуратно возвратилъ взятую сумму. Старушка была въ восторгѣ отъ такой исправности должника и хотѣла возвратить ему обратно вексель, но тотъ заявилъ, что дѣло такъ не дѣлается — надобно ей, въ удостовѣреніе полученія денегъ, написать на оборотѣ свое званіе, имя, отчество и фамилію. Старушка, ничего не смыслившая въ вексельныхъ дѣлахъ, охотно исполнила просьбу и написала на оборотѣ: „Вдова капитана Генріетта К.“ Исправный должникъ бралъ у нее, потомъ, еще нѣсколько разъ по 500 р. и всегда, возвращая долгъ, просилъ „удостовѣреніе“ на оборотѣ векселя... Когда старушка умерла и наслѣдники захотѣли получить ея деньги, то въ судъ были представлены третьимъ лицомъ векселя съ бланковыми подписями покойной К., всего на сумму 3600 р.! Все это разъяснилось впослѣдствіи, но вначалѣ всѣ были убѣждены въ подложности векселей и даже эксперты-сличители въ гражданскомъ судѣ не задумываясь признали подписи не сходными съ почеркомъ К. Не могу забыть, что это заключеніе учителей чистописанія дало поводъ одному очень почтенному судебному дѣятелю доказывать мнѣ преимущество прежней экспертизы передъ новыми способами. „Позови мы васъ и что бы тогда вышло? Вы не признали бы подложности векселей и мы не могли бы такъ быстро повернуть дѣло къ уголовному суду, пожалуй, еще присудили бы взыскать по векселямъ! А гг. учителя чистописанія насъ выручили и правда торжествуетъ!“

Какъ это ни курьезно, но подобно сознаться, что правда обнаружилась, въ данномъ случаѣ, дѣйствительно благодаря ошибкѣ экспертизы. Если бы экспертъ не призналъ подложными подлинныя подписи К., гражданскій судъ не имѣлъ бы возможности направить дѣло въ уголовномъ порядкѣ, не было бы предварительнаго слѣдствія и, слѣдовательно, не обнаружились бы тѣ обстоятельства, которыя навели, потомъ, слѣдователя на вѣрный слѣдъ. Еще курьезнѣе, что сами эксперты ставили себѣ въ заслугу свою ошибку даже и тогда, когда подлинность подписи К. была совершенно доказана и обвиненіе въ подлогѣ превратилось въ обвиненіе въ мошенничествѣ.

Другой случай изъ практики петербургскаго окружн. суда. Помѣщикъ Я. часто занималъ деньги у еврея и всегда платилъ аккуратно въ срокъ. Получая валюту, еврей надрывалъ вексель въ присутствіи векселедателя, предварительно перечеркнувъ чернилами, но затѣмъ оставлялъ у себя „для дѣлопроизводства“, какъ онъ это объяснялъ.

Каково же было удивленіе г. Я., когда всѣ его векселя, цѣлые и ненадорванные, поступили въ судъ ко взысканію! Случайно обнаружилось, что еврей рвалъ и перечеркивалъ прекрасно сдѣланные имъ самимъ копіи векселей. Много пришлось потратить времени экспертамъ на поиски слѣдовъ поддѣлки въ этихъ неподдѣльныхъ векселяхъ!

Я привелъ всѣ эти примѣры для того, чтобы показать, въ какое положеніе становится экспертъ при неопредѣленномъ заданіи. Можетъ быть документъ подложный; можетъ быть онъ представляетъ поддѣлку подъ подлогъ; можетъ быть, наконецъ, онъ совсѣмъ не поддѣльный, не смотря на то, что всѣ обстоятельства дѣла подсказываютъ противное! Только отрѣшившись отъ всякой предвзятой мысли можно приступить къ изслѣдованію.

Прежде всего, какъ я уже сказалъ, необходимо опредѣлить способъ нанесенія письменъ на бумагу. Для этого прибѣгаютъ къ микроскопу съ вертикальнымъ иллюминаторомъ, привинтивъ къ послѣднему объективъ АА (я говорю о микроскопахъ Цейсса) и поставивъ окуляръ № 3. Обыкновенное писаніе перомъ и чернилами узнается тотчасъ же по своему характерному виду; въ этомъ случаѣ предстоитъ изслѣдовать, писано-ли свободнымъ движеніемъ пера или чернилами обводились буквы предварительной подготовки карандашомъ или инымъ способомъ.

О карандашной подготовкѣ я уже говорилъ. Если карандашныя линіи не были очень слабы и тонки, то ихъ можно видѣть подъ микроскопомъ, для чего приходится иногда вмѣсто окуляра № 3 взять окуляръ № 5, вообще усилить систему. Слабыя тонкія линіи требуютъ цвѣтодѣленія, которое, однако безполезно вести далѣе четвертой суммы при мокромъ способѣ. Я буду называть *первой* суммой негативъ, сложенный изъ трехъ первоснимковъ и обозначать его черезъ S_1; *второй* суммой (S_2), позитивъ, сложенный изъ трехъ позитивовъ, полученныхъ каждый изъ S_1 и т. д.; такимъ образомъ, нечетные указатели будутъ соотвѣтствовать суммѣ негативовъ, а четные позитивовъ. Въ каждой суммѣ имѣется три члена.

Такъ какъ вполнѣ точное обведеніе карандашныхъ линій придало-бы копіи видъ рисованный, а не писанный свободнымъ движеніемъ пера, то неизбѣжно останутся кое какія карандашныя черточки не покрытыми чернилами и поддѣлыватель, конечно, озаботится ихъ удалить резиной или, чаще, при помощи бензина. Въ первомъ случаѣ треніе резиной, нарушивъ поверхность гладкой бумаги, оставитъ видимый подъ микроскопомъ слѣдъ; во второмъ случаѣ этотъ слѣдъ избѣгается, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, штрихъ подъ микроскопомъ имѣетъ видъ болѣе рваный вслѣдствіе того, что бензинъ удаляетъ также и часть карандаша подъ чернилами, при чемъ частицы графита уносятъ

съ собою лежавшія на карандашныхъ линіяхъ чернила. Нѣсколько опытовъ научатъ распознавать подъ микроскопомъ такіе штрихи.

При осмотрѣ буквенныхъ штриховъ подъ микроскопомъ слѣдуетъ обращать особое вниманіе на тѣ мѣста, гдѣ линіи пересѣкаются, потому что въ этихъ пересѣченіяхъ указанный выше признакъ рѣзче выраженъ.

Подготовка дѣлается, иногда, вмѣсто карандаша заостренной спичкой. Микроскопическимъ изслѣдованіемъ эту подготовку обнаружить трудно и приходится прибѣгать къ другому средству. Подъ изслѣдуемое мѣсто документа подкладывается сырая пропускная бумага для того, чтобы придать влажность документу, послѣ чего съ обратной стороны подкуриваютъ немного времени подъ парами іода и снова изслѣдуютъ буквы подъ микроскопомъ. Дѣло въ томъ, что отъ давленія заостренною спицей сжимается крахмалъ, входящій въ проклейку бумаги и пары окрашиваютъ его въ синій цвѣтъ, такъ что подъ чернильными штрихами получаются болѣе темныя линіи. Повѣрку этого опыта можно сдѣлать на чистой бумагѣ; для этого, слегка нажимая, проводятъ по бумагѣ спицей, дѣлаютъ бумагу сыроватой и подкуриваютъ парами іода; линіи тотчасъ же выступятъ съ полной ясностью.

Результаты изслѣдованій документовъ, изготовленныхъ при помощи т. н. „мозаичной“ подготовки были экспонированы мною на фотографическихъ выставкахъ въ 1891 г. въ С.-Петербургѣ и въ 1892 г. въ Москвѣ и Одессѣ. Въ самый разгаръ процесса Дрейфусъ-Зола-Эстергази, издатель французскаго журнала „La Science Française“, Эмиль Готье, обратился съ письмомъ къ нѣкоему Обольскому съ просьбой разузнать у фотографовъ о различныхъ способахъ свѣтопечатныхъ поддѣлокъ документовъ. Обольскій вырѣзалъ изъ письма Готье и изъ адреса на конвертѣ буквы, слоги и цѣлыя слова и составилъ изъ этихъ вырѣзокъ текстъ слѣдующаго письма:

19 ноября.

Милостивый государь!

Вы уполномочены говорить вездѣ, что я самый послѣдній изъ дураковъ.

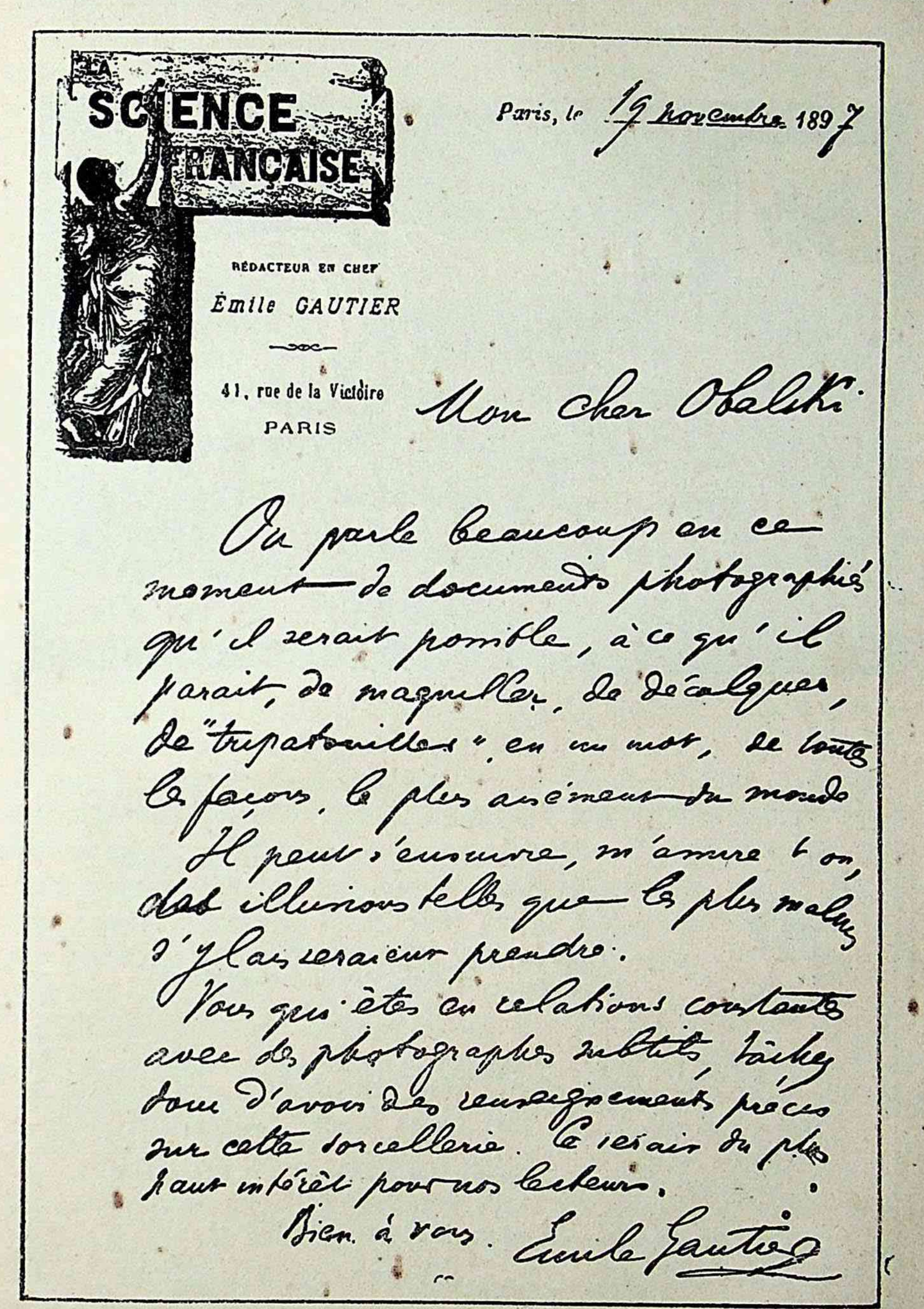
Послѣ того, что произошло, я вынужденъ придти къ этому печальному признанію.

Вашъ

Эмиль Готье.

Мнѣ встрѣтилась еще въ 1890 году, подготовка фотографическая. Изъ разныхъ писемъ и рукописей одного лица были вырѣзаны слова, слоги и отдѣльныя буквы, нужныя для текста проэктированной подложной росписки, наклеены въ надлежащемъ порядкѣ и сфотографи-

рованы; получился, такимъ образомъ, негативъ росписки, которую отпечатали свѣтомъ на писчей бумагѣ, очувствленной азотнокислымъ

LA SCIENCE FRANÇAISE

RÉDACTEUR EN CHEF
Émile GAUTIER

41, rue de la Victoire
PARIS

Paris, le 19 novembre 1897

Mon cher Obalski.

On parle beaucoup en ce moment de documents photographiés qu'il serait possible, à ce qu'il paraît, de maquiller, de décalquer, de "tripatouiller", en un mot, de toutes les façons, les plus aisément du monde.

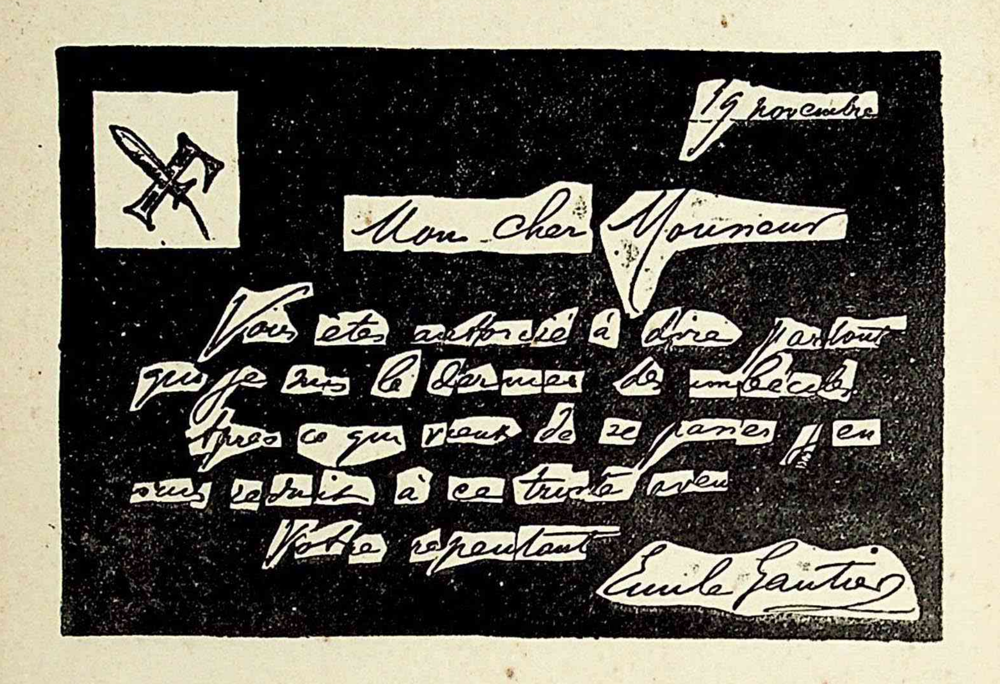
Il peut s'ensuivre, m'assure-t-on, des illusions telles que les plus malins s'y laisseraient prendre.

Vous qui êtes en relations constantes avec des photographes subtils, tâchez donc d'avoir des renseignements précis sur cette sorcellerie. Ce serait du plus haut intérêt pour nos lecteurs.

Bien à vous. Emile Gautier

серебромъ. Получивъ, такимъ образомъ, отпечатокъ, буквы обвели прочными чернилами (не растекающимися отъ воды) и, наконецъ, вы-

бѣлили бумагу сулемой и промыли. Эта подготовка узнается безъ труда: стоитъ подъ изслѣдуемое мѣсто документа подложить пропуск-

19 novembre

Mon cher Monsieur

Vous êtes autorisé à dire partout que je suis le dernier des imbéciles. Après ce qui vient de se passer, j'en suis réduit à ce triste aveu.

Votre repentant

Emile Gautier

19 novembre

Mon cher Monsieur

Vous êtes autorisé à dire partout que je suis le dernier des imbéciles. Après ce qui vient de se passer, j'en suis réduit à ce triste aveu.

Votre repentant

Emile Gautier

ную бумагу, вымоченную въ сѣрнистокисломъ натрѣ или подкурить амміакомъ: серебро вновь пожелтѣетъ и картина штриха подъ микроскопомъ тотчасъ же измѣнится.

Возможна подготовка свѣтопечатью на соляхъ желѣза, соляхъ свинца и т. п. Первая получается общеизвѣстнымъ способомъ (полуторохлористое желѣзо, виннокаменная кислота и гуммиарабикъ), причемъ буквы выходятъ желтыми по бѣлому фону. Растворъ щавелевой и галловой кислоты переводитъ желтыя линіи желѣза въ чернильноорѣшковыя. Если бумага не была хорошо промыта послѣ печати, то остатки желѣзной соли узнаются проведеніемъ линіи кистью, смоченной растворомъ желѣзно-синеродистаго кали (красная кровяная соль); линія получится синяя.

Слѣдуетъ еще имѣть въ виду одинъ пріемъ подготовки безъ употребленія какихъ бы то ни было солей. Бумагу просто выставляютъ подъ очень густымъ, но прозрачнымъ негативомъ на нѣсколько дней на яркое лѣтнее солнце: въ результатѣ буквы, подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, выйдутъ желтыми и тогда ихъ обводятъ чернилами. Эту подготовку можно обнаружить только сравненіемъ того, что видно глазомъ подъ микроскопомъ при разсматриваніи буквъ, съ фотограммой, полученной мокрымъ способомъ съ репродукціоннымъ коллодіумомъ. Глазу желтый цвѣтъ не будетъ препятствовать видѣть строеніе штриха, тогда какъ на свѣточувствительный слой желтая подложка буквъ не окажетъ дѣйствія и, слѣдовательно, штрихи выйдутъ сильно прозрачными, безъ волоконъ бумаги.

Непосредственная перерисовка на просвѣтъ дѣлается или при горизонтальномъ (особымъ приспособленіемъ) или при отвѣсномъ положеніи плоскости бумаги (на оконномъ стеклѣ). Первый способъ перерисовки характеризуется сравнительно большей густотой чернилъ въ нижнихъ частяхъ такихъ буквъ какъ *р*, *у*, вслѣдствіе стеканія жидкости внизъ; въ другихъ буквахъ, не выходящихъ изъ строки, это замѣтить трудно.

Лабораторія при Прокурорѣ Спб. Судебной Палаты руководствуется другимъ признакомъ при опредѣленіи перерисовки на просвѣтъ. Заимствую изъ акта изслѣдованія по дѣлу о духовномъ завѣщаніи К. (1897 г. іюля 12):

„Постоянный недостатокъ чернилъ при написаніи послѣднихъ четырехъ строкъ на первой страницѣ духовнаго завѣщанія отъ имени К. $\frac{\text{№ I}}{\text{лит. а}}$, $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. а}}$, $\frac{\text{№ III}}{\text{лит. б}}$, $\frac{\text{№ IV}}{\text{лит. а}}$ объясняется тѣмъ, что эти послѣднія четыре строки копированы чернилами гусинымъ перомъ на просвѣтъ, по всему вѣроятію посредствомъ накладыванія на оконное стекло. Предположеніе это подтверждается слѣдующими соображеніями.

При нормальномъ писанiи рука пишущаго и перо находятся въ такомъ положенiи, что чернила имѣютъ стремленiе скопляться по направленiю отъ бородки пера къ пишущему его концу, почему при наличности въ перѣ чернилъ, недостатокъ въ нихъ не ощущается.

Совсѣмъ иное при копированiи чернилами на просвѣтъ: положенiе руки и пера совершенно измѣняется, чернила стремятся отъ пишущаго конца пера по направленiю къ бородкѣ, вслѣдствiе чего ощущается постоянный недостатокъ".

Признакъ этотъ нельзя признать доказательствомъ. Незначительность слоя чернилъ, одинаковая *на всемъ протяженiи* штриха, бываетъ необходимымъ слѣдствiемъ употребленiя пера, жесткость котораго не отвѣчаетъ напряженiю почерка. Точно также однообразная тонкость чернильнаго слоя должна быть при писанiи жидкими, сильно разведенными чернилами. Кромѣ того, стеканiе чернилъ къ бородкѣ такъ незначительно, что при копированiи на просвѣтъ оконнаго стекла, т. е. при отвѣсномъ положенiи плоскости бумаги, не оказываетъ никакого влiянiя на густоту чернильнаго слоя, въ чемъ каждый можетъ легко убѣдиться опытомъ. Ошибка присяжнаго фотографа объясняется тѣмъ, что онъ совсѣмъ не произвелъ микрофотографическаго изслѣдованiя строенiя чернильнаго слоя въ буквахъ, а ограничился лишь фотографическимъ увеличенiемъ. Между тѣмъ, микроскопическое изслѣдованiе длинныхъ линiй, напр. у буквъ *р*, *у* и др. даетъ гораздо болѣе вѣрный и вполнѣ надежный признакъ.

О признакахъ рисованiя на просвѣтъ при горизонтальномъ положенiи бумаги я уже говорилъ. При этой перерисовкѣ копируемый документъ и бумага лежатъ на копировальномъ стеклѣ, свѣтъ же отражается снизу зеркаломъ, поставленнымъ подъ угломъ въ 45°. Такое освѣщенiе бываетъ обыкновенно недостаточно, чтобы ясно видѣть черезъ верхнюю бумагу всѣ подробности копируемаго письма и это сказывается въ результатахъ перерисовки.

Наиболѣе часто встрѣчается копированiе при помощи бензина. Бумагу, на которой копируютъ, смачиваютъ по всей поверхности чистымъ бензиномъ (или бензоломъ) и она становится совершенно прозрачною на время, пока бензинъ не улетучится. Временемъ этимъ пользуются для перерисовки карандашомъ; писать чернилами по смоченной бензиномъ бумагѣ нельзя, потому что чернила ложатся очень плохо. Бензинную подрисовку удается узнать, если къ обведенiю чернилами карандашныхъ линiй приступлено скоро послѣ того, какъ бензинъ, повидимому, улетучился. Можно также узнать бензинную подготовку и въ тѣхъ случаяхъ, когда употребляемъ не совсѣмъ чистый бензинъ, оставляющiй послѣ себя въ массѣ бумаги очень мелкiя жирныя точки, на которыя чернила не ложатся. Вообще же, при отсут-

ствіи этихъ случайныхъ признаковъ, имѣются общіе признаки карандашной подготовки.

Свѣтопечатную поддѣлку (не подготовку), полученную при помощи желѣзныхъ солей, при умѣлой работѣ, совсѣмъ нельзя отличить, по внѣшнему виду, безъ микроскопа, отъ обыкновеннаго письма. Микроскопическое строеніе чернильнаго слоя на буквахъ нѣсколько отличается отъ строенія при обыкновенномъ письмѣ и выдаетъ способъ поддѣлки. Когда замѣчено такое отличіе, необходимо попробовать бумагу тонкой кисточкой, смоченной въ растворѣ красной кровяной соли; долженъ получиться синій слѣдъ прикосновенія. Послѣ того, нужно еще изслѣдовать самыя чернила, которыя должны дать реакцію, показанную въ таблицѣ (стр. 312) для желѣзо-орѣшковыхъ чернилъ. Каждый изъ этихъ трехъ признаковъ въ отдѣльности мало доказателенъ и потому обязательно производить всѣ три показанныя изслѣдованія.

Когда всѣ эти изслѣдованія произведены и никакой подготовки не обнаружено, приступаютъ къ общему осмотру снятаго цвѣтодѣлительнаго негатива. Бываетъ, что на этомъ же негативѣ выяснится какой-нибудь слѣдъ напр., травленія, прямо указывающій дальнѣйшій путь изысканій, т. е. превращающій неопредѣленное заданіе въ опредѣленное; тогда остается произвести соотвѣтствующія этому опредѣленному заданію дѣйствія. Въ болѣе сложныхъ подлогахъ разгадка не дается такъ легко и скоро; приходится вести цвѣтодѣленіе иногда до 54 прежде, чѣмъ получатся какія нибудь указанія на способъ поддѣлки.

Если на первомъ негативѣ ничего нельзя замѣтить, то пробуютъ узнать, не было ли какого-нибудь нарушенія поверхности бумаги. Для этого нѣсколько разъ проводятъ по бумагѣ мягкой пуховкой (какія употребляются для пудренія), имѣющей въ себѣ мелкій порошокъ окиси магнія, остающейся послѣ сгаранія магніевой ленты и потомъ снимаютъ свободно лежащій на бумагѣ порошокъ другой чистой пуховкой и, кромѣ того, стряхиваютъ его поколачиваніемъ пальцами съ обратной стороны. Порошокъ останется, послѣ этого, только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ гладкая поверхность бумаги даже хоть немного нарушена и, такъ какъ онъ бѣлѣе всякой бумаги, то на негативѣ обозначится мѣсто тренія или скобленія.

Разумѣется, при исполненіи экспертизы *неопредѣленнаго* заданія необходимо хорошо знать всѣ подробности слѣдственнаго производства и, не ограничиваясь пересказомъ слѣдователя, самому прочитать внимательно каждое показаніе свидѣтелей. Браться за такую экспертизу безъ предварительнаго изученія обстоятельствъ дѣла — значитъ не только терять даромъ время, но еще и рисковать запутать слѣдствіе. Примѣровъ я могъ бы привести очень много. Если слѣдователь отка-

зываетъ эксперту въ разрѣшеніи прочитать все производство, то экспертъ обязанъ, по совѣсти, письменно заявить, что онъ не видитъ возможности исполнить данное ему порученіе. Я такъ и поступалъ всегда.

Въ заключеніе этой главы я долженъ сказать о химическихъ способахъ изслѣдованія рукописи. Въ руководствѣ Frazer'а, на которое я много разъ ссылался, собрано много указаній этого рода, но достаточно пробѣжать глазами этотъ отдѣлъ его книги, чтобы убѣдиться въ практической непригодности всѣхъ рекомендуемыхъ способовъ. Каждый изъ нихъ годится только для экспертизы опредѣленнаго заданія, когда требуется подтвердить или отвергнуть сдѣланное заранѣе предположеніе о томъ или другомъ видѣ подлога; но, для рѣшенія задачъ опредѣленнаго заданія фотографическіе пріемы съ цвѣтодѣленіемъ совершенно достаточны и имѣютъ то преимущество, что не портятъ и не разрушаютъ документъ. Для экспертизы неопредѣленнаго заданія совсѣмъ нельзя пользоваться рекомендуемыми Frazer'омъ способами потому, что пришлось бы примѣнять ихъ наугадъ, въ надеждѣ, что когда-нибудь попадется подъ руку подходящее средство. Понятно, что документъ придетъ въ негодность гораздо раньше, чѣмъ нужное средство будетъ найдено.

Фотографическое цвѣтодѣленіе—единственно надежно средство діагноза поддѣлки. Для доказательства, я заимствую въ сокращеніи изъ приложенія къ газетѣ „Новое Время“ сообщеніе о дѣлѣ Ривиса съ правительствомъ С.-А. Соедин. Штатовъ.

Нѣкто Джемсъ Эддисонъ Ривисъ въ 1870 г. предъявилъ искъ къ правительству С.-А. Соедин. Штатовъ о вводѣ въ наслѣдство своей жены, оцѣненное въ 100 милліоновъ долларовъ, будто-бы принадлежавшее ей, на основаніи подлинныхъ и неоспоримыхъ документовъ.

Лучшіе юристы и самые крупные капиталисты, разсмотрѣвъ всѣ эти документы, ни минуты не колебались оказать свое содѣйствіе Ривису,—такъ они всѣ были увѣрены въ успѣхѣ его дѣла. Знаменитый адвокатъ Конклинъ взялъ на себя судебныя хлопоты, банкиръ Стоксъ предложилъ Ривису и его женѣ поселиться въ одномъ изъ роскошнѣйшихъ отелей, открывъ имъ неограниченный кредитъ. Всевозможные поставщики: портные, продавцы лошадей, каретники, мебельщики, ювелиры — соперничали въ желаніи услужить этому кліенту, не заикаясь объ уплатахъ по счетамъ. Такая жизнь набаба продолжалась 27 лѣтъ, но сейчасъ мы увидимъ, какъ она кончилась.

Главный документъ, на который ссылался Ривисъ, предъявивъ свой искъ къ правительству, былъ скрѣпленный въ должной формѣ указъ Филиппа V, короля Испаніи, который въ благодарность за услуги, оказанныя государству посломъ въ Мексикѣ въ 1730 г., дономъ Мигуэлемъ Сильва де-Перальта, жаловалъ ему и его наслѣдникамъ большія земли. Содержаніе документа, написаннаго на пергаментѣ того времени со всѣми неоспоримыми признаками подлинности было слѣдующее:

«Мы Филиппъ V и проч. и проч.

Извѣщаемъ нашего вице-короля въ Новой Испаніи*), что мы соблаговолили даровать Дону Мигуэлю Сильва де-Перальта изъ Кордовы, гранду Испаніи, барону Аризона и нашему камергеру съ правомъ входа въ наши покои, кавалеру ордена Золотого Руна и проч. и проч., земли, отведенныя въ сѣверной части нашего вице-королевства Новой Испаніи, въ количествѣ 300 квадратныхъ лье, съ тѣмъ, чтобы ни въ настоящее время, ни въ будущемъ не возникали никакіе споры. Мы даруемъ ему всѣ земли, рѣки, воды и рудники, входящіе въ предѣлы отведеннаго пространства. Все это переходитъ въ собственность барона Аризона. Объявляемъ, что Донъ Мигуэль Сильва де-Перальта изъ Кордовы получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ титулъ кавалера де-лосъ-Колорадосъ, съ званіемъ гранда Испаніи.

Дано въ С.-Ильдефонсѣ, 26-го августа 1742 г.

Yo, el rey **).

По распоряженію короля

Донъ Хозе де-Кальвезъ.

Получивъ широкій кредитъ у банкировъ и разныхъ капиталистовъ, повѣрившихъ въ несомнѣнность правъ наслѣдницы, Ривисъ потратилъ на это дѣло $2^1/_2$ милліона франковъ; государство съ своей стороны издержало 1.250,000 фр.

Въ послѣднюю минуту, наканунѣ окончательнаго приговора, котораго всѣ кредиторы и поставщики ждали съ такимъ петерпѣніемъ, вдругъ вынырнули, какъ изъ-подъ земли, сотни другихъ Перальта, предъявившихъ свои права на это же наслѣдство. Откуда же явились эти новые наслѣдники, до того времени неизвѣстные? Были ли у нихъ законныя права или нѣтъ? На эти вопросы можно было отвѣтить, только изучивъ документы каждаго изъ новыхъ претендентовъ, и дѣло опять затянулось.

У адвокатовъ работы было по горло, но зато увеличивался гонораръ, и они не жаловались; правительство получило отсрочку, и тоже было довольно. Что касается Ривиса и его жены, то, какъ они сами говорили, они могли ждать, и никто за нихъ не боялся: всѣ заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ лица напрягали всѣ свои силы, чтобы услужить милліонерамъ-наслѣдникамъ.

И вдругъ неожиданно, какъ ударъ грома на безоблачномъ небѣ, раздается голосъ. Это былъ голосъ человѣка, которому правительство поручило тайно пересмотрѣть государственные акты Филиппа V и провѣрить подлинность подписи короля. Этотъ экспертъ, изучившій всѣ бумаги, предъявленныя Ривисомъ, объявилъ пораженнымъ судьямъ, что указъ короля дѣйствительно скрѣпленъ подлинною подписью Филиппа V и Хозе де-Кальвеза; что пергаментъ и печать очень похожи на печать и пергаментъ того времени, но почеркъ и содержаніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ относятся къ позднѣйшей эпохѣ. Ривисъ добылъ настоящій катъ 18-го вѣка, сдѣлалъ въ немъ подчистки и прежнее письмо замѣнилъ новымъ. Экспертъ доказалъ кромѣ того, что если дѣйствительно и существовали настоящіе Перальта, то этотъ родъ во всякомъ случаѣ давно уже прекратился и представителей его нѣтъ ни въ Испаніи, ни въ Мексикѣ, ни въ другихъ странахъ. Метрики, копіи съ которыхъ были представлены, тоже *оказались подскобленными (!) въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были сдѣланы вставки, а иныя были даже склеены изъ нѣсколькихъ документовъ (!!!)*

Итакъ, все было фальшиво: и указъ съ подписью короля, и выписка изъ

*) Такъ называли испанцы Мексику послѣ покоренія ея.

**) Филиппъ V, внукъ Людовика XIV, царствовалъ въ Испаніи съ 1700 г.

актовъ С. Бернардино, и документы о рожденіи, о крещеніи, о свадьбѣ, о смерти, и претензіи 160 наслѣдниковъ, явившихся въ послѣднюю минуту. И всѣ эти подлоги и обманы имѣли одного автора—Джемса Эддисона Ривиса.

Прежде чѣмъ приняться за это дѣло, Ривисъ долго практиковался въ разныхъ поддѣлкахъ подписей, писемъ и дѣловыхъ бумагъ; въ смѣлости и дерзости у него недостатка не было,—надо было только найти благопріятную почву.

Одинъ изъ документовъ былъ прямо чудомъ искусства; онъ стоилъ Ривису неслыханныхъ трудовъ и былъ составленъ такъ искусно, что могъ обмануть глаза знатока. То тылъ дѣйствительно оффиціальный указъ, похищенный изъ архива, съ подлинною подписью Филиппа V, но исправленный и дополненный Ривисомъ.

Ривисъ былъ осужденъ въ тюрьму на 2 года, причемъ государству пришлось истратить еще около 100 тысячъ рублей.

Итакъ, въ многомилліонномъ дѣлѣ, тянувшемся 27 лѣтъ, въ которомъ отвѣтчикомъ явилось правительство, не были замѣчены *подскобки, вставки* и даже *склейки листовъ!*.. Для насъ теперь это кажется невѣроятнымъ, но мы поймемъ возможность такого промаха, если ознакомимся съ послѣднимъ изданіемъ книги американца Frazer'а, вышедшей въ 1897 г., въ которой собрано все, что имѣется въ распоряженіи американскихъ судебныхъ экспертовъ для изслѣдованія документовъ. *Общаго* фотографическаго изслѣдованія эти эксперты не производятъ и не имѣютъ о немъ никакого понятія; ихъ познанія пригодны лишь для экспертизъ опредѣленнаго заданія и то при существованіи риска сдѣлать, послѣ первой же пробы, документъ совсѣмъ не годнымъ для дальнѣйшихъ опытовъ.

Представимъ себѣ, что знаменитый указъ Филиппа V-го былъ бы сфотографированъ цвѣтодѣлительнымъ способомъ; развѣ возможно, чтобы такія грубыя измѣненія документа какъ подскобки, вставки и склейки листовъ не обнаружились тотчасъ же? По рецептамъ книги Frazer'а необходимо производить *отдѣльно* пробы на подчистки, травленіе и проч., вымачивать документъ въ различныхъ растворахъ, подкуривать парами іода (способъ „на травленіе" Chevallier и Lassaigne) и т. п. Это все равно, какъ если бы вздумали лечить больного всѣми лекарствами, имѣющимися въ аптекѣ по очереди, вмѣсто того, чтобы предварительно изслѣдовать болѣзнь и тогда уже выбрать соотвѣтствующій методъ леченія.

9 Ноября 1892.—9 Ноября 1902.

При всемъ своемъ несовершенствѣ, процессъ Буринскаго нашелъ уже многія полезныя приложенія. Благодаря ему создалась такъ называемая судебная фотографія,—искусство открывать всякаго рода поддѣлки и измѣненія въ судебныхъ документахъ. Буринскій первый ввелъ фотографическое изслѣдованіе документовъ на судѣ (1889 г.) и его работы вызвали учрежденіе особой С.-Петербургской правительственной судебно-фотографической лабораторіи. Право Буринскаго называться творцомъ судебной фотографіи всѣми признано и никѣмъ не оспаривается: оно подтверждено оффиціально присужденіемъ ему первой золотой медали по научному отдѣлу фотографической выставки въ Москвѣ 1892 г. за судебную фотографію и выдачею преміи въ тысячу рублей отъ министерства юстиціи въ томъ же году по представленіи Императорскаго Русскаго техническаго общества и прокурора С.-Петербургской судебной палаты.

(Отчетъ Имп. Академіи Наукъ за 1898 г. стр. 124—о присужденіи преміи М. В. Ломоносова.

ГЛАВА X.

Общ. Учрежд. Судебн. Устан. Разд. IX. О лицахъ, состоящихъ при судебныхъ мѣстахъ. Глава шестая.

О присяжномъ фотографѣ и его помощникѣ.

429[1] При Прокурорѣ С.-Петербургской Судебной Палаты состоитъ лабораторія для производства судебно-фотографическихъ изслѣдованій по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. (1892 г. ноября 9, собр. узак., 1254, ст. 429[1]).

429[2]. Завѣдываніе означенною въ предшедшей (429[1]) статьѣ лабораторіею и производство въ ней судебно-фотографическихъ изслѣдованій возлагается на присяжнаго фотографа и его помощника. Упомянутыя должностныя лица вступаютъ въ отправленіе должности по принятіи присяги въ публичномъ засѣданіи Судебной Палаты (прил. IV форма II). (Тамъ же, ст. 429[1]).

Примѣчаніе. Должности присяжнаго фотографа и его помощника могутъ быть замѣщаемы по найму.

429[3]. Въ отношеніи порядка опредѣленія и увольненія, надзора, отвѣтственности, содержанія и правъ и преимуществъ по службѣ, присяжный фотографъ и его помощникъ сравниваются: первый—съ Секретаремъ, а второй—съ Помощникомъ Секретаря при Прокурорѣ Судебной Палаты. (См. ст. 978 у. у. с. и 860 у. гражд. суд.)

Судебно-фотографическая лабораторія учреждена съ 1 января 1893 г. и съ этого срока ассигнуется ежегодно: а) на содержаніе присяжнаго фотографа и его помощника по *двѣ тысячи триста руб.*, б) независимо отъ сего ассигновано въ распоряженіе Министерства Юстиціи единовременную сумму въ три тысячи рублей на расходы по устройству означенной лабораторіи (1892, ноября 9, собр. узак. 1254).

Въ 1892 году особымъ циркуляромъ мин. юстиціи было разъяснено старшимъ предсѣдателямъ судебной палаты, прокурорамъ и предсѣдателямъ окружныхъ судовъ, что въ образованную при прокурорѣ с.-петербургской судебной палаты судебно-фотографическую лабораторію надлежитъ обращаться съ требованіями о производствѣ фотографическихъ экспертизъ по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ лишь въ наиболѣе выдающихся случаяхъ, когда обнаруженіе подлинности или подложности документовъ иными, указанными въ законѣ, способами изслѣдованія оказывается затруднительнымъ. Распоряженіемъ этимъ имѣлось въ виду ограничить поступленіе требованій въ лабораторію, впредь до выясненія какъ опыта относительно количества экспертизъ, могущихъ быть выполненными, такъ и степени соотвѣтствія ассигнуемыхъ на содержаніе лабораторіи суммъ съ дѣйствительнымъ размѣромъ издержекъ по производствъ изслѣдованій. Между тѣмъ при примѣненіи этого циркуляра министерство усматриваетъ, что судебныя установленія нерѣдко отказываютъ въ удовлетвореніи ходатайствъ лицамъ о производствѣ судебно-фотографической экспертизы. Вслѣдствіе этого особымъ циркуляромъ министерства юстиціи предсѣдателямъ окружныхъ судовъ разъяснено, что за установленную плату изслѣдованіе въ лабораторіи можетъ быть по требованію сторонъ произведено и по гражданскимъ дѣламъ въ тѣхъ случаяхъ, когда такая экспертиза будетъ признана необходимою.

Съ 11 сентября 1889 г. въ зданіи С.-Петербургскаго Окружнаго суда помѣщалась судебно-фотографическая лабораторія, составлявшая собственность частнаго лица, не получавшаго никакихъ субсидій отъ казны. То обстоятельство, что владѣлецъ лабораторіи нерѣдко отказывалъ суду въ пользованіи принадлежавшими ему инструментами, если судъ не соглашался уплачивать ему впередъ имъ самимъ назначенную плату за изслѣдованіе, побудило судебное вѣдомство озаботиться устройствомъ правительственной судебно-фотографической лабораторіи и докладъ о семъ представленъ былъ г. Министру Юстиціи въ 1892 г. тогдашнимъ Прокуроромъ СПБ. Судебной Палаты.

Прежде, чѣмъ представить означенный докладъ, Прокуроръ СПБ. Судебной Палаты А. М. Кузминскій отнесся въ мартѣ 1892 года письмомъ къ предсѣдателю Императорскаго Техническаго Общества М. Н. Герсеванову, прося пригласить Техническое Общество высказать свои соображенія по поводу устройства правительственной судебно-фотографической лабораторіи. Въ исполненіе желанія г. Прокурора Палаты, V отдѣлъ И. Р. Т. Об—ва избралъ изъ среды своей особую комиссію изъ 5 членовъ, въ составъ которой вошли юристъ, химикъ, физикъ, спеціалистъ по теоретической фотографіи и судебный фотографъ *).

Комиссія пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Если лабораторія предназначается для судебно-фотографическихъ *изслѣдованій*, а не только для исполненія фотографическихъ работъ по требованіямъ, заявленнымъ назначаемыми судомъ экспертами, то

*) Гг. Ковальскій, Срезневскій, Буринскій, Ольхинъ, Честерманъ и Демчинскій.

завѣдываніе ею и производство самихъ изслѣдованій *ни въ какомъ случаѣ не должно быть поручено одному лицу.* По мнѣнію комиссіи, единоличное завѣдываніе столь важнымъ учрежденіемъ должно, несомнѣнно, принести огромный вредъ, какъ правосудію, такъ и искусству судебно-фотографическаго изслѣдованія документовъ.

2) На устройство такой лабораторіи, *способной отвѣчать своему назначенію,* потребно израсходовать единовременно не менѣе 30.000 рублей; на содержаніе лабораторіи комиссія исчислила не менѣе 15.000 рублей ежегодно.

Заключенія комиссіи были сообщены, въ апрѣлѣ 1892 г., г. Прокурору Спб. Судебной Палаты предсѣдателемъ И. Р. Т. О — ва М. Н. Герсевановымъ. Тогда же были высказаны и въ печати тождественные взгляды на вредъ единоличнаго завѣдыванія лабораторіей. Особеннаго вниманія заслуживаетъ статья А. Е. Кичина (тогда Тов. Предс. Спб. Окр. Суда), имѣвшаго случай близко ознакомиться съ характеромъ судебно-фотографическихъ изслѣдованій документовъ („Юрид. Газ." 1892 г., № 47).

Затруднительность исходатайствованія значительныхъ суммъ, исчисленныхъ комиссіею И. Р. Т. О—ва на устройство и содержаніе лабораторіи, побудила Прокурора Спб. Судебной Палаты ограничиться, на первое время, проэктомъ судебно-фотографической лабораторіи *не для производства изслѣдованія документовъ, а лишь для исполненія потребныхъ, при экспертизѣ документовъ, фотографическихъ работъ.* Стоимость устройства и содержанія такой лабораторіи могли быть опредѣлены суммою въ десять разъ меньшею той, которая требовалась бы для учрежденія судебно-фотографической лабораторіи, обязанной не только фотографировать, но и изслѣдовать документы.

Въ составленномъ, на основаніи доклада Прокурора Спб. Палаты, законопроэктѣ объ учрежденіи судебно-фотографической лабораторіи, одобренномъ Государственнымъ Совѣтомъ и Высочайше утвержденномъ 9 ноября 1892 г., сказано, что лабораторія учреждается „для фотографическихъ *изслѣдованій*".

Такая редакція ст. 429[1] Учр. Суд. Уст. дала поводъ обращаться въ судебно-фотографическую лабораторію съ требованіями о производствѣ *экспертизы* документовъ, т. е. смотрѣть на присяжнаго фотографа какъ на *эксперта,* а не только исполнителя фотографическихъ операцій, необходимыхъ для экспертизы.

Въ проэктѣ новой редакціи Судебныхъ Уставовъ присяжнымъ фотографамъ и ихъ помощникамъ посвящены только двѣ статьи:

159. Въ вѣдѣніи прокуроровъ судебныхъ палатъ, тамъ, гдѣ положено по штатамъ, состоятъ лабораторіи для производства судебно-фотографическихъ изслѣдованій по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ.

22

160. Завѣдываніе означенными въ предстоящей статьѣ лабораторіями для производства въ нихъ судебно-фотографическихъ изслѣдованій возлагается на присяжныхъ фотографовъ и ихъ помощниковъ.

Изъ объяснительной записки къ Проэкту не видно, чтобы вниманіе составителей его останавливалось на вопросѣ о необходимости измѣнить постановку судебно-фотографической экспертизы. Отличіе отъ существующихъ правилъ сводится лишь къ замѣнѣ единственнаго числа множественнымъ въ словахъ „лабораторія", „присяжный фотографъ" и „его помощникъ".

Техническая дѣятельность лабораторіи не опредѣляется никакими инструкціями. Присяжному фотографу не преподаны правила о соблюденіи мѣръ предосторожности противъ возможныхъ, при фотографическомъ изслѣдованіи документовъ, невольныхъ ошибокъ. Въ актахъ изслѣдованій, производимыхъ лабораторіей, не излагаются подробности произведенныхъ фотографомъ операцій, что лишаетъ судъ возможности судить о безошибочности полученныхъ результатовъ. Сообщенія о выдающихся работахъ лабораторіи и сдѣланныхъ ею усовершенствованіяхъ судебно-фотографическихъ пріемовъ въ печати не появлялось.

Остается, также, неопредѣленнымъ отношеніе суда къ лабораторіи. Нѣкоторые суды приравниваютъ это учрежденіе къ Экспедиціи Заготовленія Государств. бумагъ и Врачебному Управленію и сносятся непосредственно съ Прокуроромъ Спб. Судебной Палаты о производствѣ фотографическаго изслѣдованія, а иногда даже и прямо съ присяжнымъ фотографомъ. Иногородніе судебные слѣдователи нерѣдко направляютъ свои требованія не къ слѣдователю 9 уч. г. С.-Петербурга, какъ бы слѣдовало по закону (ст. 292 у. у. с.), а къ прокурору Спб. Суд. палаты или къ присяжному фотографу. Такія дѣйствія не находятъ себѣ оправданія въ положеніи 9 ноября 1892 г. (объ учрежденіи судебно-фотограф. лабораторіи).

Вообще, Положеніе 9 ноября 1892 г. настоятельно требуетъ дополненій и разъясненій.

Такъ какъ положеніемъ 9 ноября 1892 г. не отмѣнена и не измѣнена ни одна статья Судебныхъ Уставовъ, то порядокъ истребованія заключеній отъ присяжнаго фотографа долженъ быть соблюдаемъ такой же, какъ и при истребованіи заключеніи отъ всѣхъ другихъ свѣдущихъ людей. Иногородніе судебные слѣдователи должны адресовать требованія къ суд. слѣдов. 9 уч. г. С.-Петербурга *) въ участкѣ

*) Мнѣ извѣстенъ такой случай: суд. слѣд. Орловскаго окружн. суда послалъ 22 дек. 1898 г. требованіе о допросѣ петербургскимъ суд. слѣдователемъ присяжнаго фотографа по дѣлу отставного поручика П. Посылка была возвращена обратно 17 января 1899 г. съ извѣщеніемъ, что „*присяжный фотографъ избавленъ отъ дачи показаній у слѣдователей*". Какимъ порядкомъ совершилось это избавленіе—неизвѣстно. По словамъ покойнаго министра юстиціи Н. А.

котораго находится зданіе судебныхъ установленій, а гражданскіе суды обязаны направлять требованія о производствѣ фотографическаго изслѣдованія черезъ присяжнаго фотографа—въ IV отдѣленіе спб. окружн. суда.

Въ свое время въ печати появлялись указанія на несоотвѣтствіе института присяжныхъ экспертовъ съ духомъ Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II. Особенно трудно мириться съ служебнымъ подчиненіемъ эксперта прокурорскому надзору; невозможно отрицать, что эта служебная зависимость должна, во многихъ случаяхъ вредно отзываться на дѣйствіяхъ эксперта и оказывать давленіе на его совѣсть.

Институтъ присяжныхъ экспертовъ блистательно доказалъ свою непригодность во Франціи, въ началѣ XVIII столѣтія. Онъ былъ учрежденъ королевскими декретами въ маѣ и іюнѣ 1690 г. и видоизмѣненъ декретомъ 9 марта 1705 г. Просуществовалъ этотъ институтъ весьма недолго: онъ былъ упраздненъ по настоянію самихъ судей. Необходимо еще принять во вниманіе, что присяжные эксперты XVIII вѣка были, все таки, подчинены магистратурѣ, а не прокуратурѣ.

Недостаткомъ закона 9 ноября 1892 г. слѣдуетъ также признать предоставленіе прокурору судебной палаты права избранія и назначенія лицъ для замѣщенія должности присяжнаго фотографа, даже безъ ограниченія этого права требованіемъ отъ кандидатовъ какого-нибудь образовательнаго или научнаго ценза. Если добавить ко всему этому, что присяжный фотографъ получаетъ 1500 р. въ годъ вознагражденія, то не останется сомнѣнія, что слова „для судебно-фотографическихъ изслѣдованій" попали въ текстъ ст. 429[1] Учр. Суд. Устан. по недоразумѣнію вмѣсто словъ „для исполненія фотографическихъ работъ". Зная во всѣхъ подробностяхъ исторію учрежденія казенной судебно-фотографической лабораторіи, я могу подтвердить, что появленіе въ текстѣ закона словъ „для судебно-фотографическихъ изслѣдованій" было совершенной неожиданностью для лицъ, ходатайству которыхъ лабораторія обязана своимъ существованіемъ.

Изъ сказаннаго въ главѣ „о судебной фотографіи" видно, что она не имѣетъ исключительною цѣлью изслѣдованіе рукописей; она старается только добыть отъ фотографическаго чувствительнаго слоя все, что можетъ быть полезно для разнородныхъ судебно-техническихъ изслѣдованій, будетъ ли то графическая, медицинская, химическая или какая другая экспертиза. Судебный фотографъ долженъ имѣть въ виду, оди-

---

Манасеина, лично мнѣ сказаннымъ въ отвѣтъ на просьбу освободить отъ обязанности ежедневно являться по вызовамъ суд. слѣдователей, „никто, кромѣ законодателя, не имѣетъ на это права". *Е. П.*

наково, и оказаніе помощи судебному слѣдователю, желающему запечатлѣть фотографически картину обстановки преступленія или положенія трупа; и судебному врачу, имѣющему надобность въ точномъ изображеніи какихъ-нибудь ранъ или поврежденій; и судебному химику, требующему изготовленія фотомикрограммы кровянаго или сѣмяннаго пятна; и графическому эксперту, замѣтившему на изслѣдуемой рукописи сомнительную линію; и эксперту зодчему, призванному рѣшить вопросъ его спеціальности.

Судебному фотографу нужна нѣкоторая особая сноровка, особыя приспособленія, иные пріемы и матеріалы, чѣмъ тѣ, къ которымъ прибѣгаетъ всякій другой, не судебный фотографъ. И. Щегловитовъ взялъ эпиграфъ для своей статьи „Судебная фотографія", напечатанной въ № 11 „Сѣверн. Вѣстн." 1892 г. слѣдующую выписку изъ фотографической энциклопедіи Фабра: „Les usages que l'on fait de la photographie pour les affaires judiciaires sont des plus nombreux: lever des plans, constatation de l' état des lieux lors de catastrophes, incendies, éboulements, inondations, explosions, crimes et accidents quelconques. Dans ces divers cas, éxtremement nombreux, il est utile que l'expert connaisse á fond toutes les ressources de la photographie pour décider rapidement quels sont les appareils et procédés qu'il convient d'employer pour enregistrer d'une maniére correcte les constatations qu'on lui demande. (Fabre. Traité encycl. de photogr., T. 4-me, p. 308)". Требованіе хорошее, но не выполнимое, притомъ относящееся къ фотографу-эксперту, а не къ судебному фотографу. Человѣка способнаго успѣшно и быстро разобраться въ арсеналѣ фотографическихъ приборовъ, пріемовъ и матеріаловъ, не существуетъ и такого всезнайку нельзя себѣ представить. Энциклопедія фотографіи этого же Фабра представляетъ четыре увѣсистыхъ тома, а вѣдь она не болѣе какъ энциклопедія, въ которой говорится обо всемъ по немножку, напр., о метеорологической фотографіи полстраницы, объ археологической фотографіи одна страница и т. п., тогда какъ по каждому изъ этихъ отдѣловъ существуетъ цѣлая литература! Судебному фотографу (*не* эксперту) нѣтъ нужды знать всѣ рессурсы фотографической науки, но необходимо быть не столько теоретикомъ, сколько хорошимъ практикомъ. Спросите любителя фотографа, научившагося снимать отвратительные портреты своихъ сестеръ и братьевъ, скоро ли постигъ онъ эту премудрость и привыкъ сколько-нибудь сносно проявить нехитрый негативъ? То, чего успѣлъ добиться этотъ диллетантъ, есть только милліонная часть свѣдѣній и опыта, необходимыхъ, чтобы разобраться хотя бы только въ четырехъ книгахъ энциклопедіи г. Фабра! Кстати сказать, первый томъ энциклопедіи посвященъ цѣликомъ описанію однихъ оптическихъ приборовъ, по два слова о каждомъ; каковъ же долженъ быть

трудъ основательнаго ознакомленія и достиженія опыта въ обращеніи со всѣми этими приборами? Къ тому же фотографія не стоитъ на одномъ мѣстѣ: она прогрессируетъ!

Пусть, однако, подобный человѣкъ найденъ; все-таки онъ окажется плохимъ судебнымъ фотографомъ. Въ докладахъ V-му отдѣлу Императ. Русскаго Техническаго Общества 15 февраля 1893 года (О важнѣйшихъ задачахъ судеб. фотогр.) и съѣзду фотографовъ въ Москвѣ въ 1896 г. (см. главу о судебной фотографіи) я подробно объяснилъ различіе цѣлей и стремленій фотографовъ судебнаго и всякаго другого. Судебному фотографу нужно достигать высшей степени проявленія такихъ свойствъ и особенностей фотографическихъ чувствительныхъ срединъ, которыя никому другому не нужны, даже чаще всего вредны, досадны! Судебный фотографъ ищетъ въ фотографіи то, отъ чего другіе не знаютъ какъ избавиться! Найдите, напр., у Фабра или въ любомъ полномъ сводѣ фотографическихъ знаній хотя бы одно только слово о цвѣтодѣлительныхъ негативахъ, о суммированіи пленокъ и т. п., безъ чего судебный фотографъ не можетъ ступить шага! Обособленность цѣлей и стремленій обусловливаетъ различіе въ пріемахъ и матеріалахъ, потребность въ своихъ, спеціальныхъ приборахъ и приспособленіяхъ, даже въ особомъ устройствѣ помѣщенія для работы.

Напомню о снимкѣ, приложенномъ къ книгѣ Бертильона, долженствующемъ изображать обстановку убійства; судебный фотографъ не сдѣлалъ бы, какъ я уже говорилъ, такого негоднаго снимка.

Возьмемъ другой примѣръ—фотографическіе снимки для судебно-медицинской экспертизы, о крайней необходимости которыхъ свидѣтельствуютъ всѣ представители этой науки, а также многіе ученые юристы *).

Фотографическіе снимки этого рода вошли было сначала въ употребленіе, но потомъ отъ нихъ отказались не потому, однако, что нашли ненужнымъ, не потому, что не умѣли ихъ дѣлать. Причины рѣдкаго пользованія фотографіей для судебно-медицинскихъ экспертизъ тѣ же самыя, которыми д-ръ Баженовъ (Фот. Ежегодникъ Дементьева на 1893 г.) объясняетъ предпочтеніе, отдаваемое анатомами рисункамъ карандашемъ и тушью съ препаратовъ передъ фотографіями, т. е. нецѣлесообразность въ выборѣ аппаратовъ, пріемовъ и матеріаловъ. Призванный съ улицы фотографъ понятія не имѣетъ о тѣхъ приспособленіяхъ и сноровкѣ, какія необходимы для фотографированія анатоми-

*) „Wiener Juristenzeitung“, 1882, 15 April: Die Photographie im Dienste der Justiz.—Sander: Die Photographie in der gerichtl. Medecin, отдѣльн. оттискъ изъ Vierteljahr. für gerichtl. Medecin. — Annales d'hyg. publique, 1870: De l' applic. de la photogr. aux recherches med-leg.—Gross, цитированный выше.

ческихъ препаратовъ; медицинскому фотографу онѣ должны быть хорошо извѣстны.

Судебному фотографу дай Богъ справиться только съ своимъ дѣломъ, съ своими задачами.

За послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ фотографія быстро специализировалась, раздробилась на множество отдѣльныхъ частей. Мы знаемъ теперь художественную, астрономическую, метеорологическую, топографическую, аэровнатическую и разныя др. фотографіи, изъ которыхъ любая представляетъ самостоятельную отрасль свѣтописи. Астрономы, метеорологи, анатомы, врачи, словомъ представители всевозможныхъ знаній, искусствъ, промысловъ и спеціальностей спѣшили воспользоваться фотографіей каждый длясвоихъ цѣлей, взять отъ нея все, чѣмъ она можетъ облегчить имъ разрѣшеніе занимающихъ ихъ вопросовъ.

То же самое предстоитъ и судебному фотографу, а для этого совсѣмъ не требуются очень обширныя познанія въ теоріи свѣтописи, если, разумѣется, судебный фотографъ не покушается стать фотографомъ-экспертомъ.

Судебная власть издавна привыкла получать все нужное ей въ готовомъ видѣ. Она никогда не заботилась о какой-нибудь архитектурѣ или химіи, твердо зная, что и архитекторъ и химикъ явятся къ ея услугамъ по первому требованію. Правительственныхъ ученыхъ учрежденій, посвященныхъ успѣхамъ и развитію свѣтописи, почти не существовало (въ Россіи и до сихъ поръ нѣтъ) и если въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ фотографія считалась обязательнымъ предметомъ, то объемъ преподаванія не выходилъ изъ предѣловъ извѣстныхъ спеціальностей (астрономическая фотографія, медицинская и др.). Судебная фотографія не находила себѣ пріюта и поддержки, частныя же лица не могли, если бы и желали, посвятить себя изученію этого предмета, потому что на такое занятіе требовались не малыя денежныя издержки и, главное, такой матеріалъ для экспериментовъ, который не продается на рынкѣ, а имѣется только въ судѣ. Были, впрочемъ, нѣкоторыя попытки со стороны частныхъ лицъ заняться судебной фотографіей, но онѣ разбивались о безучастіе, а иногда (какъ это, повидимому, ни странно) и о противодѣйствіе судебной власти.

Съ другой стороны, много вредило репутаціи судебной фотографіи появленіе въ судахъ, время отъ времени, разныхъ ремесленниковъ свѣтописи и фотографовъ-любителей, не имѣвшихъ представленія о судебной фотографіи. Добро бы выступали они простыми исполнителями судебныхъ заказовъ—это бы еще съ полгоря! Но такіе господа храбро принимали на себя производство экспертизы документовъ! Ни судьи, приглашавшіе этихъ лицъ, ни сами приглашаемые не понимали, что между сниманіемъ фотографическихъ портретовъ и судебно-фотографи-

ческими операціями лежитъ бездна; что двѣ эти отрасли фотографіи не только не сходны, но прямо противоположны*). Неудачи и промахи импровизированныхъ судебныхъ фотографовъ ставились, разумѣется, на счетъ судебной фотографіи.

Задача судебнаго фотографа — постоянное, зоркое наблюденіе за успѣхами фотографической техники, заимствованіе и, главное, *переработка* всего, что можетъ встрѣтиться въ ней полезнаго для разнородныхъ судебныхъ изслѣдованій. Судебный фотографъ не долженъ быть тѣмъ всезнайкой, какимъ представляетъ его Фабръ, не долженъ умѣть разбираться быстро въ несмѣтномъ количествѣ фотографическихъ пріемовъ, матеріаловъ и рецептовъ, т. е. кормить собакъ, когда пора идти на охоту... Судъ ожидаетъ отъ него не сверхъестественныхъ способностей, а лишь твердаго знанія, что и когда нужно дѣлать, когда за что взяться, да хорошаго навыка въ работѣ.

Судебный фотографъ при окружномъ судѣ (*не* экспертъ) долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи, сверхъ обычныхъ въ каждой фотографической лабораторіи предметовъ, слѣдующіе аппараты и приспособленія.

1. Камеру фотографическую со штативомъ и предметнымъ щитомъ, обезпеченную отъ сотрясеній. Такія камеры приготовляются теперь для трехцвѣтнаго печатанія, но онѣ очень дороги. Вполнѣ удовлетворительна микрофотографическая камера Цейсса (средняя); ее можно помѣстить на тяжеломъ столѣ и, еще лучше, приспособить верхнюю доску стола на спиральныхъ рессорахъ.

Размѣръ этой камеры 13 × 18, что болѣе, чѣмъ достаточно для судебно-фотографическихъ работъ. Тотъ же аппаратъ будетъ служить и для микрофотографіи.

2. Объективъ, годный для репродукцій.

3. Свѣтофильтры (жидкіе или стеклянные).

4. Двѣ лампы для сжиганіи лентъ магнія, съ часовымъ механизмомъ. Если взамѣнъ этихъ лампъ употребляется дуговое электрическое освѣщеніе, то сила свѣта должна быть хорошо регулирована.

5. Микроскопъ Цейсса, съ вертикальнымъ иллюминаторомъ.

Можно ограничиться этимъ инвентаремъ, чтобы не вынуждать фотографа чрезмѣрно расширять помѣщеніе. Если-бы было предположено обязать судебныхъ фотографовъ не только оперировать съ сомнительными документами, но также исполнять и другія судебно-фотографическія работы, напр. снимать фотографіи съ труповъ убитыхъ, пожарищъ и т. п., то пришлось-бы прибавить еще нѣкоторые предметы, напр. спектрографъ, аппараты для съемокъ предметовъ въ планѣ

*) Приглашеніе фотографа-портретиста для судебно-фотографическихъ работъ равносильно приглашенію дантиста вмѣсто акушера на помощь родильницѣ, единственно на томъ основаніи, что дантистъ и акушеръ — оба врачи и оба работаютъ щипцами.

(особенно важно при слѣдствіяхъ о желѣзнодорожныхъ крушеніяхъ) и др. Такъ какъ въ программу настоящей книги эта часть судебной фотографіи не входитъ, я не вдаюсь въ подробное перечисленіе необходимыхъ для нее приборовъ.

Самое важное, для правильной постановки дѣла—не допускать ничего, что могло-бы вовлечь судебнаго фотографа въ роль эксперта. Онъ то же, что присяжный переводчикъ, обязанный только перевести на русскій языкъ данный ему иностранный документъ; отъ него не требуютъ сужденій по поводу содержанія документа и таково-же должно быть отношеніе суда къ присяжному судебному фотографу. Лишь при такомъ условіи подчиненіе его прокурорской власти не было-бы явнымъ противорѣчіемъ существующимъ научнымъ понятіемъ о значеніи судебной экспертизы и основнымъ началамъ дѣйствующихъ судопроизводственныхъ законовъ.

Мѣстнымъ присяжнымъ фотографамъ при окружныхъ судахъ можно было-бы предоставить право изготовлять, за особую плату по таксѣ, по заказамъ частныхъ лицъ, *засвидѣтельствованныя* фотографическія копіи съ документовъ и разныхъ предметовъ, для представленія такихъ копій въ судебныя и др. правительственныя учрежденія.

Это право, создавая матерьяльный интересъ для судебныхъ фотографовъ, способствовало-бы увеличенію числа желающихъ занять должность и, слѣдовательно, расширенію выбора судомъ болѣе достойнаго.

Составленіе инструкціи о мѣрахъ предосторожности, обязательныхъ для судебнаго фотографа при исполненіи порученій по должности, могло-бы быть предложено какому-либо фотографическому обществу или, еще лучше, фотографическому съѣзду. Необходимость такой инструкціи сознавалась V-мъ отдѣломъ Имп. Рус. Тех. Об-ва еще въ 1892 г. и отдѣлъ, въ засѣданіи 24 января того года, избралъ для составленія ея особую комиссію (г.г. Ковальскій, Честерманъ, Буринскій). Занятія комиссіи были прерваны послѣ того, какъ выяснилось (въ апрѣлѣ того-же года) намѣреніе судебнаго вѣдомства подчинить присяжнаго судебнаго фотографа Прокурору Судебной Палаты.

О желательности инструкціи высказался и 1-й съѣздъ дѣятелей по фотографическому дѣлу, причемъ, во время обсужденія резолюціи, приведены были примѣры очень печальныхъ судебныхъ ошибокъ, порожденныхъ небрежностью или невѣдѣніемъ фотографовъ. Врачебный уставъ обставляетъ дѣйствія судебнаго врача или судебнаго химика всевозможными мѣрами предосторожности, долженствующими обезпечить правильность изслѣдованія и достовѣрность его результатовъ: почему не сдѣлать того же по отношеніи къ судебному фотографу?

Во время существованія полуоффиціальной лабораторіи въ Спб. Окружномъ Судѣ господствовалъ взглядъ на необходимость полной гласности въ отношеніи производимыхъ лабораторіею работъ. Въ то время не только въ юридическихъ журналахъ, но и въ общей прессѣ появлялись статьи по общимъ вопросамъ судебной фотографіи, описанія выдающихся въ техническомъ отношеніи изслѣдованій, произведенныхъ лабораторіею и т. п. Подъ этими статьями подписаны были имена судебныхъ дѣятелей, А. Е. Кичина, И. Г. Щегловитова и др. Послѣдній изъ названныхъ дѣятелей не находилъ печать достаточнымъ средствомъ для ознакомленія русскаго общества съ судебной фотографіей и прибѣгалъ къ публичнымъ чтеніямъ съ иллюстраціями особенно замѣчательныхъ изслѣдованій. Также признавалось полезнымъ ознакомить съ судебно-фотографической экспертизой воспитанниковъ Императорскаго училища правовѣдѣнія и этотъ трудъ бралъ на себя профессоръ В. К. Случевскій, тогда еще товарищъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената.

Въ это же время судебные дѣятели открыто выражали предубѣжденіе противъ единоличнаго производства судебно-фотографическихъ изслѣдованій и требовали колегіальнаго устройства лабораторіи, какъ единственно возможной гарантіи противъ увлеченій судебной фотографіи.

Съ момента превращенія лабораторіи изъ полуоффиціальной въ оффиціальную, сразу установилось мнѣніе, прямо противоположное прежнему.

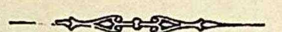
Въ теченіе 10 лѣтъ въ печати не появилось ни одной строки, касающейся лабораторіи при прокурорѣ Спб. Судебной Палаты, если не считать репортерскихъ замѣтокъ въ газетахъ, не подписанныхъ авторами. Не было даже, сколько намъ извѣстно, ни одного сообщенія по судебной фотографіи въ собраніяхъ V отдѣла Императорскаго Техническаго Общества (отдѣлъ свѣтописи), въ былое время относившагося съ большимъ интересомъ ко всему, что казалось успѣховъ новой отрасли свѣтописи и такъ много имъ содѣйствовавшаго совѣтомъ, указаніями, исправленіемъ погрѣшностей и пр.

Принимая во вниманіе, что казенная лабораторія обладаетъ техническими средствами, о какихъ въ 1889—93 г.г. не осмѣливались и помышлять, а также получаетъ ежегодно сумму въ 2000 р. на улучшеніе этихъ средствъ, тогда какъ за четыре года существованія полуоффиціальной лабораторіи не израсходовано ни одной казенной копѣйки на матерьялъ или инструменты,—принимая все это во вниманіе, мы вправѣ были-бы ожидать, что за десятилѣтіе произведены изслѣдованія вполнѣ достойныя быть оглашенными во всеобщее свѣдѣніе, какъ доказательство плодотворной дѣятельности новаго учрежденія.

Наиболѣе интересныя въ техническомъ отношеніи заключенія г.

присяжнаго фотографа могли-бы быть съ большой пользой печатаемы напр. въ видѣ приложенія къ Журналу Министерства Юстиціи. Тѣ судебные дѣятели, которымъ чаще всего приходится прибѣгать къ помощи фотографической лабораторіи, усвоивали бы себѣ сущность и предѣлы судебно-фотографическаго изслѣдованія документовъ, а, слѣдовательно, знали-бы съ какими требованіями позволительно обращаться къ лабораторіи, что она въ состояніи разрѣшить и что не въ состояніи.

Самый фактъ оглашенія заключеній возвысилъ бы лабораторію въ глазахъ общества, увеличилъ бы довѣріе къ ней. Знаніе не должно бояться свѣта и критики. Не слѣдуетъ забывать, что изъ этого самаго общества выбираются присяжные засѣдатели... Никакихъ техническихъ секретовъ лабораторія имѣть не можетъ, потому что вся судебная фотографія сводится къ частнымъ задачамъ по цвѣтодѣленію (обнаруженію слѣдовъ травленія, подчистокъ, поправокъ и т. п.), а работы по цвѣтодѣленію совершенно открыто производятся повсюду и публикуются во всеобщее свѣдѣніе! Наконецъ, гдѣ есть техническіе секреты, тамъ неизбѣжны и техническія ошибки...

Книги и статьи, на русскомъ языкѣ, имѣющія отношеніе къ экспертизѣ документовъ.

Новый способъ для узнанія подлинности документовъ (при помощи особыхъ увеличительныхъ стеколъ, примѣненный въ Англіи). «Журн. Мин. Юстиціи» 1861 г. т. II, кн. 1, смѣсь стр. 206—207.

Неоцѣнимая услуга фотографіи (въ судебной экспертизѣ, въ Берлинѣ). «Книжн. Вѣстникъ» 1888 г. кн. 2, стр. 126.

О сличеніи почерковъ. Озенбрюггенъ. Переводъ съ нѣмецкаго. «Юридическій Вѣстникъ» 1867—1868, кн. 2, августъ, стр. 79—86.

Примѣненіе фотографіи къ юридической сферѣ. «Судебный Вѣстникъ» 1869, № 282.

По поводу судебной экспертизы по дѣлу Теръ-Шмованова и другихъ, обвиняемыхъ въ подлогѣ (ея успѣшность при помощи фотографіи). «Юридическое Обозрѣніе» 1885 г. № 222, стр. 811—813.

Примѣненіе фотографической экспертизы при изслѣдованіи подложности документовъ. Z. «Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права», 1889 г. кн. 10, юрид. хрон., стр. 124—131.

Докладъ И. Г. Щегловитова въ Спб. юридическомъ обществѣ о примѣненіи фотографіи къ экспертизѣ при изслѣдованіи документовъ. «Новое Время». 1890 г. № 5319, стр. 4.—Тоже «Судебная Газета». 1890 г. № 51, стр. 9—10.

Судебная экспертиза документовъ (въ уголовномъ судѣ) И. Щегловитовъ. «Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права». 1891 г. кн. 6, стр. 45—72.

Услуги фотографіи на судѣ. «Русскія Вѣдомости». 1891 г. № 66, стр. 4.

О фотографической судебной экспертизѣ. Ив. Святскій. «Колосья». 1891 г. кн. 4, научная хроника, стр. 152—157.

Къ вопросу о химической экспертизѣ документовъ (способъ Брюйлана). М. Неплюевъ. «Колосья“. 1891 г. кн. 3, научная хроника, стр. 198—199.

Судебная фотографія (по поводу статей въ «Новомъ Времени»). «Московскія Вѣдомости». 1891 г. № 194, стр. 5.

Случаи примѣненія судебно-фотографической экспертизы документовъ. «Новое Время». 1891 г. № 5571 г., стр. 2.

Фотографическій способъ изслѣдованія документовъ. «Новое Время». 1891 г. № 5559, стр. 3.

Примѣненіе судебной фотографіи (казусы фотографической экспертизы). «Новое Время». 1891 г. № 5528, стр. 3.

Судебная фотографія. «Новое Время». 1891 г. № 5514, стр. 1.

Роль фотографіи въ судебныхъ процессахъ. Н. С. «Новое Время». 1891 г. № 5424, стр. 3.

Фотографія на судѣ (ея успѣхи и услуги въ сферѣ уголовнаго правосудія) «Недѣля». 1891 г. № 14.

Примѣненіе фотографіи къ судебной экспертизѣ. «Правительственный Вѣстникъ» 1891 г., № 77, стр. 2.

Лекція г. Буринскаго о примѣненіи фотографіи къ судебной экспертизѣ. «Новости». 1891 г. № 94, стр. 3.

Фотографическая экспертиза при изслѣдованіи документовъ. И. Г. Щегловитовъ. «Юридическая Лѣтопись». 1891 г. мартъ, стр. 201—214. По поводу этой статьи «Судебная Газета». 1891 г. № 25, пер. статья.

О значеніи естественно-научныхъ открытій для уголовнаго процесса. Эфена. «Судебная Газета». 1892 г. № 3.

Судебная фотографія. «Судебная Газета». 1892 г. № 5, стр. 9.

Фотографія въ судебной экспертизѣ (дѣло по обвиненію Генделя въ подлогѣ) «Судебн. Газета», 1892 г. № 34, стр. 8, суд. хроника.

Судебная фотографія. И. Щегловитовъ. «Сѣверн. Вѣстникъ». 1892 г. кн. II, стр. 71—102.

Нѣсколько словъ о судебно-экспертной фотографіи на фотографической выставкѣ. Р. Тиле. «Московск. Вѣдомости». 1892 г. № 69, стр. 5.

Судебная фотографія. Евг. Буринскій. «Юрид. Газета». 1892 г. № 49. стр. 1—2.

Судебная фотографія на московской фотографической выставкѣ (коллекція образцовъ примѣненія фотографіи къ судебной экспертизѣ Е. Буринскаго). «Юрид. Газета». 1892 г. № 22, стр. 1.

Примѣненіе химіи и фотографіи къ выясненію сомнительныхъ документовъ, писанныхъ чернилами. Н. А. Козловъ. «Юрид. Газета». 1892 г. № 47, фельетонъ.

Можетъ-ли всякая фотографія быть признана экспертизою на судѣ? «Фотографъ-Любитель». 1892 г. № 4.

Отчетъ о сообщеніи Я. И. Ковальскаго V-му отдѣлу Имп. Русск. Фот. Общества объ одной экспертизѣ, произведенной Е. Ѳ. Буринскимъ. «Фотографъ-Любитель». 1892 г. № 3.

Возстановленіе старыхъ документовъ. «Фотографъ-Любитель». 1892 г. № 12.

Графологія. Е. Буринскаго. «Фотографъ-Любитель». 1892 г. № 5.

Рефератъ М. В. Шимановскаго о «фотографіи въ правѣ и правосудіи», въ Одесскомъ Юрид. Обществѣ. «Судебная Газета». 1892 г. № 43, стр. 7.—Объ означенномъ рефератѣ. И. Хмѣльницкій. «Журналъ Спб. Юрид. Общества». 1894 г. кн. 7, замѣтки, стр. 48—51.

Химико-фотографическое изслѣдованіе документовъ, писанныхъ чернилами. Н. А. Козлова. «Фотогр. Ежегодникъ И. М. Дементьева». 1893 г. стр. 109. Въ замѣткѣ данъ переводъ таблицы реактивовъ и ихъ дѣйствія на чернила, заимствованныя изъ Pharm Centralbl. 1892 г.

Современное состояніе судебно-фотографической экспертизы. Е. Буринскій. «Юрид. Газета». №№ 85, 86, 91, 93, 94, 96, 97 и 101.

О поддѣлкѣ болѣзненнаго почерка въ дѣлѣ объ убійствѣ псаломщика Кедрова. Евг. Буринскій. «Юрид. Газета». 1893 г. № 30, стр. 1.

Еще къ вопросу о фотографической экспертизѣ. Л. О. «Юридич. Газета». № 80, стр. 1.

Къ вопросу о фотографической экспертизѣ. Письмо А. М. Л—аго и замѣчанія редакціи. «Юрид. Газета». 1893 г. № 78, стр. 1—2.

Смѣшанная экспертиза (изъ психіатровъ и графологовъ) по гражданскому дѣлу (о недѣйствительности духовнаго завѣщанія купца Клочковскаго). «Судебн. Газета». 1893 г. № 24, суд. хроника.

О возможныхъ ошибкахъ судебной фотографіи. «Юридич. Газета». № 99. 1894 г.

«*Къ вопросу о производствѣ экспертизы документовъ* на судѣ». Н. А. Козловъ. № 39, 1894 г. «Судебная Газета».

«*Примѣненіе предварительной химико-фотографической экспертизы* къ опредѣленію доброкачественности документовъ и ея значеніе вообще». Н. Козловъ. «Судебная Газета». № 24. 1894 г.

Графологія или ученіе объ индивидуальности письма (объ отношеніи почерка къ характеру). Съ приложеніемъ типичныхъ автографовъ. Съ предисловіемъ Д. Д. Ахшарумова. Н. Д. Ахшарумовъ и Ф. Ф. Тишковъ. Рига. 1894 г. Тип. Мюллера 8. д. XII и 84 стр. и 17 таблицъ. 600 экз. ц. 2 р.

Борьба фотографіи съ преступностью въ Парижѣ. «Правительств. Вѣстникъ». 1894 г. № 159, фельетонъ.

О возможныхъ ошибкахъ судебной фотографіи. «Юрид. Газета». 1894 г. № 99, стр. 2.

Сообщеніе г. Лаврова и Щербачева въ засѣданіи V отдѣла Имп. Русск. Техн. Об—ва о работахъ г. Буринскаго въ Имп. Академіи Наукъ. «Фотографъ-Любитель». 1895 г. № 1.

Еще о фотографической экспертизѣ. «Юрид. Газета». 1895 г. № 73.

Химико-фотографическая экспертиза до суда и на судѣ (со снимками частей подложнаго завѣщанія Грибанова и подлинныхъ его подписей). Н. А. Козловъ. Въ «Фотограф. Ежегодникѣ» на 1895 г., изд. П. М. Дементьевымъ. Спб. 1895 г. По поводу этой статьи. Евг. Буринскій. «Юрид. Газета». 1895 г. № 69.

Фотографическая экспертиза. Е. Буринскій. «Юрид. Газета». № 69. 1895 г.

Еще о фотографической экспертизѣ. Е. Буринскій. «Юрид. Газета». № 72. 1895 г.

Нѣчто о технической тайнѣ. Е. Буринскій. «Юрид. Газета». № 81. 1895 г.

Фотографическая экспертиза. М. В. Р—чъ. «Юрид. Газета». № 85. 1895 г.

Судебный слѣдователь, заподозрѣнный въ составленіи подложнаго документа (Маленьк. юрид. фельетонъ). Е. Буринскій. «Юрид. Газета». № 86. 1895 г.

Записка объ усовершенствованіяхъ, доступныхъ въ фотографіи (Библ. лист.). Е. Буринскій. «Юрид. Газ.». № 25. 1896.

Письмо въ редакцію. Львова. № 56. «Юрид. Газ.». 1897 г.

Къ вопросу: какой экспертизѣ вѣрить—фотографической или графической. Гольденблаттъ. «Юрид. Газ.». № 35. 1897 г.

Труды I-го съѣзда русск. дѣятелей по фотографическому дѣлу (Библ. лист.). № 25. «Юрид. Газ.». 1897 г.

О судебной фотографіи. Докладъ Е. Ѳ. Буринскаго I-му съѣзду русскихъ дѣятелей по фотографическому дѣлу. Труды съѣзда. Москва. 1897 г.— Перепечатанъ полностью въ «Русск. Фотогр. Журналѣ» 1897 г.; въ извлеченіи «Юрид. Газеты». Краткіе отчеты о докладѣ въ газетахъ за мартъ—апрѣль 1896 г.

Къ сенсаціоннымъ процессамъ (у прис. фотографа А. Н. Малевинскаго). «Петерб. Газета». 1897 г. № 317.

Какой экспертизѣ вѣрить: фотографической или графической? «Юрид. Газ.». № 31. 1897 г.

Отвѣтъ на вопросъ: какой экспертизѣ вѣрить: фотографической или графической. «Юрид. Газ.». № 32. 1897 г. Е. Буринскій.

О судебной фотографіи. Е. Буринскій. «Юрид. Газ.». № 26. 1897 г.

Опасное недоразумѣніе (отвѣтъ на письмо г. Львова). Е. Буринскій. «Юр. Газ.». № 58, 59. 1897 г.

Экспертиза рукописей (по поводу дѣла бывшаго капитана Дрейфуса). Е. Буринскій. «Юр. Газ.». № 89. 1897 г.

Логическая лабораторія. Е. Буринскій. «Юрид. Газета». № 97. 1897 г.

Ломоносовская премія за судебно-фотографическій способъ. «Юр. Газ.». № 89. 1898 г.

Поддѣлка почерка и симуляція поддѣлки. Е. Буринскій. «Юр. Газета». № 40. 1898 г.

Поучительный процессъ. Е. Буринскій. «Юр. Газ.». № 35. 1898 г.

Судебно-фотографическое изслѣдованіе документовъ. «Юр. Газ.». № 7. 1899 г.

Значеніе и цѣль судебно-фотографической лабораторіи. Е. Буринскій. «Юр. Газ.». № 16. 1899 г.

Руководство для судебныхъ слѣдователей, чиновъ общей и жандармской полиціи и др. Д-ра Ганса Гросса. Переводъ съ нѣмецкаго со второго дополненнаго изданія. Перевели судебные слѣдователи Л. Дудкинъ и Б. Зиллеръ. 1897 г. (Въ книгѣ есть отдѣлъ о производствѣ экспертизы документовъ. О лицахъ свѣдующихъ въ изслѣдованіи документовъ, стр. 263—276; о фотографіи при изслѣдованіи рукописей, стр. 288).

Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей. Макалинскаго (О фотографич. экспертизѣ. стр. 274—279).

Экспертиза въ уголовномъ судѣ. Ѳ. Быковъ. «Юридич. Обозрѣніе». 1881. №№ 1, 2, 4—8, 12, 16, 17, 26, 28, 31, 33 и 37.

Изъ практики Ставропольскаго суда по вопросамъ гражданскаго судопроизводства. По поводу ст. 860, 861 и 862 уст. гр. суд. о вознагражденіи свидѣтелей и экспертовъ. №№ «Юридич. Обозрѣніе». 1883. № 96. стр. 101—106.

Къ вопросу о значеніи экспертизы въ уголовномъ процессѣ. Владиміръ Фуксъ. «Юридич. Вѣстникъ». 1887, кн. 9, стр. 118—136.

Дѣло Сазонова (по обвиненію его по ст. 1711 и 1694 ул. о нак.; заключеніе оберъ-прокурора А. Ѳ. Кони по вопросу объ отказѣ суда въ вызовѣ экспертовъ). «Юридич. Лѣтопись». 1891 г. іюнь, хрон., стр. 466—483.

Уголовно-судебная экспертиза на предварительномъ слѣдствіи и судѣ. Сообщеніе Владиміра Фукса въ Спб. Юридическомъ Обществѣ. «Журналъ Гражд. и Угол. Права». 1887, кн. 4, стр. 15—54; кн. 5, стр. 1—39.—По поводу этого сообщенія. «Кавказское Обозрѣніе». 1887 г. № 40, стр. 2. «Судебн. Газета». 1887. № 10, стр. 2—3.

Невмѣняемость экспертизы. Житель. «Новое Время». 1887 года № 4201.

Объ экспертизѣ на судѣ (о докладѣ В. Я. Фукса въ Спб. Юрид. Обществѣ). «Новое Время». 1887. № 3946. «Новости». 1887 г. № 33.

Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ. Вып. 3-й. Особенная часть.

Книга I. Личный судейскій осмотръ и заключеніе экспертовъ. Проф. Л. Е. Владиміровъ. Харьковъ. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Безотвѣтственность экспертизы (уголовной). К. «Гражданинъ». 1889 г. № 260.

О правѣ эксперта отказаться отъ принятія на себя изслѣдованія. «Судебн. Газета». 1892. № 38.

О проэктируемыхъ измѣненіяхъ правилъ вознагражденія свидѣтелей и свѣдущихъ лицъ по судебнымъ дѣламъ. «Суд. Газ.». 1893. № 22.

Къ вопросу о размѣрѣ штрафа, налагаемаго окружнымъ судомъ на экспертовъ, не явившихся, безъ законной причины, въ судебное засѣданіе. Масловскаго. «Юр. Газ.». № 72.

Неявка эксперта и аналогія закона. Е. Ѳ. Б. «Юр. Газ.». № 77.

Примѣненіе предварительной химико-фотографической экспертизы къ опредѣленію доброкачественности документовъ и ея значеніе вообще. Н. Козловъ. «Судебн. Газ.». № 27, стр. 4—5.

Къ вопросу о производствѣ экспертизы документовъ на судѣ (уголовномъ). Н. А. Козловъ. «Судебная Газета». 1894 г. № 39. стр. 6.

О правѣ всѣхъ сторонъ по гражданскимъ дѣламъ обращаться въ судебно-фотографическую при Спб. Судебной Палатѣ лабораторію съ просьбами о производствѣ экспертизы, за установленную плату (распоряженіе Министерства Юстиціи). «Судебная Газета». 1894 г. №, 52 стр. 11—12.

Экспертиза подъ судомъ (по провѣркѣ подлинности документовъ) «Юридическая Газета». 1894. №№ 45 и 46. Фельетонъ.

Quasi-фельетонъ. «Юридическая Газета». № 91. 1894 г.

О судебной экспертизѣ (къ вопросу о значеніи свѣдущихъ людей въ уголовномъ судопроизводствѣ). С. Годлевскій. «Журналъ Спб. Юрид. Общества». 1894 г. кн. 7, стр. 73—86.

Судъ присяжныхъ и экспертиза въ Россіи. Сергѣй Гогель. Ковно. 1894 г

Экспертиза на судѣ. «Петербургская Газета». 1894 г. № 127 (по поводу привлеченія къ суду эксперта за невѣрную предварительную экспертизу).

Письма объ экспертизѣ документовъ. Письмо I. Е. Буринскій. «Юрид. Газ.». №№ 90, 91. 1895 г.

Письма объ экспертизѣ документовъ. Письмо II. Е. Буринскій. «Юрид. Газ.». №№ 95, 96. 1895 г.

Письма объ экспертизѣ документовъ. Письмо III. «Юрид. Газ.». № 101. 1895 г.

Письма объ экспертизѣ документовъ. Письмо IV. Е. Буринскій, «Юридическая Газета». № 5, 7. 1896 г.

Въ защиту Гросса. Анатолія Романовскаго. «Юрид. Газ.». 1896. № 12. (Отвѣтъ на «письмо объ экспертизѣ документовъ» Е. Буринскаго).

Письма объ экспертизѣ документовъ. Письмо V. Е. Буринскаго. «Юрид. Газ.». № 15. 1896 г.

Подкупленный экспертъ. Е. Буринскій. «Юрид. Газета». № 3. 1898 г.

Отрадное явленіе. «Юрид. Газета». № 28. 1898 г.

Письмо въ редакцію (по поводу замѣтки «Отрадное явленіе»). Евг. Буринскій. «Юрид. Газета». № 30. 1898 г.

Экспертиза на судѣ. «Юрид. Газета». № 64. 1898 г.

Соединеніе обязанностей свидѣтеля и эксперта. «Судебная Газета». № 10. 1898 г.

О вознагражденіи экспертовъ. Pleader. «Юридич. Газета». 1899 г. № 66.

О положеніи эксперта на судебномъ слѣдствіи. В. В. А. «Юрид. Газета». 1899. № 86.

О возможности расширить предѣлы нашего зрѣнія, въ связи съ оцѣнкой значенія для фотографіи въ частности и для естествознанія вообще, цвѣтодѣлительнаго способа г. Буринскаго. Д-ръ П. Н. Прохоровъ. «Русскій Архивъ Патологіи клинической медицины и бактеріологіи». 1899, т. VIII, стр. 163—178.

(Переведено на франц. языкъ: *d-r Frenkel*—Le procédé chromolytique de Bourinsky, pour photohraphier l'invisible et ses applications medico-legales. Archive d'Antropologie Criminelle. T. XV. 1900, p. 144).

Фотографія и наука. «Природа и Люди». 1899. № 37—38.

Новая отрасль фотографіи (о цвѣтодѣленіи). Проф. К. Д. Хрущова. «Фотогр. Журналъ». 1895. № 10.

Порядокъ провѣрки подлинности письменныхъ актовъ при спорахъ о подлогахъ. Евг. Буринскій. «Юрид. Газета». 1892 г. № 29, стр. I.

О судебной фотографіи. А. Кичинъ. «Юрид. Газета». 1892 г. № 29, стр. 1—2.

Отчетъ о засѣданіи членовъ V отдѣла Имп. Русск. Технич. Общества 26 февр. 1892 г., въ которомъ обсуждалось предложеніе г. Прокурора Спб. Судебной Палаты V отдѣлу принять на себя производство экспертизы документовъ. «Фотографъ-Любитель». 1892 г. № 4.

Объ экспертизѣ на судѣ. Буринскаго. «Фотографъ-Любитель», № 10 (Сообщеніе о проектѣ устройства фотогр. лабораторіи при прокурорѣ Спб. Судебной Палаты).

Объ устройствѣ судебно-фотографической лабораторіи при прокурорѣ С.-Петербургской Судебной Палаты. Отчетъ по Государственному Совѣту за время съ 1 января 1892 г. по 31 мая 1893 г. Спб. 1893 г. Т. II, стр. 265—269.

О присяжныхъ экспертахъ фотографологахъ. «Юрид. Газета». 1893 г. № 89, стр. 2.

Очеркъ дѣятельности Спб. судебно-фотографической лабораторіи за время съ 11 сентября 1889 по 11 сентября 1892 г. Е. Ѳ. Буринскаго. «Фотографическій Ежегодникъ». П. М. Дементьева. 1893 г. стр. 91.—(Разсказана исторія возникновенія лабораторіи приведены цифры изслѣдованія по разнымъ вопросамъ судебно-графической экспертизы и проч.).

40-

